

ДЖЕРАЛЬД ДАРРЕЛЛ

♦ НАТУРАЛИСТ НА МУШКЕ ♦ ЮБИЛЕЙ КОВЧЕГА ♦

♦ МАМА НА ВЫДАНИЕ ♦

♦ АЙ-АЙ И Я ♦

ДЖЕРАЛЬД
ДАРРЕЛЛ

ДЖЕР
ДАР

ДЖЕРАЛЬД ДАРРЕЛЛ

- ♦ НАТУРАЛИСТ НА МУШКЕ ♦ ЮБИЛЕЙ КОВЧЕГА ♦
- ♦ МАМА НА ВЫДАНИЕ ♦
- ♦ АЙ-АЙ И Я ♦

МОСКВА

«ЭКСМО»

2004

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Вел)
Д 20

GERALD DURRELL

HOW TO SHOOT AND AMATEUR NATURALIST

© By Gerald Durrell, 1984

© Перевод с английского Д. Воронина, 2001

THE ARK'S ANNIVERSARY

© By Gerald Durrell, 1990

© Перевод с английского Л. Жданова, 1996

MARRYING OFF MOTHER

© By Gerald Durrell, 1991

© Перевод с английского Л. Жданова, 1997

THE AYE-AYE AND I

© By Gerald Durrell, 1992

© Перевод с английского С. Лосева, 1998

Оформление художника *Е. Савченко*

Даррелл Д.
Д 20 Натуралист на мушке. Юбилей ковчега. Мама на выданье. Ай-ай
и я. — М.: Изд-во Эксмо, 2004. — 592 с.

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Вел)

НАТУРАЛИСТ
НА
МУШКЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вероятно, прежде всего мне следует привести рациональное объяснение несколько странного названия этой книги.

Если вы найдете слово «shoot» в словаре, то увидите, что среди многих его значений, включая такие, как «стрелять», «забивать гол» и «пускать по-беги», есть определение «фотографировать, производить киносъемку». Оно и лежит в основе названия этой книги, представляющей собой хронику целого года съемок, которые проводили я и моя жена, Ли, для создания десяти получасовых серий телевизионной программы «Натуралист-любитель».

Не так давно ко мне обратились с предложением написать книгу под названием (оно уже было заготовлено) «Полный справочник натуралиста-любителя». Я сразу же отклонил определение «полный», сказав, что всякий, кто пишет руководство, претендующее на полноту, заранее направляется на неприятности и использовать это прилагательное в отношении мира живой природы — где открытия происходят с такой быстротой, что у нас едва хватает времени на то, чтобы их регистрировать, — будет, по меньшей мере, опасно. Вот почему было принято решение назвать справочник просто «Натуралист-любитель».

Первоначально эта книга замышлялась как небольшой путеводитель по Британским островам. Затем кто-то сказал, что будет неплохо включить туда остальную Европу; потом кто-то еще с большей убедительностью поведал о том, как ждут такую книгу в Америке, далее, нашлись и те, кто стал говорить об огромной потребности в таком справочнике в Австралии, Новой Зеландии, Южной Африке, наперебой указывая на север, юг, запад и восток. Тут ситуация полностью вышла из-под контроля.

Я отдавал себе отчет в том, что не смогу написать такую книгу и провести для нее все необходимые исследования, в связи с чем предложил Ли перестать ограничивать себя ролью украшения моей особы, извлечь на

Д

свет свой диплом доктора философии (зброшенный со дня нашей свадьбы) и, хорошенько его проветрив, взять на себя всю исследовательскую часть, которая к тому времени, по размерам и широте охвата материала, грозила превзойти Британскую энциклопедию. Она послушно согласилась и, помогая мне в придании окончательной формы будущему сочинению (мы решили, что его структура будет основана на экосистемах вместо громоздкого и бессмысленного с точки зрения биологии деления по странам и регионам), приступила к титаническому труду по просмотру тысяч книг, проверяя и перепроверя содержащиеся в них сведения (вы просто не представляете себе, как часто ученые противоречат друг другу), обращаясь за советом к целой армии деятелей науки.

Как только поток информации хлынул на мой письменный стол, я начал постепенно превращать его в то, что Ли, нарушая субординацию, иронично называет «высокой прозой».

Работа над книгой продолжалась более двух лет, и если вся эта затея не закончилась разводом, то это исключительно благодаря долготерпению и выдержке моей жены. Книга сразу же завоевала успех, и излучающие самодовольство авторы начали задумываться о том, как провести заслуженный отпуск. Однако все так восхищались нашей книгой, что незаметно для себя мы дали согласие на съемку основанного на ней телевизионного сериала; и вот через восемнадцать месяцев после выхода книги фильм был завершен.

Продюсером сериала была назначена Пола Куигли, или, как мы ее называли, Куиггерс, наша хорошая знакомая, которую мы успели полюбить еще во время нашей совместной работы на Маврикии и Мадагаскаре, где проходили съемки многосерийного телефильма «Странствия ковчега». Это стройная, миниатюрная женщина с копной темных курчавых волос, курносая, как у пекинеса, носом и загадочными глазами, способными принимать то синий, то зеленый оттенок, в зависимости от того, что на ней надето. Она также обладает неправдоподобно длинными ресницами, которые можно сравнить разве что с жирафовыми. Кроме того, в дополнение к своему приятному женскому сопрано она обладает способностью издавать такой вопль, который мог бы принести ей первый приз на городском конкурсе крикунов, и этот ее талант оказался весьма полезным, поскольку наш скромный бюджет не позволял нам приобрести «уоки-токи» или мегафон. (При наличии в нашей команде такого человека, как Пола, эти средства коммуникации явно были бы излишними.)

Съемки проводили два режиссера, Джонатан Харрис и Эластер Браун. Эластер снял семь серий, а Джонатан шесть. Эластер имел чопорный вид, отчасти потому, что расширяющиеся залысины придавали его лбу благо-

родные пропорции. Его светло-голубые глаза, спрятанные за стеклами очков, излучали таинственный блеск, наводивший на мысли о Белом Рыцаре, а с лица не сходила ироничная улыбка. Он имел привычку медленно поворачиваться на месте, склонив голову набок, что вызывало в памяти изображение Висельника из колоды карт таро. Его манера выражаться незаконченными фразами, не имеющими очевидной связи друг с другом, сильно затрудняла общение, но, к счастью, с нами была Пола, бравшая на себя роль переводчика в тех случаях, когда Эластер приходил в сильное возбуждение и нам начинало казаться, что он разговаривает на патагонском. В противоположность ему Джонатан был темноволос, несколько мрачноват и обладал демонической красотой в духе мистера Хитклиффа¹, что в сочетании с хриплым голосом и манерой тщательно выбирать слова поначалу позволяло принять его за педанта, пока вы не замечали скрытый в его словах своеобразный черный юмор.

Мы так и не выяснили, хорошо или плохо иметь сразу двух режиссеров. Ясно лишь, что это пробуждает здоровый дух соперничества; но режиссеры, если дать им волю, начинают проявлять сверхэнтузиазм, и в нашем конкретном случае они соперничали в том, кто из них заставит нас выполнить самый опасный, леденящий душу трюк, и если бы не нежная забота Полы, мы бы не раз могли расстаться с жизнью. Ведь стоит только режиссеру мысленно представить себе какую-то сцену, как уже ничто не в силах его удержать, и очень скоро вы рискуете оказаться в графе неизбежных потерь. Эту позицию в свое время красноречиво сформулировал Альфред Хичкок: «Я никогда не высказывался в том смысле, что актеры и актрисы — скот, я лишь говорю, что с ними следует обращаться как со скотом». Как бы то ни было, теперь у меня есть возможность взять реванш.

Ко всем трудностям нашего рискованного предприятия следует добавить тот факт, что ни Пола, ни Эластер, ни Джонатан не были натуралистами. Как мы вскоре выяснили, их знания о природе могли уместиться в рюмке для яйца, оставив там еще достаточно места. После долгих раздумий, затратив немало мысленных усилий, они, пожалуй, смогли бы отличить мышь от жирафа, краба от акулы, лягушку от удава-констриктора и бабочку от орла, но это было бы для них настоящим подвигом. Однако в процессе съемок мы заметили, что они, незаметно для себя, начинают превращаться в истинных любителей природы, и это вселило в нас надежду на будущий успех нашего сериала, основной целью которого было помочь

¹ Персонаж романа Эмили Бронте «Грозовой перевал». — Прим. перев.

Д любому человеку, в возрасте от девяти до девяноста, взглянуть на мир широко открытыми глазами натуралиста-любителя.

Мы рады тому, что завершили эти съемки, несмотря на все поджидавшие нас трудности. Я не знаю, взялись бы мы за эту работу, заранее зная, с чем нам предстоит столкнуться. К тому же что ни говори, а путешествовать по всему миру за чужой счет — это всегда большое удовольствие, и хотя сам я уже видел много из того, что нам приходилось снимать, Ли раньше не имела такой возможности, и, наблюдая за непосредственной реакцией своей жены, я радовался вместе с ней.

Чтобы снять эти десять серий, мы за двенадцать месяцев преодолели сорок девять тысяч миль от Скалистых гор в Канаде до Панамы, от Южной Африки до северной оконечности Британских островов. В заключение для тех, кто думает, будто наша жизнь была сплошной экзотикой, хочу сказать, что если проводить жизнь в путешествиях интересно и приятно, то снять десять получасовых телефильмов — чертовски трудная и изнурительная задача. И если в конце пути вы все останетесь друзьями, это и будет одним из самых удивительных чудес на свете.

СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ

В книге периодически встречаются термины из мира кино. Рискую наскучить читателю, я привожу здесь краткий словарь наиболее распространенных понятий, чтобы не перегружать текст дополнительными пояснениями.

1. *Герой*. Ли, я либо кто-то еще, взявший на себя смелость представлять материал в очередной серии.
2. *Крупный план*. Заполняющее весь экран лицо со следами разгульной жизни. Ли смотрится настоящей красоткой.
3. *Средний план*. Ваш портрет, примерно до колена, на котором хорошо видно, к каким последствиям приводят годы потребления изысканной пищи и тонких вин. Ли выглядит стройной, как резвая рыбешка.
4. *Общий план*. К счастью, нас почти не видно. Деревья, горы и другие детали пейзажа отвлекают внимание от наших недостатков.
5. *Панорамный кадр*. Камера безжалостно следует за вами, слева направо или наоборот, пока вы идете (или бредете), стараясь удержать в памяти свой текст и не позволить проводу от микрофона запутаться в траве и кустах.
6. *Наезд камеры*. Вы находитесь в полумиле от камеры, и тут, когда вы меньше всего этого ожидаете, камера делает наезд, словно бы приближаясь к вашему лицу на расстояние в два фута, из-за чего становится хорошо заметно, что вы не подравнивали свою бороду. Кроме того, ввиду какой-то странной особенности сильной оптики, вы выглядите значительно менее респектабельно, чем представляете себя сами. Что же касается Ли, то, хоть меня это и бесит, я вынужден признать — она выглядит лучше, чем Джеки Онассис после продолжительного отдыха, джакузи и роскошного массажа.
7. *Озвучивание сцены*. Вы смотрите в камеру так, словно перед вами находится лучший друг, и говорите доверительным тоном, изо всех сил стараясь не забыть текст.

8. *Оговорка.* Когда вы озвучиваете сцену и говорите в камеру: «Я хочу обратить вашу сову на то, как...» вместо: «Я хочу обратить ваше внимание на то, как сова...» или произносите еще какую-то чушь. К несчастью, оговорки обладают особенностью быстро плодиться, и когда к вам привяжется одна, за ней следует и другая, в результате чего вы замечаете, что несете полную околесицу. После этого, вызвав праведный гнев режиссера, вы спешите укрыться под сенью дерева и поискать утешения у своей жены.
9. *Бюджет.* Сумма денег, тщательно рассчитанная для того, чтобы ее не хватило для выполнения стоящей перед вами задачи.
10. *Соринка в кадре.* Когда вы только что (с пятнадцатой попытки) успешно завершили съемку очень трудной сцены, оператор вдруг сообщает, что в «кадровое окно» камеры загадочным образом попала некая нефотогеничная деталь окружающего пейзажа, испортив весь отснятый материал, из-за чего вам приходится делать очередной дубль, в ходе которого вы опять оговариваетесь и забываете текст. Известны случаи, когда незадачливый оператор становился жертвой разъяренного героя и режиссера фильма.

СЕРИЯ ПЕРВАЯ

Расположенный в Провансе город Ним задыхался от жары. Люди изнемогали, проникающий в легкие раскаленный воздух, казалось, был неспособен поддерживать жизнь. Город, с его широкими, обсаженными деревьями бульварами и сетью узких улочек, наполненных запахами свежего хлеба, фруктов, овощей, сточных канав и кошек, был залит яркими лучами солнца, поджаривающими его на медленном огне.

В центре города находилась огромная римская арена, похожая на извлеченную из морских глубин средневековую корону, покрывшуюся за много лет слоем кораллов. Она ярко сверкала под безжалостными лучами солнца, и во всех ее углублениях и трещинах прятались от жары полуживые голуби. От дерева к дереву бесцельно бродили собаки с ажурными лентами слюны, сбегавшей с языка. Неугомонно стрекотали цикады, укрывшиеся на огромных пятнистых платанах, протянувшихся вдоль бульваров. Кубики льда в стакане таяли у вас на глазах. Вас интересует температура воздуха? Было достаточно жарко для того, чтобы запечь целого быка в песке римской арены, сварить всмятку яйцо в прудах и фонтанах

Jardin de la Fontaine или приготовить тост на черепице любой из городских крыш — по крайней мере, нам так казалось. Температура в тени превышала 38°C, отчего кожа походила на липкую резиновую оболочку, под которой не могло существовать что-либо живое. Сидней Смит как-то раз пожаловался, что однажды из-за сильной жары ему хотелось скинуть с себя плоть и обнажиться до костей. Мы прекрасно понимали, что он в тот момент чувствовал.

В нашем доме, расположенном на окраине города, там, где берет начало сухое, как трут, плато Гарриг, проводили косметический ремонт — штукатурили стены, перестилали черепицу, меняли двери. В такой зной было крайне трудно спорить и взывать к совести оглушенных жарой каменщиков, плотников и водопроводчиков, доведенных до изнеможения простой необходимостью пропускать через легкие раскаленный воздух. Именно в этот момент мы услышали о том, что все контракты, связанные со съемками фильма «Натуралист-любитель», подписаны и мы можем приступать к ним немедленно. Первая серия нашего фильма была посвящена представителям животного мира, населяющим скалистые морские побережья, и мы собирались показать, что береговая линия, как и поверхность утесов, разделена на определенные зоны обитания.

Говорят, что резкая смена обстановки действует благотворно. Что ж, нам выпала прекрасная возможность проверить это утверждение на себе. Оставив залитый солнцем Ним с носовым провансальским говором Панча и Джуди, мы вылетели на крайний север Великобритании, на Шетландские острова, и вскоре оказались на острове Анст, где воздух был ласковым, не теплее, чем парное молоко, а речь смазанной и расплывчатой, словно мягкое жужжание шмеля.

После обычной неопишуемой неразберихи, которая возникает всякий раз, когда вы доверяете организацию своей поездки так называемым экспертам из бюро путешествий, мы неожиданно для себя обнаружили, что уже летим над зелеными ландшафтами приглушенных пастельных тонов, и вскоре наш самолет приземлился на посадочной полосе аэропорта в Абердине. Здесь мы встретились с нашей съемочной группой. Оператор Крис, низкорослый бородатый крепыш, всем своим видом излучавший компетентность и уверенность, походил на добрейшего гнома с иллюстрации к детской книге сказок. Наш звукооператор Брайан, элегантный мужчина с темными вьющимися волосами и холеной внешностью, скорее напоминал банковского менеджера из Пенджа или Сербитона, чем того, кто готов часами лежать в кустарнике, магически улавливая звуки живой природы. Помощник Криса, молодой симпатичный парень по имени Дэвид, в первый момент заставил меня пережить настоящий шок. Приближаясь

Д

к нам по залу ожидания, он двигался, как человек, страдающий тяжелой формой нервного заболевания, даже более жестокого, чем пляска святого Витта. Мне показалось странным, что парня с таким серьезным недомоганием взяли работать помощником оператора. Только когда он подошел поближе, я обнаружил, что его судорожные движения вызваны какой-то дикарской музыкой, доносящейся из прицепленного к поясу «уолкмана», и мое сострадание к нему тут же пропало.

Абердин — красивый, чистый городок с величественными фасадами домов, чьи серые шиферные крыши напоминают прически в стиле «битлз», улицами, украшенными клумбами разноцветных роз с огромными шелковистыми лепестками, усаждающими взор и обоняние. Я был рад тому, что из-за возникших сложностей мы уже не успевали попасть на Шетландские острова к назначенной дате и поэтому были вынуждены вылететь из Абердина в Леруик, самую южную оконечность центрального острова, а потом добираться до Анста на микроавтобусе по шоссе и в качестве вознаграждения по пути дважды переправляться на морском пароме.

Первое, что здесь поражало, это цвета. Они были такими нежными, что казалось, будто поверх зеленой или коричневой краски нанесли тонкий слой мела, а низкие, скульптурно вылепленные облака имели те же самые серые и бледно-кофейные тона, что и овечья шерсть, развешанная на заборах и живой изгороди. Мягкие, молочно-изумрудные оттенки низких, округлых холмов переходили в шоколадные и розовато-лиловые там, где рос вереск. Тянувшиеся вдоль дороги живые изгороди украшал золотой орнамент из лютиков и одуванчиков, местами охваченный языками пламени пурпурного вербейника, а в сырых низинах лепестки ярко-желтых ирисов поднимались, словно знамена, среди армии зеленых листьев-мечей. По какой-то причине эта местность напоминала мне Новую Зеландию с ее холмистыми просторами, дорогами, почти полностью лишенными транспорта, и тем же самым чувством уединенности. Кое-где вереск был скошен и из земли вырезаны куски торфа. Эти кирпичи торфа, пряного и темного, словно кекс с коринкой и изюмом, были выложены для просушки огромными беспорядочными кучами рядом с крохотными домиками ферм. Наконец мы добрались до нашего мотеля, расположенного на берегу моря, и едва успели устроиться в своих номерах, как к нам присоединился Джонатан, предусмотрительно прихвативший с собой бутылку божественного нектара — бледно-желтого «Гленморанжа».

— Итак, — сказал Джонатан, сделав первый пробный глоток, — завтра мы отправляемся на белые скалы — те, что у мыса Германес. Там живет большая колония бакланов. Вначале мы спускаемся с утеса...

— Минуточку, — вмешался я. — Какой утес? Мне ничего не говорили про утесы.

— Обычный утес, — небрежно бросил Джонатан. — На нем гнездятся самые различные виды птиц — кайры, тупики, моевки и прочие. Это одна из самых больших гнездовых колоний морских птиц в Северном полушарии.

— Так что же все-таки насчет утеса? — вновь спросил я, не позволяя сбить себя с толку.

— Ну, нам потребуется спуститься с него, — сказал Джонатан, — иначе мы не сможем снять птиц.

— А он высокий?

— Нет, не очень, — уклончиво ответил он.

— И все-таки, какова его высота?

— Что-то около... четырехсот-пятисот футов, — ответил он, а затем, увидев выражение моего лица, поспешно добавил: — Вниз ведет отличная тропа; ею постоянно пользуются зрители.

— Кажется, я говорил, что высота вызывает у меня сильное головокружение, не так ли, мистер Харрис?

— Говорил.

— Я понимаю, глупо страдать от такой слабости, но что поделаешь. Я не раз пытался ее побороть — ничего не помогает. Стоит мне на секунду потерять под ногами твердую почву — и я потом две недели страдаю от головокружений. Вот до чего доходит.

— Понимаю, — произнес Джонатан с притворным сочувствием, — но на сей раз все будет в полном порядке. Это проще, чем с бревна упасть.

— Не могу поздравить тебя с удачным выбором метафоры, — едко заметил я.

Ко всеобщему удивлению, за ночь облака рассеялись, и наутро мы оказались под голубым небом, чья яркость была почти под стать средиземноморской. Джонатан кипел от радостного возбуждения.

— Восхитительный день для съемок, — сказал он, пристально посмотрев на меня сквозь стекла очков. — Как самочувствие?

— Если тебя интересует, не прошла ли чудесным образом за ночь моя болезнь, то ответ будет отрицательным.

— Я уверен, все будет хорошо, — произнес он с некоторым беспокойством. — Тропы там и в самом деле просто отличные. Ими пользуются много лет, и еще не было ни одного несчастного случая.

— Мне бы не хотелось создавать прецедент, — признался я.

Мы проехали на машине так далеко, как смогли, после чего пошли пешком по склонам, заросшим вереском и изумрудно-зеленой травой, к

Д

величественным утесам Германеса. В зарослях невинные липкие личики росянки поворачивались в сторону любого оказавшегося поблизости насекомого, готовые поймать и проглотить его, — эти крохотные спруты буквально кишели среди переплетенных, как ведьмино помело, корней вереска. Над зелеными полянами, гладко выстриженными пасущимися овцами, словно лужайки для игры в шары, возвышалась пушица, росшая здесь в изобилии. Издалека ее скопления напоминали заснеженные поля, но стоило вам приблизиться и пройти по этому снегу, как к небу поднимались миллионы белых кроличьих хвостиков, беспорядочно мельтешащих на ветру.

Над нашими головами, раскинув огромные крылья, кружили темно-шоколадные поморники, внимательно приглядывавшие за нами, поскольку в зарослях вереска укрывались их птенцы. Вскоре мы нашли одного малыша, размером с небольшого цыпленка. Покрытый светло-коричневым пухом, с черными щеками и клювом и пронизывающим взглядом огромных темных глаз, он был очаровательным ребенком. Когда мы с Ли бросились за ним сквозь вересковые заросли, его родители тут же начали пикировать на нас — воистину незабываемое зрелище. Раскинув напряженные крылья, они устремлялись на нас с высоты, со свистом рассекая воздух, похожие на причудливые светло-коричневые «Конкорды». В самое последнее мгновение, всего лишь в нескольких футах от наших голов, они резко сворачивали в сторону и, сделав круг, повторяли все снова. Ли вскоре удалось поймать птенца, после чего родители сосредоточили на ней свои атаки. Я знал, что поморники способны сбить человека с ног ударом крыла, и поэтому поскорее забрал у нее малыша. Родители тут же переключили свое внимание на меня, подбираясь все ближе и ближе с каждым новым заходом, и ветер гудел у них в крыльях, когда они пикировали вниз. Вначале я инстинктивно пригибал голову, но вскоре обнаружил, что если подпустить их на дюжину футов, а затем резко взмахнуть руками, то они тут же отклоняются от курса.

— Давайте снимем несколько кадров о поморниках, с этим очаровательным малышом у тебя на коленях, — предложил Джонатан.

Итак, камера была установлена и микрофон спрятан у меня на шее. Наша подготовительная деятельность усилила волнение родителей-поморников, и они начали проводить свои атаки с удвоенной энергией, пикируя то на меня, то на камеру, каждый раз пролетая в опасной близости от нас. Когда камера была готова, я присел на корточки в зарослях вереска, устроив толстого птенца у себя на коленях. Я только открыл рот, чтобы начать свою увлекательную лекцию о поморниках, как малыш привстал, неожиданно клюнул меня в большой палец, заставив упустить нить повест-

ования, а затем начал громко и обильно испражняться прямо на мои колени.

— Природа естественна во всех своих проявлениях, — прокомментировал Джонатан, пока я очищал носовым платком свои брюки от липкой, пахнущей рыбой жижи. — Хотя вряд ли мы сможем использовать *такой* кадр в будущем фильме.

— Когда закончишь смеяться, — сказал я, обращаясь к Ли, — можешь взять этого проклятого птенца и выпустить его. Мне кажется, с меня уже хватит на сегодня интимного общения с поморниками.

Она взяла моего толстого, пушистого друга и, отойдя в сторону на два десятка футов, посадила его в вереск. Он тут же бросился наутек, низко припав к земле и выбрасывая в стороны ноги, живо напоминая своей манерой бега пожилую полную даму в меховой шубе, пытающуюся успеть на отъезжающий автобус.

— Какой он милый, — с сожалением произнесла Ли. — Мне бы так хотелось, чтобы он у нас остался.

— А мне ничуть, — признался я. — С ним все наши деньги уходили бы на оплату счетов из химчистки.

Безусловно, поморники одни из самых грациозных хищников неба. Подобно бронзовым от загара пиратам, они неотступно преследуют других птиц, заставляя их бросить пойманную рыбу. После этого поморник камнем бросается вниз и подхватывает добычу прямо на лету. Известны даже случаи, когда эти наглые морские разбойники щипали бакланов за кончики крыльев, заставляя их выпустить рыбу. Поморники едят все подряд, и они не побрезгуют украсть рыбу у взрослой птицы, будь то баклан или кайра, а затем полакомиться яйцами или даже птенцами из ее гнезда.

Мы продвигались вперед, встречавшиеся нам по пути стада овец походили на взбитые сливки, разбрызганные по зеленой скатерти дерна, над головой ярко сияло солнце. Наслышанные о суровом климате Шетландских островов, мы предусмотрительно укутались с головы до ног, и теперь, почувствовав, что пот стекает с нас ручьями, начали скидывать с себя куртки и пуловеры. Вскоре поверхность земли пошла под уклон к отвесным скалам, за которыми раскинулся Атлантический океан, синий, словно цветы горечавки. Повсюду порхали каменки-попутчики, и их хвостики вспыхивали, словно маленькие белые огоньки, когда они танцевали в воздухе прямо перед нами. Два ворона, черных, как траурные повязки, медленно летели вдоль края обрыва, скорбно каркая друг другу. Высоко в небе завис жаворонок, и на нас журчащим ручейком лилась его дивная песня. Если бы падающая звезда могла петь, мне кажется, она бы пела, как жаворонок.

Д

Вскоре мы подошли к краю утеса. Примерно в шестистах футах под нами гигантские голубые волны, поднимая тучи брызг, прокладывали себе путь среди скал, похожие на клумбы белых хризантем. Воздух был наполнен ревом прибоя и криками тысяч и тысяч морских птиц, подобно снежной буре круживших между скал. Их количество поражало воображение. Тысячи бакланов, моевок, глупышей, гагарок, чаек, поморников и десятки тысяч тупиков. Неужели в море хватает рыбы, чтобы прокормить эту разноголосую воздушную армию с ее многочисленными семействами, заполнившими поверхности утесов?

У края утеса, там, где земля достаточно мягкая, чтобы ее копать, находится особая зона расселения тупиков. Здесь они роют свои норы с помощью сильных клювов и лап. Тупики расположились плотными группами, и они почти позволяли на себя наступить, прежде чем броситься с края утеса и улететь прочь, быстро взмахивая крыльями, при этом их лапки болтались сзади, словно маленькие оранжевые ракетки для пинг-понга. Стоило посмотреть на зеленые вершины скал, усеянные многими сотнями этих важно расхаживающих птиц в аккуратных черно-белых смокингах, с огромными клювами в оранжево-красную полоску, напоминавшими карнавальными носы. Возникало впечатление, что присутствуешь на съезде клоунов. В дополнение к такому изначально забавному виду у многих птиц, только что вернувшихся с рыбной ловли далеко в море (порою в поисках добычи они отлетают от берега на триста километров), по обеим сторонам ярко раскрашенных клювов свисали аккуратно собранные пригоршни песчанок, похожие на усы из рыбы. Самое удивительное в том, что песчанки всегда ориентированы головой к хвосту, как сардины, аккуратно сложенные в консервной банке. То, как эти птицы умудряются ловить мелкую рыбешку и складывать ее в своем клюве столь тщательным образом, несомненно, является их величайшим искусством.

Пройдя дальше вдоль края утеса, мы наткнулись на двух человек, занятых крайне любопытным занятием — ужением тупиков. Я знаю, что в отдаленных уголках земного шара аборигены порой ведут себя весьма экстравагантно, но никогда ранее мне не доводилось видеть что-либо подобное. Присев на ягодицы, они медленно съезжали к краю обрыва, где расположилась группа степенных тупиков, настороженно наблюдающих за их приближением. Один из мужчин держал в руках длинный шест с петлей на конце. Наметив себе жертву, он осторожно подкрался к ней, ловко манипулируя петлей, набросил ее на одну из оранжевых лапок тупика, а затем подтащил к себе быющую крыльями, кудахчущую птицу; и, оказавшись в пределах досягаемости его напарника, она попала к нему в руки. Я подумал, что это достаточно странная манера обхождения с птицами

в месте, которое, в конце концов, является заповедником. Однако, когда мы подошли поближе, я понял, что они прикрепляют кольцо на лапку тупика. Такие кольца служат для тупика своеобразным паспортом или идентификационной карточкой. Если птицу потом найдут больной или мертвой либо она просто попадет в сеть, кольцо на ноге скажет о том, где и когда она была окольцована. Разумеется, для птиц эта процедура является своего рода бюрократией, но она позволяет нам узнать много нового о загадочной жизни морских птиц вдали от берега, в перерывах между брачными сезонами.

Два зрителя рассказали нам о том, что на скалах мыса Германес сотни тысяч тупиков выводят свое потомство, и только в течение периода размножения птицы выходят на берег и их можно отловить для кольцевания. Они передали мне своего пленника, чтобы я сказал несколько слов в камеру о тайнах, связанных с жизнью тупиков, и мне очень быстро пришлось испытать на себе, что при всей своей комичной внешности и кажущемся тупоумии тупики отлично знают, как за себя постоять. Я достаточно беспечно взял тупика на руки, и через мгновение толстый, похожий на бритву клюв, словно гигантская крысоловка, защелкнулся на моем большом пальце, а острые, как иглы, когти, ничуть не уступающие копытам, начали раздирать мне руки. Закончив произносить перед камерой свой монолог, я был счастлив поскорей освободить воинственного приятеля и позволить Ли оказать первую помощь моим израненным рукам.

— Теперь, после того как меня чуть не разорвал на части тупик, — обратился я к Джонатану, — какие еще испытания для меня заготовлены?

— Теперь нам предстоит спуститься вниз, — ответил Джонатан.

— И где же? — поинтересовался я.

— Прямо здесь, — сказал он, показывая на край утеса, который, насколько я мог видеть, почти отвесно обрывался к морю, плещущемуся у его основания шестьюстами футами ниже.

— Но ты обещал мне спуск по тропе, — запротестовал я.

— Так вот она, — сказал Джонатан. — Если ты подойдешь к краю, то сам сможешь ее увидеть.

Соблюдая максимальную осторожность и борясь с начинающимся приступом тошноты, я приблизился к краю. Петля среди пучков травы и армерий, вниз сбегала едва различимая линия, выглядевшая так, словно в далеком туманном прошлом этот извилистый путь протоптало стадо одурманенных козлов, которые, шатаясь, спускались по отвесной стене, чтобы предаться у ее подножия пьяной оргии.

— И это ты называешь тропой? — поинтересовался я. — Если бы я

Д

был серной, то, возможно, согласился бы с тобой, но ни один человек, рожденный женщиной, не сможет здесь спуститься.

Пока я говорил, Крис, Дэвид и Брайан со своими тяжелыми рюкзаками, нагруженными съемочной аппаратурой, прошли мимо меня и исчезли внизу на покрытой тенью тропе.

— Только и всего, — сказал Джонатан. — Здесь нет ничего страшного. Нужно лишь расслабиться. Я буду ждать вас внизу.

С беспечным видом он начал спускаться по почти отвесной скале. Ли и я посмотрели друг на друга. Я знал, что она тоже страдает от головокружений, но не в такой острой форме, как я.

— Ты не помнишь, в наших контрактах где-нибудь говорится о том, что мы обязаны заниматься скалолазанием? — поинтересовался я.

— Вероятно, в каком-то из примечаний, — печально ответила она.

Сотворив быстренькую молитву, мы начали свой путь вниз. Путешествуя по всему свету, мне не раз приходилось испытывать страх, но спуск с этого утеса по остроте ощущений с лихвой перекрыл весь мой прошлый опыт. Остальные шагали по едва различимой тропе так, словно это была широкая, ровная автострада, в то время как я сползал на животе, отчаянно цепляясь за пучки травы и маленькие растения, которые, конечно же, легко расстались бы с поверхностью скалы при более значительном усилии с моей стороны, мелкими шажками продвигаясь по тропе шириной в шесть дюймов, изо всех сил стараясь не смотреть в ту сторону, где скала почти отвесно уходила вниз, мои руки и ноги отчаянно дрожали, а тело стало липким от пота. Это было постыдное зрелище, и я чувствовал себя ужасно неловко, но поделать с собой ничего не мог. Страх высоты невозможно вылечить. Когда я все-таки добрался до подножия утеса, мышцы на моих ногах дрожали так сильно, что мне пришлось присесть на десять минут, прежде чем я снова смог ходить. Я позволил себе несколько резких высказываний в адрес предков Джонатана и предложил ему совершить над собой несколько процедур — к несчастью, трудновыполнимых.

— Что ж, тебе удалось спуститься вниз в полной сохранности, — заметил он. — Теперь осталось побеспокоиться лишь о том, как вновь подняться наверх.

— Меня это не волнует, — резко ответил я. — Ты можешь спустить сюда палатку и организовать доставку продуктов, а мы устроим здесь свою резиденцию — отшельники острова Анст.

Говоря по правде, место для этого подходило как нельзя лучше. Там, где заканчивалась так называемая тропа, находилась ровная площадка, покрытая дерном, и с нее открывался хороший вид на поверхность утеса в двух направлениях. Береговая линия представляла собой нагромождение

огромных валунов, некоторые из них были размером с просторную комнату, и между ними ревело и пенилось темно-синее бушующее море. Вся скалистая береговая линия, насколько мог видеть глаз, была усеяна птицами, а в небе их было столько, что они напоминали гигантские снежинки, кружащиеся над нашими головами. Какофония их криков была просто ужасающей. Повсюду виднелись кучки кайр, тесно жмущихся друг к другу на своем уступе. Многие из них сжимали между лап свое единственное, ярко раскрашенное яйцо. Яйца зеленые, коричневые, желтые, желтовато-коричневые, в крапинку и в пятнышках — и среди них, подобно отпечаткам пальцев, ни одной идентичной пары. Их странные, брюзжащие голоса эхом отдавались среди скал, когда они толкались друг с другом или поучали птенцов. Их брачный сезон уже давно закончился, но мне приходилось наблюдать этот необычный ритуал ухаживания кайр в других местах. Пожалуй, самой любопытной частью брачного ритуала является своеобразный групповой танец птиц на поверхности моря. Кайры извиваются и кружатся, танцуя над волнами, а затем, совершенно внезапно, словно бы повинувшись какому-то таинственному сигналу, они все одновременно ныряют и продолжают свой танец под водой. В то же самое время отдельные группы совершают в воздухе фигуры высшего пилотажа, и можно наблюдать, как сотни птиц кружатся, машут крыльями, пикируют и взмывают в небо так, словно они представляют собой единое целое. Какими мгновенными сигналами они обмениваются друг с другом для достижения такой необычайной синхронности полета, разглядеть нельзя, но сигналы должны существовать, поскольку без них подобная согласованность действий просто невозможна.

На других уступах находились слепленные из корней и глины гнезда моевок — опрятных, скромных на вид чаек. В то время как другие виды чаек оставили морские просторы и теперь промышляют на суше, обследуя пашни и городские свалки, консервативные моевки сохранили свою преданность морю. Это такое хрупкое, застенчивое маленькое существо, что когда оно вдруг открывает клюв и издает хриплый пронзительный крик, от неожиданности можно испытать настоящий шок. Я заметил, что моевки Германеса великие садовники; сидя в своих гнездах, они постоянно заняты тем, что перекалывают с места на место корешки, гальку и комочки глины, делая удобные колыбельки для своих яиц.

Ниже моевок, среди камней и скал, расположились красавицы гагарки в элегантном черно-белом оперении, с клювами, похожими по форме на опасную бритву, тонко ооконтуренными белыми полосками. Они выглядели как группа одетых с иголки банкиров. Однако время от времени какая-то из птиц впадала в экстатическое состояние — задирала клюв к

Д

небу, шелкала им, словно парой кастаньет, а партнер нежно пощипывал ее за шейку и чистил перышки. Лично я никогда не видел, чтобы банкиры (даже самые компанейские) предавались такой процедуре.

На отдельных участках скал гнездились глупыши с темно-серыми спинками и хвостами, белыми грудками и головами. В них есть любопытное сходство с голубями, которое еще больше усиливается за счет трубчатых ноздрей. Хотя внешне они кажутся миролюбивыми и даже робкими птицами, глупыши славятся тем, что они прекрасно умеют защищать свое потомство. Стоит вам слишком близко подойти к их гнезду, родители широко откроют клюв и выпустят в вас струю зловонной клейкой жидкости, причем с необычайной точностью. Когда я рассказал Джонатану об этой особенности глупышей, он тут же загорелся идеей отправить меня на приступ гнезда, чтобы заснять на пленку тот момент, когда родители меня окатят. В ответ я заметил, что такого пункта совершенно точно нет в моем контракте и мне совсем не по душе весь остаток дня источать вокруг себя запахи китобойного судна. Я также сказал ему, что мои брюки, украшенные испражнениями птенца-поморника, положили конец моей готовности продвигаться в данном направлении.

Процесс разделения этих скал на отдельные зоны был достаточно очевиден. На первый взгляд они напоминали гигантское хаотичное сборище птиц, сбившихся в общую кучу, но при более внимательном рассмотрении вы замечали, насколько четко здесь все разграничено. Длинноносые бакланы занимали весь первый этаж, выше размещались гагарки, кайры и чистики. На верхних уступах располагались ряды моевок и глупышей, а над ними, на самой вершине утеса жили похожие на клоунов тупики. Среди потрескавшихся, влажных от брызг морского прибоя скал, в щелях и пещерах, сформированных огромными валунами, укрывались длинноносые бакланы, их зеленовато-черное оперение блестело, словно полированное, а зеленые глаза сверкали, как драгоценные камни. Когда мы пробирались над их гнездами, коренастые, шоколадного цвета птенцы в страхе припадали к земле, но родители отпугивали нас хриплым карканьем, открытыми клювами, горящими глазами и поднятыми, растопыренными хохолками. Полагаю, нужно быть отчаянным храбрецом, чтобы сунуть руку в гнездо длинноносого баклана, поскольку их клювы кажутся не менее острыми, чем лезвие ножа.

На больших скалах, лежащих в море, или, как их еще называют, «столбах», гнездились большие бакланы. Очень похожие с виду на длинноносых бакланов, они отличаются от них отливающим бронзой оперением и белыми пятнами на подбородке и щеках. Большие бакланы сидят на скалистых уступах, раскинув крылья в геральдической позе. Они выглядят в

точности так же, как те фигуры на гербах, которые можно встретить на гигантских воротах, охраняющих въезд в средневековый французский замок. Мне кажется, когда баклан сушит крылья, в его внешнем облике появляется что-то доисторическое. Возможно, птеродактили сидели в такой же странной позе.

С нашей обзорной площадки у самой береговой линии был хорошо виден расположенный прямо напротив нас, примерно в сотне футов от берега, огромный утес, напоминающий по форме гигантский кусок сыра чеддер, поставленный на основание. Но если взглянуть на него с более близкого расстояния, то он приобретал сходство с многоярусной, крайне захлавленной каминной полкой, заставленной дюжинами безвкусных безделушек из белого фарфора с надписями типа «Привет из Боримута». Это был птичий город, белая скала, где нашли себе пристанище десятки тысяч олуш. Их несмолкающие визгливые голоса ударили вам в уши, как почти осязаемая волна звука. Сказать, что этот птичий город находился в непрерывном движении, значит не сказать ничего. В сравнении с ним Нью-Йорк в час пик показался бы полностью вымершим. Здесь олуши высиживали птенцов, кормили их, флиртовали, спаривались, чистили перышки и без усилий взмывали в воздух на своих шестифутовых крыльях. Сливочно-белые тела, черные как смоль кончики крыльев, оранжевые загривки и головы делали их необычайно красивыми. Ступая по земле несколько неуклюже, вразвалку, они тут же преображались, когда взлетали с утеса и начинали скользить по воздуху, словно самые элегантные и грациозные летательные аппараты. Со своими длинными, заостренными с черными кончиками крыльями, острыми хвостами и голубыми клювами в форме кинжала они казались необычайно сильными и даже смертоносными созданиями. Мы наблюдали за тем, как они парят в голубом небе и, почти не взмахивая крыльями, используя лишь различные потоки воздуха, двигаются плавно, точно скользящий по льду камень. Вот они подлетают к утесу, почти касаются его кончиками крыльев, а затем разворачиваются, складывают крылья и приземляются так быстро, что глаз просто не успевает уловить это движение. Только что вы видели в небе большой черно-белый крест, а через какое-то мгновение он превратился в одного из многих шумных и беспокойных обитателей птичьей колонии.

Чуть дальше, в открытом море, мы наблюдали за их невероятной техникой рыбной ловли в действии. Олуши парят примерно в сотне футов над волнами, пристально всматриваясь в глубину своими бесцветными глазами. Неожиданно они разворачиваются на лету и камнем падают вниз, сложив за спиной огромные крылья, что делает их похожими на живой наконечник стрелы. Они входят в воду на огромной скорости и, подняв в

Д

воздух фонтан брызг, исчезают под поверхностью волн, чтобы через несколько мгновений вынырнуть с зажатой в клюве рыбой. Когда тридцать или сорок олуш, напав на косяк рыбы, начинают почти одновременно пикировать за добычей, это такое необычайное зрелище, что от него просто захватывает дух.

Мы напряженно работали весь день, снимая гигантский птичий базар, прервавшись лишь для того, чтобы перекусить на природе. Небо оставалось безоблачным, и под яркими лучами солнца, отражающимися от воды, все сильно обгорело. Лицо Ли так покраснело, что я даже сказал, что она выглядит, как тупик в парике, но почему-то это сравнение ничуть ее не позабавило. К вечеру нам удалось заснять на пленку морских птиц, занимающихся всеми возможными видами деятельности, и это была огромная привилегия — провести день в близком соседстве с таким количеством разнообразных птиц, которые, привыкнув к нашему присутствию, перестали обращать на нас всякое внимание и продолжали заниматься своими важными повседневными делами: воспитывать потомство, заниматься любовью с партнером, ссориться с соседями — и все это выглядело очень по-человечески.

Когда свет начал тускнеть и небо из голубого превратилось в бледно-лиловое, мы упаковали нашу аппаратуру и с сожалением покинули птичье царство. Я обойду молчанием свой подъем на утес; достаточно будет сказать, что он дался мне еще тяжелее, чем спуск, и, добравшись до вершины, я тут же рухнул на траву, как можно дальше от края обрыва, и неподвижно лежал на спине, уставившись в бледное вечернее небо, в то время как Джонатан, проявив редкую христианскую добродетель, раскопал в своей сумке бутылку «Гленморанжа» и усердно меня им отпаивал. Затем мы шли обратно по бархатистому дерну, через заросли вереска, фиолетово-коричневые в сумеречном свете, через пушицу, мерцающую вокруг, и под равномерный свист крыльев огромных поморников, пикирующих на нас в темноте.

Казалось невероятным, что за один день нам удалось отснять весь основной материал, необходимый для выпуска серии о морских птицах. Нам осталось лишь сделать несколько общих планов, и мы отложили их на следующий день. Наша съемка на величественных утесах Германеса была закончена, и мы вернулись на остров Джерси.

Здесь мы планировали снимать жизнь на скалистых морских побережьях. При скромном размере девять на пять миль остров имеет сильно изрезанную береговую линию, и в результате протяженность полосы скалистого побережья была просто огромной для такой маленькой площади. Другое положительное обстоятельство заключалось в том, что море вокруг

острова относительно чистое, а огромный тридцатичетырехфутовый прилив при отступлении оставлял после себя акры и акры замечательных каменных заводов, кишащих морскими созданиями всех мыслимых форм.

Море — удивительный мир. Это все равно, как если бы мы имели по соседству с собой другую планету, настолько необычны и причудливы населяющие его живые существа, настолько они красочны и разнообразны. С точки зрения натуралиста морская приливно-отливная зона представляет собой любопытнейшую экосистему, где многие создания живут в крайне беспорядочных условиях, в одни периоды времени находясь на глубине нескольких футов под бушующими волнами, а в другие оставаясь брошенными на суше. Разумеется, методы адаптации к такой суровой жизни многочисленны и разнообразны. Возьмем, для примера, обыкновенного моллюска-блюдечко, вид настолько распространенный, что на него обычно не обращают внимания. Он превосходно приспособился к окружающим условиям. Его раковина, имеющая форму шатра, отлично противостоит разрушительной силе прибоя. У самого моллюска в процессе эволюции развилась округлая мускулистая нога, при помощи которой он прочно прикрепляется к скале. Насколько прочно, вы можете проверить сами, попробовав оторвать от камня блюдечко собственными пальцами. Подошва ноги образует своеобразную присоску, и именно она позволяет моллюску держаться так цепко. Блюдечко имеет специальные жабры, которые, словно накидка, окружают его тело. Если при отливе эта нежная ткань высохнет, животное не сможет дышать и погибнет. Но раковина моллюска прилегает к скале так плотно, что в ней сохраняется определенный запас воды, и жабры остаются влажными до самого прилива. Такое плотное примыкание обусловлено тем, что моллюск раковиной и присоской постоянно подтачивает камень. Это приводит к двум последствиям: в камне появляется округлое углубление, соответствующее по размерам раковине, а сама раковина, стираясь, еще плотнее прилегает к скале.

Когда блюдечко кормится, оно медленно передвигается по покрытым водорослями камням, выдвинув маленькую головку с парой щупальцев-рожек и раскачивая тело из стороны в сторону. Это позволяет пустить в ход язычок, или радулу, — похожий на полоску орган, снабженный микроскопическими роговыми пластинками, которые соскребают со скал различные водоросли. Когда блюдечки «пасутся», они описывают довольно большие круги, удаляясь от своего домашнего углубления. Разумеется, чтобы не засохнуть, для моллюсков жизненно важно вернуться домой до начала отлива; поэтому у них выработался удивительный инстинкт привязанности к своему месту, или «чувство дома», принцип действия которого до сих пор остается загадкой, поскольку совершенно очевидно, что он никак не свя-

Д

зан с их слабо развитыми органами зрения, обоняния и осязания. Приятно думать, что даже такие заурядные создания, как блюдечки, до сих пор скрывают в себе неразгаданные тайны и в мире природы все еще есть загадки, которые натуралисты-любители могут изучать и даже пытаться разгадать. Половая жизнь блюдечек кажется крайне запутанной для всех, кроме них самих. Подобно многим другим морским животным, они с достаточной легкостью меняют свой пол, и есть свидетельства, говорящие нам о том, что молодые блюдечки по большей части самцы, в то время как пожилые особи преимущественно дамы. Многие блюдечки вступают в жизнь и достигают зрелости самцами, а затем до конца своих дней превращаются в настоящую даму. Наряду с этой любопытной особенностью блюдечки, в отличие от сухопутных улиток, выбрасывают свое будущее потомство прямо в море; оно развивается в микроскопическом, свободно плавающем планктоне до тех пор, пока не начнет относиться к жизни серьезно и не осядет на скалах.

Блюдечки ведут существование в этом полувлажном-полусухом мире в компании с огромным количеством других существ: брюхоногие моллюски (каллиостомы), мокрицеподобный тритон, рачок-бокоплав, различные морские водоросли, некоторые губки и многие камне- и древоточцы. Но самые красочные и необычайные создания можно обнаружить в прозрачных каменистых заводях, остающихся после отлива. Здесь наряду со странными методами размножения вы найдете оригинальные приемы обороны и потрясающие способы добывания пищи. Возьмем, для примера, обычную морскую звезду. Это существо способно не только раздвинуть створки раковины мидии (это уже само по себе немалый подвиг, в чем вы сами могли убедиться, если когда-либо пытались открыть устрицу), но и, кроме того, когда створки приоткрыты на достаточное расстояние, морская звезда выворачивает наружу желудок, проталкивает его в раковину и начинает процесс пищеварения.

Здесь же можно встретить один из видов оболочников, принадлежащих к классу аппендикулярий, с красивым, несколько по-восточному звучащим именем *Oikopleura*, — крошечное, похожее на головастика существо, использующее весьма изощренное приспособление для добычи пищи. Оно строит из слизи необычную ловушку для планктона, имеющую вид домика — миниатюрного, студенистого и совершенно прозрачного, — в котором *Oikopleura* сидит, производя волнообразные движения хвостом, благодаря чему в домике создается ток воды. В верхней части домика имеются два входных отверстия, затянутых очень частой защитной решеткой, которая позволяет проникать внутрь лишь самым мелким пищевым частицам. Внутри домика находится еще одна слизистая решетка, улавливающая

мельчайший планктон. В этой слизистой оболочке имеется и так называемый «аварийный выход», через который *Oikopleura* может покинуть домик в случае появления врага.

Если методов добывания пищи легион, то не меньшее их разнообразие существует в способах обороны и спасения жизни — от актинии, способной пустить вам в глаза струю воды, если вы ее потревожите, до зеленого краба, который, если поймать его за ногу, может самопроизвольно ампутировать ее за счет резкого мышечного сокращения, а затем отрастить другую. Осьминоги, кальмары и нежные каракатицы выбрасывают чернильное облако, чтобы сбить с толку и ослепить врага, пока они спасаются бегством. Морская звезда может спокойно пожертвовать в сражении несколькими лучами, поскольку ей ничего не стоит обзавестись новыми. Морской гребешок, уходя от преследования, использует принцип действия реактивного двигателя, выпуская струю воды, достаточно сильную для того, чтобы раковина переместилась на несколько дюймов вдоль морского дна.

Способы размножения обитателей подводного мира поражают разнообразием форм. Например, устрица обычно начинает жизнь как мужская особь, затем меняет свой пол на женский, а впоследствии, чтобы окончательно всех запутать, производит попеременно то сперму, то яйца. Оболочки, относящиеся к классу бочоночников, вообще имеют крайне сложную жизненную историю. Яйцо сначала развивается в личинку, которая со временем превращается во взрослого бочочника. Затем в определенной части тела бочочника развиваются почки. Эти почки перемещаются на хвостовой отросток и сидят там, прикрепившись стебельками к родителю. Через некоторое время они превращаются в такие же, похожие на бочонки существа и окончательно отпочковываются, чтобы начать самостоятельную жизнь.

Неудивительно, что от такого многообразия событий, происходящих в береговой полосе, Джонатан пришел в некоторое замешательство. Кроме того, погода, столь благосклонная к нам на острове Анст, теперь резко испортилась. Подул холодный ветер, и море, которое вокруг Джерси никогда не бывает теплым, стало ледяным, а на небе не было ни малейшего проблеска. Каждое утро мы приезжали на побережье и, дрожа от холода, стояли возле каменистых заводей в ожидании солнца. При малейшем намеке на движение в облаках мы с Ли сбрасывали туфли и носки, закатывали до колен брюки и, прихватив наши сети и ведра, бросались в ледяную воду.

— Постарайтесь выглядеть так, словно вам это нравится, — кричал Джонатан с безопасного берега. — Улыбайтесь, улыбайтесь.

Д

— Я не могу улыбаться, когда у меня зуб на зуб не попадает, — кричал я в ответ. — Если тебе нужна улыбка, пришли мне бутылку горячей воды.

Из носа текло, наши глаза слезились, а ноги ниже колен потеряли всякую чувствительность.

— Хорошо, хорошо, — подбадривал нас Джонатан. — Теперь просто сделайте то же самое еще раз. Только зайдите в воду немного поглубже. Улыбайтесь. Помните, вам нравится это.

— Мне это совсем не нравится. Я что, похож на белого медведя?

— Ничего, ничего. Главное, чтобы зрители верили в то, что вам там приятно находиться.

— Чихать я хотел на всех этих зрителей.

— Как можно такое говорить? — воскликнул шокированный Джонатан.

— Я скажу и кое-что похуже, если ты сейчас же не закончишь снимать этот чертов эпизод. Я уже чувствую себя так, словно схватил двустороннее воспаление легких, а нос моей жены стал сине-фиолетовым, словно задница мандрила.

— Всего еще один разок, и вы сможете выбраться на берег, — уговаривал нас Джонатан. В результате Ли и я заработали сильный насморк, и единственной компенсацией за наши мучения стал приезд Полы, которая прихватила с собой несколько бутылок «Гленморанжа» и методично отпаивала нас этим волшебным напитком, пока мы вновь не почувствовали себя людьми.

СЕРИЯ ВТОРАЯ

На свете есть совсем немного мест, более открытых всем ветрам, чем дивные Шетландские острова, особенно их северная часть, где мы снимали птичий базар, поэтому переезд для съемок следующего эпизода на юг Франции, в теплый, плодородный Камарг, внес в нашу жизнь приятное разнообразие.

Камарг не похож ни на одно другое место во Франции — или даже во всей Европе. В этой области обитают всевозможные виды диких животных, и она является родиной белых камаргских лошадей и свирепых маленьких черных быков, которых выращивают специально для корриды. Здесь, на широких просторах болот и тростниковых зарослей, питаемых водами великой реки¹, в изобилии водятся дикие кабаны, бобры, нутрии,

¹ Имеется в виду Рона. — Прим. перев.

водяные крысы и олени. Каждый год десятки тысяч птиц пролетают через эти места на пути из Африки к своим гнездовьям в Европе и, кроме того, сотни видов птиц останавливаются, чтобы вывести своих птенцов в самом Камарге, и все это формирует в данной области уникальный, важный заповедник.

В очередной серии нашего фильма мы хотели показать, насколько важны заболоченные земли не только для таких животных, как дикий кабан, обитающих здесь круглый год, но и для тех птиц, которые пролетают мимо или наносят сюда визит для выведения птенцов. По какой-то непонятной причине болота повсеместно считаются враждебной средой. Стоит человеку наткнуться на восхитительное болото, полное диких обитателей, он успокоится только после того, как засыплет его пестицидами, отстреляет всех съедобных животных, осушит его, перепашет, засеет малопродуктивными культурами и, в результате своей непродуманной деятельности, создаст еще один участок стерильной, эродированной земли там, где еще недавно был живописный, хорошо сбалансированный уголок живой природы. Такая нелепая и опасная политика идет во вред самому человеку. Места, подобные Камаргу, тысячелетиями обеспечивали человека мясом млекопитающих, птицей, рыбой и другими созданиями, обитающими в пресной и соленой воде, они давали ему тростник для крыш, изгородей или отопления жилищ, снабжали травами для медицинских снадобий и приправ. Кроме того, этот район был заповедником, где дикие животные могли жить и размножаться, и он, если вам уютно взглянуть на это с чисто утилитарной точки зрения, постоянно пополнял продовольственными запасами кладовую человека без всяких усилий и материальных затрат с его стороны. Все, что от человека требовалось, — минимум вмешательства. Поэтому, прежде чем Камарг (хотя он и назван Национальным парком) безвозвратно исчезнет, а это несомненно произойдет под неумолимым натиском того, что, смягчая выражение, называют «прогрессом», мы хотели попробовать показать в нашем фильме всю важность и неповторимость этого одного из самых удивительных уголков дикой природы в Европе.

Ли и я испытываем особенную привязанность к Камаргу, поскольку наш маленький домик, Ма Мишель, стоит на двадцати пяти акрах дикого плато Гарриг, возле города Нима, который сам находится всего в двадцати пяти минутах езды от сердца великих болот. В этом доме мы имели множество незабываемых трапез и выпили большое количество хорошего вина, купались и загорали, наблюдали за малиново-розовыми фламинго, похожими на предзакатные облака, сверкающими, словно опалы, пчелоедами и розовыми, как лосось, удодами. На улицах Арля мы любовались выездом *gardiens* Камарга (местные «ковбои»), гордо восседающих в старинных

Д

костюмах на белых лошадях вместе со своими прекрасными дамами. Позднее они окружают стадо черных быков и, выстроив лошадей клином, похожим на наконечник стрелы, гонят их галопом по улицам города в направлении арены. В это время толпа из всех сил старается разбить наконечник стрелы, чтобы быки разбежались, и если такое произойдет, то это происшествие ляжет черным пятном на репутацию *gardiens*. А мы прокладываем себе путь через толпу на маленькую и изящную римскую арену, построенную из желтого камня, которая, когда ее заполняют зрители, становится похожей на причудливую чашу с шевелящимися в ней цветами. Затем звуки музыки из оперы «Кармен» наполняют воздух и ворота широко распахиваются. Из темного проема, откуда в давние времена на эту арену, вполне возможно, выходили львы, слоны и их жертвы-христиане, появляется единственный бык — черный и блестящий, как гагат, невысокий, мускулистый, с рогами цвета слоновой кости, короткими, сильными ногами, легкими, как у балерины. Ворота за ним закрываются, и он остается стоять на арене — маленькое чернильное пятнышко на светлом песчаном полу. Бык оглядывался, фыркал, трусил вперед, потом останавливался, наклонял голову и начинал с ожесточением бить копытом. Вызов брошен. Бой начинается.

Прежде чем негодующий читатель отбросит в сторону эту книгу и возьмет в руки наполненное сарказмом перо, чтобы написать мне о жестокости боя быков, я спешу указать на то, что существует две разновидности корриды, и в той, о которой пойдет речь, быка никогда не убивают. Напротив, у него есть отличная возможность нанести ранение, порой смертельное, своим врагам — *razaleurs*. И я сам был свидетелем того, как животное наслаждается боем, стоит лишь ему войти во вкус борьбы. Черные камаргские быки понимают, что им предлагают принять участие в интересной игре, и все же их природная свирепость так велика, что они могут убить, сами того не желая.

Бой организован следующим образом. Перед выходом на арену к рогам быка с помощью резиновых колец прикрепляют маленькие разноцветные султаны. Их называют кокарды. Цель боя (не столько боя, сколько состязания в быстроте и ловкости) — сорвать эти кокарды с рогов быка за отведенный промежуток времени. Бык не может находиться на арене более двадцати минут. В течение этого времени перед публикой появляются *razaleurs*, группа мужчин, одетых в белые рубашки и фланелевые брюки, уместные скорее на теннисном корте. Их оружием, кроме быстроты ног, является только любопытное приспособление, похожее на щетку для чистки лошадей, которое привязано к их руке и зажато в ладони. С помощью этого инструмента они пытаются сорвать кокарду с бычьих рогов. Ка-

ждая кокарда стоит определенную сумму денег. Чем дольше кокарда находится в собственности быка, тем выше поднимается ее цена. Некоторые *razateurs*, имея дело с неискушенными или глупыми быками, откладывают снятие кокард на самый конец боя, чтобы максимально повысить их цену. Однако когда они сражаются с опытным быком, такой номер не проходит и может случиться так, что по истечении двадцати минут животное сохранит свои кокарды. Тогда бой заканчивается тем, что в честь быка-победителя звучит знаменитый марш из оперы «Кармен», под звуки которого его провожают с арены, сажают в грузовик и отвозят обратно, после чего выпускают пастись среди зеленых, залитых солнцем лугов и тростниковых зарослей Камарга. Я сам имел возможность убедиться в том, что опытные быки получают удовольствие от такой корриды, когда несколько лет назад мы снимали фильм о *Course Libre*, как это называют, и мне довелось в процессе съемок неоднократно посещать это увлекательное зрелище.

Опытный бык выходит на арену и медленно обводит взглядом собравшуюся публику, точно актер перед утренним спектаклем. Затем он показывает номер «Посмотрите, какой я свирепый» — хрипит, мотает головой, роет копытами песок. Он словно бы не замечает, что одетые во все белое *razateurs* уже вышли на арену и теперь осторожно приближаются к нему. Тут, совершенно внезапно, с удивительной скоростью и проворством бык разворачивается и, нагнув голову, бросается на противников, которые бегут перед ним, словно снежные хлопья, подхваченные порывом ветра. Добежав до деревянного барьера высотой в шесть футов, *razateurs* перелетают через него с большой ловкостью, совершая гигантские прыжки, способные вызвать зависть у самого Нуриева. Иногда бык, чтобы доказать свою свирепость, вонзает рога в толстые доски и, оторвав их от ограждения, разбрасывает в стороны, словно спички. Иногда переполненный энтузиазмом бык может перепрыгнуть через барьер вместе с *razateurs*, и тогда вы видите, как зрители первых трех рядов поспешно покидают свои места до тех пор, пока быка не загонят вновь на арену. Множество раз я был свидетелем того, как бык настолько входил во вкус, что отказывался покидать арену после сигнала, возвещающего о конце состязания, желая продолжить бой. В таких случаях к нему высылают вожака с колокольчиком на шее, чтобы он увел за собой упряма. В ходе одного незабываемого боя отправленный на арену вожак так увлекся происходящими там событиями, что сам бросился преследовать *razateurs* вместе с быком, которого он должен был за собой заманить, и потребовалось вмешательство третьего быка, чтобы увести с арены двух драчунов. Путешествие в Камарг не может считаться полным, если вам не удалось стать свидетелем одного из таких потешных боев. Многие быки снискали себе своими выступлениями боль-

шую популярность, и провансальцы следят за их карьерой с таким вниманием, словно это боксеры, борцы или футболисты, проезжая по многу миль, чтобы увидеть выход на арену особенно знаменитого быка.

Поскольку наш маленький дом все еще находился в руках водопроводчиков, каменщиков и плотников, мы остановились в прелестном отеле на окраине Арля, отеле с красивым тенистым садом, где можно было сидеть, потягивая прохладительные напитки, и обсуждать сценарий. Всего несколько минут езды, и мы уже на территории самого Камарга. Погода была милостива к нам, что вполне обычно для юга Франции, и уверенность в том, что, проснувшись утром, вы имеете в своем распоряжении целый день непрерывного солнечного света, благотворно действовала на нервы нашего режиссера. Нашей первой задачей было посетить различные укрытия, оборудованные в заповеднике, и попытаться снять места массового скопления водоплавающих птиц, которые выют на болоте свои гнезда или останавливаются здесь по пути к местам родных гнездовий.

Нашим проводником стал некто Боб Бриттан, невысокий худощавый человек с лицом озорного уличного мальчишки, обладающий неистощимым запасом познаний во всем, что связано с Камаргом, где он прожил, занимаясь исследованиями, несколько лет. Мы сразу же окрестили его Британникусом — прозвище, которое странным образом очень ему подходило.

Эти колоссальные скопления водоплавающих и наземных птиц по-своему производили ничуть не меньшее впечатление, чем все то, что мы видели на Шетландских островах. Когда сидишь в жарком укрытии, глядя на акры и акры сияющей водной поверхности и ярко-зеленых болот, усеянных бесчисленным множеством птиц, находящихся в непрерывном движении, испытываешь ни с чем не сравнимые ощущения. Огромные стаи зеленоголовых селезней и рыжеголовых свиязей, опрятных зеленоглазых чирков, уток-пеганок в карнавальном наряде темно-зеленого и ярко-каштанового цвета, красноголовых нырков заполняли водное пространство или кружились в воздухе, перелетая с одного места болота на другое. На мелководье ловили рыбу аисты. Время от времени какая-то из пар аистов поворачивалась друг к другу и, закинув назад головы, щелкала красными клювами, издавая звуки, похожие на треск мушкетов лилипутской армии. Белоснежные колпицы степенно расхаживали из стороны в сторону, процеживая богатый планктоном ил своими необычными лопатовидными клювами, напоминающими деформированные ракетки для пинг-понга. По отмели бродили фламинго, похожие на гигантские розовые лепестки, постоянно издавая неприятные хрюкающие звуки, плохо сочетающиеся с их красотой и элегантностью. Здесь были и желтые цапли, бледные, как ка-

рамель, с черно-голубыми клювами и ногами, порозовевшими от возбуждения брачного сезона. Неброско одетые выпи стояли в тростниковых зарослях, скорбные, как банковские менеджеры, размышляющие над превышением кредита, соседствуя с чем-то напоминающими пиратов ночными цаплями с черными спинами и черными шапочками, белыми свисающими хохолками и красными всевидящими глазами. Рядом с ними рыжие цапли со своими длинными, каштанового цвета шеями казались волнистыми и змееподобными, а резкие крики делали их похожими на пернатое подобие рок-группы «Ugiah Heep». Затем, представляя с ними полный контраст, здесь встречались и другие болотные обитатели: кулики, ковьяляющие в тине, словно школьницы, впервые вставшие на высокие каблуки; травники и улиты большие; чернокрылые ходулечники с ногами, как у очаровательных длинноногих американок, начинающимися от самой шеи. А вот и эталон красоты среди всех болотных птиц — шилоклювка, грациозно переступающая на иссиня-черных ногах, в черно-белом одеянии, очевидно, созданном в одном из самых дорогих парижских домов моды, с аристократически загнутым кончиком носа, который время от времени окунается в воду и перемещается из стороны в сторону, наподобие тонкого, изысканного метронома. На берегах, по краям болот, возле вырытых в земле гнезд порхали щурки, отливающие на солнце цветом морской волны, а среди сосен, плотно прижавшихся друг к другу, словно группы мохнатых зеленых зонтов, гнездились египетские цапли, подобные белым звездам на изумрудном небе.

Вокруг происходило так много событий, что нам было непросто решить, с чего именно начать наши съемки. Здесь было столько ухаживаний и флирта, столько поисков пищи, корма, столько ссор и перебранок, столько кружения птиц в усеянных ими небесах и посадок в туче брызг на спокойные воды. Даже в самом укрытии наше внимание постоянно отвлекалось на то, как паук-волк с глазами, блестящими, как драгоценные камни, выслеживает муху-однодневку, или на то, как куколка превращается в бабочку. В зарослях тростника, который окаймлял наше укрытие, забивая зелеными стеблями дренажные канавы, обосновались толстые орнаментированные лягушки, блестящие так, словно их покрыли эмалью, и за ними вели охоту таинственно извивающиеся змеи. На каждом из узких, копьевидных листьев тростника можно было увидеть тени древесных лягушек, проступающие на солнце маленькими черными печатями. Стоит осторожно перевернуть лист, и перед вами крохотный изумрудно-зеленый лягушонок, влажный и липкий, как конфетка, с большими, выразительными черными глазами.

Основная трудность съемок подобного рода фильма заключается в том,

Д

что его сценарий должен быть как можно более гибким. Например, я говорил, что нам следует попытаться снять бобров, поскольку большинство людей думают, будто они обитают исключительно в Канаде, ничего не зная об их существовании в Европе. Однако съемки этого животного связаны с такими сложностями, что мы просто не смогли бы уложиться в отведенное время. Поэтому нам пришлось заменить бобров более доступными коипу.

Коипу, разумеется, не являются исконными европейцами. Как и многие другие животные, ставшие сельскохозяйственными вредителями (взять хотя бы норку), коипу была вывезена из великой южноамериканской речной системы для разведения в неволе ради своего красивого меха, который продавался под названием нутрия. Как всегда происходит в таких случаях, несколько особей сбежали и, найдя, что реки Англии и континента приходятся им по вкусу, обосновались здесь, начав быстро размножаться. Они в самом деле почувствовали себя, как в раю, поскольку в этих местах у коипу не оказалось естественных врагов, способных регулировать их популяцию. А поскольку коипу достаточно крупные животные (вес взрослого самца может достигать двадцати семи фунтов), которые роют просторные норы в берегах рек и каналов, они стали серьезной угрозой для сельскохозяйственных угодий, вызывая эрозию почвы и паводки.

Когда, чтобы снять коипу, мы отправились в небольшое путешествие по системе небольших каналов в Камарге, мы обнаружили, что это интересные и достаточно симпатичные создания. Каналы прорыты в низинах, их ширина редко достигает тридцати футов, а глубина всего два-три фута. Течение здесь медленное, вода хорошо прогревается солнцем, а берега изобилуют сочной зеленой растительностью, образуя идеальное место обитания для этих гигантских грызунов. По берегам каналов росли тамарисковые деревья с неопрятными париками из бледных грязно-розовых цветков, а местами скопления желтых ирисов, напоминающие издали огромные кружки сливочного масла, являли собой великолепие красок. Мимо нас на бреющем полете проносились ласточки, собирая богатый урожай насекомых над клеверными лугами, пестреющими маргаритками. Огромные бабочки-парусники в черно-желтую тигровую полоску порхали, словно скалочные цветы, над зарослями тростника и цветущими берегами в лучах жаркого солнца. Мы поняли, что уже попали в царство коипу, по их помету, который в большом количестве плавал в медленно текущей воде каналов и усеивал берега. Этот помет отличается весьма необычным внешним видом — каждый его фрагмент имеет длину около двух с половиной дюймов, формой и цветом напоминая короткие, тупые на концах сигары, рифленые по всей длине, слово надкрылья некоторых жуков.

По пути нам часто приходилось перебираться через каналы, пользуясь

примитивными мостами, которые по большей части представляли собой кучи гнилых бревен или досок, небрежно переброшенных через воду, и все они были весьма ненадежными. Поэтому нам приходилось выстраивать живые цепочки, чтобы без особого риска переправить на другой берег наши бесценные камеры и звукозаписывающую аппаратуру. Все это сопровождалось немалым шумом, хотя мы искренне старались вести себя как можно тише. Однако, прибыв к месту назначения, мы обнаружили, что все коипу, конечно же, скрылись, заслышав наше приближение.

— Черт бы их побрал, — выругался Джонатан. — И что же нам теперь делать?

— Ждать, — коротко ответил я.

— Но мы потеряем лучшее время для съемок, — пожаловался Джонатан.

— Ты снимаешь диких животных, мой милый мальчик, — объяснил я ему уже не в первый раз, — а не кинозвезд. Животные не стремятся понасть на экран.

— А как же Лэсси и Рин-Тин-Тин? — парировал он.

— Голливудские выкормыши, — ответил я. — Тебе остается лишь укреплять свою душу терпением. Лучше посмотри на эти весьма необычайные испражнения.

— Я не могу посвятить всю получасовую серию испражнениям коипу, — возразил Джонатан, вынужден признать, вполне резонно.

— Терпение, — утешал его я. — Они вернутся.

Но я ошибся. Они не вернулись, и после нескольких часов бесплодных ожиданий, в течение которых я пытался успокоить Джонатана, читая ему стихи и лимерики и рассказывая про схожие осечки в моей жизни при съемке животных, что, по всей видимости, не оказало на него успокаивающего воздействия, мы решили последовать совету Британникуса и вернуться сюда вечером, когда коипу выберутся из своих нор, чтобы поужинать — по крайней мере, он пытался нас в этом убедить.

Приняв такое решение, мы отправились снимать птиц и вернулись назад лишь к вечеру. Уже познакомившись с тропами и переправами, мы продвигались вперед быстрее, поднимая меньше шума, и достаточно скоро укрылись под сенью тамарисков, которые росли очень густо, образуя прекрасное укрытие. Было принято решение, что, если коипу появятся, мы сначала проводим все необходимые съемки из засады, после чего я и Ли попробуем подойти к ним как можно ближе, поскольку Джонатан горел желанием снять сцену, где герой находился бы с животным в одном кадре.

— Я сыт по горло фильмами о животных, в которых герой долго палится в бинокль, пробирается через кусты, а в следующем кадре пингвин

Д

исполняет шотландскую пляску, — сообщал он мне хриплым шепотом, — и при этом все прекрасно понимают, что герой, скорее всего, никогда раньше не видел пингвина.

— Он был бы необычайно везучим актером, если бы сумел застать пингвина за таким занятием, — рассудительно заметил я, — но я понимаю, что ты хочешь сказать.

— Я хочу сказать... — начал Джонатан, но Ли зашикала на него.

— Мне кажется, я вижу, как вон там, в воде, плывет что-то черное, — сказала она, показывая рукой.

— Вероятно, очередной фрагмент испражнений, — мрачно произнес Джонатан.

Мы с надеждой посмотрели на канал и увидели, как тупая усатая морда с необычайно крупными желтыми зубами показалась над водой и начала медленно двигаться вдоль поверхности, оставляя за собой v-образный волнистый след. Мы принялись отчаянно жестикулировать, чтобы привлечь внимание Криса, расположившегося в некотором отдалении, но он сам заметил животное и уже был занят съемкой.

Голова коипу достигла берега, и дородное животное с трудом выбра-лось на сушу, продемонстрировав нам свое несоразмерное по пропорциям тело, похожее на жирный, обтянутый мехом воздушный шар. У него были большие плоские лапы и длинный крысиный хвост, покрытый толстой чешуей. Коипу уселся на толстый зад и подозрительно принюхался; его передние лапы сжались в смехотворные кулачки, а огромные желтые зубы выступали вперед, из-за чего казалось, будто он над кем-то насмехается. Казалось, стоит добавить монокль и «галстук старой школы», и тогда он сразу же станет живым воплощением образа среднего англичанина в представлении среднего американца. Убедившись в отсутствии опасности, он начал обстоятельно чиститься, используя передние лапы. У коипу имеются две сальные железы, расположенные в углах рта и возле анального отверстия. Мех состоит из грубых, жестких остей и тонкого, нежного подшерстка. Когда мех нутрии выделяется в коммерческих целях, верхний грубый слой меха удаляется и остается только мягкий подшерсток. Нас позабавило то, с каким усердием животное чистило, расчесывало и смазывало свою шерстку, проявляя большую тщательность и глубокую сосредоточенность. Пока это происходило, еще несколько голов показались над водой, и вот уже другие животные разного возраста и размера, от юных отроков до солидных тучных матрон, начали выбираться на берег. Вскоре уже с полдюжины коипу сидели на берегу, приводя себя в порядок, в то время как другие плавали и ныряли в канале. Закончив со своим туалетом, они отправились бродить вдоль берега, пощипывая сочную траву. Эти симпа-

тичные добродушные создания могли бы стать украшением любой местности, если бы только не их ужасная манера подрывать каждый берег, возле которого они появляются, с эффективностью инженерного корпуса.

Наконец Крис дал нам понять, что он отснял все необходимые кадры, и, пользуясь языком жестов, предложил нам с Ли приблизиться к резвящимся коипу, чтобы снять задуманную Джонатаном сцену. Вечер был таким тихим, что нам не приходилось беспокоиться о направлении ветра. Нам следовало позаботиться лишь о том, чтобы наши головы не появились на фоне еще освещенного горизонта. Согнувшись пополам, словно пара индейцев-следопытов, я с Ли начал осторожно пробираться вдоль канала. Мы приблизились к тамариску со свисающей сломанной ветвью, который использовали в качестве ориентира. Теперь мы находились точно напротив компании коипу. Очень медленно, дюйм за дюймом, делая частые паузы, мы начали выпрямляться. И наконец стояли, выпрямившись по весь рост, и примерно в двадцати пяти футах от нас находились коипу.

Коипу, по всей видимости, не замечали нашего присутствия, продолжая причесываться и купаться. Мы начали медленно продвигаться вперед. Это напоминало детскую игру «замри», где все приближаются к человеку, стоящему к вам спиной, и когда он внезапно оборачивается, все должны замереть на месте. Одно легкое движение, и вы становитесь водящим. Играв с коипу в «замри», мы с Ли сумели подобраться к ним достаточно близко, и Крису удалось снять нас в одном кадре с животными. Мы стояли, застыв на месте, когда самец, появившийся первым, неожиданно повернулся и уставился прямо на нас — его ноздри раздувались, усы торчали в стороны, оранжевые зубы были нацелены на нас, как ятаганы. Поскольку мы сохраняли полную неподвижность, было непонятно, что встревожило животное, если только легкий ветерок, задувший не с той стороны, не донес до него наш запах. Как бы то ни было, внезапно упав на все четыре лапы, он целенаправленно бросился вниз по берегу и вошел в воду, подняв на удивление мало брызг для такого крупного животного. В следующее мгновение паника охватила остальных коипу, и, галопом бросившись к каналу, они взмутили в нем воду.

Позднее, тем же вечером, в зеленых сумерках, когда мы сидели за бутылочкой вина под сенью платанов в саду отеля, Джонатан, удовлетворенный удачными съемками, с некоторым самодовольством произнес:

— Сегодня мы потрудились на славу. Теперь нам осталось лишь разобрататься со свиньями и быками. Кстати, как там насчет Свинарки?

— Она будет здесь завтра на закате, — ответил Британникус. — На нашем месте я прихватил бы с собой побольше репеллента от moskitov.

Д

— О боже, только не москиты, — взмолился Брайан, закатывая глаза. — Вы же знаете, как они меня любят.

— Думаю, здесь самая большая их концентрация в Европе, — злоеющим тоном произнес Британникус. Брайан застонал.

— Не понимаю, почему все поднимают такой шум из-за нескольких москитов, — небрежно бросил Джонатан. — Меня они никогда не беспокоили.

— Мне кажется, ни один уважающий себя москит не захочет тебя уку-
сать, — разумно заметил Крис, проявляя обычные любовь и уважение оператора к режиссеру.

— А кто такая Свинаярка? — вмешалась Пола, которая, отдав накануне должное великолепным блюдам и винам *La Belle France* и не имея тако-
го же луженого желудка, как у всех остальных, благоразумно решила
провести весь день в постели и поэтому была не в курсе последних собы-
тий.

— Свинаярка, — с удовольствием пояснил Джонатан, — молодая сту-
дентка-зоолог, изучающая диких кабанов Камарга. Она отлавливает их,
одевает на шеи ошейники с радиопередатчиками, а потом носится за ними
в своем фургоне, отслеживая их передвижения. Это мы и будем снимать.

— А она не может работать днем, когда нет москитов? — с надеждой
спросил Брайан.

— Насколько мне известно, днем свиньи двигаются мало, — сказал
Джонатан. — Верно, Британникус?

— Да, — подтвердил Британникус. — *Sus scrofa* кормится преимуще-
ственно ночью, особенно в тех местах, где на них разрешено охотиться
днем. А сейчас на них в действительности объявлена настоящая охота.

— Бедные животные, — возмутилась Ли. — Почему их так жестоко
преследуют?

— Ну, если подумать о том, какой ущерб они могут нанести посевам,
подрывая корни растений, и учесть тот факт, что за год, при изобилии кор-
ма, они способны дать два помета, каждый до шести поросят, то можно
понять фермеров, решивших держать численность животных под контро-
лем, — пояснил Британникус.

— Не следует забывать и о том, что мясо дикого кабана считается де-
ликатесом, — добавил я.

— Совершенно верно, — с улыбкой сказал Британникус. — Я уверен,
что в некоторых частях Камарга наносимый кабанями ущерб сильно пре-
увеличивается, чтобы оправдать охоту на них.

Поздним вечером мы поехали на встречу со Свинаяркой. Прямые, как
линейки, грунтовые дороги, белые от соляной корки, бежали между поля-

ми розовато-лиловой лаванды, издали похожими на бледный дымок, стеблющийся в двух футах над землей. Здесь и там по полям были разбросаны островки диких олив — невысоких деревьев с густой серебристо-зеленой кроной. Кроны молодых деревьев были такими плотными и кудрявыми, что казалось, будто кто-то практиковал на них новомодную стрижку. Через несколько миль оливковые заросли стали заметно гуще, и наконец мы прибыли на перекресток, сверкающий белым посреди огромной чащи. Голубое небо имело легкий золотистый оттенок, и несколько бледных облаков, похожих на маленькие перышки, неподвижно висели над западным горизонтом, постепенно меняя свой цвет с белого на золотой, а затем на розовый. Мы остановили машины и стали поджидать Свинарку. Вскоре появилась и она в подпрыгивающем на ухабистой грунтовой дороге маленьком, разбитом фургончике с торчащей из крыши длинной антенной, которая изгибалась и дрожала, словно удилище с бьющимся на конце марлином. Заглушив мотор, она вышла из машины и направилась к нам. Не знаю почему, но прозвище Свинарка вызывало в моем воображении смутный образ из романов ужасов хрюкающей полуженщины-полусвиньи с огромными клыками, торчащими по краям свиного рыла, с которого стекает слюна, и, конечно же, обладающей какой-то малопривычной привычкой вроде поедания собственных детенышей. Поэтому я испытал некоторое облегчение, когда меня представили стройной, приятной молодой женщине, не наделенной ни одним из малопривлекательных атрибутов представителей семейства *Suidae*. Девушку звали Марица, и она рассматривала нас ясными смеющимися глазами, пока Джонатан объяснял, что мы от нее хотим. Вероятно, мы показались ей немного чокнутыми, но тем не менее она с радостью согласилась помочь эксцентричным *anglais*. Первым делом, поскольку солнце уже садилось, Джонатан попросил ее поехать в своем фургончике с раскачивающейся антенной среди оливковых рощ, так, как она это делала бы, выслеживая кабанов после наступления темноты. Эти кадры требовалось снять до захода солнца, с тем чтобы после обработки пленки в лаборатории все выглядело так, как если бы съемки велись ночью. Она послушно выполнила его просьбу, и, когда мы закончили, было почти темно.

С наступлением темноты, словно повинуясь какому-то сигналу, из окрестных зарослей поднялись москиты и окружили нас плотной стеной. Я всегда утверждал, что ни одно место на Земле не может сравниться по количеству москитов с одной парагвайской долиной неподалеку от местечка Матто-Гроссо. Но после нашей поездки в Камарг я уже сомневаюсь в том, что безоговорочно отдам Парагваю первый приз. Куда бы вы ни направили электрический фонарик, все, что вы видели перед собой, это плотная, тан-

Д

цующая, почти непрозрачная завеса москитов. Если вы не хотели набрать полные легкие москитов, дышать следовало только носом. Наши руки, лица и шеи стали черными от них. Они кусали нас в голову, проникая через волосы, и вгрызались во все остальные части наших тел сквозь тонкую летнюю одежду. Через несколько секунд Брайан уже вертелся, как дервиш, хлопая себя по всем местам и издавая громкие стоны. Хотя он был насквозь пропитан так называемым противомоскитным репеллентом, это не приносило ему облегчения. По всей видимости, москиты Камарга считали резко пахнущий репеллент чем-то вроде аперитива перед основным кровавым блюдом. Мы с Ли понимали, что с нашей стороны было бы неразумно хвастаться тем, что москиты нас совсем не беспокоят, поскольку это могло стоить нам жизни. Разумеется, они досаждали нам тем, что лезли в глаза и в нос, но благодаря двум годам, проведенным Ли на Мадагаскаре, и моим странствиям по всему миру мы с ней приобрели шкуры как у носорогов, и укусы почти никогда не чесались. Но нельзя говорить такое истинному страдальцу без риска подвергнуться скорой расправе.

Пока остальные члены нашей группы под аккомпанемент шлепков и громких проклятий устанавливали освещение для съемки следующей сцены, мы с Ли устроились в задней части маленького фургончика Маризы, разделяя его приблизительно с двумя миллионами москитов, и слушали ее рассказ о своих исследованиях. В прежние времена, если вы хотели узнать, как ведут себя дикие животные в естественных условиях, вам приходилось полагаться лишь на зоркость глаз и свои способности следопыта. Теперь, с появлением методов радиослежения, весь этот процесс стал более эффективным и точным. На животное надевают небольшой ошейник со встроенным передатчиком, посылающим непрерывный радиосигнал. Этот сигнал улавливается специальным прибором, который по своей сути представляет собой радар, и выводится на маленький экран. Совмещая сигналы на экране с картой местности, вы можете следить за перемещениями изучаемых животных, не беспокоя их и сохраняя безопасную дистанцию. Было заметно, что Мариза испытывает сильную привязанность к своим диким кабанам, и она рассказывала о них с большим энтузиазмом, не обращая внимания на москитов. Известно ли нам, насколько разнообразен их рацион? Хотя основная часть пищи кабанов является вегетарианской — желуды, плоды бука, травы и различные растения, — они готовы полакомиться и многими другими блюдами, такими, как падаль, гнездящиеся в траве птицы, их яйца и птенцы, ящерицы и змеи, насекомые, крабы, и известно даже, что они способны ловить мышей. Во время брачного сезона, продолжала Мариза, матерые секачи устраивают между собой жестокие поединки, нанося друг другу серьезные раны острыми как бритва

клыками. Обычно они наносят удары по плечам, и, чтобы защитить себя от клыков соперника, каждый кабан в этот период отращивает себе на плечах толстые пластины из мяса, подобно тому как средневековые рыцари надевали перед битвой стальные доспехи. Когда самка кабана готова опороситься, она покидает остальных членов стада и, отыскав в густых зарослях тихое место, строит уютное гнездо, порою даже накрывая его крышей, где и производит на свет своих поросят.

Тем временем были установлены софиты, осветившие внутреннее пространство наводненного москитами фургончика, вместе с оборудованием Маризы, и мы приготовились снимать ее в процессе работы. Она приготовила свои карты, включила маленький экран радара, а затем начала медленно поворачивать удилище антенны на крыше. Вскоре на экране появился сигнал — маленькая зеленая точка; затем еще одна, и еще, и вот уже скоро их было целое маленькое созвездие. Возникло удивительное ощущение при мысли о том, что мы, сидя в фургончике на расстоянии, вероятно, целой мили от кабанов, имеем возможность следить за передвижениями этих скрытных и осторожных животных и при этом они ничего не знают о ведущейся за ними слежке. Наконец, полностью искушенные, но счастливые, мы поблагодарили Маризу за помощь и, оставив ее продолжать работу, отправились обратно в отель, предварительно договорившись встретиться наутро, чтобы вместе посетить расставленные ею ловушки.

Когда, проехав по белым прямым дорогам, мы оказались в темных, таинственных зарослях олив, небо на востоке только начало светлеть, приобретая бледно-желтый оттенок. Вокруг раздавалось пение птиц, и стая диких уток, летящих на завтрак в глубь болот, выделялась темным пятном на фоне светлеющего неба. Вскоре мы остановились, вышли из машин и прошли пешком несколько сотен ярдов до поляны, где Мариза поставила свою ловушку — огромный ящик из дерева, проволоки и стали, начиненный самыми различными деликатесами. Было очень важно проверить ловушки на рассвете, поскольку если попавшиеся кабаны останутся там после восхода солнца, вы рискуете потерять их из-за солнечного удара. Всегда интересно посещать ловушки, проверяя, были ли вознаграждены ваши усилия. Я устанавливал ловушки по всему свету, но до сих пор испытываю редостное возбуждение, когда рано утром направляюсь к ловушке, гадая по пути, кто в нее попался и попался ли вообще. На сей раз мы были вознаграждены сполна, поскольку в ловушку попались шестеро маленьких кабанчиков, каждый размером с терьера, с рыжеватою шкурой и следами младенческих полосок на спинках. К восторгу Маризы, на одном из них был ее радиофицированный ошейник. Вероятно, он привел своих братьев и сестер к той же самой ловушке, в которую сам когда-то попал.

Д

Наше приближение, по всей видимости, вызвало у малышей легкую панику, и, сбившись в кучу, они начали топтать ногами, хрюкать и визжать. Мариза и ее команда помощников работали очень быстро. Операцию требовалось провести как можно быстрее, чтобы поросята не испытали слишком сильный стресс. Малышей по очереди загоняли из основной ловушки в некое подобие длинного мешка с широким раструбом, из которого его или ее, под душераздирающий визг, осторожно извлекали и надевали радиофицированный ошейник; затем поросенка освобождали, и через мгновение он уже мчался по лесу мелкой рысью, загнув над спиной хвостик негодующим вопросительным знаком, не ведая о том, что уносит с собой устройство, которое даст нам доступ в его личную жизнь. Я чувствовал, что мы поступаем не совсем честно. Это все равно как если бы местное полицейское отделение установило жучки в вашей спальне. Однако если мы хотим принимать адекватные меры для охраны природы, то должны знать, как она живет и в чем нуждается, и это всего лишь один из способов обрести такие знания.

На следующее утро, дожевывая рогалик, Джонатан ликующе и невнятно заявил:

— Я договорился насчет быков.

— Хорошо, — рассеянно произнес я. — Каких быков?

— Ну, помнишь, ты говорил, что нельзя показывать Камарг, не показывая быков, вот я и достал нескольких.

— Но в это время года здесь не проводятся бои быков, — заметил я.

— Я не имел в виду бой быков, — сказал Джонатан. — Я просто хотел сказать, что мы их немного погоняем.

— Это твое королевское «мы», — осторожно поинтересовался я, — включает меня и Ли?

— Конечно же, — произнес Джонатан тоном взрослого, обещающего ребенку угощение. — Вы отправитесь на болота, соберете стадо быков и прогоните их перед камерой.

— Что значит «прогоните их перед камерой»? — спросил я. — Это же быки, а не дойные коровы.

— Все будет в порядке, вы поскачете верхом, — сказал Джонатан.

— Ой, как интересно, — обрадовалась Ли.

— Здесь нет ничего интересного, — заверил я ее. — Я не сидел на лошади лет тридцать, а мне предлагают скакать галопом, сгоняя стадо боевых быков.

— Все будет в порядке, — повторил Джонатан. — Это же проще, чем...

— Не надо, — прервал я его. — Помнится, ты уже использовал эту

метафору при описании утеса на острове Анст, и то, что мне довелось там пережить, оказалось значительно сложнее, чем упасть с бревна.

— Они могут дать нам старых лошадей, — с надеждой предложила Ли.

— Что касается меня, то я готов сесть лишь на клячу, давно созревшую для живодерни, — заявил я.

— Никаких проблем, — успокоил меня Джонатан. — Они обещали подобрать самых смиренных лошадей.

— Ты никогда не обошелся бы так с героем, если бы Пола не была прикована к постели, — сказал я. — Она знает, как баловать звезд.

Выбранные для нас лошади оказались массивными, послушными животными, готовыми исполнять все наши команды, а седла, сделанные по американскому образцу, были удобными, мягкими, как кресла, и с них было так же сложно упасть. Камеры были установлены по краю болота, среди зарослей тамариска; после чего в сопровождении десятка похожих на цыган *gardiens* мы отправились на поиски быков.

Когда вы занимаетесь этим регулярно, поездка верхом — одно из лучших средств передвижения для натуралиста. Вы можете ехать так быстро или так медленно, как захотите. Вы можете остановиться и вести наблюдения не слезая с седла, и еще ваш верный конь способен доставить вас в места, недоступные для любого другого вида транспорта. Кроме того, вы получаете дополнительное преимущество — в целом дикие животные видят во всаднике меньшую угрозу, чем в человеке на двух ногах.

Итак, мы тронулись в путь. Солнце пекло нам спину, над головой, между розово-зелеными ветвями тамарисков, синело безоблачное небо, а копыта наших лошадей уходили на шесть дюймов в прозрачную воду, из которой поднимались сочная трава и тростник. Там и тут нам попадались отливающие на солнце золотом ярко-желтые ирисы. Когда мы углубились в болото, вода стала немного глубже, и каждый раз, когда копыта лошадей ударялись о воду, они поднимали в воздух фонтаны брызг, и капельки, падая в солнечные лучи, превращались на мгновение в миниатюрные, переливающиеся всеми цветами радуги планеты. Блестящие лягушки скользили под водой, удирая от чудовищных лошадиных копыт, а мимо нас проносились огромные голубые и ярко-красные стрекозы. Стайки более изящных стрекоз-красоток бледно-голубого и переливчато-синего цвета испархивали с ирисов при нашем приближении. Однажды, блестя на солнце крыльями, мимо нас с гудением промчалась гигантская алая стрекоза, сжимающая в челюстях ярко-голубую красотку. Вокруг нас опаловые шкурки и черные ласточки ловили на лету мириады насекомых, а вдалеке цапли, выпи, белые цапли и кваквы охотились среди тамарисков на лягушек и мелкую рыбешку.

Д

Внезапно мы увидели впереди быков. Стадо примерно из ста животных паслось под кронами деревьев, похожее на черный опасный риф среди безобидной зелени болота. *Gardiens* попросили нас отъехать в сторону, а затем, развернувшись в цепочку, свистя и подбадривая друг друга, окружили фыркающих, недоверчивых животных. Постепенно им удалось сдвинуть быков с места и прогнать их мимо нас, после чего мы пристроились позади стада и погнали его вперед. Поначалу быки двигались медленно, но затем, погоняемые *gardiens*, они перешли на рысь, а еще через некоторое время сплошная черная масса быков с блестящими на солнце рогами уже мчалась галопом, вспенивая воду, и мы скакали следом за ними, стараясь не отстать. Испытываешь поистине пьянящее чувство, когда видишь, как перед тобой, сотрясая землю и вздымая волны, несется большое стадо, а мы преследуем его верхом, крича и посвистывая, будто настоящие *gardiens*.

И тут, совершенно неожиданно, все это перестало вызывать у нас веселье.

Быки добежали до достаточно густых зарослей тамариска и по какой-то причине, понятной только им самим, решили, что за деревьями притаилась неведомая опасность. Все стадо резко остановилось и, повернувшись как одно животное, с громким топотом бросилось на нас. Минуту назад мы весело гнали быков, но вот картина внезапно изменилась, и теперь уже мы во весь опор удираем от них. Огромная масса страшных черных мускулов, увенчанная лесом острых загнутых рогов, мчалась следом за нами. Нам пришлось пережить крайне неприятные пять минут, наполненные суматохой и замешательством, прежде чем *gardiens* удалось остановить напуганное стадо. Они позволили быкам несколько минут пощипать траву, чтобы восстановить душевное равновесие (в чем мы нуждались ничуть не меньше), после чего, уже менее напористо, мы погнали их к камерам.

Тут наступил долгожданный момент, когда я смог вернуть свой долг Джонатану. Камера, возле которой расположился Джонатан вместе с оператором, находилась в сотне ярдов от нас, среди редких зарослей молодых тамарисков. Быков снова охватил страх. На этот раз они решили, что опасность находится где-то позади, и, перейдя на галоп, помчались по направлению к камерам. Наш замысел заключался в том, что мы не спеша прогоним быков мимо камер, которые будут вести съемку, и вот теперь, прежде чем *gardiens* успели сделать что-то осмысленное, огромный поток охваченных паникой быков, похожий на сплошную черную лавину, расщепляя и сметая с пути достаточно большие тамарисковые деревья, поглотил Джонатана вместе с оператором. К счастью, быки были слишком напуганы, чтобы обращать внимание на Джонатана или Криса, и, обогнув

их с обеих сторон, они промчались мимо, прихватив с собой большую часть тамарисковой рощи.

Я подъехал к тому месту, где в состоянии глубокого шока замерли Джонатан и Крис.

— Эй, Харрис, — радостно воскликнул я. — Правда было весело?

— Весело? — хрипло произнес Джонатан. — Я уже думал, что нам конец. За всю свою жизнь я не испытывал такого страха.

— Какие глупости, — беспечно бросил я. — Подумаешь, всего лишь несколько быков.

— Несколько быков? — негодуя повторил Джонатан. — Да их было несколько сотен! Они вполне могли нас затоптать.

— Не понимаю, из-за чего ты так сильно переживаешь, — сказал я. — Ведь все произошло именно так, как ты сказал.

— Что ты имеешь в виду? — подозрительно спросил Джонатан, нахмутив брови.

— Ну, ты говорил, что это будет проще, чем с бревна упасть, — ответил я вкрадчивым тоном. — Так все и произошло.

Харрис посмотрел на меня так, как смотрят режиссеры на героев, когда они отбиваются от рук; такой взгляд сделал знаменитым покойного Бориса Карлоффа.

СЕРИЯ ТРЕТЬЯ

Даже несмотря на то, что в Камарге порой бывает очень жарко, а животный мир его болот поражает своим разнообразием, он все равно даже близко не может сравниться с настоящими тропиками по богатству как растительной, так и животной жизни, и именно это богатство мы хотели показать. Северная и южная части Американского континента сужаются посередине, словно песочные часы, в районе Панамского перешейка, и через эту узкую полосу земли тропические леса Бразилии проникают из южной части континента в Эквадор, Гондурас и Мексику, а затем, по мере продвижения к северу, постепенно сходят на нет в более умеренном климате Соединенных Штатов.

Панама — фантастическая страна, настоящий рай для натуралиста, поскольку утром здесь можно исследовать неописуемые богатства многоярусного дождевого леса, а после полудня плавать в океане, любуясь живописными красками кишашего жизнью кораллового рифа. Именно по

Д

этой причине мы и выбрали Панаму — худосочный бюджет не позволял нам шляться по всему свету, а в этой маленькой стране у нас под рукой были сразу лес и море. Мы хотели показать в своем фильме, как много общего есть в структуре кораллового рифа и тропического леса, поскольку если вы замените кораллы и водоросли на деревья, а рыб, ракообразных и других морских обитателей на птиц, млекопитающих и рептилий, то будете удивлены тем, насколько схожи эти две экосистемы.

С нашей точки зрения, у Панама было еще одно важное преимущество: после строительства канала и неизбежного затопления части суши появился остров под названием Барро-Колорадо, где уже много лет находилась тропическая исследовательская станция Смитсоновского института. Этому же институту принадлежала и станция по исследованию коралловых рифов, расположенная на островах Сан-Блас, лежащих в Карибском море, примерно в часе лета от столицы Панама. Стоит группе ученых обосноваться в каком-то месте на достаточно продолжительное время, и можете быть уверены — они изучат каждый листик на каждом дереве, и такие подробные знания, при ограниченности времени, имели огромную ценность для производства нашего фильма.

Мы с Ли прибыли в Панаму, страдая от нарушения суточного ритма после долгого перелета через Атлантику, а затем из Нью-Йорка в Панаму. Но никакая усталость не могла приуменьшить нашу радость от того, что мы вновь находимся в тропиках, видим узкохвостых дроздов, черных и торжественных, как работники похоронного бюро, важно расхаживающих по недостроенному многоэтажному дому напротив окон нашей спальни, видим нарядных колибри и бабочек величиной с ладонь, порхающих в саду отеля, и, самое главное, вдыхаем влажный, ароматный, горячий воздух, напоминающий запах сливового пирога из открытой духовки, который говорит вам о том, что вы снова находитесь в богатейшей области земной поверхности — тропиках.

На следующий день, когда мы немного пришли в себя, у нас состоялось деловое совещание с Полой и Эластером. Эластер отличался весьма любопытной манерой общения с представителями собственного вида. Она была настолько необычной, что даже я, несмотря на весь свой опыт общения с людьми в самых глухих уголках земного шара, был вынужден использовать Полу в качестве переводчика. Когда Эластер говорил, он небрежно бросал вам половину предложения, еще хуже, две половины предложения, не имеющие между собой никакой видимой связи, и вы были вынуждены сами дополнять их пропущенными словами, чтобы проникнуть в смысл сказанного. Это примерно то же самое, что пытаться разгадать кроссворд в

«Таймс» без ключевых слов. На сей раз, одарив нас лучезарной улыбкой, он произнес:

— Акклиматизировались? Хорошо. Я думаю, вы знаете, сначала Сан-Блас. Рифы похожи или, скорее на леса, рыбы все равно как птицы без крыльев. Вы так не считаете? Поэтому острова красиво... поскольку вы не... увидим, когда туда доберемся. Потом мы знаем, что, ну, Барро-Коло-rado, да?

Я сделал большой глоток из своего стакана. Прошло уже несколько месяцев с тех пор, как я работал с Эластером, и милостивое время уже успело залечить некоторые раны, нанесенные попытками общения с ним на Маврикии. С мольбой в глазах я посмотрел на Полу.

— Милый, Эластер хочет сказать следующее, — произнесла она успокаивающим тоном. — Если мы собираемся сравнивать лес с коралловым рифом, то, учитывая сложности, связанные с подводными съемками, он предлагает сначала отправиться на острова Сан-Блас. Согласен?

— Согласен, — ответил я. — У меня нет никаких возражений.

— Ну и хорошо. Тогда мы вылетаем туда завтра. Это подходит вам, ребята?

— Конечно, — ответила Ли и тут же совершила ошибку, попытавшись вытянуть дополнительную информацию из нашего режиссера. — А как выглядят острова Сан-Блас?

— Покрыты вы знаете красивые штуки, пальмы, эти острова гм, многие из них индейцы, правительство не может контролировать женщины золото в носу, и так далее. Риф очень большой, — рассказывал Эластер, возбужденно размахивая руками. — Вам понравится уверен Конрад.

— А у тебя нет путеводителя? — с надеждой спросила Ли у Полы. При всем своем энтузиазме Эластер вряд ли мог служить хорошим гидом. Мне часто приходило в голову, что если бы марсиане прилетели на Землю, то для них было бы большой удачей встретить добрейшего, необычайно великодушного, но и крайне невразумительного Эластера в качестве первого представителя человеческой расы.

И вот следующим утром мы собрались на маленьком аэродроме, расположенном на окраине города. На съемках этой серии нашим оператором был Роже Морид, высокий красивый француз, внешностью и голосом напоминавший покойного Мориса Шевалье. Он обладал неистощимым запасом забавных историй и был тонким ценителем женщин.

После того как мы забросили весь широкий ассортимент нашего оборудования в самолет, рассчитанный на двенадцать человек, и заняли свои места, к нам присоединились еще несколько коренастых, кофейно-коричневых, приятно выглядящих индейцев с монголоидными чертами лица. На

Д мужчины были простые рубашки, брюки и шляпы с обвисшими полями, но женщины носили яркие разноцветные юбки, платки и блузки, оживленные красивой вышивкой. У одной пожилой дамы на груди был вышит большой, ярко расцвеченный тукан; у другой на блузке две огромные красные рыбы лучезарно улыбались друг другу на фоне ультрамаринового моря; а грудь третьей украшала вдохновенная сцена, на которой несколько маленьких черных рыбаков в каноэ пытались при помощи хлипких, неэффективных удочек поймать рыб размером с кашалота. Все дамы, яркие и пестрые, как попугаи в своем брачном наряде, имели в качестве дополнительного украшения золотые кольца размером с обручальные, вставленные в центр носа, а на их щеки нанесен толстый слой цикламеново-розовых румян. Это были жительницы островов Сан-Блас, и они выглядели просто великолепно.

Пока полет проходил над центром Панамы, нас немного трясло, но вскоре мы достигли Карибского побережья и полетели над голубым прозрачным морем с рифами, похожими на странных морских змей, застывших в голубом янтаре. Повсюду были разбросаны сотни и сотни островов Сан-Блас, каждый такой маленький и совершенный, с обручальным кольцом коралловых рифов вокруг белых пляжей и лохматыми париками пальм, что они походили на макеты островов южных морей в витрине магазина игрушек. Наконец, к моему ужасу, пилот начал опускаться все ниже и ниже, направляясь к островку микроскопических размеров, и мне казалось, что пытаться совершить на нем посадку можно лишь в случае крайней необходимости. Вскоре мы уже почти касались поверхности воды, и бедняга Эластер, который не любил маленькие самолеты еще больше, чем я высоту, судя по своему внешнему виду, уже был готов к самому худшему. Но в тот момент, когда мы думали, что аварийной посадки на воду нам не миновать, самолет пролетел над белоснежным пляжем, за которым сразу же началась взлетно-посадочная полоса. Мы нырнули вниз серией вибрирующих скачков, и, коснувшись полосы, самолет сразу же завизжал тормозами. Когда мы наконец остановились, нам стало ясно, чем объясняется такой жесткий метод посадки. Взлетная полоса в точности соответствовала острову, или, можно сказать, остров соответствовал взлетной полосе, не оставляя места для ошибки. Если вы не совершите посадку с абсолютной точностью, то, приземлившись в одном конце полосы, рискуете свалиться в море на другом, и я думаю, Эластер оказался не единственным, кто был рад поскорее покинуть самолет.

Нам пришлось прождать некоторое время после того, как наш самолет приземлился, и гору нашего багажа, плавившегося на солнце, облепили коричневые и зеленые кузнечики, очевидно, нашедшие его необычайно со-

блзнительным. Всех наших попутчиков встретили каноэ, и теперь они уже были маленькими точками на сверкающей поверхности моря, направляясь к многочисленным островкам, разбросанным вдоль горизонта. Вскоре показалось большое, низко сидящее каноэ, и когда оно причалило к берегу, из него вышел коренастый маленький человек с кривыми ногами, до того похожий на тибетца, что можно было подумать, он прибыл прямо из Лхасы. Как оказалось, его звали Израил и он был владельцем отеля, в котором мы собирались остановиться.

Мелкое море было горячим, как кровь, и прозрачным, как джин, с маленькими стайками разноцветных рыбешек, дрожащих и колышущихся над песчаным дном. Мы отошли от берега и поплыли на веслах по спокойной воде к небольшому острову площадью не более четырех-пяти акров, густо усеянному пальмами. Мы обогнули остров, а затем направились к маленькому бетонному причалу напротив отеля — сооружения, при виде которого у меня захватило дух.

— Ты только посмотри на него, — с восторгом сказала Ли, — разве это не чудо? Я никогда не встречала ничего подобного.

— Самый необычный отель, который я где-либо видел, — согласился я. — Пять звезд, Эластер. Мы получим здесь массу удовольствия.

— Забавный, правда? — спросил Эластер, сияя. С короткими фразами он справлялся значительно увереннее.

Отель был просто очаровательным. Он представлял собой двухэтажное здание из стволов бамбука, скрепленных между собой сложно переплетенной рафией, в форме латинской буквы L, с крышей из пальмовых листьев. По всему периметру отеля шла двухэтажная веранда, на которую выходили двери, по всей видимости, ведущие в спальни. Все строение нависало над глубоким бетонным бассейном, где плавали мириады разноцветных рыбок в компании двух величественных морских черепах. Рядом с отелем находилось еще одно несимметричное строение из бамбука и пальмовых листьев с несколько обшарпанной вывеской «Бар». Всю эту картину украшали высокие пальмовые деревья, изогнутые, словно луки, чьи темно-зеленые листья шелестели на ветру, словно перешептываясь друг с другом. Пышные заросли гибискуса и других тропических кустарников были в полном цвету. В ослепительном сиянии солнечных лучей здесь все имело некоторый налет нереальности и выглядело в точности так же, как голливудские декорации для съемок эпической саги из жизни южных морей. Казалось, вот-вот по этой шаткой бамбуковой лестнице сойдет язвительный Сомерсет Моэм в безупречных белых парусиновых брюках. Но самым близким его подобием были две черепахи, взирающие на вас с выражением такого же презрительного высокомерия.

Д

Наша спальня оказалась, мягко говоря, необыкновенной. Здесь не было никакой необходимости в окнах, поскольку свет свободно проникал в комнату сквозь стены, а через некоторые щели открывался великолепный вид на море и окружающие нас острова. Кровати были огромными и продавленными посередине — очевидно, когда-то они утратили часть деталей. Песок на полу приятно хрустел под ногами, придавая жилищу особый уличный колорит. К нашему номеру для новобранцев был приделан маленький закуток размером с гроб, сколоченный из расплюснутых банок из-под керосина, покрытых облезлой клеенкой с ярким клетчатым орнаментом. Из этого «шотландского ансамбля» торчала узкая трубка, из которой, как показал эксперимент, при повороте крана прямо вам в глаз била струя морской воды. Это был, конечно же, не отель «Риц», но в таком идиллическом окружении иного и не следовало ожидать.

Мы едва успели распаковать багаж и аккуратно развесить нашу одежду на единственном стуле, как, взглянув через перила веранды, увидели приближающееся каноэ, управляемое бронзовым от загара молодым человеком в компании с юной блондинкой. Как оказалось, это был Марк и он занимался специальными исследованиями рыб на исследовательской станции Смитсоновского института — группа зданий, беспорядочно поставленных на одном из рифов в четверти мили от нас. Марк был откомандирован к нам, чтобы исполнять роль нашего проводника и консультанта, пока мы находимся здесь. Он имел привлекательную внешность с легким оттенком чего-то восточного в чертах лица, и позднее я узнал, что его мать была японкой. Необычайно эрудированный и компетентный, он сразу же стал нашим наставником и другом, как и студентка Кэти, работавшая вместе с ним. В тот же день Марк повез нас на коралловый риф, расположенный примерно в миле от нашего жилья, где он проводил свои исследования и поэтому знал там каждую рыбу по ее христианскому имени. Бросив якорь на песчаное дно у края рифа, где глубина не превышала шести футов, мы надели маски и нырнули в теплую воду.

Невозможно оставаться равнодушным к волшебству того момента, когда тыходишь в воду и погружаешь свое лицо под ослепительно сияющую поверхность тропического моря. Маска похожа на магическую дверь; ее стекло устраняет раздражающее воздействие морской воды, открывает путь в сказочную страну невообразимой красоты. Вначале мы медленно плыли над золотистым песком, который покрывал яркий, постоянно меняющийся сетчатый узор, сотканный лучами ослепительного солнца, и видели, как морские коты, похожие на странные пятнистые сковородки, плавно ускользают с нашего пути. Тут и там были разбросаны маленькие островки сияющих, как драгоценные камни, кораллов в убранстве из раз-

ноцветных водорослей, украшенные губками и красочными асцидиями; каждый островок окружала собственная свита рыбок — оранжевых, алых, синих, как ночное летнее небо, желтых, словно одуванчики, полосатых, в крапинку, ребристых, игольчатых и прочих самых невообразимых форм. Мы продолжали плыть, и вскоре впереди показался риф — причудливая страна гротов и каналов, тайных садов, засаженных губками и переплетенными кораллами, а также огромных коралловых замков со знаменами водорослей, реющих над зубчатыми стенами. Здесь были кораллы-мозговики, похожие на огромные черепа сраженных в битве и упавших в море гигантов, чьи скелеты стали частью рифа. Вокруг раздавалось щелканье, урчанье, скрежет и писк рыбьих разговоров, споров, кормежек. Выбираем один из петляющих каналов и проплываем по его прихотливым изгибам. В первую минуту водоросли гладят ваши плечи с обеих сторон; морские ежи, похожие на плоды конского каштана, прилипли к разноцветным стенам; рыбка мечется перед вами, словно приглашая следовать за собой. В следующую минуту узкий канал внезапно расширяется и выходит на маленькую площадку ослепительно блестящего мелкого песка, сплошь усеянную толстыми черными голожаберными моллюсками, словно какой-то морской фургон, развозящий деликатесы, ошибочно разгрузил здесь партию колбас. Затем узкий канал превращается в огромную, заполненную рыбами долину, и тут у вас появляется возможность почувствовать пульсацию моря, его поднятия и опускания, когда вы парите словно птица над рифом и внезапно замечаете, что под вами ничего нет, кроме таинственной пугающей бездны, когда край рифа резко скатывается к морскому дну и исчезает в бархатисто-черной темноте.

Марк знал этот и другие рифы так же досконально, как большинство людей знают собственный сад за домом. Он, например, всегда мог сказать, что, проплыв по определенному каналу, сделав первый поворот налево, а второй направо, повернув налево у большого коралла-мозговика и проплыв еще двадцать футов вперед, вы найдете именно ту губку, коралл или рыбу, которых ищете. Он направлял нас к нашей цели по каналам рифа, как человек, указывающий вам путь по улицам родного города, и, конечно же, если бы не его указания и эрудиция, мы бы многое упустили или не смогли понять. Язык млекопитающих, птиц и, до определенного предела, рептилий состоит, по большей части, из едва уловимых движений и поз, и требуется время, чтобы научиться понимать эти движения — например, определять, что говорит вам волк своим хвостом. И теперь, наблюдая за морскими обитателями, нам пришлось изучать совершенно незнакомый язык. Мы постоянно задавали себе вопросы. Почему эта рыба лежит на боку? Или стоит на голове? Что с такой решимостью защищает эта рыба и поче-

Д

му другая, словно уличная женщина, настойчиво помогаете всех, кто проплывает мимо? Без помощи Марка мы вряд ли смогли бы понять и миллионную часть из того, что нам довелось увидеть.

Возьмем, для примера, рыб семейства помацентровых. Эти пухлые, бархатисто-черные маленькие создания — страстные садоводы. Каждая из рыбок имеет отдельный участок коралла, где растут густые водоросли, за которыми она ухаживает, и это не только ее собственная территория, но и кладовая. Свой садик она защищает от всех пришельцев, порой проявляя удивительную храбрость. У той рыбки, за которой мы наблюдали и, в конечном счете, сняли на пленку, был зеленый сад размером шесть на двенадцать дюймов на участке огромного коралла-мозговика. Она привлекла к себе наше внимание тем, что без всякой видимой причины, и необычайно энергично, атаковала черного и колючего, словно подушка для иголок, морского ежа, мирно проползавшего мимо. Однако более внимательно изучив ситуацию, мы поняли, что странствующий морской еж собирался проложить себе путь прямо через лужайку перед домом, чем и объяснялась драчливость рыбки. Как-то утром мы застали нашу маленькую рыбку в состоянии, близком к полному отчаянию, вызванному тем, что ее бесценный садик посетила группа рыб-попугаев. Эти большие яркие зеленые, синие и красные рыбы со ртами, похожими на клюв попугая, дефилируют вдоль всего рифа, словно банда крикливо разодетых уличных грабителей, и когда они своими острыми клювами обдирают коралл, раздается звук, который можно услышать с поразительно большого расстояния. Их было так много, что наша бедная маленькая рыбка растерялась, не зная, кого из них атаковать первым. Кроме того, они имеют свою стратегию. Один из них стремительным рывком ворвался в сад и оторвал кусок водоросли, в ответ на что хозяйка сразу же атаковала и прогнала обидчика, хотя и была раз в двадцать его меньше. Но пока рыбка преследовала одного непрошеного гостя, остальные разбойники набросились на ее сад. Хозяйка вскоре возвращалась и разгоняла их, после чего все повторялось сначала. К счастью, мы появились и спугнули рыб-попугаев до того, как они успели нанести саду значительный ущерб. Но, несмотря на оказанную помощь, наша знакомая так и не прониклась к нам полным доверием. Рыбка подозревала, что рацион Ли состоит исключительно из морских водорослей и она неспроста проявляет интерес к ее садику. Поэтому стоило Ли подплыть слишком близко, рыбка тут же бросалась на нее в яростную атаку.

Среди многих удивительных аспектов жизни кораллового рифа, которые нам показал Марк, ни одна не была столь интригующей и непонятной, как половая жизнь синеголового губана. Если Фрейд считал, что половая жизнь среднего человека очень запутана, то он, несомненно, получил бы

нервное расстройство, если бы ему предложили подвергнуть психоанализу эту рыбу. Начать с того, что ему пришлось бы серьезно задуматься над тем, как обращаться к своему пациенту — мистер или миссис Губан.

В юном возрасте синеголовые губаны вовсе не являются синеголовыми. Я вовсе не пытаюсь играть словами, а просто рассказываю все как есть. Они желтые и совсем не похожи на синеголовых губанов. Однако не надо отчаиваться. Когда они подрастают, их окраска подвергается поразительной перемене, и они становятся темно-синими с бледно-голубой головой. Затем самец занимает территорию на возвышенном участке кораллового рифа, защищает ее от всех пришельцев и поджидает дам. Он крупный, обаятельный и способен обслуживать до сотни самок в день — факт, в сравнении с которым все достижения легендарных любовников становятся бледными и незначительными. Самки, пораженные такой живостью, находят самца неотразимым и дюжинами посещают его коралловые апартаменты. Однако именно здесь и появляются сложности. Молодые самцы, слишком молодые для того, чтобы обзавестись собственной холостяцкой берлогой и защищать ее от соперников, болтаются возле территории взрослой рыбы, подкарауливая самок. Окружив самку, они заставляют ее резко всплывать вверх, выметывая икру, которую они тут же оплодотворяют, выбрасывая сперму. Естественно, такой процесс приносит мало удовлетворения, и его точность, конечно же, оставляет желать лучшего. В идеале молодой самец должен сам занимать и защищать территорию, чтобы иметь возможность приглашать к себе самок и оплодотворять их более эффективно. Так что его цель состоит в том, чтобы стать большим и сильным, сменить окраску и завести собственный пентхаус.

А как же складывается жизнь у самки губана? Очевидно, что количество икринок, которые она может отложить, и, соответственно, количество выведенных ею мальков ничтожно мало по сравнению с легионом икринок, которые может оплодотворить большой самец. Так что же она делает? Нам такое кажется невозможным, но для губанов это обычное дело. Она просто меняет пол — из желтой самки превращается в большого синего самца, достаточно сильного для того, чтобы захватить и защищать собственную территорию. Итак, она меняет пол и вскоре ежедневно спаривается с дюжинами других самок. Как мне кажется, это можно смело называть полной и окончательной победой обитателей подводного мира в борьбе за равноправие женщин. В общем, любовь у губанов — это настоящее волшебство, но разобраться с ее тонкостями натуралисту-любителю поначалу очень непросто.

Мы сумели снять на пленку рыбку, защищающую свой садик, невероятную сексуальную активность синеголовых губанов и еще множество дру-

Д

гих вещей. Однажды Эластер так увлекся, что попытался руководить съемками под водой, забыв, что дыхательная трубка это не мегафон, из-за чего чуть не утонул. В целом можно сказать, что это были самые приятные и успешные съемки.

Нашей следующей остановкой должен был стать остров Барро-Колорадо, но, поскольку нам было известно, что съемочной группе потребуется некоторое время для решения организационных вопросов, мы с Ли решили задержаться на островах Сан-Блас еще на несколько дней, ведь редко где можно найти такой идиллический, неиспорченный уголок. Однако я чувствовал, что на мне лежит обязанность пойти к Израилу, хозяину отеля, и заявить ему свой протест. Я редко вступаю в споры с управляющими отелей, но в данном случае у меня была серьезная причина. В конце концов, мы не возражали против песка на полу спальни и того, что нам приходилось самим перестилать свои постели, если удавалось найти простыни; мы не жаловались, когда в душе внезапно заканчивалась морская вода ввиду пресыщения труб креветками, и не возмущались из-за того, что унитаз (по причине отсутствия двух винтов) все время взбрыкивал, как необъезженная лошадь, грозя выбросить вас в море через тонкую бамбуковую перегородку. Нет, мы не обращали внимания на эти мелкие неудобства, учитывая очарование этого места. Причиной нашего недовольства была еда. Завтрак состоял из кофе, тостов, джема и овсяной каши — вполне удовлетворительно, — но оставались еще обед и ужин, которые и наполняли нас отчаянием. Поэтому, решив быть твердым, но справедливым, я отправился к Израилу.

— Израил, — сказал я, тепло улыбаясь, — я хочу с вами поговорить о нашем питании.

— А? — произнес Израил. В разговоре с ним следовало проявлять осторожность, поскольку его знание и владение английским языком находились на зачаточном уровне, и поэтому всякое новое понятие могло сделать его речь такой же невразумительной, как у Эластера.

— Еда, — сказал я. — Завтрак очень хорош.

Он расцвел.

— Завтрак хорош, а?

— Очень хорош. Но мы живем здесь две недели, Израил, вы понимаете? Две недели.

— Да, две недели, — кивнул он.

— А что мы едим каждый день на обед и ужин? — спросил я.

Он на мгновение задумался.

— Омар, — ответил он.

— Точно, — сказал я. — Омар, каждый день. Омар на обед, омар на ужин.

— Вы любите омар, — обиженно напомнил он.

— Я раньше любил омара, — поправил я его. — Теперь нам хочется что-нибудь еще.

— Вы хотите что-нибудь еще? — переспросил он, чтобы убедиться.

— Да, как насчет осьминога?

— Вы хотите осьминог?

— Да.

— Хорошо. Я дам вам осьминог, — сказал он, пожав плечами. И давал нам осьминога на ленч и ужин в течение последующих пяти дней.

В день нашего отъезда, когда мы сидели под пальмами, потягивали вино, неожиданно появился Израил. Он обрушил на меня поток своего английского, произнося слова очень быстро, и при этом для обычно невозмутимого человека выглядел крайне взволнованным. Он все время показывал на только что причалившее каноэ с несколькими женщинами и детьми, яркими и красочными, словно груз орхидей, с которыми у него происходила оживленная перебранка. Сообразив, что не мы являемся причиной его гнева, я попросил его говорить помедленнее и в конечном итоге сумел уловить основную суть его рассказа.

Накануне вечером индеец с соседнего острова, до которого было примерно три четверти мили, приплыл сюда, чтобы отпраздновать какое-то событие. Он пил крепко и долго, но в конце концов, где-то около десяти часов вечера, неуверенно направился домой. На рассвете, когда он так и не появился, его жена одолжила каноэ и, посадив в него свою мать вместе с остальными членами семьи, отправилась на поиски мужа. Все, что им удалось обнаружить, это пустое каноэ, плавающее над рифами. Теперь они приплыли к отелю и заявили Израилу, что именно он совершил убийство, поскольку продавал спиртное пропавшему мужчине, и на нем теперь лежит ответственность за поиски трупа. Вполне понятно, Израил хотел узнать, не поможем ли мы ему в этих поисках.

Большинство женщин от такой просьбы тут же упали бы в обморок — но только не моя жена.

— Как интересно! — воскликнула она. — Давай ему поможем. У нас ведь еще есть время, не так ли?

— Да, — ответил я, — будет очень мило в последний раз искупаться вместе с утопленником.

Когда мы уже собирались отплыть, прибывшая недавно постоялица вышла из отеля и приблизилась к нам. Это была роскошная, хорошо сложенная дама с блестящими черными волосами, блестящим коричневым те-

Д лом и большим количеством блестящих белых зубов. Запах ее крема для загара можно было почувствовать за целую милю, а золотая россыпь надежных на ней украшений издавала при ходьбе мелодичный перезвон. Было непонятно, что она делала на примитивных островах Сан-Блас. Куда более уместно она выглядела бы на Лазурном берегу или на пляжах Копакабаны. Ее белое бикини было таким миниатюрным, что она могла бы вообще его не надевать.

— Извините, пожалуйста, — произнесла она, одарив нас блеском всех своих зубов. — Вы едете купаться?

— Э... да, в некотором смысле, — ответил я.

— Вы не возражаете, если я поеду с вами? — кокетливо спросила она.

— Вовсе нет, — искренне ответил я, — но должен вас предупредить, мы отправляемся на поиски трупа.

— Ясно, — сказала она, склонив голову набок. — Так, значит, вы не против?

— Отнюдь, если не против вы, — галантно ответил я, и она вошла в лодку, звеня, как музыкальная шкатулка, и мы чуть не задохнулись от аромата «Chanel № 5» в сочетании с «Ambre Solaire».

Исраил направил лодку к незнакомой нам части рифа, где было найдено каноэ. Семья погибшего уже находилась там; курсируя вперед-назад, они с надеждой вглядывались в прозрачную как стекло толщу воды глубиной около десяти-двенадцати футов. Исраил сказал, что нам лучше разделиться — он обследует одну сторону рифа, а мы с Ли другую. Мисс Копакабана уже элегантно опустилась в море и теперь держалась за борт лодки, выглядя совершенно неуместно.

— Вы поможете Исраилу или поплывете с нами? — спросил я.

— Я поплыву с вами, — ответила она, одарив меня обжигающим взглядом.

Итак, мы отправились на поиски втроем. Через десять минут мы все встретились над лесом роговых кораллов. Ли ничего не нашла, я тоже. Загребая ногами воду, я повернулся к мисс Копакабана.

— А вы не видели его? — поинтересовался я.

— Не видела кого? — спросила она.

— Труп, — сказал я.

— Простите, что?

— Труп. Ну, мертвое тело.

— Мертвое тело? — взвизгнула она. — Какое мертвое тело?

— То, которое мы ищем, — сказал я с возрастающим раздражением. — Я ведь говорил вам.

— О, *Madre de Dios!* Мертвое тело? Здесь, на рифе?

— Да.

— И вы позволили мне плавать с мертвецами? — возмущенно воскликнула она. — Вы позволили мне плавать с разложившимися трупами?

— Но вы же сами захотели отправиться с нами, — заметил я.

— Мне пора, — сказала она.

Она преодолела дистанцию до лодки за рекордное время и перебралась через борт.

— Ну и хорошо, — философски заметила Ли. — Если бы мы нашли труп, с ней бы наверняка случилась истерика.

Пришло время возвращаться назад, чтобы успеть на самолет. Мы так и не нашли нашего утопленника. Мы оттолкнули от себя мисс Копакабана. Однако, размышляя об этом позднее, я пришел к выводу, что мы поступили глупо. В конце концов, что может быть лучшей приманкой для акул, чем труп упитанного индейца?

Итак, мы сели на наш крохотный самолет, и когда он полетел над множеством маленьких, лохматых от пальм островов, похожих на россыпь зеленых бусин, смутными очертаниями рифа, напоминающими странные водяные знаки под блестящей поверхностью моря, мы дали себе обещание, что когда-нибудь обязательно вернемся сюда, чтобы купаться и плавать в этом волшебном месте, а заодно попытаться расширить гастрономические познания Исаила.

СЕРИЯ ЧЕТВЕРТАЯ

Наше путешествие на катере к острову Барро-Колорадо, лежащему в Панамском канале, продолжалось полчаса, и оно предоставило нам возможность составить первое впечатление о лесе, в котором мы собирались работать. Катер с пыхтением разрезал желтовато-коричневую воду, продвигаясь мимо плотной стены разноцветных деревьев. Лиственный шатер, переплетенный, как старинное вязанье, представлял собой расплывчатую массу из зеленых, красных и коричневых тонов; то здесь, то там перистые бледно-зеленые деревья возвышались над остальными, их серебристо-белые ветви были усеяны звездами алых и изумрудно-зеленых эпифитов, например переплетенных гроздьями пурпурно-розовых орхидей. В одном месте наш путь тяжело и неторопливо пересекла пара туканов, блестя на солнце огромными бананово-желтыми клювами, а когда катер прижался к берегу, чтобы обойти отмели, мы смогли увидеть похожих на пригоршню

опалов колибри, порхающих среди крохотных цветков на деревьях. Небо имело глубокий темно-синий оттенок, и, хотя было еще только раннее утро, солнце пекло достаточно сильно для того, чтобы по спине под рубашкой начали стекать струйки пота. Нас обволакивал этот неповторимый густой и пряный аромат тропиков, где тонкое благоухание миллионов цветов, сотен тысяч грибов и фруктов, испарений от квадриллиона медленно гниющих листьев перемешиваются в одном котле вечно изменяющегося, вечно умирающего и вечно растущего леса.

Вскоре показался и остров. Холмы, словно равнобедренные треугольники, покрытые лесом до самых вершин; их отражения, неясные и дрожащие в коричневых водах, похожие на рисунок пастелью. Когда катер подошел к причалу, появилась большая, как ласточка, бабочка-морфина, похожая на кусочек ожившего неба; сделав над нами несколько легких пируэтов, она улетела прочь, чтобы осветить какой-нибудь темный уголок зеленой лесной чащи. Выгрузив наш багаж, мы оказались лицом перед фактом, что нам предстоит совершить почти одиночное восхождение на вершину по пролету бетонных ступеней, вызвавших к меня неприятные ассоциации с крутыми и изматывающими монументами ацтеков в Мексике, по которым мы с Ли карабкались несколько лет назад. Рядом с лестницей проходила монорельсовая дорога, где курсировал похожий на приплюснутый поезд вагончик. Мы побросали в него наши вещи и посмотрели на отдаленные домики, почти полностью скрытые деревьями.

— Ну ладно, — мрачно произнес я, — сегодня я поднимусь пешком, хотя бы для того, чтобы потом всем об этом рассказывать, но с завтрашнего дня — только Восточный экспресс.

Мне редко приходилось так сильно сожалеть о своем решении. Уже на полпути я смертельно устал и насквозь промок от пота. К тому времени, когда я все же добрался до вершины, у меня осталось сил лишь на то, чтобы донестись до стула и судорожно схватить кружку пива, которую предусмотрительно приготовила Пола. Нет нужды говорить, что, к моей большой досаде, Ли после совершенного восхождения выглядела безупречно и даже ничуть не запыхалась.

С тех пор как члены нашей группы прибыли на место, они тут же занялись поиском подходящих съемочных площадок и наилучших мест для работы с животными. Большинство обитающих на острове животных давно привыкли к тому, что группы озабоченных ученых постоянно шляют по лесу, поэтому еще одно вторжение вряд ли могло сильно повлиять на их поведение.

— У нас здесь отличный материал. Ну, когда я говорю «отличный», может быть в монтажной, но выглядит вполне сносно, да, особенно эти реву-

щие твари обезьяны, да, ревуны и огромное количество таких огромных деревьев, покрытых эпитетами, — докладывал Эластер.

— Эпитетами? — переспросил я, подумав, что, может быть, какой-то новый вид растения-паразита, о котором я не слышал, теперь произрастает на Барро-Колорадо.

— Да, — сказал Эластер, — ну знаешь, за все цепляются, как орхидеи.

— Может быть, ты имеешь в виду эпифиты? — спросил я.

— Ну да, я знал, что они называются примерно так, — произнес Эластер с легким апломбом. — И потом, там были еще эти звери с длинными э... носами, смешно так называются.

— Тапиры?

— Нет, длинные носы, свистят, очень забавные, — уточнил Эластер, удивляясь моим затруднениям после такого детального биологического описания.

— Трубкозубы?

— Нет, нет, они ходят по земле.

— Трубкозубы тоже ходят, — заметил я.

— Они называют их как-то вроде «кокас», — сказал Эластер.

Я глубоко задумался. Общение с Эластером всегда проходило непросто, но когда он не мог вспомнить какое-то название или использовал неверное, то начинаешь чувствовать себя так, словно пытаешься расшифровать «Свитки Мертвого моря» с помощью португальско-эскимосского словаря.

— Может быть, ты имел в виду коати? — спросил я, осененный внезапной догадкой.

— Точно, точно, — с триумфом произнес Эластер. — Длинный нос, свистит, лазает по деревьям.

Вскоре мы совершили нашу первую вылазку в глубь острова, чтобы осмотреть все выбранные Эластером съемочные площадки и попытаться хотя бы краем глаза увидеть некоторых из животных. Сколько бы вам ни приходилось посещать тропики, как мне кажется, вы все равно будете испытывать душевный трепет всякий раз, когда вновь ступаете в расплывчатый сумрак, царящий между стволами гигантских деревьев. После залитых ярким солнцем открытых пространств ваши глаза должны сначала привыкнуть к слабой освещенности. Первым делом вы ощущаете прохладу, но вскоре понимаете, что прохлада здесь весьма относительная, поскольку вы все равно продолжаете потеть. Следующее, что приводит вас в восторг, это необычайное разнообразие растений и деревьев вокруг. Всюду, куда ни бросишь взгляд, вы видите перед собой нового представителя растительного мира, и хотя буйство зелени представляет собой статичную картину, у

Д

вас создается впечатление непрерывного движения. Гигантские деревья высотой за сотню футов, опирающиеся на воздушные корни (похожие на контрфорсы средневековых соборов), связаны между собой сетью ползучих растений и лиан, из-за чего они напоминают гигантские мачты потерпевших кораблекрушение шхун с изорванными в клочья зелеными парусами, и кажется, что только плотно окутавший саван из лиан не позволяет им упасть.

В некоторых местах лесная подстилка казалась живым, шевелящимся зеленым ковром. Эта галлюцинация была вызвана ручейками муравьев-листорезов, спешащих обратно к гнездам со своей добычей — маленькими, размером с ноготь, треугольными кусочками зеленых листьев, переброшенных на спину. Выбранное муравьями дерево (которое они деловито обрабатывали) и их гнездо может разделять расстояние в несколько сотен футов, и зеленая колонна прокладывала себе путь по темной лесной подстилке, через упавшие бревна и под кустами, двигаясь равномерным потоком, который при более близком рассмотрении напоминал регату лилипутских корабликов, оснащенных зелеными парусами.

Углубившись в лес, мы слышали впереди себя низкий раскатистый рев, свидетельствующий о присутствии черных обезьян ревунов. Это весьма впечатляющий звук, представляющий собой нечто среднее между воем, ревом и хриплым бульканьем, и он, вибрируя, разносился по всему лесу, производя достаточно жуткое впечатление. Вскоре мы обнаружили их — маленькую семейную группу черных как смоль обезьян; одни беззаботно разгуливали по ветвям, другие грели спины в островках солнечного света, запихивая в рот листья и молодые побеги, третьи просто раскачивались на необычайно цепких хвостах, созерцая свой висячий сад. Заметив наше приближение, они сразу же насторожились, направив на нас подозрительные взгляды, а когда мы свернули с тропы в лес и оказались прямо под ними, обезьяны пришли в сильное возбуждение и, проявляя свою воинственность, начали забрасывать пришельцев ветками, листьями и другими, менее приятными снарядами.

— Ну это уже слишком, — сказал Эластер, когда большой кусок экскрементов прорезал листву всего в нескольких футах от его головы.

— Остынь, Эластер, — посоветовала ему Пола. — Они всего лишь делают то, что каждый мечтает сделать с режиссером.

Убедившись, что шквал веток и экскрементов не оказывает на противника должного воздействия, обезьяны заревели в один голос, пытаясь убедить нас в том, что это их территория. Это было все равно, что стоять в глубоком конце пустого плавательного бассейна и слушать хор Красной Армии, каждый исполнитель которого поет свою песню на монгольском.

— Мы определенно заставили их потерять самообладание, — сказала Пола, повысив голос, чтобы перекрыть поднявшуюся какофонию.

— Мы обязательно должны, вы знаете рев, да где-нибудь выше деревьев, — промолвил Эластер.

— Здесь есть вышка, — сказала Пола, осуществляя синхронный перевод. — Ученые говорили мне, что в лесу есть вышка, которую они обычно используют для изучения лесного купола.

— Именно так, — подтвердил Эластер.

— Ее высота около ста пятидесяти футов, — с энтузиазмом сообщила Пола.

— Я в восторге, — сказал я. — С удовольствием посмотрю на то, как Эластер будет на нее карабкаться.

— Ах, милый, я совсем забыла, что ты не переносишь высоты, — извинилась Пола. — Ну ничего. Мы отправим наверх съемочную группу, а вы с Ли сможете остаться на земле.

— Ты просто восхитительный продюсер, — сказал я.

Мы шли по лесу, осторожно переступая через колонны муравьев-листорезов. Их было так много, что казалось удивительным, почему в лесу еще остаются листья. На самом деле такой сбор листьев является своеобразной формой огородничества — муравьи переносят листья в свои обширные подземные дома (занимающие площадь до четверти акра), где листья перегнивают, превращаясь в мульчу, и на ней насекомые выращивают грибы, составляющие их основной рацион. Каким-то образом понимая, что если уничтожить все листья на деревьях, расположенных в непосредственной близости от их гнезда, то они сами умрут от голода, муравьи общипывают деревья очень аккуратно и собирают лишь небольшое количество листьев с каждого дерева.

На второй день мы наткнулись на просеку, проложенную в лесу одним из упавших гигантских деревьев. Проливные дожди подмыли корни дерева, которое росло на склоне, цепляясь корнями за тонкий почвенный слой, после чего порыв ураганного ветра вырвал дерево из земли с такой же легкостью, с какой дантист вырывает зуб. Этот пример наглядно демонстрировал непрочность и уязвимость тропического леса. Почвенный слой здесь настолько тонкий, что деревьям приходится отращивать гигантские воздушные корни, чтобы удерживаться в вертикальном положении. В действительности эти исполинские деревья сами себя кормят, поскольку опадающие с них листья быстро гнивают, превращаясь в гумус, который и питают деревья. Этот процесс происходит так быстро, что успевает сформироваться лишь тонкий почвенный слой. Поэтому вырубка тропических лесов, которая происходит с ужасающей скоростью по всему миру, обнажает тон-

кий почвенный слой, способный продержаться лишь короткое время в качестве пашни или пастбища. Затем он исчезает, оставляя после себя бесплодную, пораженную эрозией землю. Однако естественное падение деревьев идет на пользу лесу. Когда гигант рушится на землю, он ломает и валит вместе с собой другие более мелкие деревья, растущие на пути его падения, пробивая брешь в густом лесном куполе. В нее проникают солнечные лучи, и кустарники, ползучие растения и молоденькие деревья, которые вели борьбу за выживание в лесном сумраке, устремляются вверх. Семена, дремавшие в почве долгие годы и терпеливо ожидавшие такого события, теперь пробуждаются и, дав ростки, начинают стремительно тянуться ввысь к голубому небу, прежде чем брешь закроют другие растения. Таким образом, смерть одного из лесных великанов становится сигналом к пробуждению новой жизни и дальнейшему росту вокруг его гигантских останков.

С участков склона, расположенных выше рухнувшего исполина, до нас доносились писк, треск и громкий шорох. Решив исследовать причину этих звуков, мы свернули с тропы и обнаружили группу паукообразных обезьян, развлекавших себя тем, что, спустившись на нижние ветви деревьев, они посадили какие-то розовые бутоны. Они названы очень удачно, так как со своими длинными, мохнатыми, темными конечностями и длинными хвостами (настолько цепкими, что обезьяны пользуются им как дополнительной рукой) эти животные и в самом деле похожи на необычных гигантских пауков, плетущих паутину среди ветвей. В отличие от ревунов, оказавших нам негостеприимный прием, паукообразные обезьяны, напротив, демонстрировали свое дружелюбие и, по-видимому, очарованные нами, раскачивались на своих удивительных хвостах все ближе и ближе, постепенно приближаясь к земле. Одна из них почувствовала особый интерес к Ли, которая только что начала есть апельсин, чтобы утолить жажду. Раскачиваясь на хвосте, обезьяна перепрыгивала с ветки на ветку, пока наконец не оказалась на расстоянии пятнадцати футов от Ли, после чего начала рассматривать ее с интересом антрополога, изучающего особенности питания аборигенов. Ли отломила от апельсина несколько долек и протянула их обезьяне; к нашему удивлению, без всяких колебаний обезьяна слетела вниз, схватила предложенное угощение и сунула его в рот. После этого вся их стая долго следовала за нами по деревьям, бросая на нас вожделующие взгляды, и отстала лишь после того, когда стало совершенно очевидно, что апельсинов больше не будет.

Эластер договорился с одним из прикрепленных к станции охотников, чтобы тот прочесал лес в поисках животных, подходящих для наших съедом, и на следующее утро он явился к нам с первым экземпляром, одним

из моих самых любимых животных — двупалым ленивцем. Это на редкость очаровательные создания с маленькой головой, пушистым телом, круглыми, немного выпученными золотистыми глазами и с доброй мечтательной улыбкой, не сходящей с их физиономий. Спокойные и медлительные ленивцы позволят вам повесить себя в любом месте, словно старое пальто, и лишь проведя полчаса в глубокой медитации, они переместятся футов на шесть, да и то крайне неторопливо. Ленивцы поистине фантастические существа. Поскольку они превосходно адаптировались к своей необычной, перевернутой жизни на вершинах деревьев, где большую часть времени висят спиной вниз, а также потому, что их рацион состоит из трудно перевариваемых листьев, внутренние органы ленивца сильно отличаются от внутренних органов всех остальных млекопитающих. Обмен веществ у этих животных такой же замедленный, как и их движения, неторопливый, как бюрократическая волокита. Например, они могут целую неделю не опорожнять мочевой пузырь.

Шерсть ленивца, конечно же, растет не так, как у других животных. У всех остальных млекопитающих шерсть имеет ворс, направленный от позвоночника к брюху, поэтому пробор, если так можно выразиться, находится на хребте. У ленивца ворс на животе уложен наискосок, а остальная шерсть растет в направлении к позвоночнику, и поэтому, когда ленивец висит спиной вниз, дождевая вода легко скатывается с его тела. Их шерсть имеет также весьма необычное адаптивное приспособление — тонкие слои клеток, расположенные по диагонали к волоскам шерсти и формирующие бороздки, в которых поселяются два вида сине-зеленых микроскопических водорослей. Они придают шерсти животного зеленоватый оттенок, помогающий оставаться незаметным среди листвы, и поэтому ленивца можно уподобить висячему саду.

Еще более любопытным является тот факт, что в шерсти ленивца селятся некоторые виды жуков и клещей, а также один весьма необычный вид бабочки-огневки. Известно около двенадцати тысяч видов этой бабочки, встречающейся по всему миру, и многие из них весьма необычны. Например, некоторые виды имеют в основании брюшка так называемый тимпанальный орган. Этот орган слуха способен воспринимать ультразвуковые импульсы летучих мышей (предназначенных для поимки жертвы), таким образом помогая бабочке ускользать от хищника. Некоторые гусеницы бабочек-огневок живут на водных растениях и во многих случаях становятся настоящими водными обитателями; у одного из видов гусениц даже развиваются жабры. У бабочки-огневки довольно любопытные взаимоотношения с ленивцем. Она откладывает свои яйца в шерсть ленивца, и когда из этих яиц выводятся личинки, они кормятся микроскопическими

Д водорослями, населяющими бороздки волос, а возможно, и самой шерстью. Следовательно, кроме висячего сада, ленивец является еще и передвижным меховым отелем для всех этих насекомых.

Следующей кинозвездой, принесенной из леса, чтобы предстать перед камерами, оказалось маленькое удивительное существо, которое я не видел с тех пор, как приобрел такое в Гайане много лет назад. Это был карликовый муравьед, самый маленький из всех муравьедов; взрослое животное спокойно поместится на вашей ладони, оставив еще достаточно свободного места. Как и ленивец, это миниатюрное создание прекрасно приспособилось к древесному образу жизни. У него короткая, густая и шелковистая шерсть янтарно-коричневого цвета. Его цепкий хвост на конце голый, что позволяет животному крепче держаться за ветки. Он имеет короткую трубкообразную мордочку, чуть загнутую вниз, маленькие глазки и ушки, скрытые в густой шерсти. Конечности этого маленького зверька представляют собой особый интерес. Передние лапы имеют толстые розовые подушечки и вооружены тремя длинными, тонкими, острыми когтями; из них средний коготь самый большой. Когти могут складываться в специальные желобки на подушечках, словно лезвие перочинного ножа. На задней ноге (на пятке, если можно так выразиться) у него имеется мускулистый выступ в форме чашечки, позволяющий ступне более плотно прилегать к ветке. Пальцы задних ног заканчиваются острыми когтями с подушечками у основания, и все это, вместе с эффектом присоски, формирует удивительно надежный хватательный механизм, в котором когти даже не играют особой роли. В случае опасности карликовый муравьед обвивает хвост вокруг ветки, крепко упирается в дерево задними ногами (образуя треножник из двух ног и хвоста), поднимает над головой передние лапы и, когда противник оказывается в пределах досягаемости, делает выпад, нанося рубящий удар сверху вниз своими острыми как бритва передними когтями. В отличие от ленивца, имеющего тупые, похожие на колышки зубы без эмали, которые продолжают расти на протяжении всей его жизни, у муравьеда вообще нет зубов, а лишь длинный клейкий язык и сильные мускулистые стенки желудка, перетирающие древесных муравьев, которыми он питается.

Во время съемок наш герой продемонстрировал необычайную силу духа и вскоре настолько к нам привык, что в перерывах между дублями спокойно устраивался на указательном пальце Ли, обвив хвостом ее большой палец или запястье. Когда пришло время его отпустить, он с большой неохотой покинул руки Ли и еще долго сидел в кустах, с тоскою глядя на нас, прежде чем скрыться в лесу.

Хотя у нас уже были мили пленки, запечатлевшей то, как муравьи-лис-

торезы, занимаясь своими делами, обрывают листья с деревьев, переносят листья к гнезду, убирают гнездо и образуют огромные мусорные кучи, нам приходилось расставаться с муравьями в тот момент, когда они исчезали под землей. Это не давало покоя Эластеру.

— Я хочу вы знаете я думаю ну, сады, — сказал он, склонив голову набок и медленно поворачиваясь на месте, что придавало ему сходство с благожелательным, улыбающимся трупом на виселице. — Грибные грядки, вы знаете под землей?

— Единственный способ до них добраться, милый, это выкопать наших друзей из-под земли, — практично заметила Пола.

— Да, — задумчиво произнес Эластер, перемещаясь, словно волчок, по муравьиному гнезду, которое по площади не уступало размерам небольшого танцевального зала.

— Это возможно? — спросил Роже. — Они не слишком глубоко?

— Ну, порою грибные грядки находятся достаточно близко к поверхности, — сказал я, — но муравьи вряд ли будут в восторге от вашей затеи.

— Пола, ты раздобудешь нам лопаты, а мы выкопаем их, а? — с энтузиазмом предложил Роже. — Выкопаем эти маленькие *jardins des champignons*, да?

— Да, лопаты, — произнес Эластер, пораженный новизной идеи. — Принеси нам лопаты.

Итак, Пола поплелась обратно через лес на исследовательскую станцию и через некоторое время вернулась с охапкой лопат. Именно в этом и заключается основное предназначение продюсера. Продюсер должен доставать и приносить — как по волшебству — любую вещь от полноприводного грузовика до сытного обеда, от моторной лодки до бутылки виски.

— То, что нужно, — сказал Эластер.

Они с Роже взяли за лопаты и принялись копать. Уже имея в прошлом некоторый опыт общения с муравьями-листорезами, я взял Полу и Ли под руки и отвел их подальше от места действия. Листорезы, как вид, весьма преуспевающие насекомые. Основателем всей колонии является «царица», которая во время брачного вылета несет с собой (в некоем подобии мешочка) нити грибницы, составляющей основной рацион будущей колонии, примерно так же, как американские колонисты везли с собой мешки с пшеницей, чтобы посеять ее там, где они решат обосноваться. По окончании брачного вылета царица сажает грибницу в гнездовой секции и ухаживает за ней с увлеченностью профессионального садовода, удобряя своими экскрементами. Если грибница погибает, колония прекращает свое существование; когда грибница успешно приживается, колония быстро разрастается, увеличиваясь пропорционально росту грибных плантаций и

Д

доходя по численности до миллиона особей на гнездо. Я как раз успел объяснить все это Поле, когда около полумиллиона обитателей данного гнезда решили, что деятельность Роже и Эластера представляет собой угрозу для их благосостояния, и бросились вперед, чтобы выразить свой протест. Только что Эластер и Роже походили на двух усердных огородников, перекапывающих свои грядки под посев нового урожая, а в следующее мгновение они уже совершали прыжки, повороты и па-де-де, которым позавидовали бы артисты московского балета. Все это сопровождалось дикими, душераздирающими воплями, разбавленными в равной мере богохульствами и проклятиями.

— О боже! — пронзительно кричал Эластер, вальсируя кругами, теперь уже по необходимости. — О-о, о-о, они кусаются! Проклятые твари!

— О-о, о-о, *merde alors!* — вторил ему Роже, тоже вальсируя и хлопая себя по брюкам. — Ой, как кусаются!

Основная проблема заключалась в том, что на Эластере были шорты и пара древних бейсбольных туфель, оставлявшие ноги совершенно не защищенными, и полчища муравьев ползли по ним вверх, как по дереву, собираясь разорвать его на части. Роже, если такое возможно, оказался в еще худшем положении, поскольку на нем были элегантные, плотно облегающие брюки, по которым муравьи взбирались быстро и без помех. Те из них, кто остался снаружи, вгрызались в тело прямо через тонкую ткань. Те же муравьи, которые оказались внутри, поставили себе цель подняться как можно выше, прежде чем начать свое нападение, поэтому Роже кусали в самые интимные и нежные части тела. Челюсти муравьев, достаточно мощные для того, чтобы разгрызать плотные листья, без труда прокусывали тонкую брючную ткань, и ноги Роже, как и ноги Эластера, вскоре покрылись кровавыми пятнами. Мы вынесли пострадавших с поля боя и стряхнули с них муравьев. Затем Пола оказала им первую помощь, введя антибиотики, но прошло еще значительное время, прежде чем мы собрали с них всех муравьев.

— Вы видели это? — задыхаясь, говорил Эластер, его очки запотели от волнения. — Эти мерзавцы хотели разорвать меня на маленькие лоскутки!

— А что они вытворяли со мной? — возмущался Роже. — Они посягнули на самое святое. Они пытались сделать меня евнухом.

Позднее, закутанные в столько слоев всякой одежды, что выглядели как Труляля и Траляля, подготовившиеся к битве, Роже с Эластером успешно выкопали маленькую часть грибного сада и сняли его на пленку, к большому неудовольствию муравьев.

Одним из наиболее фантастических фрагментов жизни тропического

леса, который так же трудно снять на пленку, как и подземные грибные плантации муравьев, является необычайная история взаимоотношений гигантского фигового дерева (дикой смоковницы) и крошечной осы бластофаги. Об их удивительном содружестве стало известно совсем недавно, и это открытие еще раз продемонстрировало, насколько сложно организована жизнь тропического леса и то, что каждое растение или животное, обитающее в нем, является лишь частью единой экосистемы. Ведь без больших фиговых деревьев погибла бы оса бластофага, а без крошечного насекомого фиговое дерево не смогло бы давать семена, его численность начала бы сокращаться и в конце концов оно прекратило бы свое существование.

Все смоковницы имеют весьма необычную форму соцветий, напоминающих скорее фрукт, чем цветок. Множество крохотных цветков находится внутри такого грушевидного соцветия, или фиги, которое с нижнего конца прикрепляется к дереву цветоножкой; на верхнем конце имеется небольшое отверстие, почти полностью закрытое чешуйками. У смоковницы развиваются два типа цветков — мужские и женские, и способ, при помощи которого пыльца переносится из одного цветка в другой, не только очаровывает, но и вызывает трепет. Вот как это происходит.

На дереве первыми созревают женские цветки, и их аромат привлекает самок бластофаги, несущих на себе пыльцу с других смоковниц, растущих в лесу. Чтобы добраться до цветков, самка должна пролезть внутрь фиги через верхнее отверстие, раздвинув чешуйчатую «дверь». Сделать это совсем не просто, поскольку «дверь» достаточно тесная, и хрупкая самка бластофаги часто обламывает свои крылья и усики, когда проникает в фигу.

Как только самка успешно проникает в фигу, она начинает просверливать столбик женского цветка, используя свой длинный яйцеклад, словно буровой снаряд, чтобы добраться до семязачатков и отложить там яйца. Женские цветки бывают двух видов, один из которых имеет короткие столбики, а другой — длинные. Благодаря такому различию в строении яйцеклад осы может добраться до семязачатков только короткостолбиковой разновидности цветка. Длинностолбиковые цветки лишь пробуются осой, но при этом они получают принесенную ею пыльцу. В результате в короткостолбиковых цветках развивается потомство бластофаги, в то время как длинностолбиковые цветки производят семена. Это само по себе достаточно необычно, но дальше история становится еще более странной и фантастической.

Отложенные самкой яйца развиваются и окукливаются. На этой стадии они, по всей видимости, начинают выделять вещество, которое пре-

Дпятствует созреванию фиги, потому что, если плод созреет, пока там находятся личинки, их инкубатор может быть съеден вместе с ними. (В действительности сочные плоды развиваются только из длинностолбиковых соцветий.) Наконец процесс развития личинки заканчивается. Первыми на свет появляются самцы бластофаги; они обходят по кругу еще не вылупившихся самок и оплодотворяют их. Вплоть до этого момента фига остается плотно запечатанной, так что воздух внутри ее содержит до десяти процентов двуокиси углерода (против 0,03 процента в наружном воздухе), но это совершенно не беспокоит самцов. Однако после оплодотворения самцы бластофаги прогрызают отверстия в стенках своего инкубатора, и уровень двуокиси углерода внутри резко падает. Это каким-то образом ускоряет процесс выведения из личинок женских особей и способствует появлению пылящих тычинок, которые покрывают пылью самок бластофаги. Самцы и самки, работая как одна команда, обгрызают чешуйки в тоннеле на верхнем конце фиги, после чего самки улетают, унося с собой оплодотворяющую пыльцу, чтобы основать колонию на другом фиговом дереве. Бескрылые самцы не могут покинуть инкубатор и погибают, выполнив свою жизненную задачу.

Когда задумаешься над тем, что история осы бластофаги лишь один из многочисленных примеров тех удивительных событий, которые происходят в тропических лесах, начинаешь понимать, в каком сложном мире мы живем и с какой легкостью наше неуклюжее вмешательство может внести хаос в тонкий баланс экосистем.

Тропические леса планеты — одно из величайших достояний человечества, и в то же время мы обращаемся с ними так, будто они представляют для нас какую-то опасность, а не являются неисчерпаемой самовосполняющейся кладовой лекарств, продовольствия, древесины, красителей, пряностей и многих других полезных вещей. Мы еще даже не осознали до конца, какую пользу способны принести человечеству тропические леса, но уже уничтожаем их с такой скоростью, что многие виды растений и животных исчезают до того, как ученые успевают их описать. Подсчитано, что это дикое, самоубийственное наступление на тропические леса планеты приводит к тому, что сто десять тысяч квадратных километров — сорок три тысячи квадратных миль — леса вырубается и сжигается ежегодно. Жизнерадостный прогноз говорит нам о том, что при таком темпе тропические леса полностью исчезнут через восемьдесят пять лет. Если такое произойдет — а пока нет никаких признаков того, что человечество внезапно опомнится и начнет вести себя разумно, — то результатом будет катастрофическое изменение климата всей планеты, поскольку леса контролируют погоду и без них богатейшие области превратятся в пустыни за

очень короткое время. И это не говоря уже о той всем известной пользе, приносимой нам лесами, и тех его богатствах, которые еще только ждут своего открытия. Мы лишь слегка прикоснулись к области знаний, связанных с огромной экосистемой, известной нам как дождевой лес, или джунгли. Мы пока не представляем себе, какая неоценимая польза для человечества может таиться среди деревьев, но уже почти с маниакальной расточительностью губим то, что никогда не сможем воссоздать, то, что представляет огромную ценность для всех жителей Земли; и, более того, то, что при разумной эксплуатации способно самовосстанавливаться. Однако при текущем положении дел возможно, что уже менее чем через сто лет, при наличии миллионов новых ртов, требующих пищи, мы будем вынуждены выращивать продовольствие в пустынях только потому, что ведем себя алчно, преступно и абсолютно эгоистично, и это касается всех, независимо от цвета кожи, религиозных и политических убеждений, и если мы не начнем изменяться, и изменяться быстро, у наших детей уже никогда не будет возможности увидеть этот самый необычайный и биологически наиболее важный регион планеты — тропический лес, и тем более воспользоваться его благами.

СЕРИЯ ПЯТАЯ

Возможно, это хорошо, что мы не отправились сразу из Барро-Колорадо (где была жара за сорок градусов) к следующему месту назначения, поскольку, когда мы прибыли в Райдинг-Маунтин, где собирались снимать северный лес зимой, там стоял двадцатиградусный мороз. Сказать, что было холодно, значит не сказать ничего. Не успели мы выйти из машины, как мои борода и усы смерзлись воедино, а длинные полудюймовые ресницы Пола покрылись таким толстым слоем инея, что она с трудом открывала глаза.

— Г-господи, — произнесла она, озирая укутанные снегом окрестности, ледяное серое небо и огромную бревенчатую хижину, к которой мы подъехали. — Хорошее местечко, чтобы повесить здесь свою табличку, — правда, мальчики?

— Гм, снег, я надеюсь хотя свет не слишком хороший. Будет ли снег воздействовать на животных? — спросил Эластер, попытавшись начать описывать крути со склоненной набок головой, но глубокий снег его остановил. Ли бросила в него снежок, но, к сожалению, промахнулась.

Бревенчатая хижина принадлежала Бобу и Луизе Сопак — очарова-

Д тельной паре, которая должна была стать нашими хозяевами и оказывать общее содействие на данном отрезке нашего путешествия вместе со своими соседями Черил и Доном Макдональдами. Когда я говорю, что это была бревенчатая хижина, то вовсе не имею в виду одно из тех строений, напоминающих коробку из-под обуви, которые вы так часто можете увидеть в фильмах о Диком Западе. Да, она была сложена из огромных сосновых бревен, но на этом сходство заканчивалось. Войдя внутрь хижины, вы видели, что весь нижний этаж имеет открытую планировку. Где-то на высоте тридцати футов над вами парила крыша, а под ней находились гостиная, жилые и кухонные площади. Одни лестницы вели к расположенным под крышей спальням, а другие — вниз, к другим спальням и погребам под домом. Это был один из самых необычных домов, в которых мне доводилось побывать. Боб и Луиза оказались превосходными кулинарами, и, чтобы отогреть наши тела, насквозь промерзшие после четырехчасовой поездки из Виннипега, они приготовили для нас роскошный обед: густой бульон, хлеб домашней выпечки и столько оленины, что мне показалось, будто все поголовье оленей Канады было истреблено в одночасье. В действительности Боб превосходно управляет своей землей, и каждый год он отстреливает ровно столько оленей, сколько требуется на зиму (обычно двух животных), не только обеспечивая себя деликатесным мясом, но и отбраковывая слабых особей.

Благодаря обильной трапезе, в сопровождении определенного количества предусмотрительно захваченного нами скотча, мои борода и усы оттаяли, а Пола вновь обрела зрение. Тут же за столом мы решили, что она, Родни (наш канадский оператор) и Эластер отправятся на разведку, в то время как нас с Ли посвятят в таинства катания на лыжах и хождения в снегоступах.

Я очень скоро обнаружил, что моя фигура, мой *en bon point*, как это изящно называют французы, не подходит для катания на лыжах. Если я наклонялся вперед, то тут же падал вниз лицом; если я наклонялся назад, то падал навзничь; если же мне удавалось держаться прямо, то я падал либо вперед, либо назад, в зависимости от того, куда дул ветер. Однако хождение в снегоступах это совсем другое дело, и здесь мои успехи были вполне удовлетворительными. Возникает удивительное ощущение, когда у тебя появляется возможность ходить по глубокому снегу и не проваливаться в него. Я чувствовал себя как эта чудесная птица — якана, которая (при достаточно большом весе) бегаёт по листьям водяных лилий, словно по шоссе. Прикрепив к подошвам своей обуви некое подобие теннисных ракеток, вы передвигаетесь равномерным шагом по глубокому снегу, в котором без снегоступов уязли бы по уши через несколько шагов. Единст-

ненную сложность представляет собой разворот на месте, и если вы действуете не по правилам, ваши снегоступы цепляются друг за друга и вы падаете в снег, выбраться из которого можно лишь после долгой борьбы, что стоит немалых усилий. Но после того, как вам удалось освоить технику разворота, вы начинаете чувствовать себя как гвардеец с непомерно раздутыми ступнями, четко выполняющий на плацу команду «Кругом!».

Приобретя достаточный опыт передвижения на снегоступах, мы с Ли отправились обследовать ближайшие окрестности. Небо было синевато-серым, и казалось, если бросить в него снежком, оно звякнет, как железное. Оттуда сыпались пригоршни снежинок, каждая размером с почтовую марку, толстые и мягкие, словно промокательная бумага. Снег скрипел и урчал под нашими ногами, но больше до нас не доносилось ни звука — весь мир был заглушен снегом. Сосны выглядели так, будто какой-то великан-кондитер облил их глазурью, и темно-зеленые ветви сгибались под ее тяжестью. Местами можно было увидеть, как достаточно большие деревья так сильно прогнулись от белого груза, что было очевидно — следующий снегопад уронит их на землю. Мы подошли к маленькому озеру, круглому и гладкому под покровом снега и льда, словно блюдо с молоком. По краям озера виднелись покрытые снегом холмики с торчащими из них черными ветками, похожие на палочки древесного угля, пробивавшиеся через ледяную корку. Это были бобровые хатки, и где-то глубоко внутри спали животные, ожидая весны, которая растопит пятифутовый слой снега и льда и освободит для них воду, где можно плавать.

Вернувшись в Канаду летом, мы вновь посетили это озеро на рассвете. Перемена оказалась просто поразительной. В нем стояла золотисто-зеленая вода, все озеро окаймляли густые заросли камыша, похожие на бахрому вокруг викторианской скатерти, а по водной поверхности здесь и там были разбросаны островки белых лилий. Солнце, только что поднявшееся над мерцающей кромкой зеленых деревьев, рассеивало легкую дымку столпившего над озером тумана, и его тонкие клочья дрейфовали между камышами и водяными лилиями, словно невесомая свадебная фата.

Мы сели в каноэ и медленно поплыли к поднимавшемуся над водой коричневому буторку, похожему на гигантский, наспех состряпанный рождественский пудинг. Это была бобровая хатка. На полпути к ней над поверхностью золотисто-зеленой воды внезапно появилась большая коричневая голова, и из портретной рамы бегущих по воде кругов на нас с явной подозрительностью уставился бобер. Мы перестали грести, чтобы понаблюдать за тем, как он медленно и спокойно плавает взад-вперед перед своей хаткой, словно стражник, патрулирующий перед входом во дворец. Однако когда мы попытались подогнать каноэ поближе к нему, он запаниковал

и, подняв над водою свой похожий на весло хвост, ударил им о поверхность с такой силой, что по озеру разнеслось эхо, похожее на ружейный выстрел. После этого он сразу же нырнул. Через несколько минут он появился в другом месте и, увидев, что мы до сих пор не отступили, снова ударил хвостом по воде, прежде чем нырнуть еще раз. Все то время, пока мы находились в каноэ, он продолжал выныривать на поверхность, каждый раз в новом месте, и лупить по воде хвостом, чтобы нас испугать. Это был единственный бобер, которого мы видели за время нашего пребывания в Канаде, и я не могу сказать, что он вел себя как гостеприимный хозяин.

Вернувшись в дом, мы обнаружили там Эластера в приподнятом настроении. Ему удалось найти и снять на пленку большое стадо белохвостых оленей и даже норовистого американского лося, что, по его мнению, могло служить достаточно веским доказательством существования животных в этом замерзшем глухом краю. Поскольку на протяжении всей четырехчасовой поездки из Виннипега мы видели только двух ворон, я не могу винить Эластера за сложившуюся у него убежденность в том, что на замерзшем Севере не может жить никто, кроме людей.

— Завтра мы выйдем все вместе и попытаемся снять тебя вместе с Ли в компании белохвостых оленей и американского лося, — изрекла Пола тоном маститого продюсера, очевидно, уже забыв про те дни на Мадагаскаре, когда она была всего лишь ассистентом продюсера и имела прозвище Асс. Прод.

— А вечером, — продолжила она, — мы отправимся на озеро, и Эластер хочет, чтобы ты половил там сов.

— Что ты сказала? — спросил я, решив, что неверно ее расслышал.

— Половил сов — на мышь, — пояснила Пола.

— Куингере, сколько ты сегодня выпила? — поинтересовался я.

— Нет, нет, милый, я не шучу. Эластер где-то вычитал, что ученые ловят сов, используя в качестве приманки дохлую мышь, когда нужно их окольцевать или сделать с ними что-нибудь еще.

— Никогда не слышал про подобную чушь, — сказал я. — И, кстати, почему на озере? Я не знал, что в Канаде совы живут под водой.

— Да нет, просто на озере больше свободного места. В лесу леска может запутаться в ветвях деревьев.

— Не знаю, что и сказать. По-моему, это совершенно бредовая затея. Ты можешь повлиять на Эластера?

— Нет, — кротко ответила Пола.

Этой ночью Ли и я первый раз увидели северное сияние. Поскольку для Боба и Луизы это было совершенно обычное явление, они даже забыли о нем упомянуть. Они любезно разместили нас в своей спальне, и когда

мы забрались в большую, уютную двуспальную кровать, то обнаружили, что прямо над нами полыхает небесный огонь. Я выключил свет и тут же застыл на месте от удивления. Большая часть неба непосредственно над нашей кроватью казалась живой. На фоне глубокой бархатной черноты небосклона вспыхивали свитки, занавеси, ленты и переплетенные пряди бледно-пурпурных, зеленых, голубых, розовых и морозно-белых метелок, походившие на облака, но при этом живущие своей собственной жизнью. Каждую секунду они перемещались, разделялись, сливались, распадалась и вновь соединялись, уже образуя другие сочетания, и вся эта картина подсвечивалась откуда-то сбоку, причем цвета подсветки тоже все время изменялись. Мне сразу же вспомнился подаренный мне в детстве калейдоскоп, представлявший собой трехгранную трубку наподобие микроскопа. Вы кладете под объектив покрытую узором бумагу — лучше всего яркую, блестящую обертку из-под шоколадки — и, поворачивая трубку, наблюдаете за тем, как узоры на бумаге изменяются самым волшебным образом. Сейчас мне казалось, что я вижу эти небесные огни в окуляр своего старого калейдоскопа, и он, без всяких усилий с моей стороны, создает на небе эти фантастические эффекты, более тонкие и таинственные, чем способна дать самая яркая обертка из-под шоколадки. Примерно в течение целого часа мы лежали и любовались этим невероятным зрелищем, пока оно, постепенно затухая, в конце концов не погасло совсем, оставив после себя бархатисто-черное, как кротовая шкурка, небо, усыпанное звездами. Хорошо, что северное сияние наконец погасло, иначе мы смотрели бы на него до зари и были бы слишком усталыми, чтобы подняться наутро. Это было одно из наиболее таинственных, изящных и красивых природных явлений, когда-либо виденных мною.

На следующее утро, после обильного завтрака, способного насытить даже Гаргантюа, мы отправились в лес, закутавшись в такое количество одежды, что своими неуклюжими движениями напоминали астронавтов, передвигающихся по Луне без содействия пониженной гравитации. Встретившая нас накануне серая мгла бесследно растворилась в ночи, и небо теперь было нежно-голубым, а слабое тепло солнечных лучей заставляло огромные снежные шапки с тихим вздохом соскальзывать с ветвей и падать на мягкий снежный ковер под деревьями.

В одном из эпизодов своего фильма мы хотели показать ту необычайную жизнь, которая происходит зимой под мягкими толстыми слоями снега. Не так давно было обнаружено, что первые слои выпавшего снега — который затем перекрывают другие слои — изменяют свою структуру. Снежинки как бы сплавляются друг с другом и превращаются в то, что можно назвать сосульками или ледяными кристаллами, в результате чего

Д

в этом слое снега образуются тоннели и ледяные дворцы, усеянные блестящими самоцветами. Этот слой индейцы называют пакак. Температура внутри ледяных коридоров и дворцов на несколько градусов теплее наружной, поскольку снежный покров действует как теплоизолятор. Поэтому мыши и другие мелкие грызуны могут с достаточным комфортом жить в пакаке, выкапывая из-под него для пропитания корни трав и растений, а другие, более мелкие существа, вроде насекомых или пауков, имеют возможность перезимовать в ледяных коридорах, впад в состояние спячки. Чтобы наглядно продемонстрировать удивительные теплоизолирующие свойства снега, Эластер решил сложить из него то, что североамериканские индейцы называют куинзи, а эскимосы — иглу. Поэтому, пока мы с одной половиной группы отправились на поиски животных, другая половина, возглавляемая Эластером, нашла подходящее место и приступила к постройке куинзи.

Отъехав совсем немного, мы заметили неподалеку от дороги американского лося с огромными шоколадно-коричневыми рогами, величественно стоящего среди деревьев. Лоси — существа с достаточно необычной внешностью, наделенные нескладным телом и длинными ногами, а также распухшим, словно у пьяницы, носом. При взгляде на них у меня всегда возникает впечатление, что их собирали из отбракованных частей нескольких различных животных. Этот зверь несколько минут печально смотрел на нас, подергивая ушами, а затем, выпустив два огромных облака пара из своего шарообразного носа, тяжело ступая, скрылся за деревьями. Взрослый самец американского лося, разумеется, величественное животное, не уступающее по размерам лошади-тяжеловозу, с огромными лапчатыми рогами, похожими на гигантские листья остролиста, украшающими его голову. Позднее, весной, мы наблюдали за тем, как они пасутся вдоль берегов озер и рек, отыскивая корни водяных лилий. Их головы вместе с рогами полностью скрываются под водой, а затем выныривают, украшенные цветками и перепутанными стеблями лилий.

Мы продолжили свой путь и примерно через десять минут увидели двух крупных самцов оленей вапити, застывших в величественных позах возле обочины дороги, украшавшие их головы ветвистые рога походили на величественные костяные канделябры. Несколько мгновений они взирали на нас с царственным пренебрежением, а затем удалились грациозной и неторопливой рысью, прокладывая себе путь через густые заросли с большой ловкостью и сноровкой, не позволяя своим массивным рогам запутаться в ветвях. Как только они скрылись, перед нами появилось целое стадо рыжеватого-коричневых белохвостых оленей: их уши настороженно приподняты, ноздри широко раздуваются, большие влажные глаза боязливо поглядыва-

ют по сторонам. Увидев нас, они замерли на месте, нервозно сбились в кучу и начали принюхиваться. Секунду-другую казалось, что они все-таки решатся перебежать дорогу перед нами, но тут один из оленей, самый слабонервный, не выдержав, запаниковал, и через мгновение все стадо развернулось в фонтанах снега и умчалось прочь; их белые зады, похожие на странные мишени в форме сердечек, мелькали среди угольно-черных деревьев.

Мы ехали среди замерзших пейзажей, сверкающих под ярко-голубым небом, и через полчаса увидели то, что нам показалось каштаново-коричневой лавиной, прокладывающей себе путь по узкой белой долине между двух рощ голых черных деревьев. Подъехав ближе, мы, к своему восторгу, обнаружили, что это маленькое стадо из шести бизонов; горбатые, косматые, они брели, тесно прижавшись друг к другу, утопая в снегу по самые лопатки и выпуская белый дымящийся шлейф горячего дыхания. Взрывляя хрустящий снежный покров девственно-белой долины и оставляя после себя полосу перемешанного снега и длинные голубые тени, они и в самом деле походили на лавину из кудрявой шерсти, мускулистых плеч и блестящих рогов.

Мы наблюдали за ними, возможно, около десяти минут, пока они не скрылись из виду, и уже собирались завести мотор, когда внезапно из чащи темных деревьев неторопливо вышел огромный старый бизон. Он лениво побрел по белому, словно праздничная скатерть, полю, и его борода раскачивалась в такт шагам, острые рога походили на изогнутые луки, широкий лоб и массивные плечи сплошь покрывали тугие завитки темной шерсти, а от вырывающихся из ноздрей теплых струй воздуха перед ним поднимались два кучевых облака пара. Медленно, словно осанистый, хорошо сложенный человек, с достоинством несущий свое внушительное тело, шествовал он по белым просторам. Снег здесь был не слишком глубоким и доходил ему только до колен. Он продолжал величественно вышагивать по заснеженной долине, пока не оказался приблизительно в двухстах ярдах от опушки леса. Здесь он остановился и задумался; облако пара, образовавшееся от его дыхания, вплелось в шерсть на лбу и загривке. Затем все так же неторопливо он подогнул под себя ноги и улегся на снег. Он пролежал так некоторое время, а затем, энергично взбрыкнув ногами, перекатился на спину. Новые взбрыкивания вернули его в прежнее положение, и в течение последующих десяти минут мы имели редкую возможность наблюдать за тем, как бизон принимает снежные ванны — перекачивается из стороны в сторону, храпит от напряжения, от его дыхания в воздух поднимаются серебряные клубы пара, снег белыми лепешками летит во все стороны. Наконец, устав от омовения, он завалился набок и некоторое время

Д

лежал в такой позе, часто и тяжело дыша. Затем зверь тяжело поднялся, встряхнулся так, что с его густого меха поднялось облако снежинок, а потом с чувством собственного достоинства последовал за стадом, где он, несомненно, был вожаком. Медленно и величественно, будто медитируя, похожий на большое темное облако, он пересек долину и исчез.

Вернувшись назад, мы увидели Эластера, порозовевшего от затраченных усилий, важно вышагивающего вокруг пятифутового конического холмика снега.

— Куинзи, — с гордостью пояснил он, склонив голову набок и любовно созерцая кучу снега. — Теперь вы знаете снегоступы и копать.

Используя наши снегоступы, мы утрамбовали снежный холм со всех сторон, а затем прорыли в нем отверстие, похожее на маленькие церковные врата. Выгребая снег через это отверстие, мы копали все глубже и глубже, пока не освободили внутри достаточно большое пространство. Было интересно наблюдать за тем, как снег на внутренней поверхности начинает постепенно превращаться в кристаллы, образуя изолирующий слой, в то время как снаружи он оставался совершенно обычным снегом. Забравшись в куинзи, Ли обнаружила, что, хотя снаружи стоял двадцатиградусный мороз, температура внутри нашего снежного дома была на один градус выше точки замерзания — возможно, не слишком большая разница, если говорить о холоде, но вполне достаточная для того, чтобы спасти вашу жизнь, если вам придется заночевать в этих суровых условиях.

Мы только закончили постройку куинзи, когда начали слетаться различные птицы посмотреть на то, чем мы занимаемся. Первой появилась стайка синиц-гайчек, хрупких маленьких птичек, таких нежных, что становилось удивительно, как им удастся пережить такую суровую зиму. Они резвились между ветвями, висели вниз головой и призывно чирикали, но вскоре им стало скучно, и гайчки улетели. Следом за ними прилетела группа вечерних дубоносов — красивых птиц с большими клювами в сияющем золотом и зеленовато-черном оперении, вспыхивающих среди темных соновых ветвей, как золотистые огоньки. Они оказались значительно пугливее гайчек и вскоре поспешили укрыться в темной лесной чаще. Наша следующая гостья, напротив, проявила большую смелость. Это была канадская кукушка, средних размеров сойка в прелестном наряде из светло-серых и черных перьев. Она внезапно вылетела из леса и устроилась на ближайшем к нам дереве. Птичка скакала с ветки на ветку, время от времени останавливаясь, чтобы посмотреть на нас, склонив голову набок, что придавало ей поразительное сходство с Эластером. Кукушки неразрывно связывают людей с едой, что и делает их самыми смелыми из лесных птиц. Пошарив в карманах, мы извлекли на свет остатки печенья и горсть арахисо-

ных орехов. Мы предложили это угощение сойке, и, к нашему восторгу, она достаточно уверенно слетела вниз и, усевшись на пальцы, напихала себе полный клюв лакомых кусочков. Затем она отлетала и делала нечто совершенно необычайное: найдя подходящую ветку, птица прикрепляла к ней кусочки еды, используя в качестве клея свою необычайно липкую слюну. Таким образом она собрала все угощение, которое мы ей могли предложить, сделав семь или восемь кладовых на различных деревьях — запасы на будущее. Казалось, птичка была немного расстроена, когда наше угощение в конце концов закончилось, но к этому моменту она, по нашей оценке, запасла уже столько еды, что ее хватило бы десяти сойкам на неделю.

Когда мы вернулись, день уже клонился к вечеру, и Эластер горел нетерпением снять сцену ловли сов на удочку. Боб снабдил нас удочкой для ловли нахлыстом и двумя чучелами мышек, предназначавшимися для наживки. Мы все торжественно прошествовали к замерзшему озеру и вышли на лед. Здесь Боб преподавал мне краткий урок заброса, поскольку я раньше никогда не пробовал ловить нахлыстом. Он несколько раз продемонстрировал мне, какое движение должна совершать кисть при раскручивании лески, заставляя мышь с легкостью перышка опускаться на лед футах в тридцати от нас. Вся эта процедура показалась мне необычайно простой, и я не мог понять, почему рыбаки, увлеченные ловлей нахлыстом, поднимают столько шума из-за техники заброса. Уверенно сжав в руках удилище, я направил его в небо и сделал, как мне показалось, безупречный заброс.

К несчастью, проклятая леска, вместо того чтобы спокойно размотаться и опустить мышь на лед, по какой-то причине повела себя как хлыст, в результате чего мышка разломилась надвое и половина ее улетела на другой берег озера, оставив меня лишь с головой и передними лапами, все еще болтающимися на конце лески.

— Милый, — сказала Пола, когда наконец перестала смеяться, — ты ведь знаешь, что наш бюджет не позволяет бесконечно снабжать тебя мышами.

— Хорошо, что у нас есть запасная, — порадовался Эластер.

— Пожалуй, мне лучше сначала немного попрактиковаться с оставшейся половинкой, — сказал я. — Мне не хотелось бы испортить последнюю мышь.

— Я думаю, если бы зрители увидели этот эпизод, они сказали бы, что роль оказалась мышке не по силам, — пошутил Эластер и зашелся хохотом, в восторге от собственного остроумия.

Я молча проигнорировал его вульгарную шутку и удалился в тихий уголок на берегу озера, чтобы поупражняться со своей полумышью. Как

Д

только я приобрел достаточный навык в искусстве заброса, мы насадили в качестве приманки целую мышку и начали съемки. Нет нужды говорить, что ни одна сова и не подумала появиться поблизости от нас.

В эту ночь, нашу последнюю в Райдинг-Маунтин, мы снова стали свидетелями удивительного зрелища, которое продемонстрировало нам северное сияние, и в течение двух или трех часов, лежа в кровати, мы наблюдали за тем, как в небе над нами формируются ленты, свитки, рифленые занавеси, переливавшиеся пастельными оттенками, так, словно внутри их полыхает пламя, сливаясь, разделяясь, исчезая, появляясь вновь в нескончаемом и неповторимом красочном представлении. Это было такое удивительное и прекрасное зрелище, что возникало желание иметь возможность изобразить его на картине, хотя вы прекрасно понимали, что живописное полотно никогда не сумеет передать волшебной элегантности горящих на небе узоров. Я чувствовал, что ради одного лишь северного сияния стоит переносить суровую канадскую зиму.

В следующий раз мы приехали в Канаду летом, когда окружающий пейзаж имел совершенно иной вид — деревья были одеты листвой, и повсюду росли цветы. Целью нашего визита был Банф — один из главных национальных парков Канады, расположенный в самом сердце Скалистых гор, где можно увидеть некоторые самые живописные пейзажи нашей планеты. Горные хребты следовали друг за другом, словно гигантские штормовые волны, застывшие в камне. Сосновые леса, похожие на зеленую шерсть, карабкались вверх по их склонам, а сияющие на вершинах снега здесь и там дополняли неподвижные ледники, похожие на расплавленный воск, застывший на свече. Парк был поистине волшебным местом, поскольку каждый раз за поворотом дороги необычайно эффектный и красивый горный пейзаж радовал ваш взор, и вам казалось, что это, должно быть, самый живописный вид во всем парке, но тут же, за следующим поворотом, доказывая вашу ошибку, перед вами представало еще более величественное зрелище. Местами горы поднимались так круто, что лес рос только у их подножий, но зато на каждом коричневом или бежевом пике лежал снег, так тщательно покрывавший все уступы и ложбины, что казалось, будто это накрахмаленные, безусловно белые салфетки, аккуратно разложенные на одиноких камнях.

Остановившись на обочине, чтобы немного передохнуть, мы обнаружили под деревьями россыпи ягод дикой земляники, сверкавших, как маленькие фонарики среди темных листьев, и тут же с жадностью на нее набросились. Известно, что обитающие в парке гризли и черный медведь барibal тоже весьма равнодушны к землянике, и, если вы оказались в глу-

хом лесу, надо все время быть настороже, иначе можете обнаружить, что собираете землянику на одной поляне с гризли.

Два огромных горных гребня, похожих на острие топора, поднимались к небу прямо над нами, а между ними лежала овальная долина, покрытая нефритово-зеленой растительностью. На этой зеленой поверхности местами виднелись маленькие белые точки, принятые мной поначалу за островки снега, но когда одна из точек задвигалась, мне стало ясно, что передо мной маленькая группа животных, с которыми я давно хотел повстречаться, — снежная коза Скалистых гор. Название не должно вводить вас в заблуждение. Снежная коза Скалистых гор — королева всех горных козлов (на английском это животное — козел, и поэтому называют его королем. В нашей литературе их называют козами, очевидно, потому, что самки имеют приоритет над самцами); со своей мягкой белой шерстью, нежнее, чем кашемир, черными изящными копытами, рогами, глазами и мордой, они истинные аристократки среди зверей. В отличие от других обитающих в горах копытных животных, в их движениях нет торопливости и нервозности, напротив, они отличаются неторопливым спокойствием и уверенностью. Они уверены в себе до такой степени, что однажды мы видели, как коза пыталась перепрыгнуть через глубокую расщелину с одного узкого уступа на другой, до которого оказалось слишком далеко. Вместо того чтобы сорваться и упасть в пропасть, как случилось бы с любым другим животным на его месте, коза, осознав свою ошибку, перегруппировалась в воздухе, ударилась о поверхность скалы всеми четырьмя копытами и, сделав сальто назад, благополучно приземлилась на том же уступе, с которого начала свой полет.

У них почти отсутствуют естественные враги, а с теми, которые имеются, им, судя по всему, вполне по силам справиться. Одна снежная коза, окруженная охотничьими собаками, заколола двоих из них рогами, третью скинула в пропасть, а когда остальная свора испугалась и отступила, коза как ни в чем не бывало пошла дальше своей дорогой. В другой раз нашли снежную козу, задранную медведем гризли. Однако неподалеку от жертвы нашли и мертвого гризли с двумя проникающими колотыми ранами возле самого сердца. Очевидно, ему хватило сил только на то, чтобы убить козу, прежде чем самому умереть от смертельных ран, нанесенных ему острыми, как кинжалы, рогами. Некоторое время мы наблюдали в бинокли за тем, как они пасутся на зеленом лугу, но не увидели никаких волнующих эпизодов, связанных с гризли. Козы мирно пощипывали травку, время от времени делая паузу, чтобы посмотреть по сторонам, и их вытянутые, серьезные, бледные морды придавали им строгий, респектабельный вид, отчего они походили на группу викариев в белых меховых шубах.

Д

В одном из эпизодов своего фильма мы хотели показать летнюю активность пищухи — удивительных маленьких грызунов, обитающих на альпийских лугах. Эти крохотные создания не впадают в зимнюю спячку наподобие многих других живущих в горах животных, например, таких, как толстый сурок. Вместо этого они стали фермерами и в течение летних месяцев усердно собирают траву и листья, складывая их в стожки для просушки на солнце. Когда одна сторона достаточно просохнет, пищуха осторожно переворачивает стожок, чтобы весь собранный провиант получил свою долю солнечного света. Эти просохшие стожки убираются в укромные места, и в течение зимних месяцев они служат кладовыми пищух, без которых животные погибли бы от голода, в то время когда долины покрыты слоем снега. При первых признаках дождя пищухи перемещают стожки в укрытие и снова вытаскивают их на солнце, когда буря минует.

Как сказал Джефф Холройд — молодой человек, исполнявший роль нашего местного проводника, — лучшее место, где можно наблюдать пищух во время заготовки провианта, находится на альпийском лугу, примерно в двадцати милях от того отеля, где мы остановились. Итак, рано утром мы тронулись в путь. Добравшись до подножия горного хребта, мы оставили машину и начали двухмильное восхождение по почти вертикальному склону, поросшему сосной и лиственницей. Мы сразу же услышали странные свистящие звуки, доносящиеся до нас со всех сторон, которые приняли поначалу за голоса каких-то птиц, судя по всему, в изобилии населяющих местные леса. Однако чуть позже мы вышли на небольшую поляну и увидели сидящего перед своей норкой музыканта, издававшего эти звенящие, похожие на пение флейты звуки, — жирного суслика, одетого в элегантный костюм из рыжевато-красного и серого меха. Зверек сидел прямо, словно часовой, у входа в свой дом, и его грудка вздымалась и опускалась, когда он издавал свой мелодичный сигнал опасности. Его большие влажные глаза смотрели на нас с пристальным, слегка глуповатым выражением, типичным для большинства сусликов, а маленькие лапки дрожали от вокальных усилий. Как оказалось, он не слишком нас боялся, поскольку позволил Ли приблизиться к себе где-то на пять футов, прежде чем скрылся в своей норе. Это был колумбийский суслик, и, как объяснил нам Джефф, в горах различные виды сусликов обитают на различных уровнях, так что, грубо говоря, по их виду можно определить, на какую высоту вы забрались.

По мере того как мы поднимались выше в гору, заросли лиственницы и сосны постепенно редели, и у верхней границы леса, там, где начинают доминировать невысокие полярные растения, под воздействием пронизывающего зимнего ветра, несущего с собой острые как нож льдинки, сосны

и лиственницы превращались в искривленные карликовые деревья, похожие на японские бонсай. Здесь и там среди этих мини-деревьев вспыхивали желтые, томатно-розовые и ярко-красные пятна, там росла ястребинка золотистая — изящное, красивое растение со стеблями и листьями, покрытыми облачком тонких волосков. Такое волосяное покрытие можно встретить на многих альпийских растениях, и хотите верьте — хотите нет, оно защищает их в течение по меньшей мере девятимесячного периода от пронизывающих холодов так же, как толстая шкура медведя гризли защищает его тело.

Но вот деревья закончились совсем, и перед нами раскинулась долина с такой сочной ярко-зеленой травой, что перед ее цветом поблекла бы россыпь изумрудов. На склонах окружающих долину гор были видны шрамы от старых лавин, но сам луг остался нетронутым. Здесь густая зеленая трава росла вперемешку с альпийскими растениями — ярко-желтой лапчаткой, желтым вереском, изящным пурпурным астрагалом, белой песчанкой и ярко-розовыми подушечками смолевки бесстебельной. Через центр долины бежал ручей, журча и поблескивая на солнце между куч серых камней, сложенных так живописно, что казалось, будто вся долина является законченным произведением некоего альпийского Кейпабилити Брауна.

Внезапно наше внимание привлек пронзительный свист, отразившийся эхом от окружающих холмов. На куче камней лениво развалился на солнце жирный коричневый сурок с длинным шерстистым хвостом, похожий на гигантскую морскую свинку. Думаю, он подал сигнал тревоги скорее по привычке, поскольку, как казалось, его не слишком беспокоило наше присутствие. И действительно, после того как мы постояли рядом несколько минут, он позволил мне приблизиться, почесать его толстую шею и потрогать усы. Испытываешь удивительное, волшебное чувство, когда находишься в таком месте, где животные смотрят на тебя как на друга и позволяют, пусть ненадолго, проникнуть в свою жизнь.

Лежавшая перед нами долина была разделена на две части — верхнюю и нижнюю, и граница между ними проходила по крутому склону, усеянному беспорядочно наваленными валунами. Далее возвышался пустынный горный склон, покрытый остроугольными обломками скал, собранными в кучи прошедшими лавинами. Огромные камни украшали окаменелые ракушки и кораллы — свидетельства того, что в незапамятные времена они формировали дно древнего моря, которое в результате катастрофических подвижек земной коры было поднято на высоту этой отдаленной горной долины. Именно здесь, под шаткой стеной из инкрустированных ископаемыми ракушками валунов, мы увидели первую пищу. Вероятно, она

Д

уже давно сидела среди камней, наблюдая за нами, но, поскольку пепельно-серая шкурка позволяет пищухе полностью сливаться с окружением, ее почти невозможно заметить в неподвижном состоянии. Размером примерно с морскую свинку, она имела мордочку, чем-то похожую на кроличью, но ее глаза были более крупными и темными, а уши маленькими и круглыми, в форме монеты. Хвост у нее практически отсутствовал, а шерсть была блестящей, как атлас. Увидев нас, пищуха издала резкий, беспокойный крик и, сделав несколько прыжков, исчезла между камней. Обследовав ближайшие окрестности, мы вскоре обнаружили несколько стожков около двух футов в диаметре и высотой около двенадцати дюймов. В верхней части большинства стожков лежали свежие трава и листья, из чего можно было сделать вывод, что у пищух заготовка кормов на зиму все еще продолжается. Любопытно отметить, что в нижней долине пищухи были очень пугливы и показывали себя лишь во время быстрых перебежек из одной расщелины в другую. Однако, поднявшись в верхнюю долину, мы встретили там необычайно добродушную и очаровательную пищуху, которая была слишком поглощена своей работой, чтобы обращать на нас какое-то внимание. Здесь ручей проложил себе русло в толстом слое вязкого зеленого дерна, украшенного цветами; он вился и петлял по долине, словно сплетенная из травы коса. В самом центре гладкой, как бильярдный стол, поляны сидела маленькая толстая пищуха, деловито перекусывая травинки и складывая их себе в рот. В конце концов, когда ее челюсти уже не могли удержать большее количество травы, она помчалась к дому и расположенным поблизости стожкам, и при этом казалось, что по бокам мордочки у нее свисают зеленые моржовые усы, придававшие ей несообразный вид. Мы последовали за пищухой по каменистой осыпи и обнаружили ее дом под гигантским камнем, размером с небольшой автомобиль, а рядом находились два готовых стожка сена и третий, пока еще не заверченный. Пищуха была так увлечена своей хозяйственной деятельностью, что, когда я уселся на камень в трех футах от ее стожков, она не сделала даже короткой паузы в своей серьезной работе. Уложив принесенную траву на стог и примяв ее своими лапками, она тут же помчалась назад, к зеленой поляне, подпрыгивая, словно резиновый мячик. Там она вновь набила полный рот травой и вернулась к тому месту, где я сидел. В нескольких футах от меня она остановилась, пристально посмотрела в мою сторону темными глазами поверх чудовищных зеленых усов, а затем спокойно подошла к стогу и, добавив к нему свою ношу, аккуратно утрамбовала ее сверху. Любопытно, что, когда пищухи нижней долины издавали свой пронзительный, свистящий сигнал тревоги, наша пищуха останавливалась и свистела им в ответ, даже несмотря на то, что в некоторых случа-

ях она находилась так близко от меня и я мог потрогать ее рукой. Тот факт, что поблизости толпятся люди, снимая и записывая каждое ее движение или звук, она воспринимала с абсолютным хладнокровием, игнорируя наше присутствие и продолжая выполнять намеченную по плану работу, словно от этого зависела ее жизнь — что, в общем-то, соответствовало действительности. Она немного забеспокоилась лишь после того, когда мы запустили воздушных змеев, которые у ее сородичей в нижней долине вызвали свистящую истерику.

Как-то, в ходе своих научных изысканий, Эластер наткнулся на описание эксперимента, проведенного Конрадом Лоренцем с утятами. Он сделал большой картонный силуэт летящего гуся и провел его в небе над утятами, что оставило их совершенно равнодушными. Однако после того, как силуэт был перевернут, то есть пролетел по небу в обратном направлении, реакция утят резко изменилась. Силуэт приобрел сходство с летящим ястребом: вытянутая гусиная шея и голова превратились в длинный ястребиный хвост, а хвост гуся стал маленькой закругленной головой хищника. Эластер загорелся идеей запустить воздушных змеев, чтобы посмотреть, какое воздействие они окажут на пищух, и, посетив магазин в китайском квартале Торонто, он приобрел двух элегантных воздушных змеев в виде ястребов. Как только мы подняли в небо этих двух красавцев, среди диких обитателей долины началась невообразимая суматоха. Сурки осыпали их громкими ругательствами, у пищух нижней долины, судя по всему, случилось коллективное нервное расстройство, а четыре куропатки, которые неторопливо прогуливались, размышляя о своих делах, опрометью бросились к камням и скрылись из виду, просто присев рядом с ними. Но наша пищуха, хотя она и посматривала на бумажных ястребов с некоторой тревогой, оказалась таким фанатичным фермером, что не позволила их присутствию повлиять на ход работ по заготовке сена. Она лишь время от времени делала паузу и издавала приглушенный свист сквозь зеленые усы. Однажды, когда тень ястреба заскользила по зеленой траве в ее направлении, она нырнула в укрытие, но вскоре появилась вновь и продолжала свою работу. Я думаю, среди всех замечательных мест, которые мне довелось посетить в Канаде, альпийские луга Камаски в те дни, когда мы запускали там воздушных змеев, произвели на меня самое неизгладимое впечатление. Пьянящий воздух, ослепительное солнце, отбрасывающее голубые тени на склоны горы с рубцами от сошедших лавин, яркость красок, кристальная чистота маленьких ручьев порождали в душе удивительное спокойствие и умиротворенность. Это был один из тех волшебных уголков земли, где хочется поселиться навеки.

СЕРИЯ ШЕСТАЯ

Канадские леса, конечно же, весьма живописны, но английские лесные просторы могут быть не менее интересными и красивыми и столь же полными жизни. Чтобы показать тонкую красоту лиственного леса в зимнюю и весеннюю пору, мы выбрали обширный лесной массив Нью-Форест в Хэмпшире. Определение «ню» (новый) здесь не слишком подходит, поскольку лес был посажен еще Вильгельмом Завоевателем в 1079 году, так что в действительности эта огромная шелестящая полоса деревьев существует уже почти тысячу лет. Для меня этот выбор оказался на редкость удачным, поскольку в течение нескольких лет я жил неподалеку от этого леса и со своей богатой флорой и фауной он стал для меня любимым местом для охотничьих вылазок.

В наши дни лес занимает площадь около тридцати восьми тысяч гектаров, или восьмидесяти тысяч акров. Большую его часть занимает редколесье, но здесь встречаются и древние чащи, зеленые луга, вересковые пустоши и заросли кустарников. Первоначально лес был создан как охотничьи угодья для членов королевского семейства, хотя местные жители имели право (сохранившееся по сей день) пасти свиней, коров, лошадей и прочую живность во всем лесу, за исключением специально огороженных участков, где молодые деревья были защищены от пагубного для них внимания оленей и домашних животных. Хотя в наши дни лес уже не служит местом королевской охоты, благодаря своей исторической значимости и ввиду того, что в нем обитает большое количество редких видов животных, он получил статус национального природного заповедника. Нашим проводником по этому восхитительному уголку живой природы, одному из красивейших в Европе, стал Саймон Дэви, высокий, красивый молодой человек, большой энтузиаст, знавший лес как свои пять пальцев.

Вполне естественно, Джонатан хотел разместиться как можно ближе к лесу, поскольку ничто так не раздражает и не отнимает драгоценного времени, как необходимость каждое утро около часа добираться до места назначения. Тут нам повезло, так как Джонатану удалось обнаружить гостиницу «Брэмбл Хилл», расположенную непосредственно в лесу. А вот считали ли добрый, но неудачливый хозяин гостиницы капитан Проуз, что ему повезло заполучить к себе таких постояльцев, как мы, сказать трудно. Должно быть, мы стали для него настоящим испытанием, и ко времени нашего отъезда он наверняка пришел к выводу, что все съемочные группы если и не представляют опасности для общества, то по эксцентричности своего

поведения они намного превосходят деревенских дурачков. Несомненно, наше прибытие и инцидент с покрывалом послужили тому хорошим началом.

По какой-то причине на этот раз Джонатан решил проявить трогательную заботу о главных героях и перед нашим прибытием счел своим долгом подняться в наш номер и убедиться в том, что его обстановка подходит для кинозвезд. Почему он вообще решил, что в гостинице с безупречными условиями содержания что-то может быть не в порядке, я не представляю. Как бы то ни было, он обнаружил там двуспальную кровать, застеленную покрывалом, которое хотя и имело несколько безвкусную расцветку, но в принципе не содержало в себе ничего оскорбительного. Но Джонатан внезапно пришел к убеждению, что, глядя на этот предмет комнатного убранства, мы с Ли преисполнимся таким гневом, какой можно было бы ожидать от покойного лорда Кларка, если бы он увидел граффити на стенах Шартрского собора. Сорвав возмутительное покрывало с кровати, он закинул его в шкаф. Убедившись таким образом, что наше тонкое эстетическое чувство теперь не пострадает, он отправился нас встречать. Пока Джонатан был занят этим ответственным делом, капитан Проуз — чье всевидящее око присутствовало повсюду — отправился лично проверить наши номера. Увидев кровать, так сказать, обнаженной, он принялся за поиски покрывала и успокоился лишь после того, как вернул его на законное место. Когда мы прибыли в гостиницу, Джонатан, все еще страдающий от приступа заботы о героях, который так редко поражает режиссеров, взяв часть нашего багажа, первым поднялся в номер и увидел, что непристойное покрывало по-прежнему украшает кровать. Со стоном отчаяния он схватил покрывало и снова запрятал его в шкаф. Он едва успел это сделать, когда мы с Ли вошли в номер в сопровождении капитана Проуза. Орлиный взгляд капитана обвел комнату и остановился на кровати. На его лице появилось выражение полного недоумения.

— Позвольте, а где же покрывало? — поинтересовался он. Вопрос был чисто риторическим, но Джонатан решил, что ему следует на него ответить.

— Покрывало? — прохрипел он.

— Да, — коротко ответил капитан Проуз, — на этой кровати было покрывало. Я сам его постелил. Кто-то по непонятной мне причине убрал его в шкаф. Интересно, где оно теперь?

— В шкафу, — тихо произнес Джонатан.

— В шкафу? — переспросил капитан. — Опять?

— Да, — подтвердил Джонатан.

— А откуда вы это знаете? — спросил капитан.

Д

— Я сам его туда положил, — ответил Джонатан тоном человека, признающего в детоубийстве.

— Вы положили его туда? — изумился капитан.

— Да, — вымолвил Джонатан.

— Не вы ли положили его туда и в первый раз? — Как человек военный, капитан Проуз любил во все вносить полную ясность.

— Да, — признался Джонатан.

— Почему? — спросил капитан со зловещим спокойствием. Последовала долгая пауза, в течение которой мы все смотрели на Джонатана, и ему удалось залиться таким густым румянцем, что его цветом мог бы гордиться любой уважающий себя гелиотроп.

— Я подумал, что им оно не понравится, — сказал он наконец, таким образом свалив вину на меня и мою бедную, ни в чем не повинную жену. Однако капитана, имевшего немалый опыт общения с безалаберными рекрутами, у которых всегда есть наготове запас убедительных историй, оправдывающих их самовольную отлучку, нельзя было сбить с толку подобной уверткой.

— Я уверен, — произнес он ледяным тоном, — что если бы мистеру и миссис Даррелл чем-то не нравилось покрывало, то они сообщили бы мне об этом, а не попросили бы вас спрятать его в шкаф. Кроме того, у меня нет никаких сомнений в том, что мистер и миссис Даррелл вполне способны принять собственное решение относительно того, нравится ли им их покрывало, и высказать свое мнение непосредственно мне, без участия третьей стороны.

На этом он сделал легкий поклон вышел из номера — как раз вовремя, поскольку мы с Ли в ту же секунду, корчась от смеха, повалились на непокрытую постель.

Стояла середина осени, и лес, куда мы рано утром вышли на работу, выглядел великолепно. Часть его все еще переливалась золотисто-зелеными красками, но в других частях леса листья медленно умирали, и огромные деревья стояли в желто-золотистом, коричневато-желтом и огненно-рыжем наряде в первых лучах утреннего солнца, и тонкие пряди тумана извивались между ветвями, словно хвосты воздушных змеев. Воздух был достаточно холодным, чтобы увидеть собственное дыхание, и на всех окружающих растениях сияли крохотные капельки росы. Маленькие ручейки блеснули на солнце и скрытно перешептывались между высокими берегами черной и ароматной, как рождественский пирог, земли, прокладывая свой извилистый путь через кафедральные нефы гигантских дубов и буков.

Теперь, когда в воздухе стояла сырость, а землю покрывал толстый, влажный слой опавших листьев, пришла пора грибов, и они в изобилии

росли повсюду. Своим необычным внешним видом они походили на фантастических обитателей другой планеты. Казалось, что разнообразие их форм и цветов бесконечно. Грибы розовые, как сахарная глазурь, грибы серые и шелковистые, как шкурка морского котика, грибы с загнутыми вверх шляпками, демонстрирующие свои пластинки, похожие на растрепанные книжные страницы или напоминающие зонтики, вывернутые наизнанку ветром; некоторые из них походили на элегантные зонтики от солнца, некоторые — на китайские шляпы, другие располагались группами, как столики, выставленные перед французским кафе, или сбегали водопадами по коре деревьев. Здесь встречались грибы, имеющие сходство с кусками коралла или лентами апельсиновой кожуры; серные натеки на деревьях, желтые, как канарейки; грибы-зонтики бледных карамельных оттенков с чешуйками на шляпках, напоминающими кровельную черепицу, или светло-коричневая фоллиота, у которой чешуйки похожи на ворсинки шерсти.

А какие у них удивительные названия! Очевидно, те ученые, которые собирают и классифицируют грибы, имеют в душе поэтическую жилку и дают им такие названия, как Лохматый Чернильный Колпак, Парик Судьи, Рыдающая Вдова, Грошовая Булочка, Скользящий Джек и Седло Дэйрида. Вы можете найти притаившийся среди деревьев Лаковый Колпак Смерти и желтовато-белый Ангел Смерти, чья неровная шляпка напоминает крылья ангела с могильного надгробия. Нам попадались огромные, плоские, как тарелки, печеночные грибы, настолько крепко приросшие к стволам деревьев, что на них можно сидеть, как на раскладном стуле, не опасаясь упасть. Мы встречали круглые и мягкие грибы-дождевики, при легком прикосновении пальцем выпускавшие клубы мельчайших спор, и после этого бесшумного взрыва будущие поколения грибов дрейфовали над лесным ковром тонкими струйками дыма. На одной отдаленной поляне мы наткнулись на останки огромного дуба, судя по всему, прожившего не одно столетие, — его ствол был не меньше десяти футов в диаметре. Этот огромный труп, должно быть, разлагался уже достаточно долго и с течением времени превратился из обычного древесного ствола в богатейший грибной сад. Все эти группы, консорциумы, ряды, батальоны, гроздья и караван-сарай составляли самую богатую коллекцию разнообразных грибов, виденную мною с тех пор, как много лет назад мне довелось посетить лес в Йюйю в Северной Аргентине. На самом деле, в своем невежестве я думал, что только в тропических лесах можно встретить такое разнообразие видов на столь маленькой площади.

Но из всех увиденных нами грибов больше всех завладел моим воображением обычный мухомор, чьи алые блюдца освещали лесной сумрак под ветвями деревьев. Этот яркий гриб, навязчивый, как звук трубы, является

Д ядовитым, и об этом известно еще со времен Средневековья, когда хорошие хозяйки травили с его помощью мух, расставляя на кухне или в мас-лобойне блюда с молоком и добавленными туда кусочками гриба. Содержащиеся в нем ядовитые вещества вызывают каталептическое состояние, сопровождающееся конвульсиями и своеобразной формой интоксикации. Любопытно отметить, что северные олени обожают эти грибы, относясь к ним примерно так же, как мы отнеслись бы к бутылке виски или джина, найденной в лесу под деревом, и с сожалением вынужден констатировать, что, когда мухоморы появляются, они не упускают случая себя одурманить. Саамы, наблюдавшие за тем, как олени едят грибы, и, вероятно, позавидовав их прискорбному состоянию, вызванному интоксикацией, экспериментальным путем установили два интересных факта. Чтобы получить желаемый эффект, нужно проглотить кусочек мухомора, не разжевывая его. Они также выяснили — лучше не думать как, — что если выпить мочу человека, находящегося под одурманивающим воздействием мухомора, то этот своеобразный продукт «перегонки» вызовет у вас точно такое же состояние. Однако когда саамы страдают от сильнейшего похмелья, они, конечно же, во всем обвиняют оленей.

В то время как для нас лес был полон очарования, Джонатану он казался непримиримым врагом, который своим переменчивым настроением все время пытается вывести его из себя. Если ему требовалось солнце, небо было затянуто облаками; если он хотел облаков, светило яркое солнце; если ему нужен был дождь, стояла кристально ясная погода, и наоборот. Как казалось нам, лес делал все возможное, чтобы продемонстрировать все свои красоты. На взгляд Джонатана, он вел себя как жестокая, капризная кокетка в платье из разноцветных листьев. Кстати, именно проблема с листьями чуть не довела его до апоплексического удара. Джонатана не устраивало огромное количество опавших листьев на земле и не меньшее их количество, все еще остававшееся на деревьях и ожидающее своей очереди упасть. Он хотел снять на пленку листопад. Но лес здесь снова продемонстрировал свою капризную и сводящую с ума женскую натуру. Он обеспечил его огромными кучами опавшей листвы и вершинами деревьев, переливающихся зеленовато-золотистыми, красновато-коричневыми и бронзовыми листьями, не позволяя ни одному из них упасть на землю — по крайней мере перед камерой. Всякий раз, когда камера была надежно упакована, листья начинали падать бесконечными батальонами, но как только ее устанавливали снова, листья прочно приклеивались к ветвям. Мы уже начинали опасаться за рассудок Джонатана, и вот настал день, когда у нас появилась серьезная причина признать его сумасшедшим.

— Я придумал! — крикнул он Поле. — Придумал!

— Что ты придумал, милый? — осторожно спросила Пола, заметив сумасшедший блеск в его глазах.

— Полиэтиленовые мешки, — с триумфом провозгласил Джонатан. — Ты должна отправиться в город и купить мне несколько огромных, бездонных полиэтиленовых мешков.

— Конечно, милый, — мягко сказала Пола, — Все, что ты захочешь, но зачем?

— Листья, — ответил Джонатан.

Мы все посмотрели на него. Пена на губах у него еще не выступила, поэтому мы решили все обратить в шутку.

— А какую связь имеют листья с полиэтиленовыми мешками? — спросил я без всякой надежды получить осмысленный ответ, в чем, увы, не ошибся.

— Мы соберем листья в мешки и принесем их в гостиницу, — сказал Джонатан.

— А что мы будем с ними делать после того, как принесем в гостиницу? — спросила заинтригованная Ли.

— Высушим.

— Высушим?

— Да, высушим, а затем возьмем лестницу, заберемся на дерево и будем сыпать их вниз, — сказал Джонатан. — Таким образом я наконец сумею снять кадры осеннего листопада.

Естественно, этот наполеоновский план послужил причиной нового конфликта с многострадальным капитаном Проузом. Полу отправили в ближайшую деревню, и она вернулась с четырьмя огромными траурно-черными полиэтиленовыми мешками. Подгоняемые Джонатаном, который от возбуждения был близок к состоянию иступления, мы набили их сырыми листьями и вернулись в гостиницу «Брэмбл Хилл» с таким количеством потенциального перегноя, которого вполне могло хватить на нужды крупнейших ботанических садов мира. Мы сложили эти щедрые дары в фойе гостиницы, и Джонатан отправился на поиски капитана Проуза. Когда они вернулись, он показал капитану на четыре огромных пластиковых мешка, которые своей формой, причудливо искаженным содержимым, походили на злобных гигантских слизней из далекого космоса.

— Я хочу, чтобы вы помогли мне вот с этим, — просто сказал Джонатан. Капитан с опаской осмотрел мешки.

— С этим? — в некотором замешательстве спросил он. — Вам нужна моя помощь?

— Да, — подтвердил Джонатан.

— А что это? — поинтересовался капитан.

— Листья, — ответил Джонатан.

Д — Листья? Какие листья? — растерянно спросил капитан. Ничего подобного с ним раньше не случалась.

— Осенние листья, — с триумфом объявил Джонатан. — Мы набрали их в лесу.

Капитан Проуз выглядел ошеломленным. Прежний жизненный опыт не подготовил его к тому, как вести себя с постояльцем, внезапно предъявляющим четыре пластиковых мешка, доверху набитых осенними листьями, и требующим от него помощи.

— Понимаю, — выдавил он, облизнув губы. — И что вы намерены с ними делать?

— Высушить их, — ответил Джонатан, удивленный тем, что капитан сам не может прийти к такому очевидному выводу.

— Высушить их? — удивился капитан. — Высушить?

— Ну да, они ведь влажные, — объяснил Джонатан.

— Но почему вы хотите их высушить? — невольно поинтересовался капитан.

— Потому что мокрые они не будут падать, — ответил Джонатан, теряя терпение от непонятливости капитана.

— Но они уже упали, — заметил капитан.

— Я знаю, — окончательно вышел из себя Джонатан. — Именно поэтому они и стали влажными, и именно поэтому мы хотим их высушить.

К счастью, в этот момент вернулась Пола, которая выходила, чтобы совершить один из многочисленных телефонных звонков. Она с одного взгляда оценила ситуацию.

— Капитан Проуз, сейчас я все вам объясню. Я уверена, вы не откажетесь нам помочь, если это вообще возможно, — произнесла она, широко улыбаясь и включив все пять тысяч ватт своего обаяния.

— Я был бы рад, если бы вы внесли хоть какую-то ясность, — сказал капитан.

Просто и последовательно Пола изложила ему драматическую историю с падающими листьями. С самого начала капитан Проуз любезно предоставил в наше распоряжение комнату (помимо наших спален), где мы могли проводить обсуждения сценария и хранить съемочную аппаратуру. Это была довольно странная комната на первом этаже, похожая на викторианскую оранжерею. И вот теперь Пола просто спросила, нельзя ли нам заодно высушить в этой комнате добрую половину Нью-Фореста. Если капитан не попросил нас в тот же момент оставить его гостиницу, то исключительно благодаря своему природному добродушию и твердой хватке хозяина. Вместо этого он дал нам большую кипу старых номеров «Таймс», чтобы мы

разложили на газетах наши драгоценные листья, а также огромную электрическую печь, примерно 1935 года выпуска, для их просушки. Вскоре печь выбрасывала потоки тепла, как настоящая домна, листья были разложены на старых газетах, занимая полкомнаты, а Джонатан, тихонько напевая, любовно перебирал их пальцами. Все остальные потягивали виски в дружеском кругу и наблюдали за ним.

— Это похоже на постановку пантомимы в сельском клубе, — заметил Крис. — Например, «Младенцы в лесу».

— Нет, нет, — сказал я тоном знатока. — Харрис слишком стар для младенца. Это скорее «Буря». Там есть старик Калибан, мечущийся в своем духовном узилище.

— Можете смеяться сколько хотите, — холодно прервал нас Джонатан, продолжая ворошить листья, — но посмотрим, что вы скажете, когда настоящие осенние листья дождем посыплются с деревьев.

Через два дня, когда листья высохли, мы с благоговением отнесли их в лес. Вместе с ними в лес была торжественно доставлена лестница, и, повинуясь указанию Джонатана, мы приставили ее к стволу могучего дуба. Брайану, который не занимался звукозаписью при съемках этой сцены, было поручено подняться по лестнице с полным мешком листьев, проползти по ветвям чуть в сторону и начать разбрасывать листья, изображая из себя мать-природу, и он послушно выполнил данное ему указание.

— Разбрасывай их более естественно, — то и дело кричал Джонатан.

— Как я могу разбрасывать их естественно из пластикового мешка? — раздраженно отзывался Брайан со своего шаткого насеста.

— Рассыпай их аккуратно, — поучал Джонатан, — а не швыряй комками.

— Должен сказать, вы, ребята, умеете создавать для себя проблемы, — заметил Саймон.

— Не жалею ни трудов, ни затрат, — сказал я. — Но это еще пустяки. Вот Эрик фон Штрохейм, снимая один из своих фильмов, распорядился прикрепить к веткам тридцать пять тысяч цветков миндаля, поскольку съемки проводились зимой и деревья стояли голые.

— Ну и ну! Наверное, это обошлось ему недешево? — спросил Саймон.

— Еще бы, — ответил я, — очень недешево. Кстати, Харрис его родственник, и поэтому он придумал эту затею с листьями.

— В самом деле? — заинтересовался Саймон.

— Так оно и есть. Его настоящее имя — Харрис фон Штрохейм, но он сменил фамилию.

Д

— Так, значит, вот чем объясняется его пристрастие к листьям? — спросил Саймон.

— Ну да, ведь с нашим бюджетом мы не можем себе позволить цветки миндаля, — ответил я.

Как я уже говорил, Джонатан был твердо уверен в том, что Нью-Форест не желает с ним сотрудничать. Он умышленно выращивал грибы в тенистых уголках, где не хватало освещенности для съёмок. Он отказывался сбрасывать листья, он скрывался за завесой дождя, он укутывался туманом, он во всем проявлял большое упрямство. И наконец, последней каплей стала история с галлами.

Каждое дерево в лесу представляет собой маленькую экосистему. Само дерево, регулируя температуру и влажность окружающего воздуха, формирует особый микроклимат и создает, таким образом, среду обитания для огромного количества живых существ, живущих на нем, внутри его или по соседству с ним либо посещающих его с деловой целью, например для того, чтобы свить гнездо. Было подсчитано, что один дуб способен поддерживать жизнь более трехсот видов живых существ (и бог знает какого количества представителей каждого вида) от птиц до мотыльков, от гусениц до пауков. К числу созданий, для которых дубовое дерево является центром собственного мира, принадлежит и большое число галлообразующих насекомых. Галлы представляют собой одно из самых причудливых образований, которые можно встретить в лесу, и Джонатана сильно заинтересовало то, что я написал о них в книге «Натуралист-любитель». Вот что там было сказано:

«Каждый галл служит домом для развивающихся личинок. В некоторых из них взрослые насекомые появляются летом, другие галлы темнеют, и личинки проводят в своем убежище всю зиму. Но история на этом не заканчивается, поскольку внутри каждого галла вы почти всегда найдете и других существ, которые либо паразитируют на строителе — хозяине галла, либо являются непрошеными гостями, захватившими его резиденцию. Обычное «дубовое яблоко», самый распространенный из галлов, который очень легко найти в лесу, может служить жилищем для семидесяти пяти видов насекомых, помимо его законного хозяина — личинки орехотворки».

Именно с этой фразы, «Обычное «дубовое яблоко», самый распространенный из галлов, который очень легко найти в лесу», все и началось. Джонатан задался целью найти несколько «дубовых яблок», снять на пленку то, как мы с Ли их собираем, а затем отправить галлы в Лондонскую студию научных фильмов (где для нас проводили все киносъёмки крупным планом), чтобы там им позволили созреть, а затем, с помощью микросъёмки, запечатлели каждое из семидесяти пяти различных видов насекомых с

гигантским увеличением. Обычно в любом нормальном лесу из-за галлов, так сказать, не разглядеть деревьев, но в данном случае все сложилось иначе. Ранним утром мы отправились на охоту за галлами, и Джонатан захватил с собой два огромных черных полиэтиленовых мешка, в которых лишь недавно хранились листья.

— Ты уверен, что двух мешков нам хватит? — спросил я.

— Ты сам написал, что они распространенные и их легко найти, — сказал он. — Я хочу набрать их как можно больше.

— Что ж, в один такой мешок их войдет примерно тысячи две, так что в двух можно унести четыре тысячи или даже четыре с половиной.

— Мне все равно, — упрямо произнес Джонатан. — Я не хочу оставлять место случайности; мне их нужно много.

Итак, мы отправились в лес, похожие на отряд свиней, выпедших на поиски трюфелей.

Мы решили начать с маленьких дубков, росших вдоль опушки леса. Такие маленькие деревья всегда являлись излюбленным местом обитания орехотворок, и, с нашей точки зрения, их небольшая высота облегчала наши поиски. Мы тщательно обследовали несколько сотен дубков. На них не было не только «дубовых яблок», но и любых других галлов. Джонатан начал проявлять упрямство, как он делал всегда, когда природа отказывалась ему повиноваться.

— Эй, ребята, — прокричала Пола, удалившаяся от нас примерно на четверть мили, но даже несмотря на такое расстояние заставив завибрировать наши барабанные перепонки, — скажите еще раз, как они выглядят.

— Как маленькие коричневые гнилые яблоки, — прокричал я в ответ.

Мы продолжили наши поиски. Оставив маленькие дубки с глянцевыми листьями, начисто лишенными галлов, мы углубились в лес, где росли деревья повыше. Мы начали поиски в восемь, и к одиннадцати часам я уже почти не сомневался в том, что лес заколдован; очевидно, Джонатан наложил на него свое заклятие. За всю мою жизнь со мной не случилось ничего похожего. Еще ни разу не было такого, чтобы, оказавшись в дубовом лесу, я не нашел там «дубовых яблок». Это было все равно что отправиться в Сахару и не найти там песка. Затем около половины двенадцатого раздался радостный возглас Ли.

— Я нашла его! Я нашла его! — кричала она.

Мы все опрометью бросились к ней.

— Где оно, где? — хрипло прорычал Джонатан. Ли показала. На конце дубовой ветки, которую она держала в руке, находилось «дубовое яблоко». Это, несомненно, было оно, но такое крохотное, такое сморщенное и

Д

такое жалкое, что походило скорее на засохший фрагмент помета лилипутского слона.

— И это «дубовое яблоко»? — с подозрением спросил Джонатан.

— Да, — ответил я, — но, должен признать, мне попадались и более здоровые экземпляры.

— Что ж, другого у нас пока нет, — заметил Джонатан, осторожно снимая галл с дерева. — Нам лучше его взять.

Как оказалось, это был единственный экземпляр, который нам удалось увидеть. Его переправили в Лондон с таким почтением, словно это были сокровища короны (или, скорее, сокровище короны), и люди сидели над ним неделями, с камерами наготове, словно ученые, ожидающие появления пришельца из летающей тарелки. Но ничего не произошло. Когда стало совершенно очевидно, что из галла ничего не вылупится, Джонатан разрезал его пополам перочинным ножом. Внутри находилась одна очень маленькая, давно мертвая личинка орехотворки. Снимать природу нелегко, особенно когда вы ограничены во времени.

Следующее неожиданное осложнение у нас возникло с барсуками; это величественные животные с древней родословной, чьи предки разгуливали по лесам Англии еще в те времена, когда люди сами носили шкуры. Это важное, очаровательное, красивое существо, обладающее большим умом и обаянием, приносит огромную пользу, как один из основных хищников сельской местности, наводя ужас на все живое от мокрицы до зайчонка, от цыпленка фазана до лягушки и поедая также червей, улиток, жуков, змей и ежей, попадающих на их пути. Определение «всеядный» как нельзя лучше подходит барсуку. Все годится для его мельницы. Но, несмотря на такой неразборчивый плотоядный подход к жизни, большую часть рациона барсука составляют корни растений, грибы, ягоды и семена. В целом это животное представляет собой красивое и полезное дополнение для сельской местности, и если оно порой устраивает опустошительные набеги на кукурузное поле или же разоряет курятник, то нам следует проявлять снисхождение к подобным отступлениям от хороших манер, учитывая приносимую им пользу.

Жилища барсуков, или барсучьи норы, представляют собой огромный, сложный комплекс бесконечных тоннелей и залов. А поскольку барсучья нора (как и английское поместье) передается из поколения в поколение и каждое поколение расширяет и улучшает ее, то разветвленность старых нор может быть весьма значительной. Нора состоит из спален, укромных уголков, детских комнат, и порой барсуки даже прорывают специальное помещение для туалета. Барсуки находят себе спутника на всю жизнь и, будучи

исобычайно цивилизованными животными, поддерживают добрососедские отношения со всеми проживающими поблизости барсучьими парами.

Совсем недавно барсук, который бродил по зеленому сумраку английского леса не одно тысячелетие, подвергся внезапному нападению двух различных групп так называемых цивилизованных людей. Группа хирургов-ветеринаров, привлеченных для работы министерством сельского хозяйства, обвинила барсуков в том, что они являются переносчиками бычьего туберкулеза (что, возможно, соответствует действительности). Найденное ими решение проблемы было простым: «убить барсуков», и тут же началась лихорадочная кампания окуливания барсучьих нор отравляющими веществами при самых отталкивающих обстоятельствах. У меня уж давно сложилось впечатление, что у ветеринаров, работающих на это министерство, на любую проблему есть только один ответ, суть которого «уничтожить», а не «решить». К счастью, общественность восстала против такого упрощенного подхода, после чего варварское разорение родовых жилищ барсуков и уничтожение этих животных было остановлено. Вы, наверное, подумали, что официальная кампания окуливания ядовитыми газами (не уступающая по жестокости нацистским преступлениям) была вполне достаточным испытанием для бедных барсуков, но нет. После того как официальное отношение к барсукам ухудшилось, на них началось наступление на другом фронте. Любимым развлечением среди тех представителей человеческой расы, у которых развитие лобных долей головного мозга остановилось на уровне неандертальца, стала травля барсука терьерами. Барсуков, приносящих за год значительно больше пользы окружающему миру, чем эти отвратительные создания в человеческом облике, выгоняли из нор и травили их терьерами. В этом преследовании барсуков представлены две стороны нашего многоцветного общества. Манипуляции бюрократов с одной стороны и хваленые рабочие с другой, которые, поскольку им нравится (как римской толпе) лицезреть кровопролитие, тянут за собой общество, потя и тяжело дыша в своей погоне за болью и смертью.

В нашем распоряжении уже были превосходные кадры из подземной жизни барсуков, снятые для нас Эриком Эшби, который позволил барсукам вырыть нору под своим коттеджем. С помощью перископа он имел возможность наблюдать за своими барсуками под землей и снимать их на камеру. Для завершения этого эпизода Джонатан теперь хотел снять, как я и Ли сидим возле барсучьей норы и животное появляется оттуда прямо перед нами.

— Вы будете сидеть у барсучьей норы на другой стороне долины, — объяснял Джонатан, — а затем, когда наступят сумерки, барсуки выйдут наружу.

— А ты уже сказал им об этом? — поинтересовался я.

Д — Они обязательно выйдут, — уверенно заявил Джонатан. — Они выйдут, чтобы полакомиться бутербродом.

— Бутербродом? Каким еще бутербродом? — спросила Ли.

— Бутербродом с арахисовым маслом, — ответил Джонатан.

— О чем ты говоришь? — недоумевала Ли.

— Барсуки, — авторитетно начал Джонатан, — не в силах устоять перед бутербродом с арахисовым маслом. Они готовы пройти много миль, чтобы его получить. Стоит появиться в лесу, держа в руке бутерброд с арахисовым маслом, и барсуки со всей округи последуют за тобой.

— Где ты сумел обрести это эзотерическое знание? — поинтересовался я.

— Прочитал в одной книге о барсуках, — сказал Джонатан. — Там говорится, что это действует безотказно.

— Лично мне все это кажется очень странным, — сказал я. — Я никогда не слышал о том, что барсуков приманивают арахисовым маслом.

— Бурундуки любят арахисовое масло, — вмешалась Ли. — Я как-то кормила их арахисовым маслом в зоопарке Мемфиса, и, значит, барсукам оно тоже может прийти по вкусу.

— Они не в силах перед ним устоять, — повторил Джонатан. — Они сделают все, что угодно, ради бутерброда с арахисовым маслом.

Вооружившись достаточным запасом бутербродов с арахисовым маслом, мы отправились в ту часть леса, где было много барсучьих нор. К несчастью, местность была густо населена и повсюду виднелись следы недавнего пребывания человека.

— Не хочу показаться пессимистом, — сказал я Джонатану, — но что, если барсуки не выйдут на приманку?

— Я подумал об этом, — сказал он, бросив взгляд на часы. — С минуты на минуту придет мое барсучье подкрепление.

— Какое подкрепление? — переспросила Ли.

— Один парень по имени Дэвид Чевф, — ответил Джонатан. — У него есть два ручных барсука. Он привезет их сюда с минуты на минуту, и если дикие барсуки так и не появятся, у нас, по крайней мере, будут ручные.

Итак, камеры были установлены, и мы с Ли заняли свой наблюдательный пост у барсучьей норы. Наверное, нет нужды говорить, что барсуки так и не показались. Это ничуть нас не удивило, поскольку, несмотря на все предосторожности членов съемочной группы, они не могли соблюдать полную тишину, а барсуки имеют очень тонкий слух. Однако вскоре Дэвид Чевф, большой и бородатый, прибыл в своем фургончике с парой симпатичных

молодых барсуков. Фыркающих и извивающихся от возбуждения животных достали из клеток и выпустили у барсучьей норы.

— А теперь, — скомандовал Джонатан, — я хочу, чтобы ты сказал в камеру: «Есть лишь один верный способ выманить барсука из его норы. Он так же, как и мы, равнодушен к бутербродам с арахисовым маслом, и, используя такой бутерброд в качестве приманки, вы можете заставить показаться из норы даже самого упрямого барсука». Далее ты бросаешь бутерброд у самого входа в нору, и барсуки с радостью набрасываются на него.

Я послушно произнес свою реплику в камеру и бросил бутерброд перед входом в нору. Как по команде, оба барсука приблизились к нему, понюхали и тут же попятились назад, энергично чихая, а также демонстрируя прочие признаки сильного недовольства. Было совершенно очевидно, что эта пара барсуков вовсе не считает бутерброд с арахисовым маслом изысканным деликатесом. И конечно же, этот случай еще больше укрепил убежденность Джонатана в том, что мать-природа просто не желает с ним сотрудничать.

СЕРИЯ СЕДЬМАЯ

Наблюдая за жизнью животных по всему миру, я всегда поражался, какое богатое разнообразие живых существ можно встретить в простых зарослях кустарника, обычного для английской сельской местности.

Вот уже более тысячелетия скот и урожай на английских полях охраняет густая живая изгородь. Когда саксы только вторглись в Британию, начали валить лес, или Уайлд Вуд, как они его называли, с тем чтобы расчистить землю под луга и пашни, тогда и была придумана живая изгородь, предназначенная разграничивать поля и не позволять скоту разбредаться. Вскоре саксы нашли идеальное растение для создания полезной изгороди — боярышник. Легко пересаживаемый при помощи отростков и черенков, боярышник быстро разрастался в густую, непроницаемую, колючую изгородь, непреодолимую для скота и хорошо защищающую от ветра. Кроме того, она предоставляет среду обитания для диких животных, заменяя им вырубленный лес. Подсчитано, что около полумиллиона миль живой изгороди протянулось по сельским просторам Англии, превращая их в некое подобие шахматной доски. Наряду с тем, что защитные полосы охраняют посевы и скот, служат убежищем для диких животных, они так-

Д же были настоящей аптекой для людей Средневековья, снабжая их разнообразными целебными растениями для лечения любых болезней — от головной боли до грыжи, а некоторые травы помогали отводить порчу и бороться с колдуньями, столь многочисленными в те дни. Прелестная звездчатка, белая как снег, излечивала от болей в боку; прохладные мясистые листья конского щавеля снимали раздражение при укусах насекомых и особенно крапивных ожогах; если вы ранены или просто порезались, то черноголовка обыкновенная именно то растение, которое вам нужно; при появлении язвочек во рту или других более интимных и болезненных местах вас могла исцелить лапчатка гусиная. Люди Средневековья относились к живым изгородям с большим почтением, поскольку их населяли эльфы, феи и другие духи. Наряду с черной магией, притаившейся среди зарослей кустарника (если сорвешь сердечник луговой, тебя укусит гадюка, а подобное обхождение с невинной голубой вероникой может вызвать грозу, или, того хуже, с неба слетит птица, чтобы выклевывать тебе глаза), там находилось место и доброй белой магии. Вы могли натереть коровье вымя лютиками, для повышения удоя, или повесить в маслодельне пучок крапивы, чтобы не сворачивалось молоко под воздействием колдовских чар.

Когда-то живые изгороди считались жизненной необходимостью и за ними заботливо ухаживали, отчего выигрывали и человек, и дикие животные. Однако теперь фермеры считают полезащитные полосы досадной помехой и безжалостно выкорчевывают эти древние заповедники бульдозером, чтобы все больше и больше увеличивать протяженность своих полей, открытых для разрушительного воздействия дождя и ветра.

Мы хотели показать в нашем фильме один из сохранившихся фрагментов древней живой изгороди, отразив ее красоту и значимость. Пройдет еще немного времени, и живая изгородь, эта прекрасная и очень важная часть британского наследия, станет частью прошлого. Поэтому мы поставили себе цель запечатлеть фрагмент английской сельской местности такой, какой она была на протяжении тысячелетий, и исследовать ее. Мы решили воспользоваться в нашем путешествии тремя архаичными или полуархаичными видами транспорта. Джонатан нашел в Суссексе великолепный участок живой изгороди, протянувшейся вдоль поросшей травой дорожки, и это была дорожка, не испорченная гравием или щебнем, украшенная полевыми цветами и окруженная высокими кустами словно присыпанного снегом цветущего боярышника. Такие дорожки были знакомы Шекспиру, по ним ходили пилигримы в Кентерберри. Транспортным средством на первой стадии нашего путешествия в этот волшебный уголок Англии, к моему великому удовольствию, должен был стать паровоз.

Энтузиасты железнодорожного транспорта, живущие в различных час-

тих Британских островов, спасают старинные паровозы, любовно их восстанавливают и, получив соответствующее разрешение, пускают их по специальным участкам путей. Вы можете обнаружить, что машинист, проводник, кондуктор и прочий обслуживающий персонал такого поезда в обычной жизни являются учителями, профессорами, владельцами магазинов, химиками или просто вышедшими на пенсию железнодорожниками, работающими совершенно бесплатно лишь для того, чтобы нынешнее поколение имело возможность испытать на себе все ощущения, связанные с настоящим путешествием по железной дороге, вдыхать этот едкий, волшебный аромат угля, копоти и пара, вздрагивать от совиного завывания паровозного гудка, войти в состояние транса, вызванного грохотом, лязгом и шипением самого локомотива, а затем отдаться во власть ритмичного, как сердцебиение, перестука колес. Поэтому мы были рады совершить путешествие по железнодорожной ветке с поэтическим названием «Блюбэлл Рэйлуэй».

Ли в свои тридцать три года ни разу в жизни не путешествовала на паровозе, и это открытие потрясло меня, большого почитателя железных дорог, до глубины души. И вот мы прибыли на станцию, где нас уже ожидал паровоз, нарядный и блестящий, со шлейфом из пара, щегольски переброшенным через плечо, и прицепленные к нему элегантные вагоны с хорошо заметными надписями ПЕРВЫЙ, ВТОРОЙ и ТРЕТИЙ КЛАСС. Тяжелые двери захлопывались с приятным металлическим щелчком, а при помощи толстых кожаных ремней опускались окна, чтобы искрам было проще попадать вам в глаза, а саже и копоти пачкать ваш нос — все это придавало особый колорит путешествию по железной дороге, которое было *настоящим* железнодорожным путешествием. Махнув рукой на бюджет, Джонатан сделал широкий жест и зарезервировал для нас целый вагон первого класса с широкими сиденьями, покрытыми красивой обивкой и украшенными толстыми пуговицами, похожими на грибные шляпки. На стенах были развешаны яркие цветные плакаты примерно 20-х годов с изображением морских курортов, где море было такой невероятной синевы, что оставалось только удивляться, почему люди так рвутся отдыхать на Средиземноморье. Здесь были огромные багажные полки, достаточно широкие и прочные для того, чтобы выдержать любое количество кожаных чемоданов, шляпных коробок, корзин для пикника и прочих предметов первой необходимости. Мы с Ли сели у окна, а Крис с Брайаном, вооружившись магнитофоном и камерой, пристроились в дальнем углу, поскольку фильм должен был начинаться с того, как я говорю в камеру на фоне мелькающих за окнами сельских английских пейзажей. По целому ряду технических причин нам пришлось снимать эту сцену несколько раз,

мы катались по ветке «Блюбэлл Рэйлуэй» взад-вперед, из-за чего время нашего путешествия на этом замечательном поезде увеличилось в несколько раз.

Но вот наконец пленка с отснятой начальной сценой была убрана в коробку, и мы с большой неохотой покинули поезд, остановившийся среди поля в нескольких милях от ближайшего населенного пункта, у маленькой деревянной платформы с надписью большими белыми буквами: «Фрэшфилд халт. Пожалуйста, подайте сигнал, если хотите, чтобы поезд остановился». Мы вышли на шаткий настил, после чего извлекли из багажного вагона следующий вид транспорта, на котором нам предстояло продолжить наше путешествие, — большой блестящий велосипед-тандем.

Это была очередная гениальная идея Джонатана, и хотя я попытался протестовать, сказав ему, что в последний раз ездил на тандеме где-то примерно в 1939 году, он, как всегда, заверил нас, что все будет хорошо и никаких проблем у нас не возникнет. Велосипед был доставлен к нам в гостиницу накануне вечером, и мы с Ли сразу же вынесли его на улицу, чтобы немного попрактиковаться во двореке перед центральным входом. Поначалу мы двигались, достаточно сильно виляя из стороны в сторону, поскольку Ли настаивала на том, что она лучше меня знает, как крутить педали. К тому же велосипед был очень легким и на поворотах приходилось соблюдать большую осторожность, поскольку переднее колесо все время норовило сложиться наподобие птичьего крыла и выбросить нас в придорожную канаву. Однако вскоре мы укротили нашего железного коня и начали носиться по дворику, со свистом рассекая воздух. Но тут, на наше несчастье, из гостиницы внезапно вышли три пожилые дамы в сопровождении джентльмена, выглядевшего как бригадный генерал старой школы, и засеменили через дорогу прямо перед нами. Я с силой нажал на тормоз, тандем пошел юзом по гравию, переднее колесо сложилось, и мы с Ли рухнули на землю, образовав сложно переплетенную кучу из наших частей тела и деталей велосипеда. Пожилые дамы испуганно взвизгнули, бригадный генерал произнес что-то подозрительно похожее на «черт возьми!», а я и Ли, прокатившись по гравию, в конце концов сумели освободиться от велосипеда и подняться на ноги. Бригадный генерал вставил в глаз монокль и осмотрел нас с головы до пят. Мы оба были одеты в костюмы натуралистов, которые после целого дня съемок под дождем выглядели весьма неопрятно.

— Туристы! — произнес бригадный генерал после короткой паузы, вложив в это единственное слово все то высокомерное презрение, которое представители английского среднего класса до сих пор испытывают к пролетариату. Затем, оборонительно расставив руки вокруг пожилых дам, он

поспешил отвести их подальше от источника заразы. Это было не слишком обнадеживающее начало.

Однако когда мы сошли на остановке «Фрэшфилд халт» и «Черный рыцарь», окутанный клубами пара, с пыхтением отправился в дальнейший путь, издав на прощание свисток пронзительной ясности, звуки и запахи солнечного майского дня хлынули на нас со всех сторон. Голубое небо было усеяно жаворонками, поющими свою песню. Громко и настойчиво куковали в полях кукушки, а воздух был наполнен ароматом сотен весенних цветов. Мы скатили «Дейзи» (так мы окрестили наш тандем) с платформы по дерзвянному пандусу на присыпанную шлаком дорожку, затем проследовали по скользкой тропинке, которая привела нас к узкой проселочной дороге, проложенной по высокой насыпи, окруженной с двух сторон сверкающими армиями желтых, как шафран, калужниц, а вдоль одной из обочин тянулась живая изгородь из боярышника, покрытая похожими на кучевые облака цветками. Итак, оседлав «Дейзи», мы отправились на поиски старой Англии под лучами жаркого солнца, греющего наши спины, и в сопровождении птичьего гомона, звенящего в ушах.

Участок сельской местности, выбранный Джонатаном, поражал великолепием красок, и в это время года он просто не мог выглядеть более нарядно. Крутые откосы насыпи и живая изгородь украшали разноцветные узоры из канареечно-желтых лютиков, красной смолевки, белой звездчатки, голубой дымки колокольчиков, сиреневых фиалок и плоских соцветий болиголова, похожих на клубы бледного тумана. Между рядами живой изгороди раскинулись огромные зеленые луга, пестреющие цветами, с одиноко стоящими живописными дубами и буками, чья молодая листва отбрасывала густую тень. Попадавшиеся по дороге коттеджи и большие дома были надежно укрыты за рощами деревьев, благодаря чему они не бросались в глаза, и создавалось впечатление, что местность почти необитаема.

Наконец мы добрались до той самой поросшей травой дорожки, окруженной мощными рядами живой изгороди, где с одной стороны плотная, почти непроходимая стена из боярышника оплела одинокий дуб, чьи корни были скрыты под густой сетью плюща. Здесь нас встретил Дэйв Стритер — наш проводник по защитным полосам зеленой изгороди, который оказался для нас настоящей находкой. Стройный и темноволосый, с карими глазами и выступающим вперед, похожим на клюв носом, своими быстрыми движениями он напоминал нам птицу. Дэйв гордился живой изгородью так, словно посадил ее собственными руками, и не было такого живущего в ней животного или растения, которого бы он не знал. С его помощью мы начали раскрывать для себя секреты этой древней живой стены.

Д

Большинство живых изгородей насчитывает с момента своего рождения несколько веков, но натуралистам удалось придумать достаточно простой метод для приблизительной оценки их возраста. Вы отмеряете и отмечаете тридцать шагов вдоль живой изгороди, а затем возвращаетесь назад и подсчитываете общее число видов древесных растений, произрастающих на данном участке. Каждый вид растения соответствует одному столетию. На первый взгляд это метод может показаться надуманным, но на самом деле он основан на результатах расследования, проведенного натуралистами. Высаживая изгородь, фермеры, как правило, используют одно или максимум два вида растений. Со временем там начинают появляться и другие виды древесных растений, занесенных в виде семян с птичьим пометом либо белками и мышами, которые закапывают орехи и семена, а потом забывают местонахождение своих складов. После исследований ползающих полос известного возраста было установлено, что новые виды древесных растений появляются в них со скоростью один вид за сто лет.

Итак, мы с Ли отмерили шагами участок живой изгороди нужной длины, а затем приступили к сбору образцов произрастающих на нем древесных растений. Мы обнаружили более десяти различных видов, и, значит, когда эта живая изгородь была посажена, лондонского Тауэра и Вестминстерского аббатства еще не существовало. Просто удивительно, что при всеобщем трепетном почтении по отношению к этим двум архитектурным памятникам другая английская реликвия — живая изгородь, которая более тысячи лет приносила столь много пользы человеку и природе, ныне безжалостно выкорчевывается бульдозерами на фоне лишь слабых голосов, пытающихся протестовать против такого варварского отношения к природе. Если бы кто-то вдруг предложил снести Вестминстерское аббатство, чтобы освободить место под административное здание, или стереть с лица земли Тауэр ради еще одного «Хилтона», поднялся бы просто невообразимый шум, хотя за тысячелетнюю историю своего существования эти два здания, возможно, принесли человечеству значительно меньше пользы, чем скромные живые изгороди.

Кроме большого числа травянистых растений, ютящихся у ее корней или карабкающихся вверх по колючим ветвям, живая изгородь дает пристанище многим видам пресмыкающихся, птиц и млекопитающих, и некоторых из них нам удалось снять на пленку. Одним из наиболее привлекательных обитателей живой изгороди, на мой взгляд, является мышь-малютка — самое крохотное млекопитающее Британских островов, которой к тому же принадлежит честь быть открытой не кем иным, как одним из величайших натуралистов-любителей Гилбертом Уайтом. В своей замеча-

тельной книге «Естественная история Селборна» он описывает то, как мышь-малютка впервые попала в поле зрения ученого:

«Я сумел добыть несколько экземпляров тех самых мышей, упоминавшихся мною в предыдущих письмах, — молодой самец и самка с детенышем, которых я заспиртовал в бренди. Судя по их окраске, форме, размерам и манере устройства гнезд, они, несомненно, относятся к виду, до сих пор не описанному учеными. Они значительно мельче и тоньше, чем *Mus domesticus medius*, описанные Рэем; по окраске ближе к белке или соне; брюхо белое, и прямая линия на боках отделяет его от более темной спины. Эти мыши никогда не встречаются в доме; их заносят в амбары и сараи вместе со снопами; в период сбора урожая встречаются в больших количествах; гнезда строят над землей, среди стеблей злаковых растений, иногда в чертополохе. В одном выводке бывает до восьми мышат, которые появляются на свет в маленьком шарообразном гнезде, свитом из травинок или пшеницы.

Одно из таких гнезд я раздобыл этой осенью — весьма искусно изготовленное из листьев пшеницы, совершенно круглое и размером примерно с крикетный шар. Входное отверстие замаскировано так умело, что найти его просто невозможно. Оно было таким компактным и плотно заполненным, что каталось по столу, не разваливаясь на части, хотя внутри находилось восемь голых и слепых мышат. Но если гнездо такое тесное, то как мать могла проникать к своим отпрыскам, чтобы покормить их молоком? Возможно, с этой целью она открывала различные части гнезда и, закончив свое дело, закрывала их снова; ведь совершенно очевидно, что ей никак не поместиться в гнезде вместе с мышатами, которые к тому же с каждым днем становятся все больше. Эта замечательная колыбелька, элегантный образец проявления материнского инстинкта, была найдена на пшеничном поле, подвешенная к головке чертополоха».

Мышь-малютка приспособилась к обитанию на стеблях растений не хуже многих приматов Нового Света. У нее очень ловкие лапки, позволяющие крепко обхватывать стебли растений, и необычайно сильный цепкий хвост, на котором она может висеть вниз головой, когда занимается строительством гнезда. Эти круглые гнезда, размером примерно с теннисный мяч, сплетены из зеленых травинок, местами сцементированных между собой разжеванными листьями. Такие питомники, где самка выводит своих детенышей, имеют два входа и для удобства малышей выстланы изнутри тщательно пережеванными травинками. Новорожденные мышата весят около одного грамма, или, как отметил Гилберт Уайт, два мышонка потянут на медную монетку в полпенни. Для каждого выводка строится новое гнездо, и в хороший год мышь-малютка способна приносить потомство

Д

шесть раз и в одном выводке бывает по пять-шесть мышат. У людей такая плодовитость привела бы к бурному росту народонаселения. Однако следует отметить, что в те годы, когда мышей-малюток разводится слишком много, такие хищники, как лисицы, ласки, горностаи, совы и прочие, получают счастливую возможность вволю на них поохотиться, благодаря чему количественный состав семей этих животных также резко увеличивается. А когда у мышей-малюток выпадает неудачный год, для хищников тоже наступают тяжелые времена, и, таким образом, можно сказать, что их численность регулируется обилием грызунов. Но у человека в наши дни остался только один естественный враг — он сам, и при нынешней перенаселенности хищные представители человеческого рода не способны поддерживать баланс между рождаемостью и смертностью столь же эффективно, как это делает природа.

Другим примечательным обитателем полезащитных полос является еж. Они всегда были моими любимыми животными, еще со времен детства, проведенного в Греции, когда я с рук выкормил выводок из четырех маленьких ежат, принесенных мне одним крестьянином, который нашел их в гнезде из листьев на краю своего поля. Новорожденные ежата имеют светло-кремовую окраску, а иголки у них мягкие, словно каучуковые. По мере того как мои малыши подрастали, они постепенно меняли свой цвет на коричневый, а их иголки становились твердыми и острыми. Как я выяснил, это удивительно умные маленькие создания, и мои ежики даже научились вставать на задние лапы, выпрашивая у меня лакомые кусочки. Я часто брал их с собой в дальние прогулки по окрестностям, и ежи послушно семенили за мной, выстроившись в одну линию. Они отличались необычайным проворством, и, когда я переворачивал бревна или камни в поисках насекомых для своей коллекции, мне всегда приходилось быть на чеку, поскольку стоило лишь немного зазеваться, и редкий экземпляр уже хрустел у кого-то на зубах. Как-то раз они промышляли на старом заброшенном винограднике. На солнце было слишком жарко, и я укрылся в прохладной тени оливковой рощи, примерно в ста ярдах от них. Оттуда я мог наблюдать за своими ежами, но они не видели меня. Прошло какое-то время, прежде чем они заметили мое исчезновение, после чего сразу же начали проявлять сильное беспокойство и тревогу. Жалобно попискивая, они кружили на месте, пока один из них, по-собачьи уткнув нос в самую землю, не напал на мой след и, затрусив рысцей, повел за собой остальных. То, что ежи шли по моему запаху, не вызывало никаких сомнений, поскольку ежи петляли из стороны в сторону, послушно следуя по избранному мной маршруту. Обнаружив меня, ежи возбужденно зашумели, а потом, пыхтя и попискивая, поспешили забраться ко мне на колени.

Помню, в то время, когда мы жили в Хэмпшире, у нас в саду росла огромная старая яблоня. И вот в один год на ней уродилось огромное количество яблок, больше, чем моя мать была в состоянии переработать, хотя она заготовила тонны джема и чатни. Поэтому большое количество фруктов падало на землю и сгнивало, удобряя корни дерева. Однажды в ясную лунную ночь меня разбудили стоны, визг и пыхтение. Решив, что это пара любезничающих котов, я высунулся из окна, чтобы дать им суровую отповедь, но, к своему удивлению, увидел двух ежей. Заинтригованный тем, чем же они так увлечены, я надел шлепанцы и вышел в залитый лунным светом сад. Оказалось, они угощались полусгнившими яблоками, чей забродивший сок действовал на них, как сидр, и оба ежа были уже в стельку пьяные. Они пошатываясь бродили вокруг дерева, натыкаясь на все подряд, икали, переругивались друг с другом, одним словом, вели себя самым недостойным образом. Ради их же собственной пользы я запер ежей на ночь в гараже, а на следующее утро передо мной предстала самая удрученная и глубоко раскаивающаяся пара насекомых, которую только можно было себе представить. Я выпустил их в лесу, позади нашего дома.

Другим замечательным животным, которое нам посчастливилось снять на пленку, была ласка — самый маленький и самый очаровательный хищник Британских островов. Это красивые, быстрые и стройные маленькие создания длиной всего лишь двадцать восемь сантиметров вместе с хвостом, а в их необыкновенной скорости мы имели возможность убедиться сами, когда приступили к съемкам. Чтобы снять крупным планом то, как охотится наша ласка, мы сделали весьма правдоподобные декорации, представляющие собой фрагмент живой изгороди. Фильм снимается со скоростью двадцать четыре кадра в секунду, то есть за одну секунду кинокамера делает двадцать четыре фотографии. И вот мы обнаружили, что наша ласка движется так быстро, что она успевала проскочить через всю декорацию *между* кадрами — просто фантастическое проворство!

Когда, еще будучи студентом, я работал смотрителем в Уипснейдском зоопарке, в те дни, когда у меня был выходной, я обычно садился на велосипед и отправлялся в исторический музей Тринга, где брал уроки изготовления чучел. Мой путь пролегал мимо древнего фургона, хозяином которого был старый цыган, и я часто навещался к нему в гости, поскольку он держал у себя огромное количество животных, и их число постоянно увеличивалось. Впервые я обратил внимание на этого старика, которого все звали Джетро, после того, как, проезжая однажды мимо, внезапно увидел сразу пятерых ласок, резвящихся между колес его фургона. Я слез с велосипеда и наблюдал за тем, как ласки играют в догонялки, и их вытянутые тела так быстро мелькали в траве, что они походили на пушистых змей.

Д

Вскоре из леса вышел старый Джетро с ружьем под мышкой и двумя убитыми кроликами в руках. Он издал мелодичный свист, в ответ на который ласки тут же бросили свою игру, подбежали к его ногам и, встав на задние лапы, начали тоненько повизгивать. Старик бросил кроликов на землю, и, огрызаясь друг на друга, они утащили тушки под фургон, где жадно набросились на еду. Как мне хотелось завести у себя этих изящных, грациозных животных, но, увы, старик Джетро отказался их продавать, даже несмотря на то, что я предложил ему все свое недельное жалованье — три фунта и десять шиллингов.

— Нет, нет, парень, — сказал он, с любовью глядя на своих питомцев блестящими черными глазами, — я ни за что не расстанусь с ними. Знал бы ты, сколько мне пришлось натерпеться, пока я их выкармливал. Нет, я не отдам их ни за какие сокровища. Но если хочешь, я возьму как-нибудь тебя с нами на охоту. Тогда увидишь, до чего они отважные маленькие охотники.

И вот в одну из летних ночей, когда в небе сияла полная луна, белая и круглая, словно цветок магнолии, я подъехал на велосипеде к фургону старика Джетро. После пинты пива (домашнего приготовления) и тарелки нежного тушеного мяса мы отправились на охоту. Ласки скакали впереди вдоль живой изгороди, залитые ярким лунным светом. Как объяснил мне по дороге старик Джетро, его ласки выработали свой собственный метод охоты. Одна или две из них забираются в кроличью нору, а остальные ждут снаружи. Через некоторое время, напуганный двумя непрошеными гостями, кролик выскакивает из норы и оказывается во власти хищниц, поджидающих его у входа. Они бросаются на кролика с быстротою молнии, и одна из трех приканчивает его характерным для ласок укусом в затылок — нижние зубы заходят под основание черепа, а верхние клыки проникают прямо в мозг. Смерть наступает мгновенно. Было необычайно интересно наблюдать за тем, как ласки, с блестящими глазами, исполняют при лунном свете свой змеиный танец, действуя как одна команда, двигаясь легко и бесшумно. Неизвестно, охотятся ли подобным образом дикие ласки, но, по крайней мере, эти ручные животные выработали метод совместной охоты столь эффективный и смертоносный, что уже через два часа в ягдташе старого Джетро лежали тушки семи жирных кроликов. Часть из них будет скормлена ласкам и другим его плотоядным питомцам (среди которых были совы, ястребы, барсук и горностай), а остальных он съест сам или продаст в ближайшей деревне.

Старый Джетро использовал росшую вокруг его фургона живую изгородь точно так же, как и люди Средневековья, — охотился на кроликов и куропаток, собирал различные травы и корни для приправ к блюдам,

и из других растений приготавливал мази и снадобья, которые продавал на городском рынке; и я знал нескольких предпочитавших обращаться за помощью к нему, а не к местному врачу. У меня была знакомая девушка, страдавшая от сыпи, которая периодически появлялась у нее на лбу и левой ладони, причиняя массу неудобств, как физических, так и моральных. Не обращая внимания на ее протесты и сомнения, я отвел свою подругу к старику Джетро и заставил испробовать мазь, которую он ей дал. После трех применений сыпь исчезла и никогда больше не появлялась.

В одной из финальных сцен нашего фильма Джонатан хотел показать древний, девственный луг, в течение многих веков охраняемый живой изгородью. Когда он привел нас к выбранному месту, мы все пришли в полный восторг. Это был огромный луг, огороженный с трех сторон высокой стеной из боярышника, а с четвертой примыкающий к темному лесу, сверкающему свежей весенней листвой. Его поверхность имела пологий уклон, и там и здесь на ней возвышалось несколько одиноких дубов, судя по обхвату их могучих стволов, уже не одно столетие отбрасывающих пятна голубоватой тени. Но больше всего захватывало дух от цветовой палитры луга. Высокая сочная трава была усеяна лютиками такого насыщенного цвета, что казалось, будто кто-то разлил между живой изгородью и лесом небесный чан расплавленного золота. Чтобы устроить пикник в центре этого поля, нам пришлось пройти по золотому ковру, утопая по колено в лютиках, и казалось настоящим кощунством топтать его ногами, оставляя позади себя дорожку из смятых цветов на безупречно чистом покрове, сотканном из золотых и зеленых нитей.

В заключительных сценах этой серии фильма, чтобы показать сложную сеть полезащитных полос, протянувшихся по сельской местности, Джонатан решил отправить нас в полет на воздушном шаре. Хотя у меня уже не раз возникало желание совершить путешествие на этом величественном, старинном виде транспорта, я все равно немного нервничал из-за своих головокружений. Однако упустить такую прекрасную возможность было бы обидно, и поэтому я согласился попробовать подняться в воздух, взяв под контроль свое абсурдное недомогание. Ход этих съемок планировался, как войсковая операция. Мы собирались совершить два полета; в первый день с нами должен был лететь Крис вместе с камерой, чтобы снимать нас крупным планом прямо в корзине, в то время как другие члены съемочной группы будут следовать за нами на машинах и снимать воздушный шар с земли. На второй день Крису предстояло следовать за нами на вертолете, которым управлял не кто иной, как капитан Джон Крудсон, принимавший участие во всех сложных и рискованных съемках в фильмах о Джеймсе Бонде. Пилотом нашего воздушного шара был Джефф Уэст-

Дли — опытный воздухоплаватель, способный посадить свой летательный аппарат буквально на шестипенсовую монету. В идеале Джонатану хотелось бы, чтобы воздушный шар начал свой величественный полет с центра волшебного золотого луга, но, поскольку это нанесло бы непоправимый ущерб цветам и травам, нам пришлось выбрать для нашего первого подъема более прозаичный луг, изрядно общипанный домашним скотом.

Рано утром мы прибыли на место, где нас уже ожидал воздушный шар. Это был ярко раскрашенный монстр — значительно больших размеров, чем я ожидал, — в веселую красную, желтую и голубую полоску. На траве под шаром находилась корзина, похожая на гигантскую старомодную корзину для белья, где были расставлены газовые баллоны с бутаном, без которых полет был бы невозможен. Нас познакомили с Джеффом — коренастым светловолосым мужчиной, с лучистыми голубыми глазами, окруженным ореолом непоколебимой уверенности. Он сказал нам, что синоптики обещают отличную погоду и ему хочется поскорее подняться с нами в воздух. Для съемок наших лиц крупным планом Крису было достаточно отправиться в полет вместе с нами, но чтобы в кадр попала вся корзина полностью, камеру требовалось разместить на некотором расстоянии от нее. Мы решили эту проблему, установив камеру с дистанционным управлением на длинной алюминиевой мачте, прикрепленной к корзине под прямым углом. Джонатану очень хотелось создать иллюзию, будто мы с Ли сами «управляем» воздушным шаром, для чего он снабдил нас большим одеялом и объяснил Джеффу, что во время съемок ему следует опускаться на дно корзины и тщательно укрываться одеялом. Джефф согласился пойти на такое унижение, отнесясь к этому с большим юмором. И вот, получив последние наставления Джонатана, мы забрались в корзину и приготовились к первому в нашей жизни полету на воздушном шаре. Якорные канаты были отданы, корзина слегка вздрогнула, после чего Джефф потянул за шнур, и огромный язык голубого пламени взметнулся вверх над нашими головами, с ревом устремившись внутрь шара. Это походило на пробуждение дракона. Под аккомпанемент этих оглушительных взрывов корзина плавно поплыла вверх, словно кабина лифта. Мы поднялись на двадцать футов, тридцать футов, а затем взмыли в небо, оставив под собой кроны деревьев.

Ощущение было просто волшебным. Когда пламя не ревели, наступала полная тишина, и, плавно дрейфуя в небе по ветру, мы слышали, как в тысяче футов под нами разговаривают люди, стучит по рельсам поезд, лают собаки или мычат коровы. Пожалуй, похожее ощущение вызывает лишь плавание с маской над коралловым рифом, когда вы лежите вниз лицом на поверхности моря, позволяя слабому течению воды перемещать вас над коралловым садом. Далеко под нами, насколько мог видеть глаз, расстила-

лось пестрое лоскутное одеяло полей, огороженных живыми изгородями, с выступающими здесь и там темными островами леса и игрушечными деревеньками. Наша тень, похожая на гигантский голубой гриб, скользила под нами по полям и живым изгородям, приводя в возбужденное состояние стада коров и заставляя лошадей вести себя так, словно они находятся на рудео. Как объяснил нам Джефф, хотя мы и находимся во власти ветра, для управления движением воздушного шара можно сделать достаточно много. Например, когда скорость ветра упала, он опустил шар вниз, до самых верхушек деревьев. Мы дрейфовали над землей плавно и бесшумно, словно облако тумана, а однажды дно корзины даже прошуршало по верхним ветвям гигантского дуба. Мы видели зайца и огромное количество кроликов, на которых появление нашего огромного, ярко раскрашенного воздушного корабля действовало как сигнал тревоги. Мы видели пару коз, которые стояли на лесной поляне, напряженно наострив уши, а пролетая над грачовником, были встречены яростным гвалтом грачей, возмущенных таким наглым вторжением в их воздушное пространство.

Было очень интересно пролетать всего в пятидесяти футах над деревнями, одиноко стоявшими фермами и коттеджами, поскольку мы могли разглядеть садики позади каждого дома, тщательно ухоженные и украшенные цветами. Рев нашего воздушного шара заставлял собак истерически лаять, а люди выбегали из домов, чтобы помахать нам руками. Как только до них доходило, что мы их слышим и способны отвечать, они сразу же спрашивали, куда мы направляемся, и когда мы говорили, что не знаем сами, их ответ казался им крайне забавным. Когда мы проплывали над сельской школой, все дети вместе со своими учителями высыпали на школьный двор, чтобы понаблюдать за нашим полетом. Дети, конечно же, начали нам кричать и спрашивать, куда мы летим. А мы, конечно же, отвечали им, что нам это неизвестно. У детей такой ответ вызвал приступ бурного веселья, и один маленький мальчик хохотал так безудержно, что упал и начал кататься по земле. Затем мы подлетели к изысканному миниатюрному особняку из красного кирпича с прелестной розовой черепичной крышей. Прилегающий к нему сад был полон цветов и декоративных кустарников, и вся эта картина походила на иллюстрацию к волшебной сказке. Встревоженные драконьим ревом нашего шара, хозяин и его жена выбежали в сад.

— Какой у вас дом! — крикнул я даме.

— А у вас восхитительный воздушный шар, — ответила она.

Но вот пришло время совершать посадку, поскольку запасы топлива начали подходить к концу. Как всегда бывает в таких случаях, стоит вам захотеть посадить воздушный шар, как вы замечаете, что все поля на мно-

Дгие мили вокруг либо засажены ячменем или пшеницей, либо на них пасутся стада истеричных коров и овец, у которых случился бы коллективный нервный припадок, впрочем, как и у владельцев этих стад, если бы мы рискнули совершить посадку среди них. Наконец мы заметили луг, не засаженный зерновыми культурами и свободный от домашних животных. Чтобы добраться до него, нам требовалось пролететь над большим полем зреющего ячменя, перебраться через защитную полосу деревьев и совершить очень быструю посадку на три точки, поскольку этот луг был достаточно узким. Но тут ветер сыграл с нами злую шутку. Когда мы дрейфовали над ячменным полем, ветер неожиданно стих, и воздушный шар понесся к земле с весьма приличной скоростью. Пытаясь набрать высоту, Джефф выпустил в шар большой язык пламени, но это не помогло; корзина рухнула в ячмень, а затем, как кенгуру, начала передвигаться по полю серией гигантских прыжков. Мы три раза с силой ударились о землю, а затем ветер подхватил шар и с головокружительной скоростью потащил корзину через ячмень, всего лишь в шести дюймах от земли. Перед нами угрожающе возвышалась полоса деревьев, а позади оставалась полоса сломанного и помятого ячменя. Деревья, с их опасными, торчащими в стороны ветвями, неотвратимо приближались. Джефф сделал единственное, что ему оставалось, — он потянул за шнур, открывающий клапан, и выпустил горячий воздух из шара. Наш огромный яркий красавец шар сморщился и поник, в предсмертных конвульсиях бросив корзину набок, отчего мы все повалились в одну кучу поверх бедняги Криса. В своей агонии шар протаскивал корзину еще около пятидесяти ярдов, и мы кувыркались внутри ее, сплетенные в один клубок, изо всех сил стараясь уберечь наши руки и ноги. После того как шар наконец остановился, сильно помятые и чуть живые, мы выползли из корзины. Алюминиевая мачта, на которой была установлена камера с дистанционным управлением, погнулась и скрутилась, словно штопор, но, к счастью, сама камера не пострадала. И, что более важно, не пострадал никто из нас. Джонатан, Пола и вся съемочная группа, следовавшая за нашим беспорядочно блуждающим шаром на двух машинах, с крайне взволнованным видом выскочили из-за деревьев и бросились к нам.

— С вами все в порядке? — крикнул Джонатан, очевидно, уже приготовившийся увидеть главных героев с переломанными ногами.

— Да, все нормально, — крикнул я в ответ. — Это было проще, чем упасть с бревна.

К счастью, они прихватили с собой непременно бутылку шампанского, которой, согласно традиции, следовало завершить первый полет на воздушном шаре. Мы с облегчением выпили ее, стоя посреди разоренного ячменного поля возле разноцветного остова нашего воздушного корабля.

Несмотря на достаточно неприятную аварийную посадку, мы с нетерпением ожидали нашего полета, намеченного на следующий день, когда нас должен был сопровождать вертолет. К сожалению, утром погода была неподходящей, но к полудню синоптики дали благоприятный прогноз, после чего мы снова поднялись в воздух, и вертолет, с высунувшимся из него Крисом, следовал за нами на близком расстоянии.

Это был изумительный, золотистый день, и светло-голубое, словно выцветшее небо было подернуто легкой туманной дымкой. При таком освещении сельская местность выглядела совсем иначе, и поля предстали перед нами во всем многообразии красок — изумрудно-зелеными и золотыми от лютиков, желто-коричневыми от поспевающей пшеницы, а свежие пашни походили на доски красно-коричневого вельвета. Как только нам сообщили с вертолета по рации, что Крис закончил свою съемку, мы сняли с бедного Джеффа одеяло и позволили ему наслаждаться полетом. Лишь к тому времени, конечно же, настолько увлеклась воздухоплаванием, что мне захотелось, чтобы я на следующий день приобрел для нас собственный воздушный шар. Признаюсь, это было большое искушение, но все же мне удалось умирить свой и ее энтузиазм.

Солнце клонилось к горизонту, заливая окрестности нежным зеленовато-золотистым светом, а мы дрейфовали по ветру, тихо и беспорядочно, словно пух одуванчика, уверенные в том, что такой вид путешествия является самым лучшим и единственно правильным.

СЕРИЯ ВОСЬМАЯ

Следующее место проведения выездных съемок представляло собой разительный контраст с тем, что мы видели в Англии. Мы оставили сочный зеленый ковер английской сельской местности и оказались среди причудливых пейзажей пустыни Сонора. У большинства людей слово «пустыня» порождает в сознании образ скучной безводной равнины, где есть лишь бесплодные пески и голые камни — места, враждебные для любых форм жизни. Такое представление, конечно же, справедливо в отношении некоторых пустынь, но на Земле существуют и другие пустыни — причудливые и удивительные места, где живут многочисленные растения и животные, прекрасно приспособившиеся к суровой среде обитания. Одним из таких необычных уголков нашей планеты является пустыня Сонора, расположенная на юго-западе США и занимающая территорию в несколько тысяч квадратных миль, густо населенных разнообразными видами животных и птиц, усеянных самыми экзотическими формами кактусов и покрываю-

Д

щихся в сезон пышным ковром из мириад диких цветов. И вот, чтобы показать, насколько традиционное представление о пустыне отличается от действительности, мы и отправились туда на съемки.

Наша съемочная группа состояла из оператора Родни Чартерса, имеющего ласковое прозвище Роддерс, — коренастого мужчины, привыкшего все делать на бегу, даже когда у него на плече тяжелая кинокамера. Он всегда улыбается, даже в самых трудных ситуациях, и прищуренные глаза придают ему почти восточный вид. Его помощник, Малькольм Кросс, был красивым молодым человеком с роскошными усами и обладал манерами тех порядочных, крепких душой и телом англичан, которые сделали империю тем, чем она была. (Именно Малькольм после окончания съемок прислал мне письмо, где написал о том, как много удовольствия он от них получил. Он закончил свое письмо следующей фразой: «Я вернулся домой в таком хорошем настроении, что моя жена теперь беременна».) Нашим звукооператором был Иэн Хендри, с редкой бородкой и выразительными бездонными глазами, придававшими ему сходство с пожилым эльфом. Но, несмотря на свой вид несчастного изгнанника из сказочного королевства, в своей работе он проявлял необычайное усердие.

Первый же день в пустыне Сонора произвел на нас ошеломляющее впечатление. Мы прибыли туда ночью и поэтому не могли составить себе ясного представления о том, как выглядит пустыня, но на следующее утро, едва рассвело, мы расселись по машинам и поехали посмотреть на места, выбранные Эластером для съемок. Начать с того, что небо было просто великолепным: там, где вставало солнце, его цвет постепенно изменялся от бледно-розового до кроваво-красного, а разбросанные по нему облака имели лиловый и желтый оттенок. На этом красочном фоне вырисовывались силуэты гигантских кактусов цереусов, похожих на странные, покрытые колючками канделябры, часть которых была украшена короной из белых цветов с желтой сердцевинкой. Цереус, вероятно, самый необычный кактус в мире, поскольку его высота порой достигает пятидесяти футов и он образует целые «леса», раскинувшиеся на многие мили. Кактус достигает зрелости, когда его высота составляет всего лишь семь-восемь футов, но к этому времени ему уже исполняется пятьдесят лет. Издалека эти кактусы кажутся гофрированными, словно бы сделанными из рубчатого зеленого вельвета. Вдоль каждого рубца расположены пучки жестких черных колючек длиной до двух дюймов и острых, как иглы медицинских шприцов. Процесс роста у этих колючих гигантов протекает очень медленно. Они начинают свою жизнь в виде крохотного семечка, и первые несколько лет являются для него самыми опасными, так как маленькому кактусу приходится противостоять экстремальным перепадам температуры — от испепеляющей жары до заморозков, — выносить засуху и дожди. На этой стадии

его могут затоптать олени, обглодать кролики или крысы. Если же ему удастся пережить все эти опасности, то дальше он будет расти медленно, но уверенно. Между семьюдесятью пятью и ста годами он имеет высоту от двенадцати до двадцати футов, и в это время у него начинают отрастать боковые ответвления, придающие ему причудливую форму канделябра. Количество и расположение этих ответвлений варьируется в широких пределах, поэтому вы никогда не встретите два совершенно одинаковых кактуса цереуса. Некоторые кактусы могут иметь лишь два ответвления, а у других их количество доходит до двадцати или даже пятидесяти. Цереус, как и все остальные кактусы, суккулент, и, подобно огромной колючей бочке, он способен накапливать в своем стебле и ветвях огромное количество влаги. Плотная, покрытая восковым слоем кожица делает его превосходным резервуаром для воды. Колючки кактуса не только служат ему защитой от атак животных, таких, как олени и длиннорогие овцы, они еще отбрасывают густую тень, предохраняя поверхность растения от перегрева в сильную жару. Когда цереус умирает, мякоть перегнивает и остается лишь высохший древесный остов — кружевной, переплетенный, как корзина, каркас, поддерживающий при жизни бочкообразный ствол и массивные ветви. Внутри этих скелетов порой можно найти странные образования длиной от десяти до двенадцати дюймов, похожие на вытянутые деревянные башмаки. На самом деле это остатки птичьих гнезд. Ввиду гигантских размеров внутри кактуса поддерживается температура на несколько градусов ниже наружного воздуха, что делает его идеальным жильем для птиц. Американский сородич большого пестрого дятла, строя по несколько гнезд за сезон, превращает цереус в своего рода колючий многоквартирный дом. После того как он выдолбит себе гнездо, кактус (в целях самозащиты) формирует вокруг раны прочный древесный наплыв — каллюс. Это и есть те самые странные деревянные «башмаки», которые вы можете найти внутри мертвых кактусов. Если он покидает свое гнездо, его занимают другие птицы, такие, как совы, мухоловки, пурпурные ласточки (*purple martin* — *Progne subis*), и поэтому в одном многоквартирном цереусе могут обитать три или четыре различных вида птиц.

Углубившись на несколько миль в пустыню, мы остановились, чтобы пройти по лесу из гигантских кактусов. Гигантский цереус наиболее заметен благодаря своим размерам и впечатляющему обхвату ствола, но здесь встречаются и многие другие виды кактусов, имеющие самые фантастические формы. Например, здесь растет опунция — средних размеров кактус с большим количеством плоских округлых отростков, так густо усеянный желтовато-коричневыми колючками, что издали они походят на мех, а само растение с его закругленными боковыми ответвлениями напо-

Д

минает традиционного плюшевого медвежонка. Тут встречается и удивительное суккулентное дерево фукьерия, похожая на колонну с высоким стволом и длинными ниспадающими ветвями, усеянными короткими колочными веточками, из-за которых все растение выглядит так, словно ему срочно требуется побриться. Листья на этих веточках появляются только после того, как фукьерия накопит достаточно влаги для их содержания. Эти фантастические растения часто описывают как гигантскую перевернутую морковь, хотя они зеленые, а не красные. Когда вы увидите такой сушающийся кверху ствол высотой шестьдесят футов с направленными вниз «небритыми» ветвями, то сразу же поймете, что встретили самое необычное растение пустыни.

Нам посчастливилось попасть сюда в пору цветения кактусов, и поэтому вся пустыня представляла собой фантастическое буйство красок. Здесь были цветки зеленые, как нефрит, желтые, словно нарциссы, пурпурные, будто вереск, розовые, как цикламены, апельсиново-оранжевые и алые. Если бы вас внезапно перенесли в пустыню, наполненную этим колючим изобилием самых невообразимых форм и ярких восковых цветов, а затем сказали бы, что вы находитесь на Марсе, вы без колебаний в это поверили бы.

Хотя пустыня Сонора очень жаркое место, воздух здесь настолько сухой, что жара почти не чувствуется. На самом деле, находясь в кактусовом лесу, всегда следует соблюдать осторожность, поскольку вы можете сильно обгореть, сами того не заметив. И, конечно же, дополнительную опасность представляют сами кактусы, которые окружают вас со всех сторон, держа свои колючки наготове. Например, попробуйте задеть опунцию, и вы сразу же поймете, насколько обманчиво ее сходство с милым пушистым медвежонком. Потом вы битый час будете выщипывать ее колючки из рубашки или брюк. Жизни нашего Эластера, который всюду передвигается бегом и постоянно спотыкается о собственные ноги, большую часть времени, проведенного нами в Соноре, угрожала смертельная опасность. Однажды, энергично отступая спиной вперед, чтобы найти наилучший ракурс, он налетел на невероятно колючий и неуступчивый кактус цереус, который рос на этом месте не менее ста лет и поэтому не видел никаких причин уступать дорогу режиссеру фильма. При попутном ветре вопли Эластера были бы слышны даже в Лондоне.

Нам очень повезло в том, что нам оказывали огромную помощь сотрудники Музея пустыни Сонора — уникального заведения, где основную часть экспозиции представляют живые животные, а не их чучела. Нам, конечно же, позволили одолжить у музея часть наших кинозвезд, большинство из которых были ручными. Но, как оказалось, ручные животные имеют свои недостатки. Мы хотели показать в своем фильме известный способ ловли

ящериц (который я сам с успехом использовал в разных частях света) с помощью петли из лески, привязанной к палке. Вот как это делается: вы осторожно подкрадываетесь к ящерице, плавным движением накидываете ей на шею петлю — быстрый рывок, и она у вас в руках. Чтобы продемонстрировать эту технику, мы одолжили у музея одного из старейших его обитателей — огромную почтенную игуану. Эти ящерицы, достигающие в длину до двух футов, имеют толстое рыжевато-коричневое тело, широкую морду, своим выражением напоминающую Черчилля (не хватает только сигары), и очень мощный хвост. Позаимствованную нами игуану звали Джо, и он взирал на нас с такой важностью, словно только что закончил произносить речь общемирового значения. Мы объяснили ему со всей деликатностью, в чем заключается его роль, — всего лишь живописно развалиться на камне среди песка, подождать, пока Ли подкрадется со спины и накинет петлю на его жирную шею, а затем, почувствовав, что петля затянулась, начать извиваться и брыкаться изо всех сил, будто он слабоумная дикая игуана, а не тот, кто наслаждается преимуществами своего привилегированного положения в Музее пустыни Сонора на протяжении последних двадцати пяти лет. По высокоинтеллектуальному выражению на его физиономии мы пришли к заключению, что все наши инструкции приняты к сведению, а поскольку роль была еще и без слов, это позволяло надеяться на то, что он справится с ней с блеском. Эластер окончательно уверовал в то, что перед ним восходящая кинозвезда, и даже дошел до того, что потрепал Джо по голове, пробормотав: «Хорошая змеюка».

Однако, после того как камеры были установлены и Ли, вооруженная палкой с петлей на конце, уже ожидала сигнала к началу съемок, с Джо произошла странная перемена. Продолжая сидеть на своем камне, он внезапно перестал быть той подвижной, живой игуаной, которой мы все его знали и любили. Охваченный тем, что, по всей видимости, являлось распространенной среди рептилий формой страха перед публикой, он застыл в абсолютно неподвижной позе, напоминая творение рук искусного таксидермиста. Даже когда затянувшаяся на шее петля оторвала его от камня, он не мигал и не двигался, будто бы и в самом деле до самого кончика хвоста был набит опилками. Более того, ничто уже не могло вывести его из состояния транса. Мы кричали на него, махали перед ним руками, бросали ему под нос аппетитных жуков, но все было напрасно. Джо по-прежнему оставался неподвижен, словно каменное изваяние. Нам ничего не оставалось, кроме как с позором вернуть его в музей.

Со змеями нам повезло значительно больше. Стивен Хейл, который был нашим консультантом-герпетологом и заведующим террариумом, приехал на нашу съемочную площадку в пустыне с полными мешками змей, изви-

Д вающихся в багажнике его грузовичка, — зрелище, от которого наиболее слабонервные члены нашей съемочной группы почувствовали легкую дурноту. Гремучая змея с ромбовидным узором на спине пребывала в дурном настроении и начала трещать задолго до того, как подошла ее очередь покинуть свой мешок и появиться перед камерой. Это была очаровательная змея изысканной расцветки, и она неумоимо протрещала в течение всей своей долгой сцены, злобно бросаясь на все, что попадало в пределы досягаемости. Арлекиновый аспид, своим ярким узором в розовую, красную, черную и желтую полоску напоминающий эпатирующий шелковый итальянский галстук, доставил нам больше всего хлопот. Он продемонстрировал беспрецедентную скорость и скрылся между камней в мгновение ока. Но, вероятно, самой красивой и, совершенно определенно, самой дружелюбной змеей оказался пятифутовый американский уж, покрытый иссиня-черной сверкающей чешуей в ярко-желтую полоску. У него были огромные влажные глаза и чуть приподнятые уголки рта, что придавало ему необычайно кроткое выражение, поскольку казалось, что он все время застенчиво улыбается. Он покорно позволял поймать себя петлей из лески и палкой с раздвоенным концом, находить себя на камнях и под ними, неумоимо ползал между кактусов и других пустынных растений. Кроме того, он не возражал против того, чтобы его бесконечно брали на руки, и нежно обвивался вокруг пальцев, рук и шеи Ли. И только в самом конце, после того, как Эластер сказал Ли: «Ну а теперь положи эту ящерицу вот на этот камень», оскорбленная змея повернулась и укусила ее. К счастью, ужи, как известно, неядовиты.

Одним из самых интересных моментов наших съемок в пустыне, по крайней мере для меня, стала встреча в естественных условиях с моей самой любимой птицей — калифорнийской бегающей кукушкой. Со своим безумным взглядом, забавным торчащим хохолком и манерой бега вприпрыжку, придающей ей поразительное сходство с длинноногими бегунами, калифорнийская кукушка, несомненно, является одной из самых комичных и привлекательных птиц. Нам удалось снять на пленку любопытный эпизод, наглядно демонстрирующий, что в суровых условиях пустыни ничто не пропадает впустую. Мы нашли гнездо с тремя птенцами калифорнийской кукушки, и один из них был мертв. К нашему изумлению, когда мать это обнаружила, она взяла мертвого кукушонка и стала скармливать его одному из оставшихся птенцов. Когда мы видели их в последний раз, птенцу удалось проглотить голову и шею своего мертвого братца, в то время как тело свисало у него из клюва. По всей видимости, такой метод поглощения пищи достаточно распространен у калифорнийских кукушек, поскольку нередко они ловят и убивают змей, которые слишком велики

для того, чтобы проглотить их за один присест. В таком случае они проглатывают столько, сколько смогут, а то, что не влезло, остается свисать снаружи. После того как половина змеи успешно переварится, они заглатывают оставшуюся половину.

Именно в ходе наших съемок в пустыне у нас выдался один из тех ужасных дней, которые превращают кинопроизводство в такой непредсказуемый и нервный процесс для всех, кто в нем участвует. Стремясь отразить все аспекты пустынных условий, мы сняли пустыню с кактусами, пустыню с кустарниками, пустыню с камнями и полупустыню с травой. Нам осталось лишь снять то, что большинство людей считают типичной пустыней — мили и мили песчаных дюн. Проводя рекогносцировку местности, Эластер нашел идеальную съемочную площадку в пятидесяти милях от нашей гостиницы. Там трехсот- и четырехсотфутовые дюны, живописно вылепленные дождем и ветром, простираются во всех направлениях до самого горизонта. Более того, прямо через эту область проходила крупная автомагистраль, что максимально упрощает к ней доступ. Эластер расписывал эти дюны, не жалея красок, и у меня сложилось твердое убеждение, что рядом с ними померкнут пески Внутренней Монголии, Гоби и Сахары. И вот, испытывая радостное возбуждение от перспективы снять сцены, которые смогут соперничать, если не превзойти, все то, что смог показать Голливуд в фильме «Beuve Geste»¹, мы встали очень рано и отправились на встречу восходу, туда, где на фоне золотистого неба высвечивались алые и пурпурные, тонкие, как перышки, облака.

Когда Эластер ездил в Калифорнию и увидел дюны, так потрясшие его своим безмолвным величием, был один из будних дней. Мы же выехали туда в воскресенье, и когда после нескольких часов езды мы наконец прибыли на место, нашим глазам предстала картина, совсем не похожая на то, что нам описывал Эластер. Да, здесь и в самом деле были огромные, красиво вылепленные дюны; они простирались во всех направлениях до самого горизонта; они выглядели в точности так же, как голливудская пустыня, и в любую минуту можно было ожидать, что сейчас из-за ближайшего бархана верхом на лошади появится Рамон Наварро. Однако вместо персонажей голливудского вестерна мы увидели здесь добрых две трети населения Калифорнии, а также необычайно шумные и вонючие автомобили-багги, вытрясающие душу из песчаных дюн. Их здесь было целые сотни — скользящих, подпрыгивающих, ревущих и завывающих, — и, конечно же, проводить звукозапись в таких условиях было просто невыносимо.

¹ Известный фильм режиссера Уильяма Уиллмана о французском легионе, снятый в 1939 году. — *Прим. перев.*

Д

На самом деле мы едва слышали друг друга, не говоря уже об отвлекающем воздействии полудюжины багги, кружащих рядом с нами по песку; в них имелся широкий выбор полураздетых и пышногрудых юных дам. Мы в отчаянии продвигались все дальше и дальше, надеясь найти необитаемый участок дюн, но повсюду были багги, жужжавшие, словно растревоженное осиное гнездо. В конце концов Эластер предложил вернуться назад, к началу дюн (где, как нам казалось, было несколько поспокойнее), и ограничиться съемкой без звука. Сидевший за рулем Родни, не испытывавший должного уважения к законам страны, развернулся посредине шоссе и поехал в обратную сторону по той же дороге. Через несколько секунд (или нам так показалось) вертолет Большого Брата (набитый полицейскими) доложил по радию о нашем страшном преступлении патрульной машине, и под завывание сирены нас догнали и прижали к обочине. Полицейский в черной униформе, вручивший нам квитанцию о штрафе, выглядел устрашающе. Не говоря уже о его пистолете (вы инстинктивно чувствовали, что он может попасть из него в туза с расстояния в четыре тысячи футов), он был сложен, как гора Эверест, и, по всей видимости, не только владел приемами бокса, карате и джиу-джитсу, но и мог летать не хуже Супермена, если вы его на это спровоцируете. Тихий голос и вежливые интонации делали его внешность еще более угрожающей. Даже Эластер, никогда не испытывавший особого уважения к властям, и тот стушевался перед этим образчиком мужественности, который, казалось, в одиночку мог одолеть все ЦРУ. Мы покорно взяли нашу квитанцию.

Мы доехали до того места, где начинались барханы, и Эластер обратил наше внимание на то обстоятельство, что если с одной стороны дороги багги присутствовали в изобилии, то с другой стороны их не было совсем. И вот, следуя указаниям нашего режиссера, мы свернули с шоссе на колею, петляющую между дюнами. Очень скоро мы поняли, почему на этой стороне шоссе полностью отсутствовали багги. На участке дороги, наиболее удаленном от автомагистрали и цивилизации, наша машина провалилась в песок по самые оси и намертво застряла. Пола, Ли и я прошли две мили до шоссе, а затем еще две мили до ближайшего гаража, где имелся грузовик, способный вытащить нашу машину из песка. Мы вернулись в свою гостиницу лишь поздно вечером, в состоянии крайнего раздражения, сожалея не только о потраченном впустую дне, но также и о том, что мы задолжали полицейскому управлению двадцать пять долларов.

Но это был наш единственный неудачный день; остальные съемки в пустыне прошли просто превосходно. Погода стояла чудесная, начиная с восхода, когда восхитительные зеленые, розовые и лиловые облака постепенно таяли в первых лучах солнца, окутывающего кактусы золотистым

марево, и до позднего вечера, когда огромное небо (в пустыне оно почему-то кажется в два раза выше) окрашивалось в багрянец и пурпур такой необычайной глубины, что знаменитые закаты Тернера в сравнении с ними показались бы анемичными.

Одной из замечательных особенностей съемок нашего сериала была быстрая смена декораций. Только что вы утопали по колено в снегу, а в следующую минуту обливаетесь потом в тропическом лесу. Вот вы плывете в лодке по английской реке, а через мгновение вы уже находитесь в каюте, плывущем над коралловым рифом. И вот, в данном случае, мы покинули леса гигантских кактусов Аризоны и вылетели на встречу с холмистыми саваннами Южной Африки, в крупнейший природный резерват с чудесным названием, словно бы позаимствованным у Райдера Хаггарда, — Умфолози.

Приближение к этому удивительному месту служит самым радикальным и действенным средством, открывающим глаза на всю серьезность современных экологических проблем из всех когда-либо испытанных мной. Вы едете миля за милей по зеленой холмистой саванне, которая смутно напоминает вам уголки родной Англии. Вы также смутно сознаете, что рхские здесь леса были сведены, чтобы уступить место этой саванне, которая хотя и кажется плодородной и зеленой, в действительности вся почва здесь выжжена, эродирована и вытоптана скотом. Но все эти мысли достигнут вашего сознания лишь после того, как вы достигнете Умфолози. Вы едете через эти пологие зеленые холмы, покрытые редкой растительностью, и тут внезапно видите перед собой ограду, а за ней ту Африку, какой она была до появления здесь белого человека и демографического взрыва среди африканцев. Великолепные заросли акации, сочные луга, гигантские пузатые баобабы — вся эта пышная растительность, которую нужно увидеть, чтобы поверить в ее существование.

Те из читателей, кто, подобно мне, уже топчется на границе весьма зрелого возраста, возможно, помнят Джуди Гарланд в фильме «Волшебник страны Оз». В самом начале ее домик подхватывает ураган и переносит через радугу. До этого момента фильм черно-белый, но как только домик вновь оказывается на земле и Джуди Гарланд робко приоткрывает дверь, краски «*Technicolor*» предстают во всем своем великолепии. Приближение к Умфолози произвело на меня примерно такое же впечатление. Вы едете, наблюдая вокруг себя лишь созданный человеком и им же оскверненный ландшафт, но не сознаете полностью, что сделали с природой представители вашего вида, поскольку рядом нет цветных кадров для сравнения. Но стоит оказаться у ограды, за которой находится кусочек первозданной Африки, и даже такие люди, как я (хорошо знакомые с мировыми проблема-

Д ми охраны окружающей среды), испытывают настоящее потрясение. Вы внезапно понимаете, что всю дорогу ехали по некоему подобию искусственной пустыни и вот наконец прибыли в оазис — за стальными прутьями.

Попад на территорию резервата, вы замечаете не только разительный контраст в растительности, но также и то, что окружающий ландшафт ожил за счет многочисленных животных. Зебры, в полосатых костюмах викторианских денди, скакали легким галопом рядом с машиной, игриво перебирая копытами. Неподалеку от них выделявали курбеты голубые гну, чьи причудливо изогнутые рога заставляли вас подумать, что они смотрят на вас через очки. Для таких нескладных созданий они поразительно проворны. Стадо бегущих антилоп гну больше всего напоминает балет, поскольку они постоянно разворачиваются, прыгают и скачут, в одно мгновение почти встают на голову, а в следующее — взмывают в воздух и совершают сложный пируэт. Когда зебры и гну скакали среди кустарника, они спугивали стайки пурпурно-фиолетовых скворцов и небольшие группы птиц-носорогов с огромными крючковатыми клювами и алыми сережками. Они вышагивали торжественно, словно солдаты караульной службы, и взирали на нас огромными выразительными глазами, окаймленными густыми, необычайно сексуальными ресницами. Мы проехали по парку еще около мили, когда увидели его главного обитателя — белого, или широкомордого, носорога. Эти гигантские, величественные животные (самые крупные наземные млекопитающие после слона) одно время находились на грани полного исчезновения. К счастью, в последний момент были приняты меры по спасению этого древнего великана, и теперь в Умфолози, как и других частях Южной Африки, их численность постепенно увеличивается. Встреченный нами крупный самец величественно вышагивал между деревьями, и его огромную голову украшал четырехфутовый рог, изогнутый, как ятаган. Несколько птиц сидели на его спине, словно украшения на каминной полке. Время от времени, когда массивные ноги носорога прочесывали траву, беспокоя мелких животных или кузнечиков, птицы слетали со своего движущегося насеста, ловили насекомое и возвращались на спину носорога, чтобы съесть его там. Мы остановили машину в тридцати футах от него, носорог тоже встал и внимательно осмотрел нас безмятежным взглядом. Затем, глубоко вздохнув, он пересек дорогу перед нами и скрылся в зарослях акации.

Проехав еще не более полумили, мы наткнулись на группу животных, которых я считаю самыми красивыми среди всех млекопитающих, — жирафов. Их было пятеро: трое неторопливо объедали верхушки акаций, в то время как двое других, у которых, очевидно, был медовый месяц, вели

себя с потешной безрассудностью. Повернувшись друг к другу, они так хитроумно переплетали шеи, словно были лебедями, а не жирафами. Они обменивались жаркими поцелуями, просовывая языки в рот партнеру с таким сладострастием, которое можно увидеть разве что во французском фильме и которое никак не ассоциируется с жирафами. Подобно всем влюбленным, им не было никакого дела до всего происходящего вокруг, и даже когда мы, выйдя из машины, подошли достаточно близко, они не обратили на нас ни малейшего внимания. Распрощавшись с жирафами, мы подъехали к на редкость непривлекательному комплексу блочных зданий, построенных южноафриканским правительством, чтобы продемонстрировать туристам свою любовь и заботу. Это было примерно то же самое, что жить в плохо спроектированном общественном туалете, но окружающая нас природа с лихвой компенсировала все бытовые неудобства,

Нашим оператором здесь был еще один Родни — Родни Борланд и его жена Мойра. Работая вместе, они сняли несколько превосходных фильмов о дикой природе и знали африканский буш далеко не понаслышке.

Именно в это время у Эластера начался бурный и продолжительный роман со златокротом. Вероятно, такое заявление требует некоторых пояснений. Я с самого начала торжественно заявил, что не собираюсь ехать в Южную Африку, если мне не устроят встречу с животным, которое давно интересовало меня, — златокротом. Существует несколько видов этого странного животного, и хотя у него есть достаточно сильное сходство с европейским кротом, он отличается от него главным образом необычайно шелковистым мехом, сверкающим, как золотая канитель. Держа в уме мое настойчивое желание, Эластер не остановился ни перед какими трудностями и, связавшись с кем-то в Дурбане, одолжил в зоопарке златокрота для наших съемок. Это было очаровательное создание с маленькими глазками, придававшими ему поразительное сходство с близоруким человеком, потерявшим свои очки. Около пяти дюймов в длину, он выглядел как мохнатый слиток золота, скребущийся в своем ящике с землей. Как большинство насекомых (в действительности златокроты питаются в основном почвенными беспозвоночными, а также безногими ящерицами, поэтому вряд ли его можно назвать насекомоядным), златокрот был необычайно прожорлив, и для поддержания хорошего настроения ему требовалось около трехсот ярдов червей ежедневно. По какой-то неспойманной причине у Эластера зародилась сильная привязанность к этому маленькому любопытному существу. Он называл его Мактавиш, выкапывал огромное количество червей ему на завтрак, обед и ужин, а по ночам держал его в своей комнате. Но он признавал, что Мактавиш на протяжении всей ночи пытается выбраться из своей коробки и ему доводилось знать менее беспокойных со-

Д

жителей. Хотя златокрот имеет внешнее сходство с европейским кротом, они не являются родственниками, и их схожесть объясняется тем, что они одинаково приспособились к подземному образу жизни и у них обоих выработались такие характерные черты, как сильные передние лапы для рытья, слабо развитые глаза и крепкий, подвижный кончик носа. Как я уже говорил, при обычном освещении Мактавиш имел золотистый цвет, но если солнечные лучи падали на его блестящую шерстку под определенным углом, то он становился зеленым, лиловым и даже пурпурным — просто поразительное свойство для млекопитающего! Однажды ночная деятельность Мактавиша увенчалась успехом. Он обнаружил в своей коробке слабое место и с помощью мощных передних лап расширил его до отверстия нужного размера. За завтраком убитый горем Эластер поведал нам о том, как, поднявшись с постели, он обнаружил пропажу своего любимца. К счастью, мы успели снять все основные сцены с Мактавишем, прежде чем он осуществил свою давнюю мечту о свободе.

В этой серии мы, кроме всего прочего, хотели показать то, что различные травоядные обитатели саванны имеют свои определенные зоны кормления, и, например, жирафы объедают верхушки акаций, в то время как антилопы куду ошипывают листья на нижних ветвях деревьев. За счет такого деления на различные уровни кормления снижается конкуренция и запасы корма распределяются более равномерно. Мы решили, что для того, чтобы наилучшим образом продемонстрировать этот принцип, нам следует взять две крайности — животное, которое объедает самые верхушки деревьев, и того, кто кормится на уровне земли. Поэтому в качестве наших примеров мы выбрали жирафа и черепаху.

После длительных поисков нам наконец удалось найти большую черепаху, расположившуюся в тени баобаба и, по всей видимости, пребывающую в состоянии глубокого транса. Увидев эту рептилию, Эластер, который уже начал нервничать после долгого отсутствия черепах, с радостными криками выскочил из машины и, взяв черепаху на руки, похлопал ее по животу. Это не самый лучший способ обхождения с черепахой, даже когда она полностью бодрствует. Поступить же так с той, которая, расположившись под баобабом, не торопясь повторяет про себя одну из самых длинных и скучных поэм Теннисона, равносильно катастрофе. Все черепахи имеют большой, эластичный мочевой пузырь, и наша явно не представляла собой исключение. Сказать, что Эластер промок насквозь, значит, сказать слишком мало. Он был очень расстроен.

— Никто не предупредил меня, что черепахи писают, — повторял он жалобным тоном. — Никто не предупредил меня, что они писают так много.

Итак, посадив облегчившуюся черепаху в коробку и сделав все возможное для того, чтобы обсушить Элстера, мы отправились на поиски жирафа. Разумеется, как всегда бывает в таких случаях, все жирафы куда-то исчезли. Обычно весь окружающий мир был усеян жирафами, а теперь мы не сыскали и одного. Однако, проколесив по саванне несколько часов, мы все-таки нашли одного — крупного, красиво раскрашенного самца, пасущегося среди акаций.

Идея Элстера заключалась в том, что я должен подойти к жирафу как можно ближе, держа на руках черепаху. Опустив черепаху на землю, я поворачиваюсь лицом к камере и начинаю рассказывать о привычке жирафа ошипывать листья на верхушках деревьев, затем говорю о том, что антилопы пасутся на среднем уровне, а в самом низу кормится такое травоядное животное, как черепаха. Здесь я должен наклониться и снова взять черепаху на руки. Как это бывает с большинством идей Элстера, рассказать ее оказалось проще, чем осуществить.

Я выбрался из машины и, держа в руках возмущенно шипящую черепаху, направился в сторону жирафа. Жираф наблюдал за моим приближением с выражением полного недоверия на морде. На протяжении всей своей долгой и счастливой жизни ему еще ни разу не доводилось сталкиваться с тем, чтобы его завтрак был прерван появлением человеческого существа с разгневанной черепахой на руках, и он не был уверен, что это именно тот опыт, который следует испытать. Он встревоженно фыркнул и перешел на другую сторону акации, после чего осталась видна лишь его голова.

— Нет, так не пойдет, — прошипел Элстер. — Мне нужно все его тело.

Я медленно ходил за жирафом вокруг акации, а он так же медленно удалялся от меня, все время оставляя между нами достаточно большую часть колючего дерева. Я продолжал его преследовать, и в течение достаточно долгого времени мы все ходили и ходили вокруг дерева, словно бы танцуя старомодный вальс.

— Так тоже не пойдет, — сказал я Элстеру. — Тебе следует передвинуть свою чертову камеру.

Камера пришла в движение, и после нескольких туров вальса вокруг дерева мне наконец удалось поставить жирафа в позицию, которая устраивала бы моего режиссера.

— Отлично, — радостно произнес Элстер. — А теперь положи эту иптуковину и начинай свой рассказ о зебрах.

Опустив черепаху на землю, я выпрямился и начал свой долгий захватывающий рассказ о том, как кормятся жирафы, заодно описав особенности питания других копытных.

Д

— Итак, — произнес я, завершая выступление, — благодаря существованию избирательной манеры питания пища распределяется равномерно от макушек деревьев до уровня земли, где вы можете встретить такое травоядное животное, как это.

Я нагнулся вниз, чтобы взять на руки черепаху, но, к своему удивлению, обнаружил, что ее там нет. С беспрецедентной для такой рептилии скоростью она сбежала и уже успела отползти на пятьдесят футов, направляясь к миру и спокойствию зарослей акации. Нет нужды говорить, что вся сцена была испорчена.

Следующая идея Эластера была не менее блистательной: он хотел снять вводную сцену, где я рассказываю о месте съемок очередной серии нашей программы, стоя, так сказать, рука об руку с белым носорогом. Эта идея настолько сильно завладела его воображением, что в течение трех последующих дней мы занимались только тем, что колесили по саванне в поисках белых носорогов. У нас не было проблем с тем, чтобы их найти, поскольку парк был просто наводнен носорогами. Трудность заключалась в том, что нам требовалось найти носорога, согласного сотрудничать с Эластером. Например, как-то раз мы увидели дородную мамашу с упитанным ребенком, по-компанейски прохлаждающихся в одной луже с буйволом. Спина и плечи буйвола были покрыты слоем высохшей и потрескавшейся грязи, из-за чего создавалось впечатление, что на нем надета серая мозаичная головоломка. Самка носорога и ее малыш не замечали нашего присутствия, и если бы не буйвол, то, вполне возможно, мне удалось бы подойти к ним достаточно близко и завершить сцену, к полному удовольствию Эластера. Он стоял по самое брюхо в мутной жиже, погрузившись в то мечтательное состояние, которое охватывает всех буйволов, когда они приближаются к воде. И тут, увидев меня, вылезающего из машины, он открыл глаза и испуганно вздрогнул. К тому времени его массивная туша настолько глубоко увязла в грязи, что, когда буйвол попытался выскочить из лужи, задние ноги застряли, и, повалившись набок, он начал бешено барахтаться. Носороги, вполне естественно, восприняли это как сигнал о какой-то не замеченной ими опасности, и, после того как буйвол наконец поднялся на ноги, вся троица поспешно покинула лужу и с громким топотом скрылась за деревьями. Подобные ситуации повторялись снова и снова. Носороги, будучи близорукими, компенсируют этот недостаток необычайно острым слухом и хорошим обонянием. К тому же они крайне подозрительны, вероятно, из-за плохого зрения, хотя для меня так и осталось загадкой, какие враги могут быть у животных таких солидных размеров. Короче говоря, все наши попытки снять меня бок о бок с носорогом заканчивались неудачей, и было похоже, что нам придется покинуть Южную

Африку без этой жизненно важной вводной сцены, на которую так рассчитывал наш режиссер.

И вот, в последнее утро нашего пребывания в резервате, под стоны отчаяния всей съемочной группы Эластер настоял на том, чтобы совершить последнюю попытку свести меня и носорога вместе. Было еще очень рано, и, как мне кажется, именно по этой причине мы преуспели, поскольку старый массивный самец, которого мы наконец нашли, выглядел очень сонным, словно он лишь минуту назад поднялся с постели. Мы осторожно подъехали к нему на машине, все время держась с подветренной стороны. Когда до носорога оставалось около сорока футов, мы выключили двигатель и начали шепотом обсуждать ситуацию, в то время как гигантское животное стояло на месте, подозрительно подергивая ушами. Он смутно сознавал, что рядом что-то происходит, но не знал точно, что именно. Нам ни руку было еще и то обстоятельство, что на нем не сидело ни одной птицы, которые неизбежно подняли бы тревогу, заставив своего скакуна умчаться прочь.

— Ну а теперь, — прошептал Эластер, — я хочу, чтобы ты вышел из машины, подошел к нему как можно ближе, а затем повернулся лицом к камере и произнес свое вступительное слово.

— Спасибо, — сказал я. — А ты между тем будешь прятаться в безопасном автомобиле.

— Я буду мысленно с тобой, — пообещал Эластер.

И вот, надеясь на то, что все слышанные мною истории о том, как просто увернуться от близорукого носорога, когда он бросается на вас в атаку, были правдивы, я вышел из машины. После того как я покинул безопасное убежище и начал приближаться к носорогу, он почему-то стал в два раза больше. Медленно, затаив дыхание и стараясь не наступать на сухие веточки, я подкрадывался к нему все ближе и ближе. Носорог наклонил гигантскую голову, фыркнул и, резко дернув ушами, издал звук, похожий на шелканье хлыста, что, разумеется, не добавило мне уверенности. Его рог не только казался мне в два раза выше Эйфелевой башни, но и гораздо сильнее. Когда до зверя оставалось около двадцати футов, я решил, что это именно то расстояние, которое лучше всего подходит для съемки. Затем, сделав глубокий вдох, я отважно повернулся к носорогу спиной и, широко улыбаясь в камеру, стараясь не показывать свой страх, начал вступительное слово. Дойдя почти до середины, я услышал позади гулкий шуршащий звук, который унес несколько лет моей жизни. Я уже ожидал, что в следующую секунду меня подденет и оторвет от земли кончик этого загнутого, словно ятаган, рога. Будто бы невзначай, я бросил быстрый взгляд через плечо и с огромным облегчением увидел, что носорог, развернувшись, направился в противоположную сторону, сердито пыхтя себе под нос. Я сно-

Д

ва повернулся к камере и закончил свою речь без малейшей дрожи в голосе, но все же должен признать, что стоять спиной к носорогу весом в две тысячи фунтов было самым тяжким испытанием, пережитым мною в Южной Африке.

СЕРИЯ ДЕВЯТАЯ

Итак, из африканской саванны мы вернулись в английскую весну. Ранняя весна в Англии может поражать своей тонкой красотой: бледно-голубое небо, берега рек украшены гирляндами сливочно-желтых первоцветов, по лесу стелется таинственная сизо-голубая дымка колокольчиков, по полянам разлито золото лютиков и калужниц, первое слабое мерцание зеленых почек на деревьях и бледное, но уже теплое солнце.

Но только не в том случае, если вы снимаете фильм.

Наша следующая серия была посвящена английским прудам и рекам, где можно найти массу интересного, особенно весной, когда у всех водных обитателей — от жаб и тритонов до выдр и мух-однодневок — начинается брачный сезон.

Но только не в эту весну.

Это была чисто кинематографическая весна со свинцовым небом, арктическим холодом, сопровождавшимся дождем, градом, слякотью, и наконец, когда мы уже думали, что погода исчерпала все свои трюки, пошел снег. Живописный пруд, который Джонатан выбрал за прозрачную янтарную воду, близкую по цвету к бледному хересу, превратился в грязную, мутную лужу, в которой ничего нельзя было увидеть. Река Уай, где находилась наша вторая съемочная площадка, обычно весело журчавшая по каменистому ложу, прозрачная, как расплавленное стекло, взбаламученной грязью и плывущими по ней обломками была превращена в то, что напоминало поток лавы, извергнутой из недр рассерженного вулкана, к тому же страдающего несварением желудка. Нет нужды говорить, что все это производило на Джонатана самое удручающее впечатление, и каждый раз, когда он выглядывал в окно, он — мысленно — падал на свой меч. Мы метались между двумя съемочными площадками (расположенными, как водится, в противоположных концах страны) в напрасной надежде на улучшение погоды. Пола пребывала в отчаянии, потому что она, как продюсер, отвечала за поддержание высокого морального духа всех членов съемочной группы, но по климатическим условиям это было невозможно. Вдобавок ко всему в ходе съемок предыдущих серий ее и Джонатана угораздило влюбиться друг в друга, причем так сильно, что они собирались пожениться сразу же после окончания съемок. Поэтому, в качестве прелю-

дии к нормальной семейной жизни, для Джонатана было вполне естественно во всех капризах погоды обвинять свою суженую. Это было тяжелое время для нас всех.

— Послушай, милый, почему бы нам не снять то, как Ли проходит на каноэ через пороги? — вполне разумно предложила Пола. — Ведь в этом эпизоде прозрачность воды не имеет никакого значения.

— Отличная идея, — сказала Ли, сгоравшая от нетерпения испытывать свои силы в водном слаломе. — Давай сделаем это, Джонатан.

— Такому садисту, как ты, будет приятно посмотреть на то, как моя жена рискует жизнью в страшных водоворотах, и твое настроение после этого, конечно же, улучшится, — съязвил я.

— Да, — мрачно произнес Джонатан, — Пожалуй, мы так и сделаем.

Итак, мы собрали наши вещи и, покинув грязно-коричневый пруд, отправились туда, где река Уай бежит и петляет среди черных скал. Здесь темные струи воды с ревом и грохотом напирали на камни, поднимая брызги и образуя облака пены. Ли, пребывая в приятном возбуждении, нарядилась в алый гидрокостюм и ярко-желтый защитный шлем, который оказался ей очень к лицу. Затем она втиснулась в длинное, хрупкое на вид каноэ и выплыла на спокойный участок реки, чтобы взять свой первый и единственный урок. Благодаря своему женскому упрямству уже через полчаса она управляла каноэ с таким же (если не большим) профессионализмом, что и ее инструктор.

Цель всей этой затеи заключалась в том, чтобы показать, как человек, управляющий каноэ, может использовать силу реки себе на пользу — вода служит ему для продвижения вперед, различные потоки помогают маневрировать, а круговые течения в излучинах реки позволяют отдохнуть и набраться сил. Затем при помощи этих кадров мы собирались проиллюстрировать жизнь животных, обитающих в бурных водах и использующих точно такие же приемы для выживания. Итак, одна камера была установлена среди камней напротив порогов, а Ли, сидя в своем каноэ в четверти мили выше по течению, ожидала сигнала к началу съемки. На носу каноэ была установлена миниатюрная камера, и вдоль борта от нее тянулся провод к кнопке, расположенной рядом с тем местом, где сидела Ли. Идея заключалась в том, что, приблизившись к бурунам, она нажимает кнопку, снимает крупным саму себя и то, как вода захлестывает ее, пока каноэ лавирует среди волн. Между тем другая камера, расположенная на берегу, снимает то же самое, только общим планом. И вот каноэ отправилось вниз по реке, скользя между зазубренных черных скал, подскакивая на сверкающих струях воды, зарываясь носом в хлопья пены, словно свинья, отыскивающая трюфели в букете белых роз. Должен сказать, что Ли управляла своей хрупкой лодкой с такой уверенностью, будто занималась этим всю свою

Д

жизнь, но я все равно испытывал за нее сильное волнение и вздохнул с облегчением, когда она наконец преодолела порог и остановила каноэ на спокойной воде. Но тут мы обнаружили, что хотя она вовремя включила камеру на носу каноэ, но, энергично работая веслом, чтобы избежать столкновения с камнями, вероятно, снова ударила по кнопке и случайно включила камеру. Нам ничего не оставалось делать, кроме как повторить все еще раз. Каноэ вновь отнесли на четверть мили вверх по течению, и, забравшись в него, моя жена (разумеется, уже почувствовавшая себя матерым морским волком) еще раз прошла через пороги. Каноэ скользило по воде и подскакивало, как мечущий икру лосось, но, к счастью, на этот раз камера работала до самого конца.

Как ни трудно себе это представить, но все величайшие реки мира, такие, как Амазонка, Нил и Миссисипи, берут одинаково скромное начало — в виде маленького, бьющего из-под земли родника — и лишь затем, по мере приближения к морю, набирают мощь и энергию. Из тоненького ручейка они превращаются в широкие, величественные реки. Все реки, большие и маленькие, являются венами и артериями земли, и на всем своем протяжении они дают пищу и пристанище огромному количеству живых существ, обитающих в воде, на воде или по берегам.

Никому не покажется удивительным, что в спокойной воде пруда обитает множество живых существ; значительно труднее принять тот факт, что очень многие из них прекрасно адаптировались к жизни в беспокойных водах рек с быстрым течением. Мы уже сняли некоторых наиболее необычных речных обитателей; эти съемки проводились в искусственно контролируемых условиях, чтобы иметь возможность запечатлеть крупным планом то, как эти существа умудряются выжить в кипящем речном водовороте. Возьмем, для примера, личинку обычного ручейника. В любом пруду вы можете найти тех, кто сплетает себе трубчатый чехольчик из шелковой нити, чтобы в нем жить, а затем маскирует его снаружи песчинками или маленькими обломками растений. (В детстве, поступая достаточно нечестно по отношению к личинке ручейника, я извлекал ее из домика и, пока она плела себе другой, обеспечивал ее материалами различных цветов, такими, как кирпичная пыль или грифельный порошок, получая таким образом разноцветный домик ручейника.)

Если в стоячей воде пруда камуфляжа из обломков растений вполне достаточно, то в быстрых ручьях или реках личинкам требуется нечто более существенное для того, чтобы закрепить свой домик на месте, и для этой цели личинки используют маленькие камешки, которые для них большие, как валуны. Обследуя каменистое дно ручья, порой испытываешь сильное удивление, увидев, как то, что казалось кучкой камешков, начинает мед-

ленно отползать в сторону. Другой вид ручейников не строит себе шелковистый кокон, а вместо этого справляется с течением иным способом, обращая его себе на пользу. Личинка находит себе пещерку между камешками, а затем сплетает сеть перед входом в свой домик, прикрепляя ее края к камешкам, чтобы ловушку не унесло течением. После этого, словно старая дева викторианских времен, она прячется за кружевной занавеской и терпеливо ждет, когда щедрая река наполнит ее сеть едой.

Другое создание, которое, несмотря на свой малый размер и хрупкое строение, прекрасно справляется с суровой стихией (для этих крохотных существ сравнимой со струями Ниагарского водопада, обрушивающимися на человека), — личинка мошки. Эти любопытные существа похожи на маленькую вытянутую гусеницу с огромными свисающими усами в стиле эпохи короля Эдуарда. Личинка делает из слизи на камнях некое подобие подушечки для иголок, а затем прикрепляется к ней при помощи ряда острых крючьев, расположенных в задней части ее тела. Затем она встает на эту подушечку и начинает улавливать пищу из проносящегося мимо водного потока. Любопытно наблюдать за тем, как это существо кормит себя при помощи собственных усов. Другой удивительный обитатель рек с быстрым течением — рачок-бокоплав. Внешне они достаточно похожи на так называемых песчаных блох, часто встречающихся на морском побережье, но, в отличие от своих сородичей, выглядят так, словно по ним проехался каток, из-за чего они вынуждены плавать на боку. Однако на самом деле такое плоское, сплюсненное тело оказывает меньшее сопротивление водному потоку и позволяет им быстро перебираться по дну от одной расщелины к другой и закрепляться там настолько прочно, что никакое течение не может их оттуда выдернуть.

Наконец, невзирая на погоду, Джонатан почувствовал себя отчасти удовлетворенным. Кроме всех необходимых связующих сцен со мной и Ли, у него теперь были превосходные кадры с черным хорьком и прекрасными пловцами — водяными крысами. Кроме того, ему удалось снять элегантную норку и целый выводок птенцов лысух в желтых джерси и с красными мордашками, отчего они выглядели как хронические гипертоники. Они также напоминали мне панков, которых так часто можно видеть вокруг, только при этом были значительно привлекательнее. Еще мы сняли прекрасную сцену с лебедями, этими крылатыми «жирафами», которые величественно скользили по водной глади, периодически погружая длинные шеи в воду, чтобы достать водоросли, а затем грациозно перебрасывали их за спину, где угощение подхватывала целая флотилия пушистых серых птенцов, выжидательно следовавших за ними.

И вот, распрощавшись с рекой, мы вернулись на пруд, который хотя и

Д

был по-прежнему мутным, но уже не выглядел так отвратительно, как раньше. Здесь нам предстояло снять несколько сцен — одну с лодкой, а в другой я должен был ходить по воде. Пруды похожи на маленькие замкнутые миры, и огромное количество живых существ зависит от них. К сожалению, по всей стране количество прудов постоянно сокращается, по мере того как их осушают и засыпают землей, поскольку любящий природу британский фермер считает их бесполезными лужами, на месте которых следует выращивать зерно или пастись скот. А то обстоятельство, что жизнь многочисленных животных, от жаб, лягушек и стрекоз до мириад микроскопических существ, зависит от этих прудов, ничуть не беспокоит современное высокообразованное общество.

К счастью, некоторые люди все еще проявляют заботу о живой природе, и они прилагают все усилия для того, чтобы не допустить ее полного уничтожения. Например, есть замечательная служба наблюдения за лягушками, созданная при Королевском обществе охраны природы. В Великобритании вы можете позвонить в эту службу по горячей линии, причем номер телефона регулярно сообщается по местному радио и в местных газетах, и доложить о лягушачьей или жабьей икре, замеченной вами в канаве или своем садовом пруду, либо доложить о количестве засыпанных естественных прудов. После этого эксперты наносят поступившие сведения на крупномасштабную карту района и получают таким образом детальную картину областей размножения земноводных. Лягушки, конечно же, на протяжении всей своей жизни находятся рядом с местом своего рождения, но с жабами возникает достаточно сложная проблема. Как только жабыта выходят из пруда, они тут же разбредаются в разные стороны, поскольку их кожа, в отличие от лягушачьей, не нуждается в постоянном увлажнении. Однако, когда они вырастают, с приближением брачного сезона жабы тысячами устремляются к тому пруду или озеру, где сами появились на свет. Разумеется, во многих случаях, чтобы достичь своей цели, им приходится пересекать дороги и даже автострады, в результате чего большое количество жаб ежегодно гибнет под колесами автомобилей. В Нидерландах, где, по всей видимости, более бережно относятся к живой природе, под автострадами строят специальные проходы для мигрирующих жаб. До такой утонченности в Великобритании еще не дошли, но все же ситуация начала исправляться после того, как у нас появилось общественное движение, действующее под лозунгом «Помогите жабе перейти дорогу!». Люди, симпатизирующие жабам (а разве можно относиться к ним иначе, если каждая из них потенциальный принц, ожидающий поцелуя?), приносят ведра, мусорные баки и прочие емкости к тем местам, где жабы обычно пересекают дорогу, и, как только набирается достаточное количество

амфибий, переносят их через опасное место. Есть надежда на то, что бойскауты оставят трудоемкую традицию помогать переходить через дорогу пожилым дамам и вместо этого сосредоточат свои усилия на жабах.

Разумеется, мы уже сняли достаточно большое количество сцен в искусственных условиях, имитирующих пруд, получив превосходный материал. Например, о любопытной маленькой рыбке под названием горчак, использующей пресноводных моллюсков в качестве своеобразной сиделки для своего потомства. В период нереста у самки горчака вырастает необычайно длинный, белый, слегка изогнутый яйцеклад, который выглядит так, словно он изготовлен из пластмассы. В сопровождении своего супруга самка отправляется на поиски няньки. Пресноводные двустворчатые моллюски имеют от четырех до пяти дюймов в длину, лежат на боку в иле и напоминают овальные, слегка приплюснутые камни. На одном конце раковины моллюска имеются два сифона — вводной и выводной. Моллюск всасывает воду через вводной сифон, поглощает всю пищу, которая в ней содержится, а затем выпускает отфильтрованную воду через выводное отверстие. Оба сифона похожи на маленькие круглые рты, и в случае опасности они могут плотно закрываться раковиной. По всей видимости, горчакам это хорошо известно, поскольку, выбрав, какой моллюск будет их няней, они подплывают к нему и начинают настойчиво толкать его раковину головами. Такое обхождение, конечно же, вызывает панику у бедного двустворчатого, и он плотно закрывает оба сифона, защищая себя от потенциальной опасности. Однако горчаки продолжают свою таранную деятельность, и, привыкнув к ним, моллюск решает, что они совершенно безвредны, после чего расслабляется и открывает сифоны, которые начинают действовать в обычном режиме. Именно этого рыбы и ждали. Самка зависает над раковиной, вводит свой длинный яйцеклад в выводной сифон и начинает откладывать икринки, похожие на маленькие белые шарики для пинг-понга. (До того как этот процесс был снят на пленку для нашего фильма, всегда считалось, что рыбы используют вводной сифон.) Как только икринки отложены, самец подплывает к сифону и оплодотворяет их. Иногда, вынимая яйцеклад, самка случайно захватывает икринку, которая тут же съедается одним из родителей. «Ничего не теряешь, ни в чем не нуждаешься» — в природе это закон, а не просто поговорка. После того как партия икринок отложена в моллюск и оплодотворена, родители забывают о ней, оставляя на няню всю дальнейшую заботу о своем потомстве. Это сам по себе достаточно любопытный процесс, но дальше происходит нечто еще более интересное. К тому времени, когда из икринок горчака вылупляются мальки, моллюск тоже успевает отложить яйца, из которых

Д

появляется будущее поколение моллюсков, на стадии личинки похожих на крошечные кастаньеты, утыканные крючками. С помощью крючков личинки прикрепляются к малькам горчака, и, покидая свой инкубатор в раковине, они уносят на себе малышей-моллюсков, которые в конце концов падают на дно и формируют новую колонию моллюсков вдали от своих родителей.

Нам также удалось запечатлеть жизнь необычного паука. Если вас спросят, где можно найти паука, дно пруда будет одним из последних мест, которое придет вам в голову, но именно там водяной паук строит свой дом. Между листьями водорослей он сооружает то, что по всем признакам является водолазным колоколом, — перевернутую вверх дном чашу из паутины, которую паук заполняет пузырьками воздуха, принесенными с поверхности на мохнатых ногах. Вокруг этого колокола он, как обычные пауки, плетет ловчую сеть и, спрятавшись в своем подводном домике, ждет, когда головастик, гребляк или еще какая-нибудь живность попадет в расставленную западню, чтобы затем выскочить из засады и схватить жертву. Достаточно давно один из первых натуралистов описал то, как водяной паук выпускает воздух из своего домика после того, как он становится затхлым, и заменяет его на свежий; но, поскольку такое наблюдение было проведено лишь однажды, ученые решили, что натуралист ошибся. Однако нам посчастливилось не только наблюдать этот любопытный процесс, но и снять его на пленку. Паук подбирается к вершине колокола, делает маленький надрыв в сплетении паутины, освобождает пузырь воздуха и, поймав его ногами, всплывает вместе с ним на поверхность; а на обратном пути он прихватывает с собой пузырь свежего воздуха и наполняет им колокол — примерно так же хозяйка вытряхивает пепельницы и открывает окна после закончившейся вечеринки.

Пожалуй, одними из самых удивительных обитателей пруда, которых нам удалось снять на пленку, были планарии. Представители того вида планарий, которых мы снимали, имеют форму эклера, они плавно, словно ртуть, скользят по дну и выглядят так, будто сделаны из влажного черного вельвета. Они относятся к типу плоских червей и внешне немного похожи на водяных слизней. Планарии гермафродиты, то есть каждая особь имеет женские и мужские половые органы, вырабатывающие как яйцеклетки, так и сперму. Однако яйцеклетки одной планарии должны оплодотворяться сперматозоидами другой, иначе говоря, две особи взаимно оплодотворяют друг друга. Питаются они в основном дохлыми головастиками или мальками, разрывая и высасывая плоть и соки своей жертвы. Однако очень длительные периоды времени планарии могут вообще обходиться без пищи,

при этом постепенно становясь все меньше и меньше, поскольку они в буквальном смысле поедают самих себя. Еще одной необычной особенностью этих маленьких любопытных созданий является то, что рот им служит как для приема пищи, так и для выброса экскрементов. Их процесс воспроизводства кажется просто фантастическим: они не только откладывают яйца, но и, кроме того, если любое из яиц будет случайно разрезано пополам, то из двух половинок вырастут две новые планарии. Некоторые виды играют сами с собой в некое подобие перетягивания каната и разрывают себя на две части ради увеличения популяции. Над видами американской планарии была проведена серия любопытнейших экспериментов, которые показали, что с помощью слабого электрического разряда их можно научить выбирать либо черный, либо белый тоннель для нахождения выхода из лабиринта. Более того, если планарию разрезать надвое, то обе половинки будут помнить этот урок. И что еще удивительнее, как выяснилось (правда, здесь еще требуется провести более тщательные исследования), если обученную планарию сожрет необученная, то последняя «унаследует» знания жертвы. Если это подтвердится, то, несомненно, будет открыта одна из самых удивительных страниц в истории изучения поведения животных. Это все равно как если бы школьник съел своего учителя — поджарив до полной готовности — и тут же обрел его знания и опыт. Здесь, конечно же, есть прямая связь с одним из древних поверий: если съесть после битвы побежденного противника, то унаследуешь его силу и отвагу.

Тут пришло время снять два оставшихся сюжета, с участием гребной лодки и приспособления, которое мы в шутку окрестили «водоступами», предназначенного для передвижения по воде. «Водоступы» представляют собой достаточно необычное устройство. Если вы способны представить себе два узких каноэ шестифутовой длины, скрепленных между собой шарнирным соединением, и каждое каноэ заканчивается тем, что напоминает половинку дельфиньего хвоста из резины или пластика, то вы имеете перед собой приблизительную картину этого любопытного средства передвижения. Используют его следующим образом: вы ставите ноги в разные каноэ, просунув их в брезентовый чехол, беретесь за руль — длинный шест, соединенный с носом вашего судна, а затем с чьей-нибудь помощью встаете на воду. Оказавшись на плаву, вы начинаете интенсивно передвигать ногами, словно бы совершая бег на месте. Такое движение оказывает удивительное воздействие на две половинки дельфиньего хвоста, заставляя их изгибаться в воде вверх-вниз и продвигать вас вперед. Это достаточно трудное и утомительное занятие, заставляющее вас почувствовать на ногах такие группы мышц, о существовании которых вы даже не подозревали.

Д

Кроме того, если вы потеряете равновесие и упадете, освободить ноги из брезентовых чехлов будет очень трудно и велика вероятность того, что вы утонете до того, как подоспеет помощь.

Раздобытая Джонатаном гребная лодка представляла собой величественное судно длиной около десяти футов, с широкими бортами, придававшими ей сходство с толстым жуком, с которых длинными полосками слезала краска, словно кожа со спины неосторожного любителя загара. Пока я вышагивал по поверхности пруда в своих «водоступах», Джонатан вместе со съемочной группой сопровождал меня на лодке. Когда ему показалось, что я проделал все необходимые упражнения и съемку можно закончить, наш доблестный звукооператор Брайан — с завистью следивший за моим выступлением — тоже решил испытать свои силы в этом виде спорта. Мы благополучно поставили его на воду, и он в превосходном стиле сделал круг по поверхности пруда. Но когда он приблизился к берегу, с ним произошла неприятность. Оказавшись на мелководье, он по какой-то причине потерял равновесие, упал на бок и остался лежать на глубине около двух футов, с ногами, пойманными водоступами, предпринимаемая отчаянные усилия, чтобы удержать голову над водой. К счастью, там было достаточно мелко и он смог опереться рукой о дно, оставив голову на поверхности. Если бы там было чуть поглубже и поблизости не оказалось бы никого, кто смог бы прийти ему на помощь, он несомненно бы утонул.

Следующая сцена была посвящена тому, как мы с Ли катаемся на лодке, и по ходу нашей водной прогулки я должен был рассказать о том, что натуралисту-любителю нет смысла тратить большие суммы денег на приобретение сложного, дорогого оборудования, поскольку, проявив немного смекалки, можно приспособить для своих потребностей предметы домашнего обихода. Так, например, из проволочной вешалки получается хорошая кошка, которая позволит вам вытаскивать на берег водоросли из центра пруда. Ведь, как хорошо известно любому натуралисту-любителю, в любом водоеме самые ценные экземпляры водорослей растут непременно в самом центре и, чтобы до них добраться, требуется какое-нибудь приспособление. Но снять эту идиллическую картину нашего с Ли катания на лодке по тихому пруду, в соломенных шляпах, оказалось значительно труднее, чем можно было себе представить. Прежде всего лодка оказалась вовсе не такой уж и большой, и, когда мы с Ли заняли свои места, на корме почти не осталось свободного пространства для кого-либо еще. И вот, после того как в лодку, кроме нас, набились еще оператор с помощником, звукооператор и режиссер, наше многострадальное суденышко, едва не черпая воду бортами, и моя многострадальная жена были вынуждены ка-

тять всю эту команду взад-вперед по поверхности пруда, пока Джонатан не решил, что снятых кадров ему будет достаточно.

Оставив за спиной разбухший от дождей пруд, а вместе с ним и холодную, мокрую Англию, мы перенеслись через Атлантику в то место, которое американцы по известным лишь им самим причинам называют Большое Яблоко, — в город Нью-Йорк. Здесь под присмотром Пола, чутким руководством Эластера и с помощью оператора Роддерса мы собирались показать, что настоящему натуралисту-любителю даже гигантский современный город может предоставить немало интересных объектов для исследования. Эластер приветствовал нас в своем неповторимом стиле — широкая улыбка, блестящие глаза, голова, склоненная набок (на это раз ловкий палач затянул ему узел под левым ухом).

— Черви, — произнес он по ходу приветствия, — черви, копошащиеся на земле, чувствуя как дождевые струи кладбище много жизни на кладбище.

Я попытался представить себе все кладбища, на которых когда-либо бывал, — строгие и белые, словно больничные палаты, заросшие мхом и липайником, где приходится прокладывать себе путь мачете, чтобы добраться до надгробий и прочитать стершиеся от времени надписи под выпуклыми барельефами. Но мне ни разу не приходилось переворачивать могильные плиты в поисках живых существ. Однако сама идея поиска жизни на кладбище была достаточно свежей и вполне достойной того своеобразного черного юмора, который порой пробуждался у Эластера. Итак, мы отправились на кладбище Калвари.

Это было достаточно необычное кладбище: помимо обычных надгробий, которые ставят над могилами плебеев, здесь были и монструозные мини-мавзолеи, представлявшие собой нечто среднее между Акрополем и собором Святого Павла, где, насколько я мог судить, покоились бранные останки, преимущественно с такими именами, как Луиджи Вермичелли или Гвидо Пармезан. Кладбище располагалось на пологом склоне холма, и каждый памятник усопшему был белым и чистым, словно свежевypавший снег или только что вылезший из земли гриб. После того как вы окинули изгладом обширную перспективу надгробий, возникало достаточно жуткое впечатление, когда в поле вашего зрения попадали очертания нью-йоркских небоскребов, словно бы расширявших границы кладбища и являющихся его зеркальным отражением. Вы не смогли бы сказать точно, где кончались небоскребы и начинались могилы. Возникало даже такое впечатление, что небоскребы — это гигантские мавзолеи, и вы спрашивали себя, зачем расходовать столько драгоценной земли для того, чтобы представлять напоказ своих мертвых. Однако, как оказалось, я ошибался, по-

Д

скольку мы обнаружили на кладбище множество свидетельств жизни. Не только черви усердно рыли здесь свои ходы, разрыхляя и проветривая почву; кроме них, фазаны и канадские казарки выводили птенцов между могилами, а лисицы и еноты выращивали свое потомство под сводами мавзолеев, укрывающих огромное количество итальянских мертвецов. «Как это мило, — подумал я, — что даже здесь, в Нью-Йорке, ты можешь умереть с утешительной мыслью, что теплый, дружелюбный енот будет растить детей над твоим остывшим телом».

Я полагаю, было вполне закономерно, что после этого чудовищного скопления мертвецов мы отправились на городскую мусорную свалку. Было весьма поучительно увидеть, какое огромное количество отходов создает обширный конгломерат человеческих существ, проживающих на ограниченном пространстве и проявляющих такую расточительность, на которую способны только люди. Перед нами лежала огромная, разноцветная, разлагающаяся гора мусора, пополняющаяся каждый час. У меня часто вызывала отвращение человеческая расточительность, поскольку я видел, как в Африке и Южной Америке люди используют фрагменты консервных банок, обрывки веревки и клочки бумаги размером с ноготь для своего выживания, и в то же время в тех же самых странах, например в Аргентине, из окна гостиницы я видел, как подо мной провозили тележку с отбросами, наполненную почти не тронутыми батонами хлеба, кусками мяса толщиной с том Британской энциклопедии, где была вырезана лишь середина, горами бобов и овощей, которых хватило бы на то, чтобы в течение многих месяцев кормить не одну индейскую деревню. В Северной Америке мне не раз приходилось видеть целые семьи, глядя на которые я думал по своему невежеству, что все ее члены страдают от тяжелого нарушения обмена веществ, и лишь позже я узнал, что их необыкновенная тучность вызвана исключительно переизбытком. Попадали они миссионерами на далекие тропические острова, то-то было бы радости у местного племени. Но, конечно же, для чаек эта гигантская мусорная куча была лучшим рестораном в Нью-Йорке, и они слетались сюда тысячами, кружили, кричали, дрались друг с другом, пикировали на кучи отходов, заметив лакомый кусочек. Было некоторым утешением думать, что, по крайней мере, эта чудовищная свалка обеспечивает пищей крылатые батальоны красивых птиц.

Итак, мы продолжали наши съемки в этом одном из самых отталкивающих, грязных, красивых и необычных городов планеты. Мы сняли, как я уже сказал, представителей дикой природы на кладбище и на городской свалке, затем мы показали, как живут в трущобах бродячие собаки и кошки, как выживают в каменных джунглях голуби и крысы, и нам также

удалось продемонстрировать то, что даже на пятнадцатом или двадцатом этаже, в квартире из бетона, стекла и хромированных рам, вы все равно можете найти щетинохвосток в своем телевизоре, тараканов на ковре и мышей между стенными панелями.

Затем наступил великий день, названный нами Днем Битвы у 87-го квартала.

Среди многих людей, оказывавших нам помощь, была очаровательная женщина натуралист Хелен Росс Рассел, которая в течение многих лет изучала флору и фауну Большого Яблока и написала несколько интереснейших книг, посвященных данной теме. Она точно знала, на каком небоскребе гнездятся сапсаны, где скорее всего можно найти крыс и на каком поле для гольфа еноты постоянно воруют мячи. При таком запасе эзотерических знаний ее помощь была просто неоценимой. Среди всего прочего мы хотели показать, какое количество живых существ можно встретить на незастроенных участках земли, которые в Америке называют просто пустырями. Просто удивительно, что даже в самом центре больших городов природа берет свое, проводя незаметное контрнаступление. Мхи и лишайники обычно проникают первыми, за ними следуют сорняки, а затем даже деревья начинают пробиваться между кирпичами и строительным мусором. Стоит растениям захватить плацдарм, как на них поселяются беспозвоночные — многоножки, пауки, улитки, за которыми сразу же появляются птицы, мыши, а иногда жабы и змеи. Таким образом, даже обычный пустырь может порадовать натуралиста-любителя различными представителями флоры и фауны.

Эластер подыскал для наших съемок отличный пустырь. Он находился на углу 87-й улицы и был огорожен с двух сторон высокими стенами домов, а с двух других находились городские улицы, по которым следовал непрерывный поток автомобилей. Сам пустырь по большей части использовался владельцами собак для выгула своих питомцев, поэтому вся его территория была, мягко говоря, прилично удобрена. Заваленный строительным мусором, пустыми консервными банками и старыми вывесками — на одной из них было написано «Полицейский участок», — он весь порос сорняками, и здесь даже имелось несколько достаточно высоких деревьев. В некоторых местах образовались большие лужи, которые использовались всеми окрестными голубями и воробьями как бары прохладительных напитков и плавательные бассейны. Итак, на нашем пустыре обитали пауки, улитки, многоножки, птицы и собаки, а по ночам здесь, конечно же, разгуливали мыши, крысы и кошки. Однако у пустыря имелся один существенный недостаток — на нем не было гусениц коконопрядов. Это нас и погубило.

Д

Коконопряды — одни из главных вредителей зеленых насаждений в США, но, несмотря на то что они доставляют столько хлопот, это не мешает им быть весьма милыми созданиями (так же, как это бывает и с людьми). Самка коконопряда после спаривания откладывает яйца, в которых формируются гусеницы, но они не выходят, а остаются лежать в состоянии покоя до следующей весны. Они способны выдерживать очень низкие температуры, заменяя часть жидкостей своего тела веществом под названием глицерин, который для гусениц коконопрядов служит как антифриз. С приходом весны гусеницы коконопрядов дружно выходят из яиц и, как одна семья (а они ею и являются), начинают плести себе шатер для жизни. Эти шатры имеют большое значение для гусениц, поскольку они выполняют роль своеобразных миниатюрных теплиц. Они ориентированы таким образом, чтобы получать максимум тепла от утреннего и полуденного солнца. Ученые установили, что, когда температура наружного воздуха составляет всего 11°C, температура в колонии гусениц, пребывающих под своим шелковым пологом, доходит до 39°C.

Когда гусеницы покидают шатер, направляясь к местам кормежки на листьях своего домашнего дерева, они тянут за собой тонкую шелковую нить, выходящую из прядильной железы на нижней губе. Передвигаясь между ветвей, они создают таким образом шелковые пути, которые расширяются и обновляются идущими по их следу братьями и сестрами. Но это только начало истории. Теперь мы приближаемся к описанию одного экстраординарного исследования, приоткрывшего завесу тайны над своего рода естественно-научной детективной историей. Как утверждают ученые, они установили, что каждая гусеница оставляет на своем шелковом пути пахучий след, который сообщает ее родне, где проходит кратчайший маршрут к еде, таким образом, эти шелковые пути являются еще и пахучими указателями к самым обильным запасам зеленого корма. Ученых заинтересовало, какое именно вещество выделяет гусеница из железы, расположенной в хвостовой части ее живота, которое действует как направляющий запах. Примерно так же, как аромат духов «Chanel № 5», оставленный в комнате красивой женщиной, говорит о возможном любовном свидании, запах гусениц указывает на местонахождение продовольственного склада. Два этих аромата действуют по одному и тому же принципу, но служат разным целям. И тут одна женщина-исследователь, наделенная большим интеллектом и интуицией, по имени Дженис Игерли, сделала интереснейшее открытие. Она заметила, что одна из ее подопытных гусениц ползет по следу, оставленному карандашом в блокноте. Может быть, что-то содержащееся в карандашном грифеле напоминает этот неуловимый аромат гусениц?

Оказалось, так оно и есть. В ходе последующих исследований различных карандашных грифелей было установлено, что некоторые производители карандашей добавляют в грифели гидрогенизированный говяжий или рыбий жир, который, очевидно, и привлекает гусеницу, наводя ее на мысли о сочных зеленых листьях. Далее выяснилось, что независимо от того, чем является эта загадочная субстанция, гусеницы коконопрядов обладают достаточной чувствительностью, чтобы различать карандаши с твердостью 3B и 4B одной определенной марки. Исследования продолжаются, и, несомненно, скоро нам станут известны другие удивительные факты. Однако, изоружившись этим знанием, мы почувствовали, что просто обязаны включить в свой рассказ о жизни диких животных в городе кадры, повествующие о гусенице коконопряда, также являющейся городским обитателем и главным вредителем местных зеленых насаждений.

Но, как я уже сказал, хоть на нашем живописном пустыре и росла вишня — любимое дерево коконопрядов, — гусениц на нем не было. Советские, проведенные на самом высоком уровне, постановили, что наш бюджет сможет выдержать дополнительные затраты, связанные с доставкой нескольких экземпляров гусениц из той части города, где жила Хелен (где они процветали и подвергались гонениям), на наш пустырь, где мы собирались посадить их на маленькое вишневое дерево и снять на пленку. После этого они будут водворены назад, в свою родную часть города.

Итак, мы приступили к работе. Именно здесь — уже не в первый раз — мы по достоинству оценили способность Полы издавать невероятно громкий крик. Поскольку некоторые кадры снимались с крыши здания, расположенного на противоположной стороне оживленной улицы, нашему продюсеру представилась хорошая возможность поупражнять свои легкие и голосовые связки, пока она отдавала нам инструкции. Только благодаря силе своего голоса и четкой дикции она смогла безошибочно руководить нашими действиями с высоты пятого этажа, с легкостью перекрывая шум бесконечного потока ревущих, гудящих и сигналящих машин. Сняв большую часть общих сцен, мы перешли к гусеницам коконопрядов. С большим благоговением они были извлечены из фургона; каждая ветвь вишневого дерева, на котором они сидели, была тщательно обернута марлей. Соблюдая все предосторожности, мы перенесли ветки с гусеницами туда, где наше вишневое дерево, искривленное и низкорослое — словно ребенок из трущоб, — по-прежнему бросало дерзкий вызов Нью-Йорку, вознамерившемуся его погубить. Ветки с гусеницами, их шатром и шелковыми автострадами были аккуратно примотаны к веткам нашей вишни, в результате чего наша инсталляция выглядела чуть более натурально, чем в природе.

Д

Именно в этот момент мы заметили, что к нам присоединилась дама, которая наблюдала за нашими действиями с несколько рассеянным интересом досужего зеваки.

— А что это вы тут делаете? — спросила она, колыхнув своими телесами, втиснутыми в обтягивающие брюки и хлопчатобумажную куртку.

Эластер обернулся и посмотрел на нее с кроткой улыбкой, склонив голову набок. К счастью, до того, как он внес дальнейшую путаницу в уже озадаченный разум, вмешалась Пола.

— Мы снимаем фильм о жизни диких животных в городе, — пояснила она. — Мы хотим показать, что даже в центре такого города, как Нью-Йорк, природа все равно заявляет о себе.

— Так, значит, вот для чего вам нужны эти козявки? — спросила дама.

— Да, — дружелюбно ответила Пола. — Они называются гусеницы коконопряда.

— Но они здесь не живут, — заметила дама. — Вы принесли их сюда.

— Ну да. Видите ли, здесь не было гусениц, и поэтому нам пришлось привезти их сюда для съемок, — объяснила Пола, начиная испытывать легкое волнение под пристальным неандертальским взглядом дамы, которая выглядела так, словно она только что в одиночку убрала весь мусор, оставшийся на Красной площади после первомайской демонстрации.

— А если их здесь не было, тогда зачем вы их сюда принесли? — спросила она.

— Для съемок, — резко бросил Эластер, который пытался сосредоточиться на том, в какую сторону следует двигаться гусеницам — справа налево или слева направо, и как заставить их повиноваться.

— Но ведь это же мошенничество, — сказала дама, выводя себя из состояния летаргии и принимая средневропейскую позу для убедительной аргументации — ноги слегка расставлены, руки на бедрах. — Вы принесли их сюда, и они здесь не жили. Это мошенничество. Вы специально принесли сюда этих козявок.

— Ну конечно же; мы принесли их сюда, — раздраженно сказал Эластер, потеряв нить своих размышлений. — Если бы мы их не принесли, нам бы нечего было здесь снимать.

— Это мошенничество, — снова повторила дама. — Так нечестно.

— А вы знаете, мадам, — произнес я, выступая в роли миротворца, — что девяносто процентов фильмов о природе, которые вы видите, как, например, фильмы Уолта Диснея, представляют собой подделку? Весь процесс создания фильмов в каком-то смысле представляет собой изготовление подделки. Однако то же самое можно сказать и о живописце, который пишет пейзаж и добавляет в него новые краски, чтобы лучше передать свой замысел.

— Уолт Дисней не мошенник, — сказала дама, теперь начиная проявлять воинственность саблезубого тигра, попавшего в интеллектуальную ловушку. — Уолт Дисней американец. Это вы занимаетесь мошенничеством, причем на нашем пустыре.

— У нас есть разрешение из мэрии, — сказала Пола.

— А у вас есть разрешение мошенничать от домового комитета 87-й улицы? — спросила дама, надуваясь, как индюк, собирающийся закудаhtать.

— А разве мэрия не имеет над ним приоритета? — спросила Пола.

— Никто не имеет приоритета над домовым комитетом 87-й улицы, — решительно заявила дама.

— Вы знаете для некоторых небоскребы много жизни гусеницы, — произнес Эластер, рассеянно поворачиваясь на месте.

— Я пойду и расскажу обо всем домовому комитету 87-й улицы, — пообещала дама. — И тогда мы узнаем, кто разрешил вам заниматься мошенничеством.

Она решительно зашагала прочь, словно бы собираясь в одиночку прорыть блокаду Ленинграда, и мы все с облегчением вздохнули. Однако наше чувство облегчения было кратковременным. Эластер отдавал указания гусенице, наотрез отказывавшейся понимать по-английски, когда наша дама вернулась в сопровождении ещё одной женщины, выглядевшей как одна из тех мегер, которые словно бы вылупились из змеиноного яйца, с воинственным, насквозь пронизывающим взглядом, во всем замечающим только плохое. Ее сопровождал, вероятно для подмоги, мужчина, выглядевший так, словно когда-то, очень давно, он был вырезан из картона и на протяжении всей своей жизни непрерывно мок под дождем.

— Что здесь происходит? — спросила Мегера.

Пока Пола терпеливо рассказывала ей о фильме, который мы собирались снимать, Эластер раздраженно описывал возле них круги.

— А что вы делаете с нашей площадкой? — осуждающе спросила Мегера, словно это был по меньшей мере ботанический сад Кью, а не пустырь, по колено заваленный собачьими экскрементами.

— Они подделывают природу, — заявила Женщина Неандерталец. — И принесли с собой целую кучу козявок.

— Козявок? — сверкнув глазами, воскликнула Мегера. — Каких еще козявок?

— Вот этих, — ответил Эластер, показывая на дерево. — Это всего лишь гусеницы коконопряда.

— Коконопряды? — взвизгнула Мегера. — Вы принесли гусениц коконопряда на нашу площадку?

Д

— Но ведь их здесь не было, — пояснила Пола.

— Да, и мы не хотим, чтобы они здесь были, — сказала Мегера.

— Но мы привезли их только для того, чтобы снять фильм, — объяснила Пола. — Потом мы снова увезем их с собой.

— Мы не хотим, чтобы на нашем пустыре развелись коконопряды, — решительно заявила Мегера, и в ее голосе появились металлические нотки.

— Просто возмутительно, — вмешался Картонный Человек. — Я работал в журналистике двадцать пять лет и никогда не слышал о том, чтобы кто-то пытался фальсифицировать природу.

— Если вы были журналистом двадцать пять лет, то должны были сталкиваться с большим количеством неправды во всех ее проявлениях, — с некоторым раздражением сказал я. — Вы не можете не знать о том, что почти все фильмы о природе, которые вы видели, сделаны с той или иной долей обмана.

— Он говорил, что Уолт Дисней был мошенником, — вставила Женщина Неандерталец, по-видимому, считавшая это заявление таким же гнусным преступлением, как разжигание огня щепкой от креста Спасителя.

— Возмутительно, — согласился Картонный Человек. — Порядочный журналист никогда не опустится до фальсификации фактов.

— И не будет оскорблять Уолта Диснея, — добавила Женщина Неандерталец.

— О боже, — простонал Эластер, — мы упускаем свет.

— Все, что мы сделали, — терпеливо поясняла Пола, — это привязали к вишневому дереву две ветки с несколькими гусеницами коконопряда. Когда мы закончим снимать сцену с их участием...

— Когда вы закончите *фальсифицировать* сцену с их участием, — с возмущением воскликнул Картонный Человек, — совершите поступок, на который не пойдет ни один порядочный журналист.

— Когда мы закончим снимать сцену с их участием, — невозмутимо продолжила Пола, — мы тут же увезем их с собой.

— А куда это вы их увезете? — поинтересовалась Мегера.

— Туда, где они жили, — огрызнулся Эластер. — В более здоровую часть Нью-Йорка.

— А чем вам не нравится 87-я улица? — спросила Мегера.

— Да и кто вы такой, чтобы приходить сюда и критиковать 87-й округ? — добавил Картонный Человек. — Вы, наверное, тоже англичанин или, может быть, приехали из Бостона?

— Послушайте, — сказала Пола. — Мы снимем эти кадры примерно за пять минут, а затем все сложим и оставим ваш пустырь таким же пустым.

— Мы не позволим использовать наш пустырь для подделок, — сказала Мегера. — Это наш пустырь.

— Но мы же не принесем ему никакого вреда, — продолжала Пола. — Мне кажется, те, кто выгуливает здесь собак, вредят ему гораздо больше.

— Вы привезли сюда козьявок, — сказала Женщина Неандерталец. — Не успеем мы оглянуться, как ваши козьявки расползутся по всей 87-й улице.

— О боже, — снова простонал Эластер, — это просто смешно.

— Вам, может быть, и смешно, а нам нет, — прореагировала Мегера. — Вы пришли сюда, разбросали своих гусениц по всему пустырю и думаете, что мы будем смотреть на это безобразие сложа руки.

— Как ты думаешь, у Альфреда Хичкока возникали подобные проблемы? — спросил я у Эластера.

— Я требую, чтобы вы немедленно увезли отсюда своих козьявок, — заявила Мегера.

— И я тоже, — сказал Картонный Человек.

— Мы и собираемся увезти их отсюда, — закричал Эластер, — после того как закончим съемку.

— Мы не потерпим никакого мошенничества на нашем пустыре, — сказала Мегера.

Подобный абсурдный разговор все продолжался и продолжался, эти три персонажа делали нашу жизнь все более невыносимой, а меркнущий свет становился все слабее, и в конце концов нам не осталось ничего другого, кроме как убрать гусениц коконопрядов обратно в фургон и уехать с пустыря. Только после того как Мегера лично убедилась в том, что коконопряды убраны и заперты на замок, она почувствовала себя удовлетворенной.

Каким бы досадным и неприятным ни казался нам тогда этот инцидент, вспоминая его сейчас, начинаешь чувствовать, что в нем было определенное очарование. Приятно думать, что в таком огромном, нахальном и внешне равнодушном городе есть люди, готовые грудью защищать пустырь, покрытый собачьими экскрементами.

СЕРИЯ ДЕСЯТАЯ

После суеты и спешки Нью-Йорка было приятно вернуться в Европу, и тем более в одну из моих самых любимых стран — Грецию, с ее голубым небом и морем, кристально чистым воздухом, придававшими этому месту неповторимый колорит.

Как это обычно бывает при проведении съемок для телевидения, где все принято делать шиворот-навыворот, сюжет, который должен быть пер-

Д

вым в нашей серии фильмов, снимался в последнюю очередь. Поскольку основная цель всей нашей программы заключалась в том, чтобы рассказать телезрителям о том, как стать натуралистом-любителем, нельзя было найти лучшего места (по мнению Джонатана) для съемок вводного сюжета, чем остров Корфу, где я провел свои детские годы и где впервые почувствовал любовь к животным. Мне понравилась эта идея, поскольку я уже много лет не бывал на острове, несмотря на просьбы моих друзей; к тому же Ли никогда там не бывала.

Даже в условиях развития туристического бизнеса и всей вульгарности связанного с ним обслуживающего персонала остров до сих пор удерживает в себе особую магию, и поэтому мне не терпелось показать Ли те его уголки, которые сохранились в нетронутом виде со времен моего детства. Нам повезло также и в том, что моя старая знакомая Энн Питерс, жившая на этом острове и бегло говорившая по-гречески, предложила себя в наше полное распоряжение. Одно время Энн работала моим секретарем и сопровождала меня во время съемок фильма в Сьерра-Леоне, а позднее в сложных экспедициях, посвященных спасению исчезающих видов животных в Австралии и Патагонии, поэтому она была хорошо знакома со сложностями, возникающими в ходе киносъемок, особенно теми, что связаны со съемками диких животных.

— Где мы остановимся? — спросил я Джонатана.

— В отеле «Корфу-Палас», — ответил он.

Я уставился на него, не веря собственным ушам. «Корфу-Палас» был старейшим и самым знаменитым отелем острова, построенным еще в начале века. Он был хитроумно расположен (его мог расположить в таком месте только выдающийся архитектор) на окраине города на берегу широкого залива, где вся канализационная система Корфу сбрасывала в море сточные воды. Из-за этого весь район, особенно летом, был наполнен таким ароматом, что даже собаки предпочитали обходить его стороной.

— И кто же тебе подал такую идею? — поинтересовался я.

— Энн, — ответил Джонатан.

Я удивленно посмотрел на Энн, подумав, что длительное пребывание на Корфу явно размягчило ее мозги.

— У тебя осталась хоть капля здравого смысла? — спросил я. — Во-первых, мы все умрем там от удушья в собственных постелях; во-вторых, проживание в его номерах будет стоить нам десять миллиардов драхм в секунду, и в-третьих, кто позволит нам держать наших бабочек и черепах в этом дряхлом аристократическом отеле?

— Я обо всем договорилась, — успокоила меня Энн. — Во-первых, управляющий отеля — очень милый человек по имени Жан-Пьер — пре-

доставляет нам номера по особому тарифу; во-вторых, проблема с канализацией уже давно решена; в-третьих — и это самое интересное, — Жан-Пьер просто помешан на герпетологии.

Прежде чем ответить, я сделал долгий, успокаивающий глоток «B&S».

— Теперь я ничуть не сомневаюсь, что вы все здесь немного сумасшедшие, — убежденно произнес я. — Я всегда знал, что Корфу достаточно эксцентричное место, но я отказываюсь верить в то, что даже здесь можно встретить герпетолога, управляющего одним из лучших отелей острова.

— Но это правда, — запротестовала Энн. — У него есть квартира на верхнем этаже, где он держит змей, черепах и всяких ящериц. Более того, он сказал, что готов поймать любую рептилию, которая потребуется нам для съемок.

Я сдался. Остров Корфу и прежде был набит самыми необычными вещами и сюрпризами, словно сундук иллюзиониста, и теперь мне было очевидно, что эту свою особенность он не утратил и поныне.

По форме остров напоминает странный, изогнутый кинжал, лежащий в голубых водах Ионического моря примерно посередине между греческой и албанской береговой линией. В прошлом он попадал в руки представителей дюжины наций, перенимая у них все самое лучшее и отклоняя остальное, таким образом сохраняя свою индивидуальность. В отличие от многих других областей Греции остров был зеленым и плодородным, поскольку, когда он был частью Венецианской республики, его использовали как место производства оливкового масла, в связи с чем здесь были посажены тысячи оливковых деревьев, и теперь большая часть Корфу покрыта тенью искривленных гигантов в париках из серебристо-зеленых листьев. Среди олив к небу поднимаются указующие персты темно-зеленых кипарисов. Все это формирует мистический пейзаж, залитый лучами ослепительно яркого солнца, обрамленный водами голубого спокойного моря и оживляемый несмолкаемым хором цикад. Из всех самых удивительных и замечательных уголков планеты, где мне посчастливилось побывать, Корфу вызывает во мне самую близкую ассоциацию с родным домом, поскольку именно здесь, под ласковым южным солнцем, во мне зрела любовь к живой природе.

Благодаря некоторой несогласованности в расписании авиарейсов нам удалось провести несколько часов в Афинах — мы успели бросить быстрый взгляд на Акрополь, понаблюдать за сменой караула у королевского дворца и перекусить в небольшом ресторанчике в Пирее: отведать рыбные блюда, которые могут готовить только греки. Затем мы вылетели на Корфу.

Когда мы попали на остров, было уже темно, но гигантская желтая

Д

луна заливала дорогу таким ярким светом, что мы отчетливо видели поросшие оливами склоны холмов, и казалось, что чуть неровная из-за легкого бриза поверхность моря с отражающейся в ней лунной усыпана миллионными лепестков лютиков. После бутылки превосходной бледно-янтарной рещины, словно бы вобравшей в себя аромат всех хвойных лесов, где вам когда-либо доводилось бывать, и нескольких превосходных блюд из местной рыбы мы тут же легли в постель, и даже луна, казалось усевшаяся прямо на перила нашего балкона, не смогла оторвать нас ото сна.

На следующее утро за завтраком к нам подошел и представился Жан-Пьер. Невысокий и темноволосый, он обладал насмешливым взглядом карих глаз и очаровательной улыбкой. К смутению и ужасу других постояльцев, мирно завтракающих среди цветочных клумб, он извлек из нескольких полотняных мешков одного из самых больших ужей, которых мне когда-либо доводилось видеть, прекрасного полоза желтопузика, который выглядел так, словно был отлит из бронзы, а затем, заключительным жестом, словно фокусник, достающий из шляпы кролика, он высыпал из мешка на мраморный пол дворика целый каскад европейских водяных черепашек — темно-зеленых, в желтую крапинку с золотистыми, как у леопардов, глазами.

— Боюсь, это все, что мне удалось для вас раздобыть, — произнес он извиняющимся тоном, в то время как проснувшиеся черепашки начали разбредаться между столиков. После напряженных пятиминутных поисков они были собраны и снова убраны в мешок.

— Где вы их поймали? — поинтересовался я.

— Я встал очень рано и отправился на озеро Скоттини, — ответил он. — Оно расположено в центре острова.

— О, я хорошо его знаю, — заметил я. — Мне самому не раз приходилось там бродить в поисках животных.

— Это превосходное место для всех диких животных, — согласился Жан-Пьер.

— А мы как раз собираемся снимать сюжет с пресноводными черепахами, — сказал Джонатан, который еще несколько недель назад провел на Корфу предварительную рекогносцировку. — Камера скользит вдоль берега озера и показывает крупным планом расположившихся там водяных черепах. Ты и Ли подходите к ним, а они демонстрируют типичное поведение водяных черепах, например...

— Неподвижно сидят на камнях, — продолжил я. — Ты уже разговаривал с ними? Ты раздал им по экземпляру сценария? Они читали свой контракт? Я отказываюсь сниматься с черепахами, которые не читали сво-

его контракта, не делают то, что им говорят, не слушают указаний режиссера и, что хуже всего, все время забывают свою роль. Надеюсь, ты помнишь, что моя репутация тоже поставлена на карту.

— Ну, ладно, ладно, — произнес Джонатан, бросив на меня свой хит-клиффовский взгляд. — Я уверен, они все сделают как надо.

— А где мы будем их держать? — спросил я.

— А почему бы не в вашей ванне? — совершенно серьезно предложил Жан-Пьер.

Я представил себе, как управляющий «Клариджа» или «Уорлддорф-Астории» предлагает мне поселить у себя в номере бородавочников.

— Отличная идея, — обрадовалась Ли. — И мы будем их вынимать, когда нам самим потребуется принять душ.

— Да, это верно, а то они не любят мыло и горячую воду, — заметил Жан-Пьер.

По-моему, подобные разговоры могут происходить только на Корфу. Итак, мы поднялись в наш номер вместе с пресмыкающимися и, наполнив ванну водой, выпустили черепах. Змеи были оставлены прямо в мешках. Затем мы отправились в северную часть острова, в местечко под названием Коулоура, где Джонатан собирался снять наше «прибытие» на Корфу на борту каика — пузатой, ярко раскрашенной рыбацкой лодки, составляющей неотъемлемую часть греческого пейзажа.

Это был умеренно жаркий день, с прозрачным, как кристалл, голубым небом. Море было синим и спокойным, лишь с материка, с коричневых пологих холмов Албании и Греции, которые мы отчетливо видели через пролив, долетал легкий ветерок. Мы ехали через оливковые рощи в прохладной тени, созданной серебристо-зелеными листьями и огромными, изъеденными временем дуплистыми стволами, неповторимыми, словно отпечатки пальцев, которые походили на изогнутые колонны соборов, поддерживающие купола из листьев. Вскоре мы вынырнули из прохлады оливковых рощ и направились по дороге, петляющей по склонам самой высокой горы острова Корфу — Пантократор. Местами один край дороги почти отвисно обрывался вниз к сияющей поверхности моря, а другой проходил вплотную к уходящим в небо скалам; там, вверху, среди красновато-коричневых, золотистых и белых уступов, словно черные стрелы, мелькали горные ласточки, занятые постройкой из грязи и обломков камней своих удивительных гнезд, похожих на половинки бутылок из-под кьянти.

Вскоре мы свернули на крутую, извилистую дорогу, ведущую к морю, обсаженную необычайно высокими темно-зелеными кипарисами, которые были почти такими же почтенными великанами еще в 1935 году, когда я

Д

приехал сюда впервые. Вскоре мы увидели под нами гавань Коулоура, похожую на маленький изогнутый лук, на одном конце которой расположена, вероятно, самая красивая вилла на Корфу, принадлежащая моим старым друзьям — Памеле и Дисней Воген-Хьюз. На якоре в гавани стоял наш каик — великолепное большое судно, безукоризненно чистое, выкрашенное в белый и голубой цвета.

Пэм и Дисней встретили нас очень тепло — ведь мы не виделись уже несколько лет. Они любезно позволили нам сложить наше оборудование на лужайке перед их красивым домом, разрешили снять свой прелестный сад, усердно угощали нас прохладительными напитками и даже одолжили на главную роль свою сухопутную черепаху, которую звали Каррузерс. Их радушию не было границ. Захлавив лужайку перед домом так, как это может сделать только съемочная группа, пока остальные члены команды устанавливали оборудование, мы пошли посмотреть на каик, чтобы убедиться в его полной готовности к нашей морской прогулке. И тут, к ужасу Джонатана, случилось непредвиденное.

В начальной сцене на борту лодки я должен был произнести следующие слова: «Все мы от рождения испытываем интерес к окружающему нас миру. Достаточно понаблюдать за поведением любого маленького ребенка — или даже детеныша любого животного, — и вы увидите, что они постоянно исследуют и обучаются, используя все пять органов чувств. С момента нашего появления на свет мы все являемся исследователями в этом сложном и удивительном мире. Однако когда человек становится старше, он нередко теряет интерес к окружающему миру. Но есть и такие люди, которые сохраняют его на всю жизнь. Это настоящие счастливчики. Именно их и называют натуралисты-любители».

Чтобы сцена получилась более выразительной, Джонатан решил, что на борту лодки должен находиться ребенок, который бы вместе с нами разглядывал большой чан, наполненный морскими созданиями. С этой целью он пригласил для съемок дочь хозяина маленького кафе, расположенного на берегу гавани, — очаровательную шестилетнюю девочку. Однако незадолго до нашего прибытия она совершила нечто настолько ужасное (мы так и не смогли узнать, в чем она провинилась), что ее мать пошла на беспрецедентный шаг (для Греции), как следует отшлепав ребенка. Результат нетрудно себе представить. Джонатан нашел свою маленькую героиню в слезах, сжавшуюся в комочек, отказывающуюся говорить, отказывающуюся надеть свое лучшее платье, отказывающуюся вообще что-либо делать. Напрасно Пэм, Энн и я — те, кто говорил по-гречески, — с помощью лести, уговоров и мольбы пытались подействовать на ребенка. Даже

щедрое обещание Джонатана (махнувшего рукой на бюджет) повесить гонорар с десяти до двадцати драхм не принесло результата.

— Мы не можем снимать эту сцену без ребенка, — сказал Джонатан. — Ради бога, Энн, сделайте что-нибудь.

— А что я могу сделать? — спросила Энн. — Если ребенок чего-то не хочет, вы не сможете его заставить.

— Тогда найдите того, который захочет, — скомандовал Джонатан.

Итак, бедная Энн была откомандирована в ближайшую деревню на поиски нового героя.

— Вам обязательно нужна девочка или подойдет и мальчик? — спросила она перед уходом.

— Да хоть гермафродит, лишь бы это был ребенок, — мрачно произнес Джонатан.

В течение следующего получаса, в ожидании возвращения Энн, мы с Ли отправились побродить по мелководью в поисках живого реквизита для съемок — всплывчивых раков-отшельников, обитающих в ярко раскрашенных раковинах моллюсков, других раковин с их законными владельцами и колючих крабов-пауков, которые высаживают у себя на спине целый лес водорослей и губок, помогающий им избегать обнаружения. При виде такого богатого выбора живого реквизита наш режиссер немного смягчился, хотя и продолжал проявлять некоторую нервозность, и мы все с нетерпением ожидали возвращения Энн.

Наконец она вернулась, победоносно улыбаясь, в компании с симпатичным мальчиком лет десяти. Но не успела машина с новым героем полностью остановиться, как дверь кафе открылась и на пороге появилась улыбающаяся девочка в новом красивом платье.

— Ты посмотри, милый, — воскликнула Пола. — Теперь у тебя целых два ребенка.

— Думаешь, наш бюджет выдержит двоих? — спросил я Джонатана со всей серьезностью. В ответ он лишь сердито сверкнул глазами.

Итак, весь остаток дня мы снимали сцену с лодкой, что было связано с большими сложностями, поскольку наряду со съемками на борту (которые были трудными, но не слишком) Джонатан захотел забраться на гору и снять оттуда панорамный вид гавани вместе с домом Памелы и Диснея и величаво проплывающим через гавань каиком. Ввиду отсутствия рации мы договорились, что Джонатан поднимется на гору, а я буду наблюдать за ним в бинокль, пока каик описывает плотные круги в ожидании дальнейших инструкций. Когда Джонатан взмахнет рукой, мы разворачиваемся на прямой курс и выходим в гавань. Нет нужды говорить, что из-за всех этих сложностей нам пришлось повторять свой маневр несколько раз. На-

Д

конец, когда Джонатан почувствовал себя удовлетворенным настолько, насколько это возможно для режиссера, мы собрали оборудование и отправились в долгий и жаркий обратный путь, мечтая о напитках со льдом, чистой одежде и вкусной еде.

Черепашки по-прежнему копошились в ванне.

На следующий день произошла неприятность другого сорта. Джонатан разыскал одну из тех вилл, в которой я и моя семья жили на Корфу, и, увидев, что дом достаточно фотогеничен, он решил снять в нем ряд сцен. После долгих и многочисленных телефонных переговоров Энн удалось разыскать хозяина виллы в Афинах и получить его разрешение на съемку внутри и вокруг дома. Но тут выяснилось, что дом сдан в аренду владельцу ночного клуба и его разрешение на съемку также необходимо. Найти его оказалось значительно сложнее, поскольку владельцы ночных клубов ведут преимущественно ночной образ жизни и в течение дня абсолютно недостижимы. Только с наступлением темноты (как граф Дракула) они покидают свои склепы и мечутся по всему городу, всячески запутывая следы. В конце концов Энн удалось обнаружить его в какой-то необследованной гробнице, но он сразу же заявил, что ни при каких обстоятельствах не позволит нам проводить съемки на вилле. После долгих уговоров Энн наконец добилась от него согласия открыть дом, но только при условии, что он сам будет там присутствовать. Он сообщил Энн дату своего приезда на Корфу и сказал, что лично откроет для нас виллу. Но, увы, это стало очередным испытанием для нервной системы Джонатана: назначенный день наступил и прошел, а владелец ночного клуба так и не появился.

— Почему бы нам не поснимать в окрестностях местные пейзажи и веранды, — резонно предложила Энн. — Вполне возможно, он прилетит завтрашним рейсом.

— Хотелось бы надеяться, — утрумо заметил Джонатан, — а пока мы можем поснимать в Потамосе, в ожидании завтрашнего самолета.

Итак, мы отправились в Потамос, очаровательную деревушку, приютившуюся на склоне холма, с аккуратными разноцветными домиками с арочными верандами, выглядевшими в точности так же, как и сорок лет назад. Под каждой аркой веранды находилось гнездо ласточки, наполненное широко разевающими рты птенцами, а под каждым гнездом стоял картонный ящик для улавливания птичьего помета, которым так щедро и безвозмездно делились с нами птицы. Мне вспомнилась греческая пословица, гласившая, что дом не может считаться домом, пока под его крышей не свила гнездо ласточка. Наблюдая за подлетающими к гнезду родителями с клювами, заполненными насекомыми, которых они всовывали в жадно

раскрытые рты своих птенцов, я думал о том, что это, вероятно, прапрапрапраправнуки тех ласточек, которых я видел в таких же гнездах под крышами, когда был ребенком. Сняв сцену с ласточками и еще несколько других сцен в деревне, мы вернулись в отель.

Черепашки по-прежнему копошились в ванне.

Утро следующего дня было ясным и безоблачным. Самолет из Афин прибыл, но нужного нам человека не было на его борту.

— Черт с ним! — прорычал Джонатан. — Мы все равно поедem на шиллу и снимем все, что нам надо.

Эта была та самая вилла, которую я описал в книге о своем детстве, проведенном на острове Корфу, где вывел ее под названием Белоснежная Вилла. Она стояла среди большой и древней оливковой рощи, под сенью гигантской магнолии, олеандров, покрытых белыми и розовыми цветами, и вьющейся по веранде виноградной лозы, которая ближе к осени тяжелеела от гроздьев белых продолговатых ягод. Увы, когда мы, проехав по каменистой, усеянной выбоинами дороге, остановились напротив дома, я увидел, что вилла больше не была белоснежной. Ее когда-то белые стены потускнели от сырости, кое-где отвалилась штукатурка, а зеленые ставни выцвели от солнца и краска на них облупилась. Но, даже несмотря на эти признаки упадка, вилла как-то умудрилась сохранить свою элегантность, хотя я никак не мог понять, как можно относиться с таким жестоким пренебрежением к столь красивому и изысканному строению.

Пока распаковывали оборудование, я провел Ли по заросшему саду, среди оливковых деревьев погрузился в ностальгические воспоминания. Вот здесь находилась веранда, на которой во время одной из наших многочисленных вечеринок мои животные устроили разгром: сбежавшие сороки напились разлитого по рюмкам вина, а затем привели в полный беспорядок тщательно накрытый стол перед самым приходом гостей, в то время как под столом притаилась грозная чайка Алеко, которая начала клевать гостей в ноги, когда они расселись по местам. А вот на этой стене обычно сидел мой любимый геккон Джеронимо, который однажды в моей спальне одолел в смертельной схватке богомола, вдвое превосходившего его размерами. Примерно в сотне ярдов от дома стояла маленькая семейная часовня — одна из тех очаровательных, разбросанных по всей Греции, миниатюрных церквушек, построенных бог знает когда в честь какого-то малоизвестного святого, совершившего то или иное чудо. Наша часовня была выкрашена снаружи розовой краской, во внутреннем помещении, размером с большую комнату, стояли складные сиденья для прихожан, а над алтарем висел образ Богородицы с младенцем. Теперь здесь все выцвело и

Д пришло в упадок, прошлогодние листья забились под дверь, не позволяя им полностью закрыться, и толстым слоем покрыли пол. Во времена моего детства пол всегда был чисто выметен и застелен дорожками, сиденья блестя, две маленькие негасимые лампы горели перед иконой Богоматери с младенцем, а внизу стояла ваза со свежими цветами. Теперь же все было пропитано запахом тлена, а цветов и ламп, дающих свет, не было и в помине. Помню, как однажды, возвращаясь поздно вечером из своей очередной экспедиции за животными, я заметил, что двери часовни случайно оставили открытыми. Положив на землю свой сачок и сумку для насекомых, я подошел к ним, чтобы закрыть, и передо мной предстала поразительная картина. Был самый разгар сезона светлячков, и когда я заглянул в часовню, то увидел, что, кроме светло-желтого света горящих лампад, внутренность храма расцвечена десятками влетевших в открытые двери светлячков, которые, словно бело-зеленые мерцающие звездочки, ползали по стульям и стенам. Несколько светлячков опустилось на икону Богоматери и украшали ее, как пульсирующие драгоценные камни. Зачарованный этим дивным и красивым зрелищем, я простоял так очень долго, но потом, испугавшись, что светлячки погибнут в закрытой часовне, провел утомительные полчаса, посвященные отлову светлячков при помощи сачка и их выдворению на волю. Завершив изгнание светлячков, я подумал о том, что иконе Богоматери, должно быть, жалко расставаться с таким изысканным украшением своего храма.

Вернувшись из часовни, мы увидели Джонатана, который с виноватым видом держал в руке кусок оконного стекла.

— Вот посмотрите, — сказал он, показывая нам осколок. — Я всего лишь пытался заглянуть в одно из окон на противоположной стороне дома, когда этот осколок упал прямо на меня. Если я просуну руку внутрь, то можно будет открыть окно и проникнуть в дом.

Я вздохнул.

— Не знаю, какое наказание предусмотрено греческим законом за взлом и проникновение, но, думаю, никак не меньше нескольких лет, а греческие тюрьмы не слишком комфортабельны.

— Я уверена, никто об этом не узнает, — сказала Ли, — тем более если потом мы вставим стекло на место.

— А что, если хозяин появится здесь в тот момент, когда мы расположимся в его доме? — спросил я.

— Когда все мосты сожжены, отступать некуда, — решительно произнес Джонатан. — По крайней мере, успеем снять сцены на веранде.

Итак, мы проникли на виллу. Наше настойчивое желание попасть внутрь

объяснялось двумя вескими причинами. Во-первых, Джонатан хотел снять то, как я и Ли бессмысленно выглядываем из различных окон и ходим изд-вперед через двери, и, во-вторых, нам требовалось подключиться к электрической сети для проведения вечерних и ночных съемок. На все это ушло немало времени, и было уже поздно, когда мы наконец упаковали оборудование и (тщательно закрыв дом и вернув на место кусок стекла) отправились в обратный путь к «Корфу-Палас».

Черепашки по-прежнему копошились в ванне.

Следующее утро у нас выдалось свободным, поскольку Пола и Джонатан отправились освобождать гусениц, арестованных на таможне. Как мне кажется, эта фраза требует некоторого пояснения. Ввиду того, что время проведения съемок на Корфу было не самым удачным для местных гусениц (по крайней мере тех, которых мы собирались снимать), мы были вынуждены импортировать гусениц из Англии с хорошо известной фермы, где разводят бабочек. Легко представить себе реакцию греческих таможенников, когда, попросив открыть подозрительный ящик, они обнаружили там гусениц перламутровки, капустницы и парусника, устроившихся на своих любимых растениях. Попытки Энн объяснить, что все эти виды гусениц можно найти на Корфу, были встречены недружелюбными взглядами офицеров таможни. Если всех этих гусениц можно найти на Корфу, спрашивали они, то зачем потребовалось идти на колоссальные расходы, связанные с их импортом из Англии? (Объяснить все трудности съемок фильмов о животных офицерам греческой таможни было просто невозможно.) В любом случае, указывали они — теперь в них заговорила национальная гордость, — если такие же гусеницы водятся на Корфу, то почему мы их не используем? Чем греческие гусеницы хуже английских? Греция всегда славилась своими огромными, качественными гусеницами. Всем известно, что греческие гусеницы лучшие в мире. Таким образом, какой смысл импортировать английских гусениц (посредственных во всех отношениях), способных заразить гусениц Корфу какой-нибудь опасной болезнью? К полудню Пола, Энн и Джонатан, злые и возбужденные, были вынуждены дать письменное подтверждение того, что все гусеницы были индивидуально осмотрены Королевской коллегией ветеринаров, Королевской коллегией хирургов, министерством сельского хозяйства и Лондонским зоологическим обществом. Далее они дали письменные гарантии греческому правительству о выплате крупных страховых сумм в случае, если английская гусеница станет причиной гибели хотя бы одной (самой лучшей) гусеницы Корфу. Затем они торжественно пообещали, что английские гусеницы не будут оказывать разлагающего влияния на гусениц Кор-

Дфу, вступая с ними в какие-либо контакты, и сразу же по окончании съемок все до единой будут выдворены за пределы Корфу и отправлены обратно в Англию — где им и надлежит превратиться во второсортных бабочек. Все трое вернулись в отель едва живыми от изнеможения, но зато испытывая чувство триумфа за отбитых у таможни британских гусениц.

И вот в полдень мы снова отправились на виллу. Осколок стекла снова таинственным образом вывалился наружу, дом был открыт, и мы приступили к работе. Гусеницы, как и большинство животных, весьма посредственные партнеры по съемкам. Они либо застывают в полной неподвижности, словно музейные экспонаты, либо начинают скакать по растению с такой скоростью, что камера не успевает за ними следить. Покончив с гусеницами, мы приступили к съемкам других насекомых, которых Энн, Ли и я усердно собирали в течение последних нескольких дней, — жуков-скакунов, скарабеев, цикад и прочих. Все они были аккуратно рассажены по банкам и спичечным коробкам. Во времена моего детства на Корфу у меня не было всех этих прекрасных приспособлений для ловли насекомых, которые доступны сегодня юным натуралистам, но, как говорится, нужда — мать изобретательности, и я проявлял ее в полной мере. В нашем доме не пропадало ни одного пузырька или банки из-под джема; картонные коробки ценились на вес золота, как и консервные банки, но лучше всего подходили спичечные коробки — их было легко носить с собой повсюду, а благодаря своему маленькому размеру они не позволяли пойманному насекомому слишком активно шевелиться и калечить себя. В моем распоряжении одновременно находилось несколько сотен спичечных коробков, которые я брал с собой в свои экспедиции и возвращался, наполнив их все, напоминающая бродячий мини-зверинец. Разумеется, спичечные коробки, при всей своей полезности, порою были источником различных казусов. Я хорошо помню тот день, когда случайно оставил один из своих коробков на каминной полке и мой старший брат (никогда не испытывавший особой любви к животным) открыл его, чтобы прикурить сигарету, после чего ему на руку выползла обвешанная детенышами самка скорпиона. Наверное, излишне описывать, что за этим последовало. Однако я был рад, что скромный спичечный коробок не утратил своей актуальности и по сей день, оказав нам помощь при съемках фильма. Но их обитатели все время проявляли свою непокорность, либо падая с цветов, на которые их сажали, либо расправляя крылышки и улетаая прочь, и поэтому, когда наступил тот момент, который называют «потеря света» (то есть становится так темно, что даже режиссер с неохотой признает невозможность продолжения съемок), нам пришлось упаковать наших второсортных гусениц и вернуться в город.

Черепашки по-прежнему копошились в ванне.

Следующее утро (как и все предыдущие) было солнечным, вновь порадовав нас безмятежно голубым небом. Когда мы сидели за своим завтраком, появился Джонатан, и по всему было видно, что он пребывает в необычайно хорошем настроении. Заказав свой обычный скромный завтрак из овсянки, кофе, тостов, джема, сосисок, бекона, яичницы, жареного картофеля и десерта в виде фруктового салата и взбитых сливок, он откинулся на стуле и одарил нас лучезарной улыбкой.

— Сегодня, — произнес он тоном доброго дяди, предлагающего ребенку покататься на слоне, — мы будем снимать сцену со змеями. Жан-Пьер окажет нам помощь.

— Ты имеешь в виду желтопузика? — спросил я.

— Да, эту бронзовую змею.

— Могу я заметить, что желтопузик вовсе не змея? Это полоз, или большая безногая ящерица, — объяснил я.

— Но он выглядит как змея, — запротестовал Джонатан, в очередной раз расстроенный вероломством матери-природы.

— И тем не менее, — сказал я, — у него имеются рудиментарные конечности, и если ты грубо схватишь его за хвост, то он отвалится, как у всех ящериц.

— Боже мой, — ужаснулся Джонатан, — не хватало еще, чтобы у этой твари посредине съемки отвалился хвост. И зачем я взялся снимать фильмы о животных?

Итак, вместе с Жан-Пьером и нашей звездой-рептилией мы отправились в оливковую рощу, которая, по мнению Джонатана, была самой фотогеничной на острове, хотя при том, что здесь все оливковые деревья поражают своим величием, было непонятно, какими критериями он руководствовался. Я предупредил его о том, что желтопузик движется со скоростью света и поэтому съемку следует проводить в таком месте, где его было бы легко поймать. Джонатан заверил меня, что он принял в расчет данное обстоятельство. К моему удивлению, так и оказалось, поскольку, прибыв на место, мы увидели проложенную вдоль оливковой рощи ослиную тропу, которая с обеих сторон была окружена изгородью из камней, формирующей извилистый желоб, вполне подходящий для выгула змей, хотя и не предназначенный для такой цели.

— А теперь, — сказал Джонатан, — я хочу, чтобы ты и Ли, начав путь от той оливы, дошли до кустов и, внезапно заметив там желтопузика, поймали его.

— Подожди минуточку, — возразил я. — Пока мы пройдем эти пятьдесят ярдов, он будет уже в пяти милях отсюда.

— Ну и что же ты предлагаешь? — спросил он.

Д — Его надо выпустить в тот момент, когда мы подойдем к кусту, — сказал я.

— А как? — спросил Джонатан.

Я бросил взгляд на тропинку, туда, где должна была произойти предполагаемая поимка. В этом месте извилистая тропинка делала легкий поворот, а вместе с ней и каменная изгородь, образуя небольшую выемку.

— Если кто-нибудь спрячется в нише, он сможет выпустить рептилию, как только мы туда подойдем, — предложил я.

— И кто же это сделает? — спросил Джонатан.

— Я, — вызвался Жан-Пьер, герпетолог-любитель и по совместительству управляющий отеля «Корфу-Палас». Он разделся по пояс и был готов приступить к делу.

— Хорошо, — согласился Джонатан. — Пройдите туда, и мы посмотрим, как это будет выглядеть.

Взяв сумку с желтопузиком, Жан-Пьер послушно пробежал до изгиба тропы и прижался к изгороди.

— Так не пойдет. Мы вас видим, — крикнул Джонатан. — Присяжьте немного.

Повинуясь приказу, Жан-Пьер присел на корточки.

— Все равно плохо, — снова крикнул Джонатан. — Теперь видна голова. Ложитесь.

Управляющий «Корфу-Паласа» растянулся в пыли под забором. Если бы постояльцы отеля смогли увидеть его в этот момент, у них бы появился повод для серьезных раздумий.

— Отлично, — обрадовался Джонатан. — Оставайтесь там лежать, а когда Джерри и Ли подойдут поближе, выпускайте змею.

Жан-Пьер остался лежать лицом в пыли под жаркими лучами солнца, пока мы провели пару репетиций. Но вот все было готово. В кульминационный момент желтопузик был выпущен на свободу и, к моему большому удивлению, продемонстрировал примерное поведение. Он быстро пересек нам путь, а затем свернулся кольцами в траве под стеной, где и был легко пойман без риска оторвать ему хвост. Жан-Пьер поднялся на ноги — его спина блестела от пота, грудь и живот были покрыты тонкой белой пылью, но зато лицо украшала гордая улыбка. Сняв желтопузика крупным планом, показав его блестящее тело с чешуей, похожей на маленькие бронзовые кирпичики, рудиментарные задние лапы, его красивую голову с узкими глазами и ртом, растянутым в доброй улыбке, мы выпустили его на свободу и еще некоторое время следили за тем, как его маслянистое тело плавно скользит между кустами. К этому времени уже начало смеркаться,

и, сделав небольшую паузу на то, чтобы съесть арбуз, розовый, как закатное облако, мы упаковали оборудование и направились обратно в «Корфу-Палас», прихватив с собой его управляющего, разгоряченного, усталого, пыльного, но необычайно довольного своим кинематографическим дебютом.

Черепашки по-прежнему копошились в ванне.

На следующее утро за завтраком Джонатан вновь пребывал в отличном настроении и не торопясь прокладывал себе путь через тарелки с едой.

— Сегодня, — объявил он сквозь рот, заполненный сосиской и яйцом, — сегодня мы будем снимать на озере, как его, Скоттини.

— И кого мы будем там снимать? — поинтересовался я.

— Водяных черепах, — сообщил он, проглотив пережеванное.

— Водяных черепах? — недоверчиво переспросил я.

— Да, — подтвердил Джонатан, но затем, неверно проинтерпретировав мою интонацию, встревоженно спросил: — Они все еще у вас, не так ли?

— Да, конечно, — ответил я. — Мне даже уже кажется, что наша миссия без них уже не будет такой же. Мы уже начали испытывать к ним близкую привязанность.

— Ну и хорошо, — успокоился Джонатан. — А то я уже испугался, что они от вас сбежали.

— К несчастью, нет, — ответил я.

— Тогда слушайте, что нам предстоит сегодня сделать. Мы снимем, как ты и Ли подходите к берегу озера, где ты начнешь рассказывать ей о том, как в детстве приходил сюда и ловил всяких животных. Мы снимем лягушек, тритонов, пойманного Жан-Пьером ужа, а затем перейдем к черепахам. Ты объяснишь Ли, как просто поймать водяную черепаху.

— Прошу прощения, — прервал я его. — Ты когда-нибудь видел, как бегают водяные черепахи?

— Ну, ничего страшного, — сказал Джонатан, с легкостью отмахнувшись от моего возражения. — В конце концов, у нас их целых восемь штук. Одна из них непременно окажется пенсионеркой, которой по возрасту положено двигаться медленнее остальных.

Джонатан искренне верил в то, что рано или поздно найдется животное, которое будет выполнять его указания. На протяжении всех съемок он упрямо придерживался этого принципа, хотя ему еще ни разу не удалось найти подтверждения.

— Среди наших черепашек нет ни одного пенсионера, — сказала мне Ли вполголоса. — Когда мы вынимаем их из ванны, чтобы принять душ, они носятся по полу, как сумасшедшие.

— Я знаю, — ответил я. — Но давай не будем подрывать непоколеби-

Д

мую веру Джонатана в мать-природу. Кто знает, вдруг на сей раз произойдет чудо?

Так начался великий черепаший день. Черепашек выгнали из нашей ванны (к несказанному облегчению убиравших в нашем номере горничных), посадили их в подходящую емкость и под конвоем из трех машин отправили на озеро. Жан-Пьер, окрыленный своим кинематографическим успехом в роли пастуха желтопузика, поехал вместе с нами, чтобы попастить для нас ужа. День выдался необычайно жарким, и мы были рады, когда дорога нырнула в тенистую глубину больших оливковых рощ. Эти рощи в дни моей юности были для меня магическим местом. Для взрослых, прогуливающихся среди этих стволов, с их зияющими дуплами и кронами серебристо-зеленых листьев, оливковые рощи были просто живописной декорацией, дарующей спасительную прохладу, но для меня они были неисчислимым кладом живых существ. Мириады отверстий в каждом дереве служили убежищем для десятков различных созданий — от сплюшки обыкновенной до сони, от крапивника до черных крыс. В определенное время года можно было увидеть, как вверх по стволам ползут странные, горбатые, пучеглазые создания. Через какое-то время кожа на их спинах лопалась, и медленно, с большими усилиями из футляра выбирались орехово-коричневые с серебряными крылышками цикады — истинные предвестницы лета, заставляющие весь остров звенеть от своих песен. У корней олив можно было пайти многоножек длиной с карандаш или жаб с серебристой кожей, покрытой зелеными пятнышками, благодаря которой они выглядели как средневековые карты мира, где все континенты были нанесены неверно. Насекомые здесь были повсюду: бабочки, муравьиные львы, божьи коровки, хрупкие мушки с кружевными крылышками, откладывающие яйца в пазухе между тонкими черенками и стеблем растений, пары иссиня-черных жуков скарабеев, скатывающих навоз в шары и закапывающих их в землю в качестве инкубаторов для будущего потомства. Кто-то однажды сказал мне, что ему непонятно, почему я столько времени провожу в оливковых рощах — они такие скучные и безжизненные. Для меня эти рощи представляли собой бесконечную, завораживающую живую картину живых созданий, а весной они покрывались цветами, и казалось, будто кто-то опрокинул ящик с красками среди огромных, темных, искривленных стволов. Их можно назвать как угодно, но только не скучными и безжизненными.

Наконец каменистая дорога вышла из оливковой рощи, и мы выехали на берег озера Скоттини. Это было почти круглое озеро площадью около семи-восьми акров, со всех сторон окруженное деревьями. В самом его

центре находился заросший тростником остров, а неглубокая вода была заполнена нефритово-зелеными водорослями. Как и оливковые рощи, оно тоже на первый взгляд могло показаться безжизненным, но я хорошо знал, что это целый замкнутый мир, в глубинах которого метались, крутились, толкались, извивались самые различные формы микроскопической жизни, устрашающие личинки стрекоз, маленькие рыбки, тритоны, змеи и водяные черепашки. Я помню, как однажды в детстве пришел на озеро и целый день занимался сбором экспонатов для своей коллекции, и моих пленников оказалось так много, что вскоре все заготовленные емкости были заняты, поэтому мне пришлось снять одежду, чтобы завернуть в нее мои бесценные трофеи, так что на нашу виллу, к ужасу моей матери, я вернулся абсолютно голым.

Итак, после того как Джонатан, обследовав окрестности, нашел подходящее место, камеры были установлены, и мы приступили к съемке первого эпизода, где главную роль исполнял уж. Наш змеиный пастух, забыв об управлении отелем, босиком, с закатанными брюками, обнаженный по пояс, вытанцовывал по колено в мутной жиже, заставляя красивую рептилию выполнять указания режиссера. Уж все сделал безукоризненно: проскользил по грязи, прополз по траве и наконец поплыл через озеро, держа над водой большую красивую голову и оставляя за собой V-образный след.

— А теперь перейдем к *pièce de resistance*, — объявил Джонатан, испытывавший сильное возбуждение после нашего успеха с ужом. — Водяные черепахи. Теперь я хочу, чтобы вы взяли трех черепах и положили их на траву возле воды, а ты и Ли будете проходить мимо и, заметив греющихся на солнышке черепах, подкрадетесь и схватите одну из них, а две другие прыгнут в озеро.

— Они исчезнут с этого берега прежде, чем ты успеешь произнести «Джонатан Харрис», — предупредил я.

— Все равно, давайте попробуем, — настоял на своем Джонатан.

Итак, три черепахи были выставлены на исходную позицию Жан-Пьером, а мы с Ли отошли на указанное нам место.

— Внимание, снимаем! — скомандовал Джонатан.

Жан-Пьер отпустил черепах и отскочил назад, чтобы не попасть в кадр. Мы с Ли сделали шаг вперед. Три черепашки сорвались, словно гоночные машины в Ле Мане, промчались вниз по берегу, нырнули в воду и исчезли.

— Проклятье, — произнес Джонатан. — Нам нужно удерживать их чуть подольше.

— Не забудь, у нас их осталось только пять, — напомнила Ли.

Д

— Давайте попробуем следующую тройку, — сказал Джонатан. — Я уверен, на этот раз все получится.

Очередные три черепахи были отнесены подальше от уреза воды, и Жан-Пьер крепко держал их до тех пор, пока Джонатан не скомандовал: «Снимаем!».

На этот раз черепахи вели себя иначе. По всей видимости, они не видели, где вода, и поэтому не знали, в какую сторону им бежать. Несколько секунд они кружили на месте, а затем побежали прямо на камеру и проскочили прямо под треножником. Снова и снова мы пытались заставить их бежать к озеру, но каждый раз они бежали в обратную сторону, проявляя упрямство, на которое способны только ослы или черепахи. В отчаянии мы перенесли их на возвышенное место, откуда они могли видеть лишь отблеск воды, после чего они бросились в ту сторону и исчезли с тем же проворством, что и первые трое.

На лице Джонатана появилась его самая хитклиффовская гримаса. Мы сделали еще одну попытку с одной из двух оставшихся черепах, и она предложила нам новый вариант поведения. Она спряталась в панцирь и оставалась неподвижной, словно камень. Что бы мы ни делали, она не шевелилась. Затем, когда мы все собрались на экстренное совещание, посвященное ее упрямству, черепаха совершенно неожиданно вернулась к жизни и бросилась вниз по берегу, навстречу свободе, прежде чем кто-либо из нас успел ее остановить. Теперь у нас оставалась всего одна черепаха, и положение было просто отчаянным. Джонатан решил больше не рисковать, и поэтому мы сняли сцену поимки в обратной последовательности, то есть в первом кадре Ли вытаскивала из сети черепаху и освобождала ее от водорослей, как будто она только что ее поймала. Затем мы выпустили черепаху на мелководье и сняли, как она уплывает, а в заключительных кадрах мы с Ли бегаем по берегу и ловим воображаемую черепаху. Как ни странно, когда все эти кадры были аккуратно вырезаны, отредактированы и склеены друг с другом в нужной последовательности, получилась достаточно правдоподобная картина. Однако использование такого приема может привести к нервному расстройству, поскольку вы не можете быть уверенными в успехе, пока не увидите весь отснятый материал в монтажной. И вот в этот последний съемочный день мы выпустили на волю всех наших животных, после чего упаковали оборудование и, оставив маленькое озеро, приютившееся среди оливковых рощ, усталые, но довольные вернулись в город.

В нашей ванне больше не было черепах.

Вдоволь понежившись в ванне, мы с Ли целый вечер бродили по старинным узким улочкам Корфу, заходили в гости к моим многочисленным

друзьям, пили слишком много рецины, пели песни, ели жареную баранину и креветок. Мы знали, что впереди нас ждут долгие недели работы в душных монтажных и студиях звукозаписи в Торонто, многократный просмотр сотен ярдов пленки, сочинение комментариев и их запись — скучная, утомительная работа, которую необходимо выполнить, прежде чем фильм будет представлять собой законченный продукт. Но все это ожидало нас впереди, и мы еще пока могли наслаждаться жизнью.

Было уже очень поздно, когда берегом моря мы вернулись в отель. В небе светила высокая и ясная луна; кратеры и горы проступали, как легкие тени, на ее лице, из-за чего она слабо мерцала, как перламутровый диск, испещряя серебристыми полосками темную, бархатную гладь моря. Где-то среди деревьев две сплюшки перезванивались друг с другом, как крохотные колокольчики, а теплый густой воздух нес в себе запах моря, цветов и деревьев.

СООБЩЕНИЕ

от Фонда охраны дикой природы Джеральда Даррелла

Заповедные уголки дикой природы, где Джеральд Даррелл снимал свои фильмы — от заболоченных низменностей Камарга до возвышенностей канадских Скалистых гор, от влажного дождевого леса в Панаме до пыльной пустыни Сонора, — придали новый импульс и вдохновение кампании по сохранению богатого разнообразия животного мира на нашей планете, которая стала делом всей его жизни.

Эта кампания за сохранение исчезающих видов не закончилась со смертью Джеральда Даррелла в 1995 году. Его работа продолжается благодаря неустанным усилиям Фонда охраны дикой природы.

В течение ряда лет многие читатели книг Джеральда Даррелла настолько вдохновлялись его впечатлениями и видением мира, что выражали желание продолжить историю, поддерживая деятельность его фонда. Мы надеемся, что вы тоже внесете определенный вклад, потому что своими книгами и всей своей жизнью Джеральд Даррелл ставит перед нами важную задачу. «Животные составляют бессловесное и лишенное права голоса большинство, — написал он, — которое может выжить лишь с нашей помощью».

Пожалуйста, не теряйте интереса к охране природы, когда вы перевернете эту страницу. Напишите нам, и мы расскажем вам, как можно принять участие в нашей работе по спасению животных от вымирания.

Чтобы получить более подробную информацию или направить пожертвование, обращайтесь по следующему адресу:

Durrell Wildlife Conservation Trust
Les Augrès Manor
Jersey, English Channel Islands, JE3 5BP
UK
www.durrellwildlife.org

ЮБИЛЕЙ КОВЧЕГА

Всего в мире насчитывается около 1000 видов животных, которые живут в зоопарках. Это не только редкие и исчезающие виды, но и обычные животные, которые живут в неволе. В зоопарках живут и птицы, и рыбы, и насекомые, и растения. Зоопарки играют важную роль в сохранении биоразнообразия и в образовании людей. В зоопарках можно увидеть животных, которые живут в дикой природе, и узнать о них много интересного. Зоопарки также являются местом, где можно увидеть животных, которые живут в неволе, и узнать о них много интересного. Зоопарки играют важную роль в сохранении биоразнообразия и в образовании людей. В зоопарках можно увидеть животных, которые живут в дикой природе, и узнать о них много интересного. Зоопарки также являются местом, где можно увидеть животных, которые живут в неволе, и узнать о них много интересного.

*Эта книга посвящается
Томасу Лавджою.
Мы многого достигли благодаря
его помощи, неунывающему нраву
и неустанному труду*

ПРЕДИСЛОВИЕ

ЕЕ КОРОЛЕВСКОГО ВЫСОЧЕСТВА ПРИНЦЕССЫ АННЫ

Мое знакомство с Джерсийским трестом охраны диких животных (ДТОДЖ) началось, как и для тысяч других людей, в поезде, где я читала одну из книг, написанных его основателем Джеральдом Дарреллом. Даррелл, как мало кто из других писателей, наделен способностью вызывать незапные взрывы смеха, удивляющие как самого читателя, так и его ничто не подозревающих попутчиков. Еще большее замешательство вы рискуете вызвать у людей, читая книгу мистера Даррелла во время еды.

Теперь мне ясно, что он использует свою особую форму антропоморфизма, чтобы вызывать в читателе чувство родства, а оттого, естественно, и близости к другим представителям животного мира. Мне ясно также, что этот редкий дар позволяет ему привлекать внимание широкой аудитории, и он умеет пользоваться этим для разных целей.

Мне довелось не раз посещать ДТОДЖ, и хотя каждое посещение памятно по-своему, совершенно особое место принадлежит совместному празднованию 21-й годовщины Треста и 25-й годовщины зоопарка в 1984 году, когда меня попросили открыть Международный центр подготовки специалистов по охране и размножению в неволе угрожаемых видов.

Из этой книги вы увидите, что благодаря выпускникам Центра влияние и деятельность Треста распространяются по земному шару в масштабах, значительно превосходящих скромную площадь, занимаемую его штаб-квартирой на Нормандских островах.

Убеждена, что все мы, попечители унаследованного нами живого мира, обязаны заботиться о том, чтобы сохранить это бесценное наследство будущему поколению. Следует, однако, понимать, почему это необходимо и как этого добиться. Учитывая, что размножение животных в неволе само

по себе дает пищу для ума, особенно важно добиваться того, чтобы Центр мог служить просвещению.

Я счастлива, что Павильон принцессы Анны в Джерсийском зоопарке предоставит тремстам пятидесяти тысячам с лишним ежегодных посетителей нашей штаб-квартиры возможность познать суть целей, преследуемых Трестом. Не менее важную роль играют первые Курсы по подготовке работников зоопарков, где представители развивающихся стран могут узнать, как хорошее содержание животных в неволе может содействовать усилиям по охране дикой фауны.

Мы снова видим, как Джеральд Даррелл и немногочисленный отряд его сотрудников нашли пути к умам не поддающейся счету международной аудитории.

Надо ли говорить, что одному человеку, даже одной организации не под силу справиться с названными выше задачами. Но я убеждена: если бы все и каждое учреждения, занимающиеся биологией, делали столько, сколько делают мистер Даррелл и его Трест, чтобы латать и штопать изношенную экологию нашей планеты, в наших природных и оборонительных линиях было бы меньше брешей, чем сейчас.

Каждая новая книга Джеральда Даррелла заслуживает внимания читателей. Эта книга не исключение, и я надеюсь, что она убедит еще многих: там, где есть воля и есть продуманный путь, невозможное становится обычным и даже до чудес рукой подать.

АННА

ОТ АВТОРА

Большинство авторов жалуются на скудость материала. В данном случае я жалею на избыток, ибо, ограниченный пространством, вынужден был обойти многое, что так хотелось бы включить. Зато я вновь познал старую истину: бочку в наперсток не вольешь.

Поскольку Трест развивался и процветал и у него теперь есть родственные организации как в США, так и в Канаде, мы стали пользоваться словом «Трест» как обобщающим понятием; пусть нас разделяют океан и большие расстояния — мы делаем одно дело, у нас общие цели и устремления. Вот почему, употребляя в этой книге слово «Трест», я подразумеваю работу, проводимую не только на Джерси, но и в США и Канаде.

ПРЕДВАРЕНИЕ

Вряд ли многие в возрасте шести лет уже способны более или менее точно предсказать свое будущее. Между тем я в шесть лет уверенно сообщил своей родительнице, что собираюсь обзавестись собственным зоопарком, более того, великодушно добавил, что на территории зоопарка ей будет предоставлен коттедж для проживания. Будь моя мама американкой, она, вероятно, поспешила бы показать меня ближайшему психиатру; на самом же деле она, особа достаточно флегматичная, просто сказала, что это будет очень мило, и немедля позабыла мои прогнозы. Ей следовало серьезнее отнестись к моим словам, ибо я уже с двухлетнего возраста набивал свои карманы и спичечные коробки различной мелкой фауной, так что путь от спичечного коробка до зоопарка был не так уж невероятен. И мне приятно отметить, что до кончины матушки я выполнил свое обещание: она поселилась на территории моего зоопарка, правда, не в коттедже, а в поместье.

Вид из окон моих покоев на первом этаже Поместья Огр сулит всякие неожиданности; поведение хозяина и впрямь может дать богатую пищу для размышлений любому психиатру. Так, выглянув из окна гостиной, вы в самый разгар обслуживания гостей, коим пришлось по вкусу розовый джин, вдруг замираете при виде того, как лошади Пржевальского затеяли скачки в своем загоне, и ждете затаив дыхание, кто из этих рыже-желтых крепышей победит. Тем временем жажда гостя, озадаченного вашим странным поведением, остается неутоленной.

В столовой бывают происшествия посерьезнее. Нарезая мясо, вы внезапно останавливаетесь, потому что взгляд ваш, нечаянно направленный в окно, приковали брачные танцы венценосных журавлей. Длинные ноги их сгибаются под самыми немыслимыми углами, оперение смахивает на расстрепанные пачки неловких балерин, и сопровождаются их пируэты резкими трубными криками и искусным жонглированием прутиками — знаками любви.

Скромность не позволяет мне описывать, какое зрелище открывается из окна ванной комнаты, когда у сервалов начинается течка и любовь и

вожделение этих кошек находят выражение в душераздирающих воплях. Однако еще более сильное потрясение ожидает вас, если вы на кухне, оторвав взгляд от плиты, станете озиаться по сторонам. Вашим глазам может предстать большая клетка, полная черных как смоль хохлатых павианов с похожими на сердечки игральных карт красными задами, предающихся оргиям, кои даже самые беззастенчивые римляне считали бы излишне вызывающими и непристойными. Пристальное созерцание подобных сцен чревато бедствиями, например, непоправимой порчей блюд для восьми персон, приглашенных на ленч. Со мной был такой случай, и я убедился, что даже старые друзья не слишком рады появлению на столе крупных яиц вместо предвкушаемых пяти лакомых блюд.

Но и это не предел. Однажды утром я беседовал с кружком прилежно налегавших на мой херес весьма престарелых борцов за охрану природы. Только я приготовился (пока они были еще в состоянии что-то соображать) предложить им пройтись и обозреть животных, как с ужасом увидел из окна бредущего через двор среди весенних цветов Джайлза — нашего самого крупного, волосатого и необузданного орангутана. Он смахивал на огромный оживший косматый оранжево-желтый ковер и передвигался развалистой походкой, отличающей моряков, которые не один год проводили в дальних плаваниях и столько же лет накачивались ромом. Целый час я был обречен сидеть взаперти, подливая херес хмелеющим с каждой рюмкой старцам, пока не услышал радостную весть, что Джайлз схвачен и водворен в свою обитель, и смог наконец избавиться от не в меру веселой компании. С ужасом думал я о том, что могло бы случиться, выведи я одурманенных алкоголем гостей на волю в тот самый миг, когда на двор ступил вразвалку Джайлз.

«Но для чего ты обзавелся зоопарком? — жалобно спрашивали родные и друзья. — Почему не кондитерской фабрикой, или овощеводческим хозяйством, или свинофермой — вообще чем-нибудь респектабельным и безопасным?»

Во-первых, следовал мой ответ, я никогда не желал быть респектабельным и не мечтал о безопасном существовании; ничего скучнее не мог себе представить. Во-вторых, мне в голову не приходило, что желание обзавестись собственным зоопарком покажется родным и близким настолько эксцентричным, что склонит их полагать, что на меня в самую пору надеть, притом навсегда, смирительную рубашку. Мне моя мечта казалась вполне естественной. Меня чрезвычайно интересовали все живущие вместе со мной на этой планете твари, и хотелось общаться с ними возможно ближе, наблюдая их поведение, узнавая их и чему-то учась у них. Собственный зоопарк представлялся мне самым пригодным для этого средством.

Д

Разумеется, во власти эйфории я совершенно не представлял себе, сколько денег и тяжелого труда потребует воплощение в жизнь такой мечты, не размышлял также о том, как, по сути, важны зоопарки и какими им следует быть. Вполне эгоистично я мыслил себе свой зоопарк всего лишь как большую коллекцию экзотических животных, собранных в одном месте для моего личного просвещения. Однако, по мере того как я вырослел и приближался к осуществлению своей цели, работая в различных зоопарках и отлавливая для них зверей в разных концах света, мои представления стали заметно меняться.

У меня начал созревать совершенно новый взгляд на функции зоологического сада. Его первейшая задача, заключил я, — служить составной частью природоохранной деятельности, создавая условия для размножения угрожаемых видов, численность которых сокращалась настолько, что им становилось не под силу противостоять опасностям жизни в своих ареалах. Это вовсе не подразумевало простое заточение спасаемых животных в неволе, чем ограничивают свои усилия некоторые активисты охраны природы. В моем представлении наряду с созданием коллекций угрожаемых видов, чтобы они не вымерли совершенно, следовало всячески стараться сохранить естественную среду обитания и дикие популяции, чтобы возвращать выращенные в неволе особи, когда минует опасность для природного ареала. В этом я видел главную цель существования зоопарка.

Далее: зоопарку надлежало помогать созданию питомников на родине видов, нуждающихся в спасении, и обучать людей из этих стран — как размножать и возвращать животных в природную среду.

В-третьих, в задачи зоопарка должно было входить содействие изучению особенностей животных как в неволе, так и в диком состоянии, чтобы лучше знать, как помочь им не исчезнуть с лица земли.

И наконец, зоопарк должен способствовать обучению людей, посвящающих себя природоохранной деятельности, как в стране, где они находятся, так и в странах, откуда получены угрожаемые виды, — вообще повсюду, где такая просветительская деятельность остро необходима.

С великим огорчением я обнаружил, что очень многие зоопарки никуда не годятся. Не годятся потому, что не преследуют серьезных целей, ограничиваясь ролью аттракционов. Единственной их заботой было добывать «эффектные» виды животных, чтобы увеличить доход от продажи билетов. Чаще всего зверей плохо кормили и содержали, и если у них появлялось потомство, то скорее по чистой случайности, а не благодаря сознательной заботе. Мало кто занимался научным изучением великого множества видов, о которых практически ничего не было известно, а попытки просвещать посетителей зоопарков в лучшем случае можно было назвать доволь-

но жалкими. Я уже писал однажды, как Флоренс Найтингейл, потрясенная ужасным состоянием современных ей больниц, отнюдь не стала предлагать, чтобы их все немедленно закрыли. Понимая, какую важную роль они играли, она настаивала на *совершенствовании* лечебных учреждений. Я ни в коем случае не ставлю себя в ряд с этой замечательной женщиной, однако зоопарки находились (и по-прежнему находятся) в таком же состоянии. Причем дурную славу они, по моему глубокому убеждению, приобрели по собственной вине. Я не сомневался, что при правильном ведении дела зоопарки могут стать важными, даже превосходными научно-исследовательскими и просветительскими учреждениями и, что главное в наше время, — стать центрами спасения угрожаемых видов путем их размножения в неволе.

Короче, я мечтал о зоопарке, отвечающем названным принципам, кои почитал обязательными для всех зоопарков вообще. Это не значит, что я был уверен в успехе, так ведь и братья Райт не были уверены, что полетят, пока не поднялись в воздух. А потому мы попытались и теперь — после долгих лет упорного труда и многих ошибок — доказали, что перечисленные выше цели достижимы. Отсюда и название этой книги: «Юбилей Ковчега», ибо недавно мы отметили свой двадцать пятый день рождения. Перед вами повесть о некоторых этапах, пройденных нами на пути нашего роста.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ЯВЛЕНИЕ ПОМЕСТЬЯ

В возрасте двадцати одного года я получил наследство — три тысячи фунтов. Целое состояние, однако недостаточное для того, чтобы учреждать зоопарк. И я решил заняться поставкой животных для зоопарков. Делал я это недолго, ибо обнаружил, что большинство поставщиков предпочитали втискивать два десятка особей в клетку, рассчитанную на одного животного, взвинчивая цену на тех бедняг, коим удавалось выжить. Мне такой вид работорговли был противен, посему я пользовался просторными клетками и заботился о животных. И довольно скоро разорился. Однако я успел приобрести бесценный опыт, научился ухаживать за животными в тропиках, узнал их прихоти, чем они болеют. Усвоил, что существующие зоопарки далеки от моих представлений о назначении таких учреждений.

Д

Оставшись без денег, я начал, по настоянию моего старшего брата, писать. Мне повезло. Первая же книга попала, как говорится, в яблочко, и последующие не уступали ей в популярности. Пользуясь тем, что фортуна повернулась ко мне лицом, я снова стал подумывать о своем зоопарке. Взяв у своего добросердечного многострадального издателя в долг двадцать пять тысяч фунтов (под еще не написанные шедевры), решил попробовать организовать зоопарк на юге Англии. И убедился, что сменяющие друг друга лейбористские правительства окутали страну такой смердящей кафкианской атмосферой бюрократии, что рядовой обыватель не мог и пальцем шевельнуть из-за крепких пут канцелярщины. Получить от местных властей соизволение на самые элементарные дела было невозможно, не говоря уже о столь необычном, как зоопарк. Тогда я, по совету издателя, отправился на Джерси — дивный маленький самоуправляющийся остров, — где уже через несколько часов после приземления в местном аэропорту нашел Поместье Огр, а до истечения двух суток оформил все нужные разрешения.

Должен, однако, сказать, что к осуществлению своей затеи я приступил отнюдь не очертя голову, не посоветовавшись со знающими людьми. Сперва я обратился ко всем известным мне авторитетам в области зоологии, одобрительно относящимся к размножению животных в неволе. Начал с Джеймса Фишера, великого орнитолога и специалиста по зоопаркам. Он подбодрил меня, заявив, что я спятил.

— Ты сошел с ума, дружище, — сказал он, уставившись на меня из-под шапки седых волос, придающих ему сходство с весьма озабоченной старой английской овчаркой. — Да-да, сошел с ума. Нормандские острова? Ни в коем случае!

С этими словами он подлил себе еще джина из моей бутылки.

— Но почему, Джеймс? — спросил я.

— Слишком далеко, конец света, — объяснил он, подкрепляя свои слова негативным жестом. — Кому, по-твоему, взбретет на ум отправиться на какой-то чертов остров где-то в проливе, чтобы полюбоваться твоей затеей? Безумная идея. В такую даль я не поехал бы даже ради твоего джина. Из чего тебе должно быть ясно, как я отношусь к этому плану. Тебя ждет полное разорение. С таким же успехом ты мог бы открыть дело на острове Пасхи.

Откровенное суждение, но не слишком вдохновляющее...

Я посетил в Клере Жана Делакура с его знаменитым собранием птиц. Замечательный орнитолог и птицевод, Жан путешествовал по всему свету, коллекционируя птиц и описывая новые виды, его перу принадлежат солидные труды о птицах самых глухих уголков земли. Во время двух миро-

ных войн его огромные, ценнейшие орнитологические коллекции уничтожались немцами. Большинство людей сдались бы, он же после Второй мировой войны в третий раз начал восстанавливать свою коллекцию.

Мы прогуливались по чудесному заповеднику, любуясь птицами и млекопитающими, и Жан не скупился на добрые советы, которым не было цены, учитывая его огромный опыт. По бархатистому газону мы спустились на берег озера, где на столике для нас был приготовлен чай. Отдыхая, слушали веселые голоса гиббонов на островке посреди озера, смотрели, как по зеленой лужайке важно шествуют розовые, точно бутоны цикламена, фламинго, сопровождаемые фазанами, нарядными банкивскими курицами и павлинами, небрежно волочившими по траве хвосты, словно усеянные драгоценными камнями. Собравшись с духом, я решил поделиться с величайшим орнитологом Франции своими взглядами на охрану фауны.

— Скажи мне, Жан, ты ведь уже более шестидесяти лет занимаешься этими вопросами...

— Верно, — отозвался похожий на Уинстона Черчилля тучный мужчина с акцентом, коему позавидовал бы Морис Шевалье.

— Так вот, — продолжал я, — как по-твоему, есть еще надежды на то, что нам удастся сохранить животный мир?

Он поразмыслил, опираясь подбородком на руки, сжимающие набалдашник его трости.

— Есть, — произнес он наконец, — есть надежды.

Меня обрадовало оптимистичное суждение столь крупного авторитета.

— Если мы станем людоедами, — добавил Жан Делакур.

Дальше я отправился за консультацией к сэру Питеру Скотту, который, как всегда, выслушал меня с большим интересом. Питер, пожалуй единственный среди ведущих деятелей в области охраны фауны, верит в идею размножения животных в неволе, потому-то, в частности, он основал свой всемирно известный Трест по охране водоплавающих птиц. Питер щедро поделился со мной своим опытом, останавливаясь на затруднениях, с коими сталкивался. Разговаривая, он в то же время заканчивал писать большую картину — заход солнца над болотом с летящими к берегу гусями. Глядя, как под его небрежными мазками словно чудом рождается изображение, я вспомнил историю, рассказанную одной моей знакомой, тоже художницей, обожающей писать лошадей — рысаков и тяжсловозов. Она посетила Питера, чтобы получить от него советы по поводу ее первой выставки. Он любезно принял ее в своей мастерской, облаченный в разноцветный шелковый халат, и так же был занят писанием картины — закат, болото, летящие утки... В разгар беседы, когда она жадно слушала его мудрые наставления, зазвонил телефон.

Д

— Черт! — воскликнул Питер, хмуро глядя на полотно.

Однако тут же лицо его прояснилось и он повернулся к госте:

— Послушайте — вы ведь художница, будьте добры, закрасьте желтым цветом клювы уток, пока я буду говорить по телефону.

К счастью, от меня Питер не потребовал художнических подвигов в обмен на консультацию.

Без одобрения со стороны старейшины биологического цеха сэра Джулиана Хаксли, казалось мне, моей идее будет недоставать, так сказать, знака качества. До сих пор он никогда не отказывал мне в помощи, но я опасался, что новый грандиозный план может встретить у него отпор. И напрасно опасался, потому что он сразу загорелся, как загорался любой новой идеей, даже самой вроде бы незначительной. Успокоившись, я сел пить с ним чай, и мы всласть поболтали обо всем на свете — от чилийской араукарии до найденной в одной патагонской пещере шкуры мегатерия, от состава пищи нарвалов до странной адаптации зубов пойманной мной в Гвиане ящерицы, позволяющей ей с великой легкостью разгрызать и поедать огромных улиток. Сэр Джулиан получил от меня серию фотографий, иллюстрирующих этот процесс, и они весьма его заинтересовали.

— Кстати, о фотографии, Даррелл, — сказал он под конец нашего застолья. — Вы видели фильм, который молодой Эттенборо привез из Африки, об этой львице... как ее, Эльсе? Которую вырастила эта мадам Адамсон.

— Не видел, сэр, — ответил я. — К сожалению, пропустил.

Он поглядел на часы.

— Сегодня вечером будет повторный показ, посмотрим?

Величайший из здравствующих английских биологов и я разместились на стульях перед телевизором, и Хаксли включил его. Мы молча смотрели, как Джой Адамсон гоняется за Эльсой, как Эльса гоняется за Джой Адамсон, как Джой Адамсон возлежит на Эльсе, как Эльса возлежит на Джой Адамсон, как они вместе лежат на кровати и так далее. Наконец фильм кончился, Хаксли наклонился и выключил телевизор. Я молча ждал, что он скажет.

Поразмыслив, сэр Джулиан вдруг спросил:

— Знаете что, Даррелл?

Я почтительно приготовился услышать глубокое и проницательное суждение великого английского биолога о поведении животных.

— Что, сэр? — осведомился я с волнением.

— Это единственный известный мне случай лесбиянства между человеком и львицей, — совершенно серьезно произнес он.

Чувствуя, что дальнейшая наша беседа уже не достигнет таких высот, я удалился.

Рождение Джерсийского зоопарка состоялось 14 марта 1959 года. Первыми его обитателями были звери, которых я привез из Западной Африки и какое-то время держал во дворе дома моей сестры в Борнмуте (одной из самых замечательных приморских здравниц), пока они не стали, так сказать, в ряды основателей зоологического сада. Как только звери отбыли по морю на остров Джерси, соседи моей сестры облегченно вздохнули.

Разумеется, до той поры в Поместье Огр не один месяц кипела работа. Плотники и каменщики лихорадочно трудились, цементируя площадки и мастера этикие «клетки на курьих ножках» из самого разнообразного материала — горбыля, шарнирных цепей и проволоочной сетки. Тарные ящики чудесно преобразались, каждый отрезок железных труб с местной свалки, вообще всякий железный лом находил у нас применение. Предметы, выброшенные за ненадобностью островитянами, отлично подходили для сооружения клеток и вольеров; повсеместно вырастали уродливые, но пригодные для эксплуатации конструкции.

Обстановка, на фоне которой развивалась наша деятельность, была идиллическая. Дивное главное здание — самая древняя укрепленная усадьба на Джерси — важно расположилось за сводчатыми гранитными воротами на краю долинки с извилистой речушкой, вливающейся в окруженное деревьями озерко. К территории поместья со всех сторон прилегали небольшие поля, окаймленные живой изгородью из кустарника, старых дубов и каштанов. Согласно преданию, деревья эти были совсем юными, когда претендовавший на престол красавец принц Чарли (он же принц Карл Стюарт) участвовал в чаепитии на лужайке перед поместьем. Нетрудно было представить себе, как при любовном уходе и с помощью новых посадок здесь можно создать парк, образующий зеленое ожерелье с усадьбой в роли драгоценного камня посередине.

Довольно скоро я столкнулся с первым серьезным затруднением. Одно дело — занять двадцать пять тысяч фунтов, совсем другое — возвращать долг. Следовало возможно скорее отправляться в новую экспедицию за материалом для новой книги. С великой неохотой я взял на должность управляющего одного своего давнего друга, который, как мне казалось, способен справиться с этой обязанностью. Я ошибся. Вернувшись из экспедиции, я обнаружил, что мои письменные инструкции не были выполнены, а деньги растрачены по мелочам. Наш корабль (будущий Ковчег, если хотите) был чрезвычайно хрупок, и теперь ему грозили страшные рифы и мели банкротства. Казалось, мои планы учредить заведение, призванное спасти от вымирания животных, сами почивают, не успев толком воплотиться в жизнь. Я уволил управляющего и взялся за дело сам.

Д

Последовало два-три года, когда я совсем не знал покоя. Просыпаясь по утрам, каждый раз спрашивал себя: не настал ли тот день, когда мой кредит будет исчерпан и мечте придет конец? Мои сотрудники были изумительны. Они получали гроши, но не бросали меня, понимая всю серьезность ситуации. Вдохновленный этим, я набирался смелости (не без помощи транквилизаторов), чтобы уговаривать банкиров соглашаться на превышение кредитов, а зеленщиков — еще и еще подождать с оплатой поставляемых ими овощей и фруктов. И постепенно, очень медленно, наш корабль перестал тонуть, обретая надлежащую плавучесть.

В эти первые годы на нашу долю выпадало много необычных приключений, и даже моя матушка не была избавлена от происшествий, подстерегающих человека, неосмотрительно согласившегося жить на территории зоопарка. Наши юные шимпанзе Чемли и Лулу обнаружили после тщательных исследований, что проволочную сетку клеток можно, найдя свободный конец, распустить почти так же легко и быстро, как распускают вязанные шерстяные изделия. Что и проделали однажды, когда никого не было поблизости. Моя родительница, расположившаяся в это время с чашкой чая перед телевизором, услышала настойчивый стук в дверь, спустилась на первый этаж, открыла и с удивлением узрела на крыльце Чемли и Лулу. По всему было видно, как их обрадовало, что они застали ее дома; гости не сомневались, что и она так же рада им. Матушка не отличалась высоким ростом — всего около ста сорока сантиметров, а оба гостя были ей по пояс. Ничуть не обескураженная таким зрелищем (и вообще не склонная терять голову в критических ситуациях), она пригласила шимпанзе в гостиную, усадила их на диван и поставила на столик перед ними большую коробку шоколадных конфет и банку печенья. Пока гости уписывали эту манну небесную, мама позвонила по телефону в контору и сообщила, где находятся беглецы. Ей явно не приходило в голову, что от обезьян всего можно ожидать, и мама даже удивилась, когда я пожурил ее за то, что она впустила их в дом.

— Но, дорогой мой, — обиделась она, — они пожаловали как раз к чаю... И вели себя, кстати, куда лучше, чем кое-кто из *людей*, которые приходят к тебе в гости.

На заре существования моего зоопарка у нас был там огромный и очень красивый сетчатый питон по имени Пифагор. Три с половиной метра в длину, толщиной с телеграфный столб — словом, тот еще верзила. Обитал он в тогдашнем Доме рептилий, в наскоро сколоченной клетке, которая скоро стала мала для него. Спешу добавить, что не я был автором этой конструкции, а тот самый управляющий, кого я назначил на время своего отсутствия. Лицевую сторону клетки составляли два широких толстых стек-

ла; они надвигались одно на другое, что весьма затрудняло уборку, если предварительно не освободить клетку от столь опасного обитателя. Для этой работы требовалось не менее трех человек — пока двое заталкивали весьма недовольного таким обращением питона в огромный матерчатый короб, третий приступал к уборке. Вообще-то Пифагор отличался вполне спокойным нравом, однако не любил, когда его тормозили, а потому я строго-настрого запретил сотрудникам вторгаться в его обитель в одиночку. Тем не менее однажды вечером Джон Хартли, напоминающий жирафа симпатичный юноша, который год назад, сразу после школы, поступил к нам на работу и проявил такой энтузиазм, что вскоре ему было поручено заведовать рептилиями, зашел чересчур далеко в своем рвении. Проходя в сумерках, после закрытия зоопарка, мимо Дома рептилий, я услышал приглушенные крики о помощи. Вошел и увидел, что Джон совершил непростительную ошибку — решил один произвести уборку в клетке Пифагора. Могучий питон заключил его в свои объятия, и Джон очутился словно в смиренной рубашке. К счастью, ему удалось схватить Пифагора за голову, и тот шипел, будто огромный кипящий чайник.

Сейчас было не время предаваться нравоучениям. Схватив питона за хвост, я принялся его разматывать. Проблема заключалась в том, что каждый виток, который я снимал с Джона, тут же обматывался вокруг меня. Вскоре мы уподобились сиаемским близнецам и уже вместе звали на помощь. Рабочий день кончился, и я не без страха думал, что все сотрудники зоопарка уже разошлись по домам. Мне уже рисовалось, что мы стоим вот так до самого утра. К счастью, наши вопли услышал кто-то из отдела млекопитающих, и при его содействии Пифагор был возвращен в свою обитель. Можете представить себе, как сухо я разговаривал с Джоном последующие несколько дней. Однако объятия питона явно сближают людей, ибо теперь Джон — мой первый заместитель.

Обычно мы не воспринимали — и не воспринимаем — такие эпизоды как нечто из ряда вон выходящее, поскольку они стали неотъемлемой частью нашей жизни и нашей работы. Лишь в тех случаях, когда мы показываем свою коллекцию друзьям или знакомым, нас порой посещает мысль, что наш образ жизни должен казаться крайне эксцентричным простому обывателю. Что нисколько не мешает им восхищаться увиденным. Сегодня они могут любоваться великолепным собранием рептилий — змей, чьи движения изяществом превосходят самые пластичные па танцовщиц острова Бали, неуклюжих черепах, похожих на огромные ожившие грецкие орехи. Мы показываем наших чудных, рыкающих по-медвежьи, шоколадного цвета горилл; их вожак Джамбо напрашивается на сравнение с обросшим мехом японским борцом, только он куда красивее и ласков, словно коте-

Далее следуют наши косматые орангутаны с их восточным разрезом глаз, сложением Будды и сотнями оранжевых, желтых и рыжих косичек. Гости восхищаются красочной коллекцией птиц — стройных и элегантных, как молодое деревцо, журавлей, фазанов с многоцветным муаровым плюмажем, медленно шествующих по зеленой лужайке фламинго, подобных влекомым ветром лепесткам розы. Они влюбляются в наших мarmозеток и тамаринов — самых крохотных из обезьян, одетых в коричневый, оранжевый или черный мех, а иные — в золотистых мантиях; эти хрупкие малютки так и снуют с ветки на ветку, нежные, словно птицы, и чирикающие по-птичьи. В зарослях у озера лемуры, будто в домино, порываются хором, так что земля вибрирует у нас под ногами. На очереди — бабирусса, самый изумительный уродливый зверь в мире, с огромными изогнутыми клыками и почти голым телом с таким обилием складок и морщин, что оно напоминает рельефную карту Луны. За бабируссой — гепарды, сидящие прямо в рамке из высокой травы, с черными следами слез на морде; так объясняет эти полосы легенда, согласно которой гепард после его сотворения стал относиться к другим животным так злобно и надменно, что получил от всевышнего выговор и плакал черными слезами, которые оставили на его морде след, напоминающий о божьем гневе.

Все это видят наши друзья — зверей, про которых знали раньше, и таких, о существовании которых и не подозревали, — и они спрашивают, как и для чего нами собрана эта коллекция. Мы отвечаем, что она насчитывает более тысячи особей и девяносто процентов наших питомцев относятся к угрожаемым видам, привезены из самых разных уголков земли. Вымирание грозит им главным образом из-за деятельности человека, по их положению можно судить о том, как мы обращаемся с нашей планетой. Нами руководит стремление предоставить убежище этим тварям, ради этого я и учредил собственный зоопарк.

В самые трудные первые годы я настойчиво проводил в жизнь свой план — сделать зоопарк научным учреждением, преследующим благие цели. Однако, прежде чем станет возможным учредить задуманный мной Трест, чьим штабом будет зоопарк, необходимо было рассчитаться с долгами. Хотя доходы от посетителей постоянно росли, на горизонте упорно чернело облако тех проклятых двадцати пяти тысяч фунтов. Было совершенно очевидно, что никак нельзя учреждать Трест, вешая на него такой долг. Чтобы не тормозить процесс, следовало действовать решительно; мои книги продолжали пользоваться успехом, посему я взял на себя обязательство по возвращению займа, таким образом Джерсийский трест охраны диких животных мог начинать свое существование, не обремененный долгами.

И вот наступил тот великий день в 1963 году, когда мы собрались в темных покоех Королевского суда в Сент-Хелиере, чтобы услышать, как нас регистрируют в качестве юридического лица. В полумраке сновали, будто черные вороны, законники в длинных мантиях и в париках, напоминающих белые шляпки грибов в сумеречном лесу. Они переговаривались шепотом на своем странном профессиональном языке, таком же непонятном, как английская речь времен Чосера, а на бумаге не менее загадочным, чем свитки Мертвого моря, и временами почти таком же архаичным. Наконец мы вышли, щурясь от весеннего солнца, на волю и поспешили в ближайшую гостиницу — отметить тот факт, что Джерсийский трест охраны диких животных из мечты стал явью.

Нам предстояло еще изрядно поработать, чтобы Трест преуспевал. Требовалось наладить и расширить членство, без чего не может жить ни одна организация; дело непростое и трудоемкое. К счастью, нашу задачу облегчало то, что я тщательно хранил все письма с похвалой в мой адрес. Теперь мы обратились к их доброжелательным авторам, и я рад сообщить, что очень многие согласились стать членами — учредителями Треста. (Вообще же с той поры по день написания этих строк число членов Треста, живущих в разных концах земли, достигло двадцати тысяч.)

Одна из первых наших задач после учреждения Треста была довольно печального свойства. Коллекция насчитывала изрядное число видов животных, которым не грозило вымирание, которых я приобретал, работая для других зоопарков, или навязанных нам. Они занимали драгоценную площадь, на их содержание уходили деньги, между тем и для первого, и для второго можно было найти лучшее применение. Требовалось «очистить» нашу коллекцию от широко распространенных видов и где-то их пристроить. Избавляться от животных, коих ты сам выкармливал или с коими за много лет успел сдружиться, — неблагоприятная задача, но у нас не оставалось выбора, если мы хотели, чтобы Трест мог делать то, ради чего был создан. Дополнительную трудность создавало очень уж малое количество зоопарков, куда я согласился бы передать моих зверей. На всех Британских островах таковых можно было сосчитать по пальцам одной руки.

В этот день с утра мы с Джереми Молинсоном совершали обход нашей территории, настроившись быть беспощадными при отборе животных, от коих надлежало избавиться. Джереми занимает должность директора зоопарка, он был временно зачислен в штат вскоре после открытия зверинца, и эта временная работа длится уже тридцать лет. Природа наградила его орлиным носом, желтой шевелюрой и васильковыми глазами, а к нашим питомцам он относился так, будто лично произвел на свет каждого из них.

Д

Привычка называть своих знакомых обоего пола «хорошими экземплярами» свидетельствовала, что для него стирается грань между работой и повседневной жизнью.

Первая остановка — у загона тапиров. Эти южноамериканские животные размерами напоминают шетландских пони, а видом — этакий гибрид древней лошади и мини-слона с укороченным хоботом. За их странные подвижные носы наша пара получила клички Клавдий и Клодетта; детеныша мы назвали Нероном. Завидев нас, вся троица затрусил к ограде, издавая приветственный писк — совсем неожиданный звук для таких бочонков шоколадного цвета. Почесывая ухо Клавдия, я вспомнил, как впервые увидел его кротко и уныло восседающим в окне одного зоомагазина в Буэнос-Айресе. Скудные познания в испанском языке вынудили меня обратиться за помощью к одной из самых красивых женщин, каких я когда-либо знал, — к Бебите Феррейра. С важным видом она всплыла в пропыленную лавку и, пустив в ход все свое обаяние в сочетании с практичностью, какой позавидовала бы работорговка, в несколько секунд покорила сердце хозяина, так что Клавдий достался нам за полцены.

После чего Бебита надела свои длинные белые перчатки, которые сняла, чтобы не мешали торговаться, и величественно удалилась; я смиренно следовал за ней, ведя Клавдия на поводке. Она жестом остановила такси, но когда водитель обнаружил, что Бебита собирается везти с собой Клавдия, на лице его появилось выражение ужаса.

— Сеньора, бичо не положено возить в такси, — сказал он.

Бичо — весьма удобное южноамериканское слово, подразумевающее любых диких животных.

Бебита наградила водителя взглядом, каким, должно быть, королева Виктория удостаивала своих подданных, когда бывала не в духе.

— Это не бичо, — холодно молвила она, — это тапир.

— Нет, это бичо, — упорствовал таксист, — дикий свирепый бичо.

— Он не дикий, не свирепый и не бичо, — возразила Бебита. — Но если ты отказываешься заработать тридцать песо, я не сомневаюсь, что найдутся другие таксисты.

— Но... полиция... — ответил водитель, в душе которого корыстолюбие сразилось с инстинктом самосохранения.

— Полицию я беру на себя, — отрезала Бебита, и вопрос был решен.

У нас Клавдий уже дважды становился отцом, и более красивого тапира мне не доводилось видеть. Пока я чесал его ухо, он вдруг с громким вздохом упал на спину, точно подстреленный, давая понять, чтобы я почесал также его животик. Я послушался, а вечно голодный Нерон принялся жевать ухо своего родителя, отчего тот вскочил на ноги, негодуяще фыр-

кая. Джереми сообщил мне, что никак не может найти подходящий зоопарк, куда можно было бы передать Клавдия с его семейством, и я изобразил на лице огорчение, хотя в душе был только рад этому известию.

Затем мы подошли к загону пекари, где Хуанита успела уже произвести на свет целый выводок этих южноамериканских свиней. Я приобрел Хуаниту еще поросенком в провинции Жужуй на севере Аргентины, и пока моя коллекция животных добиралась поездом до Буэнос-Айреса, она заболела воспалением легких. В городе для моих зверей нашлось убежище на территории Музея естественной истории; сам же я поселился у одного моего друга. Разумеется, Хуанита въехала к нему вместе со мной, чтобы я мог за ней ухаживать. Она была очень плоха, и я был уверен, что Хуанита не выживет. Между музеем и квартирой моего друга располагался квартал публичных домов, и там на улице Венти-Чинко-де-Марцо находился музыкальный бар Олли, куда мы наведывались в перерывах между работой в наших зверинцах, чтобы подкрепиться кувшином-другим вина. Девушки Олли вскоре провели с наших с Давидом занятия и о бедственном состоянии Хуаниты. Каждый вечер они с предельной чуткостью справлялись о ее здоровье и наперебой предлагали маленькие подарки для Хуаниты (приобретенные, как я полагаю, на доходы, кои люди называли бы «нечестивыми») — шоколадные конфеты, инжир, авокадо, вареную кукурузу. И как же они ликовали, когда я сообщил, что Хуанита решительно идет на поправку. Одна из девушек прослезилась, так что пришлось ободрить ее стаканчиком бренди, а сам Олли угостил напитками всех собравшихся за счет заведения. Что бы ни говорили о падших женщинах, попади я в больницу, был бы не прочь стать предметом искренней любви и заботы дев из бара Олли. Теперь же я с радостью услышал от Джереми, что он затрудняется найти новое прибежище для наших пекари.

От Хуаниты с ее потомством мы проследовали к обители пальмовой циветы по имени Потсил. Этот зверек похож на кошку; шерсть рыжевато-коричневая с темными пятнышками, длинный хвост украшен кольчатым рисунком. Янтарного цвета выпуклые глаза с щелевидным зрачком придают цивете отдаленное сходство с рептилией. Я приобрел Потсила в Западной Африке, когда он только родился и еще был слепой. Как только у него открылись глаза и прорезались молочные зубы, мне стало ясно, что я выкармливаю монстра. Для Потсила смысл жизни заключался в обжорстве, он жадно набрасывался на все, на чем останавливался его взгляд, опирающаяся с лихвой на определение «всеядный», коим в справочниках сопровождается название этого зверька. Издавая ликующие звуки, Потсил уписывал все, что прочие наши питомцы отвергали как совершенно несъедобное. Похоже, больше всего на свете он мечтал о том, чтобы скушать человека,

Д

не сомневаясь, что ему это вполне по силам. Чистить клетку Потсила было делом весьма рискованным — каким бы сонным он ни казался с виду, под влиянием желудочных соков мог двигаться с быстротой молнии. Одним из моих самых интересных шрамов я обязан именно Потсилу, а потому готов был расстаться с ним без всякого сожаления.

А дело было так. Однажды утром, проходя мимо его обители, я застал за уборкой одного нашего сотрудника. Наивный новичок, он посчитал Потсила этакой безобидной кошечкой, а потому взял его за шиворот одной рукой и прижал к своей груди, чтобы другой рукой приступить к уборке. Иногда наивность подобного рода окупается, потому что застигнутый врасплох зверек не сразу приходит в себя. Сдуру я решил помочь новичку.

— Дай-ка я его подержу, — сказал я, — он знает меня.

Наклонившись вперед, я схватил Потсила за шиворот и приготовился взять его другой рукой за хвост. Обычно этот способ позволял избегать соприкосновения с зубами и когтями Потсила. Не успел я, однако, довести задуманный маневр до конца, как за спиной у меня чей-то голос радостно произнес:

— Вы, очевидно, мистер Даррелл!

Я повернулся на голос, и Потсил не замедлил воспользоваться этим. Повиснув в воздухе, точно висельник в петле, он изогнулся и вонзил в мое запястье острейшие втяжные когти, за которыми последовали и зубы, коим мог бы позавидовать детеныш саблезубого тигра. Полагаю, многим из нас доводилось поражаться тому, сколько крови содержится в наших сосудах, ведь обычно мы стараемся не слишком ее расплескивать. Когда клыки Потсила вонзились в мое тело, как горячее лезвие вонзается в масло, мне показалось, что я каждую секунду теряю не менее полутора литров животворной жидкости. Каким-то образом мне удалось подавить крик боли, заставив себя произнести:

— Доброе утро.

Передо мной стояли две маленькие старушки — ни дать ни взять два гномика с улыбкой на морщинистых лицах и шляпками от гриба на головах.

— Извините, ради бога, что мы помешали вам играть с вашими зверушками, — сказал первый гномик, — но нам казалось, что мы просто *обязаны* рассказать вам, как нам понравился ваш зоопарк.

— Спасибо, — прохрипел я.

— И все животные такие упитанные, так хорошо выглядят, — продолжала старушка.

— Мы стараемся давать им только отборный корм, — сообщил я, между тем как Потсил, ворча от удовольствия, продолжал уплетать мою руку.

Ни одна героиня фильмов про Дракулу не могла бы похвастаться таким кровоточением, как я в эту минуту, но мне удавалось держать своего мучителя так, что гномики ничего не видели.

— Вы каждый день играете со всеми вашими животными? — осведомились старушки с живейшим интересом.

— Нет, вовсе не со всеми, — ответил я.

— Только с любимчиками вроде этого? — спросил гномик постарше.

— Да, — выдавил я из себя, пытаюсь вспомнить, сколько крови может лишиться человек, прежде чем потеряет сознание.

— Как мило... должно быть, им это очень нравится. И они, конечно, любят вас, — заметил младший гномик.

— О да, — поспешил я согласиться, чувствуя, как клыки Потсила добрались до моих суставов, — они... э... они очень привязаны к нам.

— Ладно, не будем больше отвлекать, у вас столько всяких дел, — заключил старший гномик. — Мы получили огромное удовольствие. Большое, большое спасибо.

С этими словами они, слава богу, удалились, и я услышал, как одна из них говорит, обращаясь к подруге:

— Правда, Эдит, сразу видно человека, который искренне любит животных?

Знай они, что я в тот момент думал о Потсиле, наверно, поспешили бы обратиться в Королевское общество борьбы против жестокого обращения с животными.

Но вернемся к нашему с Джереми обходу.

— Мы вполне могли бы обойтись без Потсила, — заметил я. — Но, по правде говоря, нам не следует умалчивать о его склонности к людоедству.

— От желающих заполучить его нет отбоя, — сказал Джереми.

— А ты говорил, что это хищный монстр, перед которым зараженный бешенством бенгальский тигр покажется смирным котенком?

— Нет, — смущенно порозовел Джереми, — но я говорил, что это отличный экземпляр.

— Надеюсь, при твоём умении хитрить и пользоваться эвфемизмами мы быстро избавимся от наиболее опасных особей, — заключил я.

Постепенно, ожесточая свои сердца, мы продолжали, так сказать, выработку, причем занятие это осложнялось еще и тем, что следовало считаться не только с нашими эмоциями, но и с чувствами всех сотрудников зоопарка. Не успеет главный арбитр, собравшись с духом, вынести свой приговор, как выясняется, что у удаляемого с поля есть свой клуб болельщиков, для которого его решение — подлинная катастрофа. Диктуешь секретарше важную бумагу, а она стучит по клавишам, поджав губы, по-

Д

минутно вытирая платком опухшие глаза и бросая на тебя такие взгляды, будто ты новое воплощение гуннского вождя Аттилы. Крепкие мужчины из технической obsługi, коих вроде бы никак нельзя заподозрить в сентиментальности, глядят на вас с ненавистью, глазами, влажными от непролитых слез. Словом, для всех это была пора тяжких испытаний, однако обошлось без потока заявлений об уходе.

Еще одной задачей для новорожденного Треста было составление картотеки. Мы уже записывали данные о наших питомцах, но делалось это кое-как. Требовалось нечто более солидное, поскольку обладать большой коллекцией экзотических животных без надлежащей систематической картотеки было все равно, что держать библиотеку без каталога. Карточки должны были содержать сведения о стране происхождения животного, возрасте, поле — вообще все, что обычно значится в паспортах. Но кроме того, на наших карточках записывались результаты повседневных наблюдений. И вскоре у нас накопилось великое множество данных о поведении животных вообще, об особенностях питания и размножения, о болезнях и лечении. Немалая часть этой информации была совершенно новой; таким образом у нас постепенно копился исключительно важный архив. Хотите верить, хотите нет, но в начале шестидесятых годов мы значительно опережали время на этом поприще, во всяком случае, в Соединенном Королевстве.

Как раз тогда мне довелось участвовать в конференции в Лондонском зоопарке на тему «Роль и значение зоопарка». На мой взгляд, самое интересное сообщение представила Кэролайн Джервис, ныне графиня Кранбрукская. В этом сообщении коротко и ясно излагалось, какими должны быть зоопарки и что необходимо делать, чтобы они становились лучше. Меня это особенно обрадовало потому, что многое из предлагаемого автором у нас уже не первый год проводилось в жизнь, в том числе, разумеется, создание картотеки. Карточки хранились в четырех массивных деревянных шкафах (металлические были для нас недостижимой роскошью), подаренных очень кстати одним из членов Треста; помещалось это сокровище в кабинете Джереми.

Однажды ночью меня разбудил звук бегущих ног на дворе. В три часа пополудни такой звук где угодно навеет мысль о какой-то беде, а в зоопарке возможности бед не поддаются учету. Не успев толком продрать глаза, я уже сбегал вниз по лестнице. Просторное помещение под моей квартирой — тогда там помещались кабинеты, теперь оно играет роль приемной — было заполнено дымом. Я ринулся по коридору, ведущему к

кабинету Джереми; с каждым шагом дым становился гуще, жар сильнее. Просто поразительно, на какие нелепые поступки способен человек в критической ситуации. Я думал лишь о том, что в кабинете Джереми находится выкармливаемый нами детеныш колобуса (тогда у нас не было такого медицинского центра, каким мы располагаем теперь) и наши драгоценные картотеки; то и другое надо было спасать. Я распахнул дверь кабинета, и на меня, словно тигр, обрушилась стена пламени, мгновенно лишив меня части шевелюры, бровей и бороды. Попятившись, я как-то ухитрился закрыть дверь. Было очевидно, что в таком аду не уцелеть ни крохотной обезьянке, ни картотекам. Оставалось только ждать, когда явятся пожарные; они, как водится, прибыли с проворством угря. Очень скоро их усилиями нечто вроде Великого лондонского пожара было сведено на уровень милого потешного праздничного фейерверка, и мне позволили посетить сдкко пахнущие закопченные руины кабинета, где на полу стояли лужи маслянистой воды, напоминающей запахом угольный забой.

Несчастная обезьянка, естественно, погибла, и среди жуткого хаоса возвышались наши четыре картотечных шкафа — обугленные и черные, будто пни после лесного пожара. И как же я был удивлен, обнаружив, что карточки уцелели, разве что чуть намокли и опалились по краям.

— Знамо дело, — заявил держащий в руке шланг с капающей из него водой дородный пожарный с черным от копоти лицом. — Вам повезло, что наши бумаги хранились в этих шкафах.

— Что вы хотите этим сказать?

— Понимаете, они ведь деревянные, — объяснил он. — Толстые доски не сразу поддаются огню. Будь на их месте современные шкафы, металл раскалился бы докрасна и от бумаг остался бы один пепел. Дерево их спасло, понимаете? Горело медленно.

Так допотопные шкафы спасли наши драгоценные архивы. Иной раз чернота старине себя оправдывает.

Итак, мы все прочнее становились на ноги, и наша деятельность выглядела все более организованной, однако, сдается мне, для большинства коллег в мире зоопарков мы во многом оставались загадкой. Мы не придерживались общепринятых правил. Что у нас на уме? Было бы нелепо думать, что консервативные деятели в области природоохранных мероприятий когда-либо примут всерьез идею размножения в неволе исчезающих видов. Такова была в общем и целом тогдашняя атмосфера; вместе с тем наблюдались проблески ума в мире как зоопарков, так и природоохранных организаций. Вернее, речь шла о двух изолированных друг от друга мирах, и

Д проблески были не ярче прерывистого света светлячков. Давно известно: когда людей смущает некая новая идея, их следует сперва подготовить, затем изложить идею и наконец объяснить, что вы сказали. Памятуя сие полезное наставление, мы решили организовать и принять у себя, при содействии Общества по сохранению фауны и флоры, первую «Всемирную конференцию по вопросам размножения в неволе угрожаемых видов». Конференция прошла с большим успехом, хотя теперь я бы сравнил ее с чем-то вроде сборной солянки. Впрочем, иначе и быть не могло, поскольку размножение в неволе сводилось к разрозненным попыткам, отдельные лоскутки никак не могли составить единую ткань. И все же, думается, конференция смогла придать самой идее импульс в нужном направлении. Приятно на душе от мысли, что после первой конференции на Джерси в 1977 году это мероприятие стало регулярным и свои услуги по его проведению предлагают зоопарки и организации в разных концах мира, способствуя сбору и распространению важной информации.

Как раз во время первой конференции нам дважды невероятно повезло. У нас были две гориллы-подростка, Н'Понго и Нанди, которые причиняли нам немало хлопот. Во-первых, из-за отсутствия самцов они набирали лишний вес, что могло стать препятствием для получения приплода. Во-вторых, им явно становилось тесно в их обители. И тут чудом разрешились обе проблемы. Проживающий на острове Джерси Брайен Парк, ставший впоследствии членом совета нашего Треста, а затем и занявший председательское кресло, внес на наш счет щедрый дар — десять тысяч фунтов, увидев, как я в передаче местного телевидения слезно жалуюсь (чем я постоянно занимался в те дни) на отсутствие средств для развития нашей деятельности. Свалившиеся на нас будто с небес деньги пошли на строительство новехонького жилища для девиц; это было замечательно, однако не решало растущих затруднений в их сексуальной жизни. Нас выручил директор Базельского зоопарка Эрнст Ланг, выступивший в роли, так сказать, зоологической свахи. Эрнсту первому удалось получить потомство от гориллы в неволе, причем — в отличие от практики многих других зоопарков — детеныша не пришлось выкармливать, мамаша сама вырастила его. Эрнст Ланг посещал нас на Джерси и одобрял нашу деятельность; теперь он позвонил и сказал, что решил передать нам доказавшего свои способности производителя Джамбо (первого представителя вида, выращенного в неволе матерью-гориллой), чтобы тот помог решить деликатную проблему наших девственников. Получить в подарок молодого самца гориллы, проверенного, так сказать, в деле, — событие, сравнимое с тем, как если бы вам вместе с кредитной карточкой «Америкэн Экспресс» вручили ключ к хранилищу золотого запаса США.

Итак, проблема была вроде бы решена. Оставалось продумать, как пошире разрекламировать открытие нового комплекса для горилл и прибытие Джамбо. Кого просить выполнить ритуал? В то время существовала горстка видных природоохранных деятелей, повсеместно привлекаемых к такого рода процедурам. Мне же хотелось привлечь кого-нибудь непричастного к природоохранной деятельности, хотелось показать, что судьба дикой фауны волнует не только биологов и натуралистов. Разумеется, не помешало бы громкое имя. Поразмыслив, я не без известного трепета остановился на кандидатуре замечательного актера Дэвида Нивена, которым давно восхищался. Весь вопрос заключался в том, пожелает ли такой изысканный во всем мире человек прибыть на Джерси, чтобы открыть обитель горилл. Я обратился по телефону за советом к моему литагенту, и он связал меня с сыном Нивена, работавшим в Лондоне. Согласится ли, спросил я Нивена-младшего, его отец исполнить роль шафера на свадьбе горилл?

— Понятия не имею, — весело отозвался Нивен-младший, — но вообще-то он обожает совершать неожиданные, безумные поступки. Почему бы вам не написать ему?

Я написал и вскоре получил телеграфный ответ:

«С удовольствием совершу обряд бракосочетания горилл при условии, что меня ни на минуту не оставят наедине со счастливой четой. Дэвид Нивен».

Я встретил Дэвида и его прелестную жену в аэропорту, и, хотя шел проливной дождь и дул штормовой ветер, он был в прекрасной форме. За обедом в полной мере проявились острый ум и обаяние, кои прославили Дэвида Нивена, и что самое главное — обаяние было естественным, а не наигранным. Он рассказал мне множество потешных и непечатных историй про Эррола Флинна, к которому явно относился чуть ли не с обожанием.

— Тем не менее, — заметил Дэвид с серьезным видом, — что бы ни говорили про Флинна, в одном отношении на него можно было всегда положиться. В трудную минуту он неизменно подводил вас.

На другое утро еще до открытия зоопарка я показал наших питомцев Нивенам, и они были в восторге. Мы завершили обход у дома орангутанов, и я представил гостям милейшую красавицу Бали. Она была на последних месяцах беременности и возлежала на соломе, словно Будда, созирая нас чудными карими миндалевидными глазками; на выступающий под оранжевой шерстью живот свисали набухшие от молока груди, которые, несомненно, обеспечили бы ей звание Мисс Орангутан в соответствующем состязании.

— Что скажешь, — обратился я к Дэвиду, — тебе не кажется, что перед тобой орангутанья Лоллобриджида?

Д

В эту минуту из нижней полости Бали вырвался неподобающий леди громкий звук.

— Она не только похожа на Лоллобриджиду, — согласился Дэвид, — но и *пахнет*, как она.

После отличного долгого завтрака, обильно орошаемого шампанским, Дэвид вдруг забеспокоился.

— Послушай, дружище, — сказал он, — где бы я мог переодеться?

Я посмотрел на его в высшей мере элегантное одеяние, верх портняжного искусства.

— Не понял — зачем тебе понадобилось переодеваться? — удивился я. Дэвид сурово нахмурил брови.

— Нет, ты в самом деле полагаешь, что я соглашусь участвовать в таком событии в *этом* костюме? — Он подкрепил свои слова презрительным жестом.

— А чем он тебя не устраивает?

— Недостаточно хорош. Я привез с собой костюм, который мне специально сшили к свадьбе сына, и намерен его надеть. Или, по-твоему, костюм, подходящий для свадьбы сына, не годится для свадьбы горилл?

Я не стал возражать и проводил Дэвида в свою спальню, предусмотрительно снабдив его еще одной бутылкой шампанского, чтобы облегчить ему процесс переодевания. Заглянув туда через десять минут, я увидел, что Дэвид с расстроенным видом бродит по комнате в одних трусах, потягивая шампанское.

— Что случилось? — спросил я.

— Я беспокоюсь.

— Что тебя беспокоит?

— Боюсь, что забуду текст, — ответил один из самых знаменитых актеров Голливуда.

— Забудешь *текст*? Какой текст? Тебе всего-то надо объявить комплекс открытым и пожелать гориллам большого счастья, — постарался я успокоить Дэвида, подливая еще шампанского.

— Нет, ты не понимаешь, — жалобно возразил он. — Я приготовил *речь*. И теперь страшно боюсь забыть слова.

— Сколько раз ты снимался?

— Не знаю... картин пятьдесят, наверно. А при чем тут это?

— Если ты снялся в полусотне картин, — подчеркнул я, — то уж, наверно, у тебя хватит опыта, чтобы не сбиться, произнося речь по случаю открытия какой-то обители горилл!

— Но это совсем другое дело, — возразил Дэвид. — Когда снимаешься в кино, можешь, если ошибешься, сделать другой дубль. Тогда как *дваж-*

ды открывать Дом горилл невозможно, верно? Это выглядело бы так не-
профессионально!

С помощью дополнительных порций шампанского я заставил его облачиться в приготовленный костюм — чрезвычайно элегантный фрак и брюки жемчужно-серого цвета, в каких щеголяли в прошлом веке аристократические любители азартных игр на колесных пароходах на Миссисипи. Заверив Дэвида, что он выглядит великолепно (это была чистая правда) и не забудет текст, я проводил великого Нивена к новому комплексу для горилл, где он без запинки произнес полную юмора очаровательнейшую речь. Когда же после завершения ритуала я отвел Дэвида обратно в усадьбу и налил ему стаканчик, то увидел, что у него дрожат руки. И это, говорил я себе, человек, заслуженно получивший «Оскара», известный тем, что в любых ситуациях ему не изменяют хладнокровие и обаяние.

К началу семидесятых годов мы достигли уже наилучших успехов в размножении редких животных, и перечень наших питомцев заметно вырос, главным образом за счет особей, привезенных из моих экспедиций, но также благодаря закупке животных в других зоопарках или у частных торговцев. Я был убежден, что хорошая обитель в Джерсийском зоопарке, где животные могли благополучно жить и размножаться, куда предпочтительнее жалкого прозябания в зоомагазинах или маленьких зверинцах. (Теперь, разумеется, мы и большинство других достойных уважения зоопарков обмениваемся или предоставляем на время друг другу редких особей, и деньги в этих делах не участвуют.) По-прежнему мы страдали от хронического заболевания — «карманной чахотки», однако продолжали совершенствовать свое предприятие и пользовались солидной репутацией, так что люди, непричастные напрямую к делам зоопарков, начинали понимать наши мотивы и не только приветствовать наши достижения, но и вносить свою щедрую лепту.

Как раз в это время, собираясь удалиться в мой маленький домик на юге Франции, чтобы заработать на жизнь написанием новой книги, я услышал, что остров Джерси намеревается почтить своим посещением принцесса Анна. Подчиняясь настояниям моих сотрудников, я позвонил в ответственные за организацию визита инстанции и спросил — как бы на всякий случай, — не предусмотрено ли в программе посещение Поместья Огг и осмотр зоопарка. Дескать, меня это интересует только потому, что я собираюсь уехать во Францию, но, конечно, отложу отъезд, если Ее Королевское Высочество намерена осчастливить нас своим присутствием. Инстанции были шокированы. Показать принцессе зоопарк? Ни в коем слу-

Д

чае! У нее и без того слишком насыщенное расписание. К тому же для принцессы намечены куда более интересные объекты, например новые очистные сооружения (кажется, мне назвали именно этот объект). Несколько обиженный тем, что очистные сооружения сочли более интересными, чем наш зоопарк, я передал содержание разговора нашему совету. Его члены сказали, что это нелепо, и потребовали, чтобы я снова позвонил в инстанции. Что я и сделал, говоря, что мне желательно получить точный ответ, поскольку я уезжаю во Францию и останусь там до тех пор, пока не закончу книгу. Мне подтвердили, что канализация занимает принцессу больше, чем спасение каких-то там неведомых видов фауны. И я отправился во Францию.

Только я принялся за вторую главу, как мне срочно позвонили с Джерси. Принцесса желает посетить зоопарк. Не могу ли я приехать? Нет, ответил я, никак не могу. Мне было сказано, что зоопарк ее не интересует. Я прибыл во Францию и намерен оставаться здесь, зарабатывая на хлеб с маслом. Разумеется, на самом деле я был готов вернуться, но мое самолюбие было задето — пусть организаторы визита помучаются... Последовали новые звонки. Шантаж, посулы, лесть, умасливание никак не действовали на меня. В конце концов, когда начало казаться, что дело обернется коллективным самоубийством, я ответил, что согласен приехать. Далеко на юге Франции до меня донесся вздох облегчения с острова Джерси.

Мне никогда еще не доводилось принимать подобные визиты. Единственное мое общение с правящей династией носило весьма косвенный характер, когда я в юности, стоя в многотысячной толпе в Лондоне, размахивал маленьким бумажным «Юнион Джеком». Я совершенно не представлял себе всю сложность такого мероприятия; детективы тщательно проверяли все уголки и закоулки (я предложил им обыскать горилл, но они отказались), другие деятели засекали секундомерами, сколько времени уйдет на каждый отрезок экскурсии. На то, чтобы показать принцессе семьсот животных, разбросанных на площади немногим меньше ста тысяч квадратных метров, и рассказать о работе Треста, мне выделили двадцать пять минут. Оберегая свое душевное равновесие, я не стал спрашивать, сколько времени отведено на посещение новых очистных сооружений.

Было очевидно, что процессия станет передвигаться не цивилизованной трусцой, а бодрой рысью; стало быть, необходимо сосредоточить внимание на наиболее интересных для гостя животных и постараться собрать их в кучу. Я поймал себя на том, что ожидание королевского визита как-то странно действует на меня. Что я буду говорить принцессе?... Все наши достижения и планы стали вдруг казаться мне такими же интересными, как проповедь приходского священника. Зачем только я согласился на эту

затею? Лучше бы оставался во Франции... Ожидая, когда покажется автомобиль с принцессой, я чувствовал себя как дебютант на сцене. Мои руки напрашивались на сравнение с крыльями ветряной мельницы, ноги — с нагруженными клеем баржами на Темзе, в голове было пусто, как у человека, подвергнутого лоботомии. Когда же гостья вышла из машины и я наклонился над ее ручкой, все мои тревоги испарились. Передо мной была красивая, элегантная, очень умная женщина, которая с подлинным интересом задавала неожиданные вопросы. Я желал только, чтобы куда-нибудь исчезла семенящая следом, говорящая без умолку свита, особенно же — чтобы провалились сквозь землю репортеры, приседающие перед нами и щелкающие своими камерами, уподобляясь одуревшим сверчкам. Думаю, именно присутствие всей этой компании погубило меня, заставив совершить одну из величайших оплошностей в моей жизни.

Мы подошли к обезьяньему ряду, где одну из клеток занимал великодушный мандрил Фриски. Он пребывал, как говорится, в полном цвету — определение, весьма подходящее для мандрила. Переносица, нос и губы — красные, будто намазанные губной помадой. По бокам носа — вздутия василькового цвета. Расписанное таким образом лицо обрамляли рыжевато-коричневые хохолки и белая борода, придавая ему сходство с устрашающей маской жужу какого-нибудь древнего племени, обожавшего жаркое из соседей на вертеле. Однако сколь бы яркое впечатление ни производил фасад ворчащего и скалящего зубы Фриски, картина, которая являлась нашему взору, когда он поворачивался спиной, превосходила самое смелое изображение. Покрытый жидкой зеленоватой и белой шерстью зад выглядел так, будто Фриски посидел на свежеекрашенном неким безумным патриотом унитаза. Околохвостовая голая кожа — красновато-фиолетовая в рамке ярко-голубого цвета (и такого же василькового цвета были его гениталии). Я уже успел заметить, что на женщин вид Фриски сзади производит куда более сильное впечатление, чем вид спереди, и у меня была отработана идиотская реплика, которую я сдуру пустил в ход и теперь. При виде нас Фриски рыкнул и повернулся спиной, демонстрируя корму цвета пестерной зари.

— Чудесный зверь, мэм, — сказал я принцессе. — Хотелось бы вам иметь такое седалище?

Услышав за спиной скорбные вздохи и слабый писк, как будто там прющались с жизнью полевые мыши, я понял с тоской, что явно ляпнул что-то не то. Принцесса внимательно обозрела анатомию Фриски.

— Нет, — решительно заключила она, — не хотелось бы.

Экскурсия продолжалась.

Проводив гостью, я выпил несколько стаканчиков, чтобы прийти в

Д

себя, и до меня дошло, что я здорово обмешулился. У меня было задумано просить принцессу стать нашей патронессой — что будет теперь? Какая представительница правящей династии, находясь в здравом уме, пожелает рассматривать подобную просьбу после того, как руководитель Треста осведомился, как она отнеслась бы к тому, чтобы поменять часть своего тела на соответствующую часть тела мандрила? Приносить извинения бесполезно, сделанного не воротишь.

Тем не менее несколько недель спустя, подталкиваемый коллегами, я все же написал письмо принцессе, спрашивая, не согласится ли она стать нашей патронессой. И, получив ответ, с радостью прочел, не веря своим глазам, что она не возражает. Не знаю уж, в какой мере это была заслуга Фриски, но я не замедлил отблагодарить нашего мандрила, поднеся ему пакет горошка с шоколадной начинкой, напоминающего разноцветьем его яркую окраску.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ЗА ПОДАЯНИЕМ ПО СВЕТУ

Добывать деньги на сомнительные для пользы нашей планеты цели — проще простого. Большинство природоохранных организаций роют землю в поисках средств, как голодный пес ищет кость, с похвальным намерением спасти хоть что-то среди обломков разрушающегося мира. А запроси вы денег на покупку атомной подводной лодки, или баллончик нервно-паралитического газа, или две-три ядерные бомбы — и средства явятся как по мановению волшебного жезла.

Подобно многим альтруистическим организациям, мы страдали финансовым малокровием, и в число моих главных задач входило вертеться, наподобие японских танцующих мышей, в поисках денег. Я занимался лично этим неприятным делом (неприятным, ибо оно мне не по душе и я, увы, лишен необходимых для этого данных), и мне удавалось собирать обильный урожай в самых неожиданных местах.

Так, совершенно незнакомый мне человек, канадский член нашего Треста, даровал сто тысяч фунтов на строительство нового Дома рептилий только потому, что я, услышав, как неодобрительно он отозвался о старой конструкции, поклялся, что построю лучший в мире Дом рептилий, если он финансирует этот проект.

Один школьник прислал мне почтовый перевод на пятьдесят центов; он выражал надежду, что они тоже пригодятся, и сожалел, что не может отправить больше — это все его карманные деньги на неделю.

Пожилая пенсионерка прислала два фунта, объясняя, что скудная пенсия не позволяет выделить больше.

Из Калифорнии позвонил один юрист, спрашивая, верно ли он набрал номер «Стационарного Ковчег Джеральда Даррелла»? Мы подтвердили, что наш зоопарк вполне можно так называть. Тогда он сообщил, что некая миссис Набл, умирая, завещала нам сто тысяч долларов. Я в жизни не встречался с этой дамой, и она не была членом нашего Треста; оставалось только заключить, что миссис Набл прочла одну из моих книг о нашей деятельности на острове Джерси.

Живо помню одну особенно тяжелую зиму. Я только что уволил управляющего и сам занимался всеми делами зоопарка. Приближение Рождества не прибавило мне веселья. Для многих это были праздничные дни, только не для меня. Плохая погода, никаких туристов; даже самых бодрых джерсийцев ничто не заставило бы побродить по зоопарку в объятиях дождя и юющего ветра. В эту пору у моих питомцев разыгрывался зверский аппетит, счета за корм принимали чудовищные размеры, на обогрев животных уходило в три раза больше электричества, чем обычно, а сами они начинали хандрить, поскольку не было людей, на коих они могли бы подивиться. Преданные делу сотрудники, дрожащие от холода, с посиневшими носами, ходили по колено в снегу, ухаживая за своими подопечными, и вы спрашивали себя, будут ли у вас деньги, чтобы уплатить им жалованье за следующую неделю. Говоря словами Шекспира, то была зима моей тревоги, и, надев пальто, я отправился в город на собеседование с управляющим моим банком.

Меня не покидает ощущение (быть может, параноидальное), что я проюдил больше времени в кабинете управляющего банком, чем в зоопарке. Хорошо еще, что наш банкир, в отличие от большинства жестокосердных представителей этого вида, был человеком добрым, обаятельным и понимающим. Если управляющие банками после смерти попадают в рай (вопрос с церковной точки зрения спорный, если числить их в том же ряду, что и налоговых инспекторов), наш управляющий теперь несомненно парит с заслуженными им крыльями и арфой на розовом облачке, ибо в тот хмурым день он спас мне жизнь. Мы совершили пространный, полный фальшивого радушия приветственный ритуал, составляющий неотъемлемую принадлежность офисов зубных врачей и банкиров, а также камер смертников. После чего сели изучать цифры. Те самые, какие проверяли десять

Д

дней назад, но наш банкир искусно изобразил удивление, обнаружив, что они не изменились.

— Гм... да, — произнес он, водя пальцем вверх-вниз по колонкам, словно искал какие-то ошибки в арифметике. — Н-да... похоже, у вас тугоовато со средствами.

Я промолчал. Мне нечего было сказать.

— Насколько я понимаю, — продолжал он, глядя на потолок, — вы нуждаетесь в деньгах, чтобы как-то перенести... э... тяготы зимней поры.

— Две тысячи фунтов, — сказал я.

Он вздрогнул:

— И вы, очевидно, не можете... вам неоткуда... да-да, понимаю... конечно, две тысячи фунтов, н-да, немалая сумма, и... и у нас... превышение кредита... так, посмотрим... составляет десять тысяч фунтов, да, и вы никак не можете?.. Э... понятно.

Он поразмыслил, затем подтянул к себе маленький блокнот и написал на нем чью-то фамилию, адрес и номер телефона. Оторвал листок и как бы нечаянно подтолкнул его через стол в мою сторону. Поднялся и заходил взад-вперед по кабинету.

— Конечно, здесь, на острове, немало людей, которые могли бы... э... помочь вам, знай они о ваших затруднениях, — сказал банкир. — Я, как управляющий банком, подобно врачам, обязан хранить профессиональную тайну. Не вправе ни при каких обстоятельствах разглашать имена, адреса, номера телефонов наших клиентов, как и то, что они обладают крупными состояниями. Увы...

Он остановился и тяжело вздохнул — груз профессиональной клятвы явно обременял его. Потом выпрямился и заметно повеселел.

— Заходите через несколько дней, когда придумаете, как выйти из положения.

Банкир пожал мне руку, улыбаясь, и я вернулся в зоопарк.

У меня язык не поворачивается просить денег у людей, даже если они мне должны, а тут еще этот клочок бумаги, совершенно неожиданная ситуация... Как я должен себя повести, какие слова надлежит говорить, позвонив в холодный, ветреный зимний вечер незнакомому человеку, чтобы попросить у него две тысячи фунтов? «Э, привет, моя фамилия Даррелл, у меня тут возникли проблемы...» И он подумает, что я ищу квалифицированного ветеринара для гориллы, у которой начались роды. «Я звоню из зоопарка, и у меня есть предложение, которое несомненно вас заинтересует» — эта фраза допускала самые неожиданные толкования и сулила всякие осложнения, так что я сразу забраковал ее. «Вы не могли бы внести две тысячи фунтов в счет погашения моего кредита?» Грубовато и пахнет

мафией. В конце концов я остановился на формуле, способной, как мне представлялось, заинтриговать собеседника, не оставляя в то же время места для неверного толкования.

— Э... моя фамилия Даррелл, — через силу вымолвил я, сжимая трубку в потной ладони, когда услышал учтивый медлительный голос мистера Икс. — Я... э... в зоопарке. Мне называли ваше имя, потому что у меня возникла проблема, о которой было бы желательно посоветоваться с вами.

— К вашим услугам, — ответил мистер Икс. — Когда вы хотели бы встретиться со мной?

— Как насчет того, чтобы встретиться сейчас? — спросил я, поднатревший в искусстве ловли птиц на лету, не сомневаясь, что последует отказ.

— Пожалуйста, я готов, — сказал он. — Вы знаете, как найти мой дом? Жду вас через полчаса.

Путь до дома мистера Икс — сквозь проливной дождь и порывистый ветер, при вспышках молний — живо напоминал атмосферу голливудских фильмов ужасов. Недоставало только, чтобы дверь открыл Борис Карлофф. Однако это сделал сам мистер Икс — высокий мужчина с широким спокойным лицом, умными глазами, весь обаяние и добродушие; этакий большой, мирный, немолодой охотничий пес. Выразив сочувствие промокшему гостю, он снял с меня пальто и жестом пригласил пройти в гостиную, где яркими красками переливался экран цветного телевизора, резко контрастируя с таинственным полумраком озаренных камином рождественских покоев в духе Диккенса.

— Входите, входите, — настаивал хозяин. — Это мой отец смотрит телевизор.

Отцу мистера Икс было на вид лет восемьдесят с хвостиком, но он держался молодцом, и я сказал себе, что, пожалуй, ошибаюсь в определении его возраста.

— Мы можем где-нибудь поговорить наедине? — спросил я.

— Конечно, конечно, — отозвался мистер Икс. — Пройдем в мою спальню.

— Спасибо, — сказал я.

Мы прошли в очень маленькую спальню с огромной двуспальной кроватью. Мне как-то никогда не приходило в голову, насколько трудно вести деловые переговоры в тесной комнате, где единственным сиденьем служит двуспальная кровать. Сжимая в руках стаканы с напитками, мы примостились на краешке царственного ложа, словно новобрачные в день свадьбы.

— Итак, — произнес мистер Икс, — чем я могу быть вам полезен?

Я объяснил.

Д

— Конечно, помогу, — сказал он сразу, подливая мне еще виски, причем пружинный матрац сработал наподобие батута, прижимая нас друг к другу. — Сколько вам нужно?

Чувствуя себя нашедшей легкую добычу нечесаной и неопрятной куртизанкой, я назвал хриплым голосом цифру. Помню, как мистер Икс достал чековую книжку, как в нее были вписаны магические слова и цифры, и вот я уже снова в объятиях зимней непогоды, но с согревающей мой бумажник заветной бумагой. Мой благодетель держался так приветливо и тактично (даже на двуспальном батуте), как будто он был моим должником. На редкость учтивый и любезный человек, учитывая все обстоятельства наших переговоров. И я решил, что назову в его честь первого же родившегося у нас орангутенка.

Три месяца спустя имя мистера Икс вдруг появилось на первых страницах местных газет. Ему приписывали махинации, при помощи которых он лишил многих рассудительных граждан острова Джерси их сбережений, за что ему предстояло провести определенный срок в одной из не очень благоустроенных тюрем Ее Величества. Мне бы раньше с ним познакомиться, подумал я. Не потому, что это был такой обаятельный человек, а потому, что я мог бы кое-чему поучиться у этого разбойника.

Став на путь этакого Робина Гуда (отбирая деньги у богатеньких, чтобы расходовать добычу на охрану живой природы), я изрядно постраниковал и пережил много приключений, когда забавных, когда не очень, но никогда не думал, что в орбиту нашей деятельности на Джерси будут вовлечены две такие различные страны, как могущественные и богатые Соединенные Штаты и бедствующий Мадагаскар на уединенном острове в Индийском океане.

К юго-востоку от Африки воды океана омывают смахивающий на скверно приготовленный омлет осколок суши длиной около 1600 километров при максимальной ширине 600 километров. Благозвучное имя Мадагаскар носит четвертый в мире по величине остров, который в биологическом аспекте считается одним из самых замечательных регионов земного шара. Дело в том, что в далеком прошлом, когда шло формирование континентов, когда их носило туда-сюда по раскаленному тесту мантии, точно бумажные кораблики по поверхности пруда, Мадагаскар оторвался от Африканского материка и доплыл до своего нынешнего места, словно огромный ковчег с множеством растений и животных. В результате его обитатели развивались дальше в изоляции и совсем иначе, нежели их родичи на континенте.

Большинство обитающих ныне на этом удивительнейшем острове животных — уникалы, и кого тут только нет! Лемуры — от огромного черно-белого индри ростом с четырехлетнего ребенка до микроцебусов, самый маленький из которых не больше спичечного коробка; мокрицы величиной с мяч для игры в гольф; многочисленные представители семейства тенреков, среди которых иглистые отличаются невероятной плодовитостью, принося за один раз до десяти детенышей; черепахи — большие, размером со скамеечку для ног, и маленькие, величиной с блюдечко; орхидеи — такие огромные и с таким сложным строением, что их может опылять только особый вид бабочек с длиннейшим хоботком; скромный розовый цветок, помогающий в лечении белокровия. Нет счета всем биологическим чудесам этого интереснейшего острова.

К сожалению, Мадагаскар в то же время являет собой довольно типичный пример того, как мы разоряем наш мир. Некогда весь покрытый лесом, с обилием фауны и флоры, теперь он почти оголен. Выбивание пастбищ стадами зебу (коих держат скорее ради престижа, нежели как источник мяса) в сочетании с пагубными для природы вырубками и палом при постоянно растущем населении — все это, вместе взятое, привело к тому, что Мадагаскар лишился девяноста процентов лесов. А это означает исчезновение не только многих растений, но и зависящих от них животных. Эрозия уродует и сушит ландшафт, как годы сушат и бороздят морщинами человеческое лицо. Пролетая сегодня над Мадагаскаром на самолете, видишь, как гигантский остров словно истекает кровью: без лесов реки выносят почву в море, и насыщенные латеритом потоки расписывают синюю гладь Индийского океана, словно кровь из разрезанных вен.

Нужно ли говорить, что судьба Мадагаскара тревожит борцов за охрану живой природы, ведь при нынешних темпах разрушения природной среды сотни уникальных форм жизни (из которых многие могут играть большую роль в жизни человека) исчезнут в ближайшие двадцать-пятьдесят лет, а то и быстрее. Но у природоохранной идеи мало надежд на успех, ведь жители острова очень бедны и с грамотностью там дело обстоит неважно. Горько сознавать, что французы, когда Мадагаскар был их колонией, отведя большие площади под заповедники, не позаботились о том, чтобы ими управляли надлежащим образом. Больше того, они не потрудились довести до сознания островитян, какая замечательная и важная страна досталась им в наследство. До недавнего времени знакомство рядового гражданина с удивительной фауной его родины ограничивалось лицезрением смазанного изображения некоторых лемуров на спичечных коробках. Для меня было очевидно — пока на Мадагаскаре не налажена природоохран-

Д

ная работа, необходимо создать плодовые группы всех представителей местной фауны, каких только удастся собрать.

Нам всегда представлялось разумным работать с широко распространенным видом, родственным угрожаемому; это позволяет развить наиболее подходящие методы содержания и размножения, так что когда вы приобретете особи исчезающего вида, уже есть необходимый опыт. К примеру: работа с черным медведем весьма пригодится вам при попытках создания плодовых колоний куда более редких очковых медведей. А потому, решив серьезно подумать о приобретении представителей фауны Мадагаскара для таких колоний, мы предварительно остановились на трех видах, которым, по общему мнению, не грозило вымирание в ближайшие десятилетия. Вот эти виды — малый тенрек, ежовый тенрек и кольцехвостый лемур, один из самых красивых представителей семейства лемуновых. Тенреки — забавные примитивные зверьки; они двигаются, будто покрытые иголками маленькие заводные игрушки. Возьмешь в руки такую «игрушку» — она сердито наморщит мягкую кожу лба. А еще эти зверьки чрезвычайно плодovиты, занимая в этом смысле первое место среди млекопитающих (один из видов тенреков может принести до тридцати одного детеныша в помете). У нас тенреки выходили из своих убежищ кормиться только ночью; ели насекомых, сырые яйца и мясо. Общительными их никак нельзя было назвать, так что приручить тенрека вам при всем желании не удалось бы.

Хотя поначалу не все ладилось, вскоре у нас образовались процветающие колонии. Даже слишком процветающие, если говорить о ежовых тенреках; за несколько лет приплод превысил пятьсот особей. Один из малых тенреков, самец, поступивший к нам уже взрослым, побил рекорд продолжительности жизни для этого вида: он дожил до четырнадцати с половиной лет — невероятная цифра для столь хрупких маленьких зверьков.

Удачно сложилась и наша работа с кольцехвостым лемуром. У этих очаровательных животных, одетых в черно-белый и пепельный с розовым оттенком мех, длинный элегантный хвост в белых и черных кольцах и желтые глаза. Так и кажется, что они сошли с одного из наиболее причудливых рисунков Обри Бердслея. Ходят они вразвалку, гордо подняв кверху хвост, точно зная. Кольцехвосты — великие солнцеклонники: стоит выглянуть солнцу, как они садятся лицом к нему, положив передние лапки на колени или вытянув их вперед; голова при этом откинута назад и глаза закрыты, словно в экстазе. В такой позе зверек словно впитывает животворные лучи.

Наша первая пара получила от прежнего владельца простецкие имена

Полли и Питер, и с первого взгляда нам стало ясно, что главенство в этой чете принадлежит Полли. Эта злоюка без конца шпыняла беднягу Питера, сгоняла его с самых удобных веток, где было больше солнца, заставляла уступать самые лакомые кусочки. А ему, похоже, это нравилось, и мы не стали вмешиваться. Полли чувствовала себя примадонной, с важным видом прохаживалась по клетке, садилась подремать на солнышке, высоко подняв передние лапы, чтобы подмышкам досталось побольше ультрафиолета, или же исполняла танцевальные па, ловя бабочек, коих утوراзило залететь внутрь клетки. В милостивом расположении духа Полли могла и спеть для нас; это было не совсем обычное и маломызыкальное пение.

— Ну-ка, Полли, милашка, спой песенку, — подлизывались мы.

Полли в ответ потянется, пригладит мех и задумчиво уставится желтыми глазами вдаль, как бы соображая — стоит ли расходовать на нас свой талант. Выслушав еще несколько льстивых слов, она вдруг крепко сжимала пальцами ветку, как певица складывает руки на животе, откидывала голову назад, широко открывала рот и предавалась пению с энергией и страстью этакой лемуровой Марии Каллас.

— Оу, — голосила она, — ар-оу, ар-оу, ар-оу, ар-оу.

Остановится, дожидаясь аплодисментов, затем приступает ко второму куплету:

— Ар-оу, оу, оу, роу... Ар-оу, ар-оу.

Громкость пронзительных звуков с лихвой возмещала некоторое однообразие текста.

Нам не удалось уловить момент, когда Питер собрался с духом и соблазнил Полли, но, очевидно, он ухитрился застичь супругу в редкие минуты ее слабости, ибо она поразила нас всех, произведя на свет чудесного детеныша мужского пола. Это был дивный младенец с огромными глазами на маленьком печальном личике, заостренными, как у эльфа, ушами и тоненькими лапками, как будто он находился в предельной стадии истощения. Что-то вроде лемутового Оливера Твиста... Первое время очаровательный детеныш висел на мамином животе, вцепившись всеми четырьмя конечностями в мех. Став постарше, он осмелел и перебрался на спину Полли — этаким крохотный, меланхолического вида наездник верхом на большом коне. Открыв для себя мир, малыш обрел уверенность, и меланхолическое выражение сменилось озорным. Время от времени он отваживался покинуть спину родительницы, чтобы исследовать их общую обитель, и поспешно возвращался в материнские объятия, испугавшись воображаемой опасности. Он исполнял грациозные па, принимал солнечные ванны по примеру родителей, осмеливался качаться на их хвостах, как на качелях.

Даже научился подпевать Полли дрожащим резким голоском, отчего ее пение нисколько не выигрывало ни в мелодичности, ни в содержании.

После того как мы наладили быт кольцехвостов, нам удалось приобрести несколько бурых лемуров с Майотты, одного из Коморских островов между Мадагаскаром и Африкой. Это были крупные худые зверьки со светлыми глазами, одетые в похожую на овечью шерсть разных оттенков шоколадного, черного и светло-коричневого цветов. Они хорошо прижились у нас, и поразительно скоро одна из самок произвела на свет детеныша. Тут мы на горьком опыте познакомились с тем, какие психологические проблемы переживает самец майоттского лемура, на чью долю выпали радости отцовства. Не успел младенец родиться, как самец вырвал его у матери и убил. Такая склонность к детоубийству явилась для нас большим потрясением: пришлось разрабатывать меры защиты потомства бурых лемуров от посягательств со стороны отцов. В каждой клетке был отгорожен уголок матери и ребенка — своего рода клетка внутри клетки. Как только мы замечали, что у какой-то из самок близятся роды, ее тотчас изолировали. При этом проволочная сетка позволяла самцу видеть самку, нюхать и гладить. Что еще важнее — он мог наблюдать роды и привыкать к виду младенца. Через некоторое время самку можно было возвращать к самцу, и он уже воспринимал наличие детеныша как нечто само собой разумеющееся.

Однажды утром мы с Джереми стояли перед клеткой бурых лемуров, любуясь тем, как молодая чета играет с очередным детенышем.

— При такой скорости размножения, — заметил Джереми, — придется нам подумать о более просторных обителях.

— Верно, — согласился я, — и это будет стоить немалых денег.

— Знаю, — сказал Джереми. Потом мечтательно добавил: — Было бы здорово обзавестись новым рядом клеток для этих лемуров, верно?

— Верно, — ответил я.

Детеныш прытко перелетел с маминого хвоста на отцовский, заработал болезненный укус и поспешил улепетнуть, пока не добавили.

— Я подумываю о том, чтобы отправиться в США, — сказал я.

— США... ты ведь еще ни разу там не бывал? — спросил Джереми.

— Не бывал, но теперь собираюсь поехать туда, чтобы учредить что-то вроде американского отделения нашего Треста.

— Чтобы добывать деньги?

— Разумеется. Как-никак все отправляются в Америку за деньгами. Не вижу, с какой стати мне оставаться исключением.

— А что, может получиться интересное путешествие, — задумчиво произнес Джереми.

Никто из нас и не подозревал, *каким* интересным оно окажется.

Я решил отказаться от самолета — когда летишь в страну и над страной, совсем не ощущаешь расстояния и много теряешь. А потому я взял билет до Нью-Йорка на «Куин Элизабет II», собираясь затем продолжать путешествие на машинах и поездах. Надо ли говорить, что все американцы, с кем я обсуждал свои планы, считали меня безумцем, но в то время у меня было очень мало знакомых американцев, так что решение странствовать понизу осталось непоколебимым. Я договорился выступить с лекциями в таких отдаленных друг от друга городах, как Сан-Франциско, Чикаго и Нью-Йорк; таким образом, меня ожидало долгое и напряженное турне. Еще я решил, что мне понадобится кто-то на роль помощника и сторожевого пса — то, что теперь называют администраторами; человек, который займется бронированием номеров в отелях, покупкой железнодорожных билетов и так далее, чтобы я мог без помех заняться вербовкой возможно большего количества новых членов Треста среди посетителей и организаторов моих коллекций. Мой выбор пал на старого друга, Питера Воллера; он несколько лет был связан с компанией «Ковент-Гарден Опера», а не так давно помогал своему другу, Стиву Экарту, учредить в Лондоне «Американскую школу». Высокий, стройный, симпатичный Питер выглядел лет на сорок, хотя на самом деле был намного старше. Обаятельный мужчина, он был обожаем дамами, особенно пожилыми. Мне представлялось, что Питер как нельзя лучше подойдет на роль моего защитника от властных американских матрон из бригады «Голубые волосы», про которую мне рассказывали всякие ужасы; похоже было, что в пути по США меня могут поджидать опасности, неведомые человеку, привычному всего лишь к осложнениям, подстерегающим зверолова в джунглях. И Питер Воллер проявил себя как отличный, чудесный товарищ, он прилежно заботился о моем благополучии, хотя этот Дживз иной раз не во всем оправдывал мои ожидания.

Помимо набора элегантных костюмов, купленных специально по такому случаю, я захватил несколько сот экземпляров нашего годового отчета (объемистый документ) и сотни тысяч листовок, повествующих о работе Треста. Из-за каких-то неполадок в типографиях этот материал был получен в самый последний момент, и, вместо того чтобы аккуратно уложить в крепкие картонные коробки, мы были вынуждены кое-как завернуть их в упаковочную бумагу и обмотать паутиной веревок. Исправлять что-либо

Д

было поздно, и, когда мы с Питером прибыли на «Куин Элизабет II», можно было подумать, что перед тем мы совершили налет на цыганский табор, где разжились всяким барахлом. Аристократического вида учтивый помощник капитана (когого можно было принять за одного из посланников Ее Величества) проследил за тем, чтобы наш багаж поместили в чрево корабля и нас проводили в наши каюты.

Мне повезло: вместе с нами на том же лайнере плыли старые друзья Питера, Марго и Годфри Рокфеллер, с двумя своими чадами. Марго (она объяснила, что они принадлежат к числу «бедных Рокфеллеров») была прелестнейшая особа: на обрамленном ранней сединой красивом лице выделялись пронзительные, как у ястреба, синие глаза. Обладая лукавым юмором и незаурядным комедийным талантом, она могла скроить уморительную рожу и говорить писклявым голосом наподобие знаменитых голливудских кукол. По контрасту Годфри был мускулистый мужчина с широким, круглым, добродушным лицом, с которого не сходила улыбка, и несколько сонными глазами. Их очаровательных потомков звали Паркер и Кэролайн.

Первый день море вело себя смирно, и Годфри, у которого в каюте явно хранились неисчерпаемые запасы виски, настаивал на том, чтобы мы перед каждой трапезой собирались у него выпить стаканчик. Но затем погода испортилась, и на другое утро Годфри и Питер предпочли не покидать свои койки. Впрочем, мне было не до их передряг, ибо хватало своих. За завтраком к моему столу подошел тот аристократического вида помощник капитана, чтобы поделиться неприятной новостью — за ночь мой багаж сместился, и теперь трюм завален по колено изданиями Треста. Не могу ли я что-нибудь сделать? Мысль о том, чтобы заново упаковать сотни годовых отчетов и несметное количество листовок, повергла меня в ужас, но Марго пришла на выручку. Она мобилизовала своих детей, и вчетвером мы спустились в трюм, вооружившись любезно предоставленными нам помощником бумагой и веревками. Обозрев поле боя, мы пришли к выводу, что слова «по колено» — явное преуменьшение... Целый день упорного труда ушел на то, чтобы навести порядок; наконец была завернута и перевязана последняя пачка.

— Слава богу, все, — произнесла Марго, созерцая свои грязные руки. — Ну и работенка.

— Но зато какие истории я теперь смогу рассказывать, — отозвался я.

— Что за истории? — подозрительно осведомилась Марго.

— Как я плыл через Атлантику на «Куин Элизабет II», заточенный в трюме с тремя Рокфеллерами, которые увязывали мой багаж.

— Я подам в суд, — предупредила Марго. — Впрочем, все равно никто не поверит, что Рокфеллеры способны на такую глупость.

Накануне нашего прибытия в Нью-Йорк мы собрались в какое-то Годфри потратить несколько бутылок шампанского, припасенных им, чтобы отметить благополучное завершение плавания. Под влиянием изысканной влаги Питер предавался воспоминаниям о днях своей юности, когда он в Вене учился в хореографическом училище.

— Дисциплина, друзья дорогие, — произнес он, сопроводив свои слова хлопком ладони и глядя на потолок, — дисциплина... Вы не представляете себе. До того строгая, но такая необходимая.

— Что ты подразумеваешь? — спросил Годфри, возлежав на полу, словно кит на отмели. — Нельзя было промочить глотку?

— Строжайший запрет, — отозвался потрясенный Питер. — Час за часом у станка, пока тебе не начинало казаться, что ноги вот-вот отвалятся. Изматывающая работа.

— И все это без выпивки? — недоверчиво справился Годфри.

— Ни глоточка, дружище, ни капли.

— Что значит преданность делу, — сказал Годфри, обращаясь ко мне. — Полная самоотдача. А я вот не мыслю, как можно танцевать без выпивки.

— А какие еще были упражнения? — спросила Марго.

— Ну, — ответил Питер, опустошая пятый бокал шампанского, — нас заставляли танцевать на маленьком ящике. Забыл его название, а суть в том, что под ногами у тебя была совсем маленькая площадка, ступишь мимо — упадешь.

— Танцы на ящике? — удивился Годфри. — Что это был за ящик?

— Ну, такой, с плоской поверхностью, что-то вроде этого. — Питер показал на круглый столик, входящий в обстановку каюты.

— Но он всего-то величиной с сомбреро, — возразил Годфри, — на нем не потанцуешь.

— Мексиканцы танцуют на своих шляпах, — заявила Марго, заботливо наполняя наши бокалы.

— Да только Питер не мексиканец, — заметил Годфри. — Он ирландец.

— Ирландцы танцуют в деревянных башмаках, — сообщил я, как будто это что-то объясняло.

— Ладно, хоть он и ирландец, не верю, чтобы смог танцевать на этом столе, — заключил Годфри и сделал добрый глоток шампанского.

Что бы нам быть поосмотрительнее... Корабль все еще беспокойно покачивался с боку на бок, но мы приписывали наши ощущения бодрящему воздействию шампанского, а не коварству погоды.

— Конечно, смогу, — заявил Питер, возмущенный тем, что подверга-

Д

ется сомнению его мастерство. — Сейчас покажу вам, какие упражнения мы делали.

С этими словами он выдвинул столик на середину каюты и задумчиво воззрился на него.

— На мне слишком много надето, — сообщил он и чинно разделся до трусов.

— Вот почему артисты балета пользуются дурной славой, — сказал Годфри. — Носятся всюду в чем мать родила.

— Я не в чем мать родила, — негодуя возразил Питер. — Верно, Марго?

— Пока что нет, — философически согласилась она.

Питер взобрался на столик и поднял руки над головой, изящно изогнув кисти. Привстал на цыпочках и лукаво посмотрел на нас.

— Спойте что-нибудь, — предложил он.

Подумав, Годфри стал напевать нечто отдаленно напоминающее мелодию из «Щелкунчика». Питер закрыл глаза в экстазе, исполнил несколько пируэтов и приседаний, снова поднялся на цыпочках, готовясь исполнить еще один пируэт, однако тут в борт лайнера ударила особенно сильная волна. Бедный наш Нижинский издал пронзительный крик и упал со столика, размахивая руками и ногами — ни дать ни взять птенец, который на краю родного гнезда пытался взлететь и, потеряв равновесие, кувыркнулся куда-то в неведомый мир. Приземлившись на полу, Питер, белый как простыня, схватился за бедро.

— О-о! О-о! О-о! — завопил он, и я сразу вспомнил нашу кольцехвостую лемуриху. — О-о! Моя нога! Я сломал ногу!

Только этого нам не хватало, подумал я. Завтра утром прибываем в Нью-Йорк, а моего секретаря утраздило сломать ногу.

Окружив нашего поверженного героя, мы влили ему в рот шампанского между побелевшими губами и заверили его, что священника еще рано вызывать, а главное — что нога вовсе не сломана. Он основательно растянул бедренные мышцы, но кости не пострадали. Тем не менее ему следовало посетить больницу, получить рентгеновский снимок и подлечиться. А потому, когда мы пришли в Нью-Йорк, моего доблестного Дживза увезла «Скорая помощь», и я должен был в одиночку противостоять опасностям Нового Света.

К счастью, первые мероприятия моего турне были сосредоточены в самом Нью-Йорке или достаточно близко от него, так что я мог сам справиться с делами, пока Питер томился в больнице, откуда поступали счета на такие астрономические суммы, что оставалось лишь надеяться на нашу страховку. Медицина в Америке — такой прибыльный рэкет, что я удивляюсь, как это мафия не прибрала ее к рукам.

В Нью-Йорке молодая женщина, замещавшая Питера в роли моего опекуна, всячески расхваливала мне некоего доктора Томаса Лавджоя. Дескать, на него всегда и во всем можно положиться; было видно, что она от него без ума. Моя опекунша жаловалась, что ей никак не удастся устроить мне встречу с ним, на него такой спрос, что он неуловим, как блуждающий огонек. Но вот однажды утром, когда мы вышли из универсама, где мне понадобилось что-то купить, она вдруг радостно взвизгнула.

— Посмотрите! — воскликнула она. — Посмотрите — это же Том Лавджой!

Я обернулся, чтобы поглядеть на человека, олицетворяющего верх неуловимости, и увидел приближающегося к нам танцующей походкой художавого молодого мужчину с взъерошенной темной шевелюрой, веселыми карими глазами и подкупающей улыбкой на привлекательном лице. Я тотчас понял, почему сердце девушки бьется сильнее при виде его, и сам проникся к нему симпатией. Мне показалось, что это чувство взаимное, и, развивая нечаянный успех, я затащил сего уникама в ближайший ресторанчик, где принялся накачивать его пивом, сопровождая это занятие рассказом о том, для чего я приехал в Америку. Он внимательно слушал и дал мне несколько ценных советов. Моя симпатия к нему возросла — особенно когда я понял, что он из тех немногих ученых, которые, серьезно относясь к своему предмету, способны в то же время посмеяться над собой и над другими. Именно его острое чувство юмора сблизило нас. Если ты, трудясь на поприще охраны дикой природы, не способен смеяться, остается только рыдать, а слезы ведут к отчаянию. Том пообещал встретиться со мной, когда я завершу турне, чтобы мы могли обсудить, каким образом учредить отделение Треста в США.

Вскоре после этого Питер вышел из больницы, и мы приступили к нашему марафонскому бегу по штатам.

Америка произвела на меня фантастическое впечатление, и в это первое мое посещение было много памятных событий. В Нью-Йорк мы попали как раз в период сильной жары; с таким зноем и с такой влажностью воздуха я сталкивался только в Западной Африке. Бурый смог плыл, будто кучевые облака, между небоскребами, и в свете солнца они возвышались, словно чистые сахарные головы над мрачным месивом. Невероятное зрелище, чем-то напоминающее марсианские города Рея Брэдбери. Вообще-то равнодушный к городам, я полюбил Нью-Йорк. Когда мы прибыли в Чикаго (он оказался мне не по нраву, хотя на мою лекцию пришли две тысячи человек), Питер, стремясь загладить впечатление от его балетной промашки, хлопотал с усердием наседки, опекающей цыпленка. Однако, увлекаясь мелочами, он порой забывал о более существенных вещах. Так,

Д явившись в битком набитый волнующимися слушателями зал, мы обнаружили, что половина нашего фильма о Тресте осталась лежать в гостинице. Я всегда нервничаю, выступая перед публикой, и это обстоятельство только прибавило мне нервозности. На этом чикагские злоключения не кончились. Во время приема, любезно устроенного нашими друзьями для тех слушателей моей лекции, от кого можно было ждать крупных взносов, я остановился около дивана, на котором сидел худой мужчина с землистым лицом. Внезапно ко мне подошла грозного вида женщина с голубыми волосами, с лицом, подобным томагавку, и голосом, способным дробить камни в каменоломне.

— Мистер Дьюролл, — резко выкрикнула она, — моя фамилия Эвенспарк, а это мой супруг.

Она указала властным жестом на хрупкого субъекта, сидящего подле моего локтя. Мы обменялись приветственными кивками.

— Мистер Дьюролл, — продолжала она, — мой супруг и я проделали изрядное путешествие, двести пятьдесят миль, чтобы прослушать сегодня вашу лекцию.

— Мне чрезвычайно приятно... — начал я.

— Двести пятьдесят миль, — повторила она, не обращая внимания на мои слова. — Двести пятьдесят миль, а мой супруг серьезно болен.

— В самом деле? — Я сочувственно обратился к мистеру Эвенспарку: — Примите мои сожаления.

— Да-да, — ударил меня по мозгам ее резкий голос, — у него рак предстательной железы.

Я поймал себя на том, что не знаю толком, как реагировать на подобное сообщение. «Надеюсь, вы скоро поправитесь» — прозвучало бы не совсем уместно. Я лихорадочно подбирал слова, и тут меня выручил Питер, уведя к другим гостям. За что я отчасти простил ему промашку с фильмом.

Когда мы сели в поезд, идущий из Чикаго в Сан-Франциско, в купе нас провел небольшого росточка пожилой чернокожий проводник с белоснежными волосами — ни дать ни взять один из персонажей фильма «Унесенные ветром». Я с удовольствием отметил, что и речь его вполне соответствует образу.

— Вот ваше купе, сэр, — сообщил он, слегка коверкая слова. — А этому джентльмену, вашему другу, сюда, рядом. Сейчас, джентльмены, принесу ваш багаж.

Я знал, что эти маленькие удобные купе разделяют раздвижные перегородки, и, когда проводник вернулся с багажом, я попросил его проделать соответствующую процедуру.

— Будет сделано, сэр, — сказал он, поворачивая какие-то ручки.

И вот уже у нас просторное купе с двумя полками, двумя раковинами, двумя стенными шкафами, двумя креслами и двумя окнами, из которых открывался красивый вид на скользящую мимо Америку. Мы изрядно потрудились в Чикаго, и я считал, что наши заслуги должны быть отмечены.

— А теперь, — обратился я к проводнику, — мы с другом хотели бы заказать бутылочку шампанского «Корбель».

— Будет сделано, сэр, будет сделано, — отозвался он. — Сию минуту.

Поезд как раз выезжал за город, когда проводник вернулся, неся в ведерке со льдом чудесное охлажденное американское шампанское.

— Откупорить?

— Если можно, и на всякий случай положите на лед еще одну бутылку.

— Будет сделано, сэр, — ответил он, осторожно извлекая пробку.

Сделав маленький глоток, я одобрительно кивнул, проводник наполнил наши бокалы, тщательно обернул бутылку белой салфеткой и вернул ее в ведерко.

— Это все, сэр?

— Да, благодарю, — ответил я.

Он задержался в дверях и произнес с ослепительной улыбкой:

— Извините, сэр, но для меня подлинное удовольствие обслуживать джентльменов, которые умеют путешествовать.

Пока мы с Питером отдавали должное изысканному вину, я решил поделиться с ним моими соображениями о преимуществах путешествия по железной дороге.

— Я не знаю лучшего способа, — говорил я. — Что хорошего — быть закупоренным в консервной банке на высоте семи с половиной тысяч метров вместе с кучей людей, которые впадут в панику, если что-то случится! То ли дело — поезд. Ты не скорчен, как в чреве матери, можешь свободно пройтись. Передвигаешься с цивилизованной скоростью, удобно сидишь, созерцая мир, тебя отлично обслуживают. Больше того, ты находишься на земле и знаешь, что тебе не нужно ожидать волнующего сообщения пилота, что правый мотор загорелся, сопровождаемого просьбой соблюдать спокойствие. Пусть поезд идет медленно, дружище Питер, зато этот способ путешествия безопаснее.

Только я произнес эти слова, как поезд содрогнулся, словно врезался в кирпичную стену. Наши бокалы отбили чечетку и выплеснули содержимое, а мимо окон купе полетели куски дерева и металла. Скрежеща колесами, поезд остановился.

— Кажется, — нервно произнес Питер, — мы во что-то врезались?

— Ерунда, — решительно возразил я, — поезда ни во что не врезаются.

— Но это Америка, — заметил Питер.

— Верно, — сказал я, — пойдем посмотрим.

Д

Вместе с другими пассажирами мы спустились на полотно и проследовали туда, где наш гордый локомотив уныло застыл на месте, окутанный облаком пара. Оказалось, что огромный тягач с таким же огромным прицепом надумал проскочить через переезд перед нашим поездом. Никакого резона для такой бравады усмотреть нельзя было. Как бы то ни было, тягач проскочил, но мы столкнулись с концом прицепа и смяли его. О силе удара говорило то, что стальной скотосбрасыватель локомотива смялся, будто спагетти, и пришлось нам ждать три часа другого локомотива. Больше я ни разу не просвещал Питера о радостях путешествия по железной дороге. А он был так счастлив, когда в Сан-Франциско покинул опасное средство передвижения, что мы успели отъехать довольно далеко от вокзала, прежде чем я обнаружил, что он забыл весь мой гардероб в одном из шкафов нашего спального вагона.

В заключение, успев полюбить Сан-Франциско и возненавидеть Лос-Анджелес (кому это взбрело на ум назвать сей город ангельским?), я выступил с лекцией в одном невероятно эксклюзивном и роскошном загородном клубе, членом которого мог стать только человек с первым миллионом в кубышке. Самое подходящее место, сказал я себе, для сбора подаяния. Клуб кишел не знающими счета деньгам американскими нуворишами; женщины с фиолетовыми волосами, шеями стервятников и красноречиво просвечивающими через естественный или искусственный загар крохотными шрамами от очередной пластической операции были обвешаны драгоценностями, как рождественская елка игрушками, и каждый шаг их сопровождался мелодичным дзиньканьем. Замани я какую-нибудь из них в кусты, подумалось мне, и обдери с нее побрякушки, моей добычи достало бы на то, чтобы сделать Трест платежеспособным не на один год. Однако джентльменский инстинкт удержал меня от такого способа легко и быстро добыть средства для спасения зверей.

Принадлежащих этим дамам особой мужского пола отличал солидный — не меньше тридцати-сорока килограммов — избыточный вес, красный цвет пухлых лиц, напоминающих воспаленные младенческие попки, и полнозвучный голос людей, полощущих горло гравием. Они разъезжали по полю для игры в гольф на электрических колясках, избавляющих от риска похудеть. До сих пор я в США встречал только обаятельных, цивилизованных, приятных и исключительно щедрых людей, так что это собрание монстров произвело на меня, мягко выражаясь, отталкивающее впечатление. По плану мое выступление перед этими рожами должно было

состояться после обеда, коему предшествовали два часа невиданной попойки. Заказав стаканчик виски, я получил нечто вроде небольшой цветочной вазы, содержащей двести пятьдесят граммов спиртного, четыре кубика льда, каждый из которых мог пустить ко дну «Титаник», и чайную ложку содовой с парой-тройкой заблудших пузырьков газа.

К тому времени, когда подали обед, мои потенциальные слушатели усели основательно нагрузиться. Естественно, к каждому блюду подавались надлежащие вина, а в заключение — бренди в кубках величиной с супницу. Сидевшая рядом со мной дама (согбенная под тяжестью недурной имитации королевских драгоценностей) явно соблюдала диету, заботясь о своем здоровье, и налегала на жидкости, пренебрегая более плотной пищей. Обращенные ко мне редкие реплики соседки произносились, насколько я мог разобрать, на одном из наиболее цветистых и замысловатых средневропейских диалектов. Я вежливо кивал и отвечал: «Да», «В самом деле?», «О» — и так далее в столь же глубокомысленном духе. Но вот наступила великая минута. Деятель, организовавший для меня сие тяжелое испытание, встал и, вступив в неравный бой с гулом послеобеденной застольной беседы, произнес короткую вступительную речь, из которой я не разобрал ни слова, после чего сел обратно на свой стул, слегка пошатываясь. Пришла моя очередь встать, и все замолкли, тупо глядя на меня.

Я разразился речью, страстно призывая самых несимпатичных млекопитающих, с какими меня когда-либо сводила судьба, прийти на помощь животному миру. Ораторствуя под приглушенный шепот участников застолья, я вдруг обратил внимание на странные звуки рядом с моим локтем. Оглянулся и обнаружил без особого удивления, что особа с королевскими драгоценностями (явно убаюканная моим ласкающим слух английским акцентом) уснула, причем отягощенная побрякушками бесчувственная голова ее опустилась на тарелку, содержащую, увы, роскошное клубничное суфле. Лицо особы окунулось в розовую кашицу, и в лад тяжелому дыханию клубничное суфле громко и весело булькало, как если бы кто-то надумал втягивать в себя через соломинку фруктовый пломбир.

Я был только рад прервать свою лекцию и с не меньшей радостью покинул на другой день эксклюзивный клуб, обогатившись жалкой сотней долларов.

Нам было важно попасть на утренний самолет до Нью-Йорка, где была назначена следующая лекция и где меня ожидали телевидение, радио и пресса. А потому с утра пораньше, позавтракав и собрав вещи, я поспешил в номер Питера — проверить, не проспал ли он. Мне предложил войти его печальный, полный душевной боли голос. На кровати лежал поднос с завтраком, самого же Питера не было видно.

— Где ты? — воззвал я.

— Здесь, дружище Джерри, здесь, — откликнулся он из ванной.

Заглянув в ванную, я увидел, что Питер стоит нагишом с выражением крайнего ужаса на лице, прижимая к животу большое полотенце.

— Что с тобой? — удивился я.

— Посмотри, — прохрипел он, указывая куда-то вниз.

Я посмотрел и увидел, как по его ноге струится кровь, собираясь в лужицу на дне ванны.

— Боже милостивый! Что ты натворил?

— Не знаю, — ответил Питер; казалось, он вот-вот заплачет. — Похоже, порезался перстнем, когда вытирался.

— Ясно, пошли, ложись на кровать, я проверю, что там у тебя, — распорядился я, не слишком милосердно говоря себе, что Питер, конечно же, должен был порезаться перстнем именно тогда, когда у нас тут со временем.

Он послушался, и я увидел, что перстень почти совсем перерезал крупный сосуд на такой части тела Питера, где наложение жгута неизбежно превратило бы моего друга и помощника в кастрата. Как укротить кровотечение? Лихорадочно озираясь, я остановил свой взор на солонке, стоящей на подносе. Живо стерев с ранки кровь, я высыпал на нее всю соль. Результат был не совсем таким, на какой я рассчитывал. Вспомнив все, чему его учили в хореографическом училище, Питер взмыл над кроватью в прыжке, которому позавидовал бы сам Нижинский, разбрызгивая кровь и рассыпая во все стороны соль; при этом издаваемые им вопли явно соответствовали болевым ощущениям бедняги. Мы описали несколько кругов по комнате, прежде чем я настиг его и снова уложил на кровать; пришлось пообещать, что больше не стану лечить его солью. Разумеется, от всей этой беготни кровь потекла еще сильнее, напоминая маленький фонтан. Было очевидно, что необходимо принять энергичные меры, чтобы Питер вовсе не истек кровью и чтобы мы все-таки успели на наш самолет.

Я позвонил дежурному администратору.

— У вас, наверно, есть аптечка?

— А что случилось?

— Мой друг порезался, — ответил я: дескать, с кем не случается во время бритья.

Могу ли я спуститься за аптечкой? Конечно, могу. Велев Питеру лежать и не двигаться, я сбежал вниз и очутился у стойки администратора одновременно со стайкой весело смеющихся американских девчушек, которые обступили меня со всех сторон.

— Я так сожалею о случившемся с вашим другом, — сказал администратор, кладя на стойку аптечку. — И где же он порезался?

— Я... э... ну, это... простая царапина, вот только кровь, понимаете, — промямлил я.

Девчушки с интересом уставились на меня, услышав английский акцент. Администратор открыл аптечку, порывлся и достал липкий пластырь.

— Может быть, это пригодится? — сочувственно осведомился он.

Окруженный невинными созданиями, я затруднялся объяснить, что липкий пластырь вряд ли хорош для той части тела, которую я собирался латать.

— Возьму-ка я всю коробку, — сказал я, сопровождая свои слова действием. — Так будет проще, понимаете.

— Конечно, сэр, конечно, — отозвался администратор. — Но это государственное имущество.

— Не сомневаюсь, что там есть все необходимое. — Я прижал коробку к груди и стал протискиваться через стайку юных леди. — Я только посмотрю... огромное спасибо... верну ее вам.

С этими словами я скрылся в лифте. Благополучно вернувшись в номер Питера, я принялся изучать богатое содержимое аптечки. Здесь были все известные человечеству медикаменты. За исключением средств, останавливающих кровотечение. Однако, покопавшись в этом роге изобилия, я нащупал баночку аэрозоля с надписью «Ньюскин». Нажал на кнопку — вырвалась струйка тонких, как паутина, волокон, которые тут же затвердели.

— То самое, что нам нужно, — подбодрил я Питера, пытаясь в то же время сообразить, что же это за вещество.

Нажав пальцем на сосуд, чтобы остановить кровотечение, я другой рукой направил туда струю из аэрозоля. Видимо, я перестарался, потому что гениталии Питера, окутанные облаком паутины, мигом уподобились одному из наиболее пышных и своеобразных южноамериканских птичьих гнезд. Кровотечение было остановлено, однако я спрашивал себя, не начнет ли эта конструкция сжиматься, высыхая. Мои опасения не оправдались, и через несколько секунд я заставил Питера живо одеться, после чего мы помчались в аэропорт, где в последнюю минуту успели занять свои места в самолете.

В Нью-Йорке я снова встретился с Томом Лавджоем, и мы разработали юридическую формулу, согласно которой появился Международный трест охраны диких животных в качестве отделения нашего Треста, наделенного полномочиями собирать средства для наших целей. Пожалуй, вернее будет сказать, что я изложил Тому, в чем нуждается Джерсийский трест, а он уже мастерски разработал соответствующий план.

Конечно, не всегда процедура сбора подаяния доставляет удовольствие,

Д

но в данном случае я был вполне вознагражден встречами с чудесными, щедрыми людьми, которые к тому же сплотились вокруг идеи МТОДЖ и учредили наш первый совет директоров. В последующие годы благодарность нашим друзьям неизменно росла, ибо большая часть щедрых взносов и грантов поступает из-за Атлантики, и без такой замечательной помощи наше развитие шло бы куда медленнее. Однако я должен подчеркнуть, что столь желанный американский экспорт не ограничивается долларами, и тут самое время вернуться к мадагаскарским лемурам, выступающим в несколько неожиданной роли сватов.

Дьюкский университет в Северной Каролине по праву славился своей коллекцией лемуров, самой большой за пределами Мадагаскара, и его сотрудники достигли замечательных успехов в изучении и размножении этих животных. Тем сильнее было мое потрясение, когда в письме профессора Франсуа Бурльера (одного из виднейших приматологов Франции), члена нашего Научного совета, я прочел, что поговаривают об отказе университета от упомянутой коллекции из-за недостатка средств. Профессор спрашивал: не может ли Трест что-нибудь сделать? Разумеется, финансовой помощи мы не могли оказать, однако если страшная новость о нависшей над коллекцией угрозе подтвердится, мы постараемся бы приютить несколько видов. Как раз в это время я собирался вновь направиться со своим кувшином к источнику американских долларов, а потому позвонил в наше заокеанское отделение и сказал, что хотел бы до начала нового разбойного набега на Америку посетить Дьюкский университет. За согласием дело не стало, и мы договорились, что я полечу в Дарем, где меня встретит многострадальная Марго Рокфеллер, чья дочь Кэролайн училась в том самом университете. Исполненная, как всегда, энтузиазма, Марго ждала меня в аэропорту, и по дороге в университет я просветил ее относительно важности дьюкской коллекции приматов.

— Но если они так чертовски важны, — последовал естественный вопрос, — почему университет не желает их содержать должным образом?

— Понятия не имею. Могу лишь предположить, что бывшие его питомцы больше заинтересованы в поддержке местной футбольной команды, чем каких-то там вонючих лемуров.

— Ну, знаешь, это просто позор, если коллекция в самом деле так важна, — воинственно заключила Марго.

Прибыв на место, я обнаружил, что для нас, как говорится, расстелили красную ковровую дорожку. Сразу же началась экскурсия в сопровождении гогочущих профессоров. Три часа я пребывал в своей стихии, переходя от клетки к клетке и любуясь дивными животными — яркими, как флаг, рыжими вари, сидящими в ряд этаким декоративным бордюром кольце-

хвостами, сифаками, одетыми в светлую серебристую шерсть, с огромными золотистыми глазами на бархатно-черной мордочке — ни дать ни взять старинные детские игрушки «мартышка на палочке». Были тут и лемуры-монгоц с мехом разных оттенков шоколадного цвета, чьи светлые глаза почему-то придавали им хищный вид, карликовые лемуры, пушинками порхавшие по воздуху в своих клетках, на голове величиной с грецкий орех — большущие глаза цвета топаза и тонкие лепестки ушей.

За ленчем мы только и говорили что о лемурах, и я видел, как бедняжка Марго скучнеет под напором научных словоизлияний. Да я и сам довольно туго соображал после длительного перелета. Перекусив, мы еще два часа пообщались с лемурами; наконец мы с Марго побрели обратно в свой мотель, памятуя, что добрейшие профессора устраивают вечером званый обед в нашу честь.

— Честное слово, не выдержу, — жалобно произнесла Марго. — Вообще-то я не против, но я и половины не понимаю из того, что они говорят. Эти люди всегда употребляют такие многосложные слова?

— Всегда, — печально отозвался я. — Сразу видно, ты не привыкла общаться с учеными людьми, которые не водят знакомства с такими невежественными простолюдинами, как мы с тобой.

— Не знаю даже, как я вынесу этот обед, — сказала Марго.

— А тебе и необязательно приходить. Обед-то ведь в мою честь. Мне придется пойти, а ты можешь сказать, что подвернула ногу или еще что-нибудь.

— Нет, милый, — мученическим тоном возразила Марго, — я оставалась тебе верна до сих пор, не изменю и сегодня вечером.

— Зайди в мой номер перед выходом, и я налью тебе стаканчик, чтобы настроить на нужный лад для вечеринки, — заключил я.

Мы и впрямь попытались настроиться при помощи бутылочки виски и явились в дом, где был назначен прием, порозовевшие и полные поддельного благодушия. К счастью, остальные гости уже успели пропустить по два-три стаканчика (таких размеров, какие увидишь только в США), а потому наше появление прошло незамеченным. Все профессора пришли со своими женами, кои тоже изъяснялись многосложными словами. Куда до них нам с Марго... Ее лицо выражало полную растерянность, да я и сам лихорадочно озирался в поисках укромного уголка, когда мой взор вдруг остановился на весьма привлекательной молодой женщине, которая сидела на мягком пуфе, потягивая какой-то напиток. Посмотрел на ее пальцы — колец нет, посмотрел кругом — нет ли вблизи нее какого-нибудь исполненного собственнических чувств мускулистого молодца. Никого. Одна из

О
Д

милых мне черт Америки — вы можете подойти к незнакомке и представиться, не опасаясь, что она лишится чувств от ужаса. И я не стал мешкать.

— Привет, я — Джерри Даррелл.

— Знаю, — сказала она. — Я Ли Макджордж.

— Чем вы занимаетесь? — спросил я. «Хоть бы не ответила, что помолвлена с одним из профессоров и обручальное кольцо находится в чистке».

— Научными исследованиями, — сказала она.

— И что же вы исследуете?

«Хоть бы не ответила — психологию, или ядерную физику, или исторические драмы второй половины XVII века...»

— Я изучаю общение животных, во всяком случае, такова тема моей докторской диссертации.

Я ошалело воззрился на нее. Назовись она дочерью индейского вождя и марсианки, и то я не был бы так поражен. Общение животных во всех его видах — предмет, безмерно интересующий меня.

— Общение животных? — тупо молвил я. — Вы подразумеваете всякие эти свисты, хрюканье, писк и прочие звуки, при помощи которых животные общаются друг с другом?

— Грубо говоря — да. Я проработала два года в поле на Мадагаскаре, изучала звуки, издаваемые лесными обитателями.

Я пожирал ее глазами. Конечно, она была хороша собой, но сочетание привлекательности с изучением общения животных делало ее в моих глазах чуть ли не богиней.

— Не уходите, — сказал я, — сейчас я наполню наши стаканы, и вы расскажете мне про Мадагаскар. Мне еще не доводилось там бывать.

Следующие два часа мы говорили про Мадагаскар и с жаром обсуждали тему общения животных. Пусть наши взгляды не во всем сходятся, говорил я себе, во всяком случае, у нас, двух млекопитающих, так сказать, нет проблем с общением.

Когда часы пробили десять, хозяин встал и объявил, что наступило время обеда. Я думал, что обед подадут в его доме, однако выяснилось, что мы все отправимся в какой-то ресторан. Выяснилось также, что только Ли знает дорогу к сему водопою, а потому ей было поручено возглавить кортеж на своем автомобиле.

— Отлично, — твердо произнес я, — поеду с вами, чтобы мы могли продолжить нашу беседу.

У Ли была маленькая машина, почему-то полная сухих листьев и собачьей шерсти, и мы тронулись в путь, сопровождаемые развеселой профессорской компанией с Марго где-то в середине кортежа. Увлеченные своей дискуссией, мы не заметили, как Ли повернула куда-то не туда и мы ката-

емся по кругу, увлекая за собой доверчивых ученых мужей. В конце концов нам все же удалось найти нужную улицу, и с опозданием в полтора часа мы прибыли в ресторан, где нас встретили с весьма кислыми минами. За обедом мы с Ли продолжали дискутировать, и около двух часов ночи она отвезла меня в мой мотель.

Проснувшись утром, я не особенно удивился, обнаружив, что малейший поворот головы сопровождается болевыми ощущениями. Стараясь не шевелиться, лежал и думал о Ли. Точно ли она такая умная или это показалось мне под влиянием спиртного? Красива несомненно, но как насчет интеллекта? Я позвонил доктору Элисон Джолли, видному знатоку природы Мадагаскара и поведения лемуру.

— Скажи мне, Элисон, ты случайно не знаешь девушку по имени Ли Макджордж?

— Как же, знаю — Дьюкский университет.

— И какого мнения ты о ней? — Я затаил дыхание.

— Ну, я отнесла бы ее к числу самых одаренных исследователей в области поведения животных, с кем я сталкивалась за последние годы.

Следующую проблему было не так легко разрешить. Может ли рассчитывать на успех у молодой симпатичной девушки тучный седой мужчина, по возрасту годящийся ей в отцы? Человеку, в чьи сети попадались млекопитающие на всех континентах, эта задача казалась неразрешимой. И тут вдруг я сообразил, что обладаю одним уникальным свойством: у меня есть зоопарк. Из чего следовало, что надо заманить Ли на Джерси и показать ей мое единственное достояние. Но как сделать это, не посеяв в душе девушки мрачных подозрений? Несколько дней я ломал голову над этой проблемой, потом меня вдруг осенило, и я взялся за телефон.

— Алло, это Ли Макджордж?

— Да.

— Говорит Джерри Даррелл.

— Знаю.

— Как вы догадались? — опешил я.

— Среди тех, кто может мне позвонить, вы единственный обладатель английского акцента.

— О, — отозвался я, пораженный логикой ее умозаключения. — Ладно, как бы там ни было, у меня две хорошие новости. Первая — получен грант, который позволит построить так необходимую нам лечебницу.

— Чудесно, — сказала она, — замечательно.

Я сделал глубокий вдох.

— Вторая новость — одна старушка, член нашего Треста, скончалась, великодушно завещав нам некую сумму. Обычно, когда люди жертвуют

Д

деньги Тресту, они указывают, на что их следует потратить, но в данном случае мне предоставлено самому решать этот вопрос.

— Понятно, — сказала Ли. — И что же вы собираетесь с ними сделать?

— Ну, если вы не забыли, я говорил о своем желании оборудовать кабинет для изучения поведения животных и приобрести звукозаписывающую аппаратуру...

Что было совершенной правдой.

— И вы хотите использовать на эти цели завещанную сумму. Прекрасная идея, — с жаром произнесла она.

— Ну, не совсем так, — ответил я. — Сумма не так уж и велика, однако достаточна, чтобы провести предварительные исследования и решить, может ли из этой идеи что-то получиться. Вот я и подумал... не использовать ли эти деньги... на то, чтобы пригласить вас на Джерси, где вы могли бы меня консультировать. Как вам такой вариант?

— Замечательная идея, — медленно произнесла она. — Но вы уверены, что хотите, чтобы я консультировала вас?

— Совершенно уверен, — твердо сказал я. — При вашем опыте лучшего консультанта не найти.

— Что же, я была бы только рада, однако могу приехать лишь после окончания семестра.

И Ли приехала, вооруженная тяжелым магнитофоном, и провела на Джерси полтора месяца. Как я и ожидал, она была в восторге от моего зоопарка и от работы, проводимой Трестом. На исходе полутора месяцев я не без трепета спросил, не согласится ли она выйти замуж за меня, и Ли, к великому моему удивлению, согласилась.

Я по природе скромный человек, однако чрезвычайно горжусь одним совершенно уникальным достижением. А именно: история не знает другого человека, за которого вышли бы замуж ради его зоопарка.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ПОПРОБУЙ СОХРАНИ...

На бумаге сам принцип размножения животных в неволе для сохранения вида выглядит достаточно просто. Вы определяете нуждающийся в спасении вид и создаете плодovitую колонию. На деле все куда сложнее. Прекрасный пример — сага о карликовой свинье. Проблемы, с которыми мы столкнулись, пытаясь помочь выживанию этого миниатюрного представи-

теля семейства свиных, многому нас научили. Научили, как важно работать в поле, поскольку мы слишком мало знаем про образ жизни большинства видов. Научили, что очень часто в разных концах света равнодушные властей или межведомственные склоки могут сорвать все усилия по охране дикой природы. А в данном конкретном случае мы узнали, что угроза иным животным не так велика, как нам представляется, ибо когда заинтересовались карликовой свиньей, считалось, что этот вид уже вымер.

Впервые карликовую свинью, самый мелкий вид в семействе свиных, описал в 1847 году в Ассаме (Северная Индия) Б. Ходжсон. Сперва не было даже уверенности, что речь идет об отдельном виде, а не о поросенке обыкновенного дикого индийского кабана. Тем не менее истина была установлена, и вид получил наименование *Sus salvanius*. Для музеев добыли несколько особей, затем «карлики» исчезли так же внезапно, как были обнаружены. Виной тому считалось вторжение человека в их среду обитания — заросли пеннисетума, которые выжигали, расчищая площади для земледелия. Казалось, карликовая свинья лишь на короткий миг отметилась в ученых трудах, чтобы тут же отойти в небытие, подобно дронту.

Однако я не исключал возможности, что на редко посещаемой учеными обширной территории где-нибудь в зарослях еще могли уцелеть никем не замеченные мелкие робкие особи, и сказал себе, что надо бы когда-нибудь попробовать выследить исчезнувшую свинку. Сказал — и перестал об этом думать, пока жизнь не свела меня с неким капитаном Тесье-Яндедлом. И не только с ним — капитан явился в сопровождении выдры, которая в моих глазах превосходила всякие там скучные визитные карточки. Тесье-Яндедл искал временное прибежище для этой выдры: его срок службы в Ассаме подходил к концу, он готовился выйти на пенсию и собирался поселиться на Джерси, а до той поры ему надо было где-то пристроить любимого зверька. Не стану утверждать, что я мечтал о выдре, как ни прелестны эти животные, но этот экземпляр с ходу завоевал мое сердце. Пока мы сидели с капитаном в моем кабинете, где по полу форменным образом стругился зверек, как будто совсем лишенный костей, Тесье-Яндедл заметил, что готов, пока в Ассаме будут оформляться его бумаги, поискать там каких-нибудь интересующих меня животных.

— Карликовая свинья, — выпалил я.

Он, как и следовало ожидать, тупо воззрился на меня.

— Карликовая свинья? Это что еще за создание? — неуверенно молвил капитан.

— Самый мелкий представитель семейства свиных, считается вымершим, но я могу побиться об заклад, что они еще существуют. Очаровательное маленькое животное, — горячо произнес я.

Д

Правда, я никогда не видел карликовых свиней, но отношусь с великим расположением ко всем членам названного семейства. Свинья, да еще карликовая, просто не могла не быть очаровательной. Я достал единственное в моем архиве изображение загадочной свинки, и мы внимательно изучили его. Высота тела карликовой свиньи — 25—30 сантиметров, в целом она величиной с жесткошерстного терьера. Покрыта серой и черной щетиной; клыки маленькие, но достаточно крепкие. На первый взгляд эти свинки и впрямь похожи на поросенка дикого кабана, но при ближайшем рассмотрении видно, что их отличает совсем другая форма головы. При всей моей любви к семейству свиных должен признаться, что даже самый ярый почитатель этих животных не назовет взрослую карликовую свинью красавицей.

К великой моей радости, Тесье-Янделл сразу загорелся.

— Непременно займусь этим, — сказал он. — И буду опрашивать местных жителей — может, что-нибудь и получится.

За прошедшие до того годы я от десятков людей слышал подобные заявления, и очень редко обещания выполнялись. Но Тесье-Янделл сдержал свое слово. Не успел я оглянуться, как получил от него письмо с замечательной новостью — карликовые свиньи существуют, правда в небольшом количестве, местные жители знают про них и попытаются отловить несколько экземпляров. К сожалению, сам Тесье-Янделл не мог за этим проследить, поскольку настало время покинуть Индию, но он поручил заняться этим делом ассамской организации, отвечающей за охрану дикой фауны, которая уже проявила себя в содержании и размножении чрезвычайно редкой белокрылой лесной утки. И вскоре последовало совершенно фантастическое известие — карликовые свиньи отловлены и целых три пары содержатся в одном хозяйстве в Аттарикхате. Четыре драгоценные особи могли стать нашими, сумей мы одолеть два препятствия: во-первых, получить разрешение на их вывоз от правительства Индии, во-вторых, добиться от британского министерства сельского хозяйства согласия на их ввоз на Джерси, ибо на сем острове действуют на этот счет те же законы, что и во всем Соединенном Королевстве.

Первую проблему мы решили, обратившись к сэру Питеру Скотту, члену нашего Научного совета и председателю одной из комиссий Международного союза охраны природы и природных ресурсов (МСОП), занимающейся спасением угрожаемых видов. Сэр Питер тотчас написал письмо премьер-министру Индии Индире Ганди, живо интересующейся охраной природы, и она не замедлила дать свое согласие на то, чтобы нам позволили вывезти на Джерси две или три пары карликовых свиней. Казалось, главное сделано, но не тут-то было. У министерства сельского хозяйства

было на этот счет свое особое мнение. Скажите ветеринарам этого ведомства, что вы собираетесь ввезти в Соединенное Королевство коров, или коз, или овец, вообще каких-либо парнокопытных, и им делается дурно, так они боятся осквернить чистый британский скот грязной иностранной напастью вроде сибирской язвы, ящура, чумы, бруцеллеза или еще какой-нибудь гадкой заразы. Особенно свиньи вызывают у них коллективное нервное потрясение, поскольку благородная британская свинья способна заразиться специфической чумой или рожей.

После долгой переписки, поначалу довольно прохладной, но постепенно все более человеческой, нам неохотно сообщили, что мы можем привезти «карликов» в один из зоопарков на Европейском континенте и добиться там от них приплода. Если затем будет точно установлено, что за последние полгода в данной области не отмечено ни одного случая упомянутых страшных болезней, нам будет позволено доставить поросят на Джерси. Вроде бы подходящее решение, но дело в том, что в Европе действует свое карантинное законодательство, и предстояло найти зоопарк, пользующийся соответствующим разрешением, располагающий подходящим помещением и *желающий* принять у себя карликовых свиней. Перед лицом всех этих сложностей я уже начал жалеть, что вообще когда-то услышал про этих животных. И тут, когда мы совсем отчаялись чего-либо добиться, нам на выручку пришел Цюрихский зоопарк. Дирекция согласилась принять «карликов», попытаться получить приплод и в случае успеха передать поросят (всех или некоторых) нам. Окрыленный успехом (мы шли к нему полгода), я попросил Джереми немедленно вылететь в Ассам и привезти оттуда диких зверушек. Разумеется, как только Джереми прибыл в Атарикхат, он столкнулся с тем, что вечно отравляет жизнь борца за охрану природы, — с политикой.

Уже несколько лет (и процесс этот продолжается) Ассам добивался полной автономии, и полный радужных надежд Джереми обнаружил, что между Ассамом и Индией царят, мягко выражаясь, весьма натянутые отношения. А потому, когда он радостно возвестил, что приехал получить три пары карликовых свиней, и предъявил бумагу от мадам Ганди, местные органы и бровью не повели. Джереми ощутил себя таким же желанным гостем, как гробовщик на свадьбе. Деятель, отвечающий за охрану лесов, в чьей власти было решать этот вопрос, заявил, что у него нет лишних свиней. Как будто он хоть что-то делал, чтобы спасти их от вымирания и сохранить ту самую среду обитания, беречь которую было его обязанностью. Столкновение с политическим антагонизмом и бюрократией привело Джереми в бешенство. Обмен с Нью-Дели телеграммами ничего не дал. Хранитель лесов стоял на своем. Джереми был уже готов признать

Д

свое поражение, когда хранитель решил, что лимит политических игр исчерпан и лучше не доводить упрямство до абсурда. Достаточно того, что он высказал центральному правительству свое мнение. И Джереми было великодушно позволено вывезти пару карликовых свиней. Как быть? Учредив Трест, мы после тщательного обсуждения и консультаций со специалистами пришли к выводу, что минимальное количество особей любого вида для создания плодовой колонии с достаточно широкой генетической базой — три пары, и этой цифрой следует руководствоваться, за исключением особых случаев, например, если вся популяция диких животных состоит всего лишь из восьми-десяти особей. Поразмыслив, Джереми справедливо рассудил, что придется довольствоваться малым, учитывая, сколько времени, сил и денег нами потрачено на этот проект. Итак, он поместил свинок в клетки и поспешил уехать, пока хранитель лесов не передумал.

Малыши благополучно доехали до Цюриха и отлично освоились в карантинном загоне. Они быстро привыкли к неволе и к непривычному корму, и мы прониклись верой в успех нашей затеи. К великой нашей радости, самка принесла пять поросят, да только четверо из них были самцы и всего одна самочка. Лишнее подтверждение мудрости нашей стратегии — стараться приобретать минимум три пары вида для размножения, ведь у нас образовался избыток самцов. А тут еще родители неожиданно умерли, оставив нам всего одну пару. Правда, поросята росли как на дрожжах, но когда они достигли половой зрелости, судьба нанесла новый удар — единственная наша самочка умерла при родах. И остались мы с четырьмя молодыми симпатичными особями мужеского пола. К этому времени отношения между Ассамом и Индией испортились настолько, что нечего было и надеяться заполучить новых самок. В который раз политика стала поперек дороги природоохранным мероприятиям. Не видя другого выхода, мы произвели искусственное осеменение спермой наших «карликов» одного вида мелких домашних свиней, надеясь получить поросят, которых можно будет «выдать замуж» за наших самцов, чтобы в конечном счете вывести потомство, генетически близкое к «настоящим» карликовым свиньям. Из этой попытки ничего не вышло, потому что домашние свиньи не зачали.

Такова печальная повесть о карликовой свинье, которую считали вымершей и заново открыли, о неудавшейся попытке спасения вида; теперь это маленькое животное вновь кануло в безвестность. Когда мы только начинали заниматься его судьбой, в Ассаме ежегодно выжигалось сорок-пятьдесят процентов площади, занятой под пеннисетумом, единственной известной средой обитания карликовой свиньи. Мало того, в последний оплот карликовой свиньи — тигровый заповедник Манас, где обитают также почти совсем истребленные большой однорогий носорог и дикий буйвол, —

вторгаются воинствующие сепаратисты. Они убивают объездчиков, разводят костры и стреляют носорогов. Хотя утверждают, будто индийская армия теперь контролирует ситуацию, чудом спасаясь от полного исчезновения карликовая свинья вскоре последует по пути дронга, квагги, странствующего голубя и множества других тварей, коим не довелось ужиться с самым страшным хищником — гомо сапиенс, никак не заслуживающим звания «разумного».

Конечно, добывать информацию о других представителях животного мира непросто, но уж общение с представителями собственного вида, казалось бы, не должно быть таким сложным, ведь даже языковые барьеры можно преодолеть. Увы, я на собственном опыте убедился, что это не так, что извлечь нужные сведения из своих сородичей бывает не менее трудно, чем проникнуть в тайны половой жизни какой-нибудь загадочной глубоководной рыбы. Убедился, когда мы заполучили белых ушастьх фазанов.

Эти красивые грациозные птицы обитают в горах Китая и Тибета, причем, подобно большинству пернатой дичи (достаточно назвать гокко и краксов Южной Америки, а также африканских цесарок), становятся все более редкими из-за отстрела и сокращения среды обитания. Последний раз белых ушастьх фазанов вывезли из Китая в 1936 году, и в неволе содержалось всего восемнадцать птиц, неспособных к размножению по разным причинам. А потому, когда представилась возможность приобрести в Китае еще птиц, чтобы попытаться создать плодovitую колонию, мы тотчас же ухватились за нее. Купили две пары, и в одной из моих книг я уже рассказывал, каких трудов нам стоило получить от них потомство, сколько огорчений мы испытали. В конце концов все же добились успеха, и наступил поистине праздничный день, когда Шеп Мэлит, заведовавший тогда нашим птичником, и я могли с нежностью полюбоваться тринадцатью хрупкими цыплятами, одетыми в желтовато-коричневый пух с шоколадными пятнами; малыши, попискивая, сновали вокруг высидевшей их бентамки — ни дать ни взять заводные игрушки, какими торгуют лоточники.

Разумеется, мы завели пространныю картотеку с различными данными о наших драгоценных крошках, однако нам недоставало кое-какой важной информации о состоянии вида как в неволе, так и в местах обитания. От голландского торговца, продавшего нам взрослых птиц, мы знали, что он приобрел их в Пекинском зоопарке. Казалось, настолько естественно написать директору этого зоопарка и запросить у него нужные сведения!

Я сочинил восторженное письмо, поведал, как мы были счастливы, получив фазанов, подробно рассказал о работе Треста и попросил оказать нам содействие. Приложил к письму несколько экземпляров нашего годового отчета, путеводитель по зоопарку, фотографии цыплят и их родите-

Д лей в птичнике. Потекли дни, недели. Сказав себе, что из-за культурной революции в Китае письмо могло затеряться, я отправил следом копию (плюс еще фотографии и прочий материал) с соответствующей припиской. Прождав еще несколько недель, послал третье письмо, затем четвертое. Безрезультатно. Поразмыслив, разработал новый план действий. Написал послу Китая в Лондоне, приложив копии писем в Пекинский зоопарк, прося совета и помощи. Никакого ответа. Написал снова, добавив, что предыдущее послание, несомненно, потеряно этими никуда не годными, паскудными британскими почтовиками, и снова приложив копии всего, что я когда-либо писал про белых ушастых фазанов. Никакого ответа. Словно я вообще не начинал еще никому писать. Изрядно разозленный (я ведь не просил их поделиться своими атомными секретами), я написал поверенному в делах китайского посольства, вновь излагая суть дела и сопровождая письмо очередными копиями. Моя переписка по этому вопросу могла сравниться объемом с рукописями Толстого, и почтовые расходы составили внушительную сумму. Молчание. Я дважды повторил эту попытку. Молчание.

В полном отчаянии я сделал копии всей моей односторонней переписки с китайцами и послал нашему послу в Пекине, прося извинить за беспокойство и умоляя помочь мне пробить стену молчания. Посол учтиво ответил, что направил мое послание директору Пекинского зоопарка и что больше ничего не может сделать. В письме выражалась надежда, что я получу долгожданный ответ. Не скажу, чтобы я удивился, не получив вообще никакого ответа. Сегодня, почти тридцать лет спустя, дело так и не сдвинулось с места. Такого рода односторонняя переписка сильно смахивает на отправку писем Деду Морозу перед Рождеством.

Латиноамериканцы тоже почитают делом чести не отвечать на письма; во всяком случае, так было, когда мы решили заполучить бесхвостых (вулканых) кроликов.

Бесхвостый кролик настолько своеобразен, что выделен в особый род с единственным входящим в него видом, и обитает он только на склонах вулканов в окрестностях Мехико, известных под трудновыговариваемыми названиями Попокатепетль и Истаксихуатль. Мелкий зверек размерами сравним с детенышем европейского дикого кролика, но у него совсем маленькие, аккуратные ушки, прилегающие к голове, более округлый профиль и присущая лишь этому роду стойка.

Помню, как мы впервые ехали вверх по склону Попокатепетля, высматривая кроликов. Конец дороги уперся в рассыпчатый снег, и в пути мы увидели только редкий сосновый бор, где топорщились золотистые кочки травы закатон, словно сотни тысяч париков на манекенах. Когда же мы

стали спускаться обратно в заполненную смогом низину, где раскинулся Мехико, этот все более дурно пахнувший город, то услышали вдруг странный звук, нечто среднее между щебетом и лаем. Присмотрелись — и увидели настороженно глядящего на нас бесхвостого кролика, восседающего на роскошном парике из закатона. Я любовался очаровательным, будто только что вымытым и причесанным зверьком с маленькими яркими глазами, обитателем закатонового царства в прозрачном свежем воздухе у вершины вулкана. Потом перевел взгляд на долину, где под густой пеленой смога таился мегаполис. И мне подумалось, что кролик сумел вписаться в свою среду, не вредя ей, тогда как человек, куда бы ни пришел, гадит в своем гнезде, портит все не только для себя, но и для других созданий, которые пытаются выжить возле него.

Уже и в шестидесятые годы было видно, как домашний скот и зерновые карабкаются вверх по склонам вулканов, угрожая среде обитания кроликов, и я подумал, что пора действовать. За два года отправил одиннадцать писем соответствующим органам власти в Мехико и не получил ни одного ответа. От досады несколько писем послал заказными, чтобы не говорили, будто они не дошли. Когда же, выйдя из себя, сам отправился в Мехико, чтобы увидеть человека, коему адресовал свои послания, назначенные встречи сплошь и рядом отменялись под каким-нибудь предлогом. Наконец я все же застал его, но он категорически отрицал получение каких-либо писем от меня, хотя я показал ему папку с копиями. После чего, встав на защиту своего латиноамериканского самолюбия, изрядно пострадавшего от моего раздражения, вызванного его канителью, еще долго манежил меня, прежде чем выдал разрешение на отлов и вывоз бесхвостых кроликов.

* * *

Когда имеешь дело с бюрократией и ее тупыми представителями, есть лишь один способ достичь успеха: будь холоден, как глетчер, и напирай сантиметр за сантиметром, как тот же глетчер, покуда не добьешься своего. Однако схватка с бюрократами — подобно схваткам с аллигаторами — требует отваги, силы и времени, а времени как раз порой и не хватает, потому что требуется срочное решение вопроса. К тому же не всегда бюрократ становится камнем преткновения. Кто не знает, что мистер Бамбл у Чарльза Диккенса сравнивал закон с ослом, и кто не сталкивался с законом, напрашивающимся на сравнение с потрясающе бестолковым, умственно отсталым ослом.

Дефицит времени и законотворческого здравого смысла ярко выразился в случае с приморской овсянкой Даски, случае настолько несуразном и

Д

смехотворном, что, если бы не трагический исход, рассказ о нем вызвал бы недоверчивый смех в любой аудитории и люди хвалили бы вас за редкостный сарказм и способность к преувеличению.

Приморская овсянка Даски (о ней теперь приходится, увы, говорить в прошедшем времени) — симпатичная маленькая птичка, обладавшая темным оперением в желтую крапинку и мелодичным голосом. Она обитала на приморских засоленных болотах Флориды, но дренажные работы и вторжение человека в ее среду обитания привели к тому, что под конец оставалось всего четыре особи, притом все — самцы. Их отловили и приступили к поиску самки — безрезультатно. Таким образом, единственными в мире представителями вида была упомянутая четверка самцов. Между тем поблизости жила родственная приморская овсянка Скотта¹, и возникла идея скрестить самку этого вида с овсянками Даски, с тем чтобы, скрещивая далее потомство, постепенно получить вид, генетически неотличимый от овсянок Даски. Казалось бы, разумный подход к проблеме, требующей безотлагательного решения, и все соглашались, что стоит попытаться. Все — кроме Службы рыбных ресурсов и диких животных США, федеральной организации, в чьем ведении находились уцелевшие овсянки Даски и в чьи обязанности входило позаботиться о том, чтобы вид не вымер.

Проблема заключалась не в финансах, ибо деньги для этого проекта предоставили неправительственные источники (в том числе американское отделение нашего Треста), от федеральных органов тут ничего не требовалось. А камень преткновения был исключительно юридического свойства, как это можно видеть по приводимым здесь выдержкам из пресс-релиза Флоридского общества имени Одюбона, который оказался гласом вопиющего в пустыне.

ДЛЯ НЕМЕДЛЕННОГО ОПУБЛИКОВАНИЯ.

ПРОЩАЙ НАВЕКИ, ПРИМОРСКАЯ ОВСЯНКА ДАСКИ?

Мейтленд. Флоридское общество имени Одюбона настоятельно призывает федеральные органы одобрить мероприятие по скрещиванию, призванное спасти для мира гены приморской овсянки Даски.

По словам Питера Родса Морга, председателя Флоридского общества, намеченную программу следует осуществить немедленно, пока живы содержащиеся в неволе четыре самца овсянки Даски... «Мы можем создать

¹ Несколько лет спустя, исследуя ДНК приморских овсянок, установили, что овсянка Скотта родственно не так близка овсянке Даски, как некоторые другие приморские виды. Однако этот факт не играет роли для моих дальнейших рассуждений, а только говорит о том, что борцам за охрану живой природы и генетикам следовало раньше объединить свои усилия.

плодовитую популяцию, чьи гены, по сути, будут аналогичны генам овсянок Даски. У нас уже есть деньги на год работы с этим проектом». Однако Морг сообщает, что Служба рыбных ресурсов и диких животных до сих пор отказывается одобрить программу скрещивания. Юристы названной Службы пришли к выводу, что потомство овсянок Даски-Скотта никогда не даст «чистокровных Даски», стало быть, не может считаться угрожаемым видом. А потому Служба не вправе расходовать на эту программу деньги, предназначенные для спасения угрожаемых видов, и не берется охранять выпущенных на волю гибридов Даски-Скотта.

«Если Служба полагает, что нет смысла тратить на сохранение генов овсянки Даски, — говорит Морг, — предпочитая расходовать средства на более знатные угрожаемые виды, мы как-нибудь переживем это решение. Однако нельзя позволять юристам обрекать посредством софизмов овсянок Даски на полное исчезновение, тем более что есть разумная реальная альтернатива. Нельзя допустить, чтобы вид совершенно исчез лишь потому, что Служба рыбных ресурсов и диких животных не в состоянии преодолеть собственную бюрократическую инерцию. Короче, мы не можем бездейственно дожидаться, когда одна за другой вымрут оставшиеся овсянки Даски. Особенно коль скоро существует альтернатива и есть средства, предоставленные частным сектором».

Однако на этом битва не кончилась. В борьбу включились Международный совет по охране птиц, ученый секретарь Смитсонова института, видный орнитолог и птицевод Диллон Рипли и куратор Отдела естественных наук во Флоридском государственном музее доктор Харди, который написал письмо в Вашингтон директору Службы рыбных ресурсов и диких животных США. Ниже следует выдержка из полученного им ответа, образец возведения напыщенного пустословия в ранг нового искусства. В скобках — перевод бюрократического диалекта на обычный язык и мой комментарий.

«...Хотя ваше предложение содержит некоторые интересные возможности, мы полагаем, что скрещивание овсянок Даски с родственными приморскими видами вряд ли оправданно по следующим причинам:

1. Нет никаких гарантий, что скрещивание даст Даски-подобных приморских овсянок, способных жить на засоленных болотах, служащих обителью овсянок Даски, нет также гарантий, что гибриды будут плодовитыми. *(Такое скрещивание никогда не производили, стало быть, вы не можете знать, что из этого выйдет.)*

2. Скрещивание приведет к постоянному размыванию димов овсянки Даски, что нам представляется нежелательным. *(На языке биологов «дим» — «группа особей с высокой вероятностью спаривания между собой»... Но можно ли при наличии всего четырех самцов вообще говорить о каком-то диме, тем более о каком-то размывании, тем более о желательности или нежелательности?)*

3. Нам слишком мало известно о том, осуществимо ли «обратное скрещивание» и способно ли оно дать почти «чистокровных» приморских овсянок Даски. *(Опять же — вы еще не делали никаких попыток; и вообще — что вы теряете?)*

4. Мы не считаем, что метод гибридизации как природоохранное средство регенерации конкретных видов совместим с уставом нашей организации. *(Насколько я понимаю, он хочет сказать: «Мы предпочитаем ничего не делать вместо того, чтобы что-то делать, так как, делая что-то, можем создать прецедент и нам придется работать».)*

5. Одобрение данного проекта создаст в области скрещивания прецедент, который мы не можем поддерживать. *(Прецедент, явившись на свет, превращается в хищного монстра, ищущего, кого бы сожрать. Ящик Пандоры лучше не открывать. Овсянки всегда найдутся, бюрократов следует беречь.)*

Сожалею, что наши взгляды на способы сохранения приморской овсянки Даски расходятся. Тем не менее мы весьма признательны за ваше предложение и надеемся, что вы сможете поддержать задуманное нами мероприятие. *(Под «мероприятием» подразумевались дальнейшие поиски самок овсянки Даски.)*

Искренне...»

Один комментатор высказался по этому поводу еще более едко, чем я:

«Причины отказа выражены в форме софистических выкрутасов, продиктованных опасением «создать прецедент». Поскольку вымирание вида — прецедент, с которым мы будем сталкиваться постоянно, нам трудно оценить или понять юридический жаргон и бюрократические препоны, воздвигаемые людьми (иные из которых были биологами и специалистами по охране живой природы, прежде чем запутались в сетях управленческих структур), коим следовало бы понимать, что к чему. Есть нечто нелепое в том, что последний удар популяции приморской овсянки Даски нанесен именно тем федеральным органом, в чьи обязанности входило не дать ей исчезнуть».

Пока шла эта битва, овсянки Даски одна за другой умирали, но Служ-

би рыбных ресурсов и диких животных не расставалась с бюрократическими шорами и стояла на своем.

Шестнадцатого июня 1987 года умер последний самец приморской овсянки Даски. Так за сорок с небольшим лет популяция, насчитывавшая в сороковых годах больше шести тысяч особей, исчезла с лица земли из-за бездумья и захватнических повадок человека в сочетании с идиотскими бюрократическими замашками несимпатичной людской породы, именуемой юристами. Один превосходный молодой журналист завершил свою корреспонденцию в «Орландо сентинел» о кончине овсянки такими словами: «Как канарейка давала знать шахтерам, что в воздухе мало кислорода, так исчезновение овсянки Даски предупреждает о грозящей всем нам опасности».

Таковы некоторые ситуации, с которыми мы сталкивались на фронте борьбы за охрану живой природы, стараясь наладить размножение видов в природе. Иногда ваш противник — мелкое правительственное учреждение, иногда — один отдельный человек (что отнюдь не всегда облегчает вашу задачу). А иногда битва разворачивается по всему свету, вовлекая столько различных людей и организаций, что вы теряете всякую надежду чего-либо добиться. Здесь мне сразу вспоминается международная торговля дикими животными и связанным с ними товаром.

В те дни, когда я только-только учредил свой зоопарк на Джерси, меня на одном совещании познакомили с голландским торговцем животными, обаятельным человеком, который блестяще изъяснялся по-английски и (думаю, подобно всем торговцам) не знал никаких моральных мучений. Конечно, в ту пору общественность не очень-то была осведомлена (не то что сегодня) о незавидном положении дикой фауны и не было настоящего, действенного международного охранного законодательства. Правда, в некоторых странах существовало то, что я всегда называл «бумажной охраной» части обитающих там видов, но с проведением законов в жизнь дело обстояло плохо, и, даже если проявлялась некая активность, чаще всего дело срывалось из-за отсутствия средств на необходимый персонал и оборудование. Да и торговцы (подобно нынешним наркодельцам) неустанно изобретали новые хитрые способы обойти закон.

Вечером, когда завершилось упомянутое совещание, голландец отыскал меня — обнаружив, что я учредил зоопарк, он хотел знать, нельзя ли продать мне что-нибудь. Услышал с огорчением, что у него нет ничего, что я желал бы приобрести, а если бы и пожелал — мне это не по карману. Однако, будучи человеком компанейским, он засиделся допоздна. Под воздействием алкоголя голландец становился все более общительным и разот-

Д

кровенничался. Надо ли говорить, что я, полагаясь на крепость своей головы и надеясь побольше разузнать, щедро подливал ему спиртного и не скупился на вопросы.

— Дорогой Джерри, — говорил он (мы уже перешли на «ты», и он смотрел на меня как на побратима), — ты только пожелай, я раздобуду для тебя любого зверя, какие бы законы его ни охраняли.

— Брось хвастаться, — сказал я, укоризненно улыбаясь, как если бы передо мной сидел озорной ребенок, — ни за что не поверю.

— Да нет же, Джерри, это правда, уверяю, — настаивал он. — Клянусь могилой матери.

— Прими мои соболезнования по поводу кончины твоей матушки.

— Она жива, — последовало опровержение. — Но я клянусь могилой, в которую она когда-нибудь ляжет. Давай, назови какое-нибудь животное, проверь меня.

— Комодоский варан, — сразу сказал я, зная, как строго эти самые крупные ящерицы охраняются на их острове индонезийскими властями.

— Пфу! — Он приложился к своему стаканчику. — Придумай что-нибудь потруднее. С комодоскими варанами не будет никаких проблем.

— Ну и как же ты это сделаешь? — поинтересовался я.

— Понимаешь, — он указал на меня длинным пальцем с аккуратно подстриженным ногтем, — у индонезийцев есть катер, который патрулирует берега острова Комодо, ясно?

— Знаю, — отозвался я, — патруль для борьбы с контрабандой и браконьерством.

Голландец кивнул и выразительно моргнул большим влажным карим глазом.

— А знаешь ли ты, какую скорость развивает этот катер? — последовал риторический вопрос. — Максимум пятнадцать узлов.

— И что?

— А то, что на одном из соседних островов живет мой друг, чей катер развивает тридцать пять узлов. Мы подходим к Комодо, этот друг высаживает меня на берег. Разумеется, мы подкупаем островитян — жутко криминальные типы... Три дня отлавливаем варанов. Затем мой катер возвращается и забирает меня. Пять раз за нами гонялись таможенники — куда там. И получай драконов, Европа, получай, Америка.

Он удовлетворенно вздохнул и опустошил свой стаканчик.

— Ну хорошо, — продолжал я его провоцировать. — Вот тебе задачка потруднее. Как насчет большой панды?

Я был уверен, что это собьет спесь с голландца, а он только снисходительно посмотрел на меня.

— Нет, правда, — назвал бы что-нибудь потруднее! Захочешь панду — элементарно.

— Ну и как же ты это сделаешь?

— Говорю — элементарно. Поймаю для тебя панду, выкрашу в черный цвет и провезу легально как медведя. Ни один таможенник не отличит.

Я пошел спать.

Во времена, когда состоялась эта беседа с ловким голландским дельцом, международная торговля дикими животными не регулировалась по-настоящему *никакими* законами, несмотря на бумажную или реальную охрану животных в странах их обитания, которая была далека от совершенства. Отношение к судьбе различных видов было совершенно бездушным. Тиграм, пятнистым кошкам, крокодилам и морским черепахам грозило полное истребление из-за их шкур, кожи, панциря. Численность тропических обезьян сокращалась, потому что они требовались для экспериментов медицинским учреждениям в Европе и Америке. Сотни тысяч птиц, рептилий, амфибий и рыбок отлавливали по заказу зоомагазинов, и не многие из них выживали, поскольку любители комнатной живности ничего не смыслили в содержании своих «любимцев».

Впрочем, с тех пор положение несколько изменилось к лучшему. После десяти лет изучению торговли животными, Международный союз охраны природы и природных ресурсов (МСОП) разработал Конвенцию о международной торговле угрожаемыми видами (КМТУВ); в 1973 году ее подписало двадцать одно государство, на сегодняшний день к ним присоединилось еще семьдесят. Цель Конвенции — контролировать и регулировать международную торговлю дикой фауной и флорой, а также отдельными продуктами промысла — например, мехом, шкурами, слоновой костью, охраняя виды, коим грозит полное истребление. Смысл Конвенции не в том, чтобы вовсе запретить обмен между странами при разумном использовании дикой фауны, а в том, чтобы этот обмен эффективно контролировался и не наносил ущерба ресурсам. Совсем без Конвенции было бы худо; правда, беспринципные торговцы и перекупщики все равно находят лазейки. Пусть даже одна страна подписала Конвенцию, у нее может найтись сосед (или соседи) неподписавший — вот вам и канал для контрабанды, поскольку таможня не вправе конфисковать животное или растение, вывозимое из страны, не признающей КМТУВ.

Сложная ситуация возникла, в частности, в связи с нелегальной торговлей златоголовым тамарином из Бразилии. Спрос на этого прелестного крохотного примата в сочетании с тем фактом, что леса, где он обитает, подвергли сплошной вырубке, освобождая пространство для сельскохозяй-

Д

ственных угодий, повлек за собой катастрофическое сокращение численности вида. И вдруг, ко всеобщему удивлению, один бразильский перекупщик предложил для продажи двадцать четыре особи, что, по всем данным, составляло чуть ли не четверть всей сохранившейся в мире популяции. Появление этих тамаринов на рынке было поистине ужасным событием. Дальнейшие исследования показали, что в зоопарках и у частных лиц в Японии, Гонконге, Франции и Португалии содержатся еще пятьдесят четыре особи. Оказалось, что все они нелегально отловлены в Бразилии, участнице КМТУВ, где формально эти зверьки охраняются законом. Пойманных тамаринов переправляли контрабандой в Гайану, где они и попадали в руки перекупщиков. При этом никого из покупателей не смущало, что тамарины не только не происходили из Гайаны — сама вероятность обнаружить там дикую популяцию была равна возможности найти колонию белых медведей в Сахаре. Гайана тогда еще не подписывала Конвенцию, не участвовала в КМТУВ и Бельгия, что позволяло этим странам действовать по своему произволу. В итоге около половины мировой популяции хрупкого зверька оказалось в частном владении или в зоопарках.

Тотчас были мобилизованы силы борцов за охрану природы. Никак нельзя было мириться с тем, что столь большой процент мировой популяции редкого вида разбросан по всему земному шару. К тому же тамарины были нелегально отловлены и вывезены из Бразилии. Желательнее всего было вернуть их в Бразилию; если же это окажется невозможным — собрать вместе, чтобы они составили ядро группы для размножения в неволе. Легче сказать, чем сделать... Безмерно любящий мармозеток и тамаринов Джереми оказался в гуще этих событий. Первым делом надлежало добиться, чтобы бельгийский перекупщик отдал попавших к нему животных. Естественно, он не был расположен соглашаться, ведь он изрядно потратился, а возвращать тамаринов бразильским властям значило отказаться от наживы. К этому времени в борьбу за спасение несчастных тамаринов включились, кроме нас, МСОП, Международный фонд любителей диких животных, правительства Бразилии и Бельгии, а также Национальный зоопарк в Вашингтоне. Все мы настроились ни в коем случае не выкупать животных (хотя это было вполне возможно), ибо это могло выглядеть так, будто мы смотрим сквозь пальцы, даже поощряем незаконную торговлю тамаринами.

Делались запросы на высшем уровне. Правительство Бразилии просило бельгийские власти добиться по своим каналам, чтобы тамаринов вернули на родину; герцог Эдинбургский — председатель Международного фонда охраны диких животных — также обратился к властям Бельгии. В конце концов, к великому нашему облегчению, давление общественности возы-

мело эффект и перекупщик согласился отправить всех тамаринов, кроме юкхьюи особей, обратно в Бразилию. Глядя на него, вернули на родину и особей, содержащихся в Японии; за Бразилией было также признано право собственности на некоторые экземпляры, находящиеся в других странах. Однако тут возникла новая проблема: бразильские власти, не очень разбирающиеся в проблемах охраны животных, не могли взять в толк — почему бы нам попросту не выпустить в ближайшем перелеске извращенных в страну тамаринов. Но поступить так с животными, привыкшими к неволе, было бы равносильно их убийству. Нам удалось все же договориться с бразильцами, что тамаринов примет Центр приматов в Рио-де-Жанейро, где они составят основу группы для размножения в неволе. Что и было сделано, а затем были созданы еще две такие колонии — одна в Вашингтоне, другая на Джерси. Эти колонии благополучно развиваются, а мы тем временем изо всех сил пытаемся при содействии бразильских властей спасти хоть что-то из тамошних лесов, чтобы, когда число особей в неволе достигнет подходящей величины, можно было разработать схему реинтродукции вида, как это удалось сделать для золотистого львиного тамарина, о чем я рассказываю в пятой главе.

Создание КМТУВ — огромный шаг в нужном направлении, который было бы невозможно сделать двадцать пять лет назад; тем не менее торговли дикими животными, как легальная, так и нелегальная, достигает астрономических размеров. За пять лет после появления этой Конвенции так называемый легальный импорт диких животных и связанной с ними продукции только в США возрос с четырех миллионов до ста восьмидесяти семи миллионов «штук». Всего три года спустя общая стоимость этого импорта равнялась одному миллиарду долларов! Ежегодно с Тайваня вывозится более двадцати миллионов бабочек, чтобы в итоге «украсить» в высушенном виде стены жилищ во всех концах света, и сотни тысяч морских животных убивают каждый год, чтобы их раковины могли пылиться на каминных полках.

Неутолимый аппетит на слоновую кость влечет за собой истребление африканского слона, а поскольку рога носорога ценятся на вес золота, численность этого дивного древнейшего животного сократилась до каких-нибудь нескольких тысяч. Как в торговле наркотиками, так и здесь большие деньги манят алчных торговцев. Если шубка из шкуры оцелота стоит сотню тысяч долларов, то почему не убить красивого зверя? Девять ловчих птиц, недавно ввезенных контрабандой в Саудовскую Аравию, были там проданы за двести тысяч долларов. Перед лицом таких сумм, легально или нелегально выручаемых от продажи диких животных, деньги, вкладываемые в их охрану, выглядят жалкими крохами, у защитников дикой фауны

Д

екает сердце. Учитывая размах упомянутой торговли и экономические проблемы, испытываемые некоторыми странами, не приходится удивляться тому, какие просторные лазейки открываются желающим обойти КМТУВ.

Даже если страна присоединилась к Конвенции, юридически она отнюдь не обязана соблюдать законы, предложенные другими странами, никто не помешает настоять на исключениях, служащих ее интересам. Добавим к этому, что запаренные таможенники не обязаны быть зоологами и определять, не входит ли ввозимое животное в список, составленный КМТУВ. Не говоря уже о том, что есть чрезвычайно редкие виды, настолько похожие на широко распространенные родственные, что только эксперт сумеет их различить. А что делать с конфискованными таможей животными? Их нельзя попросту отослать на родину, чтобы там выпустить на волю, тем более что в странах, откуда они происходят, как правило, нет специалистов, способных о них позаботиться. Как же поступает в таком случае таможня? Ей остается только передать животное в зоопарк или сходное с ним учреждение. Несколько лет назад к нам обратились за помощью такого рода.

На Мадагаскаре обитает много различных видов черепах, все они редкие и все охраняются — во всяком случае, на бумаге. Одна из самых крупных и красивых — лучистая черепаха, достигающая полуметровой длины при весе около пятнадцати килограммов. Черный панцирь ее украшен ярко-желтыми лучами. У нас на Джерси уже было несколько этих красивых рептилий, и они благополучно размножались в неволе в разных учреждениях Европы и США, однако дикие популяции находились под угрозой. Во-первых, некоторые мадагаскарские племена употребляют в пищу их мясо, несмотря на охранное законодательство, во-вторых, для таких медлительных животных смертельную угрозу представляет наступление человека, выжигающего немногие уцелевшие на острове леса.

Звонок одного руководящего деятеля из отдела по делам диких животных департамента охраны окружающей среды застал нас врасплох и поставил в тупик. Что мы знаем о лучистой черепахе? Мы ответили, что этот вид обитает на Мадагаскаре, что мы содержим этих черепах и размножаем их. Это замечательно — не могли бы мы помочь с решением одной маленькой проблемы? Дело в том, что в департамент обратились таможенники из Гонконга, они предотвратили попытку контрабандного ввоза лучистых черепах в колонию и конфисковали незаконный груз. Теперь они не знают, что с ними делать. Может быть, мы что-нибудь посоветуем? Слегка озадаченные, мы ответили, что, конечно же, постараемся помочь. А сколько там черепах? Шестьдесят пять, радостно сообщил чиновник. Их вывезли тайком с Мадагаскара, чтобы в китайских кухнях превратить в сочные мяс-

ные блюда, начинку для пирогов и прочие лакомые яства. Вызвавшись помочь, мы, естественно, уже не могли идти на попятную, а потому освободили одно помещение в Доме рептилий. Спустя некоторое время прибыли шестьдесят пять лучистых черепах — одни величиной с тарелку, другие размером со скамеечку для ног. Большинство — в хорошем состоянии, однако несколько особей пострадали от плохого содержания. Четыре черепахи вскоре умерли, остальные прекрасно освоились на новом месте. Захватывающее зрелище ожидало всякого, кто, открыв двери их помещения, видел сплошной ковер из панцирей красивых рептилий.

Разумеется, возвращать их на Мадагаскар не было никакой возможности, но мы известили тамошние власти, с которыми сотрудничали по другим природоохранным вопросам, и нас попросили как-нибудь решить эту проблему. Как только наши гости окончательно освоились, мы договорились о финансовой поддержке с правительством Мадагаскара и разослали самцов и самок в другие зоопарки, уже располагавшие плодовитыми колониями, где был желателен приток свежих кровных линий. Вспоминая теперь этот случай, говорю себе, что нам еще повезло: вдруг вместо шестидесяти пяти черепах нам предложили бы полсотни комодоских варанов или семейку слонов...

Просвещение — вот ключ к решению задачи, как предотвратить ужасное насилие над дикой флорой и фауной. Люди должны усвоить, что все природные ресурсы долговечны, возобновимы — если пользоваться ими мудро, без расточительства. Если все будут знать, что нам надлежит гордиться природным наследством, хранить его и не расточать ради краткосрочной выгоды, разумное использование пойдет всем на благо. Назову для примера наше участие в судьбе красавца попугая с острова Сент-Люсия в Карибском море, одетого в роскошное зелено-красно-желто-синее оперение. Когда лет пятнадцать назад о нависшей над этой птицей угрозе узнал заведующий нашим птичником Дэвид Джегго, от многочисленной некогда популяции сент-люсийского пестрого попугая оставалось немногим больше ста особей, да еще несколько птиц содержались в неволе, в маленьких клетках, неспособные размножаться. Причин такого бедствия было много: вырубка составляющих естественную среду попугая лесов, отлов и отстрел, поскольку островитяне охотно едят мясо этой птицы, особенно на Рождество, а молодых птиц нелегально сбывают любителям в Европе и США.

С благословения правительства Сент-Люсии нам разрешили отловить семь молодых пестрых попугаев (единственный местный вид, легально разрешенный к вывозу) и привезти на Джерси, чтобы попытаться создать

Д

плодовитую колонию. Как это принято для всех наших редких животных, попугаи оставались собственностью страны происхождения. Они благополучно освоились, и мы рассчитывали на успех, хотя и не ожидали быстрых результатов, потому что большинство попугаев подолгу не размножаются в неволе. Тем временем Гейбриел Чарльз, возглавляющий сент-люсийское лесничество, и министерство сельского хозяйства прилагали героические усилия для сохранения уцелевших лесов на острове, служащих не только последним оплотом попугаев, но и важным водосбором для жителей Сент-Люсии. Еще одним важным шагом стал запрет на всякую охоту и полный учет попугаев, содержащихся в неволе. Сверх того, местные власти наняли для участия в кампании по спасению попугая молодого англичанина Пола Батлера, который отлично понимал, сколь важно для успеха просвещение.

Мы снабдили Пола огромными плакатами с изображениями попугаев, и он расклеивал их в школах, государственных учреждениях, даже в магазинах и барах. Ему удалось побудить прозорливое местное правительство объявить пестрого попугая национальным символом Сент-Люсии, и он издавал для школ брошюры о приключениях жако (сент-люсийское прозвище этого вида) и о важной роли его лесной обители. Три года спустя вы не нашли бы на острове ни одного человека, не знающего про эту птицу, про национальный символ, нуждающийся в защите. Естественно, защита птицы подразумевала защиту ее среды обитания и водосбора.

И тут произошла катастрофа — ураган «Аллен» уничтожил лес на большой площади. Мы опасались за судьбы пестрых попугаев; огромные стволы лежали крест-накрест, будто спички, было невозможно пробраться через бурелом, чтобы подсчитать число погибших птиц и помочь уцелевшим. На Джерси поступил отчаянный призыв о помощи, и через сутки Дэвид Джегго сидел в самолете, вооруженный огромной цепной пилой. К счастью, Дэвид смог убедиться, что, хоть лес пострадал, на птицах это отразилось не так сильно, как мы опасались. Сами сентлюсийцы (и в этом заслуга Гейбриела Чарльза и Пола Батлера, получившего прозвище Пол Попугай) подобрали выживших, сильно ослабевших попугаев, подкормили их и передали лесникам! После Гейбриел сказал мне — случись этот ураган до нашей просветительской программы, островитяне попросту съели бы всю свою добычу.

Тем временем на Джерси успешно шло разведение этих красивых птиц, и у нас было уже четырнадцать новых особей. Пришло время подумать о возвращении нескольких экземпляров на Сент-Люсию, чтобы там могли создать собственную плодовитую колонию. Наш Трест выделил сент-люсийскому лесничеству средства на строительство птичников, и Дэвид Джегго вылетел на остров, чтобы помочь с их сооружением. Из наших по-

пугаев отобрали две половозрелые особи; однако еще предстояло точно определить их пол, что бывает достаточно трудно не только для сент-люсийских жако. До изобретения одного хитроумного устройства нередко две содержащиеся вместе птицы чахли, не произведя на свет потомства.

Устройство это называется лапароскоп; разумеется, его изобрели для людей, но оно оказалось бесценным инструментом для ветеринаров. Прибор состоит из мощного источника света, гибкого волоконного световода толщиной с карандаш и чрезвычайно совершенного окуляра. Такое устройство позволяет при легкой анестезии исследовать внутренности человека или другого живого организма практически без травм. В случае с птицами делается под крылом маленький разрез — только-только чтобы можно было ввести лапароскоп. Дальше окуляр аккуратно перемещают, пока в поле зрения не появятся половые органы — два овальных семенника у самца и удивительно похожие на виноградную гроздь яйца у самки.

После того как были построены птичники в Сент-Люсии, мы задумали пригласить к себе самого премьер-министра этой страны, чтобы он принял от нас попугаев. Ученый секретарь нашего Треста Саймон Хикс вылетел в Сент-Люсию с письменным приглашением, и премьер-министр ответил, что с удовольствием примет участие в такой процедуре, если мы назначим подходящую дату. Дальше мы обратились в «Бритиш Эйруэйз»; у этой авиакомпании предусмотрено (по возможности) оказывать бесплатную помощь в перевозке животных, снаряжения, иногда и людей в различные концы света, где осуществляются наши природоохранные программы (например, на Маврикий или на Мадагаскар). Такую же помощь они оказывают и другим организациям, занимающимся охраной живой природы. Итак, мы обратились в авиакомпанию и деликатно справились, не согласится ли она кое-что доставить нам с Антильских островов. Полагая, что речь идет о животных, нам пообещали что-нибудь придумать. Когда же мы честно сказали, что речь идет о премьер-министре Сент-Люсии, это вызвало некоторое смятение, которое, однако, улеглось, когда мы объяснили, сколь важно задуманное нами мероприятие. Словом, компания согласилась доставить премьер-министра с его свитой на Джерси.

Настал великий день. К сожалению, перед тем я болел и получил от врача разрешение участвовать только в самой процедуре передачи попугаев. Перед птичниками мы соорудили помост с микрофонами, чтобы губернатор Джерси сэр Уильям Пиллэр, премьер-министр и я могли обмениваться речами. Также к сожалению, погода выдалась пасмурная, моросил мелкий дождичек, что, однако, ничуть не испугало публику и репортеров газет и телевидения. И вот по главной дорожке величественно проплывает кортеж из двух огромных автомобилей с лоснящимися, как у китов, боками и мо-

Д

тоциклистов с синими мигалками. Внушительное зрелище... При появлении премьер-министра и сэра Уильяма дети из нашего приходского хора запели гимн Сент-Люсии, чем, думаю, и удивили и тронули премьер-министра, который слушал их, вытянувшись в струнку. Дети репетировали не одну неделю, и красивый гимн прозвучал в их исполнении очень мило. Попугаи в птичнике за спиной у нас были весьма польщены таким вниманием и своим щебетаньем и криками едва не заглушили наши речи. Когда взял слово премьер-министр, дождь прибавил, и пришлось мне держать над гостем огромный красно-белый зонт. Впервые в жизни довелось мне защищать от дождя премьер-министра, но одна из прелестей труда на природоохранной ниве как раз и заключается в новизне разных дел.

После церемонии премьер-министр с супругой ознакомились со штабом нашего Треста, затем я пригласил их к себе на чай. Когда высокие гости уехали, Пол Батлер остался, чтобы обсудить с нами кое-какие вопросы, а заодно рассказал мне историю, которая, как мне кажется, служит хорошей иллюстрацией того, сколь великую роль просвещение может играть для спасения вида.

Итак. Один американский джентльмен, прилетев в Сент-Люсию, взял такси и попросил водителя отвезти его в лес, где водятся попугаи. Таксист почему-то решил, что за этим кроется дурной умысел, однако отвез ничего не подозревающего американца в лес, где тот мог увидеть попугаев, пообещал вернуться за ним через час-другой, а сам поспешил доехать до ближайшего телефона, позвонил в лесничество и подробно описал «контрабандиста»; ему доводилось слышать рассказы о злоумышленниках, которые усыпляли попугаев и укладывали пачками в чемоданы с двойным дном. У таксиста не было никаких доказательств, одни догадки, однако в лесничестве к его сообщению отнеслись вполне серьезно. Возникла непростая дипломатическая проблема. Речь шла об американце, а Сент-Люсия, подобно всем островным государствам Карибского бассейна, сильно зависит от США по линии туризма. Задержишь американского гражданина, чтобы обыскать его багаж по подозрению в попытке нелегально вывезти попугаев, — об этом непременно поднимут шум газеты, а если человек окажется невиновным, потом не оберешься неприятностей. Поразмыслив, в управлении лесного хозяйства придумали весьма хитроумный план — позвонили в ФБР в Майами, поведали о своих затруднениях и попросили помочь. ФБР охотно пошло навстречу и в свою очередь придумало хитрый план. В Майами записали фамилию американца и номер рейса, которым он возвращался из Сент-Люсии, и, когда самолет приземлился, объявили, что получено предупреждение о заложенной на борту бомбе, так что придется проверить багаж всех пассажиров. Разумеется, на самом деле прове-

рили вещи только пассажира, заподозренного в контрабанде. И не нашли даже перышка.

Тем не менее, говорил Пол, разве не замечательно, что у истоков всей этой истории стоял таксист, который до того, как министерство сельского хозяйства, управление лесного хозяйства и сам Пол Батлер занялись просвещением островитян, вполне мог спросить американца: «Какие именно попугаи вас интересуют?» — и вызваться помочь ему поймать несколько штук.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ПРИНЦИП МОЗАИКИ

Год за годом Джереми постоянно говорит о «многогранном подходе» Треста к вопросу о размножении в неволе для спасения видов. И хотя мы подшучиваем над ним за пристрастие к несколько тяжеловесной формулировке, она, вне всякого сомнения, правильно характеризует нашу работу и причины нашего успеха. «Многогранный подход» Треста можно разделить на три стадии, которые — при всем их различии — связаны между собой так же тесно, как кусочки мозаики.

Первая стадия — выбор вида, коему, на ваш взгляд, принесет максимум пользы ваша помощь, создание плодовых колоний на Джерси, а затем, когда колония достигнет достаточных размеров, образование «колоний-спутников» в других зоологических учреждениях с надежной репутацией, обычно в Европе или в США. После чего вы с известной степенью достоверности вправе утверждать (если не случится катастрофа), что данный вид спасен в неволе. Вторая стадия — создание колоний на родине вида, ведь именно там, по сути дела, следует разводить угрожаемые виды. Там подходящий климат, там есть надлежащий корм и, что очень важно, — население может видеть сокровища местной фауны и научиться ценить их. Третья, достаточно непростая стадия — возвращение в природную среду диких животных, выращенных на Джерси, или в «колониях-спутниках», или на их родине. Эта стадия заслуживает отдельного рассказа, и о ней пойдет речь в пятой главе этой книги.

Довольно скоро стало очевидно, что нет смысла приступать даже к первой стадии без участия властей страны, откуда происходят животные. За много лет я не раз с горечью убеждался, как мало знают про охрану дикой

Д

природы и необходимость этой охраны политические деятели, в чьей власти принимать нужные решения. У меня есть маленькая черная книжечка, куда я записываю наиболее несурзные высказывания руководящих политиков; это позволяет мне, когда я критикую те или иные власти, а люди возражают, что я преувеличиваю, приводить цитаты.

Возглавляет мой список, разумеется, бывший президент Рейган. Его понимание экологических проблем и серьезная озабоченность состоянием природной среды превосходно выражены, на мой взгляд, в следующих двух заявлениях экс-президента: первое — «деревья служат причиной загрязнения», второе — «нет ничего страшного в полной вырубке секвойи, ибо, — как мудро заметил президент, — кто видел одну секвойю, видел их все». Вторую премию за нелепое или кретинское высказывание заслуживает, вне сомнения, индийский министр, который сердито заявил борцам за охрану природы, возражавшим против сооружения плотины, грозящей затоплением важных участков леса с их фауной, что «мы не можем позволить себе такие экологические излишества». Когда экология становится излишеством, можно заказывать гроб.

В штате Квинсленд, Австралия, министр горнорудной промышленности завоевал мое сердце высказываниями для прессы, когда разгорелся спор из-за проектов развернуть бурение на нефть на Большом Барьерном рифе. Во-первых, заявил он, нефтяной пленки как таковой вообще не существует. Во-вторых, добавил он, если даже по какой-то невероятной случайности произойдет утечка нефти, то в этом нет ничего страшного, ибо (цитирую): «Как известно любому школьнику, нефть плавает на поверхности воды, а кораллы живут под водой, так что с ними ничего не случится». Хотелось бы знать, в какой школе учился тот министр, если только он вообще посещал школу. Один высокопоставленный бразильский деятель утверждал, будто нет никаких «доказательств» того, что вырубка лесов может влиять на климат. Учитывая, какие огромные площади уподобляются пустыне из-за слепого уничтожения лесов, мы вправе спросить себя, что говорилось на уроках биологии в школе *этого* деятеля.

Во время экспедиции в Новую Зеландию я был наказан за мои прегрешения ленчем в компании с кабинетом министров в полном составе — мероприятие, чью тяжесть усугубила необходимость слушать разглагольствования одного министра, возмущенного тем, что управление по охране дикой природы предлагало освободить от одичавших овец остров на юге страны — одно из двух известных гнездовий редкого вида альбатросов. Министр называл эту идею смехотворной. Дескать, он всю жизнь разводит овец и не знает случаев, чтобы овца наступила на яйцо или на птицу, гнездящуюся на земле. Я ответил, что необходимость освободить остров от

овец, возможно, объясняется тем, что из-за роста их численности и чрезмерного выпаса среда становится непригодной для обитания альбатросов.

— Возможно, — согласился министр. — Но что за беда, если альбатросы покинут этот остров? Он расположен так далеко на юге, что там все равно некому любоваться этими чертовыми птицами.

Я возразил, что на свете есть много полотен Рембрандта, кои мне вряд ли доведется когда-либо увидеть, однако я не стал бы из-за этого предлагать, чтобы их сожгли. Министр промолчал. Допускаю, он просто не понял меня. Вероятно, подумал, что Рембрандт — название сорта пива.

Немудрено, что, когда настало время налаживать с властями разных стран сотрудничество для решения наших задач, я приступал к делу с известной тревогой и унынием. Однако чаще всего отношения складывались вполне благополучно.

Правда, как раз когда писались эти строки, мы с Джереми обсуждали проект, который собирались осуществить в одной стране, чье название не стану здесь приводить, и я спросил его: почему мы так медлим, почему бы не ускорить это дело?

— Выборы, — печально отозвался Джереми. — Правящая партия, как тебе известно, одобряет наш замысел. Однако через месяц-другой там состоятся выборы, и если к власти придет другая партия, она скорее всего похерит все решения, принятые *этой*, а потому мы решили, что лучше подождать.

Так важное природоохранное мероприятие пришлось притормозить, пока мелкие политикины пыжились и надували щеки и пока фауна страны еще на шаг приблизилась к гибели.

Все же в целом наше сотрудничество с властями складывается неплохо. Думаю, главная причина — условия двусторонних соглашений, предлагаемых нами для подписания. Они подразумевают нашу готовность считать животных и их потомство собственностью стран, откуда они получены, и вернуть по первому требованию. Это доказывает (если тут вообще нужны доказательства), что нами руководит не стремление обзавестись редкими животными, что мы сотрудничаем с властями данной страны на благо местной фауны. Посему власти могут не опасаться, что имеют дело с «колонизаторски настроенными похитителями угрожаемых видов». А еще ценность названных соглашений заключается в том, что в них говорится о способах осуществления второй и третьей стадий нашего «многогранного подхода» к спасению видов.

По мере того как мы все более успешно разводили угрожаемые виды у себя на Джерси, главной заботой стала вторая стадия — образование плодovitых колоний на родине животных. Необходимость такого решения

Д

казалась очевидной, однако в странах, о которых шла речь, как правило, не было специалистов, могущих справиться с такой задачей, даже предоставь мы грант для организации центра по размножению животных в неволе. Мы понимали, что надо будет готовить таких специалистов, приглашая людей для обучения на Джерси. А потому нами было задумано создать учебный центр (впоследствии мы назвали его нашим «мини-университетом»), целый комплекс, включающий общежитие, большую аудиторию, библиотеку и прочие необходимые отделы. Для всего этого требовалось возвести огромное дорогостоящее здание, и хотя мне претило заливать цементом радующие глаз зеленые лужайки, только так Трест мог продолжать исполнять свои функции. Заполучив проект архитектора, мы тщательно изучили его, поспорили и остановились на исправленной версии, надеясь, что учли все ошибки и не упустили ничего существенного.

И снова я отправился в США за подавниями, кои не замедлили последовать с присущей американцам щедростью. Из одного источника в Великобритании был получен весьма важный грант на стипендии представителям «развивающихся стран» (потешное название), не располагающим средствами, чтобы приехать на учебу на Джерси. Итак, у нас появились деньги и на строительство, и на стипендии. Правда, вид будущего здания меня никак не радовал. Из-за ограниченности в средствах мы не могли позволить себе никаких декоративных элементов, и как ни старался наш превосходный архитектор утешить меня, все равно я ожидал, что в итоге увижу обыкновенную цементную коробку. С ужасом насмотревшись на жертвы, приносимые на алтарь бога Цемента в зоопарках по всему свету, я поневоле испытываю некоторую неприязнь к этому полезному строительному материалу. Однако не в моей власти было что-либо изменить. Во всяком случае, я так думал, пока не произошло удивительное событие, говорящее о том, что судьба благоволит нам.

Много лет дважды в неделю в нашей квартире появлялась некая миссис Буазар, чтобы пронестись по комнатам, точно ураган, наводя умопомрачительную чистоту. Младшая дочь миссис Буазар, Бетти, пришла к нам в Трест на работу прямо со школьной скамьи, со временем возглавила бухгалтерию зоопарка и правит там ныне железной рукой. Когда приходила миссис Буазар, Бетти обычно заглядывала к нам минут на пять поболтать с родительницей. В тот раз, о коем сейчас пойдет речь, миссис Буазар сообщила:

— Слышала я, Леонард дю Фью выставил на продажу свой дом.

Бетти, как и следовало ожидать, весьма недоверчиво восприняла эту новость. Леонард был нашим самым близким и самым многострадальным соседом, он никогда не жаловался на то, что наши животные издают

странные звуки по ночам, не стал нас журить, даже когда южноамериканский тапир Клавдий, вырвавшись из загона, растоптал только что расцветшие анемоны Леонарда, после чего принялся сокрушать в саду стеклянные колпаки, защищающие нежные ростки. Надо ли говорить, что мы были счастливы иметь такого соседа. Его имение на Джерси испокон веку (около пятисот лет) принадлежало семейству дю Фью, и земля граничила с нашей территорией. Дом находился в двух минутах ходьбы от нашего поместья и состоял, по сути, из трех частей — коттеджа обслуги, просторной теплицы и гранитной надворной постройки. Нам в голову не могло прийти, что Леонард когда-либо решит продать родной дом, но когда дети выросли и разъехались, содержать такое обширное хозяйство стало довольно накладно.

Бетти сбежала, запыхавшись, вниз, в нашу канцелярию, и поделилась потрясающей новостью с Джоном Хартли, который тотчас позвонил во Францию, где я в моем домике в Провансе писал очередную книгу. Моля бога, чтобы мы не опоздали, я сказал Джону, чтобы он не мешкая связался с Леонардом. Когда Джон отыскал нашего ускользающего соседа, тот сообщил, что уже месяц как выставил имение на продажу и сам удивляется, почему не подумал о нас как о возможных покупателях. Казалось бы, дальше все будет предельно просто, однако не тут-то было — с той поры, когда я только создавал здесь свой зоопарк, времена сильно изменились. Потребовалось получить разрешение целых трех комитетов местного самоуправления, прежде чем мы смогли приобрести имение Леонарда для использования в наших целях. На Джерси только что были приняты строгие законы, определяющие, для чего можно использовать земельную собственность (особенно пригодную для сельского хозяйства), и надо ли говорить, что наши цели никак не вписывались в границы, очерченные законодательством. Однако Джерси гордится нами и нашими делами, так что в этом случае (как это бывало и раньше) мы получили вотум доверия. Не подумайте только, что закон повернули как дышло, ничего подобного, просто в нем обнаружились мелкие неточности, и имение «Ле Нвайе» стало нашим.

Радость — не то слово. Мы представляли себе здание учебного центра в виде массивного бетонного блока, а получили красивейшее старинное джерсийское имение с внушительными надворными постройками и восемью акрами земли. Насчет использования этих акров действовали некоторые ограничения, но это не играло роли, ведь нам были нужны строения. И, вступив во владение ими, мы тотчас занялись реконструкцией. Часть дома отвели под студенческое общежитие, в другой части оборудовали

Д

квартиру для домоправительницы. Устроили обставленную со вкусом библиотеку, получившую название «Библиотека имени Уильяма Коллинза», поскольку мой издатель сэр Уильям перед смертью сделал нам щедрый дар — все книги по зоологии и естественной истории, вышедшие в издательстве «Коллинз» и намечаемые к изданию. В обширной пристройке разместилась аудитория на шестьдесят четыре места с новейшей аудиовизуальной аппаратурой. Над аудиторией помещались канцелярия, небольшой музей, выставки графики и фотографий, фотолаборатория и видеозал, причем все это заняло всего лишь половину огромного гранитного амбара.

Обзаведясь учебным центром, мы, естественно, нуждались в человеке, который мог бы им заведовать. Для чего требовалось совершенно особенное существо, разбирающееся в биологии и способное с тактом и симпатией общаться с людьми из самых разных стран, — словом, человек, совмещающий качества духовника и отца. Мы решили поместить в газетах объявление, чтобы было из кого выбирать. Разумеется, предложения посыпались со всех сторон, и среди полчищ кандидатов надлежало для начала отвергнуть совсем непригодных — таких, как почтенная дама из Пенге, которая обожала животных, держала четырнадцать кошек и отдыхала на Мальорке, и как восемнадцатилетний школьник из Сомерсета, который уверял, что всегда любил иностранцев, хотя они совсем другие, и всегда мечтал обучать их. В общем, из этого потока мы выловили четырнадцать вероятных кандидатур и пригласили для собеседования в Лондон.

Отлично понимая, как тяжело дается такое собеседование испытуемым, хотел бы все же, чтобы и они посочувствовали экзаменаторам, ведь отбирать людей по одним только письмам — чистое наказание. У вас в руках анкета, но для такой работы нужна особая личность, ибо наш Трест — совсем маленькая организация, мы не можем терпеть в наших рядах паршивую овцу. Иногда нервозность кандидата мешает вам принять верное решение. К счастью, есть строго определенная процедура: время, которое вы можете потратить на собеседование, ограничивается способностью экзаменатора не допускать трепача и без дрожи поглощать неимоверное количество скверного кофе, не позволяя ему влиять на выносимый приговор.

В данном случае мы довольно быстро браковали кандидатов, в частности молодого парня, который неверной походкой забрел в кабинет с расстегнутой ширинкой, взмахнул рукой, благодушно приветствуя нас, и попросил дать ему прикурить. Мы единодушно заключили, что его анкета — сплошной обман. Отбор шел с такой скоростью, что мы вдруг обнаружили, что остается всего лишь один кандидат. Среди тех, с кем мы познакоми-

лись, от силы два человека могли кое-как претендовать на должность заведующего учебным центром, но особенного восторга они нам не внушали. Джон вышел в приемную и вернулся с известием, что последний кандидат не явился.

— Что ж, — заключил я, — ничего не поделаешь. Дадим новое объявление.

— И на этот раз стоит написать, что держать пятнадцать кошек — не то же самое, что обладать титулом доктора биологии, — сказал Джон.

— Точно, — подхватила Ли. — И что хотя иностранцы — не англичане, хороший заведующий не должен придавать этому значения. Как-никак я американка.

— Ладно, — сказал я, — предлагаю сейчас дружно отправиться в какое-нибудь заведение, где можно перебить паршивый вкус этого кофе добротным старомодным отечественным напитком вроде бренди и имбирного эля.

В истории нашего Треста судьба постоянно ведет с нами лукавую игру. Любит ждать до последней минуты, прежде чем прийти на выручку. Только мы принялись собирать наши бумаги, как раздался стук в дверь и после нашего дружного: «Войдите!» — вошел доктор Дэвид Во, запоздалый кандидат, который пропустил свой автобус, пропустил поезд, вообще пропустил все, что можно было пропустить, но тем не менее явился к нам. Нам оставалось только предложить ему чашку холодного кофе и подвергнуть его такому допросу, точно мы представляли столичный департамент уголовного розыска и перед нами сидел человек, подозреваемый в том, что он Джек Потрошитель. Слушая ответы, мы убеждались, что этот последний кандидат — как раз тот, кто нам нужен. Отпустив его с легким сердцем, мы поздравили друг друга с блестящим успехом и направились в ближайший трактир.

Заняв свой пост, Дэвид первым делом сел разрабатывать учебный план. Он выполнил эту задачу быстро, проявив изрядное чутье, ведь столь сложная программа должна быть достаточно гибкой. У меня был один друг, который о разного рода программах говорил, что они должны обладать «жесткой гибкостью». Казалось бы, несовместимые понятия, гибрид из мира «Алисы в Стране чудес», однако мы всегда стремились к «жесткой гибкости», и Дэвид добился именно этого. Пока он занимался подготовкой учебного плана, мы соображали, кого взять на роль домоправительницы, чтобы помогала Дэвиду руководить его мини-Объединенными Нациями. Предъявляемые к этой кандидатуре требования по строгости были вполне сравнимы с теми, кои предъявлялись к Дэвиду: хозяйке дома предстояло управляться с людьми из разных концов света, любить их, соблюдая при-

Д

том необходимую строгость, а главное — уметь разбираться с тем, что можно посчитать причудами, тогда как на самом деле речь идет о недоразумениях, вызванных языковыми проблемами, различиями культур или религий, да попросту тем фактом, что человек оторван от дома и чувствует себя одиноким.

Да простит мне Олвин, если я скажу, что в моих глазах она идеальная домоправительница. Женщина крепкого сложения, всегда опрятная, она напоминает крестьянскую жену из тех, что варят обед на десятерых детей, мужа и восьмерых работников. Что доят коров, собирают яйца в курятнике, задают свиньям корм и встают на заре или до зари, чтобы испечь хлеб. Сверх того, Олвин на редкость отзывчивый человек, не отступающий ни перед какими трудностями. А трудностей хватало и ей и Дэвиду.

Олвин — сказочная стряпуха, к тому же она наделена качеством, отличающим великих поваров, — может угодить любому едоку. Так, ей ничего не стоило удовлетворить заявки пакистанского студента, обожающего бутерброды с тунцом, жареный картофель, кетчуп и мармелад, и других студентов, предпочитающих на хлеб сардины с лимонной пастой или белковую пасту «мармайт» с тем же лимоном. Любая женщина спасовала бы перед лицом таких запросов, только не Олвин. Она терпела даже прихоти калифорнийца, еженедельно получавшего огромные посылки с шоколадом и конфетами, о каких в джерсийском захолустье и не ведали, безропотно выполняла неустанные требования девушек из Уругвая, снабжая их кипятком для заварки чая мате, без чего они не могли жить, как младенец без бутылочки, причем одной из них непременно нужно было съедать в день не менее четырнадцати апельсинов.

Проблемы Олвин отнюдь не ограничивались областью кулинарии. Был у нас студент из Нигерии, который (вполне справедливо, на мой взгляд) упорно называл Олвин «мама». На третий день после своего прибытия он пришел к ней с жалобой:

— Мама, у меня жутко жжет в животе.

Опасаясь самого худшего, Олвин расспросила его и пришла к выводу, что у него всего-навсего сильный запор. Вручила студенту суппозиторий, деликатно объяснила, как им пользоваться, и сказала, что через полчаса наступит облегчение, так что лучше держаться поблизости от уборной. Однако даже если вам кажется, что человек все понял, не мешает убедиться в этом. Час спустя студент снова подошел к Олвин и сообщил, что суппозиторий не подействовал.

— А что ты делал? — спросила Олвин.

— Мама, я пошел в уборную, там я ввел себе эту свечу, потом вытащил. Полчаса делал так, как сказала мама. А живот все равно болит.

У Дэвида были свои проблемы. Однажды на уроке английского он придумал историю про человека, сломавшего руку, после чего, чтобы проверить, как студенты усваивают язык, предложил им рассказать, что именно сломал бедняга. Молодой мадагаскарец явно посчитал, что перелом руки — пустяковое дело, и принялся называть глаза, печень, легкие, желудок, уши, сердце и язык. На вопрос, почему он перечислил как раз те органы, которые не подвержены переломам, студент ответил, что запомнил все эти слова и чрезвычайно гордится этим.

В другой раз Дэвид попросил студентов назвать птиц, служащих национальным символом их стран. Все шло гладко, пока не наступила очередь студента из Ганы. Он крепко задумался, насупив брови.

— Орел, сэр, — ответил он наконец.

— Какой из орлов? — спросил Дэвид.

Студент опять надолго задумался.

— Который вымер, сэр, — произнес он торжествующе.

Или взять двух студентов из Таиланда, которые прибыли к нам в разгар небывало суровой зимы, когда землю покрыла глубокая пелена сверкающего снега. Тайцы с восхищением созерцали невиданное на их родине вещество. К сожалению, занятия по большей части происходили на воздухе, где они остро ощущали холод. Было замечено, что, возвращаясь в дом, они первым делом сбрасывали обувь, снимали носки и принимались греть ступни о ближайшую батарею отопления. Неудивительно, что у них появились ознобыши, как неудивительно и то, что эта болячка неизвестна в Таиланде.

Я никак не ожидал при жизни увидеть осуществление нашего плана создать этот мини-университет, однако не успел, как говорится, оглянуться, как уже играл в крокет на газоне за усадьбой «Ле Нвайе» со студентами из Бразилии, Мексики, Либерии, Индии и Китая, испытывая гордость не только потому, что они любезно позволяли мне выигрывать. Ибо в самых разных странах желающих учиться у нас было больше, чем мест в нашем общежитии (в год мы можем принять около тридцати человек), и меня не меньше их огорчала необходимость добавлять все больше новых имен в список очередников. Заявления поступали в буквальном смысле слова со всех концов света: абитуриенты из Южной Америки, Африки, Азии, Индонезии, Японии, Европы, США, Канады и Австралии жаждут припасть к нашему источнику знаний. В основном это молодые люди, озабоченные тем, как приобрести профессию, способные оплатить дорогу и готовые довольствоваться скромной стипендией, а потому ограниченное число мест вынуждает нас соблюдать осторожность, чтобы избежать чрезмерного на-

Д

плыва студентов из бедных стран. Вместе с тем работа с представителями самых разных наций протекает успешно; думаю, все дело в том, что их объединяет одно горячее стремление — спасать угрожаемые виды. Встречаясь с сокурсниками, они с удивлением обнаруживают, что у каждой страны есть проблемы с охраной живой природы и что они могут помочь друг другу, обмениваясь идеями и информацией.

* * *

Продолжая из года в год шлифовать «многогранный подход» Треста к спасению видов, мы не забывали также о других гранях нашей деятельности. Чтобы поддерживать на ходу механизм непрерывно растущей организации, требовалось совершенствовать подходы к разного рода текущим делам в пределах Поместья Огр. Взять хотя бы ветеринарное обеспечение большой коллекции бесценных угрожаемых видов.

Мне доводилось говорить во всеуслышание, что самые опасные животные, кого нельзя оставлять без присмотра в зоопарке, — архитектор и ветеринар, посему я привык к тому, что архитекторы смотрят на меня с таким отвращением, будто я болгарский царь Борис, прозванный Живодером, а ветеринары сторонятся меня, как если бы я был свирепым быком или бешеной собакой. Единственное, что меня утешало, — я все-таки имел дело с грамотными (во всяком случае — полуграмотными) людьми.

Помню, когда я первый раз попросил нашего ветеринара и нашего семейного врача оказать помощь человекообразной обезьяне, моя просьба вызвала непонятное мне, простаку, замешательство. В крупных зоопарках Европы и США в случае необходимости спокойно обращаются за помощью к врачам и даже к стоматологам. В области диагностики и ремонта несметного множества чудесных механизмов — от человека до мыши — существуют три отдельных извилистых направления: исследование человеческого организма, копилка знаний о болезнях и функциях организма домашних животных и, наконец, третье течение (до недавних пор похожее на тоненькую струйку) — изучение диких животных в неволе. Естественно, человек занимал первое место, а потому это направление развивалось особенно интенсивно. Но, поскольку оно не пересекалось с другими направлениями, ветеринария не слишком процветала. Осваивая все новые достижения медицины, ориентированной на человека, ветеринар тем не менее изучал только домашних животных, а потому не без опаски смотрел на поступающего в его кабинет детеныша шимпанзе или гигантскую выдру из Гайаны. От пробелов в образовании ветеринаров страдали коллекции зоопарков.

Помню, в молодости мне множество раз доводилось присутствовать при вскрытии умерших животных: изрубят тело на куски и неизменно ставят один и тот же диагноз — туберкулез. Никто не задумывался — почему самых разных животных, от страусов до антилоп, поражал непременно этот недуг, и никому не приходило в голову заняться лечением или профилактикой. К счастью, теперь об этом можно говорить в прошедшем времени. Идет свободный обмен знаниями и практическим опытом.

Тони Оллчерч пришел к нам несколько лет назад. Увлеченный своей профессией ветеринара, он присоединился к Нику Блэмпиду, который, как до него отец Ника, не один год верно служил нам. Сдается мне, Тони — как и следует достойному ветеринару — был в восторге от разнообразия предлагаемых ему пациентов, а все противные уловки, коими они старались отравить жизнь Нику, делали его работу еще интереснее.

Одним из первых пациентов Тони задолго до того, как мы обзавелись своей больницей со всеми сложными принадлежностями, был Оскар, один из наших крупных и отнюдь не безобидных орангутанов. У Оскара заболел зуб, и местный зубной врач Джек Петти, как и следовало ожидать, отказывался лечить зверя, если его не усыпят. В те времена мы мало что знали о секретах анестезии этих животных и ради общего душевного покоя, а также блюдя интересы наших страхователей, мобилизовали местную полицию. Нам прислали рослого сержанта из селян, с двустволкой, коему было предписано стоять начеку, пока Тони будет усыплять Оскара, а Джек займется зубом. Тони потом говорил — слава богу, что Оскар не очнулся в разгар операции, ибо он не сомневался, что заряд из обоих стволов достался бы ему, а не орангутану.

— Не доверяю я орангутанам, — объяснял Тони, — но еще меньше доверяю дюжим полицейским с ружьем.

На сегодня Тони совмещает функции ветеринара с должностью завхоза и обязан управляться с самыми разными делами, скажем (если взять не слишком хлопотный день), произвести горилле кесарево сечение и прочистить унитаз в женской уборной.

Еще одна грань нашей деятельности — просвещение, чем мы также занимаемся в «Ле Нвайе». Прежде наш заведующий учебной частью Филип Коффи отвечал за приматов, занимался орангутанами и гориллами. Терпение, доброта и понимание, необходимые в работе с человекообразными обезьянами, пришлись Филипу очень кстати, когда он сел разрабатывать программу для школьников. Ежегодно Джерсийский зоопарк служит «классным помещением» для семи тысяч с лишним ребят, еще семь тысяч состоят в «Клубе додо» (додо — дронт), объединяющем юных членов на-

Дшего Треста. Филип и Дэвид Во завершают организацию курсов для преподавателей «зоодела», на которых будут обучаться сотрудники зоопарков разных стран, особенно развивающихся. Это первые курсы такого рода, мы счастливы, что кладем начало этому делу, и надеемся, что по всему свету возникнут подобные учебные заведения.

Есть у нас и освещающие разные стороны нашей работы издания. Джереми — главный редактор научного журнала «Додо», и он нещадно подхлестывает сотрудников зоопарка, студентов и посещающих нас исследователей, чтобы вовремя представляли статьи — будь то о выращивании редких крыланов или о результатах длительного изучения экологии и поведения угрожаемого вида в природной среде. Есть информационный бюллетень — «На краю», трижды в год рассылаемый всем членам Треста, и специальный бюллетень для членов «Клуба додо» — «Курьер додо». К каждому выпуску «Курьера» прилагается большой цветной плакат с изображением какого-нибудь из опекаемых нами видов. Отдельный тираж плакатов содержит природоохранный текст на языке родины вида; эти экземпляры мы посылаем в школы, учреждения и магазины данной страны, чтобы содействовать местным просветительским программам. Чтобы выпускники Международного центра поддерживали связи между собой и с нами, мы публикуем и распространяем (сейчас примерно по тремстам адресам в шестидесяти пяти странах) бюллетень «Солитер» (еще одно название вымершего дронта) с новостями о работе на Джерси и наших заокеанских проектах, сообщениями выпускников об их трудах и заметками об успехах на ниве охраны природы в разных странах.

Разумеется, наши сотрудники не заняты исключительно уходом за животными, чтением лекций или составлением отчетов. На самом деле они ведут калейдоскопический образ жизни — мы отправляем их для работы в поле и проверки на местах, как идут наши проекты по размножению угрожаемых видов. Так, Джереми периодически вылетает в Бразилию — посмотреть, как обстоят дела с охраной приматов. Дэвид Джегго посещает острова Карибского моря, консультирует людей, участвующих в наших проектах размножения тамошних попугаев, и ведет учет диких популяций. Брайен Кэрролл (он у нас заведует млекопитающими) собирает информацию о крыланах, а ответственный за рептилий Квентин Блоксэм выполняет такую же работу на Мадагаскаре и в других местах. Иногда для сбора информации приходится прибегать к необычным, доступным не всякому исследователю способам. Например, когда мы поручили одному из наших научных сотрудников, Уильяму Оливеру, изучить в поле поведение карликовой свиньи, он пришел к выводу, что есть только один способ изве-

дать тайны ее личной жизни. Поймав карликовую свинку, он надел ей ошейник с датчиком и, сидя на спине слона, следовал за крохотным животным сквозь заросли высокой травы. Нечасто борцам за охрану природы доводится выслеживать самую маленькую в мире свинью с радиоошейником, сидя верхом на слоне.

Таков наш «многогранный подход» к охране угрожаемых видов; что-то в этом роде следовало бы теперь делать всем зоопаркам мира для спасения животных. Огромную помощь оказывают нам два источника, откуда мы черпаем силы для нашей работы; не сомневаюсь, что другие природоохранные организации завидуют нам. Во-первых, нам удалось привлечь к себе много чрезвычайно талантливых и преданных делу людей (и что еще важнее — сохранить их в своем штате); во-вторых, мне посчастливилось писать книги, которые стали настолько популярными, что передо мной открывались двери, наглухо закрытые для других организаций.

Думаю, секрет нашего замечательного коллектива в том, что мы не просто «очередной зоопарк». Поставив конкретные цели, мы упорно добиваемся их; мне кажется, в этом наша уникальность, и это привлекает людей. Нам повезло — обычно энтузиасты отыскивают нас, а не наоборот, или же течение приносит их в наши сети. Случай с ответственным секретарем Треста Саймоном Хиксом — очень хороший пример.

Мы познакомились с Саймоном, когда он возглавлял замечательную организацию — Национальный корпус охраны живой природы в Великобритании. Это общественная организация, в нее вступают люди, болеющие за охрану природы и готовые внести в это дело свой вклад, а вознаграждением им служит расчистка загрязненных рек и прудов, посадка деревьев для защиты от эрозии, сооружение оград, плотин и мостов и прочий изнурительный, но столь необходимый труд. Саймон явился к нам с бригадой, чтобы помочь с кое-какими работами. Высокий, крепко сложенный, веснушчатый, курносый, с большими синими глазами и рыжими кудрями, он с ходу горячо взялся за дело, буквально излучая энергию. Рядом с ним мы чувствовали себя так, будто стоите возле электрического генератора — не какой-нибудь плохонькой динамо-машины, а агрегата вроде тех, что приводят в движение механизмы «Куин Элизабет II». На редкость обаятельный человек, он с бесподобной эффективностью управлял своей бригадой. Я смотрел на него с восхищением. Спросил Джереми и Джона Хартли — они тоже были в восторге. Сфера деятельности Треста чрезвычайно разрослась, и мы остро нуждались в человеке, который мог бы облегчить бремя руководства Джереми и Джону. Похоже было, что Саймон послан богом — если мы сможем заполнить его.

Д

— Давайте еще присмотримся к нему, — предложил я. — Зазовем под каким-нибудь благовидным предлогом — дескать, нам нужен совет, как спланировать заливной луг или что-нибудь в этом роде.

— Думаешь, это необходимо? — спросил вечно осторожный Джереми.

— Конечно. Не забывай — важно не с кем уснешь, а с кем проснешься.

Джереми смущенно покраснел.

— Понимаю, — неуверенно произнес он.

Словом, Саймон вошел в наш штат, и это было то самое влияние свежей крови, в котором мы нуждались. Его энтузиазму не было границ, он брался за самые невероятные и трудные дела и доводил их до конца, проявляя неистощимую энергию. Очень метко отзывалась о нем одна моя южноамериканская знакомая. Я сказал гостье, что ей непременно следует познакомиться с Саймоном, ни одна женщина не должна упускать такого случая, и позвонил вниз в его кабинет.

— Сай, — сказал я, — тут у меня сидит одна леди из Южной Америки, я хотел вас познакомить. Ты можешь заглянуть на минутку?

— Конечно, — ответил Саймон; голос в трубке был слышен на всю комнату. — Отлично, порядок, через секунду буду у тебя.

Я положил трубку.

— А теперь слушай, — обратился я к гостье.

Сперва послышался приглушенный грохот, сопровождаемый чем-то вроде громовых раскатов. Затем гроыхнуло еще два раза, как будто выстрелили из пушки. После чего на лестнице, ведущей к моей квартире, раздался такой топот, словно в дом ворвалась обутая в сапоги с подковами русская армия в полном составе. И наконец хлопнула входная дверь со стуком, превосходящим все предшествующие стуки. Гостья подпрыгнула на диване и чуть не выронила стакан с напитком.

— По мнению Саймона, — мягко объяснил я, — двери изобретены, чтобы мешать людям заниматься делом.

Он ворвался в гостиную с вулканическим блеском в глазах и смял в рукопожатии кисть южноамериканской леди. Излучая очарование, минут десять смеялся и разговаривал с нами, прихлебывая холодное пиво.

— Ну, — Саймон поглядел на часы, — боюсь, я должен уйти, у меня там группа добровольных помощников, которых надо муштровать. Извините, больше не могу задерживаться, надеюсь, еще увидимся. Отлично. Превосходно.

Он еще раз сжал в тисках нежную руку дамы и скрылся. Откинувшись на спинку дивана, она слушала удаляющийся грохот, подобный шуму отступающей армии.

— Как, ты сказал, его зовут? — спросила гостья.

— Саймон, Саймон Хикс.

— Ему больше подходит имя Ураган Хикс, — твердо произнесла она. С тех пор мы его так и зовем.

Нет слов описать, с каким энтузиазмом Саймон взялся за свою новую работу. Вибрируя точно арфа, он в два счета реорганизовал нашу систему опеки животных, и если раньше она приносила желанные, но очень скромные пожертвования, то теперь суммы заметно возросли, и наши животные, как говорится, выстроились в очередь на «усыновление». Вот как действует эта система: вы «усыновляете» какого-то зверя, вносите деньги на его пропитание, и на клетке или ограде загона появляется табличка с вашим именем. Весьма удобно для озабоченных родителей или крестных, кои накануне дней рождения или Рождества носятся по магазинам в поисках оригинальных подарков: нужно всего лишь «усыновить» какого-нибудь обитателя нашего зоопарка от имени дитяти или крестника. Разумеется, у нас действует скользящая шкала, взнос на лягушку намного меньше взноса на гориллу, и хотя эти деньги ни в коей мере не покрывают наши расходы на годовое содержание животных, польза от них немалая. Заодно родители и дети проникаются сознанием, что помогают нам в нашей работе, и не без гордости заходят навестить «своего» зверя.

Когда я учредил в Америке родственную организацию, мы назвали ее SAFE (Save Animals From Extinction — Спасите Животных От Вымирания), но американцам показалось, что эта аббревиатура слишком похожа на название какого-то лекарства, и пришлось избрать более пышное наименование — Международный трест охраны диких животных. Однако Саймона ничуть не смущало название SAFE, он тотчас запатентовал его и придумал новый способ для людей, желающих вносить пожертвования в нашу копилку. Заказал в типографии карточки с названием каждого вида и снабдил ими ящики с надписями: «Ветеринарное обслуживание», «Содержание», «Возвращение в природную среду» и тому подобное. Посетители зоопарка могли положить в ящик монету или ассигнацию, выбирая ту сторону нашей деятельности, которая их больше интересовала, зная, что деньги будут истрачены именно на эти цели.

Наряду со всеми этими делами Саймон решил, что должен пройти курс обучения вместе с нашими заморскими студентами, и стал прилежно ухаживать за обитателями всех секций зоопарка. По мере того как Саймон расширял круг своих познаний, он начал исполнять роль экскурсовода, рассказывая посетителям о нашей работе и о биологических особенностях каждого животного. Предельно простодушный человек, он, что называется, клюет на голый крючок. Послушав однажды (без его ведома), как он просвещает группу членов Треста, я зазвал его в свой кабинет и сказал:

Д

— Саймон, мне нужно с тобой серьезно поговорить.

— Да, а что? — тревожно осведомился он.

— Я по поводу лекций, которые ты читаешь членам Треста. На днях мне случилось тебя послушать.

— Нет, правда, неужели слушал? Господи!

— Правда, — серьезно продолжал я. — И хотя в целом лекция была на должном уровне, мне кажется, тебе не стоило преподносить этим беднягам заведомую «липу».

— «Липу»? — через силу вымолвил он.

— Ну, может, не заведомую «липу», — уступил я. — Может быть, ты и впрямь считаешь, что ирбис обитает в Сахаре.

Он уставился на меня, потом вдруг сообразил, что я его разыгрываю.

— Умоляю, — сказал он, — ради бога, не делай больше таких вещей. У меня чуть сердце не оборвалось.

Как раз в это время у Саймона возникли осложнения с нашими орангутанами. Огромный самец Гамбар с острова Суматра чрезвычайно ревниво охранял свою территорию и свою супругу Гину. И надо же было ему вбить себе в голову, что Саймон (чья шевелюра цветом весьма похожа на шерсть орангутана) — соперник, домогающийся расположения Гины. Завидев Саймона, Гамбар хватался за перекладину и раскачивался на ней, колотя висящую на цепи шину от грузовика, а завершал грозную демонстрацию силы тем, что сгребал в охапку Гину и яростно совокуплялся с ней, чем приводил Саймона в великое смущение. Дошло до того, что Саймон, когда водил по зоопарку членов Треста, отказывался подходить близко к клетке орангутанов.

— Ой, глядите — орангутан! — кричали гости, издали приметив Гамбара.

— Да-да, отлично, — лихорадочно выпаливал Саймон. — Но *сперва* я должен показать вам наших лемурув.

Саймон сообщил мне, что во время совокупления с Гамбаром Гина смотрела на него с такой укоризной, что у него сердце сжималось.

— Это ужасно, — говорил он. — Как будто она обвиняет меня.

— Не бери в голову, — утешал я его. — Только подумай, как ты прославишься, когда Гамбар сделает последний ход. Еженедельник «Ньюс оф зе уорлд» заплатит тебе кругленькую сумму за историю твоей жизни.

— Что? — воскликнул Саймон. — Какой еще последний ход? О чем ты толкуешь?

— Ты будешь единственным в истории человеком, на кого подаст в суд за попытку отбить возлюбленную суматранский орангутан, — объяснил я.

Популярность моих книг открывала передо мной многие двери, особенно в среде так называемых «знаменитостей». Чрезвычайно полезно знать, что большой босс такой-то организации — ваш преданный поклонник: вы можете без стеснения обращаться прямо к нему с просьбой оказать услугу, имея то, чтобы медленно карабкаться вверх по липкой и непокорной бюрократической лестнице. К тому же один почитатель сведет вас с десятком своих знакомых, которые могут вам чем-то помочь, и образуется нечто вроде гирлянды из маргариток. Типичный случай — поиски подходящего патрона для нашего новорожденного американского филиала.

Примерно в это время Том Лавджой, собрав в американском Совете благожелательных и щедрых деятелей, задумался над тем, что теперь нужно подыскать, так сказать, «носовое украшение», человека, хорошо известного американцам и способного придать особый блеск организации. И Том позвонил мне, чтобы обсудить этот вопрос.

— Как насчет князя Ренье? — предложил я. — Он любит животных, у него в Монако даже есть свой зоопарк.

— Тогда уж лучше его жена, — отозвался практичный Том. — В Америке никто не слышал про князя Ренье, зато все знают Грэйс Келли.

— Что верно, то верно, — сказал я. — Но я незнаком с ней.

— Зато я уверен, что Дэвид Нивен знаком, — ответил Том. — А с ним ты знаком. Это ведь он был шафером твоей гориллы?

— Он, да только я не люблю просить друзей, чтобы они, так сказать, извлекали из своих знакомств выгоду для меня.

— Не захочет — откажется, только и всего, — философически заметил Том.

И я позвонил Дэвиду. Что он посоветует?

— Ненавижу впутывать друзей в такие дела, Джерри, — сказал Дэвид. — Но вот что я сделаю — помогу тебе получить приглашение, а там уж ты сам изложишь свое дело, я только предупрежу ее.

— Отлично, Дэвид, — отозвался я. — То, что надо. Главное, чтобы мы с Томом открыли дверь, дальше мы сами управимся. Уверен, все будет о'кей. Том обаянием не многим уступит тебе.

— Не пытайтесь мне льстить, мистер Даррелл, — серьезно произнес Дэвид.

— Беда с вами, второразрядными актеришками, — не признаете правды, когда се говорят вам прямо в глаза, — сказал я и поспешил положить трубку, не давая ему ответить.

Спустя некоторое время княгиня Грэйс выразила согласие принять нас, и был назначен день. Том ликовал.

— Милая голубушка Мисс Америка, — говорил он.

Д — Она еще ничего нам не обещала, — заметил я, — и умоляю тебя — не вздумай называть ее милой голубушкой Мисс Америка. Она княгиня, черт возьми.

— Только жена князя, — поправил меня Том.

— Заруби себе на носу, мой дорогой Томас: особы, ставшие княгинями благодаря замужеству, порой носятся со своим званием и положением больше, чем урожденные.

— Я должен делать реверансы перед ней? — спросил Том.

— Нет. Хотя такое зрелище доставило бы мне подлинное удовольствие, лучше избавь княгиню Грэйс от подобных церемоний. Однако учитывая твою неотесанность, чувствую, что не помешает преподать тебе несколько уроков — как следует вести себя в таких случаях. Займись твоим образованием, как только встретимся во Франции.

Поскольку вас не каждый день приглашают в княжеский дворец в Монако, я посчитал, что сему мероприятию надлежит придать соответствующий блеск. А потому разместился вместе со своим женским эскортом (жена, секретарша и одна давняя приятельница) в роскошном отеле, откуда было слышно шуршание бумажек в казино. Вздвигив свои вкусовые сосочки изысканным аперитивом, мы вступили в зал ресторана, встреченные подбострастным метрдотелем и шеренгами учтивых официантов. Только мы отведали нежнейший овощной суп, холодный, будто нос белого медведя, и официанты в торжественной тишине поставили на стол вареного в шампанском и сливках лосося, как появился Томас Лавджой, всем обликом похожий на единственную выжившую жертву страшного месопотамского землетрясения. При виде его у метрдотеля вырвался вибрирующий писк, какой издает морская свинка, на которую вдруг наступил битюг. Честно говоря, я вполне разделял его чувства.

Одна рука Тома сжимала содержащий, видимо, все его земное имущество портфель, изготовленный из кожи престарелого крокодила, страдавшего проказой. Костюм его выглядел так, будто в нем поочередно спали семнадцать бомжей, а восемнадцатый выбросил на свалку. Рубашка была сероватого цвета, только участок, окружающий шею, — черный. Галстук (некогда, вне сомнения, смотревшийся великолепно) выглядел так, будто его задумчиво пожевал и потом выплюнул какой-нибудь не одаренный большим мозгом динозавр. Довершала ансамбль обувь — Чарльз Чаплин много лет безуспешно пытался придать своим ботинкам такой вид. Избоженная складками кожа, что твой грецкий орех, торчащие вверх флажками носы, отчаянно цепляющиеся за верха подметки... Казалось,

приди вам в голову неразумная мысль изучить их поближе, непременно подцепите какую-нибудь заразу.

— Привет всем, — сказал Том, втискивая свою неприглядную плоть в кресло. — Извините, что опоздал.

Мой женский эскорт воззрился на него так, как если бы он был жабой, притаившейся на дне тарелки с супом. Сами все такие нарядные, в шелках и сатине, намазанные, расфуфыренные, источающие дорогие благоухания, словно летний лут после первого укуса, а тут среди них этакое чучело огородное.

— Надеемся, ты не собираешься *в таком виде* являться во дворец к княгине Грэйс? — дружно молвили они грозным тоном.

— А что? — удивился Том. — Чем я вас не устраиваю?

Они объяснили ему — чем. Казалось бы, за много лет я наслушался, как женщины препарируют своих мужчин, но такого обстоятельного и жестокого разбора не припомню. Тому велели бегом подняться наверх, где, сколько он ни возражал, заставили раздеться чуть ли не догола, и, пока Том сидел, завернувшись в банное полотенце, на моей кровати, гостиничная обслуга занялась его платьем.

— Не все ли равно, как я выгляжу, — обиженно заявил Том. — Вчера я завтракал вместе с президентом Перу, и он ничего не сказал.

— Есть женщины, которые судят о человеке по одежде, — ответил и. — И я уверен, что княгиня Грэйс — одна из них. У этих женщин особое зрение и встроенный радар. Приведи их в зал, где собрались три сотни людей, и они тотчас заметят микроскопическое пятно яичного желтка на галстук мужчины в дальнем конце помещения.

— Но я же не виноват, что мой багаж потерялся в Париже!

— Не станешь же ты объяснять ей это. Она решит, что ты всегда выглядишь точно старьевщик.

Наконец одежда Тома вернулась, уже не такая похожая на посылку с театра военных действий в Крыму, и, пока он одевался, я вкратце просветил его насчет придворного этикета.

— Не забудь поклониться, когда она подаст тебе руку. И называй ее либо ваша светлость, либо ма-ам.

— Ма-ам? — переспросил Том.

— Ну да, это сокращенное «мадам».

— А можно, я стану называть ее миссис Ренье?

— Ни в коем случае. Держись лучше за титул «ваша светлость».

Мы заняли места в такси и поднялись на холм, откуда глядит на сверкающую гладь Средиземного моря сказочный розовый дворец. У ворот нас

Д

остановил строгий часовой в форме, какую мог носить кто-то из героев оперетты «Нет, нет, Нанетт» или еще какого-нибудь экзотического мюзикла. Нас проводили в обитель секретаря княгини и попросили подождать минутку.

— Классный особнячок, — заметил Том, созерцая мрамор и золоченую резьбу на дереве.

— Ради бога, не забудь, что я тебе говорил, — сказал я, считая, что Том, как председатель нашего американского Совета, должен первым приветствовать княгиню.

Секретарь открыл дверь, и нас провели в кабинет. Ослепительно красивая и элегантная княгиня поднялась из-за рабочего стола и направилась к нам, улыбаясь. И тут я с ужасом увидел, как Том приветственно машет ей рукой.

— Привет, Грэйс, — сказал он.

Стремясь исправить положение, я поспешил взять слово.

— Ваша светлость чрезвычайно добры, что нашли время для нас, — пролепетал я. — Разрешите представить вам доктора Лавджоя, председателя нашего американского Совета, а моя фамилия Даррелл.

После чего мы сели вместе с княгиней на широкий диван и попытались рассказать ей про цели нашего Треста. Как ни терпеливо внимала княгиня, я не сомневался, что услышу отрицательный ответ на нашу просьбу. Ее светлость приняла нас только ради своей дружбы с Нивеном и теперь подыскивает вежливые слова для отказа. Пришло время выкладывать козырную карту. Только она заговорила про обилие всяких обязательств, а «...потому вряд ли...», как я положил ей на колени большой снимок нашего новорожденного горилленка, лежащего на животике на белом махровом полотенце. Остановившись на полуслове, княгиня восторженно вскрикнула, будто школьница. «Утю-тю-тю» не сорвалось с ее губ, но я чувствовал, что еще немного, и она начнет сюсюкать.

— Ваша светлость, — сказал я, — перед вами как раз одно из тех животных, которым мы стараемся помочь выжить.

— О, какая прелесть, — проворковала она. — В жизни не видела ничего прелестнее. Можно, я покажу этот снимок мужу?

— Он ваш, я специально привез его вам.

— О, большое спасибо, — произнесла она, не отрывая от снимка глаз, отуманенных нежностью. — А теперь скажите, чем я могу вам помочь.

Покидая дворец десять минут спустя, мы могли поздравить друг друга с тем, что патронессу американского филиала нашего Треста зовут ее светлость Грэйс, княгиня Монако.

— Я знал, что фотография горилленка добьет ее, — торжествующе сказал я Тому, когда мы садились в такси. — Все женщины, кому я показываю этот снимок, сходят с ума. Действует на их материнский инстинкт.

— А по-моему, твой снимок тут ни при чем, — отозвался Том.

Я уставился на него.

— Как это понимать — ни при чем? — возразил я. — Именно снимок решил исход дела.

— Ничего подобного, — ухмыльнулся Том. — На самом деле ее покорило пятнышко яичного желтка на моем галстуке.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ВОЗВРАТ В ПРИРОДНУЮ СРЕДУ

Много лет назад, когда наш Трест только начинал свою деятельность, я пытался разъяснить людям, для чего мы разводим животных в неволе. Всякий раз меня спрашивали: «А кого вы вернули обратно?» — так, будто все дело сводилось к тому, чтобы размножить несколько особей, затолкать в клетки, отвезти на родину вида и выпустить в ближайший лес. Ничего подобного...

Сама задача разведения видов в неволе сопряжена со многими проблемами, однако, решив ее, то есть благополучно пройдя первую и вторую стадии нашего «многогранного подхода», можно всерьез приступать к стадии номер три — возвращать выращенных вами особей в природную среду: туда, где данный вид уже вымер, в районы естественного обитания вида, в места с подходящими условиями по соседству или в ареалы, где эндемичная дикая популяция нуждается во вливании свежей крови. Третья стадия — самая сложная.

Сложность заключается в новизне этого дела, речь идет, если хотите, о совершенно новом искусстве, и мы учимся на ходу. Начать с того, что нет двух видов с одинаковыми запросами, каковые и необходимо тщательно изучать. Далее, нельзя взять животное, рожденное в неволе в третьем или четвертом поколении, и просто водворить его в природную среду. При всем обилии пищи кругом оно скорее всего погибнет, ибо приучено есть фрукты и прочий приготовленный корм из мисок. Все равно что привычного к роскошным гостиницам потомственного миллионера поместить на застланной газетами скамье в парке, предоставив добывать пищу в мусор-

Д

ных контейнерах. Без основательной подготовки он не освоится с новым образом жизни.

Разработанные пока что методы достаточно просты, но, как я уже говорил, процесс должен учитывать особенности конкретного животного, да и конкретного места. Наша первая попытка вернуть на Маврикий розового голубя — наглядный пример того, как легко потерпеть неудачу. Мы решили для первого раза воспользоваться, так сказать, «пересадочной станцией» в Памплемусском ботаническом саду. Здесь на обширной площади предостаточно листьев и плодов, к тому же сад пересекает множество дорожек, облегчая наблюдение за реакцией и передвижениями птиц. Итак, мы соорудили специальный птичник с двумя отделениями — одно для пары голубей, коих мы наметили выпустить на волю, другое — для пары, играющей роль манных птиц, чтобы первая пара не покидала совсем ботанический сад.

Кандидатов на освобождение тщательно отобрали в питомнике на Блэк-Ривер — комплексе птичников и вольеров, построенных и оборудованных маврикийскими властями при финансовой поддержке нашего Треста. После того как голуби освоились в новой обители, наступил великий «выпускной» день. По этому случаю я прилетел на Маврикий, и мне было доверено осуществить заветное действие. Было задумано, что, очутившись на воле, птицы смогут по-прежнему использовать птичник как убежище, и там их всегда будет ждать корм, пока они не привыкнут сами добывать пропитание. Прибыв на место в назначенный день, я размашистым движением (великое событие!) дернул веревочку, призванную поднять дверцу, открывая пленникам путь на свободу.

Веревочка порвалась.

Наступила неловкая пауза, пока кого-то послали за другой веревочкой. В эту минуту я с глубоким сочувствием думал о нарядных дамах, которые раз за разом без успеха пытаются разбить шампанское о борт спускаемого на воду океанского лайнера. Наконец веревочка появилась и дверца послушно поднялась. Голуби не подкачали — вылетели на волю и опустились на крышу птичника. Мы надеялись, что они на этом не остановятся и перелетят на деревья. Не тут-то было. Они продолжали флегматично восседать, не мигая, на птичнике, точно этикие придурковатые изделия чучельника. Посмотрели бы на них сейчас все эти болваны, которые толкуют о жестокости неволи и сладости свободы.

Задним числом мы пожалели, что об этой первой попытке никого не известили, хотя тогда это казалось вполне разумным. Всего в Памплемуссе было выпущено одиннадцать птиц, и они, набравшись постепенно храбро-

сти, принялись вкушать плоды обретенной свободы, исследуя все закоулки ботанического сада. Где и столкнулись вскоре с опасностью — по саду бродили мальчишки с рогатками, любители мяса сизарей. Разве можно было требовать, чтобы они отличали розового голубя от сизаря, разве что первый был пожирнее и казался более желанной добычей (на самом деле мясо розового голубя несъедобно из-за неприятного вкуса). Добавьте к этому граничащую со слабоумием доверчивость розовых, и станет ясно, что они были обречены. Не один из выращенных нами голубей пал жертвой смертоносного оружия юных охотников. Могут спросить: а повлияла бы на ход событий предварительная пропаганда в печати? Влияют ли такие кампании на мальчишек с рогатками? Как бы то ни было, несмотря на их проделки, несколько розовых голубей составили пары и принесли потомство, хотя и бросили птенцов на ранней стадии, вероятно, спугнутые людьми.

Достаточно сказать, что наш первый опыт никак нельзя было назвать блестящим успехом, а потому мы отловили уцелевших птиц и вернули на Блэк-Ривер. Правда, какой-то урок мы извлекли. Птицы не устремились тутчас в голубые дали, а оставались поблизости от того места, где их выпустили и где их можно было подкармливать, позволяя осваиваться с непривычной обстановкой. Кроме плодов и листьев местной флоры, они питались также экзотическими растениями — важное наблюдение, поскольку экзоты наводнили маврикийские леса, куда предполагалось возвратить розовых голубей. И наконец, мы доказали, что птицы, выращенные в неволе, способны размножаться, очутившись на свободе.

А потому мы уже с полной уверенностью стали планировать следующий шаг — настоящее возвращение птиц в природную среду, конкретно — в лес Макаби в одном из глухих уголков острова Маврикий. Снова начали с того, что соорудили птичники и поместили в них голубей. На сей раз перед тем, как выпускать птиц, снабдили их миниатюрными передатчиками; одно дело — следить за голубями в ботаническом саду, совсем другое — выслеживать их в глубоких лощинах и зарослях Макаби. Первое время розовые голуби, очутившись на воле, вели себя по-разному. Одни улетали за пределы радиуса действия передатчиков и пропадали где-то неделями, чтобы затем каким-то таинственным образом возникнуть вновь. Другие, вылетая в лес, ежедневно возвращались к птичникам, где их ждал корм. Третьи, удалившись от птичников на несколько десятков метров, месяцами пребывали там. Постепенно становилось ясно, что птицы акклиматизируются и с каждым днем обретают все большую самостоятельность, находя устраивающие их плоды и листья. Тем не менее, опасаясь, как бы

Д

какой-нибудь вид местного корма не исчез из-за смены сезона, обрекая розовых на голодание, мы продолжали подкармливать их. Когда писались эти строки, два голубя уже прилетали к птичникам в сопровождении птенцов. Что позволяет нам осторожно говорить про успех нового опыта.

Мы рады этому по двум причинам. Во-первых, точно доказано, что птицы, рожденные в неволе в третьем или четвертом поколении, способны освоиться в природной среде. Во-вторых, и это, возможно, еще важнее, — мы создали колонию за пределами участка, который привыкли называть Голубиным лесом и который представляет собой долину среди лесистых гор с кущами причудливого вида криптомерий, где гнездится вся дикая популяция розовых голубей (в 1978 году она насчитывала всего около двадцати пяти особей). Естественно, сосредоточение малочисленной популяции на площади в несколько гектаров было чрезвычайно опасно для вида — бесшабашная шайка интродуцированных обезьян, или не менее бесшабашный примат с ружьем, или хорошенький ураган запросто могли истребить всех розовых голубей. Тем не менее упрямые птицы отказывались гнездиться где-либо еще. Невольно вспоминается совет — не класть все яйца в одну корзину... А потому, выпуская розовых в Макаби, мы от души надеялись, что они приживутся там и образуется новая колония. После чего можно будет продолжать создание колоний в других уголках Маврикия, так что, случись что-нибудь с исконной дикой популяцией, вид все же сохранится.

Совсем другую проблему представляют лысые ибисы, которые предпочитают гнездиться вблизи городов. Это крупные птицы с голой головой и длинным клювом кораллово-красного цвета, одетые в темное оперение, отливающее на солнце металлическим блеском. У них обширный и забавный вокальный репертуар, состоящий из серии кашлей, хрипов, рычаний и звуков, предшествующих в латинских странах звучному отхаркиванию. Некогда эта своеобразная и весьма полезная птица была очень широко распространена — от Турции и Среднего Востока до Северной Африки и обширных областей Европы, где лысые ибисы гнездились даже в Альпах. В Средние века птенцы ибиса почитались деликатесом, доступным только вельможам, хотя не удивлюсь, если мне расскажут, что иной раз пухлые птенчики попадали и в кастрюлю убогого крестьянина. Первые письменные упоминания об этой своеобразной птице относятся к шестнадцатому веку, когда в Зальцбурге она была известна под именем лесного ворона. В 1528 году король Фердинанд и архиепископ Зальцбургский издали охраняющие ибиса указы (очевидно, чтобы аристократы в отличие от крестьян могли продолжать уписывать птенцов), от которых, однако, не было проку.

Я называю лысого ибиса полезным потому, что он — подобно многим другим птицам — истребляет вредителей, питаясь личинками насекомых; сверх того его пищу составляют лягушки, рыбешки и мелкие млекопитающие. Учитывая крупные размеры ибиса и тот факт, что в кладке бывает до четырех яиц, требуется изрядное количество личинок, чтобы прокормить этих пернатых. В прошлом появление лысых ибисов в давних местах их гнездовий на скалах возвещало о приходе весны и служило поводом для праздника — в частности в маленьком турецком городе Биреджик. Но затем было изобретено малоприятное вещество под названием ДДТ, которое, как заведено, стали применять без разбора, что отразилось и на ибисах, поскольку их корм оказывался отравленным. Из гнездовий в Европе эта птица уже изгнана, быстро сокращается численность лысых ибисов на Среднем Востоке и в Северной Африке. Колония в Биреджике оставалась единственной на Востоке, но город разрастался, и многие дома подступили к самой скале, где гнездились птицы. В летний зной жители спали на плоских крышах этих домов, им вовсе не нравилось, когда на них падал сверху помет, и они били ибисов камнями и стреляли. Какой там праздник — сплошное расстройство! Турецкое правительство тщетно пыталось защитить ибисов. Под давлением людей и инсектицидов последняя восточная популяция быстро сокращалась, и, когда пишутся эти строки, в Турции не осталось *ни одного* дикого лысого ибиса. Сохранились маленькие уязвимые дикие популяции в Марокко, Алжире и Саудовской Аравии.

К счастью, ибисов содержали в неволе в Инсбрукском и Базельском зоопарках; именно последний предоставил нам птиц, основавших нашу процветающую ныне колонию. В свою очередь, мы поделились с зоопарками Эдинбурга, Честера и Филадельфии, а еще нами финансировалось оборудование вольеров в Марокко, куда поступают выращенные в неволе особи от нас и других европейских коллекций. Птенцы из этих вольеров составят основу программы реинтродукции ибисов в тщательно подобранных местах. Уже готовятся такие планы и для других областей Северной Африки. Египтологи полагают, что ибис был первой птицей, выпущенной Ноем с ковчега. В самом деле, почему бы не создать колонию этих птиц, скажем, на какой-нибудь из скал вблизи Луксора? Пусть летают среди могучих древних памятников, как летали в те времена, когда эти памятники создавались.

Эти планы нам еще предстоит попробовать осуществить, а несколько лет назад, сразу после того, как мы приступили к реинтродукции розовых голубей, у нас было все готово для подобной акции с другим представителем фауны, млекопитающим, а именно с ямайской хутией. Все сулило ус-

Д

пех, однако ход событий показал, что кажущийся на первый взгляд достаточно простым проект может натолкнуться на неожиданные препятствия.

Хутиевые — обособленное семейство грызунов, обитающее на островах Карибского моря и представленное разными родами на Кубе, Ямайке и Багамах. Ямайский вид (местные жители называют его кроликом), величиной с малого пуделя, одет в серовато-коричневый мех и смахивает на увеличенную морскую свинку. Это единственный уцелевший на острове крупный эндемичный представитель млекопитающих. Некогда хутии водились здесь в большом количестве и были важным источником питания как для исконных жителей Ямайки, так и для ямайского удава, однако вырубка лесов и охота с применением современного оружия явились подлинной катастрофой для этих зверьков. Благодаря любезной помощи одного члена нашего Треста мы в 1972 году получили наших первых хутий — двух самцов и самку, пойманных в горах Джон-Кроу; еще восемь особей приобрели в 1975 году. Они принесли первое (насколько нам известно) потомство в неволе, и в последующие десять лет был получен шестьдесят один помет, насчитывающий девяносто пять детенышей. Из них, сохраняя верность принципу — не держать все яйца в одной корзине, девятнадцать мы одолжили для размножения в шесть других коллекций в четырех разных странах.

Вернемся, однако, в 1972 год. Когда близилось к завершению строительство нашей новой великолепной обители для хутий, мне позвонила одна из попечительниц Треста, Флер Коулз, и сообщила, что ждет в гости голливудскую звезду Джимми Стюарта с женой Глорией и собирается показать им Джерси. Большой любитель пользоваться удобными случаями, я спросил, не согласится ли мистер Стюарт открыть центр размножения хутий, чтобы сделать рекламу Тресту. Мне ответили, что он будет счастлив.

В назначенный день я отправился в аэропорт встречать гостей. Стюарт был сама непритязательность — ковбойская походка, голос с хрипотцой, тягучая речь. Глория — прелестная женщина, выхоленная, какой может быть только состоятельная американка, чрезвычайно обаятельная, однако с особым блеском в глазах, свидетельствующим, что она легко может уподобиться одной из знаменитых тетушек мистера Вудхауса, если что-то будет ей не по нраву. Весьма энергичная особа, перед какими метрдотели тотчас начинают услужливо лебезить во избежание скандалов, превосходящих самые страшные их кошмары. Пока мы, выйдя из аэропорта, ждали, когда Джон подгонит такси, Джеймс Стюарт вдруг исчез. Только что был здесь — долговязый, мило улыбающийся — и в следующее мгновение беззвучно испарился. Казалось бы, для такого большого (во всех смыслах слова) человека просто невозможно исчезнуть так незаметно.

— Где Джимми? — спросила вдруг Глория укоризненным тоном, словно мы прятали его от нее.

Мы внимательно обозрели окрестности.

— Может быть, решил воспользоваться удобствами? — употребил я обожаемый мной американский эвфемизм.

— Уже пользовался в самолете, — ответила Глория. — Куда он мог деться?

Исключив «удобства» из ряда возможных укрытий, я совершенно не представлял себе, куда мог деться Джимми Стюарт. Растущее волнение Глории заставило и меня ощутить некую тревогу. Уж не похитили ли его? И живо представлял себе крупные заголовки в малограмотной мировой прессе: «Джеймс Стюарт похищен на вечеринке в честь хутий — знаменитый актер исчезает, подобно животным, которых решил навестить». Не такой рекламы желал я для нашего Треста...

В эту минуту подъехал в такси Джон.

— Пойти сказать мистеру Стюарту, что машина подана? — спросил он.

— Где он? — дружно воскликнули мы.

— Он там, у ангаров, осматривает какой-то самолет, — сообщил Джон.

— Сходите за ним, умоляю, — сказала Глория. — Он не может равнодушно смотреть на самолеты.

— Как он проник туда? — недоумевал я: Джерсийский аэропорт охраняется очень строго.

— Неужели думаешь, кто-нибудь станет останавливать Джеймса Стюарта? — ответил Джон вопросом на вопрос.

Наконец самовольщик прошагал вразвалочку обратно к нам.

— Э... ничего самолетик там, славенький, — объяснил он. — Да, ничего игрушечка, аккуратненький. Уютный такой... Конфетка. Первый раз такой вижу.

— Садись в машину, Джимми, — распорядилась Глория. — Ты всех задерживаешь.

— Нет, в самом деле, — настаивал Джимми, не обращая внимания на призыв супруги. — Приятно было увидеть эту игрушку.

После ленча он, излучая обаяние, открыл наш питомник хутий, объявив, что сразу полюбил «Хут Ирз», когда впервые их увидел (то бишь пять минут назад). После сего тяжкого испытания мы пригласили гостей отобедать в доме одного из моих друзей.

Пока мы чокались в теплице и за последовавшим затем великолепным обедом я заметил, что Джимми чем-то озабочен. Решил, что он еще не пришел толком в себя от быстрой смены часовых поясов, которая хоть

Д

кого может выбить из колеи. После трапезы мы перешли в гостиную, где Джимми осторожно опустил свою нескладную фигуру в лоно обширного дивана. Рассеянно поведя по комнате глазами, он вдруг сосредоточил взор на заинтересовавшем его предмете.

— Гляди-ка, пианино, — сказал он, не отрывая загоревшихся глаз от приютившегося в углу маленького рояля.

— Джимми, умоляю, — предостерегла его Глория Стюарт.

— Точно, пианино, — повторил Джимми с таким восторгом, будто сделал открытие века. — Этакое маленькое, крошечное пианино.

— Джимми, я запрещаю, — сказала Глория.

— Песенку... — задумчиво произнес Стюарт с фанатичным блеском в глазах, медленно отрываясь от дивана. — Песенку... Как она называется, моя любимая?

— Прошу тебя, Джимми, не трогай пианино, — отчаянно взмолилась Глория.

— А, вспомнил... Регтайм «Ковбой Джо»... — сообщил Джимми, подходя к инструменту. — Ну конечно, регтайм «Ковбой Джо».

— Джимми, я прошу тебя, — вымолвила Глория срывающимся голосом.

— Щас, больно песенка хорошая, свинговая. — Джимми опустился на стул перед роялем, поднял крышку, и клавиши оскалились, будто пасть крокодила. — Так... ну-ка, поглядим... ага, как там...

Он принялся тыкать длинными пальцами в клавиши, и мы тотчас уразумели две вещи. Во-первых, Джимми Стюарту явно медведь наступил на ухо, во-вторых, он не умел играть на рояле. К тому же он позабыл все слова песни, кроме самого названия. Сколько лет наблюдал я его триумфальное шествие по экранам кинотеатров, но такое я видел впервые. Он истязал инструмент и фальшиво пел, тщетно сясь добиться лада. Хриплым голосом снова и снова повторял название песни, когда ему казалось, что он что-то пропустил. Это было все равно что смотреть на безрукого человека, задумавшего переплыть Ла-Манш. Меня разбирал смех, но я изо всех сил сдерживался, очень уж он гордился своим исполнением. Расправившись наконец с регтаймом «Ковбой Джо», Джимми повернулся к нам с довольным видом.

— Кто-нибудь желает послушать еще какую-нибудь песню? — радушно осведомился он.

Меня подмывало заказать «Усеянный звездами стяг», но до этого не дошло.

— Джимми, нам пора уходить, — сказала Глория.

И они ушли.

Я воспринял выступление великого Джеймса Стюарта как великую честь; боюсь, однако, что его супруга думала иначе.

Всякий раз, когда коллекция Треста пополняется новым животным, это для нас поистине волнующее событие. Но «Хут Ирз», как их окрестил Джимми Стюарт, явились исключением из этого правила. Симпатичные тучные зверьки с тяжелым задом, как если бы они надели не по размеру большие штанишки, наши хутии были начисто лишены того, что называют яркой индивидуальностью. Радости бытия они излучали не больше, чем группа церковных старост, хоронящих своего товарища. Среди их повадок разве что одну можно было назвать эксцентричной. Подобно большинству созданий, они не читали специальных книг, описывающих присущее им поведение, а потому не знали, что им надлежит вести строго наземный образ жизни. С видом полного безразличия они тяжело взбирались по размещенным в клетках веткам и восседали под самой крышей, словно желая изобразить стайки бескрылых птиц. Правда, я частенько наблюдал, как детеныши затевают нечто вроде игры в салки, но делалось это весьма степенно; напрашивалось сравнение с раскормленными детьми из консервативных семей, снисходящими до подобных игр лишь по желанию родителей.

Когда число детенышей достигло удовлетворительной цифры, мы стали подумывать о реинтродукции хутий. Тогдашний наш ученый секретарь Уильям Оливер отправился на Ямайку, чтобы провести подготовительные мероприятия, а именно — выбрать подходящий район (подходящий с точки зрения хутий; в частности, важно было оградить их от посягательств охотников) и наладить сотрудничество с зоопарком Хоуп в Кингстоне. Всего в 1985—1986 годах на остров поступили сорок четыре особи, выращенные у нас на Джерси; их поместили семьями в специальных клетках в названном зоопарке. Тем временем в избранном районе тщательно изучалась растительность, чтобы мы могли быть уверены, что у хутий не будет проблем с кормом. После этого семьи выпустили по отдельности во временные садки у скал и специально подготовленных нор. Через неделю-другую ограды убрали, с тем чтобы около трех месяцев наблюдать, как пойдут дела.

Поначалу все шло хорошо. Контроль показал, что за указанный срок исчезли только три особи, тогда как остальные быстро освоились и выглядели вполне удовлетворительно. Мы уже начали надеяться, что реинтродукция увенчается блестящим успехом. Однако при повторном контроле спустя некоторое время в том же году были обнаружены всего восемь особей. Все они, включая двух родившихся на новом месте, были в отличном состоянии. Полуторамесячные поиски не обнаружили других экземпляров. В следующем году удалось найти всего двух зверьков — выращенного на

Д

Джерси и родившегося, судя по всему, уже на Ямайке. Оба были в хорошем состоянии, но куда подевались все остальные особи, оставалось загадкой. Казалось бы, и с кормом здесь все в порядке, и охотники сюда не заходили. Оставалось предположить, что либо хутий поразила какая-то болезнь, либо они стали жертвами бродячих собак и кошек. Тем не менее мы не утратили надежды, вместе с зоопарком Хоуп создаем достаточно большую плодovitую колонию, чтобы при помощи студентов Вест-Индского университета осуществить новую попытку реинтродукции.

Все огорчения, связанные с провалом попыток возвращения животных в природную среду, возмещаются с лихвой, когда объединенные усилия приносят успех, как это было с золотистыми львиными тамаринами. Вместе со своими близкими родичами, мармозетками, эти очаровательные существа, самые маленькие среди приматов, обитают в приморских дождевых лесах Бразилии. К сожалению, именно эти леса подвергались особенно беспощадной вырубке, остались только редкие купы, подчас не связанные между собой, так что обитающие в них животные оказываются в изоляции и не могут обновлять генетический ресурс, спариваясь с другими особями, хотя бы их разделяло всего несколько километров. Некогда дождевые леса в атлантическом приморье простигались на площади в 337 500 квадратных километров; теперь осталось меньше пяти процентов, да и на них непрерывно наступают топор, огонь и бульдозеры. Что влечет за собой исчезновение не только тамаринов, но и составляющих их особую экосистему полчищ других животных и растений. Срубить тропическое дерево — все равно что разрушить большой город, ведь на нем и вокруг него обитают тысячи тварей.

Золотистый львиный тамарин, вероятно, один из самых красивых представителей млекопитающих. Размерами чуть больше новорожденного котенка, он одет в шерсть, словно состоящую из золотых нитей; пальцы золотистых тамаринов длинные, так сказать, «аристократические». От лица переливающуюся блеском шубку отделяет подобие гривы; отсюда забавное сходство со львом. Движения, как у всех тамаринов и мармозеток, поразительно быстрые, подчас за ними невозможно уследить глазом. Золотистые тамарины всеядны, предпочитают плоды и насекомых, однако охотно едят древесных лягушек и даже (недавнее открытие) забираются днем в дупла, чтобы пополнить свою диету спящими летучими мышами. Общаются они между собой звуками, очень похожими на птичьи трели и чириканье.

Мало того что уничтожается природная среда тамаринов, они еще пользуются популярностью как комнатные животные и как объект для биомедицинских исследований, посему в конце шестидесятых и начале се-

мидесятых годов стало очевидно, что золотистым тамаринам грозит вымирание. Считалось, что в уцелевших лесных урочищах осталось не больше полутора ста особей. Тревожная ситуация нашла свое отражение в блестящих трудах доктора Адельмара Ф. Коимбра-Фильо, нынешнего директора Центра приматов в Рио-де-Жанейро. В 1972 году состоялась конференция, где обсуждали нависшую над этими животными угрозу и попытались определить, сколько особей уцелело в природной среде и в неволе. Стало очевидно, что наряду с защитой диких популяций чрезвычайно важно создать жизнеспособные колонии в неволе. Успехом в этом деле мы обязаны прежде всего самоотверженному труду доктора Девры Клейман. До 1980 года лишь очень немногие зоопарки, преимущественно американские, располагали экземплярами золотистых львиных тамаринов. Эти зоопарки осторожно приращивали свои маленькие популяции и добились заметного успеха. За пять лет численность особей в неволе возросла со ста пятидесяти трех до трехсот тридцати, почти вдвое превысив число золотистых, обитающих в природной среде. Каждый год рождалось от пятидесяти до шестидесяти тамаринов, так что теперь образовалась достаточно крупная устойчивая популяция и можно было подумать о том, чтобы вернуть несколько выращенных в неволе особей в природную среду. Успеху проекта способствовало образование сообщества зоопарков для работы с тамаринами.

Получив в 1978 году нашу первую пару золотистых, мы тоже присоединились к сообществу. Появление у нас этих зверьков стало подлинной сенсацией. Одно дело — видеть живописное или фотографическое изображение животного, совсем другое — лицезреть его во плоти. Переливающиеся золотом, точно дублоны, крохотные приматы носились по своей клетке с такой быстротой, что казалось, кто-то разбрасывает металлические слитки. Исследуя новую обитель, они обменивались трелями и чириканьем, как будто миниатюрные экскурсоводы рассказывали друг другу, где и на что следует посмотреть.

Когда наконец золотистые освоились, они стали главным аттракционом в нашем ряду игрунковых, превосходя красотой и своеобразием остальных представителей этой очаровательной группы приматов. И настал день, когда самка благополучно разрешилась двойней (это норма), малюсенькими золотыми самородками, которые свободно уместились бы в кофейной чашке. С личиком меньше монетки, их было почти невозможно разглядеть, когда они первое время цеплялись за густой мех родителей. Став постарше, они осмелели и стали покидать родительские объятия, чтобы самостоятельно исследовать клетку, однако тотчас мчались обратно, когда им чудилась некая опасность. Восхитительное зрелище являлось гла-

Д

зу, когда освещенные солнцем малютки гонялись за нечаянно залетевшими сквозь проволочную сетку бабочками. Мало того что они исполняли немислимые прыжки и балетные пируэты, ловя изящно порхающих насекомых, крохотные шубки переливались самыми различными оттенками, от красновато-коричневого до бледно-золотистого. Почему-то мое предложение назвать малышей Форт и Нокс встретило такой отпор со всех сторон, что пришлось отказаться от этой идеи.

Тем временем продолжалось развитие планов возвращения золотистых в природную среду. Естественно, такой грандиозный замысел требовал тщательной разработки и осторожности в подходах. Следовало произвести экологическую разведку, определить численность дикой популяции, затем найти свободные участки с условиями, позволяющими выпустить особи, выращенные в неволе. Одновременно в пяти зоопарках США отобрали пятнадцать тамаринов и отправили в Центр приматов в Рио для промежуточной подготовки. Животное, рожденное в неволе, скажем, в третьем поколении, приучено питаться в определенные часы, оно избавлено от необходимости добывать себе корм. Важнейшая черта защищенного мира неволи — отсутствие хищников вроде змей и ястребов; даже гомо сапиенс воспринимается как щедрый на дары заботливый друг. А потому животных надлежит постепенно приучать к суровым реальностям леса, чтобы они могли там выжить. Так, было обнаружено, что тамаринов пугают качающиеся ветки. В приличном зоопарке они лазают по надежно укрепленным веткам, и сгибающаяся под весом опора вызывает страх, пока не научишься с ней управляться. Животным следовало также привыкать к употреблению наряду с обычной диетой совсем незнакомых диких плодов, и было чрезвычайно интересно наблюдать, как молодые особи обучаются быстрее и делятся своим опытом со старшими.

Поначалу реинтродукция проходила медленно, но постепенно животные и ответственные за проект люди набирались опыта, и дело пошло на лад. На одной фотографии можно видеть, как выращенный в неволе тамарин ест лягушку, чего он никогда не получал в своем зоопарке в Вашингтоне; было очевидно, что животные хорошо осваиваются в новой среде. Следующая фаза предусматривала интродукцию выращенных в неволе животных в места обитания диких, и великим событием стал первый случай, когда самка из зоопарка родила двойню от дикого самца.

К тому времени мы на Джерси вырастили больше двадцати пяти золотистых львиных тамаринов, так что могли принять участие в реинтродукции, выделив пять наших особей. Их выпустили семейной группой в лесочке, где не было диких тамаринов, и мы гордимся тем, что наши питом-

цы были первыми среди рожденных и выращенных в неволе, которые дали потомство в природной среде. Вот доказательство для сомневающих-ся, что, если усилия различных специалистов согласно направляются к общей цели, размножение животных в неволе не только возможно, но позволяет спасти от вымирания множество видов.

На всю жизнь запомнился мне дивный пикник с Роджером Пэйном и его семьей во время моей второй поездки в США. Я говорю о том самом Роджере, что провел такие замечательные исследования китов; это ему мы обязаны записями чудесных скорбных китовых песнопений, которые слушаешь, затаив дыхание и жаждая постичь, что же такое эти удивительные огромные создания говорят друг другу. Впрочем, во время упомянутого пикника Роджер в основном расспрашивал меня о работе Треста, и я постарался рассказать ему о наших задачах и целях.

Под конец Роджер сказал:

— Кажется, я тебя понял — вы выращиваете животных, с тем чтобы вернуть *куда-то*. Вопрос в том, чтобы это *куда* существовало.

В короткой фразе он обозначил одну из главных проблем выращивания животных в неволе; за неимением лучшего определения назову ее «синдром *куда*». Случай с родригесскими крыланами может служить хорошим примером.

Маленький остров Родригес расположен в океане в шестистах пятидесяти километрах к востоку от Маврикия. Один из первых европейских поселенцев, Легва, называл Родригес раем с густыми кущами, населенными дивными тварями. Тут обитала удивительная длинноногая птица пустынный, чем-то похожая на современного африканского секретаря. А гигантские черепахи водились в таком количестве, что, как говорится в одном источнике, по их спинам можно было «пройти... свыше ста шагов... не ступая на землю». (Говорят, в прошлом в Англии белка могла пробежать по деревьям и живым изгородям от Лондона до Абердина, ни разу не спускаясь на землю.) Еще в этом тропическом раю обитали геккон метровой длины, земляной попугайчик и много иных необычных созданий. Теперь Родригес, сухой, эродированный, открыт палящим лучам тропического солнца; на нем почти не осталось зелени, потесненной людьми. Исчез длинноногий пустынный, исчез земляной попугайчик, нет больше огромного геккона и мостовых из черепаших панцирей. Остались только клочки леса, и в самом большом из них, получившем название Каскад Голубей, обитает единственная в мире колония крыланов (они же — летучие лисицы) с ярко-желтым мехом на теле и голове. В 1976 году мы с Джоном

Д

Хартли побывали на Родригесе и отловили для размножения восемнадцать крыланов; вся популяция тогда насчитывала сто двадцать особей. Несколько экземпляров были помещены в птичнике маврикийского правительства на Блэк-Ривер (где содержатся также розовые голуби), трех самцов и семь самок мы привезли на Джерси. Здесь нами выращены девяносто детенышей, и мы учредили вспомогательные колонии как в других зоопарках Великобритании, так и в США. Число особей достигло такой цифры, что пришло время подумать об интродукции. Но где?

Родригес для этого не годится. Популяция, из которой мы с Джоном отловили экземпляры для размножения, теперь, слава богу, выросла примерно до восьмисот особей, благодаря тому, что остров в последнее время обходили стороной ураганы и нашествие людей на Каскад Голубей сведено до минимума. Однако, судя по всему, больше восьмисот крыланов уцелевшие на Родригесе клочки леса прокормить не в состоянии. И даже при успешном ходе программы лесовозобновления на острове пройдет не один год, прежде чем новые леса смогут принять крыланов. Да и будь возможным создать вторую колонию в Каскаде Голубей, все равно остается проблема ураганов. Очередное стихийное бедствие в любое время может обрушиться на остров и снести деревья, как сильный ветер срысывает с вашей шеи шарф.

Нами рассматривалась кандидатура архипелага Чагос, лежащего в океане в полутора тысячах километров от Родригеса. Здешные острова необитаемы, циклоны и пассаты обходят их стороной. Может быть, именно поэтому ветры не приносили сюда крыланов. Три атолла — Диего-Гарсия, Перос-Баньос и Саломон, — вероятно, могли бы прокормить колонию летучих лисиц. Когда-то на них посадили кокосовые пальмы для получения копры, но в 1972 году плантации были покинуты. Некоторые огороды и фруктовые сады, посаженные до той поры, одичали и могли бы служить источниками корма для интродуцированных крыланов.

Надо ли уточнять, что Диего-Гарсия, подобно многим другим симпатичным островам, был превращен в военно-морскую базу, и теперь доступ туда строго ограничен. Но два других атолла, вероятно, способны обеспечить кормом колонию летучих лисиц, хотя всегда рискованно внедрять в экосистему чужеродных животных. Известно, сколько бед они способны натворить — будь то олени в Новой Зеландии, кролики в Австралии или ослы на Галапагосах. Правда, на островах архипелага Чагос естественная растительность уступила место кокосовой пальме, кроме того, туда завезли крыс, кошек, свиней и коз, пагубно воздействующих на любую экосистему. Таким образом, интродукция родригесских крыланов не ухудшила бы

ситуацию, зато могла бы помочь спасти вид от вымирания, а заодно — кто знает? — способствовала бы восстановлению растительности.

Доказано, что крыланы выступают в лесах в роли садовников, участвуя в опылении цветов. Больше того, косточки поедаемых ими плодов падают вместе с пометом на землю и прорастают, так что отдельные виды деревьев распространяются на обширной площади. Неразумно, как это делают многие люди, презрительно говорить — какой, дескать, прок от данного животного или растения, ибо прок, несомненно, есть, пусть он даже не сразу заметен. «Садоводческая активность» крыланов приносит пользу полчищам других форм жизни, включая человека.

Мы запросили разрешение посетить Диего-Гарсия, власти нам отказали и предложили обратить внимание на другие острова. К чему мы и приступаем, мечтая найти надежное прибежище для наших маленьких золотистых летучих лисичек, очень похожих на игрушечных медвежат. Надеюсь, когда мы остановимся на каком-то острове, он не успеет превратиться в полигон для испытания атомных бомб. В мире, где убийство почитается важнее сохранения жизни, всякое возможно...

Пока родригесские крыланы все еще страдают от «синдрома *куда*», некоторые другие обитатели островов Индийского океана избавлены от него. Здесь речь пойдет об острове Круглом, с которым связано наше самое внушительное, на мой взгляд, достижение на сегодняшний день: мы спасли от гибели маленький уголок планеты.

Когда мы с Джоном Хартли разрабатывали на Маврикии планы спасения розового голубя, мое внимание было привлечено к проблемам острова Круглого — вулканического конуса площадью около ста пятидесяти гектаров, лежащего в море километрах в двадцати к северо-востоку от Маврикия. Он примечателен тем, что на этом клочке суши водятся целых два вида ящериц, два вида змей и несколько видов растений, не известных нигде больше в мире. Кроме того, это один из немногих возвышенных тропических островов, свободных от крыс и мышей, а еще здесь гнездятся разные морские птицы. В прошлом Круглый напоминал Маврикий в миниатюре: верхние части склонов покрывала чаща эбенового дерева и других пород с жесткой древесиной, понизу остров опоясывала пальмовая саванна. Но в начале прошлого века какой-то болван завез на Круглый несколько коз и кроликов — главных врагов растительности. Это было все равно что запустить в овчарню саблезубого тигра. Чего не съели козы, умяли кролики; скоро верхний лес вовсе исчез и саванна начала отступать под натиском противника, а разрушаемый эрозией островок медленно, но вер-

Д

но поглощался океаном. Когда я впервые туда попал, он напоминал открытое шрамами, изможденное лицо столетнего индейца; сохранились только редкие пальмы, несколько панданусов да кое-где низкий кустарник. Было очевидно, что нужно срочно спасать рептилий, так как среда их обитания быстро сокращалась. Мы с Джоном дважды посетили Круглый, поскольку маврикийские власти согласились, что необходимо отловить ящериц и попытаться разводить их сперва на Джерси, затем, по возможности, на Маврикии. Нам сообщили, что принимаются меры, чтобы справиться с кроликами и козами.

Мне доводилось ловить животных в самых разных уголках мира, и нигде эту операцию нельзя было назвать простой. Что до рептилий острова Круглого, то они всячески старались облегчить нам задачу. Сцинки Телфэра были до того ручными, что, когда мы устроились перекусить в тени под зелеными дланями листьев пандануса, крупные ящерицы поспешили присоединиться к нам. Окрашенная в серовато-коричневый цвет гладкая чешуя переливалась на солнце всеми цветами радуги; глядя на нас живыми, умными глазами на заостренной голове, они забирались к нам на колени, протягивая толстые черные языки к крутым яйцам, помидорам и ягодам страстоцвета. Сцинки ели очень аккуратно, потягивая из наших стаканов пиво и кока-колу с манерами деревенских леди, приглашенных на чай к приходскому священнику. Мы чувствовали себя последними негодьями, когда в завершение трапезы похватили наших хорошо воспитанных гостей и засунули головой вперед в мешки из мягкой ткани, подобно тому как в «Алисе» Сумасшедший Шляпник и Мартовский Заяц затолкали Соню в чайник. Далее нам нужно было поймать гекконов Гюнтера — тучных ящериц длиной около двадцати сантиметров, с огромными золотистыми глазами, с широкими присосками на пальцах и мягкой, точно бархат, пепельно-серой кожей в черную крапинку. Гекконы оказались не такими общительными, как сцинки, они предпочитали оставаться среди уцелевших клочков саванны, цепляясь за стволы пальм повыше от земли. Пришлось нам прибегнуть к более сложным методам, напоминающим рыбную ловлю. Мы захватили с собой длинные бамбуковые шесты с нейлоновой петлей на конце. Гекконы кротко ждали, пока мы надевали петли на их толстые шеи. После чего оставалось только стащить жертву вниз и отправить в мешок, что требовало величайшей осторожности — стоило геккону испугаться и дернуть посильнее, и нейлон мог поранить тонкую, словно папиросная бумага, кожу. К счастью, все обошлось, и в наших мешках собралось двадцать сцинков и шестнадцать гекконов.

На очереди были змеи. Оба вида, обитающие на острове Круглом, не-

ядовиты; они отдаленные родичи группы, включающей удавов тропической Америки, но выделены учеными в особое семейство. Один, длиной около метра, окрашен в оливковый цвет со светлыми пятнами. Днем эти змеи отдыхают среди сухих листьев, обрамляющих ствол пальмы латания; несколько таких пальм уцелели на участке саванны. Ловить их было легко — нащупал рукой среди листьев и тащи. Трудность заключалась в том, чтобы разглядеть их, поскольку они лежали совсем неподвижно. Со вторым видом нам не повезло — эти змеи обитают в норах, и обнаружить их почти невозможно. Последний раз представителя этого вида наблюдали в 1975 году; потом пришли к заключению, что он вымер. Все наши поиски ни к чему не привели, оставалось только с сожалением решить, что так оно и есть.

Вернувшись на Маврикий, мы обнаружили, что там поднялся страшный шум в связи с планами истребления кроликов и коз на острове Круглом. Властям советовали прибегнуть к яду, поскольку из-за сложного рельефа все другие способы казались малопригодными, и подходящим ядом называли стрихнин. С ним отнюдь не приятно иметь дело, но, к сожалению, тогда в распоряжении властей не было другой отравы, подолгу сохраняющей свою силу под лучами палящего солнца. Теперь-то, конечно, можно осуждать этот выбор, ведь стрихнин мог отравить не только кроликов и коз, но и некоторых рептилий. Так или иначе, тогда ничего лучшего не было предложено, а необходимость быстрого освобождения Круглого от прожорливых травоядных не вызывала сомнений. В это время кто-то из причастных к проекту людей поведал о нем газетчикам, и началось...

Ряд обществ покровительства животным в Великобритании поднял исторический вой, и один из представителей этих обществ дошел до того, что заявил сэру Питеру Скотту (который пытался посредничать), что, дескать, все эти угрожаемые виды на острове Круглом не стоят жизни одного кролика. На Маврикии Общество борьбы против жестокого обращения с животными, до той поры всячески помогавшее нам и не возражавшее против применения яда на Круглом, вдруг струсило и поспешило дать задний ход, заявляя, что травить коз и кроликов — чрезвычайная жестокость и этого ни в коем случае нельзя допускать. Тщетно толковали мы, что кролики и козы с такой скоростью уничтожают собственную кормовую базу, что их ждет медленная смерть от голода, куда более мучительная, чем быстрая кончина от яда. Одно английское общество, пекущееся о благе животных, направило на Круглый меткого стрелка, чтобы он попытался освободить остров от коз, и ему, к великому нашему удивлению, это удалось. Говорю «к удивлению», потому что пугливые козы обосновались на самом краю потухшего кратера — самом опасном и труднодостижимом месте на всем ост-

Д

рове Круглом. Однако хитрые ненасытные кролики оставались, а с ними оставалась и наша проблема.

Как раз в это тревожное время произошел забавный случай, чуток развеселивший нас. В Англии главным противником проекта истребления кроликов был некий доктор Гленфиддис Бэлморэл. Разумеется, я привожу здесь не подлинное имя доктора, но оно было достаточно необычным, чтобы не запечатлеться в памяти. Мы с Джоном Хартли и моим другом Вахабом Овадалли, старшим лесничим Маврикия, участвовали в одной конференции в Лондонском зоопарке, и, просматривая список участников, я обнаружил фамилию грозного доктора. Если только, сказал я себе, нам троим удастся потолковать с ним с глазу на глаз, мы уж как-нибудь сумеем его вразумить. Тщательно разработав план похищения, я сперва попросил Майкла Брембелла, тогдашнего заведующего отделом млекопитающих в Лондонском зоопарке, разрешить нам воспользоваться его домом, расположенным на берегу канала Риджентс-парк, недалеко от помещения, где проходила конференция. Затем я уговорил одного деятеля представить меня доктору Бэлморэлу. Доктор произвел на меня впечатление человека симпатичного и разумного, я даже удивился — как это он мог занять столь экстремистскую позицию в вопросе об «изничтожении Банни». Сказав, что мне и моим коллегам хотелось бы обсудить с ним одну проблему, я спросил, не согласится ли он во время перерыва выпить с нами по стаканчику в доме Майкла. Он охотно согласился. К сожалению, доктор предпочел встретиться с нами в тот момент, когда один из участников выступал с докладом о размножении ламантинов — животных, к коим я отношусь с великой нежностью. Пришлось мне пропустить этот доклад, очень уж важно было решить вопрос с островом Круглым. Одна из многих жертв, принесенных мной на алтарь природоохранного дела.

Как бы то ни было, мы завели доброго доктора в дом Майкла, совершили набег на буфет и вскоре могли наблюдать, как наша жертва тает под воздействием хороших порций джина с тоником. Я приступил к рассказу о проблемах острова Круглого и его глобальной важности. Добрый доктор слушал, кивая с умным видом. Когда я выдохся, включился Вахаб и рассказал про грозящую кроликам голодную смерть, нарисовав такую жуткую картину, что все мы чуть не прослезились. После Вахаба в бой вступил Джон, объяснил с ученым видом, что остров Круглый исключительно важен в биологическом смысле и было бы преступлением позволить кроликам опустошить его. Доктор продолжал кивать и поддакивать, говоря: «Совершенно верно... согласен... да-да, конечно...» А потому, когда мы выпустили весь пар, нас изрядно потрясла его ответная реплика:

— Однако я, право, не вижу, чем могу быть вам полезен.

Я тупо уставился на него.

— Но ведь вы — доктор Гленфиддис Бэлморэл, верно?

— Да, — озадаченно подтвердил он.

— Из Общества охраны пернатых и косматых?

— Нет-нет, — ответил доктор, — я из Общества охраны и лучшего понимания жестокорылых.

Не тот доктор! Но кто бы мог подумать, что в мире существуют два доктора с одним и тем же необычным именем? Хуже всего, что я таки пропустил доклад про ламантинов...

Тем временем в ботаническом саду на Маврикии были благополучно выращены пальмы из семян, собранных на острове Круглом, и мы достигли замечательного успеха в размножении всех видов рептилий, привезенных на Джерси. Число гекконов Гюнтера в нашем зоопарке достигло двухсот тридцати пяти, общительных сцинков Тэлфера — трехсот двадцати семи, но особенно гордились мы тридцатью одним удавчиком. Экземпляры сцинков и гекконов предоставлены нами взаймы для размножения в США, Германию, Францию, другие зоопарки Соединенного Королевства, в Голландию и Канаду, что обеспечивает надежное представительство вида в неволе. Несколько удавчиков, естественно, отправлены в Канаду — в Фонд размножения рептилий Джефа Гэрти, щедрый взнос которого помог построить наш Дом рептилий.

Итак, теперь мы располагали и пальмами, и рептилиями для реинтродукции на остров Круглый; все упиралось в наличие там полчищ зловердных пришельцев. Нам было «куда» вернуть местных животных и растения, но это «куда» пока не подходило для реинтродукции.

С тех самых пор, как много лет назад я побывал в Новой Зеландии, поддерживаю связь с тамошней Службой охраны диких животных, едва ли не лучшей в мире. В одном из писем туда я рассказал о наших проблемах, связанных с островом Круглым, и спросил, зная, сколько хлопот причиняют новозеландцам крысы и одичавшие кошки на прибрежных островках, не могут ли они что-нибудь посоветовать. Дон Мертон ответил, что, пожалуй, знает, как решить нашу проблему. В Новой Зеландии была изобретена новая отравка для млекопитающих, не вызывающая болей, в отличие от стрихнина, и сохраняющая свои свойства при экстремальных температурах. Дон добавлял, что он и несколько его коллег могут быть ненадолго отпущены, если мы официально обратимся в Службу охраны диких животных, и они охотно помогут нам своими знаниями и практическими навыками. Невероятно, сказал я себе, тем не менее через некоторое время Дон прибыл на Маврикий со своими друзьями, с несколькими центнерами смертоносного яда, палатками, тентами и прочим снаряжением. Мы пони-

Д

мали, что в два счета с такой работой не управиться, ведь предстояло отравить всех кроликов на ста пятидесяти гектарах, напоминающих лунный ландшафт. Тяжелый груз предстояло доставить на Круглый вертолетом, поскольку тащить его от причалов вверх по отвесным скалам было невозможно. Только наши друзья все упаковали и приготовились выполнить ответственное задание, как правительственный вертолет, на который мы надеялись, вышел из строя. С отчаянием думали мы, что теперь придется все отложить до другого раза, как благосклонная судьба пришла на выручку. На Маврикий прибыл с визитом вежливости миноносец австралийских ВМС, у коего на палубе стоял новехонький вертолет. Посольство Австралии благожелательно восприняло горячие телефонные просьбы, и австралийским ВМС было предложено помочь нам. Миноносец «Канберра» доставил Дона с его людьми, плюс снаряжение и яд, плюс запас воды на полтора месяца (на острове нет источников) к Круглому, после чего винтокрылая машина перебросила одушевленный и неодушевленный груз на единственный клочок острова, который с натяжкой можно было назвать плоским. Здесь Дон разбил лагерь, и его отряд приступил к работе.

В тяжелейших условиях они потрудились на славу; спустя полтора месяца Дон заключил, что задача выполнена. Тем не менее через год он снова побывал со своей бригадой на Круглом. Ибо уцелей на острове хоть один десяток особей обоего пола, попытка избавиться от кроликов сыграла бы всего лишь роль выбраковки с последующим «демографическим взрывом», который вернул бы нас на исходные позиции. Однако при повторном визите Дон не обнаружил ни одного кролика и прислал мне замечательные фотографии, свидетельствующие, что на изборожденной складками, иссушенной, эродированной поверхности Круглого уже появляется нежный зеленый покров, сулящий острову возрождение. Разумеется, работа на этом не остановилась: там будут посажены пальмы и, надеемся, жесткодревесинные породы. Сверх того, мы надеемся, что через полсотни лет Круглый станет таким или почти таким, каким был двести лет назад, служа надежным убежищем для своих необычных, уникальных обитателей.

Совсем недавно нас посетил известный писатель Ричард Адамс, автор посвященного кроликам бестселлера «Уотершип Даун». Джереми вызвался показать ему зоопарк и, как всегда, с растущим воодушевлением рассказывал гостю о нашей работе и разных направлениях деятельности Треста. И допустил промашку, когда дошла очередь до острова Круглого; там ведь происходили вещи, о которых мистеру Адамсу вряд ли стоило знать.

— Так вот, — горячо повествовал Джереми, — когда истребили коз, мы сумели также избавиться от трех тысяч кро... кро... кро...

Джеремеи вдруг загнулся. Вряд ли человеку, написавшему бестселлер «Утешитель Даун», будет приятно услышать, что ты участвовал в истреблении трех тысяч кроликов...

Они молча посмотрели друг на друга. Джереми мучительно покраснел.

— Все в порядке, — спокойно молвил Ричард Адамс. — Не возьму в толк, с чего это люди думают, будто я безумно люблю кроликов только потому, что написал о них книгу.

Итак, в сотрудничестве с правительством Маврикия и при помощи новозеландской Службы охраны диких животных и ВМС Австралии наш Трест спас остров Круглый. Как я затем написал Роджеру Пэйну, мы направили, «куда» вернуть «их». Но дело этим не ограничивается: мне кажется, мы тем самым внесли нечто новое в обычное представление о зоопарках. Нам удалось не только показать, что разведение животных в неволе — будь то на Джерси или на родине вида — играет важнейшую роль, мы продемонстрировали, что зоопарк способен помочь восстановлению и защите среды обитания животных, коими он занимается.

Уверен — то, что сделано нами для острова Круглого, послужит моделью для многих уголков Земли с подверженной сходным угрозам хрупкой экосистемой. Надеемся, нам удалось показать, что зоопарки способны преобразиться из бесплодных зверинцев старого типа (каких на свете осталось еще слишком много) в живой инструмент сохранения других форм жизни, обитающих на этой планете вместе с нами. На наш взгляд, все зоопарки, особенно в более богатых странах, обязаны стать такими, и, если скудость средств не позволяет им простираť свою деятельность на Маскаренны, они неизбежно, стоит только осмотреться, увидят возле своего порога какой-нибудь остров Круглый, которому могут помочь, — настолько остро стоит сегодня в мире вопрос об охране живой природы.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ПРАЗДНИК ЗВЕРЕЙ

Итак, в 1984 году мы отмечали две годовщины: двадцать пять лет назад я основал свой зоопарк и двадцать один год назад произошло его преобразование в Джерсийский трест охраны диких животных. А потому и в разгар праздника нам не мешало трезво оценить свои достижения.

Д

Чего же мы добились? Ну, во-первых, сдается мне, нами доказано, что зоопарк может и должен служить важным винтиком в механизме охраны живой природы. Заговори я двадцать пять лет назад о размножении в неволе в присутствии серьезных деятелей, они бы вздрогнули и поспешили громко обсуждать другие дела, как если бы вам достало дурного вкуса признаться, что, на ваш взгляд, некрофилия — подходящий способ ограничения рождаемости. Однако же три года назад Международный союз охраны природы опубликовал заявление, где размножение видов в неволе названо важным инструментом их охраны. Интересно читать этот документ: в нем чуть ли не дословно изложены принципы, коими мы руководствовались четверть века и кои я проповедовал с шестнадцатилетнего возраста! Нас радует, что солидная организация наконец придала им респектабельность, но почему для этого понадобилось столько времени? Ладно, не буду брюзжать. Приятно, хоть и с опозданием, увидеть в своей пастве столь знатных апостолов.

Плодовитые колонии угрожаемых видов созданы нами не только на Джерси и в других подходящих зоологических коллекциях Европы и США, но и на родине животных. При нашем содействии питомники спроектированы и построены в таких странах, как Бразилия, Сент-Люсия, Маврикий, Марокко и Мадагаскар. Процветающая на Мадагаскаре плодовая колония — особый случай в нашей практике: речь идет о самой редкой в мире килеватой черепахе ангонока; этот вид не представлен у нас на Джерси, но, возможно, появится, поскольку сейчас важно приумножить его численность, к чему с большим успехом приступил наш представитель на Мадагаскаре — Дон Рид. Разумеется, мы взялись за этот проект не в одиночку, нам помогают многие организации, особенно Всемирный фонд дикой природы, но роль мозгового центра выполняет Ли, и, судя по тому, как идут дела, работа с ангонокой обещает стать отличным примером того, как следует разрабатывать и проводить в жизнь проекты такого рода.

Еще одним важным достижением я считаю создание нашего мини-университета — Международного центра подготовки специалистов по охране и размножению в неволе угрожаемых видов, откуда студенты из развивающихся стран, пройдя курс обучения, возвращаются домой, чтобы руководить программами, разработанными нами при сотрудничестве с местными властями.

Вернувшись недавно с конференции МСОП в Коста-Рике, Джереми был рад сообщить, что встретил там двадцать два наших выпускника, в том числе из таких далеких друг от друга стран, как Таиланд и Бразилия: все они жадно слушали, что нового происходит в их альма-матер на Джер-

си, и оживленно обменивались новостями и суждениями. Словно там собрались вместе члены большой семьи, говорил Джереми, и было так радостно видеть, что наш Трест обучил и воодушевил столько молодых людей из самых разных уголков планеты.

Теперь Центр подготовки наладил сотрудничество с Кентским университетом, где нашим выпускникам предоставлена возможность обучаться на первом в своем роде факультете, готовящем дипломированных специалистов по работе с угрожаемыми видами. Возможность пользоваться новейшим компьютерным оборудованием университета позволяет быстро и эффективно собирать нужные нам сведения со всего мира. Больше того, в 1989 году университет учредил у себя новый биологический факультет, и ко мне — великая честь — обратились с просьбой разрешить им присвоить этому факультету мое имя. Так что (опять-таки первый в своем роде) новый факультет будет называться Даррелловский институт охраны природы и экологии, сокращенно — ДИОПЭ. На моем родном языке эта аббревиатура — DICE — выглядит очень к месту, ведь борьба за охрану природы так похожа на «dice» — игру в кости.

От главных направлений, как на Джерси, так и в дальних странах, не отстают в своем развитии и другие стороны нашей деятельности. С результатами научных исследований, будь то на тему содержания животных в нашем зоопарке (включающую всевозможные аспекты ветеринарии, питания, биологии размножения) или по вопросам поведения и экологии видов в природной среде, можно знакомиться в библиотеках по всему свету. Быстро развивается просветительская работа, идет ли речь о джерсийских школьниках или о жителях Мадагаскара, где плакаты с изображениями лемуруров и килеватой черепахи можно видеть повсеместно в школах и публичных зданиях.

Огромную помощь в нашей работе оказывают члены Треста, особенно в Северной Америке. Как я уже рассказывал, в 1973 году я отправился в США, где Том Лавджой и другие американские друзья оказали мне неоценимую помощь в учреждении Международного треста охраны диких животных. В 1986 году благодаря усилиям Саймона Хикса был создан Канадский трест охраны диких животных. Помимо того что появление родственных организаций расширило круг нашей деятельности, оно позволяет нашим американским и канадским спонсорам получать скидку с налогов на членские взносы и щедрые пожертвования, которые так важны для работы нашего Треста в международном масштабе.

И наконец, мы пожинаем плоды наших трудов в виде успешного возвращения в природную среду животных, выращенных в неволе. Такие

Д редкие виды, как розовый голубь и золотистый львиный тамарин, благополучно осваиваются на новом месте жительства в лесах и, что особенно важно, начали приносить потомство. Чудесно видеть, как после многих лет осторожного развития плодовых колоний мы можем возвращать животных туда, откуда они родом и где хорошо приживаются.

Итак, задачи, которые мы ставили перед собой, учреждая Трест, решаются — пусть в разной степени, но, во всяком случае, механизм создан и открыт для совершенствования. Тем не менее всегда приятно слушать комплименты, и один из наиболее приятных мы услышали, когда в 1988 году доктор Уоррен Айлиф, директор Далласского зоопарка, бывший президент Американской ассоциации зоопарков и аквариумов, выступая в одном из университетов штата Техас, заявил:

— Спросите людей, какой зоопарк лучший в мире, — одни назовут Сан-Диего, другие Бронкс. Однако, если вы спросите самих работников зоопарков, профессионалов, включая их директоров, вам назовут Джерсийский зоопарк.

Такая оценка из-за океана, где мегазоопарки располагают мегадолларами, дорогого стоит.

Еще, как я тоже уже говорил, нам повезло в том, что мои книги помогли привлечь членов в наш Трест, показали людям, как важно разводить угрожаемых животных в неволе, открыли мне многие двери и позволили познакомиться с людьми, коих я иначе никогда не встретил бы. Что и стало так очевидно, когда мы начали готовить празднование наших годовщин.

На Джерси нас в нашей организации не так уж много, а потому «ребята» (как я упорно называю Джереми, Джона, Саймона и Тони, хоть это им совсем не нравится) частенько в конце рабочего дня поднимаются в мою квартиру выпить по стаканчику. Заходят и среди дня, если возникают важные вопросы, кои следует обсудить, прежде чем вынести наши рекомендации на рассмотрение руководящих органов Треста. Это позволяет отделить изрядное количество плевел от пшеницы и сильно сократить время прохождения вопросов в комитетах. Если я занят стряпней (люблю это дело), «ребята» размещаются вокруг стола на кухне, в иных случаях мы располагаемся в гостиной, где половина участников беседы сидят на полу среди разбросанных в кажущемся беспорядке бумаг.

В особых случаях — таких, как рождение горилленка или любовная связь золотистых тамаринов, — мы откупориваем шампанское; спешу добавить — не за счет Треста, а из моего собственного погреба. Утром дня, про который здесь пойдет речь, поводом послужило только что полученное

мною известие, что для участия в нашем празднике на Джерси прибудет принцесса Анна.

— Принцесса согласилась открыть наш Центр подготовки, — произнес Саймон, возлежа на ковре и сжимая в руке фужер с шампанским. — Это превосходно. С этого начнем.

Хотя наш мини-университет действовал уже пару лет, «официальных крестин» еще не проводилось, и нам, конечно же, хотелось видеть нашу патронессу в роли крестной.

— И что потом? — спросил я; главное бремя организации торжественных мероприятий ложилось на плечи Саймона.

— Ленч, — ответил он. — Для узкого круга. Только члены Треста.

— Речи? — поинтересовался Джон.

— Надеюсь, Джерри выступит и принцесса произнесет ответный слич, — сказал Саймон.

— Господи, Сай, ты же знаешь — я ненавижу произносить речи, это обязательно?

— Обязательно, — подчеркнул Саймон. — Нельзя, чтобы принцесса выступила с речью, а основатель Треста молчал.

— Хотя бы несколько немудреных слов, — подбодрил меня Джон.

— Если немудреных, может, напишешь их для меня? — предложил я.

— Ты всегда правишь все, что я пишу для тебя, — возмущенно отозвался Джон.

— Это потому, что ты не умеешь писать, — заметил я. — Продолжай, Саймон, что там у тебя насчет вечера.

— На вечер у меня есть блестящая идея, — горячо произнес Саймон, сверкая голубыми глазами.

Мы дружно застонали, а Джереми даже зажмурился, и лицо его исказила мучительная гримаса, усиливая его сходство с герцогом Веллингтонским, испытавшим горечь поражения. Все мы знали цену блестящим идеям Саймона...

— Я вот что предлагаю, — продолжал Саймон, не замечая нашей реакции, — мы арендуем Гори-Касл и устраиваем там пышное зрелище.

Все прежние блестящие идеи Саймона блекли перед этой. Замок Гори-Касл, сооруженный в тринадцатом веке, возвышается над приютившимся внизу, у лукоморья, живописным рыбацким селением. Великолепный образец каменной кладки, он выглядит как новый, его стены, башни и бастионы нигде не тронуты пушечными ядрами. Кажется, замок только что построен Голливудом, и когда его освещают прожектора, так и ждешь, что на одной из стен сейчас появится Эррол Флинн. Гори-Касл — самый импозантный среди замков на Джерси; сам сэр Уолтер Рейли в бытность

Д

губернатором острова в начале семнадцатого века взял на себя заботу о его сохранности. Арендовать столь соблазнительный объект, сказал я себе, весьма заманчиво, но, увы, совершенно нереально.

— Арендовать Гори-Касл! — воскликнул потрясенный Тони. — Да кто же позволит тебе снять для твоей затеи замок!

— А что, когда они узнают, для кого это нужно, может быть, разрешат использовать его бесплатно, — невозмутимо отозвался Саймон. — Так вот, я представлял себе зрелище в средневековом духе. Думаю, там смогут разместиться что-нибудь около двух тысяч человек. Облачимся в костюмы той эпохи, будем жарить быка на вертеле, а еще...

— Две тысячи! — воскликнула Ли. — Кто будет их обслуживать?

— Официанты, — сказал Саймон, удивляясь, как это Ли сама не додумалась до такого простого ответа.

— И где же ты их возьмешь? — поинтересовался Джереми. — На всем острове столько не наберется.

— Доставим на самолетах, — не унимался упоенный своей идеей Саймон.

— А где они будут спать? — сердито осведомился Джереми.

— Палатки, — ответил Саймон. — Разобьем палатки на территории замка.

Мысленно я представил себе восхитительную картину — полчища злых португальских и испанских официантов, с жесткими плоеными воротниками, в шляпах с перьями, снуют вокруг палаток под проливным дождем.

— Как насчет туалетов? — спросил мрачно настроенный Тони, наш главный администратор и ветеринар, коему накануне довелось посвятить не один неприятный час проблемам дамских уборных.

— Выроем отхожие места, — не задумываясь ответил Саймон.

— Кто будет рыть?

— Добровольные помощники.

— А если таковых не найдется?

— Скажешь официантам, чтобы вырыли, — предложил Джон.

— И где ты возьмешь быка? — хотел знать ветеринар Тони.

— Купим, — сказал Саймон.

— Саннадзор ни за что не позволит вырыть кучу отхожих мест на территории замка, — заявил Джереми.

— Не говоря уже о гигиене, — с чувством добавил Тони. — Запах...

— Лучше банкет, где зелень предпочли бы опаленному быку, — перефразировал я Библию.

— И банкет тоже будет, — отчаянно цеплялся за свою идею Саймон. — Дичина и все такое.

— Можно растопить свинец и поливать со стен нехороших людей, — услужливо посоветовал Джон.

— Свинец больно дорог, — серьезно возразил Джереми.

Чувствуя, что мои «ребята» пошли вразнос, я откупорил еще одну бутылку шампанского.

— Послушайте, — сказал я. — Как ни заманчива эта идея с замком, она полна изъянов, и мне вовсе не хочется объясняться с монаршим двором, с какой стати я вздумал принимать принцессу на территории замка под проливным дождем, с валяющимися кругом недожаренными быками, с льющимся со стен расплавленным свинцом и полчищами чужеземных официантов, жалующихся на то, что их гильфики жмут или чересчур велишки.

— Хочешь сказать, что тебе не нравится моя идея? — уныло заключил Саймон.

— Идея превосходная, но побереги ее для другого случая. Теперь слушайте мою идею. Как насчет того, чтобы устроить своего рода праздник зверей и пригласить всех причастных к охране природы видных персон, кого я знаю, чтобы каждый мог показать, какое значение он придаст этому делу?

Саймон оживился.

— Ты подразумеваешь что-то вроде большого концерта? — осторожно осведомился он.

В глазах его вновь появился фанатичный блеск.

— Ну да, — неуверенно отозвался я. — Пусть артисты прочтут стихи про животных, пусть будет какой-нибудь балетный номер, пригласим Петруди Менухина, чтобы исполнил что-нибудь из «Карнавала животных»... И тому подобное.

— Да, да, замечательно. — Саймон устремил взор в пространство, как бы представляя себе происходящее на сцене. — И устроим мы это в «Форт-Ридженте в Сент-Хелиере. У них там огромная сцена, и все оборудование есть, светильники, здоровенный кинопроектор, квадросистема. Это будет просто изумительно. Замечательно!

Так родился наш «Праздник зверей». Список участников выглядел внушительно и интересно, поскольку с большинством знаменитостей я встречался по разным поводам.

Для декламации стихотворений мне были нужны два контрастирующих голоса — мужской и женский. Среди известных мне прекрасных артистов своим голосом, несомненно, выделялся сэр Майкл Хордерн. Когда

он говорил, казалось, что обрел дар речи портвейн высшего качества, такой у него сочный, полнозвучный, мелодичный голос. С ним я не был знаком, но знал, что он читал мои книги и они ему понравились; я был счастлив, когда он согласился выступить у нас. Не колебался я и в выборе женского голоса. С того дня, как я впервые увидел Дайну Шеридан в очаровательном фильме «Женевьева» про автогонки Лондон—Брайтон, проникся к ней неистребимой глубокой любовью. Потом я видел Дайну в ленте «Где не летають стервятники» и был еще сильнее пленен ею. Однако мне было известно, что у нее есть супруг, и это не позволяло мне, человеку честных правил, прийти к Дайне и признаться в любви. Еще одной причиной было, разумеется, то, что я сам женат. Пришлось без особой охоты смириться с необходимостью жить без Дайны Шеридан.

А тут, как раз перед нашими великими годовщинами, случилось два события. Мне предстояло отправиться в Лондон; при этом я обнаружил, что там готовятся возобновить спектакль по очень веселой пьесе моего старого друга Ноэля Кауэрда «Дари смех»; Ноэль уже несколько лет был одним из заокеанских попечителей нашего Треста. В списке исполнителей я увидел, к моей великой радости, имя Дайны Шеридан, а потому сказал себе, что непременно должен увидеть своего кумира, так сказать, во плоти. В самолете, лениво листая какой-то журнальчик, я наткнулся вдруг на интервью с мисс Шеридан. В ряду неизбежных в таких интервью обычных пустых вопросов был также вопрос — с кем она предпочла бы очутиться вдвоем на необитаемом острове. «С Джеральдом Дарреллом», — ответила Дайна. Я не поверил своим глазам.

— Боже, она хочет, чтобы ее выбросило на необитаемый остров вместе со мной, — сообщил я Ли.

— Кто это — «она»? — подозрительно осведомилась Ли.

— Дайна Шеридан.

— С чего бы это? — пренебрежительно, как подобает женам, поинтересовалась Ли.

— Потому что я прекрасный, достойный, высокоморальный человек.

— Если она так сказала, сразу видно, что никогда с тобой не встречалась, — нанесла Ли сокрушительный удар.

Однако меня не так-то легко сокрушить. Я загорелся. Дайна вполне могла выбрать этого невежу Эттенборо или пройдоху Питера Скотта, однако она предпочла меня. Посему, тщательно подобрав дюжину желтых роз, не оскверненных тлей, черными мошками, ухвертками, точильщиками и прочими гадкими тварями, я вложил в них карточку с надписью: «Тот, кто громче всех аплодирует, — это я. Могу я встретиться с вами после спек-

такля?» — и попросил отнести букет в гримерную. Карточка вернулась с ответом: «Да».

Остроумие Кауэрда вместе с блестящим исполнением Дайны сделали этот спектакль поистине незабываемым событием. Когда мы затем выпили в гримерной по стаканчику виски, я признался Дайне, что являюсь ее давним поклонником, и мы договорились встречаться почаще, что бы там ни говорила Ли. Когда Дайна рассказала об этом своему мужу Джеку, он прислал мне сердитую записку, обвиняя меня в посягательстве на расположение его супруги посредством неумеренного подхалимства и желтых роз и вызывая на дуэль утром в Гайд-парке. Я принял вызов, однако подчеркнул, что право выбора оружия за мной, и предложил стреляться пробками от шампанского на расстоянии пятидесяти шагов. На такой счастливой ноте началась наша дружба, и когда нам понадобилось найти актрису для нашего «Праздника зверей», естественно было остановить свой выбор на Дайне.

С Иегуди Менухином я впервые познакомился во Франции, когда он приехал погостить у моего старшего брата Ларри. Домик, принадлежащий мне и Ли, находится километрах в сорока от селения, где живет Ларри (сорок километров — необходимая дистанция, когда речь идет о старшем брате), но мы добрались туда на машине, чтобы позавтракать с Ларри и супругами Менухин, и ничуть не пожалели, ибо Иегуди и его жена — очаровательные люди. Застолье затянулось, было много вина и закуски, так что уже около четырех часов мы стали подумывать о том, чтобы прилечь и отдохнуть, кто-то невнятно произносил слово «сиеста». К счастью, у Ларри был огромный дом со множеством спален, и вскоре мы с Ли уже крепко спали. Проснулись мы от звуков скрипки.

— Кто это крутит пластинки? — спросила Ли.

— Это Иегуди упражняется, — сказал я.

Выйдя на лестничную площадку, мы и впрямь слышали, как из спальни поблизости доносится упоительное пение скрипки под смычком виртуоза. В жизни меня пробуждали от сесты самые разные звуки — щебетанье птиц, раскаты грома, журчанье ручья, ровный гул водопада, — но никогда мой сон не прерывали такие восхитительные ноты.

Разумеется, мы пригласили супругов Менухин и Ларри к нам на ответную трапезу, и, выяснив, что Иегуди любит рис, чечевицу, бобы и другие продукты этого ряда, я сотворил особое кэрри «Менухин» в огромных количествах. В нашем внутреннем дворике стоял длинный обеденный стол, и, чтобы сберечь время, накрывая его с учетом всяких гарниров и салатов, Ли аккуратно разложила по порядку на большом подносе ложки, вилки,

Д ножи, черпаки и все прочее. Прибыли гости, мы выпили по рюмочке, затем Ли вышла на кухню панести, как говорится, последние штрихи. Вскоре за ней последовал Иегуди и остановился, глядя, как она хлопочет.

— Давай я помогу, — сказал Менухин и, не дожидаясь ответа, схватил поднос с приборами, отнес его во дворик, приблизился, улыбаясь, к столу и обрушил на него звенящую, поблескивающую груду металлических изделий.

Видя, с каким ужасом моя благоверная созерцает эту картину, я поспешил отвести Иегуди обратно в гостиную, налил ему еще стаканчик и отправился помогать расстроенной Ли разбирать перемешанные приспособления для еды.

— Я столько *времени* потратила, — прошептала она.

— Не бери в голову. Смотри на вещи оптимистично. Не всякая хозяйка может похвастать тем, что ее стол покрывал Иегуди Менухин.

...Итак, я отправил письмо Иегуди, и сей великодушный, благородный человек ответил, что будет рад послужить нашему делу, сыграть что-нибудь вместе с Джерсийским молодежным оркестром.

Таким образом, для чтения стихов у нас были два знаменитых артиста, музыкальную часть концерта обеспечивал известный скрипач с оркестром. Однако этим далеко не исчерпывались грани, где животный мир соприкасался с нашим, обогащая его. Взять, к примеру, танец, вокал, телевидение, живопись. У одного из моих друзей, Джереми Джеймса Тэйлора, постановщика нашего концерта, были связи с Королевским балетом, и он порадовал меня известием, что на Джерси пришлют для выступления многообещающих учащихся балетной школы.

За несколько лет до того я участвовал в телевизионном шоу для детей вместе с жизнерадостной Айлой Сен-Клер. Во время репетиций мы всласть потолковали о деятельности нашего Треста, и она настолько была заинтересована, что допустила фатальную оплошность — дескать, если мне когда-нибудь понадобится ее помощь, нужно только дать знать. Очарованный ее чудесным, красивым голосом, я не сомневался, что никто лучше ее не представит животных средствами вокала. Позвонив Айле Сен-Клер, я напомнил про ее обещание и попросил приехать на Джерси. Она ответила, что с удовольствием приедет и даже знает одну симпатичную песенку про зоопарк.

Пришло время мне призадуматься. Как насчет растений? Что ни говори, без них не смогут существовать животные. Самым громогласным и рьяным защитником мира растений, несомненно, был Дэвид Беллэми. Тут меня осенила сумасбродная мысль. В своем блестящем шоу «Упала шляпа» Флэндерс и Суонн исполняли песенку «Мезальянс» о жимолости и вьюнке,

которые полюбили друг друга, но не могли сочетаться браком из-за того, что одно растение вращается по, а другое против часовой стрелки. Кончилось тем, что «они выдернули свои корни и зачахли». Прибегнув к подкупу, я уговорил Айлу и Дэвида исполнить этот дуэт; бесподобная комбинация, ибо Дэвида природа наградила голосом (уверен, он не обидится) распаленного страстью моржа.

Выбор телевизионного сюжета не представлял трудности — кто мог бы сравниться с Дэвидом Эттенборо?

Я познакомился с Дэвидом, когда он был рядовым продюсером на Би-би-си. Нас представили друг другу в одном трактире, где мы недурно провели несколько утренних часов, толкуя про животных и путешествия. Несколько лет спустя Дэвид позвонил мне и спросил, не соглашусь ли я записать с ним программу для радио в моем зоопарке. Я ответил, что буду счастлив, и мы назначили день.

В то время в нашей коллекции были Чемли и Лулу — пара шимпанзе сомнительной нравственности. Придешь провести их, Чемли — после истерических утренних приветствий (оскаливание зубов, безумные крики и качание на ветвях) принимался препарировать апельсин сосредоточенно и тщательно, словно какой-нибудь знаменитый хирург, производящий трепанацию черепа премьер-министра. Лулу, хорошо усвоившая, как утисить ее супруг в обращении со слабым полом, не зевала: пока он занимался апельсином, она спешила набить рот виноградом, сгребала в кучу возможно больше плодов и садилась на них, надеясь, что благоверный не заметит ее уловки. Закончив хирургические действия над апельсином, Чемли съедл его и швырял кожуру в Лулу, чаще всего попадая ей в затылок. Бросая снизу, он тем не менее искусно поражал намеченную цель. Напомнив тем самым Лулу о своей глубокой привязанности, он кидался на нее, когда она меньше всего того ожидала, награждал затрещиной и стаскивал кричащую супругу с укрываемых ею фруктов. После чего садился, засовывал в рот банан, хорошенько разжевывал его, выплевывал на ладонь и принимался толстым пальцем перемешивать жидкую кашицу с видом человека, выбирающего монеты для торгового автомата.

В чем всегда можно было положиться на Чемли, так это в том, что он не упустит случая подстроить вам какую-нибудь каверзу. Возьмитесь прощити по зоопарку важных гостей — уж он не подведет. Словно знает, что наши экскурсанты — люди знатные и вы ждете от него приличного поведения. Со злорадным огоньком в глазах он живо оценивал ситуацию и соображал, какое безобразие сотворить. Обычно Чемли начинал с того, что издавал Лулу взбучку: дергал ее за волосы, сбивал с ног и принимался прыгать на ней. Он делал это по двум причинам. Во-первых, из всех шим-

Д панзе, каких я когда-либо знал, Лулу издавала самые громкие и пронзительные вопли; это было нечто среднее между свистом обезумевшего паровоза и скрипом ножа по стеклу. Во-вторых, Чемли обнаружил, что ничто так не занимает публику, как небольшой семейный скандал. Убедившись, что общее внимание сосредоточилось на нем, он принимался насиловать супругу или же, сидя на ветке, с большим вкусом занимался самоудовлетворением, заставляя почтенных зрительниц смущенно краснеть и обмахиваться путеводителями. Усыпив бдительность публики временным смирением, он отрывал на ладонь полупереваренные фрукты и швырял щедрый дар через решетку, заставляя перемазанных липкой субстанцией экскурсантов с криками разбегаться в разные стороны. Чемли обожал таким способом разгонять толпу, это был верх его устремлений, жизнь не могла даровать ему более изысканное наслаждение.

Сколько лет мне ни доводилось показывать зоопарк важным гостям, я неизменно с великой опаской приближался к клетке Чемли, и мои опасения всегда оправдывались. Посему мне так живо запомнился тот день, когда приехал Дэвид Эттенборо записывать свою программу для радио.

Программа была предельно простая, мы с Дэвидом неторопливо переходили от клетки к клетке, рассказывая забавные истории про животных, с коими встречались в разных концах света. Теперь такое творчество не прошло бы, пынешней публике подавай цветное изображение и самый крупный план. Однако в те далекие счастливые времена паровой тяги радиослушатели были не так взыскательны. Для начала мы условились, что я просто проведу Дэвида по зоопарку, чтобы мы решили, на каких животных остановимся и что каждый из нас будет говорить. Он впервые приехал к нам, и, хотя мы делали только первые шаги, Дэвид был восхищен знакомством с нашими подопечными и нашими задачами. Мы так увлеклись, что я подходил к обители Чемли, совершенно позабыв об осторожности. Что до Дэвида, то он при виде обезьян издал радостный крик и поспешил подойти поближе к клетке. Случилось так, что именно в эту неделю нас форменным образом засыпали экзотическими фруктами. Шимпанзе упивались все, что приходилось на их долю, однако это весьма пагубно отозвалось на их желудках. В итоге было бы сильным преуменьшением сказать, что их клетка изобиловала липкими предметами для метания. При виде ничего не подозревающих жертв Чемли пришел в восторг. Зачерпнул две горсти боеприпасов и, как только Дэвид подошел к отжиму, запустил в него с неизменной меткостью. Снаряды поразили Дэвида точно в грудь, и белейшая рубашка его приобрела сходство с навозной кучей. Дэвид в ужасе замер, а Чемли, ободренный первым успехом, столь же метко отправил следом еще два снаряда. Я поспешил прийти на помощь Дэvidу, пока он

не превратился в ходячий сортир. Всячески извиняясь, отвел его в дом, где он смог умыться, и дал чистую рубашку. После доброго стаканчика виски он как будто смягчился, но, возобновив обход зоопарка, я следил за тем, чтобы он был поосмотрительнее, и старался идти первым.

Надеясь, что годы затуманили память Дэвида, я позвонил ему, напомнил, что он так и не вернул мне мою рубашку, и выразил пожелание, чтобы он приехал и показал чудесные кадры из «Жизни на земле», едва ли не самые трогательные во всем сериале, где Дэвид сидит в лесу, окруженный горными гориллами. Для вящей убедительности я добавил, что наш общий давний друг Крис Парсонс (он заведовал в Би-би-си отделом естественной истории, когда снимался сериал) согласился обеспечить техническую сторону показа. Дэвид тотчас ответил «да» — и не подвел, хотя так и не принес рубашку взамен моей.

С изобразительным искусством проблема решилась так же просто, как с телевидением, ибо кто мог лучше представить анималистику, чем Дэвид Шеперд? Превосходный живописец, Дэвид давно отдал свое сердце диким животным Африки, особенно слонам. Яркие, волшебные картины, изображающие этих толстокожих и других зверей, прославили художника во всем мире, а деньги, вырученные им за свои творения, пошли на создание Фонда охраны диких животных Африки. Перед нашей встречей меня предупредили, чтобы я вел себя так, словно мы одинаковые безумцы. И когда знакомство состоялось, я и впрямь убедился, что у нас с Шепердом много общего, хотя кое в чем он меня превзошел, ибо я не способен на такое безумство, как выходить в саванну с палитрой в руках в компании кинооператоров, чтобы писать портрет дикого слона. Не помню уже, сколько раз за операторами гнались недовольные животные, однако знаю, что Крис Парсонс, руководивший бригадой киношников, вернулся из Африки наполовину седой и ощущение тревоги не покидало его глаз. Как бы то ни было, Шеперд согласился приехать показать кадры, на которых видно, как он спасается бегством от слона, и рассказать о важной роли диких зверей вообще и для искусства в частности.

Джонни Моррис не один год изображал в телесериале «Магия животных» ограниченного, придурковатого зрителя зоопарка. Я давно был знаком с этим мягким, добрым человеком, великим мастером потешной имитации. Однажды, когда он снимал фильм на островах Силли, я одолжил ему своего пса (тоже Джонни) в качестве такой мини-звезды, а потому считал, что он обязан на добро ответить добром. Джонни сказал, что с удовольствием приедет и расскажет забавную историю про то, как он (в роли зрителя) не мог поладить с одним слоном.

Итак, в общем и целом все было улажено, однако Саймон продолжал метаться кругом как одержимый. Следовало забронировать номера в гостиницах, не забыв про цветы, обеспечить кучу других деталей. Суровые метеоистины не облегчали его труд. По горькому опыту мы знали — если где-то над Атлантикой бушует шторм (допустим, возле Фолклендских островов), он непременно явится на Джерси, чтобы испортить нам настроение. Если где-то между Антарктидой и Ла-Маншем возникнет облачко тумана, оно обязательно накроет серой шапкой наш остров, не давая самолетам ни сесть, ни взлететь. Обычно это происходило как раз тогда, когда мы были вынуждены развлекать какого-нибудь скучного гостя, от коего мечтали поскорее избавиться, или когда предвкушали визит сердечного друга. На сей раз разгулялись боковые ветры, и за несколько часов до начала концерта самолет с Дэвидом Эттенборо и другим важным реквизитом бросало туда-сюда в воздухе над островом, пилот твердил, что садиться невозможно, а Саймон отвечал, что непременно нужно. Самолет сел прежде, чем рыжая шевелюра Саймона стала белой.

Теперь, когда все важные персоны прибыли и разместились в гостиницах, Саймону предстояло каждого снабдить пропуском для входа в огромный зал в Форт-Ридженте, поскольку особа принцессы охранялась, разумеется, чрезвычайно строго. Саймон так старался не упустить ни одной мелочи в приготовлениях, что забыл о пропуске для себя, и, когда все звезды уже собрались в зале, его у входа остановили охранники. Сколько Саймон ни твердил, что он — организатор всего шоу, его мольбы отскакивали как от каменной стены. Без пропуска — нельзя. Он был на грани нервного срыва, наконец кто-то узнал его, и Саймона с великой неохотой впустили в зал.

Наконец наш праздник начался. Открывая его, я объяснил, что нами руководило желание показать, как важны другие животные, населяющие планету, как они самым различным образом влияют на нашу жизнь. По обе стороны от меня в эти минуты стояли прелестные дочурки Саймона, четырехлетние близнецы, в изображающих дронта замысловатых костюмах, и я боялся, как бы девочки не задохнулись в них от жара, исходящего светильниками. Перед тем как покинуть сцену, я напомнил, что дронт — символ нашей организации, потому-то я и вышел в сопровождении двух дронтов, жаль только, что это не плодovitая пара...

Все шло как по маслу, было очевидно, что наши звезды получают от своих выступлений не меньше удовольствия, чем публика. Глядя, как весело и щедро делятся своими талантами мои друзья, я мысленно возвращался к событиям этого дня. День выдался долгий и непростой, и погода отнюдь не миловала нас. Когда бы наша патронесса ни решала порадовать

нас своим визитом, на остров непременно с ревом обрушиваются бури, типичные скорее для области тропических муссонов. Из-за этого, естественно, приходится срочно изменять сценарий, перенося в помещение то, что намечалось демонстрировать под открытым небом. Однако помимо каверз природы творились и другие, более страшные ужасы, про которые я не знал.

Назову лишь один — случай с головой Мотабы. Вы скажете, что монарший визит — дело достаточно хлопотное, не хватало усложнять его заботами о голове какой-то гориллы, но, как я уже говорил в начале этой книги, когда вы живете в окружении полутора тысяч животных, в любую минуту может случиться все, что угодно. Вы привыкаете к этому, учитесь воспринимать как нормальный образ жизни. Но когда голова гориллы оказывается неразрывно связанной с благом принцессы, вы ощущаете, как жизнь наносит вам удар ниже пояса.

Вот как это случилось, и я рад, что ничего не знал, пока сопровождал нашу высокую гостью. На то время, что мы открывали Центр подготовки и принцесса беседовала с нашими разноязычными студентами всех цветов кожи из всех уголков Земли, дождь решил взять тайм-аут. Дальше было задумано, что мы проследуем в главное здание, чтобы принцесса могла расписаться в гостевой книге, после чего состоится экскурсия по зоопарку с таким расчетом, чтобы ровно в одиннадцать часов завершить ее у комплекса для горилл. Монаршие визиты расписываются по секундам, и не успевай мы к гориллам в назначенное время, весь остальной распорядок летел бы вверх тормашками.

Ричард Джонстон-Скотт, вне сомнений лучший и наиболее опытный в мире смотритель человекообразных обезьян, поглядел на небо и решил, что негоже показывать принцессе его обожаемых подопечных мокрыми с ног до головы в их просторном загончике. В спальнях отсеках они будут смотреться куда лучше. Озаренный гениальной идеей, Ричард создал некий полуфабрикат джунглей. Наломал веток с наших дубов, чудесных каштанов и лип и выстелил ими пол спален. Получилась весьма впечатляющая картина, и, когда в отсеки запустили горилл, они реагировали на увиденное глухими рокошущими звуками, какие можно услышать, стоя поблизости от вулкана; так у горилл принято выражать свое одобрение.

В это время принцессу Анну как раз привели в главное здание, где ее ждала гостевая книга. Через четыре минуты нам полагалось быть у комплекса для горилл.

И в это же самое время Мотаба решил заклинить свою голову между прутьями решетки, образующими кровлю над спальным отсеком. Эти прутья

Д

тъя исполняли две функции: не позволяли просовывать сверху руки любопытствующим и играли роль гимнастических перекладин, чтобы молодые обезьяны могли вволю раскачиваться и всячески упражняться. Мотаба ухитрился найти место, где просвет между прутьями был чуть шире, и, конечно же, протиснул туда свою головенку.

Ричард был в отчаянии, родители Мотабы — Нэнди и Джамбо — тоже. Тяжелый случай, даже если бы не совпадение во времени с монаршим визитом. Мотаба (любой детеныш на его месте поступил бы таким образом) принялся кричать и визжать, чем еще больше взвинтил родителей.

В ряду наших добровольных помощников была одна чудесная, милая валлийка — миссис Хэйуорд. Оказавшись свидетелем катастрофы, она посчитала, что лучше всего немедленно известить о бедственном положении Мотабы нашего директора зоопарка — Джереми. Естественно, Джереми неотступно сопровождал принцессу, а потому миссис Хэйуорд выскочила из комплекса для горилл, промчалась мимо птичников с розовыми голубями и павлиньими фазанами, изрядно напугав их, пересекла дорожку рядом с тревожно созерцавшими ее фламинго, выбежала на дорогу за нашей высокой гранитной стеной, нырнула под старинную гранитную арку, пересекла передний двор и достигла, тяжело дыша от волнения, входной двери главного здания, где ее остановила мускулистая рука и в ребра ей уткнулось дуло револьвера.

— И куда же это вы так спешите? — милостиво осведомился охранник.

— Сказать мистеру Молинсону про голову гориллы, — пропищала миссис Хэйуорд.

— Придумайте что-нибудь получше, — предложил охранник.

— Но это правда! Голова бедного горилленка застряла между прутьями, и только мистер Молинсон может его спасти!

— Понимаете, они там все заняты с гостевой книгой. Вы только не кипитесь. Подождите здесь и, когда они *выйдут*, расскажете про эту вашу гориллу и ее голову.

И, убедившись, что перед ним безобидная, невооруженная психопатка, охранник засунул револьвер обратно в кобуру.

Тем временем положение в комплексе для горилл становилось все хуже и хуже. Подстегнутые криками отпрыска, Нэнди и Джамбо пытались высвободить его, дергая за ноги. Ричард смотрел на них с ужасом, боясь, что родители, сами того не желая, сломают Мотабе шею. Живо забравшись на клетку сверху, он открыл световой люк, под которым болтался малыш. Вообще все наши гориллы обожают Ричарда не меньше, чем он

обожают их, однако в минуты стресса обезьяны, как и люди, способны совершать странные поступки. Пока Ричард возился с люком, могучая мускулистая рука Джамбо взметнулась вверх между прутьями решетки, и, не упав Ричард вовремя на спину, ему достался бы удар, способный свалить с ног самого Мохаммеда Али. Когда Ричард поднялся на ноги, Джамбо успел оттащить Мотабу подальше от него. Пришлось Ричарду открыть еще один люк, и снова сердитый папаша замахнулся на него. Оставалось только попытаться говорить с Джамбо тихо, спокойно; к этому времени тот с присущей ему мудростью сообразил, что дергать Мотабу за ноги не следует, и вместо этого подпер его попу широченной ладонью.

Сквозь пелену дождя Ричард рассмотрел зонты, словно качающиеся шляпки грибов, из чего следовало, что монарший кортеж вот-вот окажется перед комплексом. Внезапно он увидел, что голова Мотабы куда-то исчезла. Поддерживаемый отцовской дланью малыш нашел расширенный просвет и выдернул голову из западни. С великим облегчением Ричард слез с кровли и обозрел спальный отсек. Его ожидала жуткая картина.

Под действием стресса гориллы всегда обильно мочатся и испражняются, в итоге старательно приготовленный Ричардом полуфабрикат джунглей превратился в подобие навозной кучи. И ничего нельзя было поделать, высокие гости уже пришли.

Когда на другой день он рассказывал мне эту историю, я спросил себя, что бы я стал говорить нашей патронессе.

— Да-да, — сказал бы я, — мы всегда позволяем нашим гориллам ходить по колено в экскрементах, им так нравится. А почему тот малыш болтается под кровлей, точно висельник? Понимаете, гориллы часто так делают. Это у них, как бы сказать... такая *привычка*. Да-да, очень странная привычка...

К счастью, соединение умов Ричарда и его друга Джамбо избавило меня от необходимости выкручиваться таким образом.

Позднее, во время ленча для членов Треста, мне пришлось, естественно, произнести речь. Одну из тех, которых стыдишься задним числом. Выдав аудитории заключительную банальную фразу, я облегченно опустился на стул. И тут наша патронесса преподнесла мне сюрприз. Сперва я услышал весьма лестный, прекрасный ответный спич, затем принцесса повернулась ко мне и сказала:

— Но особенно я поздравляю человека, благодаря которому Джерсийский зоопарк и Джерсийский трест охраны диких животных во всем мире пользуются уважением и восхищением, и в знак всеобщей признательности хочу передать ему маленький подарок от его сотрудников. Нет надоб-

Д

ности объяснять значение этого подарка, но я не сомневаюсь, что все мы присоединимся к выраженным в нем чувствам благодарности и пожеланиям успеха в будущем.

С этими словами принцесса вручила мне маленький бархатный мешочек. Развязав его, я увидел серебряную копию спичечного коробка фирмы «Брайент энд Мэй». Первой мыслью моей было: «Что это они вздумали дарить мне спичечный коробок, зная, что я уже много лет как бросил курить?» Однако, открыв коробок, я все понял: внутри лежала золоченая скорпиониха с таким же потомством. Напоминание о случае, описанном в книге «Моя семья и другие звери», когда Ларри за завтраком, ничего не подозревая, открыл коробок, в котором я заточил настоящее скорпионье семейство. Можете себе представить, что тогда творилось за столом и как на меня смотрели родные.

Теперь я рассказал собравшимся, что лежит в коробке; большинство читало мою книгу и шумным весельем отметило уместность подарка.

Сидя вечером на концерте «Праздник зверей», я то и дело ощупывал в кармашке смокинга маленький прямоугольник. Меня переполняло счастье от сознания, что я окружен друзьями, которые помогли мне превратить зоопарк в спичечном коробке моего детства в организацию, способную и готовую помогать животным, кои делают наш мир такой чудесной обителью, стоящей того, чтобы все мы ее лелеяли.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ ОБРАЩЕНИЕ

Коробок с золочеными скорпиончиками — трогательный и многозначный подарок, ведь из моего детского зоопарка в спичечном коробке вышел наш Трест, один из главных в мире форпостов размножения животных в неволе для сохранения видов, с двумя родственными организациями — в США и в Канаде; Трест, осуществляющий ряд практических мероприятий по спасению угрожаемых видов, с Центром подготовки специалистов, чьи выпускники работают по всему свету; Трест, созданный самоотверженным трудом преданных сотрудников. Мы многого достигли, но все равно это капля в море, маленький лист в лесу еще не решенных задач. Я много раз говорил, что желал бы закрыть Джерсийский зоопарк и распустить Трест — за ненадобностью. Увы, боюсь, до этого еще очень далеко. А до той поры надеюсь, что наша организация будет расти и процветать, помогая сохранять тот единственный мир, который у нас есть.

Если вы читали эту книгу с интересом и удовольствием, надеюсь, мне удалось показать вам, сколь трудно и сложно добиваться успеха в самом важном для нас, людей, деле: сохранении нашей планеты. Если вы согласны со мной и желаете присоединиться — ждем вас с распростертыми объятиями. Чем больше членов в Тресте, тем громче наш голос и тем больше сил будет у нас для борьбы за охрану природы. В этой области мы уже прошли путь от малюсенькой ячейки до организации мирового значения, что стало возможным исключительно благодаря поддержке наших членов по всем мире. Если эта книга доставила вам удовольствие, если, быть может, заставила порой призадуматься, могу я пригласить вас стать в наши ряды? Мы верим в важность того, что делаем. Надеемся, и вы поверите.

СООБЩЕНИЕ

от Фонда охраны дикой природы Джеральда Даррелла

«Ковчег», основанный Джеральдом Дарреллом на острове Джерси, помогает спасать исчезающие виды животных по всему свету. Кампания за сохранение богатого разнообразия животного мира на нашей планете, ставшая делом всей его жизни, включает программы для самого редкого в мире голубя, уникального вида длиннохвостого попугая, черепахи, крылана, змеи, свиньи и нескольких редчайших обезьян.

Эта кампания за сохранение исчезающих видов не закончилась со смертью Джеральда Даррелла в 1995 году. Его работа продолжается благодаря неустанным усилиям Фонда охраны дикой природы.

В течение ряда лет многие читатели книг Джеральда Даррелла настолько вдохновлялись его впечатлениями и видениями мира, что выражали желание продолжить историю, поддерживая деятельность его фонда. Мы надеемся, что вы тоже внесете определенный вклад, потому что своими книгами и всей своей жизнью Джеральд Даррелл ставит перед нами важную задачу. «Животные составляют бессловесное и лишенное права голоса большинство, — написал он, — которое может выжить лишь с нашей помощью».

Пожалуйста, не теряйте интереса к охране природы, когда вы перевернете эту страницу. Напишите нам, и мы расскажем вам, как можно принять участие в нашей работе по спасению животных от вымирания.

Чтобы получить более подробную информацию или направить пожертвование, обращайтесь по следующим адресам:

Durrell Wildlife Conservation Trust
Les Augrès Manor
Jersey, English Channel Islands, JE3 5BP
UK

МАМА НА ВЫДАНИЕ

Тини и Хелу от Джерри с любовью

Новобрачная — женщина, у которой
виды на прекрасное будущее уже позади.

Амброз Бирс. Словарь Сатаны

ПРЕДВАРЕНИЕ

Все истории в этой книге правдивы — точнее, некоторые правдивы, некоторые содержат зерно истины в декоративной оболочке. Что-то я сам пережил, о чем-то мне поведали другие, а я использовал услышанное в своих целях; недаром сказано: «Не говори ни о чем писателю, если не хочешь, чтобы тебя пропечатали».

Естественно, вы от меня не услышите, какие из этих историй правдивы целиком, какие только наполовину, однако надеюсь, они от этого не доставят вам меньше удовольствия.

ДЖЕРАЛЬД ДАРРЕЛЛ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ЭСМЕРАЛЬДА

Среди всех областей красавицы Франции есть одна, само имя которой рождает блеск в глазах гурмана, румянит его щеки предвкушением, увлажняет слюной вкусовые сосочки, — я говорю о благозвучном имени Перигор. Здесь каштаны и грецкие орехи поражают своими размерами, здесь дикая земляника благоухает, словно будуар куртизанки. Здесь под кожей яблок, груш и слив заточены изысканные соки, здесь мясо цыплят, утят и голубей нежно и бело, здесь масло желто, как солнечный свет, здесь сливки в маслобойке такие густые, что выдержат вес стакана с вином. Помимо всех этих даров Перигор обладает великим сокровищем, таящимся в суглинистой почве его дубрав, — речь идет о трюфеле, этом грибе-троглодите, обитающем в толще лесной подстилки, черном, как кот колдуньи, проматном, как благовония Аравии.

Д

В этом восхитительном уголке нашего мира я нашел очаровательную деревушку и поселился на маленьком постоялом дворе «Три голубя». Моего хозяина звали Жан Петтион. Это был добродушный малый, чье лицо из-за прилежного потребления вина приобрело красновато-коричневый цвет, как у яблок «пепин». По случаю осени леса были особенно красивы, напоминая роскошный золотисто-бронзовый гобелен. Желая насладиться этими красками, я попросил мсье Петтиона приготовить для меня дорожную снедь и выехал на природу. Оставив машину на опушке, вошел в лес, чтобы полюбоваться дивными картинами и повсеместно растущими странными, диковинными грибами. Облюбовав поваленный ствол старого дуба, примостился на нем, чтобы перекусить, и только управился с этим делом, как из чащи сухого рыжего папоротника вышла здоровенная свинья. Увидев меня, она удивилась не меньше, чем я при виде ее. Мы с интересом воззрились друг на друга.

Я прикинул, что она весит не меньше ста килограммов. Розоватая кожа была покрыта нежным, как у персика, белым пушком и украшена аккуратно размещенными природой черными пятнышками, какими дамы в семнадцатом веке украшали свои лики для соблазна. Маленькие золотистые глаза светились мудростью и озорством, уши свисали по бокам, напоминая убор католической монахини, а между ними гордо выступало покрытое изящными морщинами рыло, чей конец был похож на вантуз — одно из тех замечательных приспособлений, коими вы по старинке прочищаете закупоренные трубы. Элегантные копыта были тщательно отполированы, хвостик торчал вверх таким красивым вопросительным знаком, похожий на пропеллер. А еще от этой свинки исходил совершенно неожиданный тончайший аромат, рождая представление о цветущих весенних лугах. В жизни не встречал свиньи, источающей такой запах. Напрягая память, я силился сообразить, где последний раз слышал такое волшебное романтическое благоухание. И вспомнил — в гостиничном лифте вместе со мной спускалась вниз прелестная дама, благоухающая так же восхитительно. Я еще спросил ее, не может ли она сказать, как называются эти изысканные духи, и она ответила — «Джой».

Каких только странных случаев не бывало в моей жизни, но никогда еще на мою долю не выпадала честь встречаться, да еще в дубраве в Перигоре, с большой приветливой свинкой, источающей аромат столь дорогих духов. Медленно подойдя, она положила голову на мое колено и издала протяжное хрюканье с оттенком тревоги, нечто вроде звука, коим видный врач-консультант предваряет сообщение, что вас поразила смертельная недуг. После чего глубоко вздохнула и щелкнула челюстями так, что мне представились вооруженные кастаньетами пылкие испанские танцоры.

Подумала и еще раз вздохнула. Было очевидно, что леди чего-то желает. Потыкалась носом в мою сумку и радостно взвизгнула, когда я заглянул внутрь, чтобы проверить, что ее так волнует. В сумке лежал только оставшийся от трапезы кусок сыра. Я достал его и, не дав свинке схватить все сразу, отрезал немного и сунул в пасть. Каково же было мое удивление, когда она не проглотила сыр, а принялась смаковать, как дегустатор смакует вино, наслаждаясь его ароматом. После чего медленно, осторожно стала жевать, причмокивая от удовольствия. При этом я обратил внимание на то, что толстую шею свиньи облекает, словно жемчуга на престарелой аристократке, изящный ошейник в виде золотой цепочки, с которого свисал конец оборванного поводка. Элегантный вид моей новой знакомой свидетельствовал, что этой беглой свинкой кто-то очень дорожит. Она приняла из моих рук еще немного сыра, благодарно похрюкивая и смакуя каждый кусочек, точно истинный знаток. Один кусок я оставил в виде приманки и направился, сопровождаемый свинкой, к машине. Тучная красавица явно была привычна к такого рода транспорту и удобно расположилась на заднем сиденье, величаво озираясь с полным ртом сыра. Я взял курс на деревню, полагая, что там находится дом моей пассажирки, и она в пути засиделась, положив голову мне на плечо. Это позволило мне сделать вывод, что комбинированный запах «Джой» и хорошего рокфора вряд ли может служить средством расположить к себе особу противоположного пола. Остановившись возле «Трех голубей», я снял с плеча благоухающую голову, отдал свинке последний кусок сыра и вошел в дом, чтобы найти уважаемого Жана. Хозяин гостиницы в эти минуты старательно протирает бокалы, шумно дыша на них и тщательно полируя, чтобы добиться нужного блеска.

— Жан, — сказал я, — у меня проблема.

— Проблема, мсье? Что случилось?

— Я заполучил свинью.

— Мсье купил свинью? — удивился Жан.

— Нет-нет, не покупал, а именно заполучил. Я сидел в лесу, закусывал, вдруг появляется эта свинья и выражает пожелание разделить со мной трапезу. Думаю, это не обычная свинья: мало того, что она обожает рокфор, — на ней ошейник из золотой цепочки и от нее пахнет духами.

Очередной бокал выскользнул из рук Жана, стукнулся о пол и разбился вдребезги.

— Боже! — Он вытаращил глаза. — Это же Эсмеральда!

— На ошейнике не выгравировано никакого имени, — сказал я. — Но вряд ли тут кругом бродит много свиней, отвечающих моему описанию, так что скорее всего это она. Эсмеральда. Кто ее хозяин?

Жан вышел из-за стойки, снимая на ходу фартук и давя ногами осколки стекла.

— Ее хозяин — мсье Кло. О боже! Он с ума сойдет, когда узнает о пропаже. Где она?

— В моей машине, — сообщил я. — Доедает рокфор.

Выйдя к машине, мы обнаружили, что Эсмеральда, узрев, что злой рок лишил ее источников рокфора, философически погрузилась в сон. Весь кузов содрогался от ее храпа, как если бы я не выключил мотор.

— О-ля-ля! — воскликнул Жан. — Это Эсмеральда! О, мсье Кло, наверно, сходит с ума. Вы должны немедленно отвезти ее ему, мсье. Мсье Кло души не чает в этой свинье. Отвезите ее *сейчас же*.

— Хорошо, хорошо, с удовольствием отвезу, — раздраженно ответил я. — Если только вы скажете мне, где живет мсье Кло. Не хватало, чтобы мою жизнь обременяла какая-то свинья.

— *Какая-то свинья?* — Жан в ужасе уставился на меня. — Это не какая-то свинья, мсье, это *Эсмеральда*.

— Называйте ее как хотите, — сердито парировал я. — Сейчас она лежит в моей машине, благоухая, точно парижская потаскушка, объевшаяся сыром, и чем скорее я избавлюсь от нее, тем лучше.

Жан негодуя выпрямился:

— Потаскушка? Вы назвали ее потаскушкой? Всем известно, что Эсмеральда девственница.

Уж не свихнулся ли я? В самом ли деле я, стоя рядом с машиной, где спит благоухающая свинья по имени Эсмеральда, обсуждаю с хозяином гостиницы «Три голубя» ее половую жизнь? Я сделал глубокий вдох, собираясь с мыслями.

— Послушайте. Мне чихать на сексуальную биографию Эсмеральды. Хотя бы все хряки Перигора насиловали ее.

— О! Боже мой! Неужели она изнасилована? — выдавил из себя побледневший Жан.

— Нет, нет, нет, насколько мне известно. Ее не лишили девственности, если это слово подходит к свинье. И вообще, только на редкость похотливый хряк, к тому же начисто лишенный обоняния, стал бы покушаться на честь свиньи, пахнувшей точно дорогая проститутка в субботний вечер.

— Прошу вас, мсье, *пожалуйста*, — взмолился Жан, — не говорите таких вещей, особенно при мсье Кло. Он обращается с ней с таким благоговением, как если бы она была святая.

У меня чесался язык напомнить ему про нечистых духов, вошедших в свиней Гадаринских, однако я вовремя остановился, видя, как серьезно Жан воспринимает всю эту историю.

— Послушайте, — сказал я, — если мсье Кло потерял Эсмеральду, он, наверно, сейчас волнуется?

— Волнуется? *Волнуется?* Он сходит с ума!

— Но тогда чем скорее я верну ему Эсмеральду, тем лучше. Итак, где он живет?

Я вырос в Греции, где расстояния измеряют выкуренными сигаретами (в десятилетнем возрасте мне это мало помогало), а потому приобрел навык в извлечении из местных жителей сведений такого рода. Здесь требовалась выдержка археолога, бережно стирающего пыль веков с древнего изделия. Люди полагают, что вы не хуже их знаете окрестности; посему для постижения истины нужны время и терпение. Что до Жана, то он в роли наставника превосходил все, с чем мне доводилось когда-либо иметь дело.

— Мсье Кло живет в усадьбе «Земляничные деревья», — сообщил Жан.

— И где же это?

— Понимаете, его земля соседствует с участком мсье Мермо.

— Я незнаком с мсье Мермо.

— О, вы должны его знать, это же наш плотник. Он смастерил все столы и стулья для «Трех голубей». И бар тоже, и, кажется, это он сделал полки для кладовой, а впрочем, я не уверен, возможно, то был мсье Девуар. Он живет в долине, внизу у реки.

— А где живет мсье Кло?

— Я же сказал: он сосед мсье Мермо.

— Как проехать к дому мсье Кло?

— Значит, так: вы едете через деревню...

— В какую сторону?

— Вон туда. — Он показал рукой.

— А дальше?

— У дома мадемуазель Убер повернете налево и...

— Я незнаком с мадемуазель Убер и не знаю, где ее дом. Как он выглядит?

— Он коричневого цвета.

— Здесь в деревне все дома коричневые. Как я его распознаю?

Жан задумался.

— Ага, — произнес он вдруг. — Сегодня четверг. Стало быть, она занята уборкой. И вывесит из окна в спальней свой маленький красный коврик.

— Сегодня вторник.

— Ну да, вы правы. Если вторник, она поливает свой сад.

— Значит, мне следует повернуть налево у коричневого дома, хозяйка которого поливает сад. Что потом?

Д

— Вы проезжаете мимо памятника жертвам войны, мимо дома мсье Пеллиго, затем возле дерева снова поворачиваете налево.

— Возле какого дерева?

— Того, что стоит на повороте, где вам надо повернуть налево.

— Вся область Перигор полна деревьев. Они растут вдоль всех дорог. Как я отличу это дерево от других?

Жан удивленно воззрился на меня:

— Да ведь это то самое дерево, о которое разбился мсье Эрлот. К его подножию вдова мсье Эрлота каждый год возлагает венок в память об этой трагедии. Вы сразу узнаете дерево по венку.

— Когда он погиб?

— Это было в июне тысяча девятьсот пятидесятого года, то ли шестого, то ли седьмого числа, точно не помню.

— Сейчас у нас сентябрь — венок мог пролежать там с июня?

— О, конечно нет, его убирают, как только завянут цветы.

— А есть еще какой-нибудь способ распознать это дерево?

— Это дуб.

— Здесь кругом сплошные дубы, как я определяю, что это именно тот, где нужно повернуть налево?

— У него на стволе большая вмятина.

— Понятно. Итак, я повернул налево. И где же находится дом мсье Кло?

— О, его нельзя не узнать. Такая длинная, низкая, белая старинная усадьба.

— Понял, мне нужно всего-навсего высмотреть старинную белую усадьбу.

— Вот-вот, только с дороги ее не видно.

— Тогда как же я узнаю, где остановиться?

Жан крепко призадумался, наконец ответил:

— Там есть маленький деревянный мост без одной доски. От него ведет дорожка к дому мсье Кло.

В эту минуту Эсмеральда повернулась на другой бок, и нас окутали миазмы, сочетающие запахи духов и рокфора. Мы поспешили отойти подальше от машины.

— Ну, так, — заключил я. — Проверим, верно ли я все понял. Я еду в ту сторону и поворачиваю налево там, где женщина поливает свой сад. Миновав памятник жертвам войны и дом мсье Пеллиго, еду прямо до дуба с вмятиной, там снова поворачиваю налево и высматриваю деревянный мостик без одной доски. Правильно?

— Мсье, — с восхищением отозвался Жан, — можно подумать, что вы *родились* в этой деревне!

Я все же нашел дорогу. Мадемуазель Убер не поливала сад перед своим домом, и красного коврика не было видно. На самом деле хозяйка дома сидела в кресле и спала на солнышке. Пришлось мне разбудить ее, чтобы убедиться, что она и впрямь мадемуазель Убер, у дома которой мне надлежит повернуть налево. На стволе дуба в самом деле была изрядная вмятина, из чего я заключил, что мсье Эрлот потребил немало анисовки, прежде чем врезался в дерево на своей машине. У обнаруженного мною мостика *действительно* не хватало одной доски. Наставления селян всегда точны, какими бы загадочными они вам ни показались поначалу. Я покатил по изрытой колеями дорожке между зеленым лугом с кремовым пятнышком стада коров породы шароле и зарослями подсолнечника, обратившими дивные желто-черные лики к своему небесному кумиру. Проехав затем сквозь перелесок, я увидел на лужайке дом мсье Кло, длинный, низкий и белый, как яйцо голубки. Кровля была сложена из темной, как шоколад, толстой черепицы, расписанной золотистым лишайником. Перед домом стояли две машины — одна полицейская, другая, по всем признакам, принадлежащая врачу. Как только я выключил мотор, до моего слуха, заглушая храп Эсмеральды, донеслась странная какофония — крики, вопли, рев, плач, завывание и всеобщий скрежет зубовой. Из чего заключил — как оказалось, вполне справедливо, — что пропажа Эсмеральды не осталась незамеченной. Подойдя к неплотно закрытой входной двери, я взял изображающий руку, сжимающую меч, бронзовый дверной молоток и громко постучал. Шум в доме продолжался с прежней силой. Постучал снова — никого. Взявшись за ручку молотка покрепче, я принялся колотить в дверь так, что она едва не сорвалась с петель. На секунду бедлам прекратился, затем дверь распахнулась, и передо мной возникла молодая женщина невиданной красоты. Растрепанные длинные волосы только прибавляли ей очарования, они были цвета вечерней зари, коего так стремится — чаще всего безуспешно — достичь каждый осенний лист. Под темными бровями, подобными крыльям альбатроса, сверкали огромные глаза чудесного золотисто-зеленого цвета. Форма и мягкость розовых губ этой красавицы подточили бы стойкость самого верного из мужей. Из чудных глаз струились по щекам слезы величиной с крупный бриллиант.

— Мсье? — обратилась она ко мне, вытирая рукой влажные щеки.

— Бонжур, мадемуазель, — отозвался я. — Могу ли я увидеть мсье Кло?

— Мсье Кло никого не принимает. — Она всхлипнула, и по щекам ее снова покатались слезы. — Мсье Кло нездоров.

В эту минуту из задней комнаты, где возобновился многоголосый ка-

Д

гал, появился дюжий пузатый жандарм с глазами цвета черной смородины, с расписанным сеткой синих сосудов замечательным носом бордового цвета и напоминающими шкуру крота густыми черными усами над толстой верхней губой. Окинув меня испытующим взглядом, в котором поровну смешались подозрительность и враждебность, он повернулся к прекрасной леди.

— Мадам Кло, — заговорил жандарм медоточивым голосом, — теперь я вынужден вас покинуть, но можете не сомневаться, мадам, я приложу все усилия, чтобы разоблачить извергов, совершивших это злодеяние, чудовищных душегубов, которые заставили лить слезы эти чудные глаза. Ни перед чем не остановлюсь, чтобы призвать к ответу этих бандитов.

Он смотрел на нее, как голодный школьник глядит на пирожное с кремом.

— Вы так добры, инспектор, — зарумянилась она.

— Сделать что-то для вас, мадам, — одно удовольствие! — С этими словами он схватил ее руку и прижал кончики пальцев к усам, и мне представилось, как в былые времена галантный кавалер помогал даме надеть муфту.

Посторонив меня, он втиснул свою тушу в полицейскую машину, включил со скрежетом скорость и исчез в пыльном облаке — этакий святой Георгий, преследующий дракона.

— Мадам, — сказал я, — вижу, вы очень расстроены, но мне сдается, что я, возможно, могу вам помочь.

— Никто не может нам помочь, никто! — воскликнула она, заливаясь слезами.

— Мадам, если я произнесу имя Эсмеральда — вам оно что-нибудь скажет?

Она прислонилась к стене, уставившись на меня своими прекрасными глазами.

— Эсмеральда? — хрипло произнесла мадам Кло.

— Эсмеральда.

— Эсмеральда? — повторила она.

— Эсмеральда. — Я кивнул.

— Вы хотите сказать — *Эсмеральда*? — выдохнула она.

— Эсмеральда, свинья, — добавил я для ясности.

— Так это вы тот дьявол в человеческом облике, вы — вор, похитивший нашу Эсмеральду?! — вскричала она.

— Мадам, позвольте мне объяснить...

— Вор, разбойник, бандит, — выпалила она и побежала по коридору,

крича: — Анри, Анри, Анри, тут объявился вор, он требует выкуп за нашу Эсмеральду!

Пожелав мысленно, чтобы все свиньи на свете очутились в чистилище, я последовал за ней в комнаты. Моим глазам предстала захватывающая картина. Симпатичный крепкий молодой человек и тучный седой джентльмен со стетоскопом на шее силились удержать мужчину, по-видимому мсье Кло, который пытался оторвать спину от фиолетового шезлонга.

Этот мужчина был высокий, худой как щепка, облаченный в черный вельветовый костюм и огромный черный берет. Но больше всего взгляд поражала его борода. Холеная, тщательно расчесанная, черная с проседью, она спадала пегой волной через грудь до самого пупа.

— Пустите, дайте мне расправиться с этим незаконнорожденным отпрыском Сатаны! — орал мсье Кло, сиюсь подняться на ноги.

— Ваше сердце, ваше сердце, не забывайте про ваше сердце! — воскликнул врач.

— Да-да, не забывайте про ваше сердце! — подхватила мадам Кло тоненьким голоском.

— Я разберусь с ним, мсье Кло, — сказал симпатичный молодой человек, устремив на меня свирепый взгляд ярко-синих глаз.

Этот мускулистый молодец явно был из тех крепышней, что запросто могут двумя мизинцами разогнуть подкову.

— Пустите меня, дайте вырвать его яремную вену, — не унимался мсье Кло. — Проклятый вор!

— Ваше сердце, ваше сердце! — кричал врач.

— Анри, успокойся, Анри, — пищала мадам Кло.

— Я выпущу из него кишки, — сообщил мускулистый молодец.

Беда с этими французами — они обожают говорить, но не любят слушать. Иной раз так и кажется, что они даже самих себя не слышат. И, оказавшись вовлеченным в перепалку граждан Франции, наподобие здесь описанной, остается только одно — перекричать их. Набрав полные легкие воздуха, я рявкнул:

— Тихо!

И тотчас воцарилась тишина, как если бы я взмахнул волшебной палочкой.

— Мсье Кло, — обратился я с поклоном к хозяину. — Позвольте довести до вашего сведения — я не душегуб, не бандит и, насколько мне известно, отнюдь не пригульный ребенок. А теперь хотел бы сообщить вам, что в моем владении находится свинья, которую зовут, если не ошибаюсь, Эсмеральда.

— А-а-а-а! — вскричал мсье Кло, чьи худшие опасения оправдались.

Д

— Тихо! — рывкнул я снова, и он откинулся назад в шезлонге, прижимая расправленные, точно крылья бабочки, изящные, тонкие, тщательно наманикюренные пальцы к той части тела, где, как полагал мсье Кло, помещалось его сердце.

— Я встретился с Эсмеральдой в лесу, — продолжал я. — Она перекусила вместе со мной, затем, узнав в деревне, кто ее законный владелец, я привез Эсмеральду сюда.

— Эсмеральда здесь? Эсмеральда вернулась? Где она? Где? — воззвал мсье Кло, пытаясь подняться.

— Медленно, осторожно, — сказал врач. — Не забывайте про ваше сердце.

— Она там, в моей машине, — сообщил я.

— И... и... какой же выкуп вы требуете? — спросил мсье Кло.

— Не хочу я никакого выкупа, — ответил я.

Мсье Кло и врач обменялись выразительными взглядами.

— Никакого выкупа? — повторил за мной мсье Кло. — Это чрезвычайно ценное животное.

— Бесценное животное, — подтвердил врач.

— Животное, равное по цене пяти годовым жалованиям, — уточнил мускулистый молодец.

— Животное, которое стоит больше всех регалий королевы Елизаветы, — сказала мадам Кло для большего эффекта, с присущей женщинам страстью к преувеличениям.

— Тем не менее, — твердо молвил я, — мне не нужно никакого выкупа. Я счастлив, что вернул ее вам.

— Никакого выкупа? — Казалось, мсье Кло даже оскорблен.

— Никакого, — еще раз подчеркнул я. Мсье Кло снова поглядел на врача, который пожал плечами, развел руками и сказал:

— Ох уж эти англичане.

Освободившись от хватки врача и мускулистого молодца, мсье Кло поднялся на ноги.

— В таком случае, мсье, я ваш должник, вечный должник. — Говоря это, он сорвал с головы берет и с низким поклоном прижал его к груди.

После чего снова надел берет, пробежал через комнату, точно неуклюжая марионетка, и заключил меня в объятия. Глядя мои щеки шелковистой бородой, он принялся целовать меня с жаром, с каким одни только французы способны лобзать представителей своего пола.

— Мой друг, мой доблестный друг, — приговаривал он, хлопая меня по плечам и глядя мне прямо в глаза; при этом слезы катились по его бороде прозрачными головастиками. — Отведите меня к моей возлюбленной.

Мы вышли из дома, разбудили Эсмеральду, и все, включая врача, принялись обнимать ее, гладить и целовать. После чего опять же все, включая Эсмеральду, вернулись в дом, где мсье Кло настоял на том, чтобы откупорить бутылку одного из лучших его вин («Шато Монтроз 1952»), и мы выпили за здоровье лучшей из свиней, которую мадам Кло в это время потчевала шоколадными конфетами.

— Мсье Даррелл, — сказал мсье Кло, — вам, наверно, показалось, что переполох, вызванный исчезновением Эсмеральды, превосходил всякую меру.

— Да нет, что вы, — ответил я. — Потеря такого замечательного любимого животного хоть кого может расстроить.

— Она не просто домашняя любимица, — благоговейно произнес мсье Кло. — Эсмеральда — первый охотник за трюфелями среди всех свиней в Перигоре. Пятнадцать раз удостоивалась за свое обоняние серебряного кубка на областных соревнованиях. Пусть трюфель прячется под землей на глубине двадцати сантиметров — Эсмеральда за пятьдесят метров почувст его. Этаким в своем роде четвероногий радар.

— Поразительно, — отозвался я.

— Если вы будете так любезны приехать сюда завтра к восьми утра, мы отправимся с Эсмеральдой в лес, и вы сами увидите, на что она способна. И мы будем счастливы, если потом вы окажете нам честь и останетесь позавтракать. Должен сказать, моя жена Антуанетта — один из лучших кулинаров в нашей области.

— Не только лучший, но и самый красивый кулинар, — галантно добавил врач.

— Что верно, то верно, — подхватил мускулистый молодец, глядя на мадам Кло с таким страстным обожанием, что я не удивился, узнав, что его зовут Хуаном.

— Буду рад и польщен, — заключил я, допил налитое мне вино и отклонялся.

Утро следующего дня выдалось солнечное и прохладное, небо было голубое, как незабудки, между деревьями замысловатыми извивами стелился туман. Когда я приехал к усадьбе мсье Кло, ее угловатый хозяин наносил последние штрихи на внешний вид Эсмеральды. Копыта свињи были натерты свежим оливковым маслом, ее хорошенько почистили щеткой, в крохотные глгпки закали какой-то особый раствор. В заключение из дома вынесли флакончик «Джой» и чуть-чуть подушили Эсмеральду за ушами. После чего надели ей мягкий замшевый намордник, чтобы она не издумала поедать найденные трюфели.

Д

— Вуаля, — торжествующе произнес мсье Кло, размахивая специальной лопаточкой. — Эсмеральда готова, можно выходить на охоту.

Дальше я пережил несколько весьма поучительных часов, ибо я никогда еще не видел в деле свинью-трюфелеискательницу, тем более такого блестящего мастера, как Эсмеральда. Неторопливо шествуя в дубраве около усадьбы мсье Кло с достоинством пожилой оперной дивы, степенно выходящей на очередной прощальный бенефис, она тихонько похрюкивала фальцетом. Но вот остановилась, подняла голову с закрытыми глазами, постояла, вдыхая лесной воздух, затем подошла к подножию почтенного дуба и стала обнюхивать землю и сухие листья.

— Нашла! — воскликнул мсье Кло и, оттолкнув в сторону Эсмеральду, вонзил в почву свою лопатку.

Немного порывшись в земле, он извлек на поверхность благоухающий черный трюфель величиной с хорошую сливу. Как ни силен был дивный запах трюфеля, я не мог понять, каким образом могла его учуять надушенная «Джоем» Эсмеральда. И это не была случайность — за последующий час с небольшим она обнаружила еще шесть таких же крупных трюфелей. Торжествуя, мы отнесли их в усадьбу и вручили мадам Кло, которая с милым румянцем на лице хлопотала на кухне. Эсмеральду поместили в чистейший загон и наградили разрезанной пополам булкой с сыром, а мы с мсье Кло воздали должное вишневному ликеру.

Затем мадам пригласила нас к столу. Хуан — видимо, в мою честь — был в пиджаке и при галстукке; мсье Кло снял свой берет. Первым блюдом, поданным в тонких, коричневых, как осенние листья, красивых глиняных мисках, был нежный куриный бульон, в котором плавали перья лука и золотистый яичный желток. Далее последовала очищенная от костей крупная форель с начинкой из фенхеля и мелко нарезанных каштанов. Роль гарнира исполняли сладкий зеленый горошек и мелкий картофель в мятной подливке. Однако все это было всего лишь прелюдией к главному блюду, коего все ждали. Убрав наши тарелки, мадам Кло заменила их чистыми, горячими, как свежее испеченный хлеб. Мсье Кло торжественно и осторожно откупорил бутылку «Шато Бране-Кантенак 1957», понюхал пробку, налил несколько капель в чистую рюмку и попробовал. Ни дать ни взять Эсмеральда, смакующая сыр... Одобрительно кивнув, он наполнил наши рюмки вином, красным, как драконья кровь. В эту минуту, словно по сигналу, появилась из кухни мадам Кло, неся блюдо с четырьмя желтыми, как спелая кукуруза, круглыми нежными пирожками, по одному для каждого из нас. Мы сидели молча, будто в церкви. Мсье Кло поднял свой бокал, пожелал здоровья сперва своей прелестной супруге, потом мне и Хуану. Отпив немного, мы подержали вино во рту, подготавливая вкусовые

сосочки к последующим ощущениям. Вот подняты ножи и вилки, срезана с пирожков хрустящая золотистая корочка, и нашим глазам явились, словно ядра ореха, черные как смоль трюфели, источая совершенно невероятный аромат, запах миллиона осенних лесов, густой, восхитительный, не похожий ни на один другой запах на свете. Мы принялись есть в благоговейной тишине, ибо за едой даже французы перестают говорить. Когда последний кусочек растаял у меня во рту, я поднял бокал.

— Мадам Кло, мсье Кло, Хуан, позвольте мне произнести тост. За Эсмеральду, лучшую в мире свинью, образец для всех остальных свиней.

— О, спасибо, мсье, спасибо! — воскликнул мсье Кло дрожащим голосом, со слезами на глазах.

Мы сели за стол ровно в двенадцать часов, ибо, как хорошо известно во французских медицинских кругах, если ленч начнется после полудня, это может роковым образом отразиться на здоровье граждан Франции. Кулинарные щедроты мадам Кло были столь велики и разнообразны, что, уплетая сливовое суфле со сливками, за которым последовал восхитительный кантальский сыр, я несколько не удивился, когда, посмотрев на часы, обнаружил, что уже четыре. Отказавшись от кофе и коньяка, сказал, что должен уехать, и добавил, что за всю жизнь не припомню такой трапезы. Мне было позволено запечатлеть три поцелуя на алых щеках мадам Кло (за господ бога, за Деву Марию и за Иисуса Христа, как мне кто-то объяснял), после чего я испытал сокрушительное рукопожатие Хуана и был окутан бородой мсье Кло. Напоследок хозяин взял с меня обещание вновь посетить эту деревню, чтобы воздать должное блюдам мадам Кло, когда я в следующий раз приеду во Францию.

Год спустя, направляясь на юг Франции, я на подъезде к Перигору вспомнил с легким чувством вины о своем обещании навестить мсье Кло с его Эсмералдой. Взяв курс на Пти-Монбазияк-сюр-Рюссо, довольно скоро прибыл на место и остановился перед гостиницей «Три голубя». При виде меня Жан страшно обрадовался.

— Мсье Даррелл! — воскликнул он. — Мы уже думали, вы совсем забыли нас. Как я счастлив снова вас видеть!

— У вас найдется комната дня на два?

— Конечно, мсье. Лучшая в доме — ваша.

Он проводил меня в маленький уютный номер, где я переоделся, после чего спустился в бар выпить стаканчик анисовки.

— Ну, расскажите, как идут дела у вас и моих здешних друзей? — спросил я. — Как поживают мадам и мсье Кло, как поживает Эсмеральда?

Жан вздрогнул и уставился на меня вытаращенными глазами:

— Мсье не слышал?

— Не слышал? Что? Я только что приехал.

Для всякого жителя глухой деревушки местные новости так важны, что они не представляют себе, как это вы можете быть не в курсе.

— Но это ужасно, ужасно, — произнес Жан с наслаждением человека, сообщающего дурные новости. — Мсье Кло — в тюрьме.

— В тюрьме? — опешил я. — Почему, что он сделал?

— Он дрался на дуэли.

— Мсье Кло дрался на *дуэли*? Не может быть! С кем?

— С Хуаном, — сообщил Жан.

— Но почему?

— Потому что Хуан бежал вместе с мадам Кло.

— Невероятно, — вымолвил я, а сам подумал, что не так уж это невероятно, учитывая, что Хуан — симпатичный молодой человек, а мсье Кло было далеко за шестьдесят.

— Но это еще не самое худшее, — добавил Жан заговорщическим шепотом.

— Не самое худшее?

— Вот именно.

— Бежать с женой другого человека — что может быть хуже? — поинтересовался я.

— Через неделю после того, как они исчезли, Хуан появился снова и похитил Эсмеральду.

— Не может быть! — воскликнул я.

— Да-да, мсье. Он ведь испанец, этот Хуан, — сказал Жан, как будто этим все объяснялось.

— И что же было дальше?

— Мсье Кло, как и подобало человеку храброму и благородному, настиг их и вызвал Хуана на дуэль. Хуан родом из Толедо — естественно, он выбрал рапиры. Откуда ему было знать, что мсье Кло в молодости был первым фехтовальщиком в нашей области. Не прошло и десяти секунд, как он пронзил рапирой грудь Хуана возле самого сердца. Несколько дней жизнь Хуана висела на волоске, но теперь он идет на поправку.

— И когда же все это случилось?

— На прошлой неделе, и теперь мсье Кло ждет суда в тюрьме в Сен-Жюстине.

— Бедняга, я должен навестить его.

— Он будет счастлив увидеть вас, мсье, — отозвался Жан.

На другой день я поехал в тюрьму, захватив единственный подходящий подарок для француза, заточенного в кутузку за попытку совершить убийство, — бутылку виски «Джи энд Би».

Узник сидел в камере на железных нарах, читая какую-то книгу. Это был, увы, не тот элегантный мсье Кло, с кем я познакомился год назад. Тюремного покроя рубаха без воротника, потертые хлопчатобумажные штаны, на ногах шлепанцы. Ни галстука, ни брючного ремня, чтобы заключенный не вздумал повеситься, окажись он из тех, что способны на самоубийство. Однако шевелюра была в полном порядке, великолепная борода аккуратно расчесана и приглажена. Держащие книгу тонкие пальцы абсолютно чисты, ногти наманикюрены.

— К вам тут гость, мсье Кло, — сказал надзиратель, открыв решетчатую дверь.

Мсье Кло удивленно поднял голову, лицо его озарилось улыбкой, он поспешно отложил книгу и живо поднялся на ноги.

— Кого я вижу — мсье Даррелл! — радостно воскликнул он. — Какой сюрприз, какая честь, я счастлив видеть вас.

Сжимая мою длань двумя руками, он наклонился вперед, собираясь обнять меня, — досадная оплошность, ибо его штаны соскользнули вниз, складываясь гармошкой. Впрочем, даже эта катастрофа не могла омрачить его радость.

— Эти болваны думают, будто я захочу повеситься на ремне. Но скажите мне, мсье Даррелл, неужели человек моей репутации, моего общественного положения, с моим образованием и известностью опустится до такого вульгарного деяния, трусливого поступка, уподобляясь представителям низшего сословия? фи! — И мсье Кло изящным старомодным жестом указал на нары, предлагая мне сесть. — Я так счастлив видеть вас, — повторил он, — даже в этой отнюдь не здоровой обстановке. Вы так великодушны. Сколько людей вашего круга воздержались бы от посещения в тюрьме узника, пусть даже пользующегося такой безупречной репутацией, как я.

— Ну что вы! — возразил я. — Как только я услышал от Жана о случившемся, сразу же направился сюда. Эта история чрезвычайно меня расстроила.

— Еще бы, конечно. — Он важно кивнул, отчего по бороде пробежала легкая рябь. — Я и сам страшно расстроен. Ненавижу плохую работу, это мне не свойственно, и я глубоко переживаю свою промашку.

— Промашку? — растерянно повторил я за ним. — Какую промашку?

— Ту, что я не убил его, разумеется, — сказал мсье Кло, и глаза его расширились от удивления: как это я сам не сообразил, в чем состояла его очевидная оплошность.

— Нет, вы в самом деле так думаете?

Д

— Конечно, — твердо произнес он. — Весьма сожалею, что мой выпад был неточен и я не убил его на месте, разрази меня гром!

— Но, мсье Кло, убей вы его, вам бы не избежать самой суровой кары. А так, я уверен, суд квалифицирует ваши действия как покушение под влиянием сильного чувства и вы отделаетесь сравнительно мягким наказанием.

— Под влиянием чувств? Не понял, — сказал мсье Кло.

— Ну как же, он соблазнил вашу прелестную супругу... По-моему, это вполне достаточный повод для поступка, который вы совершили.

— Вы решили, что я дрался на дуэли, рискуя жизнью, из-за моей жены? — удивленно спросил мсье Кло.

— Ну да, разве нет? — недоуменно осведомился я.

— Нет! — отрезал он, ударяя кулаком по нарам. — Ничего подобного.

— Тогда зачем же, черт возьми, вы дрались?

— Из-за моей свиньи, разумеется, из-за Эсмеральды.

— Из-за *свиньи*! — Я не поверил своим ушам. — Не из-за жены?

Мсье Кло наклонился ко мне с серьезным выражением лица.

— Мсье Даррелл, послушайте, что я скажу. Другую жену всегда можно найти, но другую такую свинью, такого мастера находить трюфели, как Эсмеральда, найти невозможно, — убежденно вымолвил он.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ФРЕД, ИЛИ КРАСКИ ЗНОЙНОГО ЮГА

Я дважды — весьма неразумно — отваживался выезжать для чтения лекций в Соединенные Штаты Америки. В ходе турне я успел искренне полюбить Чарлстон и Сан-Франциско, возненавидеть Лос-Анджелес (вот уж где и не пахнет ангелами), проникнуться восхищением к Нью-Йорку и отвращением к Чикаго и Сент-Луису. Много странных приключений выпало на мою долю во время этих странствий, но самое странное ожидало меня, когда я пересек линию, отделяющую северные штаты от южных. «Литературная гильдия Мемфиса», штат Теннесси, пригласила меня прочесть лекцию об охране природы. Не без некоторого самодовольства мне было сообщено, что я смогу остановиться не где-нибудь, а у самой миссис Магнолии Дуайт-Хендерсон, помощницы главного казначея. Должен сказать, что я ненавижу пользоваться гостеприимством такого рода во время

моих турне. Слишком часто меня встречают такими словами: «Вы уже три недели находитесь в пути, и мы понимаем, что вы совершенно измучены, измождены, выбились из сил. Так вот, у нас вы сможете *отдохнуть как следует*. Сегодня вечером мы ждем к обеду всего около сорока самых близких друзей, вы их непременно полюбите. Вас ждет спокойное, непринужденное общение с людьми, которые нам дороги и которые безумно желают познакомиться с вами. Один из них даже читал ваши книги».

Зная по горькому опыту, что такое вполне возможно, я не без тревоги услышал о желании «Литературной гильдии» поручить заботу обо мне миссис Магнолии Дуайт-Хендерсон. А потому позвонил ей по телефону, надеясь учтиво избавить ее от такой обузы и вместо этого устроиться в какой-нибудь гостинице. Мне ответил сочный низкий голос, каким заговорил бы, если бы умел, портвейн высшего качества.

— Дом миз Магнолии, — произнес нараспев голос. — С кем это я говорю?

— Моя фамилия Даррелл. Могу я поговорить с миссис Дуайт-Хендерсон?

— Один минут, не кладите трубку. Сейчас пойду поищу.

После длительной паузы я услышал в трубке дребезжащий голосок, словно исходивший из музыкальной шкатулки:

— Мистер Дьюрелл, это вы? С вами говорит Магнолия Дуайт-Хендерсон.

— Счастлив вас слышать, миссис Дуайт-Хендерсон, — ответил я.

— О, как я рада, — пропищала она. — Ваш аксе-цент, у вас такое чудесное произношение. Как будто я разговариваю с самим сэром Лоуренсом Оливье. Право, у меня по спине мурашки бегут.

— Благодарю, — отозвался я. — Мне только что сообщили из «Гильдии», что вам, можно сказать, навязали меня. Мне вовсе не хочется вас обременять, и я предпочел бы остановиться в гостинице, чтобы не причинять вам неудобств.

— Обременять меня? Что вы, голубчик, да для меня большая честь принять вас в своем доме. Ни в коем случае не позволю вам останавливаться в гостинице, где никогда не подметают под кроватями и не опорожниют пепельницы. Это было бы противно законам подлинного южного гостеприимства. Я даже янки не позволила бы предпочесть гостиницу, если бы он приехал читать лекции. Хотя о чем там могут нам поведать янки, эти пустозвоны, как называл их мой отец, только он выражался покрепче.

У меня оборвалось сердце. Я не видел способа отвергнуть общество миссис Дуайт-Хендерсон, не рискуя оскорбить тем самым южное гостеприимство.

— Вы очень любезны, — сказал я. — Я прилетаю около половины пятого, значит, могу быть у вас часов в пять.

— Замечательно! — отозвалась она. — Вы как раз поспеете к чаю, это особенный чай — по четвергам у меня собираются пятеро моих самых близких друзей, и они, разумеется, горят желанием познакомиться с вами.

Я с трудом подавил стон.

— Итак, до свидания в пять часов, — сказал я.

— Жду вас с нетерпением, — ответила миссис Дуайт-Хендерсон.

Положив трубку, я выехал в аэропорт, буруемаемый дурными предчувствиями. Два часа спустя я был уже на юге США, в стране хлопка, коровьего гороха, сладкого картофеля и — увы! — Элвиса Пресли. Из аэропорта я ехал на такси, за рулем которого сидел очень крупный мужчина, куривший очень большую сигару примерно того же цвета, что кожа водителя.

— Вы из Бостона? — осведомился он.

— Нет, а почему вы так решили?

— Аксе-цент, — кратко пояснил он. — Ваш аксе-цент.

— Нет, я из Англии.

— Точно? Из Англии, да?

— Да.

— И как дела вашей королевы?

— Думаю, в полном порядке, — ответил я, стараясь проникнуться духом южных штатов.

— Н-да, — задумчиво протянул он, — незаурядная это женщина, ваша королева, мозговитая, надо думать.

Я промолчал, не видя, что еще можно добавить к его характеристике королевской семьи.

Резиденция миссис Магнолии Дуайт-Хендерсон представляла собой небольшую усадьбу в старинном колониальном стиле, окруженную гектаром тщательно ухоженного сада, где белые колонны стояли плечом к плечу с великим множеством пурпурных азалий. Огромный бронзовый дверной молоток на входной двери размером три с половиной метра на метр был отполирован до пламенного блеска. Когда подъехала моя машина, дверь распахнулась, и моему взору предстал крупный, очень черный седовласый джентльмен во фраке и полосатых брюках. Его вполне можно было бы принять за посла любой из развивающихся стран. Знакомый мне по телефонному обмену репликами густой сочный голос возгласил:

— Мистер Дьюрелл, добро пожаловать в резиденцию миз Магнолии.

Подумав, черный джентльмен добавил:

— Меня звать Фред.

— Рад познакомиться, Фред, — отозвался я. — Могу я просить вас заняться багажом?

— Все будет в порядке, — ответил Фред.

Таксист поставил на гравий мои два чемодана и уехал. Фред посмотрел на них, как на оскверняющий дорожку хлам.

— Фред, — поинтересовался я, — вы всегда носите этот костюм?

Он с отвращением окинул взглядом свое платье.

— Нет. Но миз Магнолия сказала, чтобы я приветствовал вас в традиционном одеянии.

— Вы хотите сказать, что здесь, в Мемфисе, принято так одеваться?

— Нет, сэр, — горько молвил он, — так одеваются там, откуда вы приехали.

Я вздохнул:

— Фред, сделайте мне одолжение. Пойдите и снимите это облачение. Я весьма польщен, что вы оделись так ради меня, но мне будет еще приятнее, если ради меня снимете этот костюм и почувствуете себя более удобно.

Фред расплылся в широкой улыбке — как будто приподнялась крышка над клавишами рояля.

— Будет сделано, мистер Дьюрелл, — ответил он с благодарностью.

Я вошел в пахнувший политурой, цветами и травами прохладный холл, и навстречу мне, постукивая каблучками по паркету и дзинькая побрякушками, устремилась облаченная в благоухающий шифон тонкая, будто струйка дыма, миз Магнолия с огромными голубыми глазами и с прозрачными складками кожи на шее, такими победными знаменами в борьбе за выживание. Мешки под глазами были величиной с ласточкины гнезда, все лицо покрывала паутина морщин, нехотя переступивших порог, отделяющий сорокалетний возраст от пятидесятилетнего.

— Мистер Дьюрелл, — произнесла хозяйка, сжимая мою руку двумя ручонками, будто сделанными из обтянутых пергаментом птичьих косточек, — мистер Дьюрелл, сэр, добро пожаловать. Вы оказали честь нашему дому.

— Это вы оказываете мне честь, мэм, — ответил я.

Откуда-то явился вдруг Фред, словно большое, зловещее черное облако в солнечный день.

— Миз Магнолия, — объявил он. — Я пойду и сниму эту одежду.

— Фред! — воскликнула потрясенная миссис Дуайт-Хендерсон. — Боюсь, это будет неразумно и не совсем прилично.

— Мистер Дьюрелл так велел, — сказал Фред, сваливая вину на меня.

— О! — озадаченно молвила миз Магнолия. — Это другое дело. Однако я уверена, что мистер Дьюрелл не будет настаивать, чтобы ты разделся

Д

прямо сейчас. Во всяком случае, не здесь, где тебя может увидеть двоюродная бабушка Доринда.

— Я пойду к себе в комнату и сниму одежду там, — возвестил Фред и торжественно удалился.

— Нет, что случилось, с чего ему вдруг вздумалось раздеваться? — спросила миз Магнолия. — Знаете, чем дольше живешь вместе с людьми, тем труднее становится их понимать.

Я поймал себя на чувстве, которое испытываю всякий раз, как попадаю в Грецию, — словно я очутился в Алисиной Стране чудес. Человеку остается только выбросить за борт логику (не слишком далеко, чтобы после можно было выловить), что замечательно воздействует на ваше серое вещество.

— Мистер Дьюрелл, голубчик, — сказала хозяйка, еще крепче сжимая мою руку. — Вы, наверно, *погибаете* от жажды...

— Что ж, — подтвердил я, — недурно было бы выпить немного виски...

— Тс-с-с, — остановила она меня. — Фред может услышать, а он стал решительным противником спиртного с тех пор, как опять женился и записался в новую секту. Только и делает, что говорит о распаляющем действии крепких напитков и обвиняет всех, в том числе меня, во внебрачных связях. Не стану скрывать, *в свое время я была не прочь пококчетничать*, но, уверяю вас, мысль о внебрачных связях никогда не приходила мне в голову. Мистер Дуайт-Хендерсон ни за что не допустил бы ничего такого. Он ставил непорочность превыше всего.

Мысленно я простился с мечтой о стаканчике «Кровавой Мери». Миз Магнолия завела меня в гостиную и быстро подошла к застекленной горке.

— Стаканчик, — сказала она. — Напиток для поднятия духа.

С этими словами она открыла дверцу, и я увидел, увы, одни только початые бутылки кока-колы.

— Что вам пить? — спросила миз Магнолия хриплым шепотом. — Водку, виски, джин?

— Я предпочел бы виски, — озадаченно ответил я. Она повела пальцем вдоль бутылочек, наконец взяла одну, понюхала, наполнила почти доверху стаканчик, добавила лед и немного сока, затем протянула мне.

— Самый лучший сорт кока-колы, — сообщила она, улыбаясь. — И Фреду нет причин огорчаться.

Напиток был великолепен.

Я поднялся наверх, принял душ, переоделся и вышел в коридор, чтобы спуститься вниз, где меня ожидало чаепитие миз Магнолии.

В это время открылась одна из соседних дверей и показался страшный,

как мертвец, высокий мужчина в черном бархатном халате с красным кантом, с панамой на голове.

— Сэр, — обратился он ко мне, — что нового слышно?

— Вы о чем?

— О войне, сэр, о войне. Помяните мои слова — плохо будет южанам, если они победят, — сказал он, после чего вернулся в свою комнату и закрыл дверь.

Я зашагал вниз по лестнице, слегка озадаченный.

— О, дорогой мой, замечательный человек! — Я с ходу попал в шуршащие тонкой материей хрупкие объятия миз Магнолии, благоухающей какими-то умопомрачительными духами. — Я так счастлива видеть вас у себя, — продолжала она. — И я не сомневаюсь — вы тоже будете счастливы познакомиться с моими самыми близкими и дорогими подругами.

Подруги входили попарно, как, если верить преданию, на борт Ноева ковчега поднимались звери. Миз Магнолия представляла их мне с пафосом шпирехшталмейстера:

— Знакомьтесь — миз Флоренс Фарзер Коз. Из тех, именитых Фарзер Козов.

Глядя на собранных вместе подруг, я чувствовал себя так, будто передо мной была ожившая цветочная клумба, говорящая на неведомом языке.

— А это — Календула Наста.

Я важно поклонился.

— Миз Меланхоли Делайт.

Я сразу проникся симпатией к мисс Меланхоли Делайт. Она смахивала на бульдога, пропущенного по ошибке через гладильную машину, тем не менее мне было ясно, что женщина, обреченная всю жизнь носить имя Меланхоли Делайт, вправе рассчитывать на мою мужскую поддержку.

Волшебная коллекция... Хрупкие, точно изделия, извлеченные археологом из какой-нибудь египетской гробницы, они чирикали по-птичьи, рисуясь, словно девушки на первом балу. Правда, как только первое волнение от встречи с вторгшимся в их жизнь важным лицом прошло, мысли и чувства дам вернулись в привычную наезженную колею.

— Вы слышали про Грэй-эма? — спросила одна. Остальные наклонились, будто стервятники, готовые наброситься на добычу, оставляемую львом.

— А что с ним? — жадно осведомились подруги.

— Ну как же — Грэй-эм бежал вместе с Пэтси Донахью.

— Не может быть!

— Точно.

— Не может быть!

— Бежал, я говорю, и бросил эту прелестную Хильду с тремя детьми.

— Это та Хильда, что носила фамилию Уотсон до замужества?

— Ну да, однако эти Уотсоны — сбродная компания. Дед Хильды, старик Уотсон, женился на этой Фергюсонихе.

— Ты говоришь про тех Фергюсонов, что жили где-то по соседству с Мад-Айленд?

— Да нет же, эти Фергюсоны из Восточного Мемфиса. Их бабка носила фамилию Скотт до замужества с мистером Фергюсоном, а тетка состояла в родстве с Теллимэрами.

— Это не тот старик Теллимэр, что покончил с собой?

— Нет, то был его двоюродный брат Артур, колченогий. Это было в тысяча девятьсот четырнадцатом году.

Казалось, я присутствую при одновременном чтении вслух «Готского альманаха», «Справочника дворянства» и Книги записей актов гражданского состояния. Эти старушечки готовы были с рвением ищек проследить происхождение любой их жертвы до пятого колена и еще раньше. Грэй-эм и его прегрешения вместе с Пэтси утонули в генеалогическом месиве, столь же запутанном, как добрая порция спагетти.

— А я говорю про двоюродного брата Теллимэра — Альберта, который был женат на Ненси Хендерсон, которая развелась с ним, потому что он поджег себя, — уточнила миз Меланхоли Делайт.

Подруги хладнокровно восприняли эту поразительную информацию.

— Ненси — это не та из двойняшек Хендерсон, у которой были рыжие волосы и противные веснушки?

— Она самая, и их двоюродная сестра вышла замуж за Бревертона, а потом застрелила его, — сказала миз Календула.

— Да уж, хороша семейка, — отозвалась миз Магнолия. — Схожу-ка я за чаем.

Тут же она вернулась, неся большой серебряный поднос, на котором стояли огромный серебряный чайник, изящные фарфоровые чашки и две серебряные вазочки — одна с кубиками льда, другая с нарезанным лимоном.

— Нет ничего лучше чая в такой жаркий день, — объявила миз Магнолия, кладя в чашку лимон и лед и передавая мне.

Я взял чашку, недоумевая, почему все леди выжидательно глядят на меня. Поднес чашку к губам, сделал глоток и подавился. Вместо чая в чашке было кукурузное виски.

— Ну как? — осведомилась миз Магнолия.

— Превосходно, — ответил я. — Полагаю, не Фред заваривал этот чай?

— Разумеется, нет, — улынулась миз Магнолия. — Я всегда делаю это сама. Меньше хлопот, понимаете ли.

— Мой папочка всегда говорил мне, что чай полезен для плоти, — выдала Календула несколько загадочную реплику.

— Коротышка миз Лилибат — помните? Та, что была замужем за Хьюбертом Крамбом, из тех Крамбов, уроженцев Миссисипи, которые породнились с Остлерами, — сказала миз Меланхоли. — Так вот, она всегда умывала лицо чаем со льдом, и оно было у нее румяное, как персик.

— Миз Руби Макинтош — из тех шотландских Макинтошей, что приехали сюда из Шотландии и породнились с Макиннонами, и этот старик Макиннон был такой зверь, что загнал свою жену в могилу, она была дочерью Тендерсона, женатого на одной из миннесотских Аутгрэбов, — так вот, миз Руби всегда говорила, что для кожи лучше всего сливки и ореховое масло, — сообщила миз Календула.

— Это не те Макинтоши, что состояли в родстве с Куинсерами? — заинтересовалась миз Магнолия.

— Верно, дядюшка миз Руби женился на одной из Куинсеров, той, у которой были отвислые груди и фигура, похожая на мешок с картофелем, — заметила миз Меланхоли.

Я решил прервать их генеалогические грезы.

— Миз Меланхоли, — сказал я, — у вас такое очаровательное имя. Каким образом вы его получили?

Она озадаченно воззрилась на меня:

— При крещении...

— Но кто выбрал это имя?

— Мой отец. Понимаете, он мечтал о сыне.

Пары виски и лоскутное одеяло имен и фамилий скрасили нам еще один час. Наконец дамы, слегка пошатываясь, встали, чтобы отправиться по домам.

— Ну, так, — сказала миз Магнолия после суетливых поцелуев и взглядов «рада была познакомиться». — Теперь я поднимусь, проверю, как там ваша комната.

— Но она в полном порядке, — возразил я. — Все великолепно.

— Я предпочитаю сама все проверять, — грозно молвила миз Магнолия. — После того как Фреду пошел девяностый год, он уже не так внимателен.

— Девяностый год? — Я не поверил своим ушам.

Д

— Точно, — сказала миз Магнолия, поднимаясь по лестнице. — Двадцать второго декабря ему стукнет девяносто.

Прежде чем я успел отреагировать на это известие, наверху показался джентльмен в бархатном халате; одна рука его сжимала большую и весьма острую на вид саблю.

— Они подожгли Атланту! — крикнул он.

— Господи, — выдохнула миз Магнолия, — опять он смотрел этот проклятый фильм «Унесенные ветром». И зачем только кузен Катберт подарил ему эту кассету на Рождество?

— Они в любую минуту могут оказаться здесь! — кричал джентльмен с саблей.

— Позвольте представить вам двоюродного дедушку Рочестера, — сказала миз Магнолия.

— Ты успела зарыть серебро? — спросил двоюродный дедушка Рочестер. — У нас мало времени.

Я вспомнил, что во время войны Севера против Юга южане почти все свободное время тратили на то, чтобы зарывать в землю фамильное серебро, спасая его от проклятых янки.

— Да-да, голубчик, успела, не волнуйся, серебро зарыто, — успокоила миз Магнолия джентльмена с саблей.

— Они в любую минуту могут оказаться здесь, — повторил двоюродный дедушка Рочестер. — Мы будем обороняться до последнего человека.

— У тебя нет никаких причин для тревоги, — сказала миз Магнолия. — Генерал Джексон лично заверил меня, что они не собираются захватывать Мемфис.

— Джексон? — презрительно молвил двоюродный дедушка Рочестер. — Ему я не поверю, даже если он назовет меня Линкольном.

Мне показалось, что это замечание несколько запутывает вопрос.

— Но так он сказал *мне*, — повторила миз Магнолия. — А уж мне-то ты веришь?

— Ты не называла меня Линкольном, — проницательно заметил двоюродный дедушка Рочестер.

После чего, к моему ужасу, подкинув саблю в воздухе, ловко поймал ее за острый конец и протянул мне эфесом вперед.

— Вы дежурите в первую смену, — распорядился он. — Разбудите меня в полночь или раньше, если понадобится.

— Можете положиться на меня, сэр, — заверил я.

— Будем биться до последнего, — важно возвестил он, прошагал к себе и захлопнул дверь.

— Сейчас посмотрим на вашу комнату, — весело сказала миз Магно-

лия. — На вашем месте я засунула бы эту противную саблю под кровать. Иной раз кошки поднимают страшный шум в саду, будет чем бросить в них.

Миз Магнолия тщательно обследовала мои апартаменты и осталась довольна.

— А теперь, — сообщила миз Магнолия, — отправлюсь проверить зал.

— Зал? — спросил я озадаченно.

— Ну да, зал, где вы будете выступать. А то, если я не проверю, что-нибудь непременно не заладится. Помню случай, у одного лектора все слайды вверх ногами показывали. Странное было выступление.

— Я предпочел бы, если можно, избежать таких вещей.

— Вы посидите пока спокойненько в гостиной, выпейте кока-колы, я живо обернусь.

И я расположился в гостиной с местной газетой и стаканчиком виски со льдом. Неожиданно на лестнице появилась круглая маленькая старушка с ярко-голубыми глазами, одетая в просторный зеленый халат, прожженный сигаретами во многих местах так, что он казался кружевным. Старушка спускалась по ступенькам, напевая себе под нос. Я встал, и она испуганно вскрикнула, увидев меня.

— Господи помилуй! — пропищала старушка, прижимая ладони к пышной груди.

— Простите, если я напугал вас. Моя фамилия Даррелл, меня пригласили остановиться в этом доме, — поспешил я представиться.

— А, вы тот англичанин, что приехал читать нам лекцию, — отозвалась она с улыбкой. — Очень рада познакомиться. Я — двоюродная бабушка Доринда.

— И я очень рад.

— Я за кока-колой пришла. — Старушка проплыла к горке, обнюхала все бутылки и выбрала одну. — Возьму с собой, — сообщила она. — Весьма сожалею, что моего супруга, мистера Рочестера, нет сейчас здесь, он ушел воевать — страшно беспокойное занятие. Как только победит, вернется сюда. Правда, я не уверена, сколько продлится эта война. Вообще плохо разбираюсь во всех этих мужских занятиях, но им они доставляют удовольствие, а это главное — вы согласны?

— Конечно, мадам, конечно, — ответил я.

— Но он сюда вернется, как я уже сказала. Правда, не уверена, когда точно. Похоже, некоторые войны длятся дольше, чем другие, — неуверенно произнесла двоюродная бабушка Доринда.

— Я тоже склонен так считать.

— Ладно, чувствуйте себя как дома. — И, одарив меня робкой улыбкой, она двинулась вверх по лестнице, сжимая в руках выбранную бутылку.

Д

Испытав легкое потрясение от этого знакомства, я налил себе еще виски и, не найдя в холодильнике льда, направился в поисках Фреда в задние апартаменты, где и застал его на кухне. Надев зеленый суконный передник, он сидел перед столом, на котором высилась такая груда серебра, что сам капитан Кидд закатил бы глаза при виде ее.

— Сижу вот, чищу серебро, — известил меня Фред без нужды.

— Вижу, — сказал я. — Могу я попросить немного льда?

— Конечно, сэр. Нет ничего хуже теплой кока-колы.

Он достал несколько кубиков льда и опустил в мой стакан.

— Так-то, сэр, хорошо жить в доме, где не держат крепких напитков. Эти напитки распалют человека.

Взяв со стола серебряную чашу, в которой можно было бы искупать младенца, он принялся ее полировать.

Я незаметно потягивал свое виски.

— Да вы садитесь, сэр. — Фред пододвинул мне стул. — Садитесь, отдохните.

— Спасибо. — Я опустился на стул, моля небо, чтобы запах спиртного не достиг ноздрей Фреда.

— Вы верующий? — спросил он, полируя и без того сверкающее серебро.

— Англиканская церковь, — ответил я.

— Я верно понял? Это, стало быть, в Англии, да?

— Да, — подтвердил я.

— Где-нибудь недалеко от папы римского?

— Да нет, на порядочном расстоянии.

— Этот папа все время целует землю, — заметил Фред, качая головой. — Удивляюсь, как он не заболит при этом.

— Такой обычай у пап, — объяснил я.

— *Дурной* обычай, — твердо молвил Фред. — Там же грязно. Откуда ему знать, кто там побывал до него.

Он принялся обрабатывать поднос, на котором вполне могла бы поместиться голова Иоанна Крестителя.

— А я вот не был верующим, пока мою душу не спасла Чэрити.

— Чэрити? — озадаченно повторил я за ним.

— Моя третья жена, — пояснил Фред. — Она привела меня в секту, и я был спасен. Мне там все растолковали. Все зло в мире исходит от одной женщины.

— Это от кого же? — спросил я; хоть бы не назвал миз Магнолию.

— От Евы, вот от кого. Это она избрела крепкие напитки и сотворила блуд.

— Как же она могла изобрести крепкие напитки? — поинтересовался я, уверенный, что этот факт говорит скорее в пользу Евы, чем против нее.

— Яблоки, — сказал Фред. — На этом древе познания росли яблоки, и где яблоки, там и до сидра недалеко. Наверно, она спьяну натворила такие дела.

— Это какие же? — спросил я в полном недоумении.

— У нее совсем ум за разум зашел от пьянства, — убежденно произнес Фред. — Какая женщина в здравом уме станет разговаривать со змеем? Нормальная женщина сразу побежала бы к телефону звонить в полицию и пожарным.

На мгновение я отчетливо представил себе сады Эдема и древо познания добра и зла, окруженное ярко-красными пожарными машинами и цепочкой полицейских.

— И она же виновата в современной перенаселенности, да-да, сэр.

— Но у Евы было мало детей, — возразил я.

— А как они себя повели? Блуд, простите за выражение, внебрачные связи налево и направо. Всякому здравомыслящему человеку понятно, что такое поведение и привело к перенаселенности. Да-да, блуд и сидр — вот за что господь изгнал их.

Должен признаться, его слова заставили меня совсем по-новому взглянуть на грехопадение Адама и Евы.

— Существой в то время запрет на спиртное, все могло бы пойти иначе, — продолжал Фред. — Но даже сам господь не может все предусмотреть.

— Пожалуй, — задумчиво произнес я.

К сожалению, наши с Фредом богословские изыскания были прерваны появлением миз Магнолии; ворвавшись на кухню, она доложила, что зал находится в абсолютном, совершенном, безупречном порядке и через час меня там будут ждать сливки мемфисского общества.

— Вы успеете еще выпить стаканчик кока-колы, — добавила она, понизив голос.

Хотя мне казалось, что с момента прибытия в Мемфис я только и делаю, что в огромных количествах поглощаю сатанинский напиток, все же я совершил еще одно бодрящее возлияние перед выходом на сцену.

Моя лекция пользовалась бешеным успехом. Боюсь, не столько по причине захватывающего содержания, сколько из-за моего аксента.

— У вас, право, совсем необычный акцент, — заявил мне после лекции крупный краснолицый мужчина с седыми бакенбардами. — Честное слово, сэр, совсем необычный. Понимаете, прямо дрожь пробирает — как от этого парня, как бишь его — Уильяма Шекспира.

— Спасибо, — ответил я.

Д — Вы не подумывали о том, чтобы перебраться к нам на Юг и стать американцем? С таким аксе-центом мы были бы рады видеть вас у себя.

Я сказал, что благодарен за приглашение и непременно подумаю об этом.

На другое утро, страдая, увы, от похмелья, вызванного потворством южному гостеприимству, я не слишком твердой походкой спустился вниз к завтраку и застал все семейство в полном составе за сверкающим от полировки столом, по которому горными ручьями растеклось серебро. Прислуживал Фред.

— О, — сказала двоюродная бабушка Доринда, — познакомьтесь — мой муж, мистер Рочестер.

— Мы уже познакомились, Доринда, — отозвался двоюродный дедушка Рочестер. — Вчера вечером этот доблестный джентльмен помог мне отбить атаку мятежных орд янки.

— Я очень рада за вас обоих, — ответила двоюродная бабушка Доринда. — Это прекрасно, когда людей объединяет что-то.

— Как вам спалось? — справилась миз Магнолия, не обращая на них внимания.

— Отлично, — сказал я, вкушая поданный Фредом скромный южный завтрак: шесть кусков хрустящего, благоухающего, как осенние листья, жареного бекона, яичница из четырех яиц с подобными утреннему солнцу желтками, восемь купающихся в масле гренков и столовая ложка поблескивающего лимонного джема.

— Пойду послушаю последние известия, — сообщил двоюродный дедушка Рочестер, вставая из-за стола и запахивая полы своего халата.

— Ты спустишься к ленчу или будешь дальше воевать? — осведомилась двоюродная бабушка Доринда.

— Мадам, войну нельзя ускорить, — сурово заметил двоюродный дедушка Рочестер.

— Конечно, конечно, понимаю, — сказала двоюродная бабушка Доринда. — Я просто хотела знать — как насчет мороженого?

— Меня занимают вещи поважнее мороженого, женщина, — ответил двоюродный дедушка Рочестер. — А какое мороженое — ванильное или земляничное?

— Земляничное, — сказала двоюродная бабушка Доринда.

— Тогда мне два шарика и кекс с орехами, — заключил двоюродный дедушка Рочестер и покинул нас, а двоюродная бабушка Доринда направилась на кухню.

— Нет, это просто что-то невообразимое, — заметила миз Магнолия,

просматривая местную газету. — Теперь они вздумали сделать ниггера мэром.

Я тревожно посмотрел на дверь, за которой скрылся Фред.

— Хотите знать мое мнение — так нами управляют белая шваль и ниггеры, честное слово, белая шваль и ниггеры, — сказала миз Магнолия, потягивая кофе.

— Простите, миз Магнолия, учитывая, как чувствительны теперь чернокожие, следует ли говорить так при Фреде? — спросил я.

— Как именно? — Она удивленно воззрилась на меня своими огромными голубыми глазами.

— Ну, называть их ниггерами и все такое прочее.

— Но Фред никакой не ниггер, — негодуяще произнесла миз Магнолия.

«Уж не дальтоник ли она?» — подумалось мне.

— Никакой не ниггер, — продолжала она. — Мой прадед купил его деда еще в пятидесятых годах прошлого столетия. Мы до сих пор храним расписку. Фред родился здесь. Фред вовсе не ниггер. Фред член семьи.

Я окончательно отказался от попыток понять ход мыслей жителей южных штатов.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ОТСТАВКА

В моих путешествиях мне доводилось сталкиваться со многими печальными и горестными случаями, но одно из множества событий оставило особенно глубокий след и вызывает скорбь всякий раз, когда я думаю о нем.

...Он был совсем маленького роста, и веса в нем было не больше, чем в покинутом родителями четырнадцатилетнем мальчишке. Кости казались такими же тонкими и хрупкими, как трубки древних глиняных флейт. Голова странной формы на худой шее напоминала опрокинутую греческую амфору. На ней выделялись подернутые влагой огромные глаза, размерами и формой похожие на глаза оленухи, изящный точеный нос, словно птичье крыло, и добрый красивый рот. Большие уши, точно вырезанные из тонкого пергамента, заострились кверху, как у эльфа. Родом из Скандинавии, он был капитаном торгового судна, на котором мы плыли из Австралии в Европу.

Д

В ту далекую дивную пору вполне можно было не спеша странствовать на таких судах до полутора месяцев в обществе еще десятка пассажиров. На этих маршрутах не было лайнеров типа «Куин Элизабет II», вы плыли точно на собственной яхте. Правда, были и свои изъязны: от вас не зависел выбор попутчиков. Все же среди десяти человек по меньшей мере двое оказывались более или менее приличными людьми, с коими можно было завести дружбу, не боясь обидеть остальных своим невниманием.

На сей раз я был единственным пассажиром мужского пола. Все остальные — возбужденно щебечущие пожилые австралийские леди, для которых это было первое в жизни морское путешествие, первый случай посетить Европу и первая возможность увидеть родину предков — Англию, обиталище королевы. Разумеется, все было для них так ново, так захватывающе интересно, что восторгам не было конца. И какоты чудесные, и койки удобные, и в душе всегда есть вода, и в салоне подают крепкие напитки, и обеденный стол такой большой, тщательно отполированный, и кормят замечательно. Точно дети на первом в жизни пикнике... Смотреть, как они радуются, было сплошное удовольствие. Но главным источником их радости, несомненно, был капитан парохода. С первого взгляда они прониклись к нему глубокой, серьезной, вечной любовью. В свою очередь капитан был сама забота и очарование. Он останавливался у каждого шезлонга на палубе, чтобы осведомиться, понравился ли нежащейся на солнце пассажирке завтрак, не был ли слишком горячим бульон (подаваемый ровно в одиннадцать); в салоне он лично следил за приготовлением тошнотворного напитка, именуемого коктейль «мартини». По его команде матросы спешили вызвать дам на палубу, чтобы они полюбовались летучими рыбками, фонтанирующим в отдалении китом, альбатросом, парящим на широко расправленных крыльях за нашей кормой, как будто его кто-то привязал к ней невидимой струной. Капитан приглашал пассажиров пройти на нос парохода (в сопровождении матросов, следящих, чтобы никто не упал за борт) и посмотреть, как дельфины сопровождают судно, иногда стремглав уносясь вперед и стрелой взлетая в воздух над водой. Он спускался с ними в машинное отделение, сверкающее такой чистотой, что можно было, как говорится, есть с пола, как с тарелки, и рассказывал о внутренних органах корабля. Поднимался с дамами на мостик, откуда управлялся пароход, и объяснял, как радар позволяет ночью расходиться на безопасном расстоянии с другими судами, избегая страшных катастроф. Показывал камбуз и морозильник, где хранились продукты и готовились блюда для их стола, и с каждым новым открытием дамы проникались все более пламенной любовью к капитану, а этот милейший скромный человек

старался придумывать для них все новые сюрпризы, как фокусник поражает публику своими чудесами.

— У нашего капитана золотое сердце, — заявила мне за утранным бульоном вечно потеющая тучная миссис Фарзингэйл. — Чистое золото. Будь мой муж хоть немного похож на него, наше супружество могло бы дольше продлиться.

Не имея чести быть знакомым с почтенным мистером Фарзингэйлом, я воздержался от комментариев.

— Наш капитан — самый приятный мужчина, кого я когда-либо знала, сама доброта и учтивость, иностранец — а такой воспитанный, — сказала мисс Лэндлок, и глаза ее наполнились слезами, которые грозили вот-вот скатиться по щекам в стаканчик «мартини» (уже второй) в ее руке. — И он счастлив в своем браке, мне говорил об этом старший помощник.

— Не сомневаюсь, — отозвался я. Она скорбно вздохнула:

— Как и все хорошие люди.

— Что верно, то верно, — вступила в разговор миссис Фортезкью, прикладываясь к третьему стаканчику джина. — Приличных неженатых мужиков с огнем не сыщешь. Как только я увидела нашего капитана, сразу сказала себе — вот приличный мужик, не станет с кем попало флиртовать, хоть и моряк.

— Наш капитан вообще не способен флиртовать, — возмутилась мисс Вудбай. — Он настоящий джентльмен.

— Поймай его жена на флирте с кем-нибудь, она бы лопнула от злости, — сказала мисс Лэндлок.

Путешествие было долгим, заняться на пароходе особенно нечем, а потому мне приходилось каждый день выслушивать бесконечные рассуждения о характере капитана, восхваление его достоинств и соображения о том, какой подарок ему купить в первом же (и единственном) нашем порте захода. Дамы с великим нетерпением ожидали этого дня, и не столько даже ради возможности сойти на берег, сколько для того, чтобы осчастливить подарком своего героя. После длительных споров решили купить ему свитер. Не зная точно, сколько может стоить сей предмет одежды, дамы постановили, что каждая внесет по два фунта, а я — согласитесь, весьма благородно — вызвался покрыть разницу, в какой бы сумме она ни выразилась. После того как была благополучно разрешена эта каверзная проблема, разгорелся спор о цвете свитера. Белый — непрактичен, красный — чересчур кричащий, коричневый слишком мрачен, зеленый не пойдет к его глазам... Казалось, этому не будет конца. Видя, что дамы вот-вот щепятся друг дружке в волосы, я объявил, что, набив руку на ловле диких зверей в джунглях, как-нибудь сумею выведать у капитана, какой цвет он

Длюбит. Когда же я вернулся из похода с неожиданным известием, что капитан любит цвет овсянки, дамы смиренно восприняли эту новость, хоть и были разочарованы. Очередная мировая война была предотвращена.

Настал наконец великий день, когда наше судно зашло в порт. Дамы встали на рассвете, волнуясь, точно дети в рождественское утро. С криками: «Марджери, у тебя найдется для меня булавка?», «Агата, как по-твоему, эти бусы подойдут к моим синим глазам?», «Ты не можешь одолжить мне бюстгальтер, а то у моего порвалась резинка?» — они порхали в одних халатах из каюты в каюту, наконец высыпали на палубу в своих лучших нарядах, включая пестрящие искусственными цветами соломенные шляпки, благоухая духами и пудрой так, что запах можно было услышать за сто метров с наветренной стороны. С сияющими глазами, улыбками до ушей этот оживший цветник расположился на катере и был доставлен на берег, предвкушая великое приключение.

Как ни умоляли и ни уговаривали меня, я предпочел остаться на борту парохода. Разумное решение, ибо меня сильно пугала перспектива (о чем я им, естественно, не сказал) ходить по магазинам в обществе десятка дам, одержимых мечтой приобрести лучший подарок для своего кумира. К тому же я в это время был занят сочинением очередной книги, а потому задумал тихо поработать в своей каюте, заказав на ленч бутерброд и стаканчик спиртного. Увы, моему замыслу не было дано осуществиться. Только я приступил к работе, как в дверь постучали и вошел старший помощник, мужчина лет тридцати, с коротко стриженными золотистыми волосами, одутловатым лицом и лишенными всякого выражения голубыми глазами. Он производил на меня впечатление человека деятельного и вежливого, однако несколько мрачноватого.

— Капитан передает вам привет, — сказал старпом. — Он заметил, что вас не было на катере вместе с дамами. Просил узнать — может быть, вам нездоровится?

— Нет-нет, благодарю, я совершенно здоров. Просто решил остаться на борту и еще поработать.

— Тогда капитан спрашивает, не окажете ли вы ему честь позавтракать вместе с ним?

Приглашение капитана застало меня врасплох, но и отказаться я не мог.

— Скажите капитану, что я буду рад.

— Без четверти час в баре, — сказал старпом и ушел. В назначенное время я вошел в бар; капитан сидел у стойки, на которой лежала кипа каких-то бумаг, держа в руке стаканчик с хересом. Учтиво пожав мне руку, он заказал для меня спиртное и откинулся назад на табурете — этаким эльф, примостившийся на шляпке гриба.

— Как только я увидел, что вы не отправились на берег, — сказал он, — почувствовал, что должен пригласить вас позавтракать со мной вместе. Мне стало не по себе при мысли о том, что вы будете есть в одиночку.

— Вы чрезвычайно любезны, капитан, — отозвался я. — По правде говоря, я предпочел остаться на борту, потому что дамы собрались ходить по магазинам. Занятие не для моих нервов, особенно в обществе десятка леди.

— С одной дамой — и то это тяжелое занятие. Когда моя жена отправляется за покупками, я никогда не сопровождаю ее. Она притащит все домой, чтобы показать мне, а на другой день несет обратно в магазин, чтобы обменять, — сказал капитан. — Но женщины есть женщины, без них тоже не проживешь. Мой брат, который был женат четыре раза, сказал мне однажды: «И почему нельзя было изобрести что-нибудь получше женщин?»

Тут капитан расхохотался так, что едва не упал с табурета. Отсмеявшись и заказав нам еще по стаканчику, он посерьезнел:

— Я как раз хотел посоветоваться с вами насчет наших дам, мистер Даррелл. Вам известно, что через четыре дня мы пересечем экватор — событие, которое положено торжественно отметить. Когда везешь молодых пассажиров, празднование обычно происходит около плавательного бассейна. «Бритье» Нептуном, всякие розыгрыши и прочие потехи, а в заключение участников ритуала сталкивают в бассейн.

Он остановился и глотнул вина.

— Не думаю, чтобы это понравилось нашим дамам, — осторожно заметил я.

Глаза капитана расширились от ужаса.

— Что вы, мистер Даррелл, это совершенно исключено. Нет, нет и нет. Наши леди, скажем так, уже вышли из того возраста, когда предаются таким потехам. Нет, у меня было задумано устроить небольшой банкет. Наш кок умеет отлично готовить, были бы подходящие ингредиенты, и я поручил ему закупить все необходимое — фрукты, свежее мясо и все такое прочее. Разумеется, выпьем шампанского. Как вы думаете, им это понравится?

— Мой дорогой капитан, они будут в восторге, и вы это знаете, — ответил я. — Вы столько сделали, чтобы это путешествие стало для них памятным и счастливым, и вы должны знать, что они без ума от вас.

Капитан смущенно порозовел.

— Более того, — продолжал я, — в их представлении вы просто не способны совершить что-нибудь неподобающее, а потому любое ваше начинание ждет сказочный успех. Единственное, чего вам следует опасать-

Д

ся, — как бы ваша жена не проведала, что в вас влюблены одновременно десять женщин.

Капитан порозовел еще сильнее.

— К счастью, у меня очень умная жена, — сказал он. — Она всегда говорит мне: «Зигфрид, если тебе приглянется другая женщина — ничего страшного, только покажи ее мне, чтобы я могла убить ее раньше, чем вы начнете крутить любовь».

— В высшей степени разумная особа, — заметил я. — Выпьем за ее здоровье!

Мы чокнулись, потом пошли завтракать.

После холодного супа, в коем плавали останки какой-то рыбы, то ли неизвестной науке, то ли забракованной учеными, капитан отложил ложку, вытер салфеткой рот, прокашлялся и наклонился над столом, доверительно обращаясь ко мне:

— Мистер Даррелл, вы такой известный писатель, хотелось бы услышать ваше мнение еще по одному вопросу.

Я подавил стон. Неужели попросит прочесть историю его жизни — этикие «Пятьдесят лет на море» или «Эй, тайфуны!» — и сказать, что я думаю о ней?

— Да, капитан, — покорно произнес я, — в чем дело?

— Мне подумалось, что, кроме банкета, нашим дамам следовало бы преподнести что-нибудь на память о пересечении экватора. Что вы как писатель могли бы сказать вот об этом?

С этими словами он положил на белую скатерть один из тех листов бумаги, которые изучал в баре, что-то вроде старинного пергамента, на каких в Средние века писали всякие указы. На каждом листе изумительным каллиграфическим почерком были выведены название судна, пункт назначения, дата пересечения заветной линии и, наконец, фамилия и имя пассажира, украшенные декоративными завитушками. Настоящее произведение искусства...

— Капитан, — сказал я с восхищением. — Это великолепно. Дамы будут в восторге. Назовите мне имя таланта из вашей команды, который писал эти грамоты!

Капитан снова зарделся.

— Я сам их писал, — скромно молвил он. — В свободное время увлекаюсь каллиграфией.

— Поверьте, эти грамоты просто бесподобны, дамы будут потрясены.

— Я рад. Мне так хотелось, чтобы это мое последнее плавание прошло благополучно.

— Последнее плавание?

— Да, когда мы завершим его, я уйду в отставку.

— Но вы еще так молодо выглядите, — возразил я.

— Благодарю. — Он учтиво наклонил голову. — Но я уже в пенсионном возрасте. С шестнадцати лет плаваю, тем не менее, как ни люблю я море, с радостью изменю образ жизни. Помимо всего прочего, такая жизнь тяжело дается моей жене. Всегда страдают женщины, особенно если нет детей и их гнетет одиночество.

— И где вы собираетесь обосноваться? — спросил я. Капитан заметно оживился:

— В моей стране есть на севере чудесный небольшой залив, а на его берегу — маленький городок Шпицен. Мы с женой уже несколько лет назад купили там дом. Прямо на скалах за городом, над самым заливом. Изумительные виды. Представляете себе: я могу, лежа на кровати, смотреть, как за окном парят чайки! Слышать их крики, шум моря. В плохую погоду ветер ухает вокруг дома, будто филин, волны с грохотом разбиваются о берег. Потрясающе.

— И чем же вы будете заниматься?

Лицо этого эльфа приобрело мечтательное выражение.

— Буду заниматься каллиграфией, — мягко произнес капитан, точно загипнотизированный этой мыслью. — Это увлечение нельзя запускать. Займусь живописью, буду играть на флейте, постараюсь восполнить то, чего была лишена моя жена за годы одиночества. Понимаете, я ни в чем не достиг особенных вершин, разве что напоследок сумею отличиться, но мне нравится пытаться что-то делать, хоть как-то, это приносит удовлетворение.

Я поднял свой стаканчик:

— За ваши счастливые долгие годы в отставке.

Капитан снова ответил старомодным поклоном.

— Благодарю. Надеюсь, ваше пожелание сбудется. Самое главное — отставка принесет радость моей дорогой терпеливой жене, — сказал он с лучистой кроткой улыбкой.

Вернувшись в каюту, чтобы передохнуть, я вскоре был извещен о возвращении наших дам из города перестуком каблучков, хлопаньем дверей и пронзительными возгласами:

— Люсинда, корзинка, которую я купила, красно-зеленая, — у тебя? Слава богу, я уже думала, что забыла ее в такси!

— Мэйбл, зря ты накупила столько фруктов — эти бананы быстро стгниют, совсем как нынешние политики!

Несколько позже мне за коктейлем под большим секретом показали пять свитеров, купленных для капитана. Такое обилие было вызвано тем,

Д

что дамы снова заспорили из-за цветов, когда выяснилось (как и следовало ожидать), что свитеров цвета овсяной муки в продаже не было. Ко мне обратились, чтобы я выбрал лучший, поставив меня в положение, коему не позавидовал бы сам царь Соломон. Спасаясь от подстерегающих меня мин, я объявил, что, по словам капитана, это его последнее плавание. Тотчас салон заполнили протяжные жалобные крики, точно меня окружала стая кукабурр, лишившихся птенцов: «Не может быть?!», «Он такой порядочный малый!», «Такой учтивый и культурный», «Такого иностранца не стыдно и дома принять», «Настоящий джентльмен в подлинном смысле слова, какими я представляю себе настоящих джентльменов». Можно было подумать, что мы обсуждаем возможность снятия с поста Нельсона перед Трафальгарской битвой. Я заказал всем еще по стаканчику и, добившись тишины, произнес, если не ошибаюсь, что-то вроде: «У каждой тучки есть светлая подкладка», подразумевая, что нет худа без добра.

Услышав старую банальную фразу, все успокоились и стали ждать, что я скажу дальше. И я рассказал, что капитан и его супруга поселятся в своем чудесном домике на севере, где весной расстилается пестрый ковер из цветов и звучит божественный хор птичьих голосов. Зимой же там бушуют штормы, молнии расписывают небо белыми зигзагами, раскаты грома звучат так, будто на деревянный пол сбросили миллион картофелин, а волны обрушиваются на берег, точно атакующие сушу армады свинцово-синих львов с белыми гривами. Дамы, затаив дыхание, впитывали все, что выдавало мое буйное воображение. Где человек, задал я риторический вопрос, который в таких условиях сможет выжить без пяти свитеров разных цветов? Там пять свитеров просто необходимы. Дамы были в экстазе. Их коллективная мудрость спасет героя от гипотермии! Как не отметить такое достижение еще одним стаканчиком!

Два дня спустя наш педантичный капитан распорядился отнести в каждую каюту карточки, извещающие печатными буквами, что вечером на борту состоится специальный обед по случаю пересечения линии экватора, чем до крайности возбудил пассажиров. Они лихорадочно обсуждали свои одеяния, доставали одни, браковали другие, стирали, гладили и снова браковали, обнаружив на дне чемодана более подходящий трофей. Косметика выстроилась в некое подобие радуги между каютами. Запах десятка соперничающих друг с другом духов катился по коридору с силой лесного пожара. Крики радости и досады, стоны, выражающие полное отчаяние, и веселые возгласы, отдающиеся в проходах между каютами, напрашивались на сравнение с греющим душу хором птичьих голосов на рассвете. Наконец, промыв и уложив каждый волосок, тщательно подрисовав каждую бровь, придав каждому веку зеленый или голубой оттенок, покрасив губы

в алый цвет, втиснув куда положено каждый бюст и каждые ягодицы, дамы были готовы.

В баре их приветствовали ряды ведерок со льдом и шампанским. Вызванный видом такого изобилия радостное щебетанье было восхитительным.

Затем появился герой дня в белой, как летнее облачко, нарядной форме. В руках он держал большую картонную коробку и, как только смолкло щебетанье поклонниц, извлек из нее для каждой дамы по гардению, для меня — гвоздику. Хорошо, что я не поленился отыскать в чемоданах свой потрепанный смокинг и уговорил стюарда привести его в более или менее приличный вид. Дамы были потрясены. Никто, будь то даже какой-нибудь достойный малый, коих иногда можно встретить в Австралии, в жизни не дарил им гардений. Они жадно нюхали их налево и направо, упиваясь дивным ароматом. Затем бокалы наполнились шампанским и бар огласился девичьим хихиканьем, сопровождаемым обычными жалобами на удаляющиеся в нос пузырьки. Когда иссякли реки шампанского, веселая компания проследовала в салон, где был назначен банкет.

Команда не пожалела сил, чтобы угодить нам. Белую камчатную скатерть украшали свежие цветы; для вина откуда-то были извлечены хрустальные бокалы. На первое подали изысканный паштет, за которым последовал изумительный копченый лосось с приправой из сливок, хрена и укропа. Далее — цыплята в винном соусе с восхитительным овощным гарниром и пышные картофельные пирожки. После цыплят подали сыр и под восторженные возгласы собравшихся внесли огромную шоколадную бомбу. Когда ее разломали и настала очередь кофе, капитан поднялся и произнес речь.

— Уважаемые леди, мистер Даррелл, — начал он, поприветствовав нас коротким старомодным поклоном. — Сегодня у нас особый случай. Я знаю, мистер Даррелл, который много путешествует, не раз пересекал линию экватора. Но знаю также, что присутствующие здесь дамы делают это впервые, для них переход из одной стороны земного шара в другую — важное событие, и мы обязаны его отметить.

Подойдя к длинному столу у стены, он осторожно взял в руки свитки, над коими так поработал, вернулся к нам и положил их на скатерть рядом со своей тарелкой.

— Посему, — продолжал капитан, — я приготовил для каждого из вас документ, удостоверяющий, что вы пересекли экватор и совершили это на моем судне. Надеюсь, грамоты вам понравятся.

Завороженная публика откликнулась на его слова взволнованным бормотанием.

— А теперь, леди, — сказал он, поднимая бокал, — разрешите выпить

Д

за вас, за ваше счастье и здоровье, и сказать вам спасибо за то, что вы сделали таким приятным мое последнее плавание.

Он поднес, улыбаясь, бокал к губам, вдруг тот выпал из его руки, пролил шампанское на скатерть, и капитан упал замертво.

Можете себе представить, *как* мы были ошеломлены. Когда капитан произносил свою маленькую речь, мой взгляд был обращен на его симпатичное лицо, и я увидел, как глаза его внезапно потускнели. Никаких признаков острой боли. О том, что происходит нечто неладное, говорило только пролитое вино и тот факт, что капитан упал как подкошенный на бок прямо к ногам старпома и второго помощника, которые стояли рядом с ним, приготовившись раздавать грамоты. Оба они замерли на месте, точно статуи. Я повернулся к сидящей справа от меня миссис Мэлрепоуз, самой практичной и уравновешенной из всего дамского вывода.

— Уведите всех в бар. Мы окажем помощь капитану.

Она обратила на меня страдальческий взгляд, однако послушалась. Я поспешно обогнул стол. Старпом и второй помощник по-прежнему стояли навытяжку над своим мертвым капитаном, словно в почетном карауле.

— Расстегните ему воротник, — сказал я. Старпом вздрогнул, как будто вдруг проснулся. Шею капитана облекал старомодный крахмальный воротничок с золотой запонкой, которую не сразу удалось расстегнуть. Сосуд на шее не пульсировал, и под хрупкими ребрами ничто не билось. Я выпрямился.

— Он мертв, — сообщил я, что и без того было очевидно.

Старший помощник посмотрел на меня.

— Что нам делать? — спросил он, человек, привыкший исполнять, а не отдавать команды.

— Послушайте, — раздраженно ответил я, — если не ошибаюсь, когда на британском торговом судне умирает капитан, его место занимает старший помощник. Так что теперь вы капитан.

Он уставился на меня пустыми глазами:

— Но что мы должны делать?

— Господи, — рассердился я, — вы капитан, вы скажите *нам*, что делать.

— Что бы вы предложили?

Я вздохнул:

— Во-первых, поднял бы вашего бывшего капитана с пола и отнес его в каюту. Затем раздел бы, обмыл, одел надлежащим образом. После чего связался бы с пароходством и доложил о случившемся. Тем временем я займусь дамами.

— Есть, сэр, — отчеканил старпом, довольный, что нашелся человек, отдающий команды.

— Да, и если будет решено хоронить его в море, постарайтесь сделать это ночью, иначе дамы впадут в черную меланхолию.

— Есть, сэр, — ответил старпом. — Я все устрою.

Я прошел в салон, где меня встретили слезами и вопросами о здоровье кумира.

— Леди, боюсь, у меня дурные новости. Наш любимый капитан покинул нас. Однако...

Меня прервали душераздирающие причитания. Дамы припадали друг к дружке, плача навзрыд. Они были так потрясены, точно умер кто-то из самых близких им людей. Мне доводилось слышать про то, как люди в отчаянии ломают себе руки, теперь я впервые увидел это собственными глазами. Они дали выход горю, совсем как это заведено в Греции, демонстрируя свою беззаветную любовь к капитану. Я подозревал бармена, который явно был огорчен не меньше всех нас.

— Бренди для всех, — шепнул я ему, — да побольше.

Когда в дрожащих руках у каждой дамы появились бокалы, где слез было столько же, сколько бренди, я обратился к ним.

— Леди, — начал я, чувствуя себя, точно Рональд Рейган, вознамерившийся посягнуть на одну из ролей в трагедиях Шекспира, — прошу внимания.

Послушно, словно дети, они обратили ко мне лица с размазанным по щекам зеленым и синим гримом и слипающимися от слез веками.

— Наш любимый капитан ушел из жизни, — продолжал я. — Это был милейший, добрый человек, нам будет страшно его не хватать. А сейчас попрошу вас поднять бокалы и выпить, поминая этого чудесного человека, однако в то же время попрошу вас запомнить три вещи. Во-первых, капитану отнюдь не хотелось бы, чтобы мы страдали, ибо он делал все, чтобы мы были счастливы.

Миссис Мидоусвит громко всхлипнула, но остальные леди зашикали на нее, чему я был только рад.

— Во-вторых, я внимательно наблюдал за ним и могу заверить вас, что он умер, не испытывая никаких мук. Не такой ли смерти мы пожелали бы своим самым дорогим и близким, да и самим себе, когда пробьет этот час?

Я услышал утвердительные возгласы.

— В-третьих, когда все вы отправились на берег, я позавтракал вместе с капитаном, и в разговоре со мной он признался, что благодаря вашему присутствию на борту это его последнее плавание явилось для него особен-

Д

но отрядным и памятным. Более того, он подчеркнул, что затруднился бы ответить, спроси я его, какая из дам пришлась ему больше по душе.

Послышался шепот, выражающий удовлетворение и гордость.

— Итак, выпьем за нашего друга капитана, которого мы никогда не забудем.

— Никогда! — дружно подхватили дамы.

Мы выпили, и я подал бармену знак, чтобы налил еще по одной. Наконец дамы под сильным хмельком, но уже не так истерично настроенные, разбрелись по своим каютам. Я собирался последовать их примеру, когда рядом со мной вдруг возник старпом. Вот уж кого мне сейчас отнюдь не хотелось видеть... Утешая дам, я сам с трудом удерживался от проявления своей скорби.

— Я сделал, как вы сказали, сэр, — сообщил старпом.

— Хорошо, — сухо отозвался я. — Хотя мне не понятно, зачем вы мне докладываете об этом. Теперь вы капитан, черт возьми.

— Да, сэр, и его вдова пожелала, чтобы он был похоронен в своем родном городе.

— Ну и? Доставьте его туда.

— Да, сэр. — Он помолчал, глядя на меня все такими же ничего не выражающими глазами, потом добавил: — Я весьма сожалею о случившемся. Капитан был мне очень симпатичен.

— Мне тоже, — устало произнес я. — Это был милейший, добрый, славный человек, такие теперь не менее редки, чем единорог.

— Чем кто, сэр?

— Неважно. Я пошел спать. Спокойной ночи.

К утру дамы более или менее пришли в себя. Кто-то всхлипывал, кто-то вытирал слезинки, но, превознося многочисленные достоинства капитана, о нем говорили уже в прошедшем времени.

Пароход покрывал милю за милей в голубых пустынных водах (пустынных, если не считать резвящихся, точно школьники после уроков, дельфинов, которые то и дело затевали танцы вокруг нашего судна), и с каждым днем становилось все жарче. Миссис Мидоусвит и миссис Фарзингэйл обгорели на солнце, уснув в своих шезлонгах. У миссис Мэлрепоуз прихватило сердце, пришлось отнести ее в темную каюту и обложить холодными компрессами, в остальном же ничего особенного не происходило. Выросший под небом Греции, я чувствовал себя великолепно, купаясь в солнечных лучах и приобретая загар, способный вызвать зависть у друзей. Однако в конце концов палящий зной и меня загнал в прохладную сумеречную каюту, куда ко мне вскоре наведился бывший старший помощник.

— Извините, что беспокою вас, сэр, — сказал он, — но у меня проблемы с капитаном.

Его слова ошеломили и озадачили меня, ибо я уже привык думать о нем как о капитане.

— Вы хотите сказать — у вас проблемы с вашим бывшим капитаном?

— Да, сэр. — Он неловко переступил с ноги на ногу, потом выпалил: — Он становится неприятным.

Что он такое несет?

— Как это понимать — неприятным? — спросил я. — Он ведь мертв.

Бывший старпом оглянулся по сторонам, как бы удостовераясь, что нас никто не подслушивает.

— Он начинает... как бы это сказать... в общем, он начинает *пахнуть*, — сообщил бывший старпом приглушенным голосом, как будто произнес богохульство.

— Вы хотите сказать, что в *такую* жару по-прежнему держите тело в *каюте*? — с ужасом осведомился я.

— Да, сэр, вы сами сказали, чтобы мы отнесли его туда, — укоризненно ответил он.

— Но помилуйте, в такую жару это ведь нелепо. Почему не перенесли его в морозильную камеру?

Он озадаченно уставился на меня:

— Вы хотите сказать — вместе с продуктами?

— При чем тут продукты — там достаточно много места, уж наверно, можно найти для него свободный уголок?

— Пойду проверю, — сказал бывший старпом и удалился.

Вскоре он опять пришел:

— Я нашел место, сэр, в кладовой для мяса. Поместил его туда.

— Хорошо, — отозвался я, мысленно представив себе жуткую картину: наш милейший капитан лежит на полу под качающимися окороками. — Только, ради бога, чтобы дамы об этом не знали ни в коем случае, понятно?

— Да, сэр, — отчеканил он. — Не узнают.

Наше плавание продолжалось, и если не считать нескольких дней плохой погоды (пустячок, всего лишь умеренная зыбь, которая выпудила дам отсиживаться в каютах, поливаясь одеколоном), все шло вполне гладко. Дамы приободрились и даже стали привыкать к новому капитану, хвалили его и второго помощника за отменные салаты, разноцветное мороженое и превосходные отбивные. Что бы они сказали, спрашивал я себя, если бы узнали, что их кумир покоится в морозной тьме рядом с потребляемыми ими продуктами?... Страшно было подумать, какой катастрофой это могло бы обернуться.

Д

Наступил наш последний вечер в море, завтра — конец путешествию. Дамы полным ходом укладывали свои вещи — трудоемкий процесс, сопровождаемый взволнованными возгласами. Хлопали двери кают, стучали каблучки. «Люсинда, ты нашла зеленое платье, которое я тебе одалживала?», «Мэйбл, ты не могла бы зайти посидеть на моем чемодане? Почему-то эти чемоданы всегда откусывают больше, чем могут прожевать!», «Эдна, дорогая, поверь мне, если ты уложишь эту бутылку на самое дно чемодана, от тебя, когда мы спустимся на берег, будет нести спиртным хуже, чем от отступника общества «Анонимных алкоголиков»!».

Я направился в бар, чтобы пропустить стаканчик перед обедом. Там было почти пусто, только бывший старпом сидел у стойки, потягивая бренди. Глянув на стоящую перед ним бутылку, я убедился, что он не терял времени зря.

— Добрый вечер, — поздоровался я.

Он выпрямился и воззрился на меня. Должно быть, здорово набрался, сказал я себе, хотя по глазам его, как всегда, ничего нельзя было понять.

— Добрый вечер, сэр, — отозвался бывший старпом. Подумав, указал на бутылку: — Присоединяйтесь.

— Благодарю, — ответил я и, поскольку бармена не было видно, сам нашел стакан и налил себе из бутылки нового капитана.

Тишина объяла нас, точно густым туманом. Я выждал минуту-другую, прежде чем развеял этот туман.

— Ну, — весело произнес я, — полагаю, вы рады, что плавание подходит к концу. Сможете немного отдохнуть дома. Вы где живете?

Он поглядел на меня, поглощенный своими мыслями:

— У нас проблемы с капитаном.

Господи, что там еще?.. У меня по спине пробежал холодок.

— Что еще за проблемы?

— Я сам виноват, должен был проследить.

— Что за проблемы? — повторил я.

— Если бы проследил, ничего такого не случилось бы, — сказал он, подливая себе бренди.

— Что не случилось бы?

Он отпил хороший глоток, помолчал, потом ответил:

— Вы помните, как мы забрали капитана из каюты и отнесли... отнесли... отнесли его вниз?..

— Помню.

— Тогда он был еще мягкий, понимаете? Сразу после этого погода испортилась и наших пассажиров укачало. — Он пожал плечами. — Нам-то что, а им было плохо. От этой зыби людей укачивает.

Он сделал еще глоток.

— И от качки капитан стал двигаться.

— Двигаться? — опешил я. — Как это понимать?

— Мы положили его плашмя, но качка стронула его с места, и ноги согнулись в коленях. — Он поднял вверх свою согнутую в колене ногу и хлопал себя по бедру. — Это я виноват. Не проверил. Понимаете, перед тем он был еще тепленький, а тут замерз в такой позе.

Он снова прервался, чтобы глотнуть бренди.

— Плотник сколотил гроб, и сегодня мы спустились вниз, чтобы аккуратно уложить его туда и отправить готовенького вдове.

Меня слегка поташнивало, и я не стал придирается к его выражениям.

— Мы все испробовали, — продолжал бывший старпом. — Буквально все. Я вызвал двух самых сильных матросов, но они не смогли разогнуть его ноги. Невозможно. А ведь его непременно надо было уложить в гроб сегодня вечером. Сами понимаете — оформление документов и все такое прочее. У нас не было времени, чтобы — сами понимаете — разморозить его.

Он щедро плеснул в свой стакан золотистого бренди и проглотил.

— Пришлось ломать ему ноги молотом. — С этими словами он повернулся и вышел, пошатываясь, из бара.

Меня бросило в дрожь, и я налил себе порцию бренди, не уступающую той, с которой управился бывший старпом. Постоял немного, вспоминая капитана — его обаяние, учтивое обхождение с пассажирками, доброту, но главное, его слова о том, как он займется живописью, будет играть на флейте, будет, лежа в постели с любимой женой, смотреть, как за окном их спальни парят чайки. И я сказал себе, что к мысли об отставке следует привыкать постепенно, понемногу, ибо никогда не знаешь, что тебя ждет за углом.

А еще я решил воздержаться от обеда.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

МАМА НА ВЫДАНИЕ

В том году лето на Корфу выдалось отменное. По ночам на темно-синем бархатном небе, казалось, загоралось больше звезд, чем когда-либо раньше, придавая ему сходство с огромным синим лугом, испещренным глянцевыми шляпками крохотных грибов. Луна выглядела вдвое больше обычного; сперва — по мере вращения Земли и появления в ночном небе

Д

нашего спутника — оранжевая, точно танжерин, она затем меняла свой окрас от абрикосового до нарциссово-желтого, чтобы вдруг каким-то чудом стать белой, цвета свадебной фаты, расписывая серебряными кляксами почву между кривыми и сутулыми оливами. Возбужденные красотой и теплом этих ночей, светлячки из всех сил старались перещеголять звезды и выстраивали собственные мерцающие созвездия между деревьями, с которых разносился похожий на печальный перезвон колокольников мелодичный свист сплюшек. На рассвете небо на востоке озарялось кроваво-красной поперечной полосой, проведенной мечом восходящего солнца. Красный цвет сменялся канареечно-желтым, затем сиреневым, и наконец с явлением над горизонтом ослепительного солнца все небо становилось вдруг светлосиним, как лепестки многолетнего льна, а звезды гасли, точно задуваемые свечи после пышного бала.

Я обычно просыпался до того, как верхний край солнечного диска заливал светом наш мир, и пристально обзирал свою комнату с ее содержимым. Комната была просторная, с двумя большими окнами и решетчатыми ставнями, из коих даже самый слабый ветер извлекал мелодичные звуки. Зимой они превращались в настоящий оркестр. Пол был сложен из чисто выскобленных, жалобно скрипящих досок, на которых в одном углу лежали два потертых одеяла и подушка; здесь, храпя и вертясь беспокойным клубком, спали мои псы — Роджер, Виддл и Пьюк. Прочие принадлежности обычной спальни комнаты отсутствовали. Правда, у стены стоял шкаф, предназначенный для моей одежды, однако большую часть его занимали более полезные предметы, вроде маленькой рогатинки для поимки змей, сачков для ловли насекомых, различных сетей для обитателей прудов и канав и тенет покрепче — для морских тварей, а также удочек и трезубцев, которыми было сподручно вытаскивать на поверхность воды пучки водорослей, чтобы легче было извлекать из зеленых лабиринтов всякую живность.

Не обошлось, конечно, и без стола, но он был завален моими записями, книгами, пробирками с разного рода мелюзгой, а в тот день, если мне не изменяет память, на нем лежал еще найденный мной истерзанный еж, чей запах начинал смущать даже мой снисходительный нос. На полках вдоль стен стояли аквариумы, где плавали тритоны и черепашата величинной с грецкий орех, и террариумы, где сидели, будто одетые в зеленый бархат, древесные лягушки, гекконы с такой тонкой кожей на брюшке, что можно было рассмотреть внутренние органы, и богомолы, которые злобно таранились на вас выпуклыми глазами. Председательское место вверху на оконной раме занимал, щуря глаза от яркого солнечного света, Улисс —

сплюшка, смахивающая на статуэтку из пепельно-серого дерева, расписанную черными мальтийскими крестами.

В саду за окном чайка Алеко кричал, требуя рыбы, и отчаянно стрекотали две мои сороки. Решетчатые ставни расписали голый пол зебровыми полосами. Хотя я спал голый и день только-только начинался, под горячей простыней на моем теле уже выступил местами пот. Поднявшись с кровати, я прошлепал к окну, распахнул ставни, и в комнату хлынула волна одуванчиково-желтого света. Собаки потянулись, зевнули, поискали зубами блох и встали, виляя хвостом. Убедившись, что моя ослица Сэлли по-прежнему привязана к стволу миндаля, где я оставил ее накануне, и что ее не похитил какой-нибудь подлый селянин, я стал одеваться. Несложная процедура — влез в шорты, надел футболку, сунул ноги в разношенные сандалии, и можно начинать трудовой день. Первым барьером на моей дистанции был завтрак вместе с родными, когда следовало держаться возможно более смирно на случай, если старший брат Ларри почуял запах ежа. Не следовало родному брату, полагал я, обладать таким острым обонянием.

Завтракали мы в маленьком саду у высланной плитняком и оплетенной лозой веранды. Сад имел весьма старомодный вид: квадратные, круглые, треугольные или звездообразные маленькие клумбы были обложены белым камнем. Посередине каждой из них стояло танжериновое деревце, источавшее в лучах солнца упоительный запах. У подножия деревьев росли незатейливые цветы — незабудки, гвоздики, лаванда, флоксы, левкой, табак и ландыши. Этакая площадь Пиккадилли для местных насекомых, а потому — мое любимое охотничье угодье, ибо тут мне попадалось все — от бабочек до муравьиных львов, от златоглазок до хрущей, от больших жужжащих шмелей до тоненьких ос.

Стол помещался в тени под танжеринами, и вокруг него, расставляя тарелки, ковыляла, тихо постанывая, наша служанка Лугареция. Профессиональный ипохондрик, она постоянно лелеяла семь или восемь недугов, готовая, если вы не были начеку, усладить ваш слух живым и порой муторным описанием того, что творится в недрах ее утробы или как ее варикозные вены вибрируют, точно тамтамы дикарей, ступивших на тропу войны.

В этот день я с удовольствием отметил, что у нас на завтрак омлет. У мамы было заведено варить на медленном огне до полной прозрачности мелко нарезанный лук и затем смешивать с ним снесенные нашими собственными курами яйца с яркими, как солнце, желтками. Однажды моя сестра Марго в филантропическом порыве выпустила кур погулять. Они нашли клочок земли с диким чесноком и поклевали вволю, так что на другое утро наш омлет отличался совершенно необычным вкусом. По мнению

Д

моего брата Лесли, это было все равно что есть обивку с кресел греческого автобуса.

Недурно начинать день с омлета. Я обычно съедал две порции, после чего уписывал четыре-пять тостов, густо намазанных медом из наших собственных ульев. Чтобы меня не сочли обжорой, спешу объяснить, что потребление такого количества тостов с медом было сродни слушанию лекции по естественной истории или участию в археологических раскопках. Ульями заведовал муж Лугареции, щуплый мужчина, по лицу которого можно было подумать, будто он несет на своих плечах непосильное бремя забот; да так оно, собственно, и было, в чем всякий мог убедиться, проведя десять минут в обществе его супруги. Когда он извлекал из наших пяти ульев тщательно припасенный пчелами фураж, они жалили его так нещадно, что ему несколько дней приходилось отлеживаться в постели. И во время пчелиных атак он неизбежно ронял соты на землю, где они становились бесподобными липкими ловушками для снующих поблизости насекомых. Как ни старалась мама процеживать мед, прежде чем подавать на стол, в нем всегда таилась небольшая интересная зоологическая коллекция. А потому намазывать хлеб пахнущим мускусом золотистым лакомством было все равно что плавить янтарь, в коем можно найти все, что угодно, — от крохотных мошек и гусениц до жуков и многоножек. Однажды меня обрадовала находка ухвертки неизвестного мне вида. Словом, завтрак был в биологическом смысле чрезвычайно интересной трапезой. И меня весьма огорчало, что остальные члены семьи совершенно не интересуются зоологией и отнюдь не разделяют моих восторгов по поводу содержавшихся в меде сокровищ.

Именно за завтраком знакомились мы со своей почтой, которая поступала (если вообще поступала) раз в неделю. Я писем не получал, но возмещал этот изъян чтением журнала «Животные и зоопарки» и прочих ученых трудов, повествующих о «Приключениях черной красавицы Ринтинтин» и прочих зоологических героях. Пока мы ели и просвещались, каждый читал избранные места вслух для других членов семейства, коим, естественно, было не до того, чтобы слушать.

— Мэрдок вздумал опубликовать свое жизнеописание, — с презрением в голосе сообщил Ларри. — Как мало надо прожить на свете, чтобы обрушивать свою автобиографию на головы ничего не подозревающей публики! Ему, наверно, нет и двадцати пяти. Можно мне еще чая?

— В одном швейцарском зоопарке у носорогов родился детеныш! — с ликованием докладывал я родным.

— В самом деле, милый? Я рада за них, — отзывалась мама, листая каталог семян.

— Тут сказано, что снова входят в моду рукава с буфами и жесткая отделка кисеи, — объявляла Марго. — Давно пора...

— Конечно, дорогая, — говорила мама. — Уверена, цинии хорошо примутся тут у нас. На клумбе сразу за ульями. Там хватает тепла.

— Бьюсь об заклад, за мою коллекцию кремневых ружей можно выручить целое состояние в Англии. Там платят безумные деньги за всякую дрянь, — просвещал Лесли глухую к его словам аудиторию, листая свой каталог оружия. — На днях я купил тут одно за двадцать драхм — в Англии за него дали бы не один фунт.

Как ни странно, хотя, казалось бы, каждый был поглощен изучением своей почты, вибрирующие щупики все улавливали, бракуя большую часть из того, что говорилось, и превращая нас в негодующее сборище, если кто-то произносил нечто неподобающее. В это утро всех завел Ларри — точнее, он поджег шнур, ведущий к пороховой бочке.

— Ух ты, здорово! — радостно воскликнул он. — Антуан де Вер собрался погостить у нас.

Мама воззрилась на него поверх очков.

— Послушай, Ларри, — сказала она, — мы только что избавились от пачки твоих друзей. Я не желаю принимать новую ораву, это уже чересчур. Просто сил не хватает, и готовить надо на всех, и тут еще Лугареция со своими ногами, и все такое прочее.

Ларри обиженно уставился на маму.

— Я вовсе не прошу тебя жарить для Антуана ноги Лугареции, — заявил он. — Уверен, они вовсе не съедобны, если все, что она про них говорит, правда.

— Ларри, знай меру, — строго заметила Марго.

— Разве я предлагала жарить ноги Лугареции? — разволновалась мама. — Не говоря уже о том, что у нее варикозные вены.

— Уверен, в Новой Гвинее их посчитали бы деликатесом, — продолжал Ларри. — Там вены, наверно, заменяют спагетти. Но Антуан привык к культурной пище, вряд ли он станет их есть, даже если их обваляют в панировочных сухарях.

— Я говорю не про вены Лугареции, — окончательно возмутилась мама.

— Как же, ты первая про них заговорила, — не унимался Ларри. — Я только предложил обвалять их в сухарях, чтобы выглядели более изысканно.

— Ларри, ты выводишь меня из себя, — сказала мама. — И не вздумай говорить людям про ноги Лугареции так, будто речь идет о продуктах из моей кладовой.

Д

— А кто все-таки этот де Вер? — спросил Лесли. — Небось какой-нибудь из этих женоподобных гомиков?

— Ты не знаешь, кто такой де Вер? — поразилась Марго. — Это же великий киноактер! Он снимался в Голливуде. Один раз чуть не снялся вместе с Джейн Харлоу. Сейчас снимается в Англии. У него смуглая кожа... и... и... он смуглый, и он...

— Смуглый? — подсказал Лесли.

— Красивый, — сказала Марго. — Во всяком случае, кое-кому он кажется красивым. Я так не считаю. По-моему, так он слишком стар. Ему, наверно, все тридцать исполнилось. Я бы не увлеклась такой старой кинозвездой, а ты?

— Я бы не увлекся, будь он красив, будь он звезда, будь он стар и будь он мужчина, — твердо произнес Лесли.

— Когда вы двое закончите препариование качеств моего друга... — начал Ларри.

— Только не ссорьтесь, дорогие, — вмешалась мама. — Право, вы, дети, способны ссориться из-за всяких глупостей. Так вот, насчет этого де Бера, или как его там. Ты не мог бы отменить его приезд, Ларри? Такое беспокойное лето выдалось, столько людей к нам приезжают, просто сил нет, и кормить всех надо...

— Ты что — боишься, ноги Лутареции не сгоятся?

Мама поглядела на него со всей свирепостью, на какую только была способна, свирепостью, которая могла бы встревожить разве что еще не оперившегося воробышку.

— Ну хватит, Ларри, оставь в покое вены Лутареции, не то я рассержусь по-настоящему, — сказала она.

Это была ее любимая угроза, и мы никак не могли выяснить для себя, какая разница между просто рассердиться или по-настоящему. Вероятно, в представлении мамы существовало несколько степеней негодования, не меньше, чем цветов в радуге.

— Как бы то ни было, я не могу отменить его приезд, даже если бы захотел, — отозвался Ларри. — Письмо датировано двенадцатым числом, и он, должно быть, давно в пути. Думаю, он прибудет с афинским пароходом на следующей неделе или еще через неделю. Так что на твоём месте я бросил бы эти вены в котел и поставил вариться на медленном огне. Не сомневаюсь, Джерри сможет добавить еще какие-нибудь ингредиенты вроде дохлой жабы. Мой нос говорит мне, что в эту минуту у него в комнате что-то гниет.

Ну вот... Он учуял ежа, а ведь я в своих исследованиях добрался еще

только до легких. Плохо, когда спальня старшего брата находится рядом с нашей.

— Ладно, — сдалась мама, — если он только один, как-нибудь справимся.

— Был только один, когда мы виделись в последний раз, — отозвался мой брат. — Возможно, каким-то чудом на месте одного Антуана возникло двое, близнецы, так сказать, но об этом мы узнаем только по его прибытии. На всякий случай стоит предупредить Лугарецию, чтобы приготовила две постели.

— Ты знаешь, что он предпочитает есть? — спросила мама, явно перебирая в уме разные меню.

— Пищу, — коротко ответил Ларри.

— Нет, ты точно меня рассердишь, — сказала мама.

На время наступила тишина, каждый сосредоточился на своей корреспонденции. На время, которое и на Корфу почему-то не стояло на месте.

— Интересно, как стал бы смотреться страстоцвет на восточной стене? — произнесла мама, отрывая взгляд от своего каталога. — Такие красивые цветы... Я так и вижу всю стену, покрытую этими цветками, а вы?

— Страсть — как раз то, чего нам тут не хватает, — отозвался Ларри. — А то за последнее время наш дом стал похож на монастырь.

— Не вижу, какое отношение страстоцвет имеет к монахам, — возразила мама.

Ларри вздохнул и собрал свои письма.

— Почему бы тебе не выйти снова замуж? — спросил он. — А то совсем что-то завяла, точно перетрудившаяся монашка.

— Ничего подобного, — возмутилась мама.

— Ты становишься похожа на сварливую старую деву, — сказал Ларри. — Так выглядит Лугареция, когда она в ударе. Эти твои стенания насчет страстоцвета — типично фрейдистский симптом. Тебе явно не хватает хорошей любовной встряски. Вышла бы ты замуж снова.

— Что за вздор ты несешь, Ларри! — ошетинилась мама. — Снова выйти замуж! Чушь! Твой отец никогда бы этого не допустил.

— Папы уже скоро двадцать лет нет на свете. Думаю, его возражением можно и пренебречь, верно? Выходи-ка ты замуж по всем правилам закона.

— Ларри, сейчас же прекрати говорить такие вещи при Джерри, — все больше расходилась мама. — Это же просто возмутительно! Как будто ты незаконнорожденный!

— А ты поступаешь жестоко и бездушно. Подавляешь естественные инстинкты твоих детей в угоду собственному эгоизму. Откуда у нас, мальчиков, взяться доброму, здоровому эдипову комплексу без отца, которого

Дмы могли бы ненавидеть? Может ли Марго по-настоящему ненавидеть тебя, если нет отца, в которого она могла бы влюбиться? Ты хочешь, чтобы из нас выросли порочные чудовища. Можем ли мы успешно развиваться, становясь похожими на других людей, без ненавистного и презираемого отчима? Выйти снова замуж — твой материнский долг. Брак сделает тебя женщиной. А то ты чахнешь на глазах, превращаешься в старую брюзгливую распустеху. Вспомни про любовь, пока ты еще в состоянии ковылять вдогонку за представителями противоположного пола, внеси немного веселья в жизнь детей и страсти в свою собственную.

— Ларри, я не намерена сидеть здесь и слушать этот бред. Снова выйти замуж, еще чего не хватало! Да и кого бы ты предложил мне в мужья? — спросила мама, поддавшись на розыгрыш Ларри.

— Ну, ты сама тут на днях расхваливала внешность парня, который стоит за рыбным прилавком в Гарице, — ответил Ларри.

— Ты с ума сошел! — воскликнула мама. — Ему еще и восемнадцати нет.

— Возраст не играет роли, была бы страсть. Говорят, у Екатерины Великой были пятнадцатилетние любовники, когда ей самой перевалило за семьдесят.

— Ларри, остановись, это просто отвратительно. Не говори таких вещей при Джерри. Все, я не желаю больше слушать это словоблудие. Пойду лучше посмотрю, что там делает Лугарация.

— Поверь мне, если выбирать между ней и тем рыботорговцем в Гарице, я предпочел бы смотреть на второго.

Мама удостоила его сердитым взглядом и удалилась на кухню.

Наступила пауза, мы размышляли.

— Знаешь, Ларри, — заговорила наконец Марго, — тут я готова, в виде исключения, согласиться с тобой. В последнее время мама и впрямь стала хандрить. Ходит с каким-то потеряннным видом. По-моему, это нехорошо. Необходимо ее как-то расшевелить.

— Верно, — согласился Лесли. — Лично я считаю, это оттого, что она слишком много общается с Лугарацией. Вот и заразилась.

— Ты хочешь сказать, что варикозные вены — заразная болезнь? — Марго испуганно поглядела на свои ноги.

— Да нет же, — сердито ответил Лесли. — Я говорю про все эти охи да ахи.

— Точно, — подхватил Ларри. — Десять минут в обществе Лугарации — все равно что ночь вместе с Борисом Карлоффом и горбуном из «Собора Парижской богородицы». Сомнения прочь — мы обязаны поду-

мать, как спасти нашу маму для потомства. Что ни говори, под нашим водительством она была на высоте. Уж я постараюсь.

С этим зловещим заявлением он ушел к себе, а все остальные разошлись по своим делам и быстро забыли о прискорбном отсутствии у нашей мамы друга жизни.

Когда мы снова собрались на веранде, опасаясь, что солнце окончательно расплавит нас прежде, чем мама и Лугареция соберутся подать второй завтрак, прибыл Спиро на своем древнем «Додже», нагруженном всякой всячиной для нашей кладовки, от дынь до помидоров, а также свежайшим хлебом, чья корка отставала от булок, как кора от пробкового дерева. Привез он и три завернутые в мешковину огромные прямоугольные глыбы льда для нашего холодильного шкафа, предмета гордости, радости и изобретательности мамы.

Спиро вошел в нашу жизнь, как только мы прибыли на Корфу, в качестве водителя такси и в несколько часов стал нашим гидом, наставником и другом. Его своеобразное владение английским языком, приобретенное во время недолгого пребывания в Чикаго, избавило маму от непосильной задачи овладеть греческим. Его обожание нашей мамы было беспредельным и бескорыстным, — и всем своим поведением он подтверждал повторяемое им явление: «Господи, да иметь я такая мать, я каждое утро стоять перед ней на коленях и целовать ее ноги». Толстенький коротыш с густыми темными бровями, он смотрел на мир типично греческими черными задумчивыми глазами, и загорелое лицо его напрашивалось на сравнение с такой добродушной горгульей. Сейчас он тяжелой походкой поднялся на веранду и затянул литанию, которая нам изрядно надоела, ему же явно доставляла удовольствие.

— Доброе утро, мисси Марго. Доброе утро, мистеры Ларри. Доброе утро, мистеры Лесли. Доброе утро, мистеры Джерри, — говорил он нарраспев, и мы дружно отвечали хором:

— Доброе утро, Спиро.

По завершении этого ритуала Ларри не спеша глотнул анисовки.

— Спиро, у нас проблема, — сознался он. Это было все равно что сказать английскому догу: «Гулять!» Спиро весь подобрался, и глаза его сузились.

— Говорить мне, мистеры Ларри, — отозвался он низким рокошущим голосом; должно быть, такие звуки предшествовали извержению вулкана Кракатау.

— Так вот, — продолжал Ларри, — это касается моей матушки.

Лицо Спиро побагровело, и он сделал шаг вперед.

Д

— В чем дела с вашими матушки? — тревожно спросил он, не скупясь на множественное число.

— Понимаешь, она собирается снова выйти замуж, — сказал Ларри, спокойно закуривая сигарету.

Мы затаили дыхание. Из всех дерзких поступков, какие когда-либо совершал Ларри, этот был самым чудовищным, грозящим непредсказуемыми последствиями.

Спиро окаменел, уставившись на моего брата.

— Ваши матушки хотят *снова* выходить замуж? — недоверчиво прохрипел он. — Сказать мне, кто эти мужчины, мистеры Ларри, и я разделаться с ними. Можете не беспокоиться.

— И как же ты с ним раздасался? — поинтересовался Лесли; обладатель огромной коллекции пистолетов и охотничьих ружей, он предпочитал мыслить категориями убийства и разрушения, а не милосердия и гуманности.

— Как меня учить в Чикаго, — грозно произнес Спиро. — Цементный банмаки.

— Цементные банмаки? — повторила за ним Марго, заключив, что разговор касается новейшей моды. — Это еще что за обувь?

— Понимаете, мисси Марго, вы хватать эти убудок, извините за выражение, и совать его ноги в два ведра с цементом. Когда цемент затвердеть, вывозить его в море на лодке и бросать за борты, — объяснил Спиро.

— Разве можно так поступать! — воскликнула Марго. — Он не сможет плавать. Он утонет.

— Что и требуется, — терпеливо растолковал ей Ларри.

— Какие вы все жестокие, — сказала Марго. — Это отвратительно. Это же убийство, самое настоящее убийство. И вообще, я не желаю, чтобы на моего отчима надевали цементные сапоги или что-нибудь в этом роде. Ведь если он утонет, мы все останемся сиротами.

— Ты забываешь про маму, — заметил Ларри. Глаза Марго расширились от ужаса.

— Пусть только кто-нибудь приблизится с цементом к маме! — воскликнула она. — Предупреждаю: я сразу вызову полицию!

— Бога ради, Марго, замолкни, — сказал Ларри. — Никто не собирался тонить маму. К тому же мы не можем осуществить остроумный маленький эксперимент Спиро за отсутствием кандидата. Понимаешь, Спиро, мама всего лишь выразила пожелание, так сказать, предаться любовным утехам. Но пока не решила, с кем именно.

— Когда она решит, мистеры Ларри, вам дать мне знать, и мы с Теодоракисом надевать на него цементный сапоги, о'кей?

— Но мне казалось, мы хотим помочь маме снова выйти замуж, — заметила Марго. — Если Спиро станет надевать цемент на ноги каждого мужчины, на кого она поглядит, он же будет массовым убийцей вроде Джека Потрошителя, и мы никогда не сможем выдать маму замуж.

— Верно, — согласился Ларри. — Ты, Спиро, просто будь начеку, ладно? Не принимай никаких решительных мер, только держи нас в курсе. А главное — ни слова маме. Она болезненно воспринимает разговоры на этот счет.

— Мои губа на печати, — отозвался Спиро.

На несколько дней мы позабыли об одиночестве мамы, у нас и без того хватало дел. В местных деревнях проходили празднества, в которых мы всегда участвовали. К стволам деревьев привязывались караваны ослов (родственники селян прибывали издалека, некоторые за десять километров). Струющийся между оливами дым благоухал горящим древесным углем, жареной телятиной и отборным чесноком. Вино было красным, точно кровь убиенного дракона, и лилось оно в стаканы с таким мурлыкающим, ласковым и загорабочицким бульканьем, что невозможно было отказаться от добавки. Лихие пляски включали высокие прыжки и хлопанье по ляжкам. На первом же из празднеств Лесли задумал перепрыгнуть через костер, напоминающий чрево Везувия. Он потерпел неудачу и, прежде чем был подхвачен расторопными руками, основательно обжег свою корму. Пришлось ему дня два сидеть на надувной резиновой подушке.

Как раз во время одного такого праздника Ларри вывел из веселящейся толпы маленького человечка в чистейшем белом костюме, с красным с золотом шейным платком и с изысканной панамой на голове. Ботинки на его крошечных ногах переливались блеском, точно надкрылья большого жука.

— Мама, — сказал Ларри, — я привел замечательного человека, который жаждет познакомиться с тобой. Профессор Еврипид Андротеоматокоттопулос.

— Очень рада познакомиться, — нервно вымолвила мама.

— Я счастлив, мадам Даррелл, — сказал профессор, припадая к ее руке холеными усами и бородкой, которые скрывали снежной пеленой нижнюю часть его лица.

— Профессор не только известный гурман, он взыскательный исполнитель кулинарных шедевров.

— Полно, мой мальчик, вы преувеличиваете, — возразил профессор. — Не сомневаюсь, мои скромные опыты на кухне — ничто перед подлинно римскими пирами, на которых, как мне говорили, председательствует ваша матушка.

Мама всегда плохо представляла себе разницу между римским пиром и

Д

римской оргией. В ее представлении это были синонимы, подразумевающие щедро накрытые столы, возле которых полуголые мужчины и женщины между супом и десертом предавались занятиям, для коих лучше подходила спальня.

— А теперь, — сказал профессор, садясь рядом с ней, — могу я просить вас рассказать мне все, что вам известно про местные травы? Это правда, что здесь не используют лаванду?

Использование трав, как отлично знал Ларри, было одной из любимых тем мамы. Видя, что профессор живо интересуется и хорошо разбирается в этом предмете, она охотно включилась в гастрономическую дискуссию.

Позднее, когда был съеден последний кусочек розового мяса в хрустящей корочке, когда была выпита последняя бутылка вина и затоптано пульсирующее сердце каждого костра, мы погрузились гуськом в старый верный «Додж» и поехали домой.

— Мы *так* интересно побеседовали с профессором Андро... Андро... Андро... Господи, и почему только у греков такие трудновыговариваемые фамилии, — сердито сказала мама, после чего поспешила наклониться вперед и тронуть за плечо Спиро. — Разумеется, это я не про вас, Спиро, вы не виноваты, что ваша фамилия Хак... Хаки...

— Хакиопулос, — откликнулся Спиро.

— Вот именно. Но у этого профессора такая длинная фамилия, конца не видно, как у гусеницы. Правда, это все же лучше, чем называться Смитом или Джонсом, — вздохнула мама.

— А в кулинарии он знает толк, несмотря на фамилию? — осведомился Ларри.

— О, мне было страшно интересно, — ответила мама. — Я пригласила его на обед завтра вечером.

— Отлично, — сказал Ларри. — Надеюсь, ты заручилась дуэньей.

— О чем это ты толкуешь? — спросила мама.

— Ну как же, это твое первое свидание, все должно идти по правилам.

— Ларри, что за глупости ты говоришь, — с достоинством произнесла мама, и после этой ее реплики в машине до самого дома царила тишина.

— Ты в самом деле думаешь, что этот человек подходит для мамы? — озабоченно спросила Марго на другой день, пока мама хлопотала на кухне, готовя всякие вкусности для гостя.

— Почему бы нет? — отозвался Ларри.

— Ну, начать с того, что он такой старый. Ему не меньше пятидесяти, — подчеркнула Марго.

— Мужчина в расцвете лет, — небрежно заметил Ларри. — Иные и на девятом десятке обзаводятся детьми.

— Не понимаю, — жалобно сказала Марго, — почему ты ко всему обязательно примешиваешь секс. И вообще, он грек. Она не может выйти замуж за грека.

— Почему? — возразил Ларри. — Гречанки запросто выходят замуж за греков.

— Это совсем не то, — ответила Марго. — Это их личное дело. А мама англичанка.

— Я согласен с Ларри, — неожиданно вступил Лесли. — Он явно состоятельный человек — два дома в Афинах, один на Крите. Что из того, что грек. Тут уж ничего не поделаешь, и ведь мы знаем очень славных греков — возьми хоть Спиро.

— Она не может выйти за Спиро, — горячилась Марго. — Он женат.

— А я и не сказал, чтобы она за него выходила, просто отметил, что он славный грек.

— Все равно, я против смешанных браков, — настаивала на своем Марго. — От таких союзов рождаются дублины.

— Квартероны, — поправил ее Ларри.

— Ладно, как бы они ни назывались, — сказала Марго, — не хочу, чтобы у мамы были такие дети. И не хочу отчима, фамилию которого невозможно выговорить.

— Когда они поженятся, сможешь называть его по имени, — заметил Ларри.

— А какое у него имя? — подозрительно осведомилась Марго.

— Еврипид, — ответил Ларри. — Сокращенно — Рип, если хочешь.

Было бы слишком мягко сказать, что профессор в тот вечер произвел на нас плохое впечатление. Когда стук копыт и звон бубенцов возвестил, что коляска с гостем въехала на ведущую к нашему дому извилистую дорожку среди олив, мы слышали голос профессора прежде, чем увидели его. Он распевал очень красивую греческую песню о любви. К сожалению, ему явно никто не говорил, что он начисто лишен музыкального слуха, а если и говорили, он не поверил. Профессор пел очень громко, возмещая качество звука количеством. Мы вышли на веранду встретить его, и когда коляска остановилась перед крыльцом, тотчас стало очевидно, что наш гость явно перебрал вина. Прямо из коляски он упал на ступеньки крыльца, разбив при этом, увы, три бутылки вина и горшочек с приправой чатни, приготовленной им для дамы. Элегантный светло-серый костюм был спереди весь залит вином, так что профессор больше всего походил на человека, чудом уцелевшего после страшной автомобильной катастрофы.

— Он пьян, — сообщил возница на случай, если мы этого не заметили.

— Надрался, как сапожник, — заметил Лесли.

— Как два сапожника, — поправил его Ларри.

Д — Это ужасно, — сказала Марго. — Мама не может выходить замуж за греческого пьяницу. Папа был бы решительно против.

— Выйти за него замуж? — удивилась мама. — О чем это вы?

— Просто мы подумали, что он внесет немного романтики в твою жизнь, — объяснил Ларри. — Я ведь говорил тебе, что мы нуждаемся в отчине.

— Выйти за *него*! — в ужасе воскликнула мама. — Лучше умереть! Что вы такое говорите, дети?

— Вот видите, — торжествующе заявила Марго. — Я же говорила, что она не пойдет за грека.

Тем временем профессор успел снять забрызганную вином фетровую шляпу, поклониться маме и уснуть, лежа на ступеньках крыльца.

— Ларри, Лесли, вы безобразно себя ведете, — сказала мама. — Поднимите этого пьяного дурня, положите обратно в коляску и скажите кучеру — пусть везет его туда, где подобрал. И чтобы я больше его не видела.

— Где твое романтическое чувство? — воззвал Ларри. — Как мы можем снова выдать тебя замуж, если ты будешь вести себя так недружелюбно? Малый всего лишь выпил стаканчик-другой.

— И чтобы я больше не слышала эти дурацкие разговоры о моем новом замужестве, — твердо произнесла мама. — Я сама скажу вам, когда и за кого пожелаю снова выйти замуж, если вообще пожелаю.

— Мы только пытались помочь тебе, — обиженно сказал Лесли.

— Пока что помогите мне избавиться от вида этого пьяного идиота, — ответила мама и зашагала обратно в дом.

Обед в тот вечер был отмененный; знал бы профессор, что потерял! Правда, застольная беседа текла довольно вяло.

На другой день мы отправились купаться, предоставив уже не так воинственно настроенной маме бродить по саду с ее каталогом семян. Вода в море была такая теплая, что освежиться можно было, только отплыв подальше от берега и нырнув на глубину полутора-двух метров. Искушавшись, мы простерлись на земле под оливами; соленая вода, высыхая, разрисовывала кожу нежными белыми узорами.

— Знаете, — заговорила Марго. — Я тут подумала...

Ларри недоверчиво поглядел на нее:

— В самом деле?

— Я подумала, что мы просчитались с профессором. Он не подходит маме.

— Да ведь я только дурачился, — лениво протянул Ларри. — Я вовсе

не хочу, чтобы она снова выходила замуж, просто мне показалось, что она сама так настроена.

— Хочешь сказать, что это была *мамина* идея? — озадаченно произнес Лесли.

— Конечно. Когда женщина в ее возрасте принимается всюду сажать страстоцвет, сразу все ясно, разве нет? — сказал Ларри.

— Но ты только представь себе, что было бы, выйди она замуж за этого профессора! — воскликнула Марго.

— А что было бы? — подозрительно осведомился Лесли.

— Так ведь ей пришлось бы ехать с ним жить в Афины, — ответила Марго.

— Ну и что?

— А кто бы тогда готовил для нас? Лугареция?

— Не дай бог! — горячо произнес Ларри.

— Помните ее суп из каракатиц? — спросил Лесли.

— Прошу тебя, не напоминай, — взмолилась Марго. — Все эти глаза, которые плавали там, укоризненно глядя на нас, — уф!..

— Почему бы нам тоже не поехать в Афины и не жить там вместе с ней и этим Эрисиполусом, или как его там? — предположил Лесли.

— Не думаю, чтобы ему на склоне лет понравилось заполучить четвертку чужих детей, — сказал Ларри.

— В общем, по-моему, мы обязаны как-то отвлечь маму от мыслей о замужестве, — заключила Марго.

— Уж очень она настроена, — возразил Ларри.

— Значит, надо ее перестроить, — сказала Марго. — Будем следить, чтобы соблюдала нормы приличия, не давать ей слишком часто встречаться с мужчинами. Будем за ней присматривать.

— Так ведь она вроде ничего такого не делает, — неуверенно заметил Лесли.

— Только ходит и сажает страстоцвет, — заметил Ларри.

— *Вот именно*, — подхватила Марго. — Мы обязаны присматривать за ней. Помните, без дыма нет огня.

Памятуя все это, мы разошлись по своим делам: Ларри — что-то писать, Марго — соображать, что делать с семнадцатью метрами красного бархата, купленного ею по дешевке, Лесли — смазывать свои ружья и делать патроны, я — искать супруга для одной из жаб, ибо брачные дела моих животных были для меня куда важнее маминих проблем.

Три дня спустя (я только что, разгоряченный, потный и голодный, пришел домой после неудачной охоты на пятнистых змей среди холмов) к нашей вилле подъехал «Додж», на котором Спиро доставил Антуана де

Д

Вера — в черном плаще с алым подбоем, костюме из голубого вельвета, с огромным сомбреро на голове. Сступив на землю, де Вер закрыл глаза, воздел руки к небесам, пропел густым басом: «О! Сиятельная Греция!» — и сделал глубокий вдох. После чего широким жестом снял сомбреро, посмотрел на меня, растрепанного, окруженного грозно рычащими псами, и смуглое лицо его озарилось такой ослепительной улыбкой, точно он недавно обзавелся новыми зубами. У него были курчавые волосы, большие блестящие глаза цвета свежих каштанов. Ничего не скажешь — красив, правда, красотой латинского типа, к которой Лесли относился с легким презрением.

— Ага! — сказал Антуан де Вер, указывая на меня длинным пальцем. — Ты, очевидно, младший братик Лоренца.

Я не проникся к нему симпатией с первого взгляда, однако был готов повременить с окончательным приговором, теперь же вынес свой вердикт. Привычный к несколько снисходительному отношению родных и близких к моей персоне, я стоически воспринимал неодобрительные, несправедливые, даже, пожалуй, клеветнические покушения на мое достоинство. Но никто еще не смел называть меня «младшим братиком». Как насчет того, спрашивал я себя, чтобы подложить дохлого ужа (у меня был в запасе такой трофей) в комнату, которую отведут этому гостю? В это время появился Ларри и увел Антуана на кухню, чтобы представить его маме.

Далее последовали несколько весьма интересных дней. Двадцати четырех часов Антуану хватило, чтобы восстановить против себя всю семью, за исключением (что нас немало удивило) мамы. Он быстро наскучил Ларри, так что тот даже не очень старался казаться учтивым. Лесли отзывался об Антуане как о паршивом даго, которого следует пристрелить, а Марго считала его толстым, жирным и старым. Зато мама невесть почему явно сочла его обаятельным. То зазовет его в сад, чтобы посоветоваться, где что посадить, то пригласит на кухню дегустировать приготовленное ею блюдо и подсказать, что бы еще туда добавить. Дошло до того, что она велела Лутареции, стонущей не хуже древнеримского раба, отнести наверх, в комнату Антуана, огромный поднос с таким количеством яиц, бекона, гренок, джема и кофе, что этих припасов хватило бы на целый полк, — роскошь, на какую мы могли рассчитывать лишь в случае болезни. Естественно, наша неприязнь к Антуану только возросла. Он же словно не замечал наших плохо скрываемых чувств, встречал во все разговоры и делал наши трапезы совершенно невыносимыми. Личное местоимение явно было избретено для него; чуть не каждую фразу он начинал словами: «Я думаю» или «Я считаю», «Я знаю» или «Я убежден». Нам не терпелось поскорее проводить его.

— Не нравится мне это, — озабоченно заметила Марго. — Не нравится, как он липнет к маме.

— Или как она липнет к нему, — сказал Лесли.

— Ерунда, — возразил Ларри. — Этот тип страшный зануда. Еще хуже того профессора. Как бы то ни было, он скоро уедет, слава богу.

— Помяните мои слова, — настаивала Марго, — это выглядит подозрительно. Ешь мед, да берегись жабы.

Моя сестра обожала пословицы, но неизменно переиначивала их на свой, довольно неожиданный, лад.

— Вчера я видел, как они гуляли на склоне холма и он рвал цветы для нее, — сообщил Лесли.

— Вот видите, видите, — подхватила Марго. — Просто так женщинам цветы не дарят.

— А я как-то завалил одну женщину цветами — хоть бы спасибо сказала, — поведал Ларри.

— Это почему же? — удивился Лесли. — Я считал, что женщины любят цветы.

— Не в виде венков, — объяснил Ларри. — Поскольку она была мертва, не станем судить ее слишком строго. Уверен, будь она жива, поставила бы цветы в вазы.

— И когда только ты научишься воспринимать такие вещи серьезно! — посетовала Марго.

— К венкам я отношусь очень серьезно, — возразил Ларри. — В Америке их вешают на двери на Рождество. Вероятно, чтобы напомнить — как вам везет, что вы не лежите под ними.

К великому нашему удивлению, на другое утро Спиро подъехал к нашему дому перед завтраком, чтобы, судя по всему, отвезти Антуана, одетого в плащ, синий костюм и сомбреро, в город. Ответ на загадку последовал из маминых уст, когда мы сели за стол.

— Куда это поехал Антуан? — осведомился Ларри, ловко трепанируя вареное яйцо. — Неужели решил освободить нас от своего присутствия?

— Нет, дорогой, — спокойно ответила мама. — Ему понадобилось сделать в городе кое-какие покупки, к тому же он посчитал, что будет удобнее, если я без него поговорю с вами.

— Поговоришь с нами? О чем? — всполошилась Марго.

— Понимаете, дети, не так давно вы завели разговор о том, чтобы я снова вышла замуж, — продолжала мама, наливая нам чай и апельсиновый сок. — Так вот, тогда я рассердилась и, как вы помните, сказала, что никогда больше не выйду замуж, потому что ни один мужчина не сравнится с вашим отцом.

Мы онемели.

Д — Подумав как следует, — говорила мама, — я решила, что ты, Ларри, прав. Вы нуждаетесь в отце, который наставлял бы вас и воспитывал. Одной мне с этим не справиться.

Мы сидели будто загипнотизированные. Мама глотнула чая и поставила чашку на блюдце.

— Сами знаете, на Корфу не такой уж большой выбор, и я стала в тупик. Бельгийский консул? Но он говорит только по-французски, я не поняла бы его, сделай он мне предложение. Мистер Кралефски? Но он слишком предан своей матери и вряд ли захочет жениться. Полковник Велвит? Но мне сдается, женщины его не интересуют. Так что я уже совсем была готова сдаться, но тут приехал Антуан.

— Мама! — с ужасом воскликнула Марго.

— Успокойся, дорогая, дай мне договорить. С самого начала мы приглянулись друг другу. Полагаю, вы не заметили этого.

— Еще как заметили, — возразил Лесли. — Завтраки в постель, черт возьми, виляние хвостом перед этим ублюдком...

— Лесли, милый, я не желаю, чтобы ты называл так своего отчима, или человека, который, надеюсь, вскоре станет им.

— Не верю, — сказал Ларри. — Я всегда говорил, что женщины слабы умом, но не настолько же. Выйдя замуж за Антуана, ты заслужишь Нобелевскую премию по разряду идиотизма.

— Ларри, дорогой, попробуй обойтись без грубости. У Антуана много хороших качеств. И к тому же мне, а не тебе выходить замуж за него.

— Но ты не должна выходить за него, он отвратительный! — просто-напросто сказала Марго, готовая вот-вот разрыдаться.

— Ну, не сразу, — ответила мама. — Мы обсудили с ним этот вопрос. И согласились, что слишком часто люди спешат сочетаться браком, а потом жалеют о такой поспешности.

— Ты уж точно пожалеешь, — заметил Ларри.

— Так вот, как я уже сказала, мы обсудили этот вопрос и пришли к выводу, что нам лучше сперва пожить вместе в Афинах, чтобы хорошенько узнать друг друга.

— Жить вместе с ним в Афинах? Ты хочешь сказать — *жить в грехе*! — с ужасом спросила Марго. — Мама, это невозможно. Это же будет двоемужие.

— Ну почему, какой же тут грех, если мы собираемся пожениться? — ответила мама.

— Право, более необычного оправдания греховности мне еще не доводилось слышать, — сообщил Ларри.

— Мама, ты не должна этого делать, — сказал Лесли. — Этот человек омерзителен. Подумай хотя бы о нас.

— Да-да, мама, подумай, что станут говорить люди, — подхватила Марго. — Каково нам будет на вопрос, куда ты делась, отвечать, что живешь в незаконном браке в Афинах с этим... этим... этим...

— Ублюдком, — подсказал Лесли.

— К тому же занудным, — добавил Ларри.

— Нет, послушайте, — сказала мама. — Лучше прекратите этот разговор, если не хотите по-настоящему рассердить меня. Кого вы, дети, предлагали мне в мужья? Старого пьяного болвана с фамилией длиной в целый алфавит. Теперь я сама сделала выбор, и хватит об этом. Антуан обладает всеми теми качествами, какие меня больше всего восхищают в мужчине.

— То бишь праздность, занудство, тщеславие? — осведомился Ларри.

— Сальные волосы? — спросила Марго.

— Храп, точно грозовые раскаты? — поинтересовался Лесли.

Я воздержался от участия в этом перечне, полагая, что на решение мамы вряд ли повлияет утверждение, что всякого человека, называющего меня «младшим братиком», следовало бы задушить при рождении.

— Конечно, это как-то отразится на жизни каждого из нас, — говорила мама, подливая себе еще чая. — Джерри, как самому младшему, придется жить вместе со мной и Антуаном, чтобы тот служил ему образцом. Ты, Лесли, и Марго достаточно взрослые, чтобы самостоятельно прокормить себя, так что предлагаю вам вернуться в Англию и найти себе работу по душе.

— Мама! — ахнула Марго. — Что ты такое говоришь!

— Работа по душе? Такого понятия не существует, — содрогнулся Лесли.

— А как насчет меня? — спросил Ларри. — Какое будущее уготовили мне вы с этим безмозглым варваром?

— О, с тобой будет все в порядке, — торжествующе произнесла мама. — Один из друзей Антуана владеет газетой в Литве. Тираж — несколько сот экземпляров. Антуан уверен, что может устроить тебя туда сборщиком — кажется, так это называется. В общем, одним из тех, кто собирает вместе отдельные буквы, так что получается печатная страница.

— Меня? — взорвался Ларри. — Ты хочешь сделать меня каким-то чертовым наборщиком?

— Следи за своим языком, — машинально молвила мама. — Не вижу в этом ничего дурного. Зная, что ты хочешь стать писателем, Антуан подумал, что это для тебя самая подходящая работа. Как-никак, все начинают с низов.

Д

— Хотел бы я начать с его низа и дать такого пинка, чтобы вышибить его чертovsky мозги, — яростно выпалил Лесли. — Что он смыслит в работах по душе?

— Ну, это что-нибудь такое, что тебе нравится, дорогой, — объяснила мама. — Соответствует твоему характеру.

— Например, смертоубийство, — предположил Ларри. — И он мог бы начать практиковаться на Антуане.

— Нет, вы явно не желаете рассуждать здраво, — с достоинством произнесла мама. — А потому лучше прекратим обсуждение. Но я приняла окончательное решение, так что начинайте привыкать к этой идее. Я буду на кухне, если кто-то из вас захочет поговорить серьезно. Пойду готовить для Антуана кэрри с креветками, одно из его любимых блюд.

Мы молча смотрели, как мама, напевая себе под нос, направилась к дому.

— Не могу поверить, — нарушил тишину Ларри. — Она, должно быть, рехнулась. Точно рехнулась. Вспомните всех этих чокнутых типов среди нашей родни. Это у нас в крови. Нам остается только смириться с жизнью в смиренных рубашках и камерах с мягкой обивкой.

— И вовсе она не рехнулась, — возразила Марго. — Положитесь на мое слово — я знаю, когда на маму находит помрачение.

— Кому, как не тебе, в этом разбираться, — пробурчал Ларри.

— По-моему, это очень серьезно, — заметил Лесли. — Если мама хочет выйти замуж за этого типа, вряд ли мы можем этому помешать, хоть это и несколько эгоистично с ее стороны. Но когда она к тому же предлагает нам найти себе *работу*, это, честное слово, уже чересчур.

— Согласен, — сказал Ларри. — Развал семейной жизни начинается, когда дети начинают вести себя нормально, а их мать — ненормально. Ничего, в крайнем случае можно прибегнуть к средству Спиро.

— Ты говоришь про цементные сандалии? — всколыхнулась Марго.

— Сапоги, — поправил ее Лесли.

— Но мы тогда окажемся соучастниками, — сказала Марго. — Ведь если человека лишить жизни таким способом, это получается убийство, разве нет? Ведь не скажешь потом, что он случайно угодил ногами в эти ведра и после свалился за борт лодки? По-моему, никто в это не поверит. По-моему, могут возникнуть подозрения. По-моему, это *рискованная* идея. И вообще, по-моему, если спросить Антуана — чего мы, конечно, не можем сделать, — он не одобрил бы эту идею. Не захотел бы навлекать на нас неприятности, чтобы мы потом объяснялись с полицией и все такое прочее. По-моему, в самой своей основе он не так уж плох, вся беда в том, что он такой ужасный — хочет жениться на маме и все испортить.

— Изложено коротко и ясно, — заметил Ларри.

— Мы обязаны *что-то* предпринять, — озабоченно произнес Лесли. — Иначе этот проклятый тип все нам порушит.

— Вот-вот, — подхватила Марго, — наша частная жизнь станет доступной для публичного обозрения. Мы будем вынуждены все время оглядываться назад через плечи.

— Хотел бы я посмотреть, как ты будешь одновременно оглядываться назад через оба плеча, — возразил Лесли, последовательный сторонник реализма.

— Испугаешься, так оглянешься, — сказала Марго. — Во всяком случае, я оглянусь.

— Надо будет еще раз поговорить с ней за ленчем, — заявил Ларри. — Попытаемся объяснить ей, как она заблуждается.

— Может, стоит нам всем вместе посетить местную психбольницу? — предложила Марго. — Там мама своими глазами увидит, как она заблуждается.

— Что ты подразумеваешь? — поинтересовался Лесли.

— Ну, мама увидит, какой может стать, если не откажется от нелепой идеи выйти замуж за Антуана.

— Не поможет, — сказал Лесли. — Я не раз проходил мимо этого заведения, и у его обитателей всегда счастливый, беззаботный вид. Мама и Антуан только захотят к ним присоединиться. Нет, если уж они настроились жить во грехе, пусть лучше делают это в Афинах, подальше отсюда, а не в психбольнице по соседству с нами. Это выглядело бы скверно. Люди станут говорить...

— Я придумаю что-нибудь, — объявил Ларри и важно прошествовал в свою комнату.

— Что ж, — заметил Лесли, — во всяком случае, нашлось бы применение этому проклятому бараклу, которое ты купила.

— Какое применение? — спросила Марго.

— Можешь сшить маме свадебное платье.

— Меня тошнит от твоих шуток! — воскликнула Марго и сердито удалилась.

За ленчем мы возобновили наши атаки, но мама твердо стояла на своем.

— Ты отдаешь себе отчет в том, что собираешься поломать нашу жизнь? — спросил Ларри.

— Ну знаешь, я ведь не жаловалась, дорогой, когда осталась вдовой с четырьмя детьми!

— Жаловалась? С какой стати? Мы обогатили *твою* жизнь. И даже если бы не обогатили, а, наоборот, сделали тебя несчастной, была бы по-

Д

ломана только одна жизнь. Ты же собираешься поломать четыре жизни, — возразил Ларри.

— Верно, — согласился Лесли. — Сделай *мы* что-нибудь в этом роде, ты назвала бы нас последними эгоистами.

— Верно, — подхватила Марго. — И ведь тебе вовсе *не обязательно* выходить замуж. Как-никак, у тебя есть мы. Большинство женщин были бы только рады иметь четырех таких детей, как мы.

— Буду рада, если вы познакомите меня с такой женщиной, — холодно отозвалась мама. — А сейчас я пойду отдохну.

За чаем наши старания тоже ни к чему не привели.

— Ты подумала о том, что станут говорить люди, когда увидят, что ты вышла замуж за человека моложе тебя? — спросил Ларри.

— Мы с Антуаном одноклассники, дорогой.

— Но он выглядит намного моложе тебя. Не знаю, давно ли ты смотрелась в зеркало, но ты явно сдаешь. Люди скажут, что ты вышла замуж за молодого жиголо.

— Это такой музыкальный инструмент? — заинтересовалась Марго.

— Нет, инструмент называется пикколо, — объяснил Лесли. — А жиголо — это те паршивые итальяшки, которые ходят с разными предложениями к женщинам определенного возраста.

— Какими такими предложениями? — спросила Марго.

— Грязными, — выдал Лесли исчерпывающий ответ.

— Значит, Антуан делал маме грязные предложения? — воскликнула Марго. — О, до чего же это отвратительно! Мало того, что они собираются жить в грехе, а тут еще эти грязные предложения. Честное слово, мама, это уже чересчур. Ты ведешь себя словно какой-нибудь персонаж из «Братьев леди Лэттерли».

— Вот что, дети, утомитесь, — твердо произнесла мама. — Антуан ведет себя как настоящий джентльмен, иначе я не стала бы думать о том, чтобы выйти за него замуж. Но решение принято, и обратного хода не будет. А теперь я пойду посмотрю, как там кэрри.

С этими словами она спустилась в нашу огромную кухню в подвале, откуда доносились стоны Лутареции, как будто ее вздернули на дыбе.

— Ничего не поделаешь, придется нам потолковать с Антуаном. Скажем ему напрямик, что он не годится на роль нашего отчима, — заявил Ларри.

— Точно, — отметил Лесли, — нас четверо против одного.

— Четверо против двух, — поправила его Марго, — не забывай про маму.

— Мама не в счет, — сказал Лесли.

— В конце концов, у нас есть на это полное право, — заявил Ларри. — Мы вмешиваемся для *ее же* блага, *ее* счастья. В жизни не простим себе, если не спасем маму, не поменяем сотворить такую глупость.

— Верно, — подхватила Марго. — Представьте себе, что люди станут говорить — мол, ваша мать живет в грехе с пикколо.

— Жиголо, — поправил ее Лесли.

— Осталось подождать, когда он вернется из города, — зловеще произнес Ларри.

— Правильно, — сказала Марго. — И вставим ему вопрос в ребро.

Одна из прелестей дорожки, подводящей к нашему дому, заключалась в том, что мы могли загодя увидеть и услышать, кто к нам едет, и если гость был нам не по душе, живо скрывались в оливковых рощах, предоставляя маме развлекать его. Автомобиль Спиро был оборудован старинным гудком с огромной резиновой грушей, величиной с хорошую дыню; когда ее нажимали, раздавался звук вроде того, какой издает негодующий бык, коего побеспокоили в разгар исполнения супружеских обязанностей, — звук такой громкий и устрашающий, что он мог заставить даже местного осла уступить дорогу. Примерно за километр до нашей виллы Спиро всегда исполнял некий музыкальный номер, давая знать, что это он приближается. Предупрежденные таким образом, мы собрались на веранде, готовясь дать бой Антуану. Еще ни один человек не встречал такого холодного, такого неприязненного, сурового приема; враждебность, излучаемая нашей группой, не уступала враждебности семидесяти девяти бенгальских тигриц, защищающих своих детенышей.

— О! — воскликнула мама, поспешно выходя на веранду. — Кажется, я услышала гудок Спиро. Значит, Антуан вернулся из города, как хорошо!

Машина остановилась перед крыльцом, и, к великому нашему негоднованию, Антуан снял шляпу широким жестом и послал маме воздушный поцелуй.

— Дражайшая леди, я вернулся, — возвестил он. — Бренди, шампанское, цветы для вас и для малютки Марго, эклеры с шоколадом для нашего малютки Джерри. Кажется, ничего не забыл.

— Кроме того, как правильно говорить по-английски, — заметил Ларри.

Антуан соскочил из машины на землю, вспорхнул, шурша плащом, вверх по ступенькам крыльца и поцеловал мамину руку.

— Вы уже сказали им? — беспокойно справился он.

— Да, — ответила мама.

Антуан обратился к нам, как укротитель львов мог бы обратиться к непокорным выходцам из джунглей.

— О, мои дорогие. — Он раскинул руки, словно собирался заключить

Д

нас в свои объятия. — Мои обожаемые приемыши. Да есть ли на свете другой такой человек, кому бы посчастливилось сразу получить четверку таких благочестивых детей, а также их матушку, подлинный дар небес!

Мама жеманно улыбнулась, а благочестивые дети устремили на Антуана испепеляющие взгляды.

— О, какая это будет радость для всех нас, — продолжал он, явно не замечая нашей враждебности. — Как отец, я смогу всячески помогать вам. Тебе, дорогой Ларри, буду давать советы насчет твоего сочинительства. Лесли, по-моему, нам следует помочь тебе избавиться от болезненного увлечения оружием, направить твои помыслы на более высокие материи, скажем, на банковское дело или что-нибудь в этом роде, да? А ты, милая наша Марго, такая наивная, неотесанная... мы постараемся сделать тебя более презентабельной. А малыш Джерри, такой оборвыш со всеми его дурацкими животными... Уверен, мы сумеем сделать из него что-нибудь. Даже из самого неприглядного материала можно слепить человека. О, как же весело нам будет, когда мы заживем все вместе!

— О, Антуан! — воскликнула мама. — Это будет чудесно!

Антуан повернулся к ней.

— Да-да, это будет чудесно, и вы, моя дорогая Луэлла, я хотел сказать Люси... Люсинда... то есть... — Он сбился и топнул ногой. — Черт возьми, *черт возьми, черт возьми!*

Мама рассмеялась.

— *Проклятье, проклятье, проклятье,* — твердил Антуан. — Я так готовился к этой сцене, и надо же — осрамился.

— До этой минуты ты прекрасно играл свою роль, — успокоила его мама. — И все равно ведь мы собирались им рассказать.

— Что рассказать? — уставилась Марго на маму.

— Что они нас просто разыгрывали, — пробурчал Ларри.

— Разыгрывали? — спросил Лесли. — Ты хочешь сказать, она вовсе не выходит замуж за Антуана?

— Нет, милый, не выхожу, — сказала мама. — Я очень рассердилась на вас из-за вашего поведения, очень. В конце концов, если я ваша мать, это еще не значит, что вы вправе вмешиваться в мои дела. Сказала об этом Антуану, спросила, не слишком ли я строга, но он согласился со мной. Тогда мы придумали эту затею, чтобы немного проучить вас.

— В жизни не слышал ничего более коварного и аморального, — негодуя произнес Ларри. — Заставить нас так страдать при мысли о том, что теперь готовить для нас будет Лугареция.

— Да уж, — укоризненно подхватил Лесли. — Могли бы подумать о нас, мы так тревожились.

— Да, тревожились, — согласилась Марго. — Мы ведь прочили тебе в мужья не какого-нибудь первого попавшегося старика.

— Или Антуана, — добавил Ларри.

— А ведь Антуан отлично играл свою роль, так великолепно, что я сама начала проникаться к нему неприязнью, — сообщила мама.

— Для меня это высшая похвала, — отозвался Антуан.

— Все равно, — сказала Марго, — вы поступили ужасно — держать нас в таком напряжении. Теперь, мама, ты просто обязана обещать нам, что не выйдешь замуж без нашего согласия.

— Я вовсе не против оставаться незамужней, — ответила мама. — К тому же все равно было бы очень трудно найти человека, который сравнился бы с вашим отцом. И даже если бы такой нашелся, боюсь, он не стал бы просить моей руки.

— Почему? — подозрительно осведомилась Марго.

— А потому, дорогая, что какой же человек в здравом уме пожелал бы заполнить четверку таких детей, как вы?

ГЛАВА ПЯТАЯ

ЛЮДВИГ

Англичане упорно твердят, что у немцев нет чувства юмора. Я всегда считал это поспешным, стало быть, неверным обобщением. Ограниченный опыт общения с немцами не давал мне повода относить их в разряд чертовских весельчаков, но поскольку мне в основном доводилось обсуждать зубы мудрости шимпанзе или вросшие ногти слона с каким-нибудь директором немецкого зоопарка, нетрудно понять, почему юмор обходил нас стороной. Тем не менее мне казалось, что где-нибудь должен все-таки таиться немец, обладающий чувством юмора, как вам всегда кажется, что где-то в Англии должна скрываться гостиница, где умеют прилично готовить. Просто немцам постепенно сумели внушить, что они лишены чувства юмора, говорил я себе, приумножив тем самым число их комплексов, однако немцы помоложе, возмущенные наветами, должны были, опираясь на свою потрясающую техническую сноровку, смастерить некое подобие юмористического чувства. А потому, буде мои пути каким-то образом скрестятся с путями такого немца (предпочтительно немки), я был готов вести себя с ним (с ней) предельно чутко и заверить его (или ее), что никогда не

Д

верил подлым клеветникам. И как бывает всегда, когда даешь себе подобного рода альтруистические клятвы, случай сдержать слово представился раньше, чем я ожидал.

У меня крепко что-то не заладилось в семье, и поскольку дома возникла атмосфера, не очень-то благоприятствующая творчеству, я собрал вещи и отправился в Борнмут на южном побережье Англии, где жил какое-то время в молодости. Сезон был не курортный, а потому вероятность того, что мне там будут докучать какие-нибудь нудные типы, была невелика. Действительно, большую часть времени, кроме меня, там вообще никто не гостил. Странное чувство испытываешь, оказавшись единственным постояльцем большой гостиницы, как будто ты последний пассажир на борту «Титаника». Здесь-то я и познакомился с замечательным человеком по имени Людвиг, который если и не помог мне вновь обрести здравый смысл (когого у меня всегда замечался большой дефицит), то, несомненно, сам того не подозревая, сделал доброе дело, вдохнув жизнь в мое чувство юмора.

В первое утро в Борнмуте, прежде чем выйти в город, чтобы вкусить его прелестей, я заглянул в бар в такой час, когда, как мне казалось, демократичный британец вправе потребить хмельной напиток, не опасаясь ареста. И с досадой обнаружил, что бар закрыт. Бормоча нехорошие слова о дурацких правилах, я повернулся было к выходу, когда увидел направляющегося ко мне молодого человека в полосатых брюках, темном пиджаке, рубашке со сборками, которая белизной могла бы поспорить со снегами Арктики, и при бабочке, аккуратностью не уступающей настоящим чешуекрылым. Он явно занимал не последнее место в начальственном строю. Наклонив голову набок, он выжидательно посмотрел на меня широко раскрытыми, невинными голубыми глазами. Я заметил у него раннюю лысину, которую он с большим искусством скрывал зачесанными вперед длинными волосами, образующими аккуратную челку на лбу. Эта челка очень шла к его довольно красивому угловатому лицу, придавая ему сходство с молодым Наполеоном.

— Что-нибудь не так, сэр? — осведомился он, и по его произношению я заключил, что передо мной немец.

— В котором часу открывается бар?

Ответь он, что мне придется подождать до двенадцати часов, я высказал бы ему все, что думаю про английские запреты, о порядках, действующих в Англии и установленных на материке, а в заключение заявил бы, что вроде бы недавно принят великолепный закон, позволяющий взрослым людям потреблять в гостиницах спиртное когда им заблагорассудится. Однако он расстроил мои планы.

— Бармен еще не пришел, сэр, — сообщил он извиняющимся тоном. — Но если вы желаете выпить, я открою для вас бар.

— О, — произнес я. — Вы уверены, что это возможно? Не хотелось бы причинять вам беспокойство.

— Что вы, сэр, какое там беспокойство, — учтиво отозвался он. — Если вы подождете, я схожу за ключом.

Он быстро вернулся, открыл бар и налил мне пива по моему выбору.

— Выпьете со мной? — спросил я.

— Вы очень любезны, сэр, — ответил он с улыбкой, и глаза его осветились радостью. — Мне то же самое.

Мы молча сделали несколько глотков, потом я спросил, как его зовут.

— Людвиг Дитрих, — сказал он и добавил слегка виноватым тоном: — Я немец.

— Увы, — произнес я с наигранным сожалением, — я лишь однажды посетил Германию, да и то пробыл там недолго, так что не могу похвастать знанием страны.

Я не стал говорить, что обслуга в этой гостинице — сплошь грубияны, пища несъедобна, такое впечатление, будто меня на три дня посадили на пудинг на сале; может быть, мне просто не повезло... Однако мне подумалось, что передо мной, возможно, тот немец, которого я ищу, немец, обладающий чувством юмора. А потому, выпив с Людвигом кружечку-другую, я решил, так сказать, закинуть удочку, проверить на нем несколько шуток. Шутки были простенькие, но он смеялся, и душа моя расцвела. Из всех смертных именно мне повезло — я нашел горшок с золотом у конца радуги! Нашел единственного немца, наделенного чувством юмора, — такой же уникам, как лошадь с шестью головами. Увы, мне предстояло убедиться, что два-три смешка в баре так же не делают лета, как пара ласточек, сбившихся с пути.

Покинув бар, я отправился погулять по Борнмуту: хотелось вновь увидеть места, связанные с моей молодостью, насладиться культурными сокровищами этого самого чопорного из курортов южного побережья. И с ужасом обнаружил, что за двадцать пять лет произошло столько перемен, что я совсем не узнаю город.

Впрочем, кое-что уцелело. Например, Плезэр-Гарденс — парковая зона с аккуратными клумбами, каменными горками, прудами и водопадами. Пруды были покрыты тонкой пленкой льда, каменные горки засыпаны свежим снегом, из которого торчали канареечно-желтые и розовато-лиловые крокусы. Уцелел обдуваемый ветрами пирс на железных ногах, омываемых волнами, чье пенное кружево, ложась на гальку, словно застывало на ней белоснежными раковинами. Курзал — пульсирующее сердце борнмутской

Д

культуры, где мне однажды довелось гоняться за щенком мопса, наступая на ноги негодующим любителям музыки и не давая им спокойно наслаждаться Моцартом.

Я вспомнил молодую виновницу сего происшествия, ее восхитительный носик и восхитительное обращение с английским языком. Позвонить ей? Сообразив, что не знаю даже ее адреса, я повернул крутом и углубился в город. Дул ледяной ветер, но с голубого неба светило нарциссово-желтое солнце, и лучи его чуточку пригревали. С радостью обнаружив, что аркада сохранилась, я еще больше обрадовался, увидев за ней мой любимый трактир «Виктория-бар». Вошел в теплое помещение и убедился, что тут все как было: отполированная длинная стойка, красные бархатные кресла и диваны, крытые позолотой диковинные столы из кованого железа. Заказав кружку бочкового пива, темного, как эфиопская дева, с белой, как майский цвет, шапкой, я сел со своей добычей и стал любоваться великолепием интерьера и окнами (всеми тремя) с резными и искусно гравированными рамами. Конечно, эти окна не шли в сравнение с изделиями, выходившими в прошлом веке из рук знаменитого Уистлера, но все же несли на себе печать славной и неповторимой старины. Трактир был полон диккенсовскими персонажами, каких можно увидеть только в английских пабах этого типа. Сутулые старушки с морщинистыми лицами расположились в креслах, потягивая портвейн с лимоном; высокий худощавый мужчина в черном пиджаке с бархатным воротником и в широкополой черной шляпе (какой-нибудь трагедийный актер, блиставший в двадцатых годах) впибался ястребиным взглядом в каждого входившего в трактир симпатичного молодого человека; двое мужчин оживленно беседовали, придерживая руками свои кружки с пивом, меж тем как сидящий у их ног старый английский бульдог свидетельствовал свое расположение каждому проходящему мимо него, вертя задом так, что ему позавидовали бы танцовщицы острова Бали; маленькая старушка лет восьмидесяти с гаком, в похожей на полицейскую каску шляпе вызывающе розового цвета, в таких же розовых перчатках, теплых ботинках и серебристых чулках, что-то серьезно втолковывала дородной даме в черной шляпе со страусовыми перьями и в шубе, точно сшитой из шкуры престарелого овцебыка. В воздухе пахло элем, портвейном и более крепкими напитками, подобно тому как в хорошей французской гостинице воздух пропитан благоуханием вкусных блюд. Как прекрасная дама источает аромат духов, так бар разливал кругом восхитительные запахи миллионов возжеланных стаканчиков. Потягивая темное бархатистое содержимое моей кружки, я был готов к тому, что сейчас войдет сопровождаемый озадаченным Ватсоном Шерлок Холмс и сухо

бросит своему спутнику: «Хотите что-то узнать, дорогой Ватсон, загляните в местный трактир».

Неохотно допив свой эль, я вышел на холод. Постоял, размышляя, куда теперь пойти. Единственным положительным изменением в Борнмуте я назвал бы то, что он успел стать чуть ли не университетским городом; если в дни моей молодости вы видели на улицах только тучных бригадиров и пожилых леди, теперь с вами приветливо здоровались курчавые негры цвета шоколада, смуглые иранцы с вишневыми глазами и стайки похожих на рой бабочек или желтоватых птичек прелестных китайнок и японок, чьи изящные, точно веер, руки исполняли в воздухе замысловатый танец, помогая семенящим девушкам толковать между собой.

Заключив, что я замерз и всеми заброшен, я решил вернуться в гостиницу и заполнить творчеством время, оставшееся до второго завтрака. Расположившись в сверкающем хромом баре, выпил еще темного пива, после чего принялся за писание. Окончив абзац, перечитал его. Он ехидно ухмыльнулся мне, как это заведено у первых абзацев, когда все мобилизованные тобой слова доводят до твоего сведения, что, сколько бы ты ни старался, они не пожалеют сил, чтобы вызвать твое недовольство, и что следующий абзац получится у тебя ничуть не лучше. Я перебрал в уме свой довольно обширный репертуар нехороших слов на английском, греческом, испанском и французском языках; только эти слова дают мне право считать себя полиглотом. После чего заказал двойную порцию бренди. О чем вскоре пожалел. Пиво разных сортов и бренди поднимают настроение, когда потребляешь их по отдельности; собранные вместе, они вызывают хандру. Симпатичный бармен, итальянец Луиджи (мне еще предстояло поближе узнать его), поглядел на мою мрачную физиономию и тактично отошел к дальнему концу стойки, где принялся прилежно протирать стаканы. Он наперед знал, что я напрасно пожелал налечь на бренди... Я прикидывал, какая форма самоубийства наименее мучительна, когда возле меня вдруг возник Людвиг.

— Приятно провели утро, сэр? — справился он, обеспокоенно созерцая меня.

Я отложил ручку, допил бренди.

— Если вы хотите знать, — осторожно произнес я, — доставило ли мне удовольствие вновь увидеть места, где прошла моя молодость, и ощутить себя восьмидесятилетним стариком, мой ответ будет отрицательным.

— Восьмидесятилетним? — удивился он. — Вы выглядите намного моложе.

— Благодарю, — сказал я. — По правде говоря, когда я держусь подальше от зеркала, мне удается делать вид, будто я неплохо сохранивший-

Д ся, симпатичный сорокалетний мужчина, хотя на самом деле обязан признать, что я намного старше и выгляжу куда хуже.

— А вот и нет. — Людвиг был твердо намерен смягчить удар, возможно нанесенный моему самолюбию. — Вы совсем не выглядите старым.

— Спасибо, — снова сказал я. — Выпьете?

— Благодарю, — отозвался Людвиг. — Если можно, джин.

Я заказал для него джин, а себе для компании — еще бренди. Мы выпили за здоровье друг друга.

— Между прочим, — заметил я, — джин очень вреден. Зачем вы пьете джин — это же верная смерть.

На лице Людвига появилось выражение тревоги:

— Джин? Вреден? Почему?

— Вы не читаете «Ланцет»? — изобразил я удивление.

— Что это такое — ланцет? — спросил он.

— Самый выдающийся медицинский журнал в мире, — ответил я. — Содержит всевозможные сведения... сообщает о каждом новом открытии... наставляет врачей. Как заливать культю кипящей смолой и все такое прочее... Каждый врач читает «Ланцет».

— Вот как, — отозвался Людвиг. — Выходит, это такой врачебный журнал?

— Можно и так сказать, — ответил я, пытаясь представить себе, как бы Британская медицинская ассоциация восприняла такое определение. — Но иллюстрации в нем, конечно, изображают только артерии, железы, простату и тому подобное. Никаких голых женщин, никакой порнографии, хотя текст, можно сказать, не всегда рассчитан на детей младшего возраста.

— И что же в этом журнале говорится про джин? — осведомился Людвиг, подозрительно глядя на свой стакан.

— Ну, в частности, он способствует облысению.

Рука Людвига нервно пригладила его тщательно оберегаемый «внутренний заем».

— Еще от него портятся зубы, дурно пахнет изо рта и бывают острые приступы «болезни горничных», — сообщил я.

— Болезнь горничных — это что такое?

— Так называют в просторечии воспаление коленной сумки, — объяснил я. — У вас, очевидно, будет болезнь «вице-директоров», что примерно то же самое, только приступы еще острее.

— И когда же вы узнали про это? — спросил Людвиг.

— Совсем недавно. Заказать вам еще?

— Нет, спасибо, я лучше выпью пива, — сказал Людвиг. — Надеюсь, пиво не вредит?

Я вздохнул. Мой немец был лишен чувства юмора; во всяком случае, оно пребывало в состоянии покоя. Быть может, осторожный поиск при помощи «волшебной лозы» позволит мне обнаружить бурный поток веселья?

— Не обращайтесь внимания, — сказал я. — Люблю иногда пошутить.

— Пошутить, — вдумчиво повторил Людвиг, как будто впервые услышал это слово. — Да-да, конечно, шутить — хорошо, нельзя все время быть серьезным. Шутки вызывают смех.

Я глотнул бренди и присмотрелся к моему новому знакомцу. Приятное лицо, большие, искренние, добрые глаза, в которых, правда, было что-то от испуганного кролика. Он производил впечатление человека, который постоянно озирается, ища взглядом воображаемого врага. Или, быть может, опасный микроб.

— Могу я называть тебя просто Людвиг? — спросил я. — Меня зовут Джерри.

— С удовольствием. — Он мило улыбнулся и кивнул.

Я решил продолжить испытание:

— Скажи, Людвиг, к кому я здесь в гостинице могу обратиться с жалобой?

Он посмотрел на меня с испугом:

— Жалобой? Ты собираешься жаловаться? — Пальцы Людвига, сжимающие стакан, дернулись, как если бы оправдались его худшие ожидания.

— Я в том смысле, что если бы что-то случилось, — объяснил я, — к кому следует обратиться?

— Обратись ко мне, — горячо произнес Людвиг, — я все сделаю.

— Послушай, — терпеливо произнес я. — Предположим, мне не нравится цвет ковра в моем номере, кому я должен жаловаться?

— Я могу поменять мебель, — успокоил меня Людвиг. — Но ковер прочно прикреплен к полу. Если хочешь, завтра переведу тебя в номер с другим цветом ковра.

— Я не намерен переходить в другой номер. Мне нравится мой ковер.

— Но ты сказал... — начал он.

— Я пошутил насчет ковра.

На лице Людвига появилось такое выражение, словно его миновала опасность попасть под колеса быстро движущегося экипажа.

— Пошутил, — вымолвил он. — Ну конечно, пошутил. — Он облегченно рассмеялся.

— Но у меня претензии к душе, — сказал я.

Облегчение испарилось, уступив место нервозности.

— К душе? А что с ним такое? — тревожно осведомился он.

— Каждый раз, когда я включаю его, он норовит ошпарить мне глаза,

Д

а я не застрахован от такого рода несчастных случаев, — объявил я. — И вообще, струя направлена в одну сторону, а не могу же я каждый раз становиться в передней, когда хочу помыться.

— Ты опять шутишь? — спросил Людвиг с надеждой в голосе.

— Увы, не шучу, — мрачно ответил я. — Сегодня утром меня между глаз ударила такая сильная горячая струя, что я уже хотел звонить администратору, чтобы прислали собаку-поводыря, которая довела бы меня до столовой.

— Сейчас же распоряжусь, чтобы исправили, — сказал Людвиг, проглотил свое пиво и исчез со скоростью перекасти-поля, сплетенного из оголенных нервов.

В тот день я больше не видел его до самого вечера, когда, пожалуй, не слишком разумно решил отметить канун своего рождения несколькими стаканчиками бренди. Этот напиток способен прояснить ваш мозг, как если бы в голове зажегся некий диковинный яркий огонь, но он может также заставить ваш язык нести всякую околесицу. Я сидел один в огромной тихой гостиной, пытаясь что-то сочинить, когда Людвиг вдруг возник передо мной; толстый мягкий ковер приглушил его шаги, как будто он шел по снегу.

— Привет, — сказал Людвиг, серьезно глядя на меня. — Что-то ты поздно засиделся.

— Не спится, вот сижу и пробую писать, — сообщил я. — Нажми кнопку, и, словно джинн из бутылки, появится ночной дежурный, неся мне бренди, а тебе — что сам закажешь.

Он нажал кнопку и сел напротив, направив на меня слегка озабоченный взор.

— Ты много пишешь, — заметил он.

Чем вовсе не доставил мне удовольствия, поскольку последние полчаса я хмуро тарасился на последнюю написанную фразу, соображая, что писать дальше. Я сердито захлопнул блокнот.

— Ага, — сказал я, — много. К сожалению, обилие иностранцев в Борнмуте вредно действует на мой стиль.

— Стиль? Что это?

— Мой слог.

— На него действуют иностранцы? — удивился Людвиг.

— Конечно. Каждый порядочный англичанин подвержен воздействию иностранцев, ты разве не знал? И почему только всевышний всех не сделал англичанами...

— Но как именно иностранцы воздействуют на тебя? — допытывался он.

— Достаточно того, что они не англичане, — ответил я. — Смотри, вот

я выхожу на улицу — и кого же вижу? Английских мужчин и женщин? Ничего подобного — уйму япошек и китайцев, иранцев, эфиопов и уроженцев Басутоленда. Возвращаюсь в гостиницу — и кого вижу там? Англичан? Если бы. Паршивого итальяшку-бармена по имени Луиджи, который выглядит так, словно его прапрапрадеда звали Макиавелли. Официанты — сплошь паршивые испанцы, или паршивые итальянцы, или паршивые португальцы. И могу поклясться, что где-то еще прячется паршивый лягушатник-француз, благоухающий чесноком.

— Но ведь я тоже иностранец, — сказал Людвиг.

— Вот именно. Ты — грязный гунн. С этим Общим рынком явный перебор. Скоро в Британию набьется столько паршивых иностранцев, что мне придется ехать за границу, чтобы услышать хорошее английское слово.

Он долго смотрел на меня, потом рассмеялся.

— Грязный гунн, — повторил Людвиг, широко улыбаясь. — Знаю, это ты шутишь.

— Точно, — признался я со вздохом, — шучу.

— А что за книги ты пишешь?

— Романы про секс. Про сексуальных маньяков, бесчинствующих в гостиницах вроде этой.

Он поразмыслил, потом улыбнулся.

— Понимаю, ты опять шутишь, — довольно произнес он.

Явился ночной дежурный, и я заказал два двойных бренди, не давая Людвигу опомниться. Он опешил и хотел что-то возразить, но я остановил его жестом руки.

— Праздник, — сказал я, поглядев на часы.

— Праздник? — спросил Людвиг. — Какой именно?

— Через минуту будет полночь, — объяснил я, — затем наступит мой день рождения. Веселье, бурное оживление и все такое прочее. На твоём месте я держался бы от меня подальше — могу вдруг превратиться в тыкву, или в оборотня, или во что-нибудь еще.

— День рождения? Правда? Ты не шутишь?

— Не шучу. Через минуту у меня за плечами будет пятьдесят два славно потраченных впустую года.

Дежурный принес напитки, мы подняли наши стаканы, и когда стрелки часов сошлись на цифре двенадцать, Людвиг встал.

— Поздравляю, — приветствовал он меня, — и желаю еще много-много лет жизни.

— Спасибо, — отозвался я, — тебе того же.

Мы выпили.

— Ты чем-то озабочен, — сказал Людвиг, беспокоясь за меня.

Д

— А ты на моем месте не был бы встревожен?

— Но почему?

— Ну как же, вот мне исполнилось пятьдесят два, а все еще ничего не произошло.

— Так ведь тебе только что исполнилось пятьдесят два года, — серьезно заметил Людвиг. — Разве может сразу что-то произойти?

— Почему бы нет? — спросил я. — Почему бы в гостиную не ворваться пышной смуглянке в прозрачной ночной рубашке и не попросить меня спасти ее от бешеного быка?

— В гостинице? Как сюда может попасть бык?

— На лифте, — ответил я. — Или он мог прокрасться в номер какой-нибудь леди, переодетый горничной, и напасть на нее.

— Ты опять шутишь, — сказал Людвиг, страшно довольный, как будто поймал меня на жульничестве в карточной игре.

Я вздохнул:

— Скажи, Людвиг, что побудило тебя покинуть развеселую жизнь в Германии и перебраться в Борнмут? Здесь заработки лучше?

— Нет-нет, — ответил он. — Просто в Германии все только тем и заняты, что работают целый день и к вечеру так устают, что ни на что не остается сил. Совсем не веселятся.

— И не шутят? — удивился я.

— Нет, они слишком устают.

— И поэтому ты бежал в Англию?

— Да, мне очень нравится Англия.

Мы помолчали, я уныло размышлял о моем опусе, который никак мне не давался.

— Ты опять чем-то обеспокоен, — озабоченно заметил Людвиг.

— Да нет, просто не ладится что-то с этим проклятым писанием, — объяснил я. — Только и всего. Это называется писательским запором. Пройдет.

Людвиг смущенно посмотрел на меня.

— У меня завтра выходной, — сказал он. — Есть машина — «Мерседес».

Я задумался над этим несколько неожиданным сообщением, спрашивая себя, кто из нас перебрал бренди.

— И что? — осторожно осведомился я.

— Я подумал, поскольку у тебя день рождения и ты один во всей гостинице, может быть, захочешь прокатиться, — пояснил он, слегка покраснев.

Я выпрямился в кресле.

— Отличная идея! Ты серьезно? — спросил я, тронутый его добротой.

— Конечно, — просиял Людвиг, видя мой энтузиазм.

— Значит, так, — сказал я. — Ты позавтракаешь со мной, потом мы махнем куда-нибудь. Ты бывал в замке Корф? На полуострове Пэрбек?

— Нет, — ответил Людвиг. — С тех пор как уехала моя девушка, Пенни, я редко куда-нибудь хожу.

— Прекрасно, договорились. Ты заедешь за мной в двенадцать часов, мы где-нибудь перекусим и пропустим по стаканчику, потом проведем Пэрбек.

Ровно в двенадцать мы встретились в холле. Людвиг выглядел несколько непривычно в рубашке с расстегнутым воротом, без аккуратной бабочки и в яркой спортивной куртке вместо черного пиджака, однако цветистый наряд ничуть не умерил его серьезности. Через Плезэр-Гарденс мы проследовали в «Ройял Бат Баттери» — отель, где во всем Борнмуте, на мой взгляд, подавали наиболее близкие к хорошей французской кухне блюда. По пути заглянули в трактир, чей бармен-ирландец с невыразительным лицом, но с искоркой в глазах, подобной светлячку в бархатно-черной ночи, внушил мне подозрение, что он почитает наш мир весьма забавным.

Людвиг задумался, выбирая напиток. От джина отказался, объяснив бармену, что опасается «болезни горничных». Бармен поглядел на меня, я подмигнул ему. Искорка в его глазах стала ярче, и он заговорил тоном знатока.

От хереса, сообщил он с ярко выраженным ирландским акцентом, развивается подагра, и от портвейна — тоже.

От пива, серьезно заметил я, люди толстеют, а это плохо для сердца, как и от бренди, если его пить за обедом. Бармен поведал, что у некоторых завсегдатаев его трактира от обильного потребления виски артерии затвердели так быстро, что эти несчастные превратились вдруг в какие-то неподвижные статуи. Я добавил, что нечто в этом роде бывает от рома, с той разницей, что человек преображается в какую-либо липкую массу вроде патоки. Не желая отставать, бармен рассказал, что водка разъедает внутренности; буквально на днях один завсегдатай скончался, потому что весь его желудок вывалился на пол. И пришлось же потом повозиться с уборкой, вздохнул бармен, потому что бедняга тот ел на завтрак яичницу с беконом. Мысленно я поставил бармену высший балл. Именно такие артистические штрихи отличают добрую ирландскую брехню.

Людвиг осторожно прислушивался к нашей перепасовке. Внимательно посмотрел на мое лицо.

— Вы оба шутите? — произнес он так жалобно, что мне ничего не оставалось, как сознаться.

Д

Мы заказали легкое пиво, и бармен присоединился к нам. Затем Людвиг принялся рассказывать мне, как он предвкушает отпуск.

— И куда же ты поедешь? — спросил я.

— Хотелось бы на юг Франции, — ответил он, — да не получится.

— Почему? У тебя быстрая машина, дороги хорошие. За один день доберешься до Канн.

— Но я должен повидать родных.

— Ты очень хочешь их повидать? — поинтересовался я, вспоминая, как редко члены нашей семьи навещают друг друга, причем являются так же неожиданно, как кукушка к ее пернатым приятелям.

— Нет, — честно ответил он, — но ведь они мои родные. Поэтому я не смогу поехать на юг Франции, где теперь находится моя девушка Пенни.

«Малый явно перебарщивает в своей сыновней привязанности», — подумалось мне.

— Почему бы не повидаться с ними на обратном пути? — предложил я. — Сперва навести Пенни.

Людвиг опешил.

— Или, — продолжал я, — почему бы в этом году не сказать: «К черту родных» — и отправиться... ну, скажем, в Мексику?

Он задумался, а мы с барменом молча ждали, удастся ли нам развратить его.

— Хотелось бы повидать Мексику, — произнес наконец Людвиг. — Но там, пожалуй, слишком жарко. В Испании я страдал от жары.

— Почему не пожаловался правительству? — спросил я.

— Это было бы не по закону, — сказал он, подумав. Мы с барменом всем сердцем надеялись, что он пошутил; увы, Людвиг просто констатировал факт. Я обратил на бармена страдальческий взгляд, он ответил мне тем же.

— Ну что ж, — рассудительно произнес я, — есть и более прохладные места. Например, Баффинова Земля.

— В самом деле? — заинтересовался Людвиг.

— Этот наш друг, — я показал на бармена, — может тебе рассказать про Баффинову Землю.

Бармен, с лицом невыразительным, как лужа дегтя, принялся полировать какой-то стакан.

— На Баффиновой Земле прохладно, — негромко произнес он. — Так прохладно, что там производят особые спиртные напитки, чтобы бутылки не лопались.

Людвиг задумался.

— Какой крепости? — спросил он. Бармен вздохнул. Чувствовалось, что он начинает понимать мои затруднения.

— На Баффиновой Земле, — пришел я ему на помощь, — тебе пришлось бы испытать на себе гостеприимство эскимосов. Есть в больших количествах ворвань, тереться носами с веселыми эскимосками...

— Что такое ворвань? — пожелал узнать Людвиг.

— Это небольшой, но достаточно важный, изогнутый участок нижней части кишечника кита, достигшего совершеннолетия, — сказал я.

— Пойманного в августе, в полнолуние, когда начинают таять айсберги, — уверенно заявил бармен, чем заслужил мое безмерное восхищение.

— Убитого гарпуном, — смело добавил я.

— Не думаю, чтобы мне это понравилось, — сказал Людвиг. — Должно быть, на вкус что-то вроде рыбы, да? Меня всегда тошнит от копченой селедки и страшно хочется пить.

Я снова посмотрел на бармена, он ответил сочувственным взглядом.

— Видишь, — сказал я ему, — каким приятелем я обзавелся. Настоящий гунн.

— Точно, сэр, — отозвался бармен. — Думаю, неделька-другая в Дублине пошла бы ему на пользу. Не хуже психушки, говорят люди.

— Я подумаю, — обещал я ему.

— В Дублине очень влажно, верно? — спросил Людвиг, искренне желая пополнить свои знания.

— Верно, — ответил бармен. — Его еще называют Северной Венецией. Именно там была изобретена гондола.

— Но я думал... — начал озадаченный Людвиг.

— Пошли, — перебил я, беря его за руку. — Пойдем поедим копченой селедки.

За превосходной трапезой Людвиг облегчил душу, поведав мне про Пенни. Дескать, она и молодая, и веселая (хотя и лишенная чувства юмора, предположил я), но они постоянно ссорятся, постоянно. Она всегда копается, когда надо куда-то собраться, всегда поступает наперекор ему, но самый большой грех — спеша одеться, разбрасывает по полу чулки и бюстгалтеры. Людвиг полагал, что именно эта привычка в сочетании с некоторой разницей в возрасте делает невозможной саму мысль о женитьбе, во всяком случае — весьма сомнительной. Я возразил, что это как раз то, что ему нужно: молодая живая особа, которая будет спорить с ним и заставлять ходить по пояс в разбросанных чулках и бюстгалтерах. Сказал, что множество браков распалось из-за чрезмерной аккуратности жены и множество были спасены уроненным вовремя бюстгалтером. Новизна этой идеи поразила Людвига, и после двух бутылок превосходного вина я почти убедил его завести вместе с Пенни собственную гостиницу в Борнмуте, при условии, что она не станет ронять бюстгалтеры в коридорах.

Д

— Я написал ей, приглашая приехать в Борнмут и побыть со мной во время моего отпуска, — признался он.

— И что же она?

— Не ответила. Я очень беспокоюсь, — озабоченно сказал Людвиг.

— Перестань беспокоиться, — твердо произнес я. — Знай ты французскую почту, как я ее знаю, вообще не стал бы беспокоиться. Письмо, в котором говорится, что она придет и любит тебя, придет в твой сотый день рождения.

Людвиг испуганно воззрился на меня.

— Шутка, — объяснил я.

— О! — воскликнул он с облегчением. — Значит, думаешь, она согласится?

— Непременно, — заверил я его. — Кто может устоять против ухаживания грязного гунна?

Эту шутку он уже знал, а потому громко расхохотался. Потом опять посерьезнел.

— Ты много путешествуешь? — спросил он.

— Порядочно.

— Это... ну... выбивает тебя из колеи?

— Нет. А что?

— Понимаешь, когда приближается отпуск, я всегда страшно нервничаю и у меня расстраивается желудок, — признался Людвиг. — Чем ближе отпуск, тем мне хуже. И когда отпуск начинается, мне так плохо, что я не получаю никакого удовольствия.

— Тебе нужен транквилизатор, — сказал я. — Могу поделиться.

— Поможет? — спросил он с надеждой.

— Конечно. Не забудь напомнить, у меня где-то лежит. Сам принимаю, когда перетружусь.

— Большое спасибо, — сказал Людвиг. — Хочется хорошо провести отпуск.

— Будешь доволен, — пообещал я. — И Пенни тоже.

В приподнятом настроении мы доехали до парома, который хочется сравнить с воротами в другой мир. Подобно тому как Харон работает на перевозе через Стикс, так местный паром с куда более приятной целью двинулся через пестрящее островками и морскими птицами устье гавани Пула от роя сверкающих белизной отелей Борнмута в клочок пасторальной Англии, будто не изменившийся с позапрошлого века. Здесь широкие зеленые луга на покатых холмах были обнесены оградями из темного, колючего и косматого, точно волосы ведьмы, терновника. На исчерченных, словно вельвет, аккуратными бороздами полях стаи грачей летели за паха-

рем, будто чайки за кораблем. Живые изгороди были обвешаны лимонно-желтыми сережками, верба щеголяла пушистыми комочками цвета котикового меха.

Переpletенные на фоне неба черные голые ветки окостенелых деревьев на гребнях холмов создавали впечатление замысловатых синих витражей, замаранных тут и там первыми прутиками грачиных и сорочьих гнезд. Людвиг включил магнитофон, и машина начала вибрировать от громких мажорных звуков баварской музыки. Казалось, слышно, как мозолистые руки хлопают по кожаным шортам и как отбивают такт горные ботинки неселящихся баварцев с огромными пивными кружками. Забавный контраст ландшафту, через который мы проезжали...

Еще один поворот, и на коническом бутре в просвете между двумя высокими зелеными холмами мы увидели остатки замка Корф, этакий гнилой динозаврий зуб, торчащий из зеленой десны. Только центральная часть замка смогла устоять против фугасов и пушечных ядер кромвелевских вандалов и возвышалась теперь подобно остерегающему пальцу, покрытая щербинами, населенная галками, в одно и то же время жуткая и жалкая.

Оставив машину, мы пошли к замку. От холодного свежего воздуха и выпитого вина слегка кружилась голова. Две приземистые башни, напоминающие бутристые пивные кружки, охраняли вход под массивной аркой; поблизости остатки стены венчала еще одна башня, наклоненная под острым углом, подобно дереву, упрямо противостоящему попыткам ветра и воды повалить его на землю. Заложенный под нее в свое время фугас был недостаточно мощным, чтобы разрушить циклопическую шахматную фигуру из пэрбекского известняка.

Опережая нас, в том же направлении шагала высокая девушка с темными волосами. У нее были восхитительные длинные ноги, какими, кажется, природа наградила только американских девушек; ноги породистого скакуна, растущие чуть ли не от ушей.

Для просвещения Людвиг я приступил к чтению лекции по истории Англии.

— Именно здесь, — сказал я, показывая на арку, — было совершено одно из ряда многих убийств. Эльфрида подло расправилась с Этельредом Перешительным. Он охотился тут поблизости и решил навестить ее брата. А Эльфрида была, конечно же, его мачехой и страшно ревновала Этельреда, потому что он не испытывал по отношению к ней эдипова комплекса. Короче, когда Этельред Перешительный — его еще называют Неустойчивым — перебрал меда...

— Меда? Что это? — спросил внимательно слушавший меня Людвиг.

Д

— Три части водки, одна часть пчелиного меда с водой и щепотка ангостуры горькой, — отчеканил я и с удовольствием отметил, что девушка впереди сменила широкий шаг на более плавную поступь, чтобы лучше слышать меня. — Так вот, — продолжал я, — Этельред Нерешительный промчался на коне через мост под этой аркой и приветствовал мачеху со всей теплотой, позволительной человеку, свободному от эдипова комплекса. Сказал, что желает увидеть брата. Мачеха ответила, что его брат в темнице забавляется пыточными орудиями и что его сейчас позовут. А пока, предложила она, может быть, Этельред выпьет немного меда, чтобы восстановить силы. Этельред согласился.

Тем временем мы подошли к будке, где продавались входные билеты, и я смог рассмотреть лицо девушки. Она была очень хороша. Девушка купила путеводитель; мой слух уловил ее американский акцент. Поворачиваясь, она встретила со мной глазами, улыбнулась и помахала мне путеводителем.

— Некоторые люди, — громко сказал я, — и не подозревают, что ждет их дальше.

Девушка помешкала, потом стала медленно подниматься по откосу к развалинам самого замка — достаточно медленно, чтобы и дальше слышать наш разговор.

— Что случилось потом? — спросил Людвиг.

— А вот что: Эльфрида смешала мед в шейкере из бараньего рога и налила Этельреду. Когда он нагнулся, чтобы взять свой рог, она вонзила ему в спину нож — не очень-то гостеприимный жест, ведь он был совсем не готов к этому. После чего она сбросила его тело в колодец — по-английски, как ты знаешь, «велл». Отсюда старая английская поговорка: «Олл из велл дат эндс велл» — «Все хорошо, что хорошо кончается».

— И полиция не поймала ее? — спросил Людвиг.

— Не поймала. Несколько месяцев брали отпечатки пальцев у всех обитателей замка — и все без толку. Старый Скотленд-Ярд терялся в догадках.

— А кем же был этот эдипов комплекс? — допытывался Людвиг, желая досконально разобраться в исторических фактах.

— Один совершенно безнравственный рыцарь, сэр Эдип. Он хотел жениться на Эльфриде и сесть на трон, стать королем, понимаешь? Слышал когда-нибудь выражение «черный как ночь»?

— Слышал, — отозвался Людвиг.

— Так вот, его изобрели тогда в качестве характеристики сэра Эдипа.

Я заметил, что девушка остановилась и прилежно изучает путеводи-

тель. Заметил также, что она держит его вверх ногами. Кассир задумчиво посмотрел на нас.

— Вам не нужен путеводитель, сэр, — произнес он скорее утвердительно, чем вопросительно, и мое ухо уловило мягкий, словно изысканный сыр, дорсетский акцент.

— Нет, спасибо, — беззаботно ответил я. — Мне знакома история сей благородной груды камня.

— Я так и понял, сэр, — подмигнул он мне. — Ваш друг — иностранный джентльмен, верно?

— Немец, — сказал я. — Сами знаете, что это за порода.

— О-о, да, конечно, отлично знаю.

— Вы родом из Дорсета? — поинтересовался Людвиг. Не в силах больше сохранять серьезное выражение лица, кассир проямлил: «Да, сэр» — и поспешно отступил в глубь своей будки.

— Пошли, — позвал я Людвиг. — Нам еще много надо посмотреть, и у этого места захватывающая история. — Мы миновали девушку, она медленно последовала за нами.

— Теперь, — сказал я, поднимаясь вверх по зеленому откосу, — мы пропустим одно-два столетия и остановимся там, где Генрих Седьмой проиграл в кости замок Генриху Восьмому.

На густой траве паслось несколько овец; рога барана украшали его голову, будто две огромные спиральные раковины.

— Так вот, — продолжал я, — как известно, у Генриха Восьмого были в жизни только три страсти — женщины, еда и музыка. Сейчас ты видишь перед собой остатки стада тех самых овец, которых подавали Генриху с горохом, картофельными чипсами и мятным соусом. Разумеется, для него готовили отбивные, но в те дни, когда он казнил одну или двух своих жен, в честь этого события приказывал запечь баранью ногу с розмарином и чабрецом.

— Они очень грязные, — заметил Людвиг, глядя на овец.

— Так надо, — ответил я, — чтобы на них не позарились браконьеры. Овец моют раз в году, в день святого Омо проводят торжественный обряд погружения овец в специальную яму на территории замка.

— О, — вымолвил Людвиг, обводя взглядом глыбы разрушенной кладки и разбитые стены. — А где же кухни?

Я завел его в помещение, где, по всей вероятности, некогда сидели караульные, охраняя вход в замок и подъемный мост, полируя свои луки и стрелы и не давая остыть кипящему дегтю. В одной изогнутой стене этого помещения — без кровли, площадью примерно шесть на три метра — была узкая крестовидная бойница.

Д

— Здесь, — сказал я, — находилась большая кухня.

Молодая американка задержалась у входа.

— Но здесь мало места, — заметил Людвиг.

— Вполне достаточно, если ты искусный повар и располагаешь всеми современными удобствами. Генрих, как я уже говорил тебе, был очень разборчив в еде, и повар рисковал жизнью, если готовил плохо. А хороший повар вполне мог на такой площади приготовить от семи до десяти блюд для банкета. Опрятность — вот залог успеха в кулинарном деле, — вкрадчиво произнес я, живо вспомнив, как моя жена твердила, что в жизни не встречала такого неопрятного повара, как я.

— Но как же отсюда подавали блюда в замок? — озадаченно спросился Людвиг.

— Через раздаточное окошко. — Я показал на бойницу. — Что подлиннее, вроде сельдеря, — через вертикальную прорезь, подносы с отбивными — через горизонтальную.

Людвиг подошел поближе, чтобы лучше видеть.

— Поразительно, — произнес он.

Молодая американка укоризненно посмотрела на меня, улыбнулась и вдруг исчезла, чем немало меня огорчила. Я продолжал водить жадно слушающего мои бредни Людвига по замку, надеясь догнать ее, но она как сквозь землю провалилась.

А Людвиг никак не мог успокоиться. Когда я показал ему комнаты для гостей площадью около двух с половиной метров на два, он подчеркнул, что в них с трудом могла втиснуться двуспальная кровать и не оставалось места, чтобы войти. Как справляется с этими трудностями королева Елизавета (я сообщил ему, что она приезжает сюда на уик-энд вместе с отцом)? Очень просто, ответил я, открывает дверь и прыгает в постель. Большая экономия передвижений. И поскольку кровать занимает всю площадь, вы избавлены от необходимости подметать под ней. Еще его заботило состояние санитарного узла; показав ему на остатки круглой башни метрах в пятистах от главного здания, на самом краю холма, я пояснил, что там помещались мужская и женская уборные.

— Почему так далеко? — спросил он.

— По двум причинам, — ответил я. — Во-первых, как это видно по их расположению, каждый раз, когда спускали воду, содержимое скатывалось по склону прямо в лагерь противника, нагоняя панику на врага. Во-вторых, они служили Генриху для карательных мер. Он обнаружил, что придворные испражняются прямо на стенах, чем вызывали недовольство часовых внизу. Вот Генрих и велел построить уборные там, приказав под

страхом смерти пользоваться только ими. Поверь мне, в холодные зимние ночи это было весьма действенное наказание.

Американская девушка по-прежнему не показывалась, чем сильно меня расстроила. Я-то надеялся, что еще несколько моих драгоценных исторических открытий перекинут мостик между нами. Мало-помалу мы возвратились к главному входу, и когда начали спускаться по откосу, я увидел вдруг юную красавицу. Она смотрела на нас сверху из окруженного, словно чешуйками пепла, галками полуразрушенного окна в одной из относительно целых стен замка. Я помахал ей рукой, она помахала в ответ, поощрив на дальнейшие действия. Сложив ладони рупором, я крикнул:

— Прекрасная леди, сегодня у меня день спасения красивых принцесс, и я вижу, что вы попали в беду!

Она устремила на меня печальный взор и наклонилась вперед, так что длинные черные волосы ее упали на плечи.

— Сэр рыцарь, меня постигло страшное несчастье, — услышал я мелодичный голос, говорящий с мягким американским акцентом. — Как вы проведали о моей беде?

Я проникся к ней расположением.

— Леди, об этом знает все королевство. — Я отвесил ей старомодный поклон. — Я и мой шут вместе проделали утомительный долгий путь, дабы спасти вас от участи, которая хуже смерти.

— Что такое шут? — спросил Людвиг.

— Это такой дурак, — ответил я.

— Ты хочешь сказать — идиот? — возмутился он.

— Сэр рыцарь, — снова обратилась ко мне принцесса, испуганно озираясь, — говорите тише, боюсь, стража может услышать.

— Леди, дошло до меня, что ваш дядя, этот злодей, заточил вас здесь, чтобы лишить вас и королевства, и девственности! — крикнул я.

— Шут — это идиот? — допытывался Людвиг.

— Дипломированный паяц, — ответил я.

— И девственности — тоже? — осведомилась принцесса.

— Что такое паяц? — спросил Людвиг.

— Да, лишить вас сокровища, коим женщины так дорожат, — сообщил я принцессе. — Ваш дядюшка даже сейчас, зловеще хмуря брови...

— Паяц — то же самое, что шут? — хотел знать Людвиг. — У слова «идиот» два синонима?

— Да, — коротко ответил я, желая продолжить диалог с моей принцессой.

— Скажи мне, прекрасный рыцарь, чем занят сейчас мой дядя? — спросила она.

Д

— Сейчас он сидит, готовя вам страшную участь, леди. Однако не бойтесь, я...

— Участь — то же, что смерть? — спросил Людвиг.

— Да, — сказал я.

— Скажи мне, прекрасный рыцарь, могу ли я ее избежать с твоей помощью? — поинтересовалась моя принцесса.

— Не бойтесь, леди, ничего, — ответил я. — Никакой дядюшка, пусть даже самый кровосмесительный, самый порочный, самый извращенный, будь вместе с ним хоть тысяча приспешников, пусть даже самый коренастый, волосатый и средневековый, какие бы силы нам ни противостояли, с моим верным мечом Эскалибуром...

— Ты знаком с этой девушкой? — заинтересовался Людвиг.

— Сэр Ланселот — это вы! — мелодично воскликнула леди в окне.

— Я, мэм, к вашим услугам!

— Ты где-нибудь встречался с ней раньше? — спросил Людвиг.

— Послушай, — огрызнулся я, — помолчи немного.

Галки кружили над башней, издавая ворчливые крики.

— Леди, — воззвал я к принцессе, — там внизу нас ожидает мой верный конь, моя лошадь Мерседес, на ней мы доставим вас в безопасное место.

— Одна лошадь? — возразил Людвиг. — В этой модели «Мерседеса» двадцать лошадей.

— Сэр Ланселот, — откликнулась моя принцесса, — ваша доброта равна вашей храбрости.

— Тогда я поднимаюсь на ваши бастиины, убью ваших стражей и отвезу вас в селение Борнмут, где нас ждут оленина и мед.

— У нас в Германии много оленины, — сообщил Людвиг. — К ней подают яблоки, запеченные в тесте.

— Увы, Ланселот, — сказала принцесса. — Боюсь, ничего не выйдет, хотя я жажду отведать меда с водкой и щепоткой горькой ангостуры. В селении том мой жених ждет моего спасения, а у него ревнивый нрав.

— Что такое — нрав? — спросил Людвиг.

— Характер, — ответил я. — Черт! Она помолвлена.

— Нрав — от слова «нравиться»? — поинтересовался Людвиг.

— Принцесса, — грустно сказал я, — почему вы так опрометчивы? Вспомните изречение: «Поспешный брак — долгое раскаяние». Не говори уже о том, что мне пришлось так потрудиться, извлекая мой меч из камня ради вас.

Она рассмеялась:

— Уверена, вы найдете другую принцессу. Прощайте, сэр Ланселот.

— Прощай, милейшая Гиневра...

— Ты сказал, что незнаком с ней, — заметил Людвиг, когда мы направились к выходу с территории замка. — Откуда же ты знал ее имя?

— Она — Гиневра Смит из Джоллитауна, штат Огайо, — ответил я. — И я познакомился с ней в Нью-Йорке. А теперь едем обратно в Борнмут. Трактиры уже открыты.

— Этот замок, — сказал Людвиг, когда мы проходили под аркой, — совсем не в исправном состоянии.

— Нам, англичанам, они нравятся именно такими, — сообщил я. — Чтобы в них сохранялся аромат старины, так сказать.

— А у нас на Рейне, — возразил Людвиг, — много замков, много больших красивых замков, и они все в исправном состоянии.

К счастью, как раз у входа стояла брошенная кем-то тачка с гравием.

— Вот, — показал я, — смотри, мы тоже кое-что предпринимаем. Вернись сюда через год или два, увидишь, что замок будет выглядеть не хуже «Хилтона».

В потускневшем солнечном свете луговая зелень приобрела изумрудный оттенок; распаханные поля стали пурпурно-коричневыми. Гавань Пула озаряли розовые лучи, и летящие на свои гнезда чайки отражались снежинками в почти зеркальной глади моря. Людвиг включил еще какие-то баварские мелодии, отбивая такт по баранке за неимением кожаных шортов.

— Какой интересный день был сегодня, — заметил он, когда мы выехали на улицу, ведущую к гостинице. — Когда приедут мои родители, я повезу их посмотреть замок Корф и расскажу все, что узнал.

Я ощутил легкие угрызения совести.

— Надо было купить тебе путеводитель, все запомнить невозможно.

— Я запомнил, — возразил Людвиг.

— Тебе спасибо за чудесный день, — сказал я.

— Спасибо тебе, — учтиво ответил он.

Оставив машину в гараже, мы направились пешком в гостиницу.

— Ты не забудешь таблетки, которые обещал мне? — робко спросил Людвиг.

— Конечно, не забуду, — сказал я. — Я их куда-то засунул, никак не могу найти. Но завтра поищу как следует.

— Завтра — последний день, — напомнил Людвиг. — Послезавтра я уезжаю в отпуск.

— Будут тебе таблетки, даю слово.

И я нашел их, очень кстати, как показал ход событий. Возвращаясь на другой день из кино, я с удивлением увидел целую толпу людей перед гостиницей «Ройял Хайклифф Пэлис». Подойдя ближе, разглядел также по-

Длинейскую машину с синей мигалкой, «Скорую помощь» и две пожарные машины, над которыми к небу тянулись лестницы, словно шеи диких животных доисторических зверей. По мостовой новорожденными удавами расползлись пожарные рукава. Высоко на торце гостиничного здания помещалась причина всей этой сумятицы — неоновая вывеска, которая каким-то образом ухитрилась загореться. Хотя немедленно была объявлена тревога, к тому времени, когда огонь был потушен, от вывески остались только буквы «ял», «Хай» и «лис», напоминая то ли заголовок одной из рукописей Мертвого моря, то ли имя некоего древнего китайского философа. Протиснувшись через толпу, я увидел расстроенного Людвиг, который сопровождал выходящих из гостиницы дюжих пожарных и еще более дюжих полицейских. У него было такое бледное, измученное и виноватое лицо, как будто он сам поджег злополучную вывеску.

— Привет, — бодро поздоровался я. — Вижу, ты тут здорово повеселился.

Людвиг застонал.

— Ужасно! Ужасно! — судорожно вымолвил он. — Что они там натворили в номерах, выбираясь на крышу! Я чувствую себя ужасно! Завтра начинается мой отпуск.

— Но ведь ты не поджигал вывеску, — заметил я.

— Нет! Не поджигал, но это произошло в мое дежурство, — сказал он, глядя на меня страдальческими глазами. — Она загорелась, когда я дежурил.

— Весьма неосмотрительно с ее стороны, — отозвался я. — Но гостиница не сгорела, так что у тебя все будет в порядке. Пойдем, выпей стаканчик и успокойся. Или ты предпочитаешь «Скорую помощь»? Она тут стоит.

— Нет-нет, спасибо, — совершенно серьезно отверг Людвиг это мое предложение. — Мне нельзя покидать гостиницу. Я должен заняться уборкой.

Когда мы позже встретились в баре, он все еще никак не мог успокоиться.

— Ты принес таблетки? — жалобно осведомился Людвиг. — Понимаешь, со всеми этими делами мне стало еще хуже.

— Черт! — воскликнул я. — Совсем забыл. Но ты не волнуйся, будут тебе таблетки. Когда ты завтра уезжаешь?

— В два часа, — ответил Людвиг таким голосом, будто на это время была назначена его казнь.

— Я собираюсь позавтракать в ресторане «Белла Виста», — сообщил

я. — Загляни туда, выпьешь стаканчик на дорожку и получишь от меня таблетки.

— Спасибо, — сказал он. — Чувствую, без них отпуск будет мне не в радость.

На другой день — я только что управился с жареной телятиной и зеленым салатом с приложением в виде отличного кьянти — в «Белла Висту» явился Людвиг с темными кругами под глазами, с нервно дрожащими руками.

— Нашел? — тревожно осведомился он.

— Нашел, — ответил я, оценивая взглядом его состояние. — А теперь садись и расслабься. Ты выглядишь так, что при виде тебя любая женщина уронит на пол свой бюстгальтер.

Я извлек из приготовленного для него конвертика зелено-черную капсулу.

— Так вот, — сказал я тоном частного врача-консультанта, — принимай в день по одной капсуле, не больше. Понял? И только в том случае, если почувствуешь, что тебе это необходимо. О'кей?

— Да! Да! — горячо произнес Людвиг, глядя на капсулу, словно на пробирный камень, способный все превращать в золото.

Я заказал бутылку вина, налил ему бокал. Он выпил залпом. Я налил еще.

— Теперь глотай капсулу, — сказал я.

— Ты уверен, что я смогу вести машину? — спросил Людвиг.

— Можешь и пить, и вести машину, — заверил я его. — На меня эти капсулы совсем не действуют. Между прочим, я только что сам принял одну.

— Отлично, — сказал он, глотая капсулу. — Понимаешь, это очень важно, потому что мне предстоит долгая поездка.

— Ясно. Можешь не беспокоиться. Будешь как огурчик.

После второго бокала вина он встал и крепко пожал мне руку.

— Я так рад, что мы познакомились, — произнес Людвиг.

— Я тоже. Навести меня как-нибудь. И захвати Пенни. Я буду не против, если она уронит на пол бюстгальтер.

— Ты шутишь, — гордо заметил он. — Теперь я знаю, когда ты шутишь.

— Ладно, счастливо отдохнуть, — сказал я, и он побрел к своему «Мерседесу» навстречу кратковременной свободе от гостиничных забот.

Я же допил вино и отправился в кино. Там меня ждал фильм, который я давно мечтал посмотреть. Предвкушая удовольствие, я тщательно выбрал место, покупая билет.

Погас свет, пошли титры... Дальше я ничего не помню, пока три четверти часа спустя сидящий рядом мужчина не потряс меня за плечо, прося

Д

не храпеть так громко, а то ему совсем не слышно, что говорят артисты. Я удивленно вскочил на ноги — никогда еще мне не случалось засыпать в кинотеатре! Не иначе проклятая капсула виновата, в сочетании с вином, сказал я себе.

Потом вспомнил Людвига и похолодел.

Боже мой! Несясь по дороге на встречу со своей Пенни, он вдруг уснет за рулем «Мерседеса»?.. Я живо представил себе обрызганные кровью остатки автомобиля, расплющенного о дерево. Может быть, он еще не выехал?! Я выскочил из кино как сумасшедший и примчался в гараж; не сомневаюсь, что моя физиономия выглядела такой же безумной, как лицо Людвига, когда он нервничал.

— Мистер Дитрих — он уже уехал? — спросил я дежурного.

— Да, сэр, примерно с час назад, — последовал ответ. Признаюсь, я чувствовал себя отвратительно целых три дня, пока не получил из Кале открытку, которая сняла тяжкое бремя с моей души. Текст открытки гласил:

«Встретил Пенни, завтра начинаем вместе счастливый отпуск». И подпись: «Твой грязный лгун Людвиг».

Кажется, есть какая-то поговорка насчет того, кто смеется последним, однако я уверен, что Людвиг никогда о ней не слышал.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

СУД ПРИСЯЖНЫХ

Речной пароход «Долорес» сломался — как и положено речным пароходам — на полпути к месту назначения у Мериады, городишка с населением в две тысячи душ на берегу реки Парана. Казалось бы, для такого преступления не было никаких оснований: река здесь широкая, глубокая, тихая, ровное течение ускоряло наш ход. Меня это происшествие здорово встревожило, ведь в трюме, помимо всего прочего, находились два моих ягуара, двадцать обезьян и три десятка разных птиц и рептилий. Запасы продовольствия были рассчитаны на пятидневное плавание, и серьезная задержка грозила бедой. Оба ягуара, ручные, словно котята, обладали завидным аппетитом, и надо было слышать, какой жуткий негодующий вой они издавали, если нарушалось расписание их трехразового кормления.

Я пошел к капитану, смуглому коренастому крепышу с густыми черными усами и бровями, пышной шевелюрой и ослепительно белыми зубами, благоухающему духами «Пармская фиалка».

— Капитано, — сказал я, — извините, что беспокою вас, но хотелось бы знать, сколько примерно мы можем здесь простоять. Меня беспокоит проблема корма для моих животных.

Он очень выразительно, как это умеют делать латиноамериканцы, пожал плечами и воздел глаза к небу:

— Сеньор, я ничего не могу вам сказать. *Говорят*, что эту распроклятую деталь в машине, которая сломалась, можно починить в городской кузнице, но я в этом сомневаюсь. Если с ремонтом ничего не выйдет, придется посылать за новой деталью в порт, откуда мы вышли.

— Вы уже распорядились позвонить туда?

— Нет. — Капитан снова пожал плечами. — Связь не работает. Говорят, наладят только завтра.

— Ладно, я отправлюсь в город, постараюсь добыть корм для моих бичо. Вы уж без меня не отплывайте, хорошо?

Он рассмеялся:

— Не бойтесь, сеньор. Знаете что, я пошлю с вами двоих индиос, чтобы помогли вам нести что добудете. Все равно им сейчас нечего делать.

Вместе с двумя выделенными мне индейцами я направился в центр города, где, как и следовало ожидать, располагался рынок. Индейцы были самые настоящие, парагвайские, шуплые, с кожей медного цвета, прямыми черными волосами и глазами цвета черной смородины. Нагрузившись бананами, авокадо, апельсинами, ананасами, четырьмя козьими ногами и четырнадцатью живыми курами, мы возвратились на «Долорес». Там я разместил припасы в трюме, отбился от попыток ягуаров затеять со мной возню и поднялся обратно на палубу, где с удивлением увидел, что в одном из ветхих шезлонгов, призванных скрашивать путешествие пассажирам, возлежит некий джентльмен. Большинство этих шезлонгов обветшали настолько, что вы опасались не то что сидеть — прикасаться к ним. Тем не менее упомянутый джентльмен ухитрился найти экземпляр, который не рассыпался под весом человека. Завидев меня, незнакомец встал, снял огромную соломенную шляпу и протянул мне руку, здороваясь.

— Дорогой сэр, — сказал он на отличном английском языке, — позвольте приветствовать вас в Мериаде, хотя эта задержка, несомненно, раздражает вас. Меня зовут Ментон, Джеймс Ментон, а вы, очевидно, мистер Даррелл?

Я признался, что это так, с удивлением разглядывая его. Каштановые с проседью волосы джентльмена были заплетены в косички, которые спадали до самых ягодиц, где были связаны вместе кожаным ремешком, украшенным синим камнем. Огромные усы, борода и брови не были знако-

Д

мы, насколько я мог судить, с ножницами, однако отличались безупречной чистотой. Большие зеленые глаза беспокойно бегали, и весь он как-то странно подрагивал, напрашиваясь на сравнение с притаившимся в кустах возбужденным хищником.

— Так вот, дружище, — продолжал он, — я поспешил сюда, на «Долорес», как только услышал, что вы находитесь на борту, чтобы пригласить вас к себе. Я знаю, что такое эти речные пароходы, — жуткая вонь, кругом машинное масло, грязь, никаких удобств, а пища такая, словно ее отвергли обитатели ближайшего свинарника. Я верно говорю?

Я вынужден был согласиться с ним. Мой пароход вполне соответствовал, а в чем-то даже превосходил его описание.

— Итак, — он показал рукой, — вон за теми деревьями находится мой дом. Чудесная веранда, восхитительные старомодные вентиляторы, похожие на голландские ветряные мельницы, сетки от насекомых, престарелая немецкая служанка, которая бесподобно готовит, а еще, дружище, самые удобные в мире гамаки, привезенные лично мной из Гайаны. Нигде не спится так, как в них, уж вы мне поверьте.

— Вы рассказываете так, что невозможно устоять, — улыбнулся я.

— Однако должен сразу признаться. — Он поднял дрожащую руку. — Мое желание видеть вас своим гостем продиктовано эгоистичными мотивами. Понимаете, здесь совершенно не с кем общаться, я говорю о настоящем общении. Люди извне тут не задерживаются. Невольно чувствуешь себя одиоко.

Я поглядел на полуразрушенный причал, на покрытую нефтяной пленкой воду, в которой плавали банки из-под пива и еще более отвратительный мусор, на тощих псов, рыскающих по берегу в поисках добычи. По пути на рынок я уже насмотрелся на обветшалые постройки и населяющих городок оборванцев.

— Да уж, вряд ли сюда манит туристов, — сказал я. — С удовольствием приму ваше приглашение, мистер Ментон.

— О, просто Джеймс, умоляю! — воскликнул он.

— Но в пять часов я должен вернуться на пароход, чтобы покормить животных.

— Животных?

— Ну да, я ловлю животных для зоопарков в Европе. У меня здесь в трюме куча зверей.

— Поразительно, какое необычное занятие! — восхитился он.

Учитывая то, что он поведал мне позднее, такая его реакция представляется мне странной...

— Пойду соберу кое-какие вещи, — сказал я. — Я быстро.

— Позвольте спросить, — поспешно осведомился он, — мне очень не ловко, но у вас случайно нет *виски*? Понимаете, я неосмотрительно израсходовал свой запас, и в местном магазине виски кончилось, так что пополнение прибудет только с пароходом на следующей неделе. Знаю, это звучит ужасно...

Он не договорил.

— Ничего, ничего, — ответил я. — Представьте себе, именно здесь, в Парагвае, я обнаружил совсем неплохое виски с неожиданным названием «Денди Динмонт». Очень мягкий вкус. Везу шесть ящиков для друзей в Аргентине, потому что зелье под названием «Старый контрабандист», которым торгуют в Буэнос-Айресе, годится только очищать от ржавчины старую посуду. Я захвачу «Денди», скажете свое мнение.

— О, вы слишком любезны. Сейчас приведу пару индейцев, чтобы помогли нести ваши вещи, — сказал он и, дергаясь пуще прежнего под своим волосатым покровом, заковылял на берег.

Собрав кое-какое имущество, которое могло пригодиться, пока буду гостить у Джеймса Ментона, я вытащил из-под койки один из шести ящиков с «Динмонтом» и вручил его улыбающимся индейцам, ожидавшим у входа в мою крохотную грязную каюту. Как только они вышли на палубу, Джеймс ужасно засуетился. Было очевидно, что больше всего его заботит сохранность виски, он наставлял носильщиков поосторожней обращаться с «ящиком сеньора», как будто речь шла о чаше со святой водой. Всю дорогу до его дома он донимал своими указаниями гибких индейцев, которые уверенно шагали, неся на плечах божественный нектар.

— Осторожно, не споткнитесь об этот корень... А сейчас будет скользкий участок... Осторожно, ветка... Смотрите — бревно... — твердил он, дергаясь всем телом, пока мы не поднялись по ступенькам на деревянную веранду, где носильщики благополучно спустили ящик на стол.

Дом Джеймса Ментона представлял собой обшитое досками двухэтажное строение с огромными окнами, снабженными ставнями, и с упомянутой верандой вдоль всего первого этажа. Для страховки от капризов реки Парана дом опирался на толстые деревянные сваи трехметровой высоты. В саду (если слово это годится для описания зарослей перед домом) росли манго, авокадо, апельсины и локва, за которыми можно было рассмотреть поблескивающие струи Параны.

— А теперь, — произнес Джеймс, и голос его дрожал не меньше, чем руки, — совершим небольшое возлияние — с вашего разрешения, конечно. Тост в честь вашего прибытия.

С этими словами он вскрыл ящик и извлек бутылку, причем руки его

Д

дрожали так, что казалось — он сейчас выронит ее. Я осторожно разжал его пальцы и забрал бутылку.

— Странно, — сказал я, — они даже изобразили на наклейке терьера денди динмонт. Интересно, почему выбрали такую малоизвестную породу?

Я поставил бутылку на стол рядом с ящиком; хозяин дома глядел на нее как завороченный, потом вдруг вздрогнул, словно очнулся от сна.

— Анна! — крикнул он. — Анна, неси стаканы!

Из комнат донеслось какое-то бормотание, затем появилась, неся поднос с двумя стаканами, коренастая женщина с собранными в пучок седыми волосами, из которых торчал лес шпилек. Ей можно было дать и сорок, и девяносто лет; суровое лицо и холодный взгляд давали повод заключить, что часть жизни она провела в качестве надзирательницы в каком-нибудь из наименее приятных концлагерей. Анна внимательно посмотрела на бутылку с виски и на ящик, откуда бутылка была извлечена.

— Не забывайте, что говорит герр доктор, — произнесла она зловецким тоном.

— Полно, Анна, — одернул ее Джеймс. — Мистеру Дарреллу вовсе не интересно слушать всякий вздор.

Анна с ворчанием удалилась, а Джеймс свинтил с бутылки колпачок и, лихо жонглируя — причем в один момент мне показалось, что сейчас он разобьет оба стакана горлышком бутылки, — налил умеренную порцию мне и почти полный стакан себе. Я обратил внимание на то, что он левша, — факт, который неизменно озадачивает вас, когда вы видите, что человек пишет или паливает что-то «не той рукой».

— Никогда не разбавляю содовой, — сообщил он виноватым тоном. — Только портит вкус. Ну так добро пожаловать!

Я еще только поднес стакан к губам, а он уже опорожнил свой в три приема. Доковылял до кресла и упал в него, весь дрожа. Виски явно распускало его нервы, как вы распускаете старое вязание.

— Всегда говорю, что первый вечерний стакан — самый лучший, — сказал он, силясь улыбнуться со стучащими зубами.

— Согласен, — отозвался я, воздержавшись от уточнения, что еще только пять часов и до захода солнца далеко. — А сейчас пойду-ка я покормлю своих зверей и уложу их спать, а потом буду совсем свободен.

— Отлично, отлично, — рассеянно произнес хозяин, глядя не на меня, а на бутылку.

Мои подопечные, каждый по-своему, осудили меня, осыпали бранью, отчитали и отругали за то, что я на пять минут опоздал с кормлением. Впрочем, мало-помалу яростная критика бессердечного хозяина сменилась

удовлетворенной работой челюстей, жующих мясо и фрукты и разгрызающих орехи.

Шагая обратно к дому вдоль берега и любясь вилохвостыми мухоловками, которые гонялись за насекомыми, оправдывая свое название, я обратил внимание, что в небе по ту сторону реки собирается гроза. Огромные кучевые облака, черные, пурпурные и серо-голубые, точно персидские кошки, с белыми и желтыми когтями молний плыли в нашу сторону. Издалека доносились зловещие глухие раскаты грома.

— Погодите, мистер Даррелл, минутку! — окликнул меня чей-то голос.

Догоняя меня, по дорожке семенил приземистый человек с пухлым лицом, на котором выделялись усы с проседью и пронизывающие карие глаза. На нем был не первой чистоты мятый полотняный костюм, в руке он держал черную сумку, из одного кармана свисала, точно кишка, часть стетоскопа. Не надо было слыть гением дедукции, чтобы распознать в нем врача.

— Доктор Ларкин, — представился коротыш, пожимая мне руку. — Официально состою на службе в фирме «Таннин компани», но сверх того иногда оказываю помощь этим беднягам индейцам. Чертовы парагвайцы, чье высокомерие основано лишь на том, что в их праздных жилах течет капля-другая испанской крови, отвратительно обращаются с индейцами. Тогда как индейцы — соль земли. Извините, что задерживаю, хотел только спросить, как себя чувствует Джеймс. Не видел его дня два, был слишком занят. Надеюсь, он в полном порядке?

— Что ж, — рассудительно произнес я, — если способность за тридцать секунд выпить стакан виски считать полным порядком...

— Черт возьми! — взорвался доктор Ларкин. — Кто дал ему это проклятое зелье? Я же всех здесь предупредил, чтобы не давали ему ни капли. Ни капли! Мне только-только удалось вывести его из запоя.

— Боюсь, преступник перед вами, — сокрушенно признался я. — Я не подозревал, что Джеймс алкоголик, и когда он пригласил меня остановиться у него, то заметил, что у него не осталось виски, а я кое-что припас для друзей в Буэнос-Айресе, вот и отдал ему ящик.

— Господи! Целый ящик! — воскликнул Ларкин. — После предыдущего запоя один бог знает, что ему теперь станет мерещиться! Розовые слоны — пустяк перед тем, что было, когда я им занялся.

— Весьма сожалею, — сказал я.

— Я вас не виню. Вы совершили естественный добрый поступок. Об одном прошу: постарайтесь забрать остальные бутылки или хотя бы часть. Поверьте мне, хитрость этих типов не знает предела, когда они доходят до такой стадии. Мне туда нечего появляться вместе с вами. Красная тряпка для быка... Держите, вот моя визитная карточка, звоните, если что-то не

Д

заладится. Понимаете, у него бывают ужасные галлюцинации, но вы не обращайте внимания. Он станет пичкать вас всякими рассказами, так вы только поддакивайте, делайте вид, что всему верите. А я попробую заглянуть завтра, идет?

— Отлично, и простите, что я сорвал ваше лечение.

— Всех их не спасешь, — улыбнулся он и зашагал по своим делам.

Когда я вошел на веранду, Джеймс уже успел надраться. Бутылка была почти пуста, на доньшке осталась самая малость. На столе стоял древний патефон, рядом с ним лежали старые пластинки. Было что-то жуткое в том, что он слушал не что-нибудь, а «Раскаяние мисс Отис» в исполнении братьев Миллз.

— Дружище, — сказал Джеймс, поспешно наливая себе виски. — Дружище, управился со своими делами? Эта бутылка, похоже, пуста, не откупорить ли другую, а? Поехали!

Его руки уже не так дрожали, когда он налил нам обоим нормальную порцию.

С каждым часом Ментон все больше пьянел. Он почти не прикоснулся к превосходному обеду, приготовленному Анной, лишь сидел понуро у стола, сжимая в руке стакан и посматривая на бутылку.

— Скажи, — спросил я просто так, чтобы разговорить его, — как ты заполучил такой роскошный дом?

— Дом? Этот? Наследство. От тетушки. Дом и деньги на расходы, с тем чтобы я никогда больше не показывался в доброй старой Англии. Ей, видишь ли, не нравилась моя репутация. Не скажу, чтобы тогда она нравилась мне самому.

Он глотнул виски.

— Как по-твоему, чем я тогда занимался? Угадай! — посмотрел он на меня с хитринкой в своих зеленых глазах.

— Затрудняюсь сразу так определить, — ответил я. — Ты явно получил хорошее образование. Служил в Сити, предположим, или работал учителем, или находился на государственной службе...

— Что ж, ты почти угадал. — Он пьяно усмехнулся. — На государственной службе, это точно. Но учителем был. Особого рода. Ну, напрягись!

— Понятия не имею. В области просвещения столько разных должностей.

— Просвещения — хорошо сказано! Нет, мальчик мой, я учил убивать. Убивать профессионально, — добавил он, наливая себе почти полный стакан.

— Ты хочешь сказать, что обучал десантников, или морских пехотинцев, или еще кого-нибудь в этом роде?

Мне стало малость не по себе, хотелось скорей вернуться на пароход, в свою маленькую вонючую каюту.

— К черту десантников, — сказал он, глотая виски. — Нет, дружище, я учил вешать людей.

Ментон вдруг резко наклонил голову набок, весьма реалистично изображая висельника.

— Да-да, вот чему я учил. Учил завязывать узел, который творит чудеса. Узел — вот в чем суть. Узел, быстро отправляющий человека в вечность. Узел, причиняющий меньше хлопот, чем брачные узы.

— Ты хочешь сказать, что официально служил палачом?

— Не то чтобы служил — я был *разъездным* палачом. Разумеется, сам прошел обучение в Англии. Там мне приходилось в основном наблюдать и усваивать приемы. Это ведь настоящее искусство — сломать позвоночник человеку так, чтобы он не страдал, понимаешь? Тут и без математики не обходится, понял? Для того чтобы человек падал прямо вниз, необходимо учитывать его рост, вес, толщину шеи. Настоящее искусство, как я тебе сказал.

Он смолк, весь передернулся и допил залпом виски.

— Вся беда в том, — продолжал Ментон срывающимся голосом, — что эти ублюдки не желают оставаться мертвыми. Не хотят отстать от меня. Какого черта не остаются там, где очутились, зачем возвращаются и безобразничают? Они же были осуждены, черт бы их побрал.

Зеленые глаза Джеймса наполнились слезами, которые поглощались его усами и бородой, как снежинки болотной травой.

— Почему не хотят оставить меня в покое? — спросил он меня с отчаянием в голосе. — Я ведь только выполнял мою работу.

— Ты хочешь сказать, что они тебе снятся?

— *Снятся*? Черта с два. Если бы они *снились*, док Ларкин выдал бы мне снадобье, от которого ты сразу отключаешься и не видишь никаких проклятых снов. Лучше бы *снились*, тогда док излечил бы меня.

— Значит, ты... э... как бы видишь их наяву?

Я не стал употреблять слово «галлюцинация», опасаясь обидеть его.

— Лучше я тебе все расскажу. Как я уже говорил, прошел обучение в конце войны. Мы тогда вздернули нескольких человек, и я, прости за выражение, набил себе руку. Так вот, сразу после войны набралось, естественно, немало кандидатов на виселицу, а в большинстве стран, сам понимаешь, таких, как Новая Гвинея, некоторые африканские страны, Малайзия, даже в Австралии, если взять Брисбен, не было своих палачей. Я говорю о настоящих палачах, высококвалифицированных, понимаешь? Ну, и стали меня посылать в командировки, и я вздергивал их пачками,

Д

когда накапливались кандидаты. А заодно обучал этому делу кого-нибудь из местных парней. Я был, так сказать, разъездным профессором смерти.

Он издал странный, отрывистый смешок, и еще несколько слезинок скатились по его щекам и растворились в усах. Наполнив свой стакан, он смерил взглядом, сколько еще осталось в бутылке.

— И вот однажды меня направили в один из городов Малайзии. Местная тюрьма была перенаселена, поэтому смертника перевезли в деревенское узилище, километрах в сорока от того города. Сам понимаешь, что это была за кутузка — шесть грязных камер, сержант и двое рядовых в охране. Сержант был парень ничего, только порядочный разгильдяй. Рядовые, как обычно, с тупыми рожами и еще более тупыми мозгами. В конце концов я установил виселицу как положено. Настал день казни. Я поднялся на рассвете, еще раз проверил виселицу и обнаружил, что сержант лежит мертвецки пьяный в постели с такой же пьяной шестнадцатилетней девчонкой. Разбудил рядовых, они, слава богу, были трезвые, привели заключенного к виселице, я приготовил его и, как это заведено, спросил, хочет ли он что-нибудь сказать. Он, само собой, говорил только по-малайски, но один из рядовых кое-как перевел его ответ на английский. Сказал, дескать, тот человек утверждает, что он невиновен. Сам знаешь, большинство из них так говорит, так что я надел ему на голову колпак и проводил на тот свет. Раз-два — и готово.

Ментон опустил голову на лежащие на столе руки, и я увидел, как плечи его вздрогнули. Потом он поднял залитое слезами лицо и уставился на меня.

— Я не того повесил, — сказал он.

— Господи! — в ужасе воскликнул я. — И что ты сделал?

— А что я мог сделать? Я видел смертника через глазок в камере городской тюрьмы. Получил данные о его весе и росте, естественно, выяснил толщину шеи, форму головы — все, что было важно для меня. Но, черт возьми, как отличить одного язычника от другого, они все для меня были на одно лицо. А чертов сержант слишком надрался, чтобы сориентировать меня, его подчиненные вообще ничего не соображали.

— А бедняга не сопротивлялся, не кричал?

— Да нет, там в этих странах к смерти относятся очень спокойно.

Он налил себе еще стакан. «Интересно, — подумал я, — сколько бутылок осталось?»

— Можешь представить себе, какой шум поднялся, когда об этом случае стало известно. Заголовки в мировой печати: «Зверский палач», «Человек, убивающий ради собственного удовольствия», «Бессердечный кат», «Беспечный убийца» и так далее. Странно, что ты их не видел.

— Я находился в Африке, далековато от цивилизованного мира, — со-

общил я; можно было добавить, что в то время я, скорее всего, базировался в деревне в шестидесяти километрах от ближайшего шоссе и нам не доставляли по утрам лондонскую «Таймс».

— В общем, на этом кончилась моя карьера. Разумеется, было проведено официальное расследование, мне приписали преступную халатность. Дескать, я должен был дожидаться, когда сержант протрезвеет. А как я мог ждать? У меня был билет на самолет, командировка в другую страну. На мне висели другие кандидаты, что я мог поделаться? — не очень вразумительно продолжал Ментон. — В общем, меня выгнали в три шеи. Моя тетушка, один из столпов церкви, была, разумеется, в ужасе. Выделила мне средства и отправила сюда. Это уже тогда началось, но я думал, черт подери, Парагвай так далеко, что сюда они за мной не последуют.

— Кто не последует? — спросил я озадаченно. Он посмотрел на меня, и глаза его опять наполнились слезами.

— Да эти лица, — всхлипнул он. — Их чертовы лица.

Я промолчал, давая ему время взять себя в руки.

— Понимаешь, все началось однажды, когда я брился перед зеркалом. Гляжу — одна половина лица расплывается, будто не в фокусе. Ладно, пошел к своему лекарю, он направил меня к глазнику. Глазник ничего не нашел. А туман все сильнее, уже все лицо стало расплываться, я не мог толком бриться. И вдруг в один прекрасный день смотрю в зеркало и вижу не себя, а лицо О'Мары, первого, кого я повесил, это было где-то в Нигерии, он свою жену разрезал ножом на куски. Я так удивился, что продолжал таращиться на зеркало, и тут О'Мара ухмыльнулся, наклонил набок голову с высунутым языком, выпрямился, снова ухмыльнулся, подмигнул и пропал. Я решил, что это виски виновато. Ты, возможно, заметил, что я не прочь пропустить стаканчик-другой. Ладно, я принимаюсь бриться, в ту же минуту мое отражение расплывается и возникает лицо Дженкинса. Боже, как он глядел на меня!.. Со страха я выронил бритву. Дженкинса сменил Ю Линь, Ю Линя — Томсон, Томсона — Ранжит Синг и так далее. Всего я насчитал двенадцать рож. Помню, меня вырвало там в ванной и бросило в дрожь, как от малярии. Я понимал, что моему врачу об этом нельзя рассказывать, он в два счета отправит меня в психушку. Подумал, может быть, зеркало виновато, пошел и купил другое. Утром следующего дня *они* нашли его. Купил третье — та же история. Может, все дело в форме или размерах зеркала? Я потратил на них уйму денег — никакого проку, эти чертовы лица всюду возникали. Вот почему, — сказал Ментон, щупая свое лицо, — я так оброс.

— Но парикмахер... — начал я.

— Нет-нет, — перебил он меня. — Когда я вешал своего первого

Д смертника, коснулся пальцами его шеи. Она была такая мягкая, теплая, бархатистая... Помню, я подумал: «Через тридцать секунд позвонки будут сломаны, и через несколько часов эта шея будет уже не теплая и бархатистая, а холодная, как баранина». Понимаешь, эта мысль почему-то потрясла меня. Здорово потрясла. С тех пор я не выношу, когда люди касаются моей шеи, моего горла. Мне делается не по себе. Глупо, конечно, но никуда не денешься. Какие там парикмахеры... Но ты поверил мне — поверил в то, что я рассказывал про зеркала?

— Конечно, поверил, — постарался я ответить возможно убедительнее. — Ты явно видел что-то, что тебя пугало.

Он снова наполнил свой стакан, потом поглядел на часы:

— Сегодня состоится заседание совета, хочу раз навсегда разобраться с этим делом. Мне нельзя опаздывать. И я должен быть трезвым. Они хитроумные, как Макиавелли. Но у нас есть еще немного времени. Пошли покажу тебе кое-что.

Неся стакан с виски так осторожно, будто это была капельница, он завел меня в коридор, куда выходили две огромные двойные двери. Ментон отпер их, распахнул и включил яркий свет, исходивший из огромной люстры в центре потолка. Передо мной была большая комната, длиной около двенадцати, шириной около шести метров, и во всю ее длину протянулся великолепный отполированный стол из розового дерева. По бокам стола размещались двенадцать кресел, по шести с каждой стороны, а в дальнем конце стояло тринадцатое — массивное, резное, из розового дерева, с толстыми подлокотниками. На стене за ним висело гигантское зеркало в золотой раме, отражающее стол, стулья и люстру над ними. Замечательная комната, но больше всего меня поразило обилие зеркал самой разной формы и величины, от высоких продолговатых до предназначенных для ванной комнаты и совсем маленьких, из женских пудрениц. Круглые, овальные, квадратные, даже треугольные зеркала, одни в резных рамах, другие в простеньких деревянных, третьи в голой хромированной стали. Лишь одна черта объединяла все зеркала — каждое было прибито к стене толстым железным гвоздем, от шляпки которого расходились лучами трещины.

— Видишь? — сказал Джеймс, слегка покачиваясь и показывая рукой на зеркала. — Вон сколько перебрал. Все равно пролезают, точно крысы в стог сена. Кто верит, что разбитое зеркало приносит несчастье, для того тут на стенах тысяча лет невезения. Ха! Мое несчастье постигло меня *до того*, как я их разбил.

Он удивленно посмотрел на свой пустой стакан, потом поглядел на часы.

— Пошли выпьем еще, — позвал он меня. — У меня еще вагон времени.

Тут я заметил, что перед каждым креслом, вплотную придвинутым к столу, кроме тринадцатого, на столешнице помещена карточка с напечатанной фамилией. Испытывая смутное предчувствие, я успел, прежде чем он погасил свет, прочесть некоторые: О'Мара, Ранжит Синг, Дженкинс — это все были люди, которых он, по его словам, казнил. Джеймс говорил про заседание совета, мне же увиденное напомнило скорее комнату для членов суда присяжных. Суда в составе двенадцати покойников... Я содрогнулся; хоть бы он не предложил мне присутствовать на заседании в роли наблюдателя...

Ментон тщательно закрыл двойные двери, и мы вышли на веранду. Гроза нависла прямо над нами, силясь истребить весь дом, обрушивая на него громовые раскаты, царапая когтями молний желоба, так что из них сыпались искры, плюясь дождем, который барабанил по крыше, заглушая кваканье лягушек. Нам с Джеймсом приходилось чуть ли не кричать, чтобы слышать друг друга.

— Пройдет, — заметил Ментон, наливая нам виски. — Эти грозы ненадолго.

Однако гроза не хотела униматься. Тучи застыли над нами, будто прикованные, словно знали, что здесь произойдет нечто жуткое, и желали участвовать в этом. Так кошка, припав к полу, следит за полумертвой мышью, ожидая, когда та шевельнется.

Джеймс поглядел на часы.

— Мне пора! — крикнул он. — Извини, но это важное заседание. Ты ведь знаешь, куда отнесли твои вещи? Так вот, если мы станем очень шуметь, постучи по полу. Впрочем, ты вряд ли нас услышишь при таком грохоте.

Он поднялся, с виду совершенно трезвый, самый любезный хозяин на свете.

— Еще раз извини, но, сам понимаешь, мне очень важно разобраться с этим делом.

— Конечно, понимаю, — отозвался я.

Джеймс Ментон возвратился в таинственную комнату с множеством разбитых зеркал, а я поднялся в отведенную мне обитель, где висел огромный гайанский гамак. На нем лежало сложенное вчетверо одеяло из шерсти викунии, мягкое и легкое, как паутина, теплое, как печка. Раздевшись, я закутался в него, тихо вышел и присел на лестничной площадке. Гроза еще раз попыталась пропороть молнией дом, и после очередного раската грома я услышал голос Ментона:

— Поймите, я ведь состоял на государственной службе, был служителем правосудия. Не я вынес вам приговор, Дженкинс, это сделали присяж-

летних недоумков. Вас непременно следовало убить, и я рад, черт возьми, что мне поручили вас вздернуть. Я горжусь, слышите, горжусь, что освободил мир от такого отребья...

Новый раскат грома заглушил его тираду.

— Не восстанавливай их против себя, болван, — услышал я собственный голос. Как будто его воображаемые присяжные существовали во плоти...

Гром не унимался, и голоса Ментона больше не было слышно. Потом до моего слуха донесся храп, я решил, что виски сделало свое дело и Джеймс уснул за столом, и сам улегся на гамак. Должен, однако, признаться, что спалось мне плохо.

Проснувшись утром, я тотчас прошел в спальню Джеймса. Его гамак висел наподобие огромного белого стручка, лишенного семян. Тогда я спустился в темный коридор и постучал в двойные двери:

— Джеймс! Это я, Джерри. Можно войти? — Никакого ответа. Я потрогал ручку, дверь была заперта. Нажал на нее плечом — кажется, не слишком крепкая... Отступив на шаг, ударил каблуком по замочной скважине. Со второго удара дверь распахнулась, и меня ослепил свет включенной люстры. Я вошел, осмотрелся. В огромном зеркале в дальнем конце помещения увидел отражение полированной столешницы с карточками, кресла по бокам стола. А на месте тринадцатого кресла — висящее на привязанной к потолочной балке веревке тело Джеймса Ментона. Жуткая картина... Его кресло лежало на боку подле стола. Видимо, он поставил его (или кто-то другой поставил?) на стол, укрепил наверху веревку, надел петлю на шею и выбил пинком кресло у себя из-под ног (или кто-то другой выбил?). Было видно, что он мертв; тем не менее я считал своим долгом снять его, сходил на кухню и нашел там острый нож.

Поднатужившись, я поднял на стол тяжелое кресло. Вблизи покойник выглядел еще менее привлекательно, не говоря уже об отвратительном запахе испражнений. На бороде и усах запеклась вытекшая из носа кровь. Пришлось приподнять его, чтобы перерезать веревку, и в лицо мне пахло таким перегаром, что меня чуть не стошнило. При этом кресло подомной скользнуло по гладкой столешнице, точно камень по льду, и я шлепнулся на пол в обнимку с мертвым телом. На беду, я очутился сверху, от моего веса из Джеймса вышла с противным бульканьем еще порция кала; к тому же петля вокруг шеи ослабла и изо рта покойника вырвалось зловонное дыхание. Я вскочил на ноги и выбежал на кухню, где меня вывернуло наизнанку.

Поразмыслив, я решил, что лучше всего позвонить доктору Ларкину. Он почти сразу взял трубку, хотя еще только-только рассвело.

Д

ные и судьи... почему бы вам не тиранить их... Потому что я вас казнил? Но неужели вы не понимаете, мне платили за то, чтобы я вас вешал... вы были виновны... Да-да, виновны, черт возьми, ес тело нашли в багажнике вашей машины, на ноже обнаружили отпечатки ваших пальцев, на вашей одежде была ее кровь... косвенные доказательства, черт бы их взял. Нет, я никому не сказал, что вы обгадились перед тем, как я вас вздернул. Так что не говорите...

Новый раскат грома длился так долго, что я не расслышал конец фразы. Когда же он стих, до моего слуха донеслось звяканье бутылки о стакан. Других голосов не было, только хозяина дома.

— Тебе отлично известно, Ю Линь, это был несчастный случай. Я полчаса разглядывал тебя через глазок, но ты сидел на полу, скорчившись, и я не видел, что у тебя такая тонкая шея. Пойми, профессионал вешает так, что голова не отрывается... Знаю, что это было для тебя бесчестьем...

Удар грома, скрежет и лязг — молния сшибла одну из водосточных труб.

Около двух часов сидел я на лестничной площадке, слушая, как Ментон спорит со своими жертвами под сотрясающие дом раскаты грома, от которых я чувствовал себя так, будто превратился в игральную кость в пластмассовом стакане. Один раз тихонько спустился на веранду и налил себе виски, после чего вернулся наверх, продолжая слушать.

— Хорошо! Хорошо! — прокричал он наконец. — Десять минут так десять — на вынесение приговора. А я за это время выпью и обдумаю *свой* приговор.

Я отступил назад, а он быстро вышел из комнаты вниз, закрыл двери и выбежал по коридору на веранду. Присоединиться к нему, сославшись на бессонницу? Не стоит, сказал я себе, услышав, как он наливает виски и принимается ходить взад-вперед, что-то бормоча.

Гроза как будто удалилась, только дождь дробно стучал по стенам дома да изредка поблескивали золотистые молнии. Внезапно Джеймс Ментон вновь появился в коридоре, сжимая в руке неразлучный стакан. Ворвался в комнату, встреченный ярким светом, и захлопнул двойную дверь.

— Ну, джентльмены, если можно вас так называть, вы обдумали свое решение?

Я шагнул вперед, чтобы лучше слышать, в ту же минуту сидевшая в засаде гроза обрушила на дом удар грома, превосходящий силой все предыдущие. Когда он стих, я услышал голос Ментона:

— Так вот каков ваш приговор? Ладно, я скажу, что думаю о вас, кровавая шайка. Вы получили то, что заслужили. У вас мозги — как у мало-

Д

— Си, докторио Ларкин. Куэн хабла?

— Это я, Джерри.

— Что там натворил Джеймс?

— Вчера вечером у него были жуткие галлюцинации, и утром я обнаружил его повешенным.

— В том смысле, что он повесился сам? — настороженно спросил Ларкин.

— Э... да, полагаю, что сам. Я снял его. Он мертв. Узел помещался под правым ухом, так что он скорее задохнулся, чем сломал позвонки.

— Узел не на месте?... А еще называл себя опытным палачом.

— Так ведь он был совсем пьян, к тому же левша, — объяснил я, сам продолжая себя спрашивать, кто мог сделать так, что Ментона постигла самая мучительная смерть.

— Послушай, — сказал Ларкин, — живо убирайся оттуда. Собери вещи и возвращайся на «Долорес». Я слышал, пароход отчаливает через час. Не дожидайся, чтобы тебя арестовали.

— Арестовали — за что, помилуй бог?

— В Парагвае для ареста гринго всегда найдется повод. Тебе хочется до конца года торчать в тюрьме, пока кучка местных законников будет разбираться с тобой?

— Нет, — твердо ответил я.

— Ну так делай, как я сказал, — собери вещи и дуй на пароход. Я сейчас приду и доложу в полицию, что сам вынул его из петли. Ол райт?

— Ол райт, — отозвался я.

— Да, послушай, Даррелл, случаем там не осталось виски?

— Две бутылки чудом уцелели.

— Оставь их на столе на веранде, если можно.

— Твой гонорар? — поинтересовался я.

— Нет, это для начальника полиции. Прощай. — Он бросил трубку.

Я живо собрал свой нехитрый скарб, сбежал по лестнице и с удивлением увидел ожидающего внизу улыбающегося индейца.

— Капитане... пароход... гудбай, — сказал он. Я вручил ему вещи и жестом показал, чтобы он шел вперед. Хотелось проверить еще одну вещь, которую я успел заметить мельком. Войдя снова в большую комнату, где лежало на полу опухшее, обезображенное тело бедняги Джеймса Ментона, я поглядел на стол и с легким содроганием увидел, что не ошибался. Все двенадцать кресел были повернуты так, будто сидевшие в них люди хотели лучше видеть. Видеть что? Казнь?..

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ПЛАТЬЯ МИСС БУТ-УИЧЕРЛИ

О платьях мисс Бут-Уичерли и о смятении, которое они вызвали в умах самых разных представителей рода человеческого, от селян Сан-Себастьяна до членов ордена сестер-благотворительниц и крупье в казино Монте-Карло, мне стало известно только потому, что я был знаком с мисс Бут-Уичерли.

Когда я каждый год отправляюсь на юг Франции, чтобы в моем маленьком доме там предаться творчеству, непременно делаю крюк и останавливаюсь на несколько дней в Монте-Карло у моих друзей Жана и Мелани Шульц. Жан — ушедший на покой швейцарский банкир, человек состоятельный, обладатель бандитских усов и жуликоватых голубых глаз; Мелани — прелестная молодая американка, одна из тех стройных особ, чьи длинные темные волосы и чеканный профиль заставляют молодых мужчин тарашиться с открытым ртом. Я очень привязался к ним и только поэтому с крайней неохотой согласился, когда они однажды вечером предложили мне составить им компанию в казино.

Я не игрок. Очень рано узнал, что для успеха в игре человек должен обладать особой кармой. Если я поставлю на лошадь или на собаку, они тотчас заболевают: первая — ящуром, вторая — бешенством. Поставлю в рулетке на черное — будет выходить с некой маоистской злокозненностью только красное. На горьком опыте убедился — стоит мне побиться с кем-то об заклад, что небо синее, как оно немедленно покроется черными грозowymi тучами. Придя к выводу, что природой я не создан для игры, вел себя соответственно. Мои друзья были свободны от подобных тормозов, а потому радостно принялись пускать кровь своим банковским счетам.

Предоставленный самому себе, я ходил по залу, наблюдая игроков, замечательное собрание индивидов — от маленькой горбуны, похожей на цыганку, до стройной блондинки, словно сошедшей со страниц журнала «Вог», от негра во фраке с непроницаемым лицом статуи до чудовищного толстяка, по красному лицу и прерывистому дыханию которого было видно, что он, скорее всего, тут и умрет за игровым столом. Но даже в такой необычной коллекции мне сразу бросилась в глаза мисс Бут-Уичерли.

Ее лицо покрывала сетка морщин, напоминающая рельефную карту дельты какой-нибудь из великих рек; кожа на шее свисала складками наподобие штор. Нос у этой маленькой хрупкой женщины был внушитель-

Д ный, изогнутый, как орлиный клюв, мутноватые глаза — водянисто-голубые, точно бледный барвинок, и в левый глаз был вставлен монокль на длинной выцветшей ленточке. Меня поразило одеяние мисс Бут-Уичерли, явно придуманное в самом начале двадцатых годов. На ней было платье из малинового бархата, с фигурными золотыми пуговицами и длинными рукавами. На голове большая шляпа из того же материала, украшенная желтыми страусовыми перьями и мехом некоего животного, неизвестного науке. Тем же мехом были отделаны ворот, рукава и подол платья. На черепашьей шее висели несколько ниток разноцветных бус, а к той части платья, что предположительно скрывала бюст, была приколотая большая роза из желтого сатина. Изумительные руки, будто вырезанные из хрупких сухих веток какого-то экзотического дерева, изящно манипулировали фишками. Веки были слегка тронуты тенями, скулы — румянами, губы намазаны помадой — но все в меру, не придавая даме сходства с престарелым клоуном. Обращенная к крупье улыбка обнажала ослепительно белую вставную челюсть.

Я прикинул, что ей за семьдесят, и был удивлен, узнав впоследствии, что мисс Бут-Уичерли исполнилось восемьдесят два года. Судя по ужасному французскому выговору, она была англичанка.

На столе перед ней лежал маленький блокнот, в котором она тщательно записывала выходявшие номера, очевидно играя по внушающей благоговейный ужас «системе». У большинства людей, одержимых страстью к игре (речь идет о болезни, подобной алкоголизму), разработана система, за которую они слепо цепляются. Тот факт, что система не срабатывает, роли не играет, она заменяет им талисман, и проку от нее примерно столько же. Они проиграют девятнадцать ставок из двадцати, но, выиграв двадцатую, сочтут свою систему безошибочной. Одержимого игрока можно сразу распознать. Фанатическим взглядом следит он, как шарик, издавая звук, подобный смертоносной пулеметной очереди, бежит по кругу, и лицо его хищно напрягается, когда тот замедляет свой бег и ложится в нумерованное гнездо. Из груди игрока вырывается продолжительный выдох, словно он только что исполнил прекрасную музыкальную пьесу, и если ему повезло, он торжествующе улыбается, обводя сверкающим взглядом остальных игроков и бесстрастного крупье. Проиграв, спешит записать номер, чтобы совершенствовать свою систему, беззвучно шевеля губами.

Мисс Бут-Уичерли была настоящим одержимым игроком. Она писала в блокноте колонки цифр, расставляла рядами фишки, точно гвардейцев для атаки, и все время постукивала по ним наманикюренными ногтями. Ставки делала с видом человека, точно знающего, что непременно выиграет, после чего ввинчивала монокль крепче, следя за фатальным бегом

шарика и словно гипнотизируя вращающийся круг. Однако сегодня явно был не ее день, и на моих глазах ряды ее маленьких гвардейцев редели под огнем невезения, пока не пал и последний. Глядя на мисс Бут-Уичерли, я спрашивал себя — это свет виноват или мне чудится, что она становится бледнее с потерей каждой фишки; румяна на скулах выступали так, будто у нее началась лихорадка.

Элегантно встав из-за стола, она поклонилась крупье; он ответил бесстрастным поклоном. Когда она медленно направилась к выходу, я последовал за ней. В просторном холле с мраморными колоннами она вдруг качнулась и оперлась рукой на ближайшую колонну. К счастью, я был совсем рядом и живо подхватил ее под другую руку, такую мягкую и дряблую, что я ощутил тонкую и хрупкую, точно грифель, кость. Еще я уловил какой-то странный запах — не духи, но тем не менее что-то знакомое...

— Спасибо, — пробормотала она. — Вы так добры. Кажется, я обо что-то споткнулась, надо же.

— Посидите немного, — сказал я, ведя ее к резной кушетке.

Она с трудом добрела и упала на кушетку, точно небрежно брошенная кукла. Закрыв глаза, откинулась назад, и на фоне молочно-белых морщин тени на веках, румяна и губная помада светились, как неоновая реклама. Монокль выпал из глаза на судорожно вздымающуюся грудь. Я пощупал ее пульс — слабый, но ровный. Остановил проходившего мимо официанта:

— Бренди для мадам, поскорей!

Официант поглядел на развалину в малиновом наряде, прибавил шагу и возвратился с похвальной быстротой, неся бокал с доброй порцией бренди.

— Глотните, — сказал я, садясь рядом со старой леди. — Вам сразу станет легче.

Она открыла глаза, нащупала монокль и с третьей попытки вставила его в глаз. Посмотрела на бокал с бренди, потом на меня.

— Молодой человек, — произнесла она, негодуя приосанившись, — я *никогда* не пью.

Я снова уловил в ее дыхании странный запах и на этот раз понял — денатурат. Старая леди была не только игроком, но и пьяницей.

— Обычно, мадам, я не посмел бы предложить вам крепкий напиток, — мягко произнес я, — но мне показалось, что вам дурно, должно быть, жара виновата, и я подумал, глоток бренди поможет, если принять его как лекарство.

Она воззрилась на меня через монокль, из-за которого один глаз казался больше другого, потом перевела взгляд на бокал:

— Если как лекарство — это другое дело. Мой папа всегда говорил, что глоточек бренди лучше всех врачей с Харли-стрит.

— Согласен, — горячо отозвался я.

Д Взяв у меня бокал, она жадно опустошила его, прокашлялась, извлекла откуда-то кружевной платочек и вытерла рот.

— Согревает... — Она закрыла глаза и откинулась на спину кушетки. — Хорошо согревает. Папочка был прав.

Я помолчал, ожидая, когда бренди подействует как следует. Наконец она открыла глаза.

— Молодой человек, — не очень внятно заговорила старая леди. — Вы были совершенно правы. Я чувствую себя несравненно лучше.

— Еще бокал?

— Даже не знаю, — осторожно молвила она. — Разве что самую малость.

Я подозвал жестом официанта, и он принес еще один бокал, чье содержимое исчезло с такой же волшебной быстротой.

— Мадам, — сказал я, — поскольку вам как будто нездоровится, может быть, вы разрешите мне проводить вас до дома?

Мне страшно хотелось узнать, где эти святые монхи пребывают в дневные часы.

Она уставилась на меня:

— Мы знакомы?

— Увы, нет.

— Тогда ваше предложение неприлично. Просто неприлично.

— А если я представляюсь вам? — Что я и не замедлил сделать.

Она величественно наклонила голову и протянула мне хрупкую руку.

— Сюзанна Бут-Уичерли, — сообщила леди таким тоном, будто она была сама Клеопатра.

— Весьма польщен, — отозвался я и поцеловал ее руку.

— Что ж, вам не откажешь в воспитанности, — неохотно признала она. — Ладно, проводите меня, если это вас не затруднит.

Помочь мисс Бут-Уичерли спуститься из холла по длинной лестнице было далеко не просто, ибо два бренди хорошо подействовали, и если они несколько связали ее ноги, то развязали язык, и чуть ли не на каждом шагу она останавливалась, чтобы поделиться своими воспоминаниями. Сделав три шага вниз по лестнице, мисс Бут-Уичерли вспомнила, как папочка впервые привез ее в Монте-Карло, когда мамочка умерла в 1904 году, и принялась во всех подробностях описывать окружавшее их общество. Женщины в дивных платьях, точно стаи пестрых попугаев, сверкающие драгоценностями так, что пират ослеп бы, глядя на них; красавцы мужчины, восхитительные женщины, таких теперь не увидишь. Когда она была молода, все были чудо как хороши. Сойдя с лестницы, она вспомнила ка-

кого-то молодого красавца, покорившего ее сердце, который проиграл все свои деньги и застрелился, выйдя из зала. Напрасно застрелился, ведь ее папочка одолжил бы ему денег, и сколько хлопот причинил слугам, которым пришлось отмывать полы. Папочка говорил, что к людям из низших слоев общества всегда следует относиться с тактом и не загружать слуг излишней работой. Перед самым выходом она вспомнила, как в 1906 году в Монте приезжал король Эдуард и ее представили ему, он вел себя как истинный джентльмен. Поток воспоминаний продолжал литься на крыльце и на дворе, не прерывался он и в такси, которое доставило нас в одну из наименее приглядных частей Монте-Карло. Машина остановилась на дорожке между двумя высокими старыми домами с облупленной штукатуркой и посеребрившими от яркого солнца ставнями.

— Ага, приехали, — сказала мисс Бут-Уичерли, вставляя в глаз монокль и обозревая непрезентабельную аллею. — Моя квартира на первом этаже, вон там, вторая дверь слева. Очень удобно.

Я извлек ее с некоторым трудом из такси и, попросив водителя подождать, довел до дверей по дорожке, где в жарком вечернем воздухе пахло кошками, сточными водами и гнилыми овощами. У входа в свою квартиру мисс Бут-Уичерли снова ввинтила в глаз монокль и грациозно протянула мне руку:

— Вы были чрезвычайно добры, молодой человек, чрезвычайно. И мне доставило большое удовольствие побеседовать с вами. Большое удовольствие.

— Это я получил удовольствие, — совершенно искренне отозвался я. — Вы позволите мне завтра навестить вас, чтобы удостовериться, что вы совершенно оправились?

— Я никого не принимаю до пяти часов, — ответила она.

— В таком случае буду в пять, если позволите.

— Буду рада вас видеть, — сказала мисс Бут-Уичерли, отпуская меня кивком головы.

После чего отворила дверь, вошла в дом не совсем твердыми шагами и заперла за собой. Мне не хотелось оставлять ее — чего доброго, упадет и что-нибудь повредит. Однако эта своенравная старая леди вряд ли позволила бы мне раздеть ее и уложить в постель.

На другой день в пять часов, запасшись корзиной с фруктами и сыром, а также большим букетом цветов, я отправился в обитель мисс Бут-Уичерли. Постучавшись в дверь, услышал пронзительный лай. Вскоре дверь приоткрылась и в щелочку выглянула, сверкая моноклем, мисс Бут-Уичерли.

— Добрый вечер, мисс Бут-Уичерли, — поздоровался я. — Вот я и пришел, как мы договаривались.

Дверь открылась пошире, и я увидел, что хозяйка одета в потрясающую кружевную ночную рубашку. Она явно забыла про меня и наш уговор.

— Пойдите, молодой человек, — сказала она. — Я не ждала вас... э... так рано.

— Простите, но мне показалось, что вы назвали цифру «пять».

— Верно, а что, уже пять? Господи, как время летит, я только что прилегла отдохнуть.

— Извините, что побеспокоил. Может, мне прийти попозже?

— Нет-нет. — Она милостиво улыбнулась. — Если вы не против того, чтобы я принимала вас в ночном одеянии.

— Ваше общество в любом одеянии для меня великая честь, — галантно ответил я.

Она распахнула дверь, я вошел, и мне ударил в нос застоялый запах денатурата. Квартира мисс Бут-Уичерли состояла из одной большой комнаты, служачей и спальни и гостиной, и прилегающих к ней крохотных кухни и ванной. У дальней стены стояла огромная двуспальная кровать. По случаю жары на ней лежали только простыни, притом такие грязные, что казались черными. Виножник сидел посередине постели — такс, который грыз здоровенную кость, вымазанную кровью и опилками, и который злобно зарычал при виде меня. Все стены были сплошь покрыты старыми пожелтевшими фотографиями в золоченых рамках. У одной стены стояли два массивных дубовых шкафа, а между ними втиснулись стеллажи с поразительной коллекцией аккуратной надетой на колодки обуви. Тут было не меньше тридцати-сорока пар, от грубых башмаков до покрытых блестящими вечерних лодочек. У противоположной стены были нагромождены почти до потолка большие кожаные чемоданы (какие в старые времена называли дорожными сундуками), похожие на пиратские сундуки с соковыжималками, с выпуклой крышкой, украшенные магическими буквами «БУТ-УИЧЕРЛИ». В окружении этих предметов мебели с трудом разместились маленький стол и три плетеных стула.

— Эти фрукты и сыр мне так приглянулись, что я просто не мог не принести их вам, — сообщил я. — И конечно, цветы хозяйке дома.

Она взяла своими хрупкими ручонками букет, и глаза ее вдруг наполнились слезами.

— Как давно мне не дарили цветов, — пролепетала старушка.

— Это потому, что вы ведете затворническую жизнь, — сказал я. — Если бы вы чаще выходили в свет, у ваших дверей стояла бы очередь мужчин с букетами, я бы не смог пробиться.

Она поглядела на меня, потом довольно рассмеялась:

— Ох и тип вы, как сказал бы мой папочка. Знаете, как польстить старой женщине.

— Ерунда, — бросил я. — Пятьдесят лет не старость, а больше я вам не дам.

Она снова рассмеялась:

— Давненько не видела я таких *галантных* молодых людей. Очень давно. А приятно. Вы начинаете мне нравиться.

— Очень рад, — искренне отозвался я. — Потому что вы мне уже нравитесь.

С этой минуты я стал другом и наперсником мисс Бут-Уичерли. У нее не было других друзей и не было родственников, немногие знакомые считали ее чокнутой или же у них не было ни времени, ни желания слушать ее бесконечные истории. Я же с увлечением слушал живые, полные сарказма рассказы о былых временах, когда британцы так властно ступали по планете и карты мира были по преимуществу окрашены в розовый цвет, подтверждая этот факт. То был мир, где прочно утвердились солидарность и элегантность, мир неисчерпаемых запасов всяких благ для людей состоятельных, мир, где простолюдины знали свое место, где хороший повар получал тридцать фунтов в год и один выходной в месяц. Мисс Бут-Уичерли возрождала для меня те далекие, неизменно солнечные дни; это было все равно, как если бы вдруг заговорил динозавр. Я стал прилежно навещать ее, отбиваясь от такса Лулу (который всякий раз кусал меня за икры) и потчuya хозяйку фруктами, сыром и шоколадом, кои она просто обожала. Постепенно приучил ее пить бренди вместо денатурата, полагая, что это будет полезнее, если уж она совсем не может бросить пить. К тому же желаемый эффект достигался меньшим количеством бренди, чем денатурата. Поначалу она, конечно же, принимала бренди только как лекарство, однако вскоре сама стала смело предлагать выпить по рюмочке. Первое время она вообще не признавала бренди, тогда я придумал играть с ней в карты на бутылку. Если она выигрывала, бутылка доставалась ей; если проигрывала, мы вместе отмечали мою победу, и, уходя, я «забывал» бутылку. Во время нашей последней встречи за карточным столом (на другой день мне предстояло покинуть Францию) мисс Бут-Уичерли поведала мне, что она католичка.

— И очень дурная, боюсь, — призналась она. — Уже забыла, когда последний раз посещала мессу. Дело в том, что я считала себя недостойной, очень уж я дурная женщина во многих отношениях.

— Ни за что не поверю, — возразил я. — В моих глазах вы сама добродетель.

Д

— Нет-нет. Вы далеко не все знаете обо мне, молодой человек. В свое время я натворила дел.

Она украдкой оглянулась, словно удостовераясь, что мы одни. Если не считать Лулу, который сидел на кровати, деловито грызя нечто напоминающее половину бараньей туши.

— Однажды я была любовницей женатого мужчины, — внезапно возвестила мисс Бут-Уичерли и выпрямилась на стуле, проверяя, как я воспринял эту новость.

— Bravo! — хладнокровно воскликнул я. — Бьюсь об заклад, он был счастлив с вами, везучий дьявол.

— Верно! Я сделала его счастливым!

— Вот видите — вы даровали человеку счастье.

— Да, но это было аморально, — заметила она.

— Счастье есть счастье, и мораль, на мой взгляд, тут ни при чем, — сказал я.

— Я забеременела от него, — сообщила она и быстро глотнула бренди для успокоения нервов после такого признания.

— Увы, и такое бывает, — осторожно заметил я.

— Но я совершила ужасный поступок, смертный грех, — прошептала она. — Я сделала аборт.

Я промолчал, не зная толком, что сказать на это. Она восприняла мое молчание как осуждение ее поступка.

— У меня не было другого выхода, — сказала мисс Бут-Уичерли. — Конечно, я знаю, теперь женщины делают аборт, как щелкают семечки, и им хоть бы что. Производят на свет незаконнорожденных детей, как куры яйца несут, и это вовсе не считается позором. Но когда я была девушкой, роман с *женатым мужчиной* почитали большим грехом, а родить ребенка вне брака или сделать аборт вообще было *немыслимо*.

— Но разве церковь вам не помогла? — спросил я. — Мне казалось, в такие трудные минуты...

— Нет, — перебила меня мисс Бут-Уичерли. — В той церкви, куда мы ходили, был весьма неприятный священник. Я была очень расстроена, сами понимаете, совершенно обезумела, — и что же он? Сравнил меня с вавилонской блудницей, вот и все.

Из-под монокла по ее щеке скатилась слезинка.

— И я перестала ходить в церковь, — фыркнула она. — Заключила, что меня покинули в беде.

— Не вижу, чтобы это обрекло вас на вечное проклятие, — заметил я. — На свете хватает людей, натворивших вещей куда похуже.

— Не будь у меня тогда туго с деньгами, — сказала мисс Бут-Уичер-

ли, — я охотно помогала бы церкви, хотя бы самую малость. Но после того случая — все, зареклась на всю жизнь. — Она глотнула еще бренди. — Вот кому я *хотела бы* помочь, так это сиротскому приюту в Сан-Себастьяне. Тамошние сестры-благотворительницы делают великое дело. Для них все равно, рожден ли ребенок... ну, вне брака. Я побывала там однажды с моим любовником Анри, мы были просто поражены. Они добрые, не то что те священники.

— Сан-Себастьян — маленькая деревушка во Франции, если не ошибаюсь, у самой границы? — спросил я.

— Да, — ответила она. — Очень милая горная деревушка.

— Когда я в следующем году опять приеду в эти края, вы позволите мне отвезти вас туда, навестить сестер?

— О, это было бы чудесно, — просияла мисс Бут-Уичерли. — Замечательно, я буду предвкушать эту поездку.

— Договорились, — сказал я, тасуя карты. — А теперь посмотрим, кто из нас выиграет эту непечатую бутылку медицинского бренди.

Выиграла она.

И она придумала способ помочь сиротскому приюту в Сан-Себастьяне. Хотя знай она, какую тревогу и какое смятение это вызовет, думаю, не стала бы этого делать. Впрочем, все кончилось самым наилучшим образом.

...Через год я снова приехал во Францию и, как обычно, навестил Жана и Мелани. Когда после бурных приветствий мы сели, чтобы выпить по стаканчику, я провозгласил тост в честь Мелани.

— Ты лучшая хозяйка дома в мире и самая красивая женщина в Монте-Карло, — сказал я.

Она с улыбкой наклонила свою прелестную голову.

— Однако, — продолжал я, — чтобы ты не слишком задавалась, должен сознаться, что мое сердце принадлежит другой леди. А потому придется мне на время оставить вас, чтобы купить фрукты, сыр, бренди и цветы и поспешить к моей любимой, прелестной, несравненной мисс Бут-Уичерли.

— Боже! — воскликнул Жан.

— О, Джерри, — удрученно произнесла Мелани, — ты не получил нашего письма?

— Письмо? Какое письмо? — спросил я, предчувствуя несчастье.

— Мисс Бут-Уичерли скончалась, Джерри, — печально сказал Жан. — Извини, мы сразу тебе написали, зная, как ты ее любил.

— Рассказывайте...

Я услышал, что мисс Бут-Уичерли, выиграв немного денег в казино, отметила дома это событие, после чего неосмотрительно решила принять шину. Поскользнулась, упала и сломала оба бедра, точно спички. Всю

Д

ночь пролежала в ванне, где вода с каждой минутой становилась все холоднее. Рано утром какой-то прохожий услышал слабые крики о помощи и выломал дверь. Неукротимая до последней минуты, мисс Бут-Уичерли сообразила назвать спасителю номер телефона Жана и Мелани. Я много ей рассказывал про них, и у нее не было других друзей. Жан тотчас примчался туда и отвез ее в больницу.

— Она держалась замечательно, Джерри, — говорил Жан. — Знала, что умирает, однако твердо настроилась не отправляться на тот свет, пока не сделает все необходимое. Сказала, что врач собирался впрыснуть ей морфий. «Уберите это зелье, молодой человек, — велела она ему. — За всю жизнь я ни разу не принимала наркотиков и не собираюсь теперь становиться наркоманкой». Потом настояла на том, чтобы ей помогли составить завещание. Какое там наследство — мебель да платья... Все это она завещала детскому приюту в Сан-Себастьяне. — Жан остановился, шумно высморкался. — Силы покидали ее на глазах, но мысли оставались ясными. Сказала, что хотела бы увидеть тебя, Джерри. Сказала, что ты был ее самый близкий друг. Просила извиниться от ее имени за то, что не сможет поехать вместе с тобой в приют.

— Вы привели священника? — спросил я.

— Я предлагал, но она отказалась, — ответил Жан. — Сказала, что не желает иметь дела с церковью. Отключилась на некоторое время, но перед самой кончиной пришла в себя, как это бывает, ввинтила в глаз монокль и уставилась на меня, именно *уставилась*. И сказала одну очень странную вещь.

Я терпеливо подождал, пока Жан смочил глотку.

— Она сказала: «Они ничего от меня не получают. Вавилонская блудница, надо же! Я Бут-Уичерли. Я им покажу». Тут монокль выпал у нее из глаза, и она испустила дух. Ты не догадываешься, Джерри, что она хотела этим сказать? — Жан посмотрел на меня, наморщив лоб.

— Догадываюсь, — ответил я. — В молодости она совершила один неблагоразумный поступок, и местный священник, вместо того чтобы помочь ей, назвал ее вавилонской блудницей. С того дня она перестала ходить в церковь. Сдается мне, под конец жизни она не связывала сиротский приют с церковью и, когда завещала все приюту, думала, что этим околпачит церковь. Рассчитывала, что это произведет сенсацию, бедняжка, церковь придет в ярость оттого, что не заполучит ее платья.

— Но ведь так оно и вышло! — воскликнула Мелани. — Сенсация была, притом самая *ужасная*. Мы рассказали обо всем в нашем письме.

— Повторите, — попросил я.

— Нет, дорогая, ничего не говори сейчас, — сказал Жан. — Просто мы отвезем его вечером в казино.

— *Не хочу* я ни в какое казино, — раздраженно отозвался я, удрученный новостью о кончине мисс Бут-Уичерли. — Без нее это будет совсем не то.

— Ты должен поехать ради ее памяти, — настаивал Жан. — Я покажу тебе кое-что, ты посмеешься и поймешь, что все в порядке.

Он говорил совершенно серьезно, но в глазах мелькала веселая искорка.

— Он прав, дорогой Джерри, — подхватила Мелани. — *Прошу* тебя.

— Ладно, — неохотно согласился я. — Везите и показывайте, и пусть ваши слова оправдаются.

Они оправдались.

Приехав в казино, мы вошли в игровые залы, и Жан сказал:

— А теперь осмотришься кругом и скажи, что ты видишь.

Я повел взглядом по игровым столам. Очко — обычная компания, включая карлицу-цыганку, которая, судя по ее реакции, только что сорвала хороший куш. Железка — много старых знакомых, в том числе невозмутимый, как всегда, истукан. Рулетка... Этот стол окружала плотная толпа; судя по всему, там кому-то безумно везло. На минуту в толпе появился просвет, и у меня сжалось сердце. Я успел разглядеть ее... Наклонясь над столом, делала ставку мисс Бут-Уичерли, в том же малиновом бархатном платье и в той же шляпе, какие были на ней, когда я увидел ее впервые. Тут она повернула голову, и я понял, что это не мисс Бут-Уичерли, а куда более молодая женщина, лет двадцати с небольшим, с прелестным лицом и большими голубыми, как у персидской кошки, невинными глазами. Она улыбалась, говоря что-то стоящему за ее креслом красивому молодому человеку. Он смотрел на нее с обожанием и энергично кивал в ответ на каждое слово. Кто бы ни была эта особа, она присвоила платье мисс Бут-Уичерли, и мое раздражение переросло в гнев. Круг опять завертелся, толпа сомкнулась и скрыла ее от моего взора.

— Кто это, *черт возьми!* — выпалил я. — И какого черта она носит платье мисс Бут-Уичерли?

— Т-с-с, — сказал Жан. — Не так громко. Все в порядке, Джерри.

— Но кто она, эта чертова мародерша? — сердито спросил я.

— Это сестра Клер, — ответил Жан, глядя на меня.

— Сестра Клер? — повторил я за ним.

— Сестра Клер, — подтвердила Мелани.

— Вы хотите сказать, что она *монахиня*? — спросил я недоверчиво. — Монахиня в *таком* платье, за игровым столом? Вы с ума сошли.

— Да нет же, Джерри, — улыбнулся Жан, — это чистая правда.

Д

Клер — одна из сестер-благотворительниц. Во всяком случае, была одной из них, она больше не монахиня.

— Неудивительно, — едко заметил я. — Допускаю, что католическая церковь отличается терпимостью, но даже она вряд ли стала бы терпеть в своих рядах монахиню в наряде двадцатых годов, посещающую вертеп в обществе молодого красавчика жиголо.

Мелани рассмеялась.

— Никакой он не жиголо, это Мишель, очень славный парень, — сообщила она и добавила почему-то: — Он сирота из приюта в Сан-Себастьяне.

— По мне, пусть у него будет хоть шесть отцов, — огрызнулся я. — Хотелось бы мне знать, с какой стати эта лжемонашка щеголяет в платье мисс Бут-Уичерли.

— Погоди. — Жан мягко взял меня за руку. — Все объяснится, но сперва подойди, посмотри, как она играет.

Мы подошли к игровому столу и заняли позицию напротив сестры Клер (должен признаться, в красном бархате и желтых страусовых перьях она была восхитительна). На столе перед ней лежала гора фишек, и я стал внимательно следить за тем, как она играет. У нее была дивная кожа чудесного бело-розового цвета, как у румяного осеннего яблока; огромные голубые глаза над высокими скулами слегка скошены на восточный лад. Красивой формы прямой нос, полные чувственные губы, которые часто раздвигались в улыбке, обнажая безупречные, хотя и мелковатые зубы. Улыбка озаряла все ее лицо необычным внутренним светом; глаза при этом светились так, что хоть грей ладони перед ними. В этих глазах было что-то от детской искренности и непорочности, и, сделав ставку, Клер смотрела на вращающийся круг так, как ребенок пожирает глазами рождественскую витрину.

Смутлая кожа, кудрявая шевелюра и большие добрые карие глаза парня за ее спиной (я дал бы ему лет двадцать с небольшим) придавали ему сходство с итальянским цыганом. Стройная фигура его двигалась плавно и грациозно, будто в танце. Многие женщины в зале, как молодые, так и постарше, кидали на него алчные взоры, но он видел только сидящую перед ним в красном бархате сестру Клер, и она то и дело поворачивалась к нему, улыбаясь и поглаживая страусовыми перьями его безупречный костюм. Глядя, как он разговаривает с ней, я мысленно извинился за то, что обозвал его жиголо. Передо мной был влюбленный, чувствительный молодой человек. Так же очевидно было, что сестра Клер тоже в него влюблена, хотя я допускал, что ее невинная душа не отдает себе в этом отчета. Они явно чувствовали себя вместе непринужденно и счастливо, держались

так, будто во всем зале не было никого, кроме них, совершенно не замечая наблюдающую за ними толпу.

Внимание Клер было разделено поровну между молодым человеком и вращающимся кругом с постукивающим шариком. Сделав ставку, она не сводила с рулетки светлого взгляда. Словно не сомневалась в успехе. И везло ей невероятно. Она явно играла без какой-либо системы, следуя движению души, и делала ставки от пятидесяти до ста фунтов. Почти все остальные игроки следовали ее примеру. Она выигрывала в одиннадцати случаях из двенадцати; на моих глазах крупье со страдальческим видом пододвинул ей очередные фишки на сумму около двух тысяч фунтов.

— Последняя ставка, — тихо сказал мне Жан.

— Откуда ты знаешь?

— Учитывая ее сверхъестественное везение, казино заключило соглашение с Клер. За вечер она проигрывает только два раза, называет это «предупреждением всевышнего». Если ее не остановить, может разорить казино. Когда пришла играть в первый раз, сорвала банк. Это была полная сенсация, особенно когда они выяснили, кто она, — сообщил Жан.

— Господи, да ты шутишь, — промолвил я. — Это просто невероятно.

— Истинная правда, — возразил Жан. — Ей каждый вечер неизменно везет. Для любого другого вход в казино был бы закрыт, но они узнали, что она монашенка и главный персонаж одного громкого дела. Что им оставалось делать? Общественность не позволила бы запретить ей играть. Пришлось заключить договор. Клер играет раз в неделю три часа и заканчивает, когда выигрыш достигает двух тысяч пятисот фунтов. Разумеется, казино на этом тоже выигрывает, ведь народ так и валит посмотреть на играющую монахиню.

— А как это все началось? — озадаченно справился я. — И при чем тут платье мисс Бут-Уичерли, черт побери?

— Сестра Клер сама тебе все расскажет, — ответил Жан. — Они придут к нам на ужин, так что наберись терпения. Только не вздумай смеяться, Джерри, потому что она очень серьезно относится к тому, что произошло.

— Смеяться? Я совершенно сбит с толку, какой тут смех.

Когда мы вернулись в дом Шульцев, Жан налил всем троем по стаканчику, и мы вышли на широкую веранду, оплетенную бутенвиллеей с пурпурными и розовыми цветами; внизу, под горой, сверкали огни Монте-Карло, будто небрежно разбросанные драгоценности.

— Сдается мне, — рассудительно произнес я, — в вашей повести хватает пробелов. Может быть, вы заполните кое-какие из них, пока не пришла монахиня, которая сорвала банк в казино Монте-Карло?

Д

— Только предварительные сведения, — отозвался Жан. — Самое поразительное ты услышишь из уст самой сестры Клер.

— Валяй, — сказал я.

— Родилась она в Девоншире, ее родные были католики. Когда она стала постарше, ее отец поступил на работу садовником в большой римско-католический монастырь поблизости от Вулвергемптона. Девочка трудилась вместе с ним и вскоре стала специалистом по выращиванию фруктов, овощей и цветов для монастыря, который служил также сиротским приютом, что весьма устраивало сестру Клер, страстно любящую детей. В свободное от сада время она помогала монахиням в их делах. Когда умер отец, заняла его место. Тогда-то и решила сама стать монахиней. Ну вот, однажды она где-то прочитала статью про Сан-Себастьян и деятельность сестер-благотворительниц и сразу загорелась, посчитав это знамением свыше. Клер всегда была убеждена, что у господана приготовлена для нее работа, и нетерпеливо ждала знамения. Вот и явилось оно в виде той статьи. Она заключила, что должна трудиться в Сан-Себастьяне.

— Постой, — возразил я. — Наверно, она прочитала в журналах не одну сотню статей. Почему именно эту посчитала знамением?

Жан осторожно стряхнул белый пепел со своей сигары.

— А потому, — заметил он. — Когда стоишь на коленях среди цветов, моля всевышнего направить тебя на истинный путь, и видишь вдруг обернутый вокруг только что полученной рассады лист из журнала именно с этой статьей, только естественно посчитать это знамением, особенно если ты сестра Клер.

— Понятно, — сказал я.

— Для сестры Клер, — продолжал Жан, — камни служат указаниями, деревья и цветы — предзнаменованием. Ее бог находится повсеместно, он постоянно ее наставляет и направляет, а потому необходимо все время быть начеку, чтобы истолковать его пожелания. Понял?

— Кажется, начинаю понимать, — задумчиво произнес я.

— Она глубоко убеждена, что пребывает в постоянном соприкосновении со всевышним; не осознав этого, ты не поймешь ее дальнейших действий. Добавь к этому ее абсолютную непорочность. Что бы она ни делала по воле господана, это не может быть предосудительным, и она скорее пойдет на костер, чем откажется выполнять его указания.

Сестра Клер из породы мучеников, в ее жилах течет кровь святых.

Жан помолчал, наполняя наши стаканы.

— Так вот, приняв решение (а когда такой человек что-то решает, его никто не переубедит), она взялась за дело и не успокоилась, пока шесть лет назад не перебралась-таки в Сан-Себастьян. Успешно управляла ма-

ленькой фермой и садом и находила время для занятий с младшими детьми. А затем случилось одновременно три события. Во-первых, в монастырь поступило распоряжение избавиться от половины детей — дескать, приют перенаселен. Во-вторых, Мишель потерял свою работу в Монте-Карло и вынужден был вернуться в монастырь. И в-третьих, мисс Бут-Уичерли скончалась, завещав приюту в числе прочего свои платья. Взятые по отдельности, эти события, казалось бы, никак не связаны между собой, но сложите их вместе, и если вы сестра Клер, воспримете как знамение свыше.

— Но мне по-прежнему не ясно... — начал я. В это время раздался звонок в дверь.

Служанка проводила сестру Клер и Мишеля к нам на веранду, и при свете свечей на обеденном столе бархатная шляпа и платье приобрели гранатовый оттенок. Жан представил меня.

— Счастлива познакомиться с другом мисс Бут-Уичерли, — сказала сестра Клер, сжимая мою руку ладонями и ослепляя меня сиянием голубых глаз.

Я заметил, что кожа ее рук загрубела от физической работы, однако они излучали тепло и энергию наподобие той, какую ощущаешь, держа птицу в руках, сложенных чашечкой.

— Бедный, вы, наверное, были потрясены, услышав о ее кончине, — продолжала она. — Но вас должно утешать сознание, что она была орудием в руках всевышнего и оставила по себе такую добрую память, верно?

— Понимаете, — ответил я, — Жан только-только начал рассказывать мне, как все было. Не могли бы вы поподробнее объяснить, как произошло это... э?..

— Это чудо? — подхватила сестра Клер. — Конечно, объясню.

Приняв от Жана стакан лимонада, она пригубила, потом наклонилась в мою сторону, готовясь рассказывать.

— Надеюсь, мистер Даррелл, вы не сочтете меня тщеславной особой, но с юных лет я прониклась убеждением, что предназначена господом для какой-то особой задачи. Должна с сожалением сознаться, что я очень нетерпеливый человек, это один из многих моих недостатков, и я предпочитаю... как это говорится? Ну да — не откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня. Однако в распоряжении господ бездна времени, и его нельзя торопить. И еще, он должен вас подготовить для исполнения его воли, а это сразу не делается. Когда же он сочтет, что вы готовы, то подаст вам знак. Понятно?

— Вполне, — серьезно ответил я.

— Иногда знаки бывают явственные, иногда, увы, не очень, и боюсь,

Д

иные их вовсе не замечают. Мсье Шульц рассказывал вам про статью в журнале?

Я кивнул.

— Такой очевидный знак, — радостно улыбнулась мне сестра Клер. — Я будто слышала *его* голос.

— Могу я предложить вам пересесть к столу, пока ужин не остыл? — сказала Мелани. — Там и продолжите свой рассказ.

— О, конечно! Конечно! — воскликнула сестра Клер. — Я голодна, как полный приют детей!

Я услышал ее тихий музыкальный смех, увидел, как глаза Клер засветились юмором. Нетрудно было понять, почему Мишель влюблен в нее. Направляясь к столу, я шел рядом с ним.

— Вы говорите по-английски? — спросил я. Он коротко улыбнулся.

— Нет... совсем мало. Клер, она учит меня. Она очень хорошая учительница, — гордо произнес Мишель.

— Не сомневаюсь, — сказал я.

За столом Мелани посадила меня напротив сестры Клер.

— Пожалуйста, рассказывайте дальше, — попросила ее Мелани. — Уверена, мистер Даррелл не притронется к еде, пока все не услышит.

— Да-да, она права, сестра, — подтвердил я.

— Не называйте меня сестрой. — По лицу Клер пробежала тень. — Понимаете, я больше не монахиня.

— Простите... Тогда позвольте мне называть вас мисс Клер?

— Разумеется, — радостно улыбнулась она. — Мне будет только приятно. — Она ковырнула ложкой сочную дыню и вздохнула. — Дети были бы в восторге от такого лакомства. Я должна послать им несколько дынь.

— Вы по-прежнему... э... поддерживаете связь с сиротским приютом? — спросил я, надеясь услышать продолжение ее истории.

— Поддерживает связь? — рассмеялся Жан. — Да она, по сути, *содержит* его!

Сестра Клер покраснела.

— Я только помогаю, — твердо произнесла она. — Еще бы не помогать, ведь такова воля господ.

Наступила небольшая пауза; я пытался представить себе, каким образом всевышний внушил монахине мысль заняться азартными играми.

— Итак, — заговорил я снова, — вы покинули Вулвергемптон и приехали в Сан-Себастьян.

Она кивнула:

— Да, это было шесть лет назад. Я немного разбиралась в садоводстве, и мне поручили управлять их маленькой фермой. Первое время мне при-

шлось нелегко, ведь я ничего не знала про коров и свиней, даже про кур, но я быстро освоилась. В свободное время водила детей на прогулки или устраивала для них игры, эти занятия мне больше всего нравились. Вы даже не представляете себе, какие там были милые дети, и я стала специально выращивать кое-что для них, например сладкую кукурузу и клубнику; они просто обожали эти лакомства. Я была очень счастлива, но все равно, понимаете, чувствовала, что у господа припасены для меня еще задачи.

Она управилась с дыней и откинулась на спинку стула, задумчиво глядя на свою тарелку. Потом подняла глаза, сияющие, будто озаренные солнцем сапфиры.

— И вот однажды всевышний приступил к раскрытию того, что им было предназначено для меня. Помню, я встала рано утром: до мессы нужно было сделать кое-какие дела. Управилась со всем так быстро, что еще оставалось время, и после завтрака я решила прополоть клумбы под окном сестры Мари. Я разбила там небольшой цветник, зная, как сестра Мари любит цветы, однако за делами на ферме малость забыла про него. Одуванчики очень хороши в салате, но совсем не красят бордюры цветников. Помню, день выдался жаркий и окна кабинета сестры Мари были открыты, так что я слышала все, что там говорилось. Уверяю вас, я вовсе не любительница подслушивать. На самом деле, как только я услышала голоса, хотела дать знать о себе и удалиться, но первые слова заставили меня похолодеть, и я застыла на месте, поверьте мне, будто в трансе.

Теперь-то я точно знаю, что сам господь того пожелал, но тогда я об этом не подозревала. Обращаясь к сестре Мари, мэр Сан-Себастьяна говорил: «Таким образом, сестра Мари, боюсь, что, если вы не сможете пристроить к приюту новый флигель, придется вам куда-то отправить часть детей». Можете себе представить, какой ужас меня охватил! Расстаться с детьми, большинство которых прожили у нас не один год, которые привыкли воспринимать приют как родной дом, а нас как родителей, было просто невыносимо. Сестра Мари, естественно, ответила мэру, что о строительстве нового флигеля не может быть и речи, мы и так еле сводим концы с концами. Мэр был добрый, порядочный человек, он сказал, что все понимает и знает, что дети не страдают, хотя им и приходится спать по шесть человек в одной комнате. Однако местный совет постановил, что это негигиенично и недопустимо. Уходя, предупредил сестру Мари, что будет ждать ее ответа три недели, до следующего заседания совета. Можете себе представить мое отчаяние! Я знала, что сестра Мари ничего не сможет сделать и что нам придется расстаться с частью детей. Боюсь, я оказалась так слаба, что горько расплакалась. А когда пришла в себя, подумала, что гос-

Д

подь не допустит такого несчастья, и обратилась к нему с молитвой за указанием. И тогда произошло первое чудо.

Служанка поставила на стол перед сестрой Клер миску с красной лесной земляникой и кувшинчик со сливками.

— О, лесная земляника! — радостно воскликнула сестра Клер по-французски, потом снова перешла на английский: — Я ходила с детьми в лес у Сан-Себастьяна, мы там собирали ягоды и приносили в приют. Боюсь, они больше съедали, чем собирали, но им это так нравилось.

— Так в чем же состояло первое чудо? — спросил я, строго следя за тем, чтобы она не отвлекалась от главной нити повествования.

— А, ну да, в том, что Мишель потерял работу. Мишель рос в приюте задолго до того, как я попала в Сан-Себастьян. Сестра Мари устроила его на работу в пекарню в Монте-Карло, но старик пекарь заболел и вынужден был закрыть свое заведение. И Мишель вернулся в приют в тот самый день, когда мэр принес сестре Мари дурные новости. Она пригласила меня к себе в кабинет, я думала, что она хочет рассказать мне как раз об этом, и собиралась признаться, что все слышала. Однако сестра Мари ни словом не коснулась этого вопроса, и я поняла, что она не хочет делиться с нами этим бременем, надеется сама найти какой-то выход. А меня пригласила, чтобы поговорить о Мишеле. Сказала, что, пока она будет пытаться найти ему другую работу, может быть, для него найдется дело на ферме; сестра Мари знала, что есть вещи, с которыми я физически не могу справиться. Я обрадовалась, потому что крыша коровника нуждалась в починке и... да мало ли еще какие дела нашлись бы для Мишеля с его сильными искусными руками. Так он начал работать вместе со мной, и вместе нам удалось много чего сделать. И вот однажды я говорю Мишелю, что у господина припасена для меня задача и я жду знака свыше. Любой другой человек, наверно, посчитал бы эти слова самонадеянными, но Мишель сразу понял меня. Он даже проявил такое сочувствие, что я не выдержала и поделилась ужасной новостью про угрозу нашему приюту, которая не давала мне покоя. Он был потрясен не меньше меня, но сколько мы ни обсуждали этот вопрос, не видели никакого способа решить проблему. И тут произошло второе чудо. Сестра Мари пригласила меня в свой кабинет и рассказала, что мисс Бут-Уичерли скончалась, завещав нам всю свою мебель и платья. Попросила меня отправиться вместе с Мишелем в Монте-Карло, упаковать платья и договориться об их доставке в приют, а мебель продать. Я-то еще никогда не бывала в Монте-Карло, зато Мишель знал все ходы и выходы. Мы поехали туда на автобусе, и там я совершенно растерялась, понимаете, так давно не бывала ни в каком городе, что просто опешила от

всего этого шума и суеты. Все время, пока мы там находились, у меня был словно туман в голове.

Сестра Клер остановилась, пригубила лимонад.

— Боюсь, я слишком много говорю, — виновато произнесла она. — Надеюсь, вам не слишком скучно меня слушать.

Хор голосов заверил ее, что совсем не скучно.

— Так вот, — продолжала она. — Должна признаться, когда мы пришли в квартиру мисс Бут-Уичерли, я была несколько удивлена и разочарована, ведь Мишель был так уверен, что мы найдем что-нибудь драгоценное, что поможет нам спасти приют. Мебель, сразу видно, была слишком изъедена червями, много за нее не выручишь, что же до платьев, они хоть и отлично сохранились, были слишком старомодными, их вообще никто не возьмет. Но сколько же их там было... И такая чудесная материя... В жизни не видела, чтобы у одного человека было столько одежды.

— Я знаю, — отозвался я. — Однажды мисс Бут-Уичерли устроила для меня показ мод. Это длилось три часа, и под конец она достала платье, в котором была на балу, где присутствовал король Эдуард Седьмой, синее с желтым шелковое платье и синий с золотом бархатный плащ. Потрясающее красивое сочетание; думаю, в молодости она была восхитительна. Неудивительно, что Эдуард уцепился за попку.

— Джерри! — всколыхнулась Мелани, но сестра Клер только рассмеялась.

— Я рада, что вы видели тот плащ и помните его, — сказала она. — Потому что с этого-то плаща все, собственно, и началось.

— Каким образом? — удивился я, вспоминая, как мисс Бут-Уичерли, накинув плащ на плечи, исполнила передо мной несколько пируэтов, так что золотое шитье разбегалось струями по волнам синего бархата.

— Сами понимаете, нам ведь нужно было разобрать и осмотреть весь гардероб, — продолжила сестра Клер. — Каждая вещь была аккуратно обернута в папиросную бумагу с камфарой, но все равно я должна была убедиться в их сохранности. И пришлось же нам потрудиться, распаковывая и снова упаковывая все эти платья, а в то же время интересно — как будто мы распаковывали радугу. Так вот, на самом дне одного чемодана мы нашли большую картонную коробку, а в ней то самое платье с плащом, про которое вы говорили. Коробка эта была так велика, что занимала всю площадь чемоданного дна. Мишель снял с нее крышку и вытащил платье. Помните, вокруг ворота и рукавов были пришиты мелкие белые бусины, напоминающие жемчуг? Подняв платье вверх, Мишель сказал — хорошо бы это в самом деле был жемчуг: мы могли бы его продать и не пришлось бы больше опасаться за судьбу приюта. Я ответила, что не сомневаюсь —

Д

если богу угодно, чтобы мы нашли деньги для приюта, он укажет нам способ. Мишель в эту минуту доставал из коробки плащ, помните — синий с золотом, такой красивый, точно летнее небо и лютики? Он зацепился углом за край коробки, и Мишель приподнял ее, а под коробкой лежала упавшая туда в незапамятные времена сумочка. Маленькая сумочка из того же материала, что плащ, с золоченой застежкой и короткой золоченой цепочкой. Я сразу подумала про Лину — так звали одну девочку в приюте, которая очень любила красивые вещи. Вот был бы для нее чудесный подарок, сказала я себе и тут же сообразила, что другие дети станут ей завидовать. Сами понимаете, какой с них спрос, с детишек. Как бы то ни было, я подняла сумочку и сразу почувствовала — что-то не так...

Сестра Клер остановилась и пригубила лимонад. Стояла та самая знаменитая тишина, про которую говорят, что можно было бы услышать, как муха пролетит. Жан стряхнул в пепельницу пепел со своей сигары так осторожно, словно боялся вызвать лавину.

— А почувствовала я, что эта маленькая сумочка очень уж тяжелая, — снова заговорила сестра Клер. — Я удивилась: застежка и цепочка явно не были золотыми, значит, дело не в них, а в чем-то, что лежит внутри. Я открыла сумочку и не поверила своим глазам. Вот и третье чудо... Знаете, что в ней лежало, мистер Даррелл? Двадцать один соверен. Тяжелые золотые монеты, от которых так и веяло богатством. Не знаю даже, как вам передать мое впечатление, они звенели не как обычные монеты, а совсем по-другому, понимаете, разница была, как между молоком и сливками. Мое сравнение кажется вам нелепым?

— Я отлично понимаю, что вы хотите сказать, — отозвался я.

— Ну вот, Мишель, глупышка, просто обезумел, когда увидел монеты. — Она нежно улыбнулась ему. — Принялся плясать по комнате, крича, что бог услышал наши молитвы и приют спасен. Мне не сразу удалось его успокоить. Заметьте, я и сама была ошеломлена, однако мне было ясно, что двадцать один соверен еще не решит проблемы приюта. В общем, мы сели и обсудили нашу находку. Мишель твердил, что надо пойти с этими монетами в банк и узнать их цену, и мы пошли в «Лионский кредит», огромное такое здание на бульваре Сен-Мартен, вы должны его знать. Оно похоже скорее на дворец или большую гостиницу, чем на банк, мраморные полы и все такое прочее. Я даже боялась входить, но Мишель заставил меня. Он такой уверенный... Ну вот, когда клерк увидел, что мы принесли, он как-то странно поглядел на нас. Мне стало не по себе, я решила, что он нас заподозрил в чем-то нехорошем. Сказал, что нам лучше обратиться к управляющему, и нас проводили в роскошный кабинет — большие кожаные кресла, огромный рабочий стол не меньше обеденного в

каком-нибудь банкетном зале. Мсье Фульвар (так звали управляющего) был чрезвычайно любезен. Сперва он спросил, откуда у нас такое сокровище, и пришлось рассказать ему про платья мисс Бут-Уичерли и про то, как мы нашли соверены. Мой рассказ произвел на него сильное впечатление, и он согласился, что это в самом деле чудо. Потом он вызвал к себе какого-то симпатичного молодого человека, который был... как это называется... в общем, специалистом по золоту. Этот человек унес монеты, чтобы то ли измерить их, то ли взвесить, то ли еще что-то, не знаю толком. Когда он вышел, мсье Фульвар сказал мне, что на самом деле произошло не одно, а два чуда. Понимаете, золотые монеты были дороги сами по себе, однако особую цену придавало им то, что на них стоял 1875 год. Судя по всему, есть люди, которые коллекционируют монеты, раньше я об этом даже не знала, но это совершенно точно. Странное занятие — коллекционировать монеты, верно? Мсье Фульвар сообщил, что один его друг, весьма честный человек, собирает монеты, и если мы позволим, мсье позвонит ему и попросит назвать свою цену. Конечно, я подумала, что следует предоставить сестре Мари заниматься этим делом, но Мишель заметил, что без нее все равно не обойдется, лучше возьмем часть хлопот на себя. Друг мсье Фульвара приехал немедленно. При виде монет он пришел в восторг и предложил, к великому моему удивлению, сумму, которая мне показалась просто огромной. Объяснил, что, будь это обыкновенные монеты — нелепое выражение, правда? но вы меня понимаете, — они стоили бы сто тысяч франков. Но поскольку они чеканены (кажется, так это называется) в 1875 году, то стоят они вдвое больше. Сами понимаете, мы с Мишелем не верили своим ушам, не поверили и глазам, когда мсье Фульвар стал отсчитывать деньги. Нам это показалось огромным, невероятным состоянием. Я думала о том, как счастлива будет сестра Мари, когда мы покажем ей все эти красивые цветные ассигнации, прямо картинки. Вам это покажется глупо, но они напомнили мне платья мисс Бут-Уичерли. Шуршали совсем как те платья, когда мы их распаковывали. Я в жизни не держала в руках столько денег.

Она остановилась, чтобы глотнуть еще лимонада. Мой кофе давно остыл, так я увлекся рассказом сестры Клер.

— И куда вы положили эти деньги? — спросил я, зная, что в рясах монахинь нет скрытых внутренних карманов, как у браконьеров...

— В сумочку мисс Бут-Уичерли, — ответила сестра Клер. — Куда же еще? Ведь мы там нашли монеты. Я чувствовала, что она бы это одобрила.

— Не сомневаюсь, — горячо вымолвил я, представляя себе радость мисс Бут-Уичерли, будь она свидетельницей этой сцены.

— Из банка мы вернулись в ее квартиру, — продолжала сестра

Д

Клер, — где, честно признаюсь, нашли на кухне немного кофе и сварили, чтобы подкрепиться. Пока пили кофе, задумались всерьез над тем, как использовать наши деньги для приюта. Понимаете, нас потрясла такая огромная сумма, но как же мы расстроились, когда все просчитали и выяснилось, что этих денег хватит, только чтобы пристроить еще одну комнату. Мы-то, глупенькие, мечтали о двадцати-тридцати новых спальнях с душем и всем, что полагается. Нашему разочарованию не было границ. Должно быть, именно поэтому Мишеля вдруг осенило. Понимаете, когда мы выходили из кабинета мсье Фульвара, он предостерег меня — в шутку, конечно, — чтобы я не потратила все деньги в казино. Разумеется, я слышала про казино, но не очень представляла себе, что это такое. Так вот, сидим мы, значит, пьем кофе, и тут Мишель напомнил мне про слова управляющего банком и сказал, что, пожалуй, именно в казино есть возможность увеличить наше состояние. Я считала, что это исключено, о чем твердо сказала Мишелю. К моему удивлению, он не менее твердо стоял на своем. Спросил меня, верю ли я, что господь направляет мои шаги. Естественно, я ответила, что верю. Тогда он перечислил все, что произошло за последнее время, — его возвращение в приют, кончина бедняжки мисс Бут-Уичерли, ее завещание, как мы нашли монеты, как затем выяснилось, что они стоят вдвое больше начальной цены... И он снова спросил, верю ли я, что во всем этом проявилась воля всевышнего. Конечно, я сказала, что верю, ведь в глубине души я в этом не сомневалась. Каким-то непонятным образом ощущала, что бог направляет меня к выполнению предписанной мне задачи. Мишель заявил, что ощущает то же самое, что он такое же орудие в руках господя, как и я. И что только в казино можем мы увеличить наше состояние. Сказал, что в конечном счете мы сделаем то же, что сделал Иисус с хлебами и рыбой, пусть даже другим способом. Мишель говорил очень убедительно и настойчиво, да я и сама начала колебаться, вопреки здравому смыслу. А он тут возьми и скажи, что не будет даже рисковать деньгами мисс Бут-Уичерли. Дескать, у него осталось кое-что из жалованья, полученного на прежней работе, и он начнет с этих денег. Если господу угодно, чтобы мы таким способом увеличили наследство, мы непременно выиграем. Мы выпили еще по чашке кофе, продолжая спорить, потому что он меня все-таки не убедил. Но вы бы видели тогда Мишеля! Он был так настойчив, так красноречив, у него даже глаза блестели! В конце концов пришлось мне согласиться, что самым богом было задумано, чтобы мы, заполучив такие деньги, еще больше увеличили наше состояние. Мишель предложил мне подождать в квартире, пока он сходит в казино: дескать, если ему повезет, он вернется за мной и деньгами мисс

Бут-Уичерли. Однако я была против. Во-первых, не хотела отпускать его одного в казино. Знала, конечно, что он лучше моего разбирался в мирских делах, и все же считала, что он слишком молод, чтобы в одиночку заглаживать такое дело. Во-вторых, меня смущала его одежда. На Мишеле были надеты старые драные джинсы и поношенная рубашка. Я не сомневалась — появившись он в казино такой молодой и такой... такой *оборванец*, его просто не выпустят. Но тут ему пришла в голову одна идея. Он предложил нам обоим надеть платья мисс Бут-Уичерли и в таком виде отправиться в казино.

Я воззрился на сестру Клер, не в силах что-либо сказать. Представить себе монахиню в одеянии мисс Бут-Уичерли было невозможно, за игровым столом — тем более. Если же добавить, что ее сопровождал молодой парень, это вообще было чем-то из области фантастики. Я невольно улыбнулся, как ни старался сохранять серьезное выражение лица. Сестра Клер порозовела.

— Конечно, я сопротивлялась, — сказала она, словно защищаясь. — Заявила Мишелю, что об этом не может быть и речи. Однако он настаивал. Дескать, всевышний указал нам путь, и если теперь мы испугаемся, значит, не верим в божественный промысл. Дескать, бог раз за разом указывал нам, как поступить, и теперь, когда успех в пределах досягаемости, с нашей стороны будет трусостью отступить. Я продолжала колебаться, хотя должна была признать, что все знаки указывали на желание всевышнего, чтобы мы преумножили его щедрый дар. Меня смущала мысль о том, чтобы делать это в казино. К тому же, подчеркнула я, платья мисс Бут-Уичерли вряд ли нам подойдут. А Мишель и говорит: если подойдут, посчитаю я это указанием, что бог желает, чтобы мы пошли в казино? Его слова, сами понимаете, только насмешили меня. Ведь мы с Мишелем одного роста и сложения, а платья казались такими большими! Ну я и сказала — в шутку, конечно, — что, если платье мне подойдет, я согласна идти в казино; мне и в голову не приходило, что это возможно.

Сестра Клер остановилась, опустила на скатерть сплетенные вместе пальцы.

— Разумеется, платье пришлось мне впору, как вы можете убедиться. — Она подняла одну руку, и в свете огня малиновый бархат был красным, как кровь, и темным в складках, как бордо.

— По правде говоря, — добавила она, — Мишель выглядел в платье совсем как юная девушка, очень миленькая, если можно так говорить о парне. Он выбрал простое желтое шелковое платье, соответствующие туфли и черно-желтую шляпу вроде колпака. Его довольно длинные курчавые

Д

волосы вполне могли сойти за модную в наши дни у девушек прическу. Тогда он настоял на том, чтобы я надела то сине-желтое платье и тот плащ, благодаря которым мы нашли деньги.

Сестра Клер остановилась, прокаплялась и виновато улыбнулась.

— Боюсь, я слишком много говорю, — сказала она. — У меня пересохло в горле. Могу я попросить, если это не трудно, налить мне минеральной воды?

Тотчас появилась минеральная вода, сестра Клер выпила полстакана так, будто это было изысканное вино, еще раз прокаплялась и посмотрела на нас с очаровательной улыбкой.

— Вы не представляете, как странно чувствуешь себя в обычном платье после монашеской рясы, — призналась она. — Я ощущала... даже не знаю, как сказать... впрочем... это было как в моей юности, когда мы играли в живые шарады, надевали всякие странные одежды и сами себя не узнавали, понимаете? Именно такое чувство было у меня. По правде сказать, я даже оробела, и мне было как-то неловко, как во время тех игр. Мне все казалось, что я наступлю на подол и споткнусь. И Мишель, естественно, выглядел так забавно в роли девушки, что я... я даже рассмеялась, и, глядя на меня, он тоже рассмеялся. На нас напал такой смех, что мы не сразу смогли выйти из дома, чтобы отправиться в казино.

Сестра Клер остановилась и медленно допила минеральную воду.

— Боюсь, я очень плохо все рассказываю, — извинилась она, — но очень трудно связно изложить, как именно выстраивались события. Теперь, оглядываясь назад, я удивляюсь своему поступку, но разве не то же самое чувство испытывает всякий, руководимый волей господ? Однако где я по-настоящему дрогнула, так это в казино, когда вошла туда. Такое огромное помещение, примерно таким я представляла себе собор Святого Петра в Риме, только построено оно было для совсем других целей... Все эти колонны в холле, мрамор кругом... Я и не знала, что в мире есть столько мрамора. Я очень боялась, как бы они не увидели, что Мишель во-все не девушка, а еще мне казалось — кто-нибудь непременно догадается, что я монахиня, хотя как можно было догадаться, глядя на мое платье! Мишель первым вошел в зал, и мне оставалось, конечно, только положить на него. Сам-то он никогда не бывал в казино, но пекарь, у которого он работал, частенько посещал это заведение и рассказывал Мишелю, что там происходит. Все с любопытством поглядывали на нас; теперь-то я знаю: людей удивили наши платья. Нынче многие одеваются эксцентрично, но согласитесь — платья мисс Бут-Уичерли и по нынешним меркам смотрятся необычно. Про игру я ничего не знала, но Мишель быстро нау-

чил меня. Он был просто молодец, если учесть, что никогда раньше не играл. Мы начали с самой маленькой ставки, я сказала Мишелю: если не выиграем, значит, господу не угодно, чтобы мы играли. Поставили на красное, и, должна признаться, у меня душа в пятки ушла, когда шарик побежал по кругу.

Сестра Клер глотнула минеральной воды и поглядела на нас с тихим торжеством.

— Разумеется, мы выиграли, — сказала она. — И это было для меня ясным знаком. Я узнала наконец, для какой задачи меня готовил всевышний. Меня как будто озарило, понимаете, я точно знала, что господь направляет мою руку, что я его орудие. Я была настолько уверена, что тут же сделала новую ставку — все наши деньги. Мишель был в ужасе, пытался остановить меня, но я сказала, что мы обязаны уповать на всевышнего. Конечно, мы выиграли и во второй раз, и еще двадцать четыре раза. Дважды проигрывали, но совсем немного, потому что я чувствовала, когда лучше делать небольшую ставку. После трех часов игры, когда у нас набралось больше двух миллионов франков, уже Мишель настаивал, чтобы я продолжала, но я чувствовала, что пора остановиться, вернуться в монастырь и поделиться хорошей новостью с сестрой Мари. Мы переоделись, естественно, и вернулись в Сан-Себастьян страшно возбужденные, ведь мы теперь по-настоящему могли помочь приюту, а главное — я знала, что наконец-то мне указано мое подлинное предназначение.

Она остановилась, тихо всхлипнула.

— К сожалению, ее преподобие судила иначе, и я страшно расстроилась, так она была потрясена. Дескать, мало того, что мною было совершено нечто совершенно непозволительное для монахини, я еще ввела в соблазн Мишеля. Она явно не сознавала, что таков был замысел господя, и никакие мои слова не могли ее переубедить. И меня отлучили от ордена сестер-благотворительниц.

— Не может быть! — воскликнул я.

— Да, Джерри, отлучили, это было просто ужасно, — тяжело произнес Жан.

— Но Мишель, — продолжала сестра Клер, вытирая слезинки, — стоял на моей стороне. Я и теперь не считаю, что мы не правы. В даре от господя не может быть ничего дурного, особенно если он используется на благие цели. Я верю, что бог наделил меня даром... даром игрока, чтобы я могла помогать детям. И я твердо решила не противиться его воле... Считала, что это было бы грешно. А потому через одного посредника выкупила у монастыря платье мисс Бут-Уичерли, поскольку было очевидно, что все-

Д^нвышнему угодно, чтобы я их носила и продолжала играть. Накопив побольше денег, послала чек матери-настоятельнице с припиской, что это деньги от господ. Она вернула мне чек: дескать, в глазах всевышнего принять его было бы все равно что взять деньги у проститутки. Несколько дней я ходила такая расстроенная, что Мишель не знал, как и быть. Понимаете? У меня на руках огромная сумма денег, приобретенная по наставлению всевышнего, он же наставлял меня, на что ее потратить, а я не знаю — как. И тут Мишелю пришла в голову блестящая идея. Мать-настоятельница знала, естественно, мою фамилию и в каком банке у меня открыт счет, так что любые деньги, поступающие оттуда, были бы возвращены. И мы решили открыть в другом банке счет на имя Мишеля. Правда, у него, бедняги, не было фамилии, потому что... потому что... в общем, потому. И надо было найти ему какую-то.

Она наклонилась вперед с сияющими глазами:

— Выбрать самому себе фамилию — это так *интересно*. У всех нас фамилии, полученные от родителей. А выбирать самому — все равно что заново родиться.

— И какую же фамилию он выбрал? — спросил я. Сестра Клер удивленно воззрилась на меня:

— Как это какую — Бут-Уичерли, конечно!

Я посмотрел на ее милое личико, потом рассмеялся. Жан и Мелани последовали моему примеру, очень уж забавно нам это показалось. Глядя на нас, сестра Клер и Мишель тоже засмеялись, не очень понимая, в чем дело.

Уверен, в эти минуты где-то в неведомых сферах, которые мы называем небесами, мисс Бут-Уичерли тоже громко смеялась.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ПОПУГАЙ ДЛЯ ПОПА

Она летела ко мне по платформе, одетая в элегантный синий костюм и синий шотландский берет, из-за которого ультрамариновые глаза ее казались вдвое больше обычного.

— Милый, я здесь! Это я, Урсула! — кричала она, ловко, что твой регбист, огибая чемоданы, носильщиков и пассажиров.

Я принял ее в свои объятия, и она прильнула к моему рту своими пре-

красными губами, издавая при этом, как всегда в таких случаях, громкий стонущий звук. Все мужчины на платформе уставились на меня с завистью, а все женщины — с ненавистью, так она была восхитительна.

— Милый, — сказала наконец Урсула, освободив мои губы, — *я жутко соскучилась по тебе.*

— Да ведь мы с тобой виделись позавчера, — возразил я, силясь освободиться от ее цепких объятий.

— Верно, милый, но вчерашний день был такой долгий, — ответила она и снова поцеловала меня. — О, милый, быть вместе с тобой в Лондоне весной — это такой шик!

— Где твой багаж? — спросил я.

— Уже идет. — Она показала на бредущего по платформе престарелого носильщика, нагруженного четырьмя большими чемоданами, шляпной коробкой и огромной латунной клеткой с серым попугаем.

— Какого черта ты взяла с собой попугая? — осведомился я с тревогой.

— Милый, его зовут Моисей, он здорово умеет говорить, вот только нахватался всяких нехороших слов. Я купила его у одного моряка, наверно, тот его научил. Сам знаешь, какие моряки неотесанные, кроме капитанов и адмиралов. Уверена, Нельсон никогда не бранился. То есть он мог, конечно, сказать «черт побери», когда потерял руку или глаз, но ведь это вполне простительно, правда?

Как всегда при встрече с моей любимой подругой, я ощутил, что мной овладевает чувство нереальности.

— Но зачем тебе понадобился попугай? Тебя не пустят с ним в гостиницу.

— Глупости, милый, в «Клариджес» разрешают брать с собой все, что угодно. Этот попугай — подарок для его преподобия Пенджа, он очень болен, бедняга.

Мне стало дурно. Еще одно из тех филантропических деяний Урсулы, которые неизменно влекли за собой катастрофические последствия, и я — один из соучастников. Решив пока что вынести за скобки вопрос о попугае, я обратил взгляд на гору ее багажа.

— Тебе в самом деле нужно столько вещей? — спросил я. — Или ты задумала прочно обосноваться в Лондоне?

— Глупости, милый, тут вещей всего на три дня, и я знала, что ты захочешь видеть меня красивой. Да я почти *ничего* не взяла, только самое необходимое. В конце концов, ты ведь не хочешь, чтобы я ходила голая?

— Воздержусь от ответа на этот вопрос, чтобы не изобличать себя, — ответил я.

Д

Мы добрались до стоянки такси, где носильщик уложил вещи в багажник, после чего стал засовывать клетку с попугаем на заднее сиденье. При этом он имел неосторожность сказать Моисею: «Попка дурак» — на что попугай с поразительно четкой дикцией изложил, куда тому следует отправиться и что там делать, причем оба предложения были совершенно неосуществимы как в географическом, так и в биологическом смысле.

— По-твоему, этот попугай — подходящий подарок для священника со слабым здоровьем? — спросил я мою прелестную спутницу, когда такси взяло курс на «Клариджес».

Урсула удивленно обратила на меня магнетический взгляд своих синих глаз.

— Конечно, — сказала она. — Это ведь говорящий попугай.

— Знаю, что говорящий. Меня беспокоит, что он говорит.

Словно по сигналу, Моисей снова заговорил:

— О-о-о, Чарли, дружок, давай еще раз, Чарли, дружок. О, я так люблю обниматься. Хе-хе-хе, что может быть лучше этого.

— Видишь, — заметил я. — Ты уверена, что *такое* твое благодеяние уместно?

— Ладно, — отозвалась Урсула, — я должна кое-что рассказать тебе о бедном старом преподобном Пендже. Он был приходским священником в Портель-кум-Харди, маленькой деревушке по соседству с нами, и у него были страшные неприятности с церковным хором.

— Хор был смешанный или только мальчишки?

— Да-да, только мальчишки. Разумеется, все обошлось бы, если бы речь шла только об одном маленьком хористе, но когда весь хор был вовлечен, жители деревни восстали. Они говорили, по-моему, совершенно правильно, что всему есть предел.

— И сколько же мальчишек было в этом хоре?

— Кажется, человек десять, точно не знаю. Но на мой взгляд, этот священник очень славный человек, напрасно они набросали ему в церкви черных шаров.

— Прямо в церкви? — заинтересовался я.

— Ну да, — не совсем уверенно сказала Урсула. — А может быть, белых, чтобы не испачкать церковь. Не знаю точно. Как бы то ни было, теперь он, бедняга, живет в комнатухе где-то в районе Кингз-Роуд, и я получила от него такое жалобное письмо, где он сообщает, что тяжело болен и ему не с кем поговорить. Потому я и привезла для него попугая.

— Поистине, — смиренно молвил я, — для священника с белыми шарами не может быть лучшего подарка, чем попугай-сквернослов.

— А что же еще, — отозвалась Урсула. — Не могла же я привезти ему юного хориста, верно? Сам рассуди, милый.

Я вздохнул:

— Почему ты решила остановиться в «Клариджес», а не в моей гостинице?

— Не нравится мне твоя гостиница, милый. Там от одного официанта всегда пахнет рыбьим жиром, к тому же мой папочка всегда останавливается в «Клариджес», сравнивает его с родным трактиром.

Моисей взъерошил свои перышки и обратился к нам:

— Сними штанишки, сними штанишки, дай поглядеть.

— А тебе не кажется, что твой священник предпочел бы маленького бессловесного хориста? — спросил я Урсулу.

— Глупости, милый. К тому же он мог бы угодить в тюрьму, если бессловесный.

— Кто бессловесный? — не понял я.

— Хорист. Кажется, это называется «обращение маломерок». Хотя я совершенно не понимаю, какое отношение маломерки имеют к хористам, ведь хористы поют в церкви, а маломерки продаются в магазине.

Как всегда при разговоре с Урсулой, я пришел в такое замешательство, что решил оставить эту тему и вернуться к началу.

— И когда же мы избавимся от Моисея? — осведомился я.

— Моисей знает, — сказал попугай. — Моисей знает... хе-хе-хе... сними штанишки, вот так, молодец.

— Завтра утром. Я думала прямо с утра отвезти его, — ответила Урсула.

— Моисей любит попку, — сообщил попугай.

— Я все еще считаю, что помешанный на сексе попугай — неподходящий подарок, — заметил я. — Кончится тем, что под влиянием этого распущенного Моисея преподобный Пендж помчится в собор Святого Павла в поисках юных хористов.

— Пошел ты... — посоветовал Моисей, уставившись на меня ярким глазом.

— Милый, преподобный Пендж не может никуда помчаться, — жалобно произнесла Урсула. — Он старый и очень слабый. Где ему угнаться за юными хористами. Он не может бегать так быстро. Их надо приводить к нему. Нет, я вовсе не предлагаю, чтобы так делали, но ты меня понимаешь.

— Понимаю... Удивляюсь только, почему ты не раздобыла для него овчарку.

— Овчарку? — удивилась Урсула. — Это еще зачем?

— Чтобы она загоняла для него юных хористов.

Д

Урсула сердито посмотрела на меня:

— Знаешь, милый, иногда мне кажется, что ты недостаточно серьезно смотришь на жизнь.

Я посмотрел на четыре чемодана Урсулы, на шляпную коробку, на Моисея в клетке, потом остановил свой взор на ее чудных глазах.

— Прости, — молвил я покаянно, — постараюсь впредь быть не таким легкомысленным.

— Вот и хорошо, милый, — отозвалась она. — Если в самом деле постараться, будешь относиться к жизни так же серьезно, как я.

— Все силы приложу, — пообещал я. Она просунула руку под мой локоть и чмокнула меня в щеку.

— Милый, правда, это будет что-то божественное, — мечтательно произнесла она. — Три дня в Лондоне с тобой — настоящий шик.

— Моисей любит попку, — напомнил попугай.

— Милый, я понимаю, что ты имеешь в виду, — задумчиво сказала Урсула. — Он явно помешан на разных частях тела.

— Не бери в голову, — ответил я. — Полагаю, то же можно сказать о преподобном Пендже. Уверен, они отлично поладят.

— Ты всегда меня успокаиваешь. — Она прижалась ко мне, глядя на меня своими огромными глазами. — Знаешь, когда у меня возникают какие-то сомнения, я всегда спрашиваю себя: «Как поступил бы Джерри?»

— И поступаешь наоборот.

— Нет, милый, не скромничай. Я во всем следую твоим советам.

Сомнительная похвала, если учесть, что старания Урсулы помочь людям производили такой же разрушительный эффект, как появление динозавра в посудной лавке.

— По правде говоря, — продолжала она, — в какой-то момент я даже подумывала о том, чтобы по-настоящему в тебя влюбиться, но затем решила, что не стоит.

— Боже! — воскликнул я. — И когда же именно был отсрочен мой приговор?

— Ну, это было довольно давно, на пляже под пирсом, когда мы купались вместе и ты сравнил мой зад с задом какого-то Рувима. Я тогда очень обиделась.

— Прости меня, ради бога, сердце мое, но лучшие в мире художники писали херувимов в разных позах, и они смотрелись восхитительно.

— Какие такие художники? — подозрительно осведомилась она.

— Хотя бы самые знаменитые художники Средневековья, — ответил я, жалея, что коснулся этой темы.

— Такие, как Поппичелли?

— Ну да. Он был мастер писать попки, отсюда такая фамилия, и он был бы в восторге от твоего зада.

— Нет, правда, милый? Это замечательно. Приятно знать, что в мире есть хоть один человек, которому нравится твой зад. Знаешь, ведь не так уж часто про зады говорят хорошие слова. Наверно, это потому, что зад всегда *внизу*. Во всем должна быть умеренность. Наверно, отсюда пошло выражение «держат свой зад под спудом», ведь если у тебя мягкое место, как у херубума, ты не станешь показывать его первому попавшемуся.

— Это очень старая английская поговорка, — уныло заметил я.

Одно время я подумывал о том, чтобы купить Урсуле словарь, но отказался от этой мысли, обнаружив, что она не знает толком, как пишутся произносимые слова.

Когда мы доехали до «Клариджес», дверцу такси живо открыл элегантный швейцар в цилиндре; зацепив пальцем в белой перчатке петлю наверху латунной клетки, он извлек ее из машины. Немедленно стало ясно, что Моисею понравилось развезжать на такси и он был против того, чтобы это удовольствие прерывалось. Швейцар приподнял клетку вверх, чтобы лучше рассмотреть птицу, и уже приготовился сказать с улыбкой: «Попка дурак» — как Моисей вперил в него сверкающий взгляд и яростно выпалил: «Ты, выbleдок, сын грязной потаскухи!» Это было сказано так громко и отчетливо, что швейцар попятился, точно наступил на грабли.

Урсула мигом выскользнула из машины.

— О, огромное спасибо, что вы взялись отнести Моисея! — воскликнула она, улыбаясь швейцару и включая на полную мощность свое обаяние. — Понимаете, он попутай и так замечательно умеет говорить. К сожалению, у него что-то неладно с глазами, это такая попутаячья болезнь, называется «паротит», и мы возили его к лучшим врачам, чтобы они определили, в чем дело. Понимаете, он принимает одних людей за других. Должно быть, принял вас за кого-то, кто ему чем-то сильно досадил. Он совершенно поправится, как только мы добудем для него новые очки.

— Моисей любит яички, — подхватил попутай.

Швейцар опешил — полученные им инструктажи совершенно не подготовили его к таким невероятным сценам.

— Мадам желает, чтобы я отнес эту говорящую птицу в ваш номер? — спросил он наконец.

— Да-да, пожалуйста, — сказала Урсула. — И весь этот багаж. Вы так любезны.

Она повернулась и наклонилась ко мне:

— Я совсем забыла захватить этот проклятый чехол... Когда накроешь

Д

клетку, он ничего не говорит. Придется купить другой. Пока, милый, увидимся за ленчем. Ровно в час в ресторане гостиницы «Дорчестер». Я жутко люблю тебя.

И, поцеловав меня, она последовала за Моисеем в «Клариджес». Попугай тем временем принялся петь сочным, звонким баритоном: «Как у мамы грудь одна, крошке мало молока. Не расти бедняге беби, не играть с большими в регби».

Я назвал водителю адрес моей гостиницы и откинулся на спинку сиденья, вытирая вспотевший лоб.

— Славная у тебя подружка, приятель, — заметил таксист. — Фигура, сказал бы я.

— И не одна, а полная колода, — отозвался я. Он рассмеялся:

— А этот попугай? Потеха! Я чуть не умер со смеху, слушая его. Настоящий порнографический попугай, провалиться мне на этом месте.

— Да уж, очаровательная парочка получилась, — едко заметил я.

— Ага, — подхватил водитель. — А вообще-то, если бы меня спросили, я предпочел бы попугая.

— Почему? — спросил я, малость оскорбленный таким пренебрежительным отношением к шарму Урсулы.

— Да ты сам посуди, приятель, — сказал таксист. — Если попугай тебе надоест, ему можно свернуть голову. А твоя леди как-никак слишком хороша, чтобы ее так приканчивать, верно?

— Верно, — вздохнул я. — Хотя такая мысль не однажды меня посещала.

Продолжая смеяться, он остановил машину у моей гостиницы и повернулся ко мне, ухмыляясь:

— Ты у нее на крючке, приятель, вот что я тебе скажу. Был у нас дома случай вроде этого с одной бродячей собакой... Я тогда жене так сказал: «Никаких чертовых псов, вези его в Баттерсейский центр для бездомных собак», так и сказал. Так нет же, приятель, представляешь себе, это был такой чертовски славный пес, что мы не могли с ним расстаться. Так и живет у нас до сих пор. Вот и с женщинами так же, — философически продолжал таксист. — Как попадешься к ним на крючок, уже не в силах с ними расстаться, так сказать. С тебя три фунта одиннадцать шиллингов и шесть пенсов, приятель, прошу.

— Беда в том, — ответил я ему, рассчитываясь, — что для нее еще не открыли никакого Баттерсейского центра.

— Это верно, — отозвался он, смеясь. — Придется держать ее дома. Удачи, приятель.

Поднявшись в номер, я разложил на кровати свой лучший костюм и чистую рубашку, присоединил к ним потрясающий галстук — неожиданный подарок из Лиссабона от мужа моей сестры, проверил, целы ли мои носки и начищены ли ботинки. Посещение ресторана с Урсулой неизбежно оборачивалось для меня душевными травмами, посему я желал быть уверенным, что сам не нарушу никаких правил приличия. Дай бог справиться с ее промашками...

Ровно в час я был в «Дорчестере» и уже поправлял галстук, ожидая перед входом в ресторан появления Урсулы, когда ко мне быстро подошел знакомый старший официант.

— Добрый день, Себастьян, — весело поздоровался я.

— Добрый день, сэр. Мадам ждет вас за столиком.

Я насторожился. Урсула никогда не приходила вовремя, не говоря уже о том, чтобы явиться раньше времени. Себастьян проводил меня к столику на четыре персоны, однако Урсулы не было видно.

— Возможно, мадам вышла в туалетную комнату, — предположил Себастьян.

Я опустился на стул, придвинулся к столу вплотную и уперся ногами во что-то металлическое. Приподнял скатерть и увидел направленный на меня из клетки неприязненный взгляд Моисея. В двух колких словах он дал понять, где мне следует быть. Я похолодел. Себастьян, глядя на потолок, тщетно пытался спрятать улыбку за картой вин.

— Что это такое, черт побери? — спросил я.

— Если не ошибаюсь, это птица, принадлежащая мадам, — учтиво сообщил Себастьян. — Из семейства попугаев, насколько мне известно. Мадам принесла ее с собой и пожелала поместить под столом. Мне было сказано, что птицу зовут Моисей. Когда ее проносили через фойе, она... э... разговорилась, причем, учитывая ее имя, употребляла совсем не библейские слова.

— Будто я не знаю, — с горечью произнес я. — Но каким образом, черт возьми, вы ухитрились внести ее сюда, не оскорбив слух всех ваших гостей?

— При помощи обернутой вокруг клетки салфетки, — объяснил Себастьян. — Мадам сказала, что темнота действует на птицу успокаивающе, как снотворное, лишая, так сказать, дара речи. Похоже, так оно и есть. Если не считать услышанной вами реплики, она воздерживалась от замечаний с тех пор, как ее поместили под стол.

— Но зачем, черт возьми, она вообще принесла ее сюда? — вспылil я.

— Возможно, я ошибаюсь, сэр, но мне кажется, мадам решила сделать вам сюрприз.

Д

— Сюрприз, мне? — фыркнул я. — Не нужна мне эта проклятая птица, хотя бы к ней приложили горшок золота!

— Должен сознаться... — начал Себастьян. — А вот и мадам. Она, несомненно, объяснит, зачем здесь очутился... э... Моисей, если мне будет позволено называть его только по имени.

Я отметил веселые искорки в его глазах.

— Себастьян, — сказал я, — «мартини» для мадам, двойное виски и минеральную воду для меня. Да, и если у вас есть настойка болиголова, принеси стаканчик для попугая.

Он поклонился и выдвинул стул для приближающейся к столу причины всех моих бед.

— Привет, милый! — воскликнула она. — Ты рад, что я нисколько не задержалась?

— Вы *оба* не задержались, — зловеще произнес я. Урсула виновато попятилась.

— О, так ты уже видел Моисея? — осведомилась она с напускной беспечностью.

— Попробуй его не заметить, — едко вымолвил я. — Эта чертова клетка ободрала носки моих тщательно начищенных ботинок, и в левый ботинок непрерывно сыплется песок вместе с тем, что, насколько я разбираюсь в садоводстве, называется семечками. Впрочем, с такой же вероятностью это может быть пометом. С какой стати, позволь мне спросить, Моисей непременно должен участвовать в трапезе вместе с нами?

— Ну же, милый, не надо на меня сердиться. Ненавижу, когда ты начинаешь сердиться, кричать и фыркать, точно этот бун Ахиллес.

— Аттила, — поправил я, не в силах добавить, что вместо «бун» следовало сказать «гунн».

Устремленные на меня глаза Урсулы наполнились влагой, и две огромных слезы, яркие, как падающие звезды, скатились вниз по щекам.

— Милый, — хрипло заговорила она, — мне так тяжело пришлось, не будь так жесток со мной.

Я был уже готов смягчиться, когда она добавила:

— И с бедным Моисеем.

К счастью, появившиеся в эту минуту напитки помешали мне высказать все, что я думал о «бедном Моисее». Я молча поднял свой бокал, а Урсула выжала из источников, что кроются «в непостижимых мужчине глубинах», еще две слезы невероятной величины. Сердце мое было готово растаять под действием такого проявления чувств (разумеется, ложного), но тут к нам подошел Себастьян, держа в руках меню.

— Сэр, мадам, — сказал он, вручая нам с легким поклоном по экземпляру, — сегодня мы можем предложить вам превосходные блюда. Очень хороши жареные почки молодого барашка, есть особенно крупные, сочные устрицы...

— А как насчет жареных попугаев? — перебил я его. — Желательно серых из Западной Африки.

Урсула свирепно уставилась на меня.

— Попугаев не едят, — сказала она.

— Почему же, в Западной Африке еще как едят, — возразил я.

— По поводу вашего вопроса, сэр, — мягко вмешался Себастьян. — В нашем меню нет попугаев. Нам объяснили, что у них жесткое, неудобоваримое мясо, кроме того, оно воздействует на человека так, что он начинает разговаривать во сне.

Мы с Урсулой рассмеялись, и за столом воцарился мир.

— Объясни мне все-таки, почему я должен завтракать в «Дорчестере» в обществе птицы, которую мой приятель таксист назвал порнографическим попугаем? — спросил я.

— Понимаешь, милый, он был благополучно доставлен в мой номер, хотя мне пришлось заплатить носильщику щедрые чаевые, потому что Моисей назвал его... ладно, неважно, как он его назвал. Как бы то ни было, мне понадобилось выйти за покупками, взять себе кое-что и фрукты для Моисея. Тут я заметила, что в его блюдечке не осталось воды, а он явно хотел пить, поэтому я налила ему водки с тоником из холодильника, который стоит в спальне...

— *Что* ты ему налила? — перебил я, не веря своим ушам.

— Водки с тоником, милый. Ты знаешь — то, что русские лодочники пьют там, на Вулгаре. Моряк, у которого я его купила, сказал, что Моисей только это и пьет. Так вот, должно быть, Моисей, бедняжка, умирал от жажды, потому что сразу все вылакал. После чего как будто задремал.

— Неудивительно, — заметил я.

— Я налила еще на случай, если он проснется и еще захочет пить.

— *Еще?*! — снова перебил я. — Сердце мое, ты сошла с ума.

— Почему? — удивилась Урсула. — Сама я водку не люблю, но это еще не значит, что должна отказывать ему. И вообще, с какой стати я должна подражать этим невоздержанным людям, которые учат других, как себя вести.

— Вот именно, — отозвался я.

— В этом заключаются истоки всех преступлений, — последовало несколько загадочное объяснение. — Когда посягают на гражданские права людей, делая их бесправными.

Д

— И что ты сделала потом, когда залила ему шары? — осведомился я.

— Залила шары? Что это значит?

— Это такое выражение, означает, что ты напоила его так, что он стал буяннить.

— Но он и не думал буяннить, — торжествующе произнесла Урсула. — Моисей упал на пол клетки, и я страшно испугалась. Думала, он умер, пока не услышала, что он храпит.

— И что же было дальше? — поневоле увлекся я ее повествованием.

— Дальше я отправилась в универсам «Фортнум энд Мейсон», чтобы купить корм для Моисея.

— «Фортнум энд Мейсон»? Почему не в какую-нибудь зеленную лавку в ближайшем переулке?

— Чтобы люди потом видели, как я вхожу в «Клариджес» с кучей бумажных пакетов? Милый, ты соображаешь, о чем говоришь?

— Однако тебе ничто не помешало войти в «Клариджес» с клеткой, в которой попугай распевал похабные частушки, — заметил я.

— Но это совсем другое дело, милый. Моисей — *птица*. Будто ты не знаешь, что все англичане обожают животных.

— Готов побиться об заклад, что они сделали бы исключение для Моисея, — сказал я. — Ладно, продолжай. И что же ты купила в «Фортнуме»?

— Ну, у них там были фрукты и орехи, разумеется, и я купила ему большую коробку шоколадных конфет с ликером, так как знала, что он их любит. Но представь себе, милый, ты ведь знаешь, «Фортнум энд Мейсон» похваляются тем, что у них есть *все на свете*?

— Они так говорят, — согласился я.

— Так вот, я их ущучила. У них не оказалось двух продуктов, про которые тот моряк говорил, что Моисей их особенно любит.

— И какие же это были продукты?

— Моряк говорил, что Моисей был не прочь пощипать крампеты и бристольт-ситиз.

Ладно, сказал я себе, крампет — не криминал, кто называет так пористые лепешки, кто подразумевает башку, но попадись мне в руки тот веселый морячок, я надолго уложил бы его на больничную койку: откуда бедной Урсуле знать, что жаргонное «бристоль-ситиз» означает «сиськи»...

— Ну? — поинтересовался я.

— Они ответили, что сейчас не сезон крампетов. Я первый раз услышала, что у крампетов бывает сезон. Это же не грибы, не куропатки, наконец.

— А что тебе сказали про второй продукт?

— Мне кажется, продавец не совсем понял, что я подразумеваю, потому что он посоветовал мне обратиться в секцию дамского белья.

— И что же ты сделала?

— Что — села на такси и поехала обратно в гостиницу. Спросила таксиста, не знает ли он, где я могу найти бристольт-ситиз. Он ответил, что знает только про те, которые у его жены, и она очень дорожит ими. А где она их достала, говорю. Он сказал, что они достались ей по наследству. Тем временем мы доехали до «Клариджес», и там дежурный администратор сообщил, что меня хотел бы увидеть управляющий. Этот управляющий — один из друзей моего папочки, я подумала, что он хочет преподнести мне цветы или еще что-нибудь, и сказала, пусть зайдет в мой номер через пять минут.

Она остановилась, посмотрела на пустой бокал; я подал знак официанту, что требуется добавка.

— И как только я вышла из лифта, сразу поняла, зачем понадобилась управляющему, — продолжила Урсула.

— Моисей?

— Ну да. Он проснулся и стал распевать самые ужасные песенки, какие только можно себе вообразить. Да так, что было слышно чуть ли не на всю гостиницу. Я подбежала к номеру, от расстройства уронила ключ, а когда нагнулась за ним, из корзины вывалились все мои пакеты, и апельсины покатались по полу. В эту минуту подошел управляющий.

Она пригубила martini и посмотрела на меня глазами, полными слез.

— Честное слово, милый, мне в жизни еще не было так неловко. Мы с управляющим «Клариджес» ползаем на четвереньках, собирая апельсины, а из номера доносится голос Моисея, распевającego *мерзкую* песенку про какую-то девицу с задом величиной с коляску мо-мо-мотоцикла.

Я сохранял серьезное выражение лица, не позволяя выплеснуться злорадному ликованию, которое наполнило мою душу, когда я представил себе картину, описанную Урсулой.

— Ну вот, мы вошли в номер, и, слава богу, Моисей перестал петь. Вместо этого он посмотрел на управляющего и назвал его отродьем джиг-джигутки. Милый, что это такое? Я знаю про танец джиги, а джиг-джига — это похоже на танго?

— Вроде того, — ответил я. — Этот танец изобрели в Порт-Саиде, чтобы... чтобы помочь морякам забыть, что они находятся далеко от своих любимых жен.

— О, — вымолвила Урсула, обдумывая мой бред. — Ладно, во всяком случае, управляющий был страшно *мил*. Сказал, что вовсе не против того, чтобы Моисей находился в моем номере, если бы только не это пение и

Д

сквернословие. Мол, другие постояльцы засыпали его жалобами, поэтому он вынужден просить меня удалить эту птицу. Вот я и привезла Моисея в «Дорчестер»... А что мне было еще делать? Всю дорогу сюда он пел и обзывал таксиста словами, которые я не стану повторять. В холле он вел себя так, что пришлось дать ему водки с тоником, и пока он пил, мы накрыли клетку салфеткой и поспешили внести сюда и поставить под стол. С той минуты он был паинькой.

— Дорогуша, — сказал я, — конечно, с твоей стороны очень мило приготовить преподобному Пенджу подарок в виде попугая. Но тебе не кажется, что чем скорее он его получит, тем лучше для всех нас?

— О, конечно! — отозвалась Урсула. — Когда ты пришел сюда, я как раз звонила Пенджи — он любит, чтобы его так называли, — сказала, что мы сегодня же привезем ему подарок, и он очень обрадовался.

— Слава богу. Надеюсь, ты не говорила ему, что это за подарок?

— Что ты, милый, я хочу, чтобы это было для него сюрпризом.

— Не сомневаюсь, что так и будет, — заметил я. Наш завтрак проходил в довольно нервной обстановке, ибо на одну особу, сидевшую за третьим столиком от нас, то и дело накатывал громкий пронзительный смех. Всякий раз, когда ее разбирало веселье и она принималась ржать, мы с Урсулой подпрыгивали на стульях, потому что нам казалось, что это Моисею вздумалось петь. На Урсулу напала икота, и она была вынуждена попросить, чтобы ей принесли бокал уксуса — единственное, по ее словам, эффективное средство от этого недуга.

Наконец мы управились с трапезой, и возникла проблема — как вынести из ресторана клетку с Моисеем. Под руководством Себастьяна два официанта забрались под стол, чтобы обернуть салфетками клетку; должно быть, не один из посетителей ресторана спрашивал себя, что происходит... Наконец клетка была замаскирована, они вытащили ее из-под стола, и мы направились следом за ними к выходу — такая траурная процессия, провожающая задрапированный белой материей куполовидный гроб. Все шло гладко, пока один из официантов не споткнулся о ножку стула, отчего пара салфеток соскользнула на пол. Моисей смерил отряд официантов ядовитым взглядом.

— Прожорливые педерасты, — громко произнес он, заставив всех проходивших в зале оторваться от еды и сосредоточить внимание на нас. — Прожорливые выблядки, — продолжал Моисей, демонстрируя свое знание нехороших слов.

— Выносите его вон из зала, живо, — прошипел Себастьян.

Мы дружно обратились в бегство в ту самую минуту, когда Моисей приступил к пению.

Обнаружив в холле брошенный кем-то экземпляр «Таймс», я развернул газету, проделал в складке посередине дырку для кольца на клетке и накрыл Моисея в тот момент, когда он перешел ко второму куплету «Джуди О'Келли».

— Не очень-то подходящее комнатное животное, сэр, позвольте заметить, — сказал, улыбаясь, Себастьян. Моисей замолчал.

— Мы отдадим его в хорошие руки, — ответил я. — Он будет жить вместе с одним священником.

— Вот уж не знал, что Церковь способна на такую широту взглядов, — заметил Себастьян. — Это что-то новое.

Урсула вышла из туалетной комнаты, неся две большие сумки.

— Спасибо вам за помощь и терпение, — поблагодарил я.

— Всегда... — начал он и вдруг остановился.

— Если вы собирались сказать «всегда к вашим услугам», лучше держитесь, — посоветовал я. — Одно такого раза в жизни довольно.

Посадив Урсулу и Моисея в такси, я забрался в машину следом за ними и назвал водителю адрес преподобного Пенджа.

— Милый, такой шикарный завтрак, огромное тебе спасибо, — сказала Урсула и поцеловала меня. — И спасибо, что ты был так добр к бедному Моисею.

Говоря, она копалась в своих сумках, проверяя, все ли на месте.

— Что у тебя там? — спросил я.

— Да так, кое-какие мелочи для бедного старика. Пара бутылок виски, я знаю, он не прочь выпить стаканчик, а у самого нет денег, чтобы купить. Немного корма для Моисея и его любимый напиток, а также разное чтиво для старины Пенджи.

Она вытащила «Таймс», «Дейли телеграф», свежий номер «Вог», «Панч» и, к величайшему моему удивлению, «Плейгерл».

— А это еще зачем? — воскликнул я.

— Понимаешь, милый, я задумала постепенно реабилитировать его, помочь ему исправиться. Пусть начинает побольше думать о противоположном поле и поменьше о собственном. Вот и купила для него «Вог» и этот журнал, чтобы открыть ему глаза на пробелы в его жизни.

— А ты сама когда-нибудь заглядывала в «Плейгерл»?

— Нет, — ответила Урсула. — Разве это не обычный журнал для девочек?

— Посмотри, — мрачно предложил я.

Надо же было ей открыть журнал на центральной раскладной странице, где красовался весьма обнаженный, весьма зрелый и весьма крупный молодой мужчина.

— О господи, — ужаснулась Урсула. — *Боже мой!*

Д — Вот именно, — откликнулся я. — Вряд ли такой журнал будет способствовать реабилитации старины Пенджи, верно?

— О, милый, *слава богу*, что ты обратил на это внимание. Конечно, я не могу дарить ему этот журнал. Но что мне с ним *сделать*?

— Отвези потом обратно в «Клариджес», подари управляющему, — предложил я.

До самого дома преподобного Пенджа Урсула больше не разговаривала со мной, и возмутительный журнал был оставлен ею в машине.

Резиденция Пенджа (если здесь годится это слово) размещалась в одном из тех замечательных старых домов, что напоминают стоящую торчком коробку из-под обуви, с двумя квартирами на каждом этаже. Преподобный, как нам удалось установить, обитал на самом верху, так что нам пришлось одолеть четыре лестничных пролета, и с каждой ступенькой сумки Урсулы и клетка Моисея становились все тяжелее. Наконец мы остановились, запыхавшись, перед дверью с приколотой к ней карточкой с трогательным текстом: «Преподобный Мортимер Пендж ХХХ, преподаю английский язык, а также библейские тексты (англиканская церковь)».

Урсула постучалась, и преподобный Пендж распахнул дверь. Я совсем иначе представлял себе его внешность; сгорбленный, с кожей зеленоватого-белого цвета, он походил на бледную из-за недостатка света в юном возрасте фасолину. На нем были большие роговые очки, полосатый фиолетово-белый свитер с высоким воротником и серые фланелевые брюки. Голову венчала всклокоченная седая шевелюра, и руки он держал перед собой, точно кролик, сидящий на задних лапах, причем кисти болтались, будто сломанные в запястьях.

— Урсула! — воскликнул он. — Любезное дитя мое, как я счастлив видеть тебя!

Он целомудренно прикоснулся губами к ее щеке.

— Познакомься с Джерри, — представила меня Урсула.

— Джерри — какое очаровательное имя, и *какой* очаровательный господин, — сказал Пендж, закатывая глаза. — Как же тебе повезло, моя девочка. Но входите же, прошу, пройдите в мою скромную обитель.

Его скромная обитель состояла из двух комнат, в одной размещалась кухня и отделенный от нее перегородкой душ, другая служила одновременно гостиной и спальней. На потертом ковре стояли два просиженных кресла и узкий диван, под которым я разглядел, к великой своей радости, огромный старинный ночной горшок, любовно расписанный гирляндами анютиных глазок и незабудок. Из окна преподобного Пенджа открывался

красивый вид на маленький парк с платанами, цветочными клумбами, прудом с утками и скамейками для отдыха.

Урсула принялась извлекать из сумок свои дары, вид которых наполнил преподобного слезливой радостью. Под конец она смешала в стакане водку с тоником и наполнила поилку Моисея, приподняв уголок «Таймса». После чего, выждав несколько секунд, точно иллюзионист, сдернула с клетки газету, явив удивленному взору преподобного Моисея, утоляющего жажду.

— Попугай! — ахнул преподобный. — О, я всегда мечтал завести попугая! Он умеет говорить?

В ответ попугай оторвался от божественного русского напитка и устался на преподобного Пенджа.

— Привет, старый пидер, — сказал Моисей, затем снова принялся накачиваться спиртным до одурения.

Преподобный Пендж расхохотался так, что от смеха слезы покатались по щекам.

— О, Урсула, дорогуша, ты не могла придумать лучшего подарка, — выдавил он из себя.

— Ты ведь жаловался, что тебе не с кем даже поговорить, — радостно отозвалась Урсула.

— Ты святая, дочь моя, честное слово, святая, — сказал преподобный.

А я мрачно подумал, что, доведись ему испытать мучения, какие выпали на мою долю с того часа, как я встретил утром Урсулу на вокзале, наверно, он не был бы так уверен в ее святости. Мы поболтали, откупорили, по настоянию преподобного, виски и чокнулись кто стаканом, кто треснутой чашкой, кто оловянной кружкой, после чего откланялись.

Последующие два дня я блаженствовал. Лондон тогда был чудесным городом, несмотря на военные шрамы. Находиться в Лондоне весной вместе с очаровательной подружкой было мечтой всякого молодого человека, но мало кому удавалось осуществить эту мечту. Я вернулся в Борнмут в отличном настроении.

Через десять дней зазвонил телефон.

— Милый, это я, Урсула.

— Как поживаешь, любимая? — спросил я, не подозревая, что на меня надвигается.

— О, чудесно. Но, милый, у меня к тебе будет просьба, исполнишь? Это страшно важно, чрезвычайно. Скажи, что исполнишь, милый, и я скажу, в чем дело. Обещаешь?

Мне следовало уже знать, чего можно ожидать от Урсулы.

Д

— Конечно, обещаю, — ответил я, полагая, что речь идет о каком-нибудь пустяке.

— Хорошо, — медленно произнесла она. — Ты помнишь Моисея? Я похолодел.

— Нет! — закричал я в трубку. — Нет, не впутывай меня больше ни в какие дела с этой проклятой птицей. Нет, нет, *нет*.

— Ты напрасно бранишься, милый, — сказала Урсула. — И ведь ты все равно уже обещал, значит, должен. Дай рассказать тебе, что случилось. Пендж попал в тюрьму.

— В тюрьму? За что?

— Боюсь, отчасти в этом виноват Моисей, — ответила она. — Понимаешь, Пендж брал с собой клетку с попугаем, когда выходил в тот красивый маленький парк посидеть на скамейке. И Моисей начинал говорить, и вокруг скамейки сразу собирались мальчишки.

Я застонал.

— И тогда Пендж спрашивал кого-нибудь из мальчиков, не хочет ли он посмотреть, как попугай выполняет акробатические номера, и тот мальчик, конечно, отвечал, что хочет. Тогда Пендж говорил, что для этого придется подняться в его квартиру, так как здесь он не может выпускать попугая из клетки: он может улететь. И мальчик поднимался вместе с Пенджи в его квартиру. Можешь сам представить себе, что там происходило.

— Живо представляю, — ответил я. — И сколько ему дали?

— Восемнадцать месяцев, — сообщила Урсула. — И я очень беспокоюсь, милый, за Пенджи, а еще я беспокоюсь за бедняжку Моисея. Ему не с кем поговорить, некому позаботиться о нем, покормить, дать водки. Хозяйка дома говорит, что больше не может его держать, муж возмущается тем, как Моисей сквернословит.

— А кто ее муж? Епископ?

— Кажется, докер, — сказала Урсула. — Но дело не в этом. Моисея надо спасать, и я подумала о тебе.

— Но послушай... — начал я.

— Милый, ты пообещал, и если нарушишь слово, я больше никогда не буду разговаривать с тобой. Я поехала бы сама, но сейчас не могу, занята организацией одного праздника.

Я вздохнул:

— Ладно, поеду... Но больше никогда ничего не буду тебе обещать, так и знай.

— Милый, я тебя обожаю. Ты самый шикарный мужчина, какого я знаю.

— И самый глупый, — добавил я.

Пришлось мне отправиться в путь. В поезде я намаялся с Моисеем, забыл припасти водку, и он горланил так, что проводник, ретивый христианин, позаботился о том, чтобы на центральном вокзале в Борнмуте меня ждала полиция. Пришлось мне объясняться, но я успел уже добыть немного водки в вагоне-ресторане и, продолжая оправдываться перед чинами, подливал Моисею, который жадно поглощал божественный нектар. Я спрашивал себя, сколько нужно спиртного, чтобы порешить попутая, и всей душой надеялся, что купленной мной водки хватит для этого...

СООБЩЕНИЕ

*от Фонда охраны дикой природы
Джеральда Даррелла*

Живые существа — как люди, так и животные, — с которыми Джеральд Даррелл встречался во время своих путешествий, оказали огромное влияние на его работу по спасению исчезающих видов животных во всем мире. Эсмеральда была бы особенно рада узнать, что кампания по сохранению богатого разнообразия животного мира на нашей планете, ставшая делом всей его жизни, включает программу спасения самой редкой в мире свиньи!

Эта кампания за сохранение исчезающих видов не закончилась со смертью Джеральда Даррелла в 1995 году. Его работа продолжается благодаря неустанным усилиям Фонда охраны дикой природы.

В течение ряда лет многие читатели книг Джеральда Даррелла настолько вдохновлялись его впечатлениями и видением мира, что выражали желание продолжить историю, поддерживая деятельность его фонда. Мы надеемся, что вы тоже внесете определенный вклад, потому что своими книгами и всей своей жизнью Джеральд Даррелл ставит перед нами важную задачу. «Животные составляют бессловесное и лишенное права голоса большинство, — написал он, — которое может выжить лишь с нашей помощью».

Пожалуйста, не теряйте интереса к охране природы, когда вы перевернете эту страницу. Напишите нам, и мы расскажем вам, как можно принять участие в нашей работе по спасению животных от вымирания.

Чтобы получить более подробную информацию, обращайтесь по следующим адресам:

Durrell Wildlife Conservation Trust
Les Augrès Manor
Jersey, English Channel Islands, JE3 5 BP
UK
www.durrellwildlife.org

АЙ-АЙ
ИЯ

*Посвящается моей дорогой Ли,
которая вкладывала в меня душу,
и ныне вкладывает в меня душу,
и, надеюсь, еще будет вкладывать
в меня душу, пока не настанет час
положить меня в землю*

СЛОВА БЛАГОДАРНОСТИ

От имени всех ведущих членов экспедиции я выражаю самую искреннюю благодарность телекомпании «Чэннел телевизион инкорпорейтед» (о. Джерси) и Джерсийскому тресту охраны диких животных за большую финансовую помощь в проведении этой экспедиции; Международному тресту охраны диких животных и корпорации «Тойота», подарившим нам по вездеходу «Тойота»; авиакомпания «Эйр-Маврикий» за покрытие расходов на международный авиaperелет членов экспедиции, телегруппы «Чэннел телевизион», перевозку животных и багажа.

Выражаем также искреннюю признательность правительству Мадагаскара, выдавшему нам разрешение на экспедицию, в частности Службе вод и лесов, а также директору и сотрудникам Ботанического и Зоологического парка Цимбаза за превосходный уход за животными перед их транспортировкой на Джерси.

Экспедиция не достигла бы такого успеха без огромной помощи, опыта и воодушевления со стороны стольких людей на Мадагаскаре. Всем им мы выражаем нашу сердечную благодарность. Вот они: Ролан Альбиньяк; Деннис и Хелен Эми; Бенджамен Андриамахаджа; Мина Андриамасиманана; Элан Хиклинг; Оливье Лангран; Мартен Николь; Жюльен Рабесоа; Мианта Ракотоариноси; Жорж Ракотонариву; Раймон Ракотониндрина; Виктор-Соло Рандрианаиворавелона; Селестина Раваоаринороманга; Дон Рид; Лисиа Роже; г-н и г-жа Ролан; Элеонора Стирлинг; Бартоломью Ваоита; Эдвард и Араминта Уитли; Фрэн Вудс; Люсьенн Вильмэ, а также все жители деревни Антанамбаобе, в особенности Марк и Марлин Марсель.

Наконец, позвольте воздать должное команде «Чэннел телевизион» за их колоссальный труд, энтузиазм и доброе настроение, которое так поддержало всех нас при экспедиции в Мананару. Назовем их: капитан Боб Эванс, Тим Рингсдор, Микки Тоствин, Грэм Тайди, Фрэнк Цвитанович и наши два водителя-аса — Тиана и Бруно.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Он спустился ко мне по веткам из темноты. Его круглые гипнотизирующие глаза сияли. Похожие на ложки уши вертелись туда-сюда независимо друг от друга, как радары. Белые усы подергивались и шевелились, точно антенны. Черные руки с тонкими, пожалуй даже утонченными, пальцами — из которых третий был особенно вытянут, — изящно цеплялись за ветки, подобно тому как изящно бегают по клавиатуре пальцы пианиста, играющего сложную пьесу Шопена. Он был похож на ведьминого Черного Кота из сказки Уолта Диснея; впрочем, вы, возможно, сочли бы его за пришельца с Марса, прибывшего на летающей тарелке — если, конечно, таковая когда-либо оттуда являлась. Короче, вообразите ожившего и выбравшегося из лесной чащобы героя Кэрролловой Страны чудес.

Он спустился ко мне на плечо, заглянул в лицо своими большущими сияющими глазами и пробежал длинными пальцами по моим волосам и бороде, словно заправский парикмахер. Присмотревшись к его нижней челюсти, я обратил внимание на огромные, похожие на резцы зубы — они все приближались; я спокойно сидел и ждал, что же будет дальше. Он издал короткий фыркающий звук вроде «гхм», а затем опустился ко мне на колени. Его внимание привлекла моя трость — он пробежался по ней пальцами, будто по флейте. Затем наклонился вперед и дважды аккуратно куснул ее своими огромными зубами, едва не перекусив пополам. Но, к его великому огорчению, там не нашлось никаких личинок, и он вернулся ко мне на плечо и снова нежно, как тихий бриз, погладил мне бороду и волосы.

Потом, к немалой моей тревоге, нашел мое ухо. «Вот уж где, — подумал он, — скрываются огромные и необычайно сочные личинки жуков». Он осмотрел ухо, как гурман изучает меню в ресторане, и запустил туда свой длинный палец. Я испугался, что сейчас оглохну, — вот, Бетховен, тебе и товарищ по несчастью, подумал я. Но, к своему удивлению, я едва почувствовал, как его палец искал в моем ухе желанные лакомства. Не обнаружив ничего сочного и ароматного, он еще раз разочарованно хмыкнул и удрал обратно во тьму ветвей.

Так состоялась моя первая встреча с ай-ай, и я понял, что это одно из самых невероятных существ, которых мне посчастливилось встретить. Но существо это нуждалось в помощи — и мы должны были помочь ему. Дать исчезнуть с лица земли этому удивительному и загадочному животному представлялось столь же немыслимым, как, например, сжечь картину Рембрандта, устроить дискотеку в Сикстинской капелле или снести Акрополь, чтобы соорудить на его месте отель «Хилтон». Тем не менее ай-ай, удивительное создание, которое обрело почти мистический статус на Мадагаскаре, по-прежнему находится под угрозой исчезновения. Это животное волшебное — не только с биологической точки зрения, но и в сознании малагасийского народа, среди которого оно обитает и, к несчастью, погибает.

Когда это странное существо было впервые описано в 1782 году¹, в нем обнаружилась такая путаница анатомических признаков и качеств, что долгие годы ученые не могли сойтись во мнении, что же он собой представляет. Очевидно, его нельзя было отнести к обыкновенным лемурам, и одно время его причисляли к грызунам из-за мощных зубов. В конце концов порешили: пусть ай-ай останется ай-ай — одним из лемуров, но при всем при этом уникальным жителем нашей планеты, не похожим ни на какое другое создание. Он был выделен в особое семейство и окрещен звучным именем *Daubentonia madagascariensis*².

Мадагаскар — остров, полный магии и всевозможных табу, называемых здесь фади. В каждом уголке острова свои «фади», и потому неудивительно, что такой сверхъестественный продукт эволюции, как ай-ай, наделялся магическими силами, разнившимися от деревни к деревне, от племени к племени. Кое-где, если зверька находили близ деревни, его считали предвестником смерти и, следовательно, самого обрекали на смерть. Если на глаза попадался маленький ай-ай — это считалось предзнаменованием, что в деревне умрет ребенок. Если крупное животное со светлой шкурой — значит, под удар попадал человек со светлой кожей, если с темной — темнокожий.

В других деревнях существовало несколько иное поверье: если кто найдет и убьет ай-ай возле своего дома, а затем подбросит труп на задний двор соседу, то тем самым он отведет от себя несчастье. Сосед же должен, в свою очередь, подбросить труп другому, тот — следующему, и так далее, пока

¹ Ай-ай были открыты в 1780 году путешественником Пьерром Сонпера на западном берегу Мадагаскара. Сами мадагаскарцы, которым Сонпера показывал пойманных зверьков, никогда не видели их раньше и громко кричали от удивления. Сонпера избрал эти возгласы «ай-ай» в качестве названия для открытого им существа. (Примеч. пер.)

² По-русски называется так же: рукопожка мадагаскарская. (Примеч. пер.)

Д

он не будет выброшен на дорогу на страх прохожим. В других местах, убив ай-ай, его связывали за руки и за ноги рафией и вывешивали при въезде в деревню; когда труп начинал разлагаться, его скармливали собакам. В иных деревнях высушивали третий, самый длинный палец ай-ай, и местный колдун использовал его для добрых или злых чар. Таким образом, возникло поверье, что такая причуда эволюции, как ай-ай, обладает волшебным пальцем.

Но самая главная угроза для ай-ай таится в другом. Поскольку жители Мадагаскара и ныне бесшабашно продолжают самоубийственную политику землепользования, при которой все новые участки животворного для страны леса вырубаются и сжигаются под посевы, не только ай-ай, но и многим другим уникальным созданиям грозит гибель. Одно время считалось, что ай-ай уже исчез с лица земли, однако его нашли, но, к сожалению, почти все участки леса, где он обитает, находятся под угрозой исчезновения.

Тем не менее волшебных чар ай-ай хватило на то, чтобы идти наперекор судьбе. Поскольку сузилась его естественная среда обитания, он приохотился к тому, что взамен насадил человек, — плантациям кокосовых пальм, сахарного тростника и гвоздичных деревьев. Своими мощными зубами он разгрызает кокосовые орехи, выпивает содержащуюся в них жидкость и, пользуясь средним пальцем как крючком, выскребает недозрелую мякоть, похожую на желе. Он нападает на плантации сахарного тростника, и от его зубов тростник становится похожим на некий средневековый музыкальный инструмент. Он раскусывает гвоздичные деревья, выискивая личинок жуков. Представьте же себя на месте деревенского жителя, чье существование зависит от каких-нибудь пяти кокосовых пальм, крошечного участка под сахарным тростником да полудюжины гвоздичных деревьев, — тут ай-ай становится отнюдь не магической, а реальной угрозой вашему благополучию. Стало быть, или убьешь его, или сам помрешь с голодухи.

Поскольку никто и ничто не мешает истреблять леса, то и те крошечные участки, где еще обитают ай-ай (вынужденные вести описанный выше бандитский образ жизни), обречены. Остается надеяться, что все же будут введены более щадящие методы землепользования, которые вытеснят нынешнюю разрушительную систему. Но сейчас, во имя спасения ай-ай как вида, нужно отловить несколько особей для содержания в неволе. На случай, если этот вид совсем исчезнет в дикой природе, у нас должен быть запас этих животных, которых можно будет выпустить в их естественную среду обитания (если, конечно, она тоже не будет окончательно

но уничтожена). В настоящее время имеются восемь ай-ай в Центре приматов при Дюкском университете в США и один в Венсенском зоопарке близ Парижа. Очень важно отловить побольше особей для создания колоний в неволе. Джерсийский трест и решил предпринять экспедицию на Мадагаскар.

Представляю на суд читателя рассказ об охоте за Зверем с Магическим Пальцем. Я также расскажу о гигантской прыгающей крысе и плоской черепахе из Мурундавы, а еще о кротких лемурах, живущих в тростниковых зарослях у исчезающего озера. Надеюсь, что истории эти составили яркую картину одного из самых зачаровывающих островов на земном шаре.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ИСЧЕЗАЮЩЕЕ ОЗЕРО

Как-то в своих писаниях мне довелось уподобить Мадагаскар неумело сервированному омлету. Впрочем, умело или неумело подан омлет на стол — дело десятое; лишь бы он был нафарширован разными вкусоностями. В чем, в чем, а уж в этом-то Мадагаскару не откажешь. Четвертый в мире по площади остров, лежащий в Индийском океане к востоку от берегов Африки, от которой он откололся миллионы лет назад, знаменит тем, что девяносто процентов его флоры и фауны не встречается больше нигде в мире. Если на целом Африканском континенте произрастает всего один вид баобаба, то Мадагаскар может похвастаться семью. На Мадагаскаре обитают две трети всех живущих на планете хамелеонов, самые маленькие из которых размером со спичку, а самые крупные — почти в человеческую руку; и чем глубже вы проникаетесь природой острова, тем больше очаровывают вас ее щедроты, — постижение это подобно поиску сокровищ, и если таинственные леса оставить нетронутыми и тщательно исследовать, то они не раз еще поразят нас удивительными открытиями. Эта прекрасная страна, населенная милым, дружелюбным народом, простерлась на тысячу миль в лазури вод, окаймленных многоцветными коралловыми рифами и изобилующих рыбой. На этом острове самое богатое разнообразие лесов — от густых тропических до горных; немало здесь и сухих лиственных лесов, и кустарников, колючих, словно еж; есть и карликовые, едва достигающие шести дюймов в высоту. На Мадагаскаре водятся лемуры величиной с четырехлетнего ребенка, а есть столь крохотные, что запросто помещаются в кофейной чашке. Здесь встречаются мокрицы размером с мяч для гольфа и мотыльки, подобные веерам придворных фрейлин. Отправляясь в экспедицию, подобную нашей, твердо держись поставленных целей, чтобы не позволить подстерегающим на каждом шагу соблазнам и очарованиям сбить тебя с пути.

Огромный остров фактически представляет собой мини-континент с разнообразием климата — от влажного тропического на востоке до про-

хладного средиземноморского в горных местностях и знойного в покрытых колючим кустарником пустынных территориях на юге. Когда и откуда на остров пришли люди, и по сей день остается тайной для антропологов: у мальгашей прямые волосы, а язык их имеет сходство с малайским и полинезийским. Суждения о том, какими путями первые поселенцы попали на Мадагаскар, различны — то ли они приплыли на лодках и плотках типа «Кон-Тики» откуда-то из малайзийского региона, то ли с материка — с побережья Африки. С полной уверенностью не скажет никто, но вот вам блестящее поле для полемики антропологов, на котором могут разгореться жаркие дебаты вокруг разницы в языках, способах тканья и конструкции ткацких станков, музыке и музыкальных инструментах, обычаях эксгумации умерших и многих других вещей. Существует гипотеза, что хомо сапиенс впервые колонизовал Мадагаскар в 500 году до Рождества Христова, что, как обычно, повлекло за собою тяжкие последствия для фауны.

Предки лемуруров существовали здесь уже пятьдесят миллионов лет назад и за эти сроки эволюционировали во множество самых разнообразных видов, один из которых достигал размеров теленка. На этом острове обитала и самая крупная в мире птица — гигантский страусоподобный эпиорнис, который, как предполагают, послужил источником вдохновения для легенды о птице Рух из сказки о Синдбаде, что могла таскать слонов себе на обед. Но сколь ни велик был эпиорнис, он вряд ли был в состоянии вот так по-разбойничьи обращаться со слонами (даже детенышами), хотя бы потому, что, как и всякий страус, он не умел летать. Причиной исчезновения этих видов считают беспощадную охоту на существ, по-видимому так и не научившихся остерегаться людей, а также расчистку лесов под поля и пастбища, разрушавшую лесные обиталища этих представителей фауны. В сравнительно короткий срок гигантские лемуры и представители вида эпиорниса исчезли. В случае с гигантской птицей человек оказался особенно неосмотрительным, так как если бы он приручил ее, то одного яйца с лихвой хватило бы для приготовления омлета с самыми изысканными специями на всю деревню.

Арабы, конечно же, хорошо знали Мадагаскар и основали здесь свои поселения в 1300 году. Затем, в 1500 году, Мадагаскар был вновь открыт (хотя кто его «закрывал», непонятно) неутомимыми португальцами, возглавляемыми Диего Диасом, искавшим путь к Островам Пряностей; но попытка Диаса превратить остров в свой опорный пункт потерпела неудачу. В XV веке жившие на острове племена начали объединяться — первым возникло Королевство Скалава на западе. В начале XV века восточная часть острова стала прибежищем огромного количества пиратов со всеми присущими этому людю кровавыми поединками и упражнениями в ловко-

Д

сти вроде балансирования на доске, — а уж грабежи и разбои были для них обычным времяпрепровождением (хотя чего я об этом рассказываю, мы и так можем видеть все это по телевизору!). И тем не менее народы восточной части острова быстро объединились под началом человека, отец которого был пиратом. В конце XVI века в центральной части гористой местности произошло восстание Королевства Мерины, первоначально возглавляемое королем, которого звали — хотите верьте, хотите нет — Андрианампоинимерина; любопытно, многим ли подданным удавалось выговаривать это имя.

Примерно тогда же настал черед проникать на остров миссионерам. Сменялись короли и королевы с именами длинными, как хвосты комет, а миссионеры, видно, впустую тратили время, пока в 1869 году королева Ранавалона II наконец не приняла крещение. В 1895 году французы установили на острове свой протекторат и ввели (помимо всего прочего) рукопожатие, поцелуи в обе щеки и пустопорожную болтовню. Год спустя Мадагаскар стал французской колонией, и — вот он, типичный знак благодарности колонизаторов! — королева Ранавалона III была выслана в Алжир, где вскоре и скончалась. Монархия прекратила свое существование, но останки королевы были возвращены на Мадагаскар в 1938 году.

В 1960 году остров добился полной независимости. Хотя в 1970-х годах правительство занимало антизападную позицию, позже оно явило значительно более лояльное отношение к капиталистическим странам, чем к странам с марксистско-ленинским режимом.

Столица Антананариву предстала пред нами в лучшем свете. Симпатичные аккуратные домики из красного кирпича с деревянными балкончиками соседствовали здесь плечом к плечу с современными деловыми кварталами, на фоне которых особенно нелепо выглядели изрытые выбоинами улицы. Большое озеро Аноси, что в центре столицы, казалось высеченным из куска черного камня, а лепестки с высаженных по его берегу сотен деревьев джакаранда устилали мостовую голубым ковром, по которому суматошно двигались машины. И машины и люди, спешившие вдоль кромки озера, оказывались усыпанными голубыми лепестками. Видневшиеся на расстоянии огромные зеленые деревья казались увенчанными чем-то вроде гигантских белых цветов, пока один из таких «цветов» не снялся с веток в медленном, исполненном изящества полете; оказывается, ветви дерева дали приют целой колонии из тысяч пар больших белых цапель, которые полетели над городом к рисовым полям в надежде полакомиться рыбой и лягушками.

Как и во всех случаях, когда мы собирались в экспедицию за редкими животными, нас заваливали самой противоречивой информацией толпы

доброжелателей, мороча нас на смеси малагасийского, французского и ломаного английского.

— В каком состоянии дорога из пункта А в пункт Б? — интересовались мы.

— Да вы что! Не смейте даже думать ехать по ней! — кричал один доброжелатель, которого привел в ужас сам вопрос. — Там ямы размером с винный погреб, а местами она вообще пропадает.

От других доброжелателей мы узнавали, что дорога мягка, словно шелк; от третьих — что ехать по ней все равно что катить по спине крокодила; и наконец, четвертые сообщали, что она куда лучше парижской рю Де-Риволи.

— А как насчет паромов? — спрашивали мы с надеждой.

— Паромы? Да так, хотят — ходят, не хотят — не ходят. А если опоздаешь к приливу, проторчишь сутки, если не больше.

— Вас интересуют паромы? Не беспокойтесь, по ним хоть часы проверяй.

И так все! Брать рис — не брать; тащить с собой запас бензина — не тащить; запастись консервами — зачем такие сложности. Городок Анаматаратевиолала (язык сломаешь!), через который лежал наш путь, нам обрисовали в таких радужных тонах, словно там на каждом шагу филиалы магазинов «Харродз» и «Фортунам». Но другой доброжелатель тут же докладывал, что в этом городишке пусто, как в пустыне.

В конце концов нам дали совет:

— Расспросите Пьера. Вот кто знает все на свете. Ах, как его найти? Да спросите любого прохожего! Пьера каждый знает, он там самая уважаемая персона. Все, что хочешь, устроит! Вам динозавра на Эйфелеву башню? Сделает! Морозильник на Северный полюс? Чего проще!

Короче, мы так размышляли о встрече с этим благословенным чудесником, что нам уже казалось — стоит прильнуть головой к его честной груди, и все сбудется! (Естественно, когда попадешь наконец в эту треклятую Анаматаратевиолалу, не найдешь там не то что «Харродза» и «Фортунама», но и кого бы то ни было, кто знает Пьера.)

Все вышеописанное действие происходило в баре отеля «Кольбер», где за несколькими сдвинутыми вместе столами разместилась вся компания наших доброжелателей. На столах — целые леса бутылок пива и кока-колы, а меню с перечислением напитков выглядели так, будто это корректура гутенберговской Библии. Посреди бутылок разложены карты, справочники, самые заковыристые записки, требующие графолога из Скотланд-Ярда для расшифровки. Перед нашими глазами проходил калейдоскоп лиц — слуг как кофе с молоком и желтых, словно кожа серны.

Д

Когда же, изнуренные до предела, мы завалились спать, на нас обрушились полчища moskitov; каждый звенел в общем хоре, словно насекомые исполняли оперу Моцарта. Вода в ванне была темно-коричневая и пахла ванилью; и утренний чай, который подавала изящная мальгашка, тоже был коричневым и пах ванилью. Я подозреваю, что они просто наливают чайник из-под крана. Впрочем, первый завтрак, состоящий из плодов манго, ананаса, лимы и сока свежей земляники, оживил организм, влив в ткани новые силы.

Чтобы избежать толпы доброжелателей, уже поджидавшей нас в баре, мы вышли из гостиницы через заднюю дверь — прогуляться на рынок зума, один из самых удивительных на всем белом свете, а заодно проветриться.

Укрытый под бесчисленными белыми зонтиками, рынок издали напоминает поле шампиньонов. Здесь находится чрево малагасийской столицы. Чего тут только нет: пирамиды красных, зеленых и желтовато-коричневых стручков; пучки трав всех оттенков зеленого цвета и самых причудливых форм листьев — полный набор для колдовской кухни злой волшебницы; наваленный грудой салат-латук и кресс-салат, источающий влагу и блестящий, словно только что отлакированный; кучки самых разнообразных специй, точно краски на палитре какого-нибудь мальгашского Тициана или Рембрандта: здесь и умбра, и розовая марена, и все виды голубого и зеленого, ярко-красного и желтого — нежного, как бутоны крокуса; и так же, как краски на палитре художника жаждут быть смешанными с маслом и явить глазу все богатство тонов, все эти вкусы жаждут быть смешанными с маслом и обнаружить на языке все богатство вкусовых оттенков. Здесь и мешки с бобами самых необычных форм и цветов: иные круглые, иные как кирпичики, иные столь крошечны, будто булабочные головки. Дальше идут палочки лакрицы и ванили, источающие дразнящий ноздри запах; подле — пирамиды желтовато-зеленых утиных яиц, а по соседству — такие же пирамиды куриных, белых как мел и коричневых, как поджаренный хлеб. А вот и сами куры со спутанными ногами, лежащие в странных неопрятных связках, словно живые опахала; рядом — утки, с тихим кряканьем беспокойно наблюдающие за снующим туда-сюда лесом из яшмовых ног.

Но вот одно зрелище сменяется другим — перед нами возникли огромные чаны с мелкими рыбешками, блестящими как серебряные монетки, и уложенные в ряды большие рыбы, черные словно уголь. Блестели чешуей громадные карпы, надутые словно в злобе оттого, что их выловили; каждая чешуйка так отливала серебром или золотом, что казалось, будто рыбы одеты в кольчугу. За рыбными рядами тянулись мясные — последний приют целого стада странных горбатых зебу, над чьими сочащимися кровью

тушами теперь носились рои мух. Рядом находился чан с особым деликатесом — вареными губами зебу, с которых снята кожа. Губы были прозрачные и студенистые, подрагивали, словно грязные лягушачьи лапы; кое-где торчали волоски, которые забыли удалить. Над чаном склонилась пожилая мальгашка с лицом цвета орехового дерева, одетая в лохмотья, и пробовала это жуткое лакомство на вкус, поднося тонкой вилкой к беззубому рту. Но едва нашим глазам открылись ряды, где торговали роскошно расшитыми скатертями и платьями и яркими живыми цветами в несметных количествах, для нас словно блеснула радуга в царстве смерти. Напоследок мы увидели шаткие баррикады из плетеных корзин, похожих на хрустящее печенье, подаваемое на закуску к бренди, — так и тянуло попробовать.

Очарованные зрелищем, запахами и звуками базара зума, мы шагали к себе в номер на военный совет, как и прежде тщательно избегая толпящихся в баре доброжелателей, готовых наплести с три короба всякого вздора.

Нас было четверо: ваш покорный слуга и его дражайшая половина по имени Ли; долговязый и невозмутимый Джон Хартли — мой верный друг, с которым мы пуд соли съели, и наш куратор по рептилиям Квентин Блоксэм, именуемый в дальнейшем Кью, — высокий, мускулистый, с уверенным взглядом героя, готового выволить свою суженую из лап кровожадного чудовища. Мы налили по бокалу пива и принялись обсуждать план действий.

Нам нужно было побывать в трех местах: в восточном регионе Мананары, где мы надеялись отловить неуловимых ай-ай; в лесах близ Мурундавы на западе, где предстояло проделать те же действия в отношении плоской черепахи и гигантской прыгающей крысы, и на озере Алаотра, где скрывался в камышах миниатюрный и скромный, кроткий лемур.

Чтобы сэкономить время, мы тут же решили распределить силы. Джон и Кью отправятся на двух вездеходах «Тойотах» (одна была подарена нам Международным трестом охраны диких животных, другая — расщедрившейся компанией «Тойота») в Мурундаву и разобьют там лагерь. Одновременно я и Ли отправимся на северо-восток на озеро Алаотра за кротким лемуром. В случае успеха мы привозим добычу в столицу, сдаем ее в зоопарк Цимбазаза и уже из Антананариву летим в Мурундаву для воссоединения с остальными. План кампании был расценен как блестящий, и по сему случаю мы спустились в бар и заказали дюжину маленьких, сладких и сочных малагасийских устриц.

В помощники нашим грандиозным планам на озере Алаотра мы взяли Оливье Ланграна (только что выпустившего в свет цепнейший справочник по птицам Мадагаскара) и его очаровательную и многоодаленную супругу Люсьенн. Она проделала огромную работу, пытаясь отловить на озере два

Д

вида птиц (красноголового нырка и чомгу), для которых озеро было родным домом, но которые считались исчезнувшими. Люсьенн сообщила нам, что работать на озере будет невозможно без Мианты. У меня защемило сердце: а вдруг речь идет еще о каком-нибудь из тех неуловимых Пьеров, которые исчезают при вашем появлении? Но, как оказалось, я недооценивал Люсьенн: на следующее утро она появилась, расточая в равных количествах шарм и готовность к работе, в сопровождении очаровательного мальгаша со смеющимися глазами и широкой улыбкой. Он оказался студентом-медиком четвертого курса, уроженцем одной из тех бесчисленных деревень, что окружают озеро Алаотра, и почти в каждой у него имелось несметное количество дядь, тетей, кузенов и кузин, племянников и племянниц, не говоря уж о прочей седьмой воде на киселе.

Наш новый друг немедленно оценил обстановку и взял все предприятие под свой строгий контроль. Договорились так: мы летим к озеру самолетом, а возвращаемся поездом со всем добытым нами живым грузом. Он же поедет вперед нас поездом с клетками для животных, наймет нам комнату в отельчике¹ и организует транспорт для поездок по деревням в поисках уже пойманных местными жителями кроющих лемуров. Он объяснил, что именно это время года хорошо для ловли лемуров, ибо аборигены выжигают тростниковые заросли под посевы риса. К тому же над этими несчастными животными, изгоняемыми пламенем с насиженных мест, нависает угроза быть проданными как деликатесное кушанье или же как сувенир. И то и другое, конечно, строгойше запрещается законом, но безнаказанно продолжается.

Нечего и говорить, что рассказ о том, что происходит на озере Алаотра, поверг нас всех в уныние. Но боюсь, такое происходит по всему Мадагаскару. Начнем с того, что озеро Алаотра — крупнейшее на острове — являлось рисовой житницей страны (а мальгаша потребляют больше риса на душу населения, чем любой другой народ) и худо-бедно удовлетворяло ее потребности в этом злаке. Озеро окаймлено живописной панорамой холмов, когда-то покрытых лесами. Но с годами эта природная защита озера оказалась истребленной под посевы. С исчезновением защищавших землю лесов почва, открытая ветрам и солнцу, подверглась эрозии. За каких-нибудь несколько лет не стало деревьев — и плодородный слой, словно вода с

¹ Вообще-то отельчиками называются здесь рестораны, но поскольку многие из них могут предложить утомленному путнику и ночлег (с той или иной степенью относительного комфорта), то я называю отельчиками и рестораны и гостиницы — к огорчению моей благоверной Ли, привыкшей к традиционным названиям. Я объясняю, что «отельчик» звучит приятнее, чем мебелирашки, нумера, постоялые дворы, или как там еще называют подобные ночлежки. (Примеч. автора.)

тающего ледника, стал стекать в Алаотра, приводя его к заиливанию. Озеро стало понемногу исчезать. Теперь этот регион утратил бывшее значение рисовой житницы, и страна вынуждена приобретать этот продукт за границей, отрывая валюту от своей и без того тощей экономики.

Не следует винить мальгашский народ. В глазах крестьянина расчистка участка леса выглядит не экологическим самоубийством, а средством отвоевать еще кусочек сельскохозяйственной земли, которая прокормит его несколько лет. Срубленные деревья предаются огню, а оставшаяся зола вскормит почву — так поступали праотцы, почему он не может? И как ему объяснить, что поколение праотцев насчитывало впятеро меньше людей, чем теперешнее, и что такое хищническое использование щедрот природы обречет на смерть его правнуков...

* * *

Чем ближе мы подлетали к Амбатундразаке, самому крупному городу на озере Алаотра, тем большую скорбь навевал вид под крылом самолета. Тянувшаяся на многие мили холмистая земля, когда-то покрытая лесами, теперь была голой и изуродованной бесчисленным множеством морщин — первых признаков эрозии, обеспложивания почвы. За три четверти часа полета мы не видели ничего, кроме этого леденящего душу пейзажа.

— Летим будто над Сахарой, — сказал я Ли.

— Так вот как появилась Сахара, — откликнулась она.

Мы приземлились на травяную полосу, и самолет, немного покатавшись по земле, подрулил к небольшому сооружению, которое прежде заключало в себе диспетчерскую башню, бар и багажное отделение, но в настоящий момент все это было закрыто. Никаких признаков того, что Мианта вышел нас встречать, — я опять задумался, не мифический ли это персонаж. Мы выволокли нашу поклажу из здания аэровокзала (если, конечно, его можно так назвать) и вгляделись в даль исчезавшей в тумане за деревьями грязно-бурой изрытой дороги, покрытой блестящими лужами (очевидно, ночью прошел ливень), но вновь не обнаружили никаких признаков Мианты. Тут наш взгляд упал на выдавшееся виды такси, в котором сидели дородная мальгашка, ее столь же дородная дочка и ребенок.

— Давай отправимся в центр города и выйдем оттуда поисковые партии, — предложил я Ли.

— Попросим-ка этих красоток потесниться.

Расточая добрые взгляды и широкие улыбки, они пригласили нас в машину, где было еще достаточно просторно. Мы выехали на дорогу, поминутно залетая в ямы; машина протестующе скрипела всеми своими пружинами. Бурая вода брызгала из-под колес, словно кровь. Так мы проехали с

Д четверть мили, подпрыгивая, как на трамплине, и постигая самые интимные подробности личной жизни дородной леди, как вдруг нас нагнала другая машина — в ней сидел отчаянно жестикулировавший Мианта. Остановившись посреди отливавшего красным оттенком кривого зеркала огромной лужи, мы пересели в другую машину, обменялись комплиментами, и Мианта, рассыпавшись тысячей извинений, повез нас в отельчик.

Это было крупное, по мальгашским стандартам, здание, которое содержали китаец и его жена-мальгашка. Окна отельчика выходили на расположенный по другую сторону дороги городской рынок под открытым небом. Прелестный вид, только одно «но»: хочется спокойно посидеть в баре, а в окна доносится галдеж с рынка, не смолкающий от зари до зари.

Мне тут же бросилось в глаза, что все женщины ходят в шляпах. А так как я вообще люблю женщин в шляпах, то я был очарован. Шествуя мимо ваших окон, элегантные малагасийские леди, завернутые в пестрые куски ткани, называемые ламба (в которых они носят и своих детей, привязывая к спине), дарят вам милые взгляды из-под широких полей изящных соломенных шляп. У самых юных, конечно, нет еще детей — их ламба плотно обтягивают тело, подчеркивая каждую соблазнительную выпуклость, а большие глаза, смотрящие из-под широкополых шляп, подобны черным тутовым ягодам. Волшебное зрелище, но я, прямо скажем, не ради этого сюда приехал.

У нас была большая комната, полная совершенно ненужной мебели, а что касается кровати, то она, верно, была изготовлена с расчетом на какого-нибудь святого великомученика. На такой кровати не то что заниматься любовью, но и выспаться проблематично. Окна были зарешечены, что придавало нашему жилью легкий налет средневекового замка; впрочем, по малагасийским стандартам все это вполне тянуло на трехзвездочный отель.

Как только мы приехали, я тотчас же ощутил резь в желудке, как это обычно случается в тропиках. Но боль в желудке может быть и терпимой, эта же была совершенно несносной. Проглотив лошадиную дозу лекарств, я тешил себя надеждой на лучшее, потому что мне необходимо было быть в форме. Как нас научил Мианта, первое, что следовало сделать, — представиться обоим президентам обоих округов по обе стороны озера, на территории которых нам предстояло действовать.

Наш друг справился с задачей обеспечения нас транспортом для поездок по окрестным деревням. Он нанял латаный-перелатаный драндулет, явно уведенный с какой-нибудь автомобильной свалки. За рулем — худощавый дылда мальгаш с диковинным именем Ромул. Все дверные стекла были опущены вниз, а ручки, с помощью которых их можно было бы поднять, были отвинчены; куда-то исчезли и «дворники». Одну из задних две-

рей заклинило, перед и зад были в таком состоянии, будто машина регулярно налетала на всем ходу на кирпичную стену; шины лысые, как головы стервятников, а отпаявшаяся выхлопная труба жутко скрежетала о землю во время движения. Но, как бы там ни было, мотор работал — пыхтел, зудел, ворчал, тарахтел, подчас и с перебоями, но работал.

В таком-то экипаже мы отправились в нашу первую загородную поездку на встречу с президентом одного из округов. Он оказался высокообразованным энергичным человеком, и, когда обменялся с нами рукопожатиями, мы поняли, что он недаром достиг такого поста. Ли подробно рассказала президенту о нашей миссии, и ему явно импонировало не только блестящее знание моей супругой французского языка, но и ее личность. Он бросил мне один-два дружелюбных взгляда, но все остальное время смотрел на Ли не отрываясь и в конце концов сказал, что готов ради нас на все. Я чувствовал, что если бы Ли попросила у него озеро Алаотра в подарок, он ей отдал бы не глядя. Мы пожелали ему всего наилучшего и покатались к западному берегу на встречу с президентом другого округа.

Поездка была удручающей. Бесконечные холмы, окружавшие озеро, были голы, а плоские территории, что раньше являли собой водную гладь или плодородные рисовые поля, теперь оказались засорены илом или вообще безжизненны. На произраставшей кое-где сорной траве паслись редкие стада зебу или кормились одинокие гуси. Мы были в отчаянии. Но вот на горизонте показалось озеро и заросли тростника, где могли найти пристанище лемуры, среда обитания которых столь безжалостно уменьшилась.

Деревня Ампарарафаволо оказалась довольно крупной и с виду благополучной: глинобитные дома, покрытые тростником, соседствовали с кирпичными общественными зданиями. В одном из них, как нам сказали, находилась приемная президента. К сожалению, сам он присутствовал на заседании и не мог уделить нам внимания, но, как нам сообщили, его заместитель примет нас в половине третьего.

В это время смягчающее действие антибиотиков кончилось, и я почувствовал, будто у меня в желудке взбесился крокодил. Близость сортира стала проблемой номер один. Посему мы отправились в местный отельчик, где нас ждал хоть и неаппетитный, но подходящий завтрак.

Когда пробило половину третьего, мы опрометью бросились в кабинет вице-президента. Это был высокий, стройный мальгаш с седыми, словно с мороза, волосами, одетый в безупречный белый костюм, с веселым красно-желтым, будто букет орхидей, фуляром, повязанным вокруг шеи. Остроте складок на его брюках мог бы позавидовать нож гильотины. Он вежливо выслушал Ли, объяснившую нашу задачу, но было ясно, что он занят собой больше, чем кем бы то ни было на свете. Это был самый отъявлен-

Д ный бюрократ. Пока Ли разговаривала, за окном дико орал хриплым голосом петух, давая понять, кто хозяин на его территории, а за стеной некто пытался выводить на гармонике «Тихую ночь», но каждый раз срывался на втором такте. В конце концов наш друг в белом костюме сказал, что будет польщен снабдить нас письмом, которое, по его заверению, откроет нам все двери. Он вызвал машинистку и, когда она покорно села подле, накатал огромное письмо и отдал ей печатать. Она унесла письмо с собой, и мы услышали, как она начала выстукивать одним пальцем.

К тому времени колики в животе перешли за все мыслимые пределы, и мне хотелось только одного: в сортир. Поняв, что письмо будет печататься чуть ли не до второго пришествия, я набрался смелости и спросил: где здесь этот — ну, как бы это поделикатней — кабинет задумчивости? Меня проводили в заднюю часть здания (тут мне попался на глаза тот самый хриплоголосый петух; он посмотрел на меня с презрением) и указали на шлакоблочное сооружение размером чуть больше буфета. Я открыл дверь и отпрянул: такой антисанитарии не потерпел бы, наверно, и владелец самой захудалой греческой таверны. Две цементные ступени и углубление в земле — вот и все удобства. Из дыры доносились зловещие жужжащие звуки, словно там приютилось по крайней мере двадцать миллионов мух; кроме того, здесь нашли пристанище самые крупные черные тараканы, каких я когда-либо видел. Они были на порядок длиннее моего большого пальца, отливали шоколадом и бронзой, плавно скользили и блестели, словно только что покинувшие цех «Роллс-Ройсы». Между тем кто-то все продолжал наяривать на гармошке «Тихую ночь»; ему вторил окончательно одуревший петух. Ни тот, ни другой не попадали в такт.

Из сортира я напрямик направился в офис вице-президента, у которого наконец было готово письмо. Сияющий чиновник подписал его, и мы уже готовы были отбыть с победой, как вдруг его бдительный взгляд заметил промашку: фамилия вашего покорного слуги везде была написана с одним «р». Бедной обруганной секретарше пришлось выстукивать все сызнова, а нам покорно сидеть и ждать. За стеной все так же плакала невидимая гармоника, срываясь на втором такте, и прошла, казалось, целая вечность, прежде чем письмо было отпечатано, вычитано, подписано и отдано нам. Вся процедура отняла у нас полчаса времени, а письмом так ни разу и не пришлось воспользоваться.

Между тем Мианта выведал по каким-то таинственным каналам, что у его кузины, живущей в деревне в трех милях отсюда, обитает кроткий лемур; туда мы и отправились выяснить, сколь правдивы эти сведения. Как только мы добрались до места, Мианта вышел из машины и исчез, как струйка дыма, чтобы вскоре вернуться с триумфом и с корзиной из пруть-

ев, в которой съежился от страха молодой лемур. Выяснилось, что кузина Мианты видела в тот день на рынке штук пять лемуров, продаваемых как деликатесное кушанье, и выложила за этого колоссальную сумму в семьдесят пять пенсов, намереваясь приготовить великолепный ужин для мужа. Выплатив ей убыток, мы популярно разъяснили, сколь незаконно убивать, ловить и есть этих животных, о чем она понятия не имела и узнала с удивлением.

Вот типичный пример, когда исчезающий вид оказывается под охраной лишь на бумаге. Такое бывает не только на Мадагаскаре, так происходит во всем мире. Закон-то принимается, но не доводится до сведения местных жителей, а средств на создание инфраструктуры, чтобы обеспечить его действие, нет. В итоге, при самых благих пожеланиях, закон остается бездействующим.

Бедное создание было столь напугано, что я решил не подвергать его еще одному стрессу и не пересаживать в свою корзину из той, в которой его принесли. Ли села в машину, поставила корзину с лемуром на колени и крепко прижала крышку на случай, если пленнику придет в голову вырваться на свободу. Я решил, что, ввиду моего довольно опасного состояния здоровья, следует вернуться в отельчик, где все же имелись более или менее сносные удобства. Наша кибитка снова затарахтела в сгустившихся сумерках, как вдруг на середину дороги внезапно выскочил мужчина и стал отчаянно размахивать руками, точно крылья мельницы. К счастью, тормоза на Ромуловой тележке каким-то чудом оказались в исправности, и все же мужчина был в такой близости от смерти, какой я никогда бы себе не пожелал. Он сообщил нам, что в деревне примерно в четверти мили отсюда имеются три пойманных лемура.

Скрепя сердце я дал знак Ромулу свернуть с главной дороги. Потрясая еще немного по камням и кочкам, мы въехали на главную площадь довольно большой деревни и встали. Было решено, что Ли с ее отличным знанием французского пойдет и разведает насчет лемуров, а затем доложит мне о наличии таковых. Она переставила корзину с нашей первой добычей ко мне на колени и упорхнула выполнять задание. Наши помощники последовали за ней.

Я сидел, держа корзину с лемуром на коленях, а тем временем машину мгновенно, неким таинственным образом обступила толпа из двух сотен мальгашских детей и тридцати гусей. Тут же обнаружились два неприятнейших обстоятельства: во-первых, проснулся лемур и решил во что бы то ни стало вырваться на волю, а во-вторых, боли в животе сделались особенно мучительными. Мне нужно было срочно выйти по делам, иначе меня ждала неминуемая смерть, но вопрос был в том, как удержать зверюгу.

Д

Если я отпущу крышку, он тут же вырвется, а поднять стекла машины было невозможно. Выплакать мою тоску было некому — мальгашская ребятня, с изумлением разглядывавшая странного бородатого вазаха (так мальгашки зовут белого человека), словно пришельца с Марса, разумеется, говорила только на своем родном языке, а его-то как раз я не выучил. С не меньшим интересом, чем дети, меня разглядывали гуси, при этом негромко гогоча; но, сами понимаете, Рим спасли, а меня — никак.

Окруженный морем очаровательных смуглых лиц, удивленно распахнутых черных глаз размером с блюдце, я проклинал себя под гоготанье гусей за то, что выгляжу таким идиотом. Между тем лемур удесятерил усилия, а резь в желудке достигла такой мощи, словно кто-то орудовал там бензопилой; пора было что-то предпринять.

«И на кой шут, — ругал я себя, — ты со всем этим связался! Седина в бороду, а воображаешь, что у тебя сил, как у двадцатилетнего. Играл бы себе в гольф, как все порядочные люди в твоём возрасте, или вырезал бы фигурки из мыла. На черта было пускаться в такой мучительный путь? Зачем женился на молоденькой, которая все подстрекает тебя к опасным странствиям? Не проще ли плюнуть на все да наложить на себя руки?»

Тут я сообразил, что если покончу с собой, то упущу зверюгу. Круг замкнулся. Прервав на сем философические размышления, я вдруг увидел Ромула на другом конце деревни и, не думая о последствиях, высунул голову из машины и заорал благим матом:

— Ромул!!! Сюда!!! Живо!!!

Удивление на детских лицах сменилось ужасом. С дикими воплями ребятня брызнула в разные стороны, ища убежища кто в закоулках, кто за дверями хижин, словно большой белый вазаха был самым дьяволом, жаждущим их крови. Вслед за детьми в панике разбежались гуси, клаксоня, словно старые машины, и воздев крылья, точно трубящие ангелы. Иные из гусей забегали в хижины и тут же с шумом изгонялись наружу. Вот уж не думал, что могу произвести на детей и зверей такой эффект. Тут подскокил встревоженный Ромул.

— Месье, — проговорил он, задыхаясь, — что вам?

— Жену ко мне, быстро! — ответил я.

Он бросился на поиски и через несколько секунд притащил испуганную Ли.

— Что случилось? — спросила она.

— Живот... А тут еще эта тварь пытается вырваться... — пробормотал я. — Пересажь его в нашу корзину! Ну почему мы не сделали этого сразу?

Наконец дело было сделано, другие дела тоже, но и по сей день меня не отпускает мысль, что жуткий образ бородатого рычащего вазаха запе-

чатлелся в памяти несчастных детишек на долгие годы. Жалею, что так произошло (право, белые люди достойны лучших воспоминаний у туземцев), но поймите, в каком я был состоянии.

* * *

Мы вернулись в отельчик и втихомолку пронесли лемура в номер. По опыту многих лет я знаю, что в иных гостиницах вам не разрешат держать в номере бородавочника и устроят скандал, если вы соберетесь поселить в ванне змей. Прямо скажем, близорукая политика, способная отбить у владельцев таких гостиниц клиентуру. Так что самое правильное — затащить животное в номер подальше от глаз администратора. Но это не всегда удастся. Как-то с хорошенькой горничной-латиноамериканкой случился сердечный приступ, когда она обнаружила у меня под кроватью не любовницу, таящуюся от жены (что там считается обычным делом), а детеныша гигантского муравьеда.

Лемур, которого мы теперь могли рассмотреть как следует, оказался размером с небольшую кошку. У него была бронзово-зеленая шкура, большие золотистые глаза и огромные лапы. На обратном пути мы сделали остановку, и Мианта нарезал ему на корм сочного тростника и папируса. Ли накрошила туда морковки и банана. Чем раньше приучишь зверюшку есть что дают, тем легче будет ваша задача. Где мы, к примеру, найдем Джерси этот сорт тростника и папирус? А морковки там сколько хочешь, да и бананы найдутся. Следовательно, чем быстрее приучишь зверька к морковке и бананам, тем лучше. Но только Ли открыла дверцу клетки, чтобы дать лемуру продегустировать приготовленное ею блюдо, как зверек забился в угол, встал на задние лапы, вытаращил глаза и раскрыл передние лапы, как если бы хотел обнять свою благодетельницу.

— Не скажу, что *этот* лемур очень кроток, — заметил я, когда зверек затыкался на Ли, словно испуганная собачонка.

— А что ты хочешь от бедняжки? — возразила Ли. — Как бы ты вел себя, если бы оказался на волосок от смерти в кастриоле?

Крыть было нечем.

...Ли отправилась на базар купить нашему подопечному свежих фруктов и овощей, оставив меня сидеть на нашей факирской кровати, поглощать пачками антибиотики и запивать их стаканами шотландского виски. Едва в номере воцарилась тишина, я услышал, как в клетке сначала заскребли когтями, а затем раздалось довольное похрустывание. Это очень обрадовало меня — случается, что проходят сутки, а то и больше, пока вновь пойманный зверек оправится от шока и начнет есть. Если голодовка

Д

затянется, зверька необходимо выпустить. Но если он сразу начинает есть — значит, скоро привыкнет к неволе.

Нахрустевшись вдоволь, лемур принялся обнюхивать клетку, издавая еле слышные звуки, напоминающие мяуканье; затем последовала долгая тишина. Вдруг он начал издавать весьма странные звуки, похожие на «юрп», как будто кто-то вынимал пробку из маленькой бутылки. Я даже подумал, не положила ли сердобольная Ли в клетку бутылочку шампанского. Но звук, напоминающий открытие бутылки, повторялся снова и снова с регулярными интервалами, и тогда я подумал, уж не является ли это у лемуров коммуникативным сигналом. В густых тростниках звук, напоминающий выдергивание пробки, возможно, наилучшим образом позволяет животным поддерживать контакт, оставаясь друг для друга невидимыми.

Наблюдая за нашими лемурами, я поразился, какой у них богатый язык: звуки, напоминающие выдергивание пробки, кошачье мяуканье и мурлыканье, собачье тьяканье и даже ворчание, как у лилипутского тигра. На следующее утро мы, к своей радости, обнаружили, что звереныш съел весь предложенный ему запас растительности, а также немного моркови и полбанана. Когда Ли кормила его, он по-прежнему таращил на нее глаза и разевал рот, стоя на задних лапах и раскинув руки, но уже не тьякал. Что мы сочли еще одним добрым знаком.

Мианта сообщил нам, что завтра Ромул отвезет нас на восточный берег озера, где больше деревень и где есть надежда найти пару нашему лемуру, а возможно, и другие экземпляры.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ПОТОК ЛЕМУРОВ

На следующее утро, завтракая яичницей пополам с антибиотиками, я наблюдал из окна ресторана за уличной толпой. Ромул прислал известие, что его механическая повозка сломалась (в чем не было, конечно же, ничего удивительного), и попросил немного подождать. Таким образом, в моем распоряжении оказался еще час на любование базаром, от которого я не отводил глаз с четырех утра и который теперь был в самом разгаре. К этой толчее присоединилась и Ли в поисках корзин с крышками для зверьков, которых нам предстояло поймать, а я наслаждался тем, что делал зарисовки. Наблюдая за мальгашскими женщинами, я постиг, сколько функций у предмета одежды под названием ламба.

Ламба — кусок хлопчатобумажной ткани размером четыре на восемь футов, покрытый самым изощренным и многоцветным узором. У других народов этот предмет одеяния называется саронг, и я помню, как в годы моей юности его носила мисс Дороти Леймур, но сугубо с целью оттенить свои соблазнительные прелести. У жительниц же Амбатундразаки ламба может служить и более практическим целям. Во-первых, плотно завернувшись в нее, можно привязать к себе и ребенка — со стороны это выглядит так, будто у женщины чрево со спины. Если у вас нет ребенка, можно переносить небольшие кули с рисом, цыплят и уток, завтрак и обед, в конце концов. Она может служить и платьем, и плащом, и накидкой от солнца, и набедренной повязкой; ею можно тепло укрыться на ночь, и наконец — но не в последнюю очередь, — она просто сделает вас прелестней.

Мальгашки миниатюрны, хорошо сложены, и я нахожу их походку грациознее, чем танец любой виденной мною балерины. Это отчасти объясняется тем, что мальгашки с детства приучаются носить поклажу на голове. Дух захватывает, когда любишь этими прелестницами в кокетливо надетых набекрень сияющих на солнце белых соломенных шляпах и ламба всех цветов радуги, облегающих соблазнительные выпуклости тела. Поражает и то, какую тяжесть они могут переносить на голове; удивительно, что их тонкая шейка не ломается, словно стебелек цветка. Однажды я стал свидетелем, как такая красавица переносила на голове корзину, полную сладкого картофеля; чтобы водрузить на голову эдакую тяжесть, понадобилась помощь двух ее друзей. Но как только, к удовлетворению мальгашки, груз был водружен куда положено, она плавно двинулась с места и поплыла по дороге, словно шар по гладкой поверхности льда. Забавную картину представляла собой другая леди, у которой на голове была огромная корзина с двумя гусями. Корзина скрывала птиц почти целиком, и я всласть посмеялся над зрелищем двух кричающих голов, торчащих из корзины.

Пока я дожидался в баре, к жене хозяина гостиницы, которая была здесь за барменшу, тянулась вереница людей, и всяк предлагал что-нибудь на продажу: кто жестяной чан рыбы, кто связку кудахчущих кур, несомых вниз головой, кто заднюю ногу зебу, кто десяток-другой яиц. Мадам тщательно инспектировала каждое предложение и либо отсылала продавца на кухню, либо отмахивалась рукой в знак отказа.

За наблюдением этой удивительной и красочной сцены меня застали наши друзья Араминта и Эдвард, которые решили взять отпуск и поехать с нами. Страстно болея за наше дело, они надумали посмотреть, как собирается коллекция животных. Двоюродный дедушка Эдварда, Герберт Уитли, основавший и построивший зоопарк в Пейнтоне в Девоншире, в свое время покупал у меня множество видов для своей коллекции. Это был замеча-

Д

тельный натуралист и большой оригинал из той породы людей, которая встречается, наверно, только в Англии. На удивление чуткий ко всему живому, он умудрялся разводить у себя в зоопарке такие виды животных, каких никому другому не удавалось даже сохранить живыми в неволе. Эдвард внешне во многом походил на своего двоюродного деда: такой же высокий и крепкий, с такой же походкой с легким наклоном головы, с теми же выступающими скулами; он одаривал каждого зазывным невинным взглядом, будто искал партнера на партию в теннис. А у Араминты глаза были темные с поволокой, и взгляд у нее был добрым и пытливым. Она как нельзя лучше подходила своему пышущему здоровьем спутнику — как, впрочем, ей подходило и это чудесное викторианское имя, сейчас, к сожалению, вышедшее из моды.

Случился, к несчастью, конфуз. Когда два дня назад я вышел встречать их, сильно уставших после перелета, Араминта подцепила-таки от меня одну из тех инфекций, которых я успел набраться в тропиках. Впрочем, она готова была простить мне эту оплошность при условии, что я нареку первую пару пойманных лемуров Араминтой и Эдвардом, на что я, разумеется, с радостью согласился. Случалось вам покупать барометр-метеобудку, из которой, в зависимости от погоды, появляются то солнечный, то дождевой человечек? Так и мы с Араминтой по очереди то скрывались за дверями «кабинета задумчивости», то появлялись вновь...

— Как вы себя чувствуете сегодня? — спросил я.

— Превосходно! Превосходно! — ответил Эдвард, пышущий здоровьем и молодым задором. Араминта же только кинула мне холодный взгляд. — Как ты насчет позавтракать? — сказал Эдвард, вопрошающе глядя на нее. — Можно бифштекс и яичницу из трех-четырех яиц. Вкусно!

— Да нет, спасибо, — молвила побледневшая Араминта. — Мне бы только чашечку чаю.

— Какая у нас программа на сегодня? — спросил Эдвард, поглощая бифштекс с жадностью льва.

— Не знаю, — ответил я. — У Ромула авто полетело.

— Полетело? — спросил Эдвард. — Я-то удивляюсь, как эта штуковина вообще ходит! Должна же когда-нибудь и поломаться.

— Он обещал починить примерно через час, — ответил я. — Чем пока займемся?

— Пойдем за рождественскими покупками, — сказал Эдвард.

— Как, *здесь*? — удивился я.

— В Англии у нас не будет на это времени, — объяснила Араминта. — Посмотрим, что предложит здешний рынок.

— Можно гуся, а можно курицу, — порекомендовал я, — или хотите

поросенка? Я, кстати, видел пять молочных поросят, все разных цветов; как раз вылезут в твой рюкзак.

— Спасибо, но мы лучше пробежимся по рядам корзин и тканей, — с достоинством ответствовала она.

Я продолжал наблюдать рынок из окна, а друзья отправились за рождественскими покупками в столь неожиданном месте. Вскоре они вернулись, нагруженные множеством самых ярких ламба и корзинами всех видов. Одни круглые и пузатые, с крышками; другие квадратные; третьи вытянутые, как башни; здесь, в деревнях, расположенных по берегу озера, плетут лучшие на всем Мадагаскаре корзины — изящные, похожие на хрустящее печенье, прочные и блестящие, с самыми интригующими разноцветными орнаментами. Пока мы изучали эти чудесные произведения искусства, вернулась Ли, которая тоже накупила корзин — не столь художественных, как у Араминты, но тоже ничего.

Наконец-то объявились Ромул и Мианта, рассыпаясь в извинениях, и мы отправились к восточному берегу озера. Поездка оказалась отнюдь не столь удручающей, как в первый раз. Здесь было довольно много леса, в том числе и на фермах, тогда как в поездке по западному берегу озера если нам и удавалось встретить дерево, мы кланялись ему, как другу после долгой разлуки.

В первой же деревне нам улыбнулась удача. Едва мы остановились на главной площади, Мианта исчез, как утренний туман, и десять минут спустя вернулся, таща корзину с крошечным кротким лемуром. Это было одно из самых милых маленьких существ, которых мне доводилось видеть. Притом что он спокойно помещался в кофейной чашке, у него была крупная голова и большие руки и ноги. Мы намеревались собирать только подросшие и взрослые экземпляры, но нельзя же было оставлять беззащитное существо в руках прежних владельцев. В корзине был только кусок грязного перезрелого банана, но я был уверен (как бы его хозяева ни пытались доказать обратное), что ему еще требуется материнское молоко, а такая диета, как перезрелые фрукты, скорее всего убьет его. Мы отдали за него символическую сумму и доходчиво разъяснили владельцам закон: разве они не знают, что убивать и ловить этих животных запрещено? Как же, говорили они, мы все это знаем, но раз никто за этим не следит, зачем же соблюдать? Такое отношение, с которым сталкиваешься по всему свету, ставит под удар всю природоохранную деятельность.

Мы уже собирались ехать дальше, когда нам помахали рукой и предложили еще трех крошечных лемуров. Они были чуть старше первого, но я подумал, что этим тоже еще требуется молоко, хотя они уже способны усваивать и другую пищу. Естественно, мы не могли оставить этих беспо-

Д

мощных существ под угрозой смерти и купили, не забыв прочесть прежним владельцам лекцию на тему «Лемуры и закон». Теперь у нас было уже четыре лемура-детеныша.

Всякий раз, когда мы покупали животных, мы платили за них чисто символические деньги — не из жадности, а чтобы не поощрять дальнейшую охоту на них. И в каждой деревне мы терпеливо и популярно разъясняли публике закон и демонстрировали документы, подтверждающие, что мы проводим работу с разрешения малагасийского правительства и собираем лемуров с целью разведения. Сколько из сказанного нами до них дошло, не знаю, но мы были щепетильны в этом вопросе как нельзя более.

Мы двинулись в другую деревню, где имелась небольшая аптека; там мы надеялись приобрести шприц, чтобы с его помощью кормить молоком наших детенышей. Все четверо были здорово напуганы грохотом Ромуловой повозки (равно как и мы), и, добравшись до Андребы и купив там немного молока и шприц, мы сделали часовую остановку, чтобы покормить лемуров. Четыре лемуренка жадно пили молоко, а старшенькие даже отведали бананов, чем весьма нас порадовали. Пока мы кормили лемуров, Мианта снова пустился в бег и возвратился со взрослой самкой на поводке. Она была поймана уже давно и за это время неплохо приручилась. Окрас ее был скучным, зубы разрушены, и вообще у нее был довольно потрепанный вид, но, несмотря на это, мы купили ее. (Как потом оказалось, мы сделали очень нужное дело.) К этому времени четверо детенышей наелись досыта и теперь уже спокойнее воспринимали грохот мотора. Я предложил полным ходом возвращаться в отельчик не только ради благополучия зверенышей, но и ради моего собственного: похоже, что ни один из принятых антибиотиков не возымел действия.

Мы оказались в затруднительном положении. У нас была одна взрослая самка, один подросток и четверо детенышей. Скрыть этот факт от гостиничной администрации не представлялось возможным. Не решившись идти на ковер сам, я послал свою верную Ли к начальству для разъяснения ситуации. К нашему удивлению, хозяин гостиницы и его жена восприняли известие с радостью, сказав, что они обожают животных, и тут же отвели нам номер по соседству, где мы могли содержать наших драгоценных подопечных. Это была небольшая комната с умывальником, столом и гигантской двуспальной кроватью. Мы сняли с кровати все, кроме тюфяка, и тщательно накрыли пленкой. Стол использовался для приготовления корма, а умывальник — для мытья мисок. Животных мы поместили на кровати, а под стол составили корзины с разнообразными фруктами и овощами. В общем, нормальная жизнь гостиницы не нарушилась — не то что в свое время на Корфу, где я снимал фильм и где с разрешения администра-

тора гостиницы (страстного любителя рептилий) я держал в ванне целое стадо водяных черепах. Когда очаровательная горничная-гречанка увидела это зрелище, она издала такой дикий вопль, совершенно как покойная Мария Каллас, наступи она на скорпиона (хотя в последнем случае крик, надо думать, был бы сладкозвучнее).

Проснувшись на следующее утро, я почувствовал, что если бы кто-нибудь согласился взять у меня весь пищеварительный тракт, я отдал бы не глядя и с приплатой. В результате я сообщил Ли, что не смогу составить ей компанию в лемурных похождениях на озере, а вынужден, прикованный к унитаду, остаться в номере и наблюдать за нашими подопечными. Помимо всего прочего, я заметил, что детеныши нуждаются в частом и регулярном кормлении, особенно самый крошечный. Накормив лемурият досыта, я отправился в гостиничный бар закончить свои дневниковые записи. Меня обслуживала очаровательная миниатюрная мальгашка, говорившая только на своем родном языке. В углу бара стоял огромный цветной телевизор, включенный на полную мощь, и пока я раздумывал, что бы еще заказать из напитков, красавица жадно следила за бесхитростным развитием сюжета французской мыльной оперы, где большая часть сцен происходила в постели и сопровождалась множеством стонов и вздохов.

Перед обедом я снова покормил зверьков. Старшие уже жадно лакали молоко из блюдца, но младшего еще нужно было кормить из шприца. Он напился досыта, повиснув у меня на руке, словно прищепка, и смотрел мне в лицо большими золотистыми глазами. В этом возрасте у лемуров по сравнению с маленьким телом непропорционально большие головы, руки и ноги; смешно наблюдать, как они ходят по гладкой поверхности, — походка у них что твой Чаплин. Но когда они лазают по деревьям, сразу видно, как умно приспособлены их руки и ноги. Я поставил рядом на двухспальной кровати клетки с самым маленьким детенышем и взрослой самкой, которую мы называли Араминта, и был польщен, когда услышал, что они обменивались «хлопающими» звуками.

Я вернулся в бар, где страсти на телеэкране разгорелись с новой силой, и заказал чашку рисового супа как нечто легкое для желудка да несколько плодов манго на десерт лемурам. Бар и ресторан были переполнены, и я счел за благо вернуться в номер, подальше от какофонии голосов, всхлипов и вздохов, доносящихся из телевизора. Поскольку у меня не хватало рук нести и плоды, и дневник сразу, я сделал знак мальгашке помочь. Она взяла дневник, словно священный кубок, и бережно отнесла наверх ко мне в номер. Жонглируя плодами манго, я проследовал за ней. Она благоговейно возложила дневник на стол, стоявший у кровати; я поблагодарил ее словом «мисаотра», что по-мальгашски значит «спасибо», и красавица,

Д
кивнув головой и одарив меня ослепительной улыбкой, исчезла. Через несколько мгновений после этого я сообразил, что она механически повернула ключ в двери и заперла меня снаружи.

Сказать, что я был в отчаянии, — значит ничего не сказать. Двери и мебель, выделяемые на Мадагаскаре, не уступают по весу и прочности граниту, так что, если бы я попытался вообразить себя Джеймсом Бондом и выломать дверь, я бы только вывихнул плечо. Взывать о помощи также было бесполезно — самый отчаянный крик неизбежно потонул бы в шуме ножей и вилок и в страстных всхлипах, доносящихся из телевизора. Я оглядел комнату в поисках чего-нибудь, чем можно отомкнуть замок, но ничего не нашел. Я подошел к забранному массивной решеткой окну и закричал что есть мочи в надежде привлечь чье-нибудь внимание, но прохожие только приветливо махали мне рукой, а кое-кто вытягивал ладонь для милостыни. Я сел на кровать, проклиная судьбу, — приближалось время кормить детенышей лемуру, но хуже всего было то, что нужник находился снаружи, в конце коридора.

Тут я вспомнил — мне кто-то рассказывал, что любой замок можно отомкнуть с помощью кредитной карточки. Это прибавило мне надежды. Я вытащил из бумажника карточку «Америкэн экспресс», которую взял с собой неизвестно зачем, так как ее не признают ни в магазинах, ни в гостиницах. Дверь не поддавалась. В защиту карточки «Америкэн экспресс» я должен сказать, что замки на Мадагаскаре особенные. Очевидно, они, как и многие другие китайские штучки, были презентованы самим Мао Цзэдуном. Массивные и с интригующим орнаментом, они явно не предназначены для того, чтобы от простого поворота ключа взять и открыться или взять и закрыться. Пробьешься несколько недель, пока насобачишься пользоваться. Целый час я бродил по номеру, думая, за что мне такая мука. Можно бы, конечно, просто вывинтить замок, но у меня не было ничего, что могло бы заменить отвертку.

В который раз исследовав замок, я уже смирился с тем, что пробуду в плену до вечера, до возвращения Ли, как вдруг дверь распахнулась и в ней возникла та самая крошка-мальгашка. Одарив меня широкой теплой улыбкой, она так же внезапно исчезла, как и возникла. Ни извинений, ни объяснений, ничего. Заслужил условно-досрочно и будь доволен. Я тут же вынул ключ, чтобы снова не оказаться в плену, и опрометью бросился в галюн.

Вернувшись, чтобы покормить детенышей, я увидел, что старшенькие в бодром настроении — прыгают по принесенным для них веткам, иногда срываются на пол, а то и задирают малыша, который показался мне весьма забитым. Не то чтобы они нарочно обижали его, просто для них он был неким неодушевленным предметом вроде коряги или банана, что ему

было, разумеется, не по вкусу. Он скорбно смотрел на меня. Я мог, конечно, пересадить его в одну из тех тростниковых корзин, что принесла Ли, но чувствовал, что в одиночестве ему будет еще тоскливее. И тогда мне пришла в голову идея. Кроткие лемуры очень коммуникабельные животные и, как это соответствует их имени, не склонны устраивать потасовки с себе подобными. Коль скоро у нас была немолодая самка (которая, как я предполагал, была старше детородного возраста), то почему не предложить ее в приемные матери детенышу? Я не знал, конечно, как старая лемуриха отнесется к моей мысли, но то, что она была почти ручная, облегчало задачу. Я открыл дверцу клетки и впустил к ней лемурунка, а сам изготовился тут же вытащить его обратно, если ей это не понравится. Детеныш лишь увидел лемуриху — и пулей к ней: перелез через голову и морду и уютно устроился у нее на груди. Лемуриха, конечно, была ошарашена таким вторжением, но затем, к моему облегчению, обняла его и схоронила в густой теплой шкуре. Молока у нее, конечно же, не было, и вопрос заключался в том, удастся ли оторвать детеныша от приемной мамы, когда настанет час кормления. Как я и ожидал, беспокоиться было не о чем. Чуть детеныш попробовал приложиться к ее пустым сосцам, как тут же получил хорошего щипка за такое нахальство. После этого, едва увидев, что дверца клетки открыта и в нее тянется рука Ли со шприцем, полным молока, он тут же бросил свою новую мать и, подобно страждущему в пустыне, завидевшему оазис, кинулся на руки Ли и досыта напился. Разделение труда — мы кормим, лемуриха ласкает и согревает — оказалось блестящим.

Ближе к ночи вернулись наконец оба охотника — уставшие, изголодавшиеся, но все же с триумфом тащившие двух молодых лемуров: самца и самочку в прекрасном состоянии. Накормив и поместив животных в клетки, мы отметили успех. Мы с Араминтой поглощали антибиотики, запивая их виски, остальные накачивались только виски.

Тем не менее ночью я почувствовал себя дурно — температура перевалила за сорок, я обливался потом, как в турецкой бане. Но к утру стало чуть полегче, и мы решили проехаться по деревням, в которых еще не бывали. По пути Мианта уговорил нас свернуть на разбитую колею, и, проехав по ней одну-две мили, мы очутились на вершине холма, украшенной тригонометрической вышкой. Оттуда нам открылось собственно озеро, окруженное тростниковыми зарослями и посевами риса. Озеро не казалось чрезмерно большим, но было очевидно, что прежде, пока в него не смыло плодородный слой разрушающихся почв с окрестных холмов, оно было огромным. Мианта объяснил, что после ливней вода в озере повышается так, что заливают камыши, которые затем уничтожают под посевами риса. Когда же вода в озере спадает, она оставляет после себя лужи — естест-

Д

венные ловушки для рыбы; помимо этого, разлив, само собой разумеется, благоприятствовал урожаю риса, но из-за эрозии почвы озеро Алаотра утратило свою славу рисовой житницы страны. Серьезность ситуации становится понятной, когда сравниваешь цифры роста населения и цифры производства риса за последние годы.

Другим впечатляющим, но наводящим грусть фактом в жизни озера стало исчезновение родных для него видов рыбы. Человек, который считает себя умнее матери-природы, напустил туда чужаков вроде тилапии и карпа, а кончилось тем, что свойственные озеру рыбы исчезли. Никто не знает, сколько вообще исчезло видов малагасийской фауны, потому что никто ее толком не изучал, — иные ушли в небытие, не успев даже получить научных названий.

В соседней деревне Мианта вновь исчез, как Чеширский кот, оставив мне (как некогда Алисе) только память о своей широкой улыбке, но вскоре вернулся, довольный собой, таща три тростниковые клетки и в каждой по молодому лемуру. Теперь встал вопрос, что делать дальше: мы уже превысили квоту в разрешенные нам шесть особей, а оставлять излишек здесь тоже нельзя: ведь в тот же вечер он будет съеден как деликатес обитателями не той, так другой хижины. Мы вернулись в отельчик и устроили военный совет. Сошлись на том, что программа нами выполнена блестяще. Я-то думал, добудем, дай бог, пару лемулов, а у нас было десять этих великодушных созданий. Мы планировали отослать наш живой груз в Антананариву поездом. Но Араминта и я были по-прежнему в таком состоянии, что могли и не выдержать двадцати часов тряски. Тогда решили, что здоровые члены нашей бригады — Эдвард и Мианта — повезут поездом подросших животных, а остальные полетят самолетом и повезут детенышей.

Ли тащила детенышей каждого в отдельной корзине, завернутой в ламба, а Араминта — корзины, купленные сю к Рождеству. Обе напоминали уличных торговков корзинами. Но, слава богу, мальгаши, как правило, народ тихий, да к тому же сами часто путешествуют с громоздкой поклажей, так что наш дикий груз не вызывал у них косых взглядов. Когда мы сели в крохотный самолет и взлетели, я, дабы отвлечься от болей в желудке и пополнить свой запас знаний мальгашского языка, вынул англо-мальгашский словарь. До сих пор я знал по-мальгашски только «здравствуйте» и «спасибо», чего, конечно же, явно недостаточно для интеллектуального разговора. Но едва я засел за зубрежку, как сразу выяснилось, что гладко только на бумаге.

Мальгашский язык, может быть, изыщен с точки зрения самих мальгашей, но европеец находит его полным рокочуще-клокочущих и звенящих

звуков — это примерно как бочка с битым стеклом катится по каменной лестнице. Может быть, это всего лишь легенда, но считается, что письменный мальгашский язык был впервые разработан и записан первыми уэльскими миссионерами. Люди, которые крестили у себя в стране города и деревни названиями, состоящими почти из всех букв алфавита, наверняка ощутили себя в мальгашском языке как в родной стихии. Карта Уэльса изобилует такими заковыристыми названиями, как Лланаилдейарн, Лланваирвексан, Лланерксимедд, Пендриндейдрэкс, не говоря уже о Лланвейрпуллгвингиллгогериксви — риндробллэнтиссилиогогогокс¹. Так что миссионеры, которым выпало создать из этих выкрутасов целый язык, облизывались от удовольствия и превзошли самих себя в исхищенностях и длиннотах. Раскрыв словарь наугад на слове «bust», я обнаружил, что по-мальгашски это будет так: «Ny tra tra seriolona voasokitra hatramin ny tratra no ho miakatra». И никаких объяснений, идет ли речь о финансовом крахе или о женских прелестях: по-английски будет и так и так. Если же все-таки речь идет о лучшем украшении женщины, то я представляю, каково несчастному возлюбленному, если он решит начать воспевать красоты своей любезной с этой соблазнительной части тела. Пока он выговорит, зазнобушка просто решит: «Какой грудолюбивый маньяк!» — и пошлет его подальше. В общем, слишком длинный язык для объяснений, а тем более в романтической любви.

Благополучно добравшись до столицы, мы незаметно пронесли животных в отель. Заняли две большие спальни с ванной. Во второй спальне разместили все необходимые принадлежности (складные клетки для животных и тому подобное), и кроме того, она бы нам очень пригодилась в случае прибытия телевизионщиков из «Чэннел телевижн». Эта телекомпания много лет снимала нашу успешную работу в зоопарке на острове Джерси. Шанс заснять настоящую экспедицию по отлову ай-ай явился для них ценным подарком, они ухватились за него обеими руками и грозились свалиться сюда со всеми причиндалами — от кинокамер до генераторов. Подросшие лемуры, отправленные в столицу малой скоростью, также благополучно прибыли благодаря нежной заботе Эдварда и Мианты, и вскоре мы комфортабельно разместили их в зоопарке Цимбазаза. Что же касается детенышей, то ввиду того, что их нужно было часто кормить, мы решили пока подержать их в гостинице.

¹ В переводе на русский язык это означает: «Церковь Марии пустой белый орешек вблизи быстрого водоворота — церковь святого имени Красной пещеры». Почтовый штемпель ограничивается только первыми двенадцатью буквами, но на обратной стороне каждого письма ставится второй штемпель с полным названием. (Примеч. пер.)

Д

На следующее утро после нашего прибытия я лежал и думал, как же не хочется вставать и кормить малышей, как вдруг из соседней комнаты, где мы их разместили, раздались встревоженные хлопающие звуки; звуки пошли крещендо, но внезапно стихли. Я испугался: что же могло случиться с моими маленькими подопечными? Вдруг в номер прокралась кошка или крыса и теперь с наслаждением доедает наших драгоценных крошек?! Жуткая мысль подняла меня с постели, и едва я раскрыл дверь, как в нее своей чаплинской походкой вошел Эдвард (так мы называли самого крошечного), поглядывая на меня большими невинными глазами. Каким-то образом он поднял крышку и удрал. Очевидно, он слышал, как мы готовим пищу в соседней комнате, и настроился позавтракать. Но едва я наклонился, чтобы поймать его, лемур в ужасе залаял и бросился к двери, — видно, я показался ему злым великаном или волшебником. Я захлопнул дверь, чтобы не дать ему улизнуть, а Эдвард встал в оборонительную стойку на задние лапы, прислонившись к стене, раскинув руки и вызывая таякая на меня. Я подхватил отважного, и, как только поднял до уровня лица, он тут же принялся играть моей бородой, урча как котенок.

Я посадил лемуру на постель и дал в награду за смелость кусок банана. Взяв свой драгоценный трофей, он тут же перебежал через лицо Ли и уютно устроился на подушке. Я открыл дверь, чтобы взглянуть, как себя чувствуют соплеменники Эдварда, и увидел, что они затеяли возню на полу. Видимо, они как-то подсмотрели, каким способом Эдвард удирал из корзины, и повторили его подвиг. Мне не стоило никаких усилий собрать компанию в тесный кружок, поставив на кровать блюдо молока, и я возблагодарил бога, что им не пришлось в голову исследовать оборудование, потому что отлавливать беглецов среди рюкзаков и аппаратуры было бы куда сложнее, чем по лабиринту коридоров Хэмптон-Корта.

— Они, конечно, прелестные существа, — сказала Ли, стирая с подушки остатки полуизжеванного банана, в то время как я вытирал на кровати молочную лужу (манеры поведения за столом у этих крошек оставляли желать лучшего), — но я была бы рада сбыть их в зоопарк.

— Я тоже, — ответил я, снимая лемуру Эдварда с занавески. — Эти постоянные хлопающие звуки создают впечатление, что у нас тут круглосуточно идет попойка.

Тем же утром нам позвонили из зоопарка и сообщили, что рады взять всех лемуров, и ухаживать за ними, к нашей радости, назначен Жозеф Рандрианаиворавелона. Он был одним из первых мальгашских студентов, проходивших практику у нас на Джерси, и мы знали, что вся эта шумная орда попадет в надежные руки.

* * *

Много лет назад мне стало предельно ясно, что разводить исчезающие виды животных в неволе лучше всего в стране происхождения. Беда заключалась в том, что во многих из этих стран нельзя было предпринять подобные попытки из-за отсутствия квалифицированного персонала. Это навело нас на мысль основать Международный учебный центр при нашем зоопарке на Джерси. Здесь студентов приучали к рутинной работе по уходу за животными, а также прививали им основные принципы охраны природы и экологии. Некоторым студентам платили стипендии направившие их страны, некоторые получали стипендию от нас. После прохождения курса обучения они возвращались к себе на родину и с нашей помощью организовывали центры по разведению исчезающих видов фауны. Схема возымела колоссальный успех: на момент написания этих строк подготовку в нашем центре прошли **282** студента из **65** стран. У такого обучения есть еще один положительный момент: общаясь друг с другом, студенты разных национальностей приходят к пониманию, что большие проблемы — скудость средств, непробиваемая бюрократия, тупое правительство, наконец, население, для которого зверь хорош только в кастрюле, а дерево только в виде мебели, — есть не только у них в стране. Это порождает в них бесценное чувство товарищества, и, разъезжаясь по родным краям, студенты не чувствуют себя в изоляции. Для поддержания контактов между нашими студентами мы специально для них основали журнал «Солитер» (так называется птица, исчезнувшая с лица земли), чтобы они могли узнавать о проблемах и успехах своих коллег. Нам показалось особо ценным, что Жозеф, один из наших первых студентов-мальгашей, возьмет на себя заботу о редкой коллекции.

Наша схема обучения явилась первым шагом в верном направлении, но предстояло сделать гораздо больше. *Где* в странах происхождения следует организовывать центры разведения исчезающих видов животных? На первый взгляд ответ кажется очевидным: в местных зоопарках. Беда в том, что многие зоопарки во всем мире влачат жалкое существование из-за скудости средств, а подчас и из-за недостатка опыта. Если бы удалось довести эти учреждения до высоких стандартов, тогда они могли бы играть жизненно важную роль в деле разведения исчезающих видов в неволе. Но где взять средства на обновление?

В свою прошлую поездку на Мадагаскар я высказал мнение, что множество крупных, хорошо организованных зоопарков во всем мире должны бы проявить интерес к уникальной малагасийской фауне и изъявить желание посодействовать сохранению всего этого богатства. Состоятельные учреждения могли бы поддержать своих менес благополучных коллег. Со-

Д

вместно с Ли и моей преданной и дальновидной командой на Джерси мы разработали формулу, показавшуюся нам подходящей. Прежде всего следовало создать инициативную группу, и каждый зоопарк, желающий в ней участвовать, должен платить установленную сумму ежегодно. Эти средства помогают встать на ноги местному зоопарку, идут на оплату советов экспертов, обучение персонала, ремонт или обновление клеток.

Когда же спустя несколько лет зоопарк становится на ноги и дела в нем налаживаются, члены группы и сам зоопарк совместно запускают программы разведения исчезающих мадагаскарских животных. Тут есть еще вот какой важный нюанс. Животные и их потомство, выведенное в зоопарках за пределами страны, остаются в собственности правительства Мадагаскара и в любой момент могут быть отозваны обратно. Этот ход мы придумали, подписывая соглашение с малагасийскими властями, чтобы не дать повода для толков, будто другие страны только и жаждут разграбить богатую фауну острова и нисколько не заботятся об интересах родины вида. Этим положением мы стремились завоевать к себе доверие и показать, что ни в коей мере не намерены эксплуатировать зоологическое наследие страны.

Естественно, когда мы обнародовали наш план, к нему выказало интерес множество зоопарков, хотя иной раз мы натывались и на непонимание со стороны директоров. Так же, как филателист не понимает, как это можно собирать марки, не приобретая их в собственность, так и директора зоопарков не могли понять, как это содержащиеся в зоопарке животные не являются его собственностью. И тем не менее набрался-таки кворум директоров зоопарков, понявших ценность идеи. Так родилась Группа в защиту фауны Мадагаскара (МФГ).

В качестве базы для осуществления первых проектов МФГ мы избрали главный зоопарк Антананариву — парк Цимбазаза, так как в столице создать условия для разведения редких видов животных легче. Это не только благотворно повлияет на животных, уже обитающих в Цимбазазе, но и будет иметь огромное воспитательное значение. Когда Мадагаскар был французской колонией, система школьного обучения разрабатывалась, естественно, во Франции. Мальгашские дети учили про разных там братцев-кроликов, дядюшку Зайца и тетюшку Лису, а таких животных нет в лесах Мадагаскара. В то же время лемуры, хамелеоны и черепахи как-то ускользнули из школьной программы. Когда я впервые посетил Мадагаскар в 1970-х годах, единственным источником, откуда мальгашские дети, да и взрослые тоже, могли узнавать о местной фауне, были дрянные картинки на спичечных коробках. Было очевидно, что собрание живой местной фауны в центре столицы имело бы колоссальный образовательный потенциал,

тем более что сам парк уже обладал богатой коллекцией автохтонных деревьев и растений. Им управляли наши старые друзья — Воара Рандрианасоло и его жена Бодо, которые страстно любили свое детище и горели желанием превратить его в ценнейшее национальное собрание животных и растений.

Еще до образования МФГ мы несколько лет работали с этой четой, помогая ставить на ноги Цимбазазу. Двое сотрудников этого парка (в том числе Жозеф) проходили обучение на Джерси и вернулись на родину не только с богатым опытом обращения с животными и научными знаниями, но и с тысячей мелочей, необходимых для основания питомника по разведению самых разных животных. Мы посылали в Цимбазазу и своих сотрудников в краткосрочные командировки, но, как правило, из-за финансовых трудностей дело подвигалось медленно.

Находкой для МФГ стала американка Фрэн Вудс, имевшая огромный опыт работы в различных зоопарках. Она была направлена в годичную командировку для совместной работы с Воарой и его штатом на разных этапах развития, чтобы по окончании доложить МФГ об успехах и будущих потребностях зоопарка. Когда мы приехали на Мадагаскар, перед началом экспедиции у нас были долгие беседы с Воарой и Фрэн, вселившие во всех нас уверенность, что через каких-нибудь несколько лет Мадагаскар будет располагать национальной зоологической и ботанической коллекцией, способной сделать честь любому крупному учреждению мира.

* * *

Питомник питомником, а как быть с теми несчастными кроткими лемурами, что еще живут на берегах исчезающего озера? Опыт показал, что очень многие не ведают о том, что зверек находится под охраной; другие знают, но совершенно не считаются с этим, ибо инфраструктура в столь бедственном положении, что бессильна заставить закон работать. Значит, нужна кампания, но какого рода и как воплотить ее на практике? И в этот самый волнующий момент Мианта подал блестящую идею. Дети. Если взрослые могут не слушать закон, то уж детей-то послушают. Идея заключалась в том, чтобы отбирать наиболее способных и одаренных учеников, привозить их на поезде в столицу и читать им лекции на тему защиты природы, водить на экскурсии по парку Цимбазазы и показывать им редких животных и растения. Параллельно с этим мы на Джерси выпускаем красочный плакат, объясняющий необходимость защиты безобидных лемуров, которые не встречаются больше нигде в мире. (Этот факт производил сильное впечатление на всех, с кем мы разговаривали.) Плакат этот предполагалось развесить во всех школах и общественных зданиях, а также

Д

дать его детям домой. Правительство отчаянно пытается справиться с проблемами озера Алаотра и спасти его от гибели. Если ему удастся преуспеть в своих усилиях, а нам в наших, то появится шанс спасти и озеро, и лему-ров.

...Теперь у нас на Джерси в полной безопасности живет единственная группа лему-ров в неволе. Надеемся, что они будут размножаться и мы сможем (по разрешению малагасийского правительства) рассылать их и по другим зоопаркам, чтобы не держать всех лему-ров в одной корзине. Мы надеемся, что наш опыт послужит примером, чего можно достичь в борьбе за охрану природы и обеспечение ее будущего.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ИНТЕРЛЮДИЯ С ИНИФОРОЙ

Пять видов черепах живет на Мадагаскаре, но самая крупная и впечатляющая — ангонока, или мадагаскарская клювогрудая черепаха (*Geochelone yniphora*). Это громоздкое создание, порою до полуметра в длину и весом до двадцати пяти килограммов, встречается только в районе залива Бали на северо-западе острова. Это самая редкая черепаха на земле (достоинство, прямо скажем, сомнительное). Когда-то ареал и численность этой черепахи были больше, но по ряду причин среда ее обитания сокращается и поголовье падает. Самое опасное для нее — ежегодные пожары в зарослях кустарников, где она обитает. Сами понимаете, передвигаясь с черепашкой скоростью, такие животные не могут убежать от огня и жарятся заживо.

Другая причина — завезенная на остров дикая свинья. Эти алчные и всеядные твари с хрюканьем взрывают почву и, обладая столь же чутким нюхом, что и их домашние собратья, используемые для поисков деликатесных трюфелей, находят черепашки кладки и поедают яйца и только что вылупившихся детенышей с тем же смаком, как турман — сочных устриц.

Третий источник угрозы исходит от людей. Парадоксально, но окрестные племена этих черепах не едят. Более того, их приручают и держат в курятниках — считается, что присутствие этих рептилий оберегает кур от заразы. Так ли это, еще предстоит доказать. В общем, выбор клювогрудой черепахи невелик: либо изжариться в пожаре, либо во младенчестве стать добычей дикой свиньи, либо оказаться в курятнике в качестве профилактического средства.

Теперь этих черепах осталось от двух до четырех сотен, что, быть может, и достаточно для выживания ряда других видов, но вот беда: при столь малом количестве самцу все труднее найти себе пару. А так как брачный период у этих животных сопровождается боями между самцами, то проблема заключается и в том, что чем меньше число особей, тем труднее найти не только самку, но и достаточное количество соперников для борьбы.

* * *

В 1985 году Специализированная группа по черепахам при Международном союзе охраны природы и природных ресурсов поинтересовалась, не согласимся ли мы предпринять операцию по спасению клювогрудой черепахи. Мы согласились, и проект был передан на рассмотрение Ли ввиду ее исключительного знания и интереса к Мадагаскару. Первое, что она сделала, — обратилась к Дэвиду Кэрлу, который изучал черепах на Мадагаскаре и написал интересный доклад о текущем положении дел. В этом докладе упоминалось, что Служба вод и лесов Мадагаскара содержит семь черепах в неволе на базе в лесничестве на восточном побережье. Это было весьма неподходящее для них место: помимо всего прочего, здесь не тот климат, и шансы на размножение оставляли желать лучшего. В переговорах с властями было достигнуто соглашение, что животных лучше перевезти в более благоприятную зону и организовать там их разведение. Мы наняли Дэвида для поиска места, подходящего нашим черепахам.

После некоторых раздумий Дэвид рекомендовал лесничество Ампицзуороа недалеко от города Махадзанга. Местность подходила по климату, и главное, там на базе имелось несколько домиков, в которых мы могли проводить нашу работу. Нас здорово выручила авиакомпания «Эйр-Мадагаскар», выдавшая бесплатные билеты на перевозку нашего драгоценного груза, и семь черепах перелетели с восточного побережья в местность, более близкую к их родному дому.

На этом этапе Дэвид выбыл из игры, решив продолжить свои научные занятия. И поскольку на Мадагаскаре больше не было первоклассных специалистов по разведению рептилий, следующей задачей, возложенной на Ли, оказались поиски в Великобритании кого-нибудь обладающего опытом и одержимого желанием окунуться с головой в дикую природу Мадагаскара за символическую плату и на неопределенное время. (Черепahi, как известно, не спешат, в том числе и замуж.) Когда Ли уже впала в отчаяние, будучи не в силах найти желаемого титана черепахологии, в нашу жизнь вошел Дон Рид; прежде всего бросилось в глаза его замечательное внешнее сходство с кинозвездой Мелвинном Дугласом, а следом выявился

Д

его жизненный интерес ко всем животным, и в особенности земноводным и пресмыкающимся — от черепах до древесных лягушек. Это означало, что, как только Дон включится в работу, за судьбу проекта можно не беспокоиться.

Это был первый проект в жизни Ли, и вскоре она убедилась: одно дело — задумать и совсем другое — запустить. Ее телефон надрывался, как хор тропических лягушек или сверчков, не зная покоя ни днем ни ночью. Каждый день почта мешками приносила письма, связанные с проектом. Бедные черепахи, тихо ползая по своей все уменьшающейся территории, конечно же, и не подозревали, какие титанические усилия предпринимаются по их спасению. Но точно так же они не подозревали обо всех подводных камнях и терниях — узнали бы, так у них случился бы коллективный нервный приступ, и тогда бы они уж точно все до одной околели.

Так или иначе, но средства в конце концов удалось собрать, и Дон отправился прямиком на Мадагаскар. Как выяснилось, черепашки хорошо прижились на новом месте и даже начали размножаться в первый же год пребывания в Ампидзуороа. Если дальше так пойдет, следующим шагом мог бы быть план создания заповедника для мадагаскарской клювогрудой черепахи где-нибудь на территории их естественной среды обитания. Этот проект по спасению черепах был куда сложнее и требовал куда больше средств; конечно, мы горячо обсуждали, где лучше всего устроить заповедник, и разрабатывали многочисленные способы защиты черепах от свиней, собак, скота и людей, но все это выглядело делом будущего. На данном этапе оставалось радоваться первым достижениям.

Когда мы отправились на Мадагаскар на поиски ай-ай, Ли, естественно, загорелась желанием узнать, как идут дела с черепашим проектом, в который она вложила душу. Убедившись сперва, что наши кроткие лемуры живы и здоровы благодаря заботе Жозефа, мы полетели в Махадзангу, где нас встретил Дон и отвез за семьдесят миль в Ампидзуороа, где находилась также администрация заповедника Анкарафанцика, одного из крупнейших на Мадагаскаре. Там мы познакомились с ассистентом Дона по имени Жермен. Это был маленький стройный мальгаш, который отвечал улыбкой и смехом на все, что бы ни сказал ему Дон, кроме случаев, когда дело касалось черепах: тогда его лицо становилось серьезным и он слушал ценные указания с огромным вниманием. Ловя науку на лету, он быстро приучился к ежедневной рутинной работе с рептилиями и, когда попал к нам на Джерси, окончил курс обучения блестяще. Впрочем, кое-чего он еще не умел — например, брать у черепах кровь на анализ или проделывать иные хитроумные манипуляции, необходимые для поддержания вида в должном состоянии, но, видя его сообразительность, можно было не со-

мневаться, что овладеть всеми этими премудростями для него — вопрос времени.

В тени деревьев на краю заповедника Дон заложил и выстроил жилища своим подопечным. Они были чрезвычайно просты по конструкции — горизонтально положенные бревна, точно поваленные телеграфные столбы, образовывали забор. Он и не должен был быть высоким — ведь черепахи перелезть не могут. У каждой такой площадки имелся участок с крышей из пальмовых листьев, куда черепахи залезали, прячась от солнечных лучей. Кроме того, был сооружен большой навес из пальмовых листьев, где черепахам готовили еду на больших поддонах из нержавеющей стали. Меню включало траву и овощи, иногда сырое яйцо как источник белка.

Каждая площадка достаточно просторна, но при необходимости ее размер увеличивался в три-пять раз путем удаления внутренних перегородок. Например, для брачных игр. У этих черепах под головой имеется необычный выступ, напоминающий клюв (отсюда и название вида), играющий роль боевого оружия. Видимо, самцу необходимо ощутить эмоциональный подъем, перед тем как делать предложение, а для этого нужна победа в поединке. Одинокий же кавалер, окруженный даже самыми соблазнительными и сладострастными (по черепашьим меркам) невестами, только ползает по кругу, не обращая внимания на подружек. И все из-за того, что не с кем помериться силами. Оказаться единственным кавалером в салоне прекрасных дам — мечта любого донжуана, но только не из породы клювогрудых черепах. Здесь путь к семейному счастью лежит через кулачный бой. Но вот соперник объявился — и начинается удивительное по зрелищности сражение.

Оба дуэлянта, круглые, как Твидлдам и Твидлди, сходятся к барьеру торжественным (по черепашьим стандартам) шагом. Затем сцепляются панцири и в дело пускается «клюв», называемый на местном наречии «ампондо». С его помощью каждый старается опрокинуть противника и тем завоевать победу. Соперники шатаются взад-вперед, как борцы сумо, поднимая крошечные облачка пыли, меж тем как дама сердца с восхищением смотрит на схватку, как гурман на пудинг. Наконец одному из дуэлянтов удастся правильный прием — и противник повержен. Победитель идет к прекрасной даме, а соперник, изрядно промаявшись и помахав ногами в воздухе, возвращается-таки в исходное положение и с тоской во взоре уползает прочь. Ни травм, ни крови — только стимул и воля к победе. Как, впрочем, и у других животных.

Наш нынешний приезд не совпал с черепашьим брачным периодом, да мы насмотрелись этого зрелища в прошлые годы. Теперь нас интересовало нечто куда более ценное — конечный результат этих схваток.

Д

Дон повел нас к небольшой площадке, тщательно укрытой от ястребов, змей и собак, не говоря уж о главной хищнице под названием фосса¹ — огромной мадагаскарской кошке с вытянутым телом.

— Вот, пожалуйста, последний выводок, — сказал Дон, не скрывая триумфа. Он наклонился и тут же посадил на подставленные ладони Ли четырех только что вылупившихся детенышей.

— Вот это да! — восхитилась Ли. — Ну разве не прелесть?

Еще бы! Точно держишь в ладонях четыре согретых солнцем морских камушка, гладко отшлифованных ветром и волнами. Ли склонилась над ними — и залюбовалась светом, излучаемым их нежными глазками, инкрустированными словно кусочками оникса. У черепашат острые коготочки, напоминающие золотые полумесяцы, а крепкие ножки торчат из панцирей с затейливым рисунком, будто окаменевшие листья у ископаемого дерева-пигмея. К чему все бумажные отчеты, когда держишь в руках плод труда своей души! Держишь — и забываешь долгие месяцы раздумий и планирования, выпрашивания денег и пробивания бюрократии. Эти похожие на пирожки с хрустящей корочкой детеныши являли собой будущее своего рода. Мы знали, что, если сейчас оградим их от невзгод, они станут мощными, словно рыцари, закованные в броню, и каждый сезон будут устраивать рыцарские турниры, сражаясь за сердца прекрасных дам, чтобы, как и в доисторические времена, появлялись на свет столь необычные создания, напоминая и потомкам в грядущие века, с чего начиналась жизнь на Земле, и удивляя их своим редким обликом и привычками. Конечно же, у Ли, Дона и Жермена были все основания гордиться.

— Ну, хватит, — сказал я супруге. — Ты бы еще всплакнула над ними. Перестань, а то избалуешь!

Она неохотно вернула детенышей под защиту надежной крепости, и мы уехали в прохладной тени тиковых деревьев выпить за здоровье этих крошек теплого виски из треснутых стаканов и щербатых кружек.

Позади домиков лесничества Дон разбил огород, на котором пытался выращивать различные растения на корм своим подопечным. Огород был обнесен сделанным на скорую руку заборчиком из веток, на случай, если забредет какой-нибудь не в меру любопытный зебу. Я снова наполнил все стаканы и произнес тост: «Черпахи всех стран, соединяйтесь! Вам терять нечего, кроме своих панцирей!» И тут же заметил краем глаза что-то белое и до боли знакомое.

Присмотревшись, я обнаружил, к своей радости, что к нам пожаловало

¹ По принятой у нас классификации мадагаскарская фосса относится к семейству виверровых, однако некоторые систематики включают ее в семейство кошачьих. (Примеч. ред.)

стадо особенно любимых мною малагасийских лемуров — замечательных лесных акробатов из рода сифака. У этих животных молочно-белая густая шерсть с шоколадными пятнами на плечах и бедрах, а шкурка на темени напоминает орех, как если бы они носили тюрбетенку. Их огромные золотистые глаза сияют, словно у блаженных, но ловкость их движений потрясает. Пожаловавшее к нам стадо состояло из шести взрослых животных; у некоторых самок были крошечные детеныши, похожие на леших. Гости расселись по веткам и по краю забора. Кто тихо чистился, кто просто сидел, откинув голову и раскинув руки, стремясь захватить как можно больше целебных вечерних лучей. Тут самый смелый вызвался добровольцем в разведку — совсем по-человечьи слез с дерева, поскакал к забору и мгновение посидел на нем, высматривая, нет ли опасности. После этого он доскакал до другого конца забора прыжками на зависть любому кенгуру — футов по шесть каждый — и, сделав финальный прыжок в двадцать футов, оказался в полной безопасности среди деревьев. Остальные члены команды, убедившись, что мы не растерзали их собрата на куски, повторили путь смельчака и, повисев на ветках прямо у нас над головами, разыграли самое фантастическое представление. Они прыгали с дерева на дерево, улетающая с каждым прыжком за тридцать футов, а затем сверху бросались на расположенную прямо над нами ветку, не целясь и не отмеряя расстояния, и тем не менее попадали с безупречной точностью. Так они поиграли над нами несколько минут, демонстрируя столь блестящие акробатические номера, что любой директор цирка тут же полез бы в карман за чековой книжкой и бланком для контракта. Но, видимо, решив, что надоели своим присутствием, все как один, словно белый шквал, умчались подальше в лес.

Вздохнув от наслаждения, я повернулся к Дону:

— Ну как? Видел ты что-нибудь подобное в балете или акробатике? Тут даже русским танцовщицам и спортсменкам есть чему позавидовать. Спасибо, что устроил все это как раз к выпивке.

— Не стоит благодарности, — скромно сказал Дон. — Мы тут в лесу живем одной жизнью со зверями. Они нас слушаются с полуслова.

— Ну, хватит бахвалиться, — строго сказал я. — Как там насчет обещанного заплыва?

Мы пошли через лес и дошли до берега озера — огромного безмолвного зеркала бурой воды, окаймленного лесом, словно зеленым каракулевым воротником. Вода освежала, хотя была теплая, как парное молоко.

— А как тут обстоят дела с крокодилами? — спросил я, когда мы заплыли далеко от берега.

— Да попадают, — сказал Дон, — только, как правило, не показываются на глаза.

Д

— Значит, так. Вы с Жерменом поплывете впереди, и когда кто-нибудь из вас исчезнет, это будет нам знаком возвращаться.

— Да они совсем безопасны, — заметил Дон. — По правде говоря, скорее они испугаются нас, чем мы их.

— Не думаю, — возразил я. — Я-то помню, сколь красноречиво писал о крокодилах Реверенд Сибри.

А писал он действительно красноречиво. В эпоху Сибри — конец XIX века — этих рептилий, возможно, было больше, нежели теперь, ибо сколько их пошло на разные сумочки, туфли и чемоданы для европейских леди и джентльменов, — так что он пишет о них в таком вот свете:

«Эти рептилии столь многочисленны, что в иных местах представляют собою подлинно чуму. Они часто утаскивают овец и более крупный скот, а порою женщин и детей, неосторожно зашедших в воду или даже оказавшихся рядом с нею».

Далее в своей превосходной книге он пишет так:

«Вскоре мы познакомились с крокодилами: один из них лежал на берегу и грелся на солнце как раз недалеко от места, откуда мы начали свой путь. За день мы повидали их немало — пусть меньше, чем другие путешественники до нас, но все же десятка два-три, причем некоторых на близком расстоянии, позволявшем рассмотреть их отчетливо. Большинство имело светло-серую окраску, иные синевато-серую, а некоторые были покрыты черными пятнами; в длину достигали от 7—8 до 14—15 футов. Голова маленькая, спина и хвост зубчатые, как пила. Обычно лежат, широко раскрыв челюсти; нам нередко случалось спугнуть их веслами, когда мы проплывали мимо».

Впрочем, наш заплыв прошел спокойно и не был нарушен появлением кровожадных рептилий. Мы лениво разгребали руками воду и болтали о том о сем.

— Представляешь, Жермен считает Шекспира смешным. Вот беда-то с ним! — сказал Дон, показывая пальцем ноги на ухмыляющуюся голову Жермена.

— Кого-кого? — изумился я.

— Шекспира. Каждый раз, когда я начинаю декламировать мои любимые отрывки из «Генриха V» или «Венецианского купца», он так заливается, что чуть не тонет.

— Да неужели он что-нибудь в этом понимает?

— Вообще-то ни слова, — хмуро сказал Дон. — Но нельзя же так: жизнь пройдет, а он и понятия не будет иметь о классике.

— Да, это действительно жутко, — согласился я.

И тут Жермен, послав мне широченную улыбку, погрузился под воду, испустив множество пузырьков.

* * *

Чтобы отметить наше прибытие, Дон организовал вечеринку. Весть об этом донеслась до самых отдаленных деревень по всей округе, и каждая самая маленькая община собиралась прибыть всем составом. Для праздника было выбрано широкое пространство подальше от домиков лесничества, освещавшееся свечами и лампами-молниями.

«Как же обходились люди в глуши до появления этого простого, но бесценного изобретения?» — задавался я вопросом. Лампа эта сияет золотым, как крокус, светом, точно маяк, приветствуя возвращающихся в лагерь после трудового дня. Я наблюдал, как при свете лампы-молнии женщины вышивают самые изощренные узоры, а мужчины вырезают самые прекрасные фигуры; как с довольным кваканьем собираются вокруг нее толстые жабы — еще бы, ведь на свет летит столько насекомых! При свете лампы-молнии я наловчился проводить операции, которые сделали бы честь хирургам с Харли-стрит: вскрывал гнойники и вынимал занозы деревенским детишкам; извлекал с ловкостью карманника землю и щепки из ссадины на голове моей прачки, свалившейся головой вниз в реку с тридцатифутовой высоты; накладывал жгуты одному пьянчуге, который, набравшись пальмового вина, оттяпал себе три пальца мачете; при ее дружеском свете я вставал ночью кормить детенышей — то антилопы, то муравьеда, то гамадрила, а то и туземного человеческого детеныша. Безвестному изобретателю этого прибора следовало бы воздвигнуть памятник где-нибудь в таком месте, где электричество известно только в виде молнии, а единственным постоянным источником света являются луна и гнилушки.

Когда все было готово к празднеству, Дон поехал в нанятой машине за гостями из отдаленных деревень. Выбор напитков был богат: виски, местный ром (который облегчает вам желудок и заставляет выписывать ногами вензеля) и неизбежная кока-кола для тех, кто пьет спиртное только в разбавленном виде и кто еще слишком молод, чтобы выдержать электризирующее воздействие рома. Мало-помалу стали прибывать местные жители — слышался шорох босых ног по теплой пыли, и из тьмы стали возникать белозубые смуглые лица; потом панорама расцветилась красочными ламба, воздух наполнился тихим шепотом, похожим на жужжанье пчел в улье, — все волновались, как дети, ждущие прихода Деда Мороза. По мере того как Дон ездил туда-сюда, росла толпа, а с ней и шум. Зазвенели стаканы, зазвучали здравицы, а кое-кто принялся наяривать на валиа — инструменте, без которого на Мадагаскаре не обходится ни одно празднество. Этот инструмент, имеющий отдаленное сходство с другими щипковыми — цитрой, балалайкой, банджо, гитарой, — состоит из куска бамбука в три-четыре фута длиной, играющего роль резонатора. Струны сделаны

из толстого внешнего покрова бамбука и натянуты на деревянный мостик. Когда по ним пробегаешь пальцами, извлекается мелодичный, но тем не менее скорбный звук, и, однако же, слушаешь с наслаждением. В общем, имея в руках только перочинный нож и нужных размеров бамбук, можно создать нечто, способное составить конкуренцию Страдивари.

Итак, обитатели четырех окрестных деревушек были в сборе — и музыка началась. Четыре валиа, один барабан и несколько флейт затянули повторяющуюся, но гармоничную и сладостную мелодию. Припасенный нами ром хорошо пошел, и публика пустилась в пляс. Танцевальная площадка, пестревшая от ламба, которые носили как мужчины, так и женщины, напоминала не то пляшущую клумбу, не то калейдоскоп.

Вечер имел большой успех. По мере того как крепкие напитки разливались по жилам, музыка и пение звучали все громче. В два часа ночи мы с Ли валились с ног, но местные казались даже свежее и бодрее, чем в момент прибытия. Мы не выдержали и отправились спать, слушая счастье-вое воркование голосов, щемящие звуки оркестра, звон бутылок и топот танцующих ног.

Наутро, завтракая черным кофе с сахаром, печеньем и ароматными бананами длиною в палец, мы заметили, что Дон клюет носом.

— Ты когда же отправился спать? — спросила Ли.

— А я и не ложился, — ответил Дон, отхлебнув кофе и пожав плечами.

— Значит, ты оставался до победного? — удивился я.

— А что было делать? — молвил Дон. — Как бы они иначе возвратились по домам?

— Ах да, ты был у них за извозчика, — сказал я.

— Да если б только это! Знаешь, что я не сразу заметил? Набьются человек пятнадцать, а сходят пять — остальным десяти так понравилось кататься! Слава богу, я сообразил... когда сделал вдвое больше концов, чем нужно.

— Ничего страшного, — утешил я Дона. — Пойдем-ка лучше на свидание с крокодилами. Мне тут один рассказывал: подерешься с крокодилом — и весь хмель мигом вон.

Мы отправились к озеру и погрузились в прохладу бурых вод. Мокрый от росы лес сиял миллионом оттенков зеленого цвета. В его глубине шпорцевая кукушка возвещала наступление нового дня; ее приятный для уха крик заканчивался булькающими звуками, от которых, казалось, лес звенит. Голос местной кукушки чист, зычен и соблазнителен, как и у нашей родной кукушки.

Вдоволь наплававшись и освежившись, мы вернулись на базу, чтобы оттуда ехать в столицу, и Ли в последний раз взглянула на крошечных,

словно пришедших к нам из допотопных времен существ, ползавших по своим площадкам, как заводные игрушки.

— Так у тебя их теперь тридцать одна? — спросил я, нежно держа черепашку между большим и указательным пальцами и ощущая мягкость ее панциря — точно промокашка. Черепашка шевелила головой и ногами, не желая над собой насилия, и, едва я опустил ее на землю, маленькое создание бросилось под укрытие из листьев во всю черепашью прыть.

— По-моему, мы и так здорово постарались, — сказал Дон, — но при случае сделаем еще лучше.

— Тогда их вам будет некуда девать, — заметила Ли, со счастливой улыбкой целуя черепашонка в нос, к явному удивлению и раздражению Дона.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ПРЫГАЮЩИЕ КРЫСЫ И КАПИДОЛО

Сойдя с самолета в Мурундаве, мы словно попали в финскую баню. Очутиться после приятного средиземноморского климата Антананариву (именуемого в дальнейшем просто Тана) в таком аду оказалось шоком для нервной системы. Легкие не могли вдыхать перегретый пар, а тела моментально взмокли. С выцветшего неба нещадно жарило солнце; ни ветерка, ни облачка, каковое могло бы бросить спасительную тень. Каждый шаг по раскаленной земле, на которой можно было печь блины, давался с колоссальным трудом и потом. Грезилось о шумящих над тобой вентиляторах с лопастями, как мельничные крылья; о речке с прохладной зеленой водой; о звенящих хрусталиках льда в заиндевевшем стаканчике мороженого — словом, обо всем, что могло бы доставить прохладу, но наяву нам, судя по всему, было не обрести ее, во всяком случае в обозримом будущем.

Нас встречали Джон Хартли со своей женой Сильвией, недавно присоединившейся к нашей экспедиции, и весь взмокший и оттого угрюмый, но, как всегда, настроенный решительно Квентин Блоксэм, именуемый в дальнейшем просто Кью.

— Как дела? — спросил я, когда мы погрузились в «Тойоту».

— Вроде неплохо. Две крысы и несколько капидоло, — сказал Квентин, не скрывая триумфа.

— Здорово! — восхитился я. — Мне не терпится увидеть.

— А как дела в лагере? — спросила Ли.

— Жарко! — только и сказал Джон. — Жарища жуткая.

Д — И полно мух, — добавила Сильвия. Впрочем, она со своей безупречной прической и большими голубыми глазами выглядела так, будто вышла за покупками на Бонд-стрит, а не приехала из кишашего мухами лагеря в глухих лесах.

— Похоже, туда слетелись мухи со всего света, — угрюмо произнес Квентин.

— Но ведь хуже, чем в Австралии, не будет? — возразил я. — Мне рассказывали, что в Австралии когда человек идет по улице и машет рукой, то это не потому, что он знает в городе всех и каждого, а потому, что отгоняет мух.

— Поживем — увидим, — мрачно отозвалась Сильвия.

— Мы решили, что, прежде чем полетим домой, заедем в столицу, чтобы приобщиться к цивилизации, — сказал Джон. — Ты как, креветок любишь?

— Если хорошо приготовлены, съем без разговоров, — рассудительно молвил я.

— Вот и отлично, — сказал Джон. — Пошли в гостиницу, тут неподалеку, там ресторан с видом на пляж и прохладный ветер с моря. А креветки там — пальчики оближешь!

— Действительно роскошные, — добавила Сильвия.

— И здоровые, как слоны, — задумчиво сказал Квентин.

Мы поехали по изрытой дороге к отелю и вскоре остановились у заросшего сада, утопавшего в бугенвиллее. Ресторан представлял собой большую, открытую с трех сторон деревянную конструкцию, выходящую на дикий песчаный пляж, на который с тихим шумом накатывались небольшие волны с белыми гребешками. Здесь мы наконец-то оказались в спасительной тени, и устойчивый прохладный бриз высушил наши взмокшие тела. Хозяйка гостиницы, крупная смуглая мальгашка с широким, но не пухлым лицом и сияющей, словно прожектор, улыбкой вскоре поставила перед нами батарею запотевших бутылок пива из холодильника; за ним последовали блюда с огромными креветками цвета заходящего солнца, жирными и сочными; к ним подали миску риса, поглотить которую мог бы, наверное, только Гаргантюа, и еще целый набор редкостных и деликатесных малагасийских закусок, среди которых, к моей радости, оказались земляные орешки — по-местному «вондза бори»: круглые, мягкие, желтовато-коричневые или просто коричневые, каждый размером с ядро обычного лесного ореха. Их готовят в горячем соусе со стручковым перцем, помидорами и репчатым луком; вкус же у них примерно как у кнедликов. Покончив с креветками, рисом и земляными орешками, мы почувствовали себя как нельзя лучше: насытившиеся, в прохладе, убаюкиваемые шумом

моря, мы готовы были ответить на любой вызов и любую глупость, которую готовил нам окружающий мир. Квентин высказал предположение, что после сиесты неплохо было бы поплавать, но мы скрепя сердце отказались от этой затеи, решив, что долг зовет и нельзя тратить столько времени на наслаждение прелестями Мурундавы.

* * *

Место, где расположился лагерь, находилось примерно в тридцати милях от Мурундавы в лесу Киринди, арендованном швейцарцами у правительства Мадагаскара. Там ставились весьма интересные эксперименты, которые, в случае успеха, могли бы принести огромную пользу лесам всего острова. Здравый смысл лесного хозяйства во всем мире заключается в том, что повалу и вывозу подлежат только деревья определенного размера. Но как бы тщательно ни применялся этот метод, он неизменно влияет на экологию леса. Срубаемое дерево подминает под себя и тем самым губит множество молодых; еще большее число их гибнет, когда дерево выволаскивают. Для упрощения вывоза поваленных деревьев лес, подобно шахматной доске, прорезывается просеками на квадраты. Весь процесс в целом наносит ущерб хрупкой экосистеме леса, а если добавить к этому, что вместо срубленных деревьев обычно «забывают» высаживать молодые, то трудно назвать «рациональным» такое использование возобновимого природного богатства.

Швейцарцы изыскивают способы восстановления лесов путем высаживания взамен срубленных деревьев молодых саженцев тех же пород. На Мадагаскаре лес возят на телсжках, в которые впрягают зебу; швейцарцы колдуют над улучшением конструкций этих повозок, чтобы получить возможность сузить просеки. Серьезнейшая проблема заключается в том, что тропические виды обычно растут медленно, и под «заботой о будущем» подразумевается, что это будущее наступит не скоро. А времени на раздумье не так много; девяносто процентов лесов, некогда покрывавших Мадагаскар, к настоящему времени исчезло.

Тропические леса на самом деле не столь могучи, как это кажется при взгляде на деревья-великаны. Деревья питаются тем слоем гумуса, большая часть которого образуется из остатков мертвых листьев и ветвей того же дерева. Стоит уничтожить деревья, как солнце, ветер и дождь слизнут тонкий плодородный слой с такой же легкостью, как человек сдувает пыль с книжной обложки. Останутся только скальные породы, на которых ничего расти не сможет.

Швейцарский план заключается в разработке приемлемого пути использования леса путем внедрения разумной системы вырубок и посадок.

Д

В случае успеха появится шанс, что лес на Мадагаскаре выживет и при мудром планировании станет в будущем жизненно важным ресурсом, если уйдут в прошлое хищнические порубки ради сиюминутной выгоды.

В западной части острова, где обосновался наш лагерь, лес не имеет ничего общего с остатками густого, влажного, пышного леса, еще сохранившимися в восточной части. Здесь деревья не столь высоки и скорее напоминают лиственные леса Англии. В окраске стволов и ветвей преобладают серебристые и пепельные тона. Дожди выпадают редко, но стоит чуть-чуть поморосить, как ветви покрываются нежной зеленью, а если внимательно присмотреться к коре, то можно увидеть, как из-под нее пробиваются, словно зеленые наконечники копий, новые почки.

Эти сухие леса Мадагаскара — родной дом баобабов. Массивные и пузатые, они выстраиваются вдоль дорог, пробиваются сквозь меньшие деревья, возвышаясь на восемьдесят футов и более, словно батарея бутылок из-под кьянти, а в их дородных стволах могла бы разместиться небольшая комната. Глядя на их смешные маленькие переплетающиеся ветви, можно подумать, будто кто-то вымыл баобабам голову и не знает, как причесать. Или другая идея приходит в голову: за какой-то тяжкий грех всевышний вырвал их из земли и воткнул обратно корнями вверх; так они и обречены маяться во веки веков.

Есть в Парагвае и Аргентине очень симпатичные деревья, которые там называются «пало борачо» — «пьяный ствол»; дородство тоже одно из их достоинств, но у них нет того напыщенного фальстафовского великолепия, что есть у баобабов. Порой воображаешь, как ночью, при свете месяца, они каким-то образом выбираются из земли и, собравшись на таинственную сходку и взбодрив себя добрым сладким черным ромом, шушукаются друг с дружкой. Одна из самых печальных сцен, свидетелем которой я стал, случилась на истомленном засухой юге Мадагаскара: в отчаянной попытке спасти гибнущий от жажды скот люди спилили гигантские баобабы и стесали их серебристую кору, чтобы зебу могли добраться до влажной волокнистой сердцевины. Деревья, которые росли, может быть, сотню лет, в одно мгновение нашли свою смерть, став поилкой для животных. Но даже этим предсмертным жестом баобаб явил свою доброту...

* * *

Мы двигались по бурой пыльной дороге, и летевший навстречу теплый ветер скорее добавлял дискомфорта, чем облегчал его. Но вот мы очутились у приютившегося среди баобабов озера, окаймленного зарослями тростника, трав и папируса и расцвеченного огромными листьями водяных лилий, словно щитами гербов. Я рад был увидеть обитающих на озере

птиц якана, охотно селящихся там, где растут водяные лилии. Аристократизм и изящество этих пернатых послужит украшением любой водной глади, большой или малой; особенно хороша картина, когда якана, переступая длинными тонкими артистическими ножками, прогуливаются по желтовато-зеленым дорожкам, выложенным листьями по глади воды, и точным движением хватают жука или моллюска, имевшего неосторожность выбраться на поверхность. На берегу жировали статные и невозмутимые нильские гуси, словно одетые в коричневый твид. Над озерцом летали эскадроны щурок, раскрашенных во всевозможные оттенки зеленого. Щелкая черными кривыми клювами, они хватали на лету носившихся над озерцом стрекоз, шумящих слюдяными крылышками. На кроне каждого баобаба, среди забавно переплетающихся ветвей, сидели группы попугаев ваза — их коричневато-оливковая с зеленым отливом окраска, может быть, и не столь зрелищна, но ее изящная строгость по-своему хороша, не в пример кричащей пышности попугая ара или какого-нибудь длиннохвостого попугайчика, которые ни дать ни взять витрина ювелирного магазина Вульворта.

На другом берегу озерца, на почти голых деревьях, можно было видеть ткачиков, занятых постройкой своих круглых гнезд, похожих на корзины. Я всегда изумлялся, как эти крошечные птички с помощью только клюва и когтей «ткуют» свои волшебные гнезда, украшающие деревья, подобно экзотическим фруктам. Чуть дальше по дороге мы потревожили двух удонов в роскошном розовом с черным оперении, с убранством голов, как у Гайаваты, и длинными, кривыми, словно турецкие сабли, клювами. Они отлетели вдоль по дороге на полсотни ярдов и снова сели в бурю дорожную пыль, распушив хохолки, точно веер или колоду карт.

Вскоре мы свернули с дороги и поехали по одной из просек. Она была уже, чем основная дорога, так что мы могли получше рассмотреть лес с обеих сторон. Время от времени дорогу нам перебежали крупные игуаны, девяти дюймов в длину, цвета золотистой и золотисто-коричневой карамели, с хвостами, ошестинившимися острыми выступами, как палицы средневековых воинов. Одна из ящериц с таким усердием рыла яму в бурой почве, что не удрала вслед за другими, а увлеченно продолжала рыть. Мы некоторое время наблюдали за ней, соображая, роет ли она в поисках насекомых и личинок или — коль скоро это был брачный период — готовит яму для кладки яиц. В последнем случае, думалось нам, выбрано не самое безопасное место: стоило проехать грузовику с бревнами, и ее потомству конец. Впрочем, покопавшись еще пару минут, она неожиданно потеряла к этому занятию всякий интерес и, не обращая внимания на колеса «Тойоты» в каких-нибудь двух футах от машины, юркнула в подлесок.

Д

Мы свернули на большую поляну, по которой рассыпались камышовые и бамбуковые хижины рабочих лесничества. Тут же, под навесом из веток, для них были натянуты гамаки, а рядом располагалась большая бамбуковая хижина с верандой, куда мы сложили наше оборудование. Здесь же мы готовили, обедали, читали и вели записи. Рядом поставили свои палатки Джон и Квентин, а еще соорудили новую превосходную палатку для нас — она состояла из спальни на двоих (в которой, в случае необходимости, могли разместиться и четверо) и большого «предбанника» для оборудования. Потом из бамбука возвели баньку и «кабинет задумчивости». Впрочем, банька — слишком громко сказано: это было всего лишь выдавшее виды жестяное ведро и банка для обливания. А так как воду сюда приходилось доставлять за несколько миль из речки, то она была на вес золота. Но, по крайней мере, никто из нас не зарос грязью.

Солнце пылало над лесом с беспощадностью костра инквизиции. Любой ветерок словно запутывался в ветвях деревьев и не долетал до лужайки. Мы ополоснулись тепловатой водой, но в результате вспотели еще пуще. После этого все отправились на общественную веранду, где пылали лампы-молнии и мерцал огонь, на котором готовили еду; струйка дыма и мерцание пламени придавали происходящему некое сходство с колдовством.

Колдовал же над огнем, готовя пищу, пахнущую так, что текли слюнки, сам месье Эдмонд — главный лесничий, обладавший бесценным для нас знанием леса, а главное, организаторскими способностями. Он был безмолвен и говорил, только когда к нему обращались, и имел привычку (свойственную, видимо, всем мальгашам) все время куда-то бесследно исчезать; но тем не менее за что бы он ни взялся, все получалось при минимуме возни. Он угостил нас великолепным цыплячим жарким, за которым последовала розовая, как заря, папайя, которую он умудрился достать не знаю где: в этом лесу нет фруктовых деревьев. Полная луна, словно большой серебряный медальон, плыла по небу из черного бархата, сияя так ярко, что можно было читать — в этом я убедился на практике.

Забравшись в палатки и укрывшись лишь разноцветными ламба, мы стали вслушиваться в звуки оркестра окружавшего нас ночного леса. Попугай ваза — что вообще-то несвойственно попугаям — по ночам иногда часами поют друг другу песни; и в эту нашу первую ночь они добрый час упражнялись в вокале, да так проникновенно, что в их пении тонули все прочие лесные звуки. Но как только пение смолкло, мы смогли прислушаться к звукам остальных лесных обитателей. Словно краски диковинного ковра, сплетались тихие голоса насекомых — звон, жужжанье, стрекотанье, пиликанье, трели, шуршанье и гуденье. На фоне этого изысканного ковра звуков ясно слышался голос мышинного лемура, самого маленького

из всех лемурув: два таких животных прекрасно помещаются в чайной чашке. Это милейшие крохотные создания с серо-зеленым мехом и огромными золотистыми глазами; ручки, ножки и уши розового цвета и мягкие, как лепестки розы. Встречая себе подобного (предположительно чужака, вторгшегося в их владения), крошки лемуры выдают поочередно визги и трели, и тогда с залитых лунным светом веток слышатся целые встречные потоки ругательств на лемурьем языке.

Нам выпало сомнительное удовольствие послушать лемурув маки совсем близко, парочка милых созданий пела прямо на ветвях дерева, что росло над нашей палаткой. Потоки стаккато самого низкопробного сорта резали нам слух, и мы вздохнули с облегчением, когда эти божьи твари ушли. По причинам, известным только зоологам, их называют еще «лемуры-спортсмены», может быть, из-за привычки прыгать с дерева на дерево. Этих животных имеется шесть подвидов, в том числе один с впечатляющим именем «лемур-спортсмен Милна Эдвардса». Поскольку питаются они в основном листьями, которые являются весьма слабым источником энергии, предполагается, что пищеварение у них происходит путем ферментации — то есть им приходится поедать собственные экскременты, «добирая» из них неиспользованные питательные вещества. Эти создания в чем-то сходны с кошками — также лазают по деревьям и также ведут ночной образ жизни. У них густая коричневая шерсть и большие уши и глаза. Дневные часы спортсмены проводят, свернувшись калачиком в дупле дерева. Ночью же они ведут активный образ жизни, чередуя спортивные упражнения с песнопениями замогильными голосами.

На следующее утро удрученный Кью обнаружил, что пойманные ранее гигантские прыгающие крысы благополучно улизнули ночью. Казалось невероятным, чтобы столь крупные животные с огромными головами просочились сквозь прутья наших разборных клеток, но факт оставался фактом. Сколько раз мы убеждались в наших поездках за редкими представителями фауны, что животные (которые не читают написанных про их повадки многоученых книг) способны удивлять и потрясать самыми неожиданными поступками. У меня был даже случай, когда сбежавшее животное через несколько часов после побега вернулось *назад* в клетку, из которой удрало. В общем, мы в глубоком унынии позавтракали и, не дожидаясь, пока пробудится мушиное царство, поехали осматривать ловушки.

Дорога к местам, где были расставлены ловушки, была широкой и сравнительно гладкой; здесь грелись на солнышке и охотились десятки игуан. Некоторые из них были крупными, старыми и коренастыми, а их шипастые хвосты напоминали викторианские подушечки для иголок. Здесь также было райское место для удовов, великолепных в своем розово-бе-

Д

ло-черном оперении, а их хохолки, похожие на веера, придавали птицам такой боевой вид, будто они отправлялись на войну против всего царства насекомых. Шагая через лес, мы потревожили небольшую группу лемуров сифака, бросившихся от нас прочь, однако периодически останавливавшихся и наблюдавших за нами с интересом, но и с долей тревоги, — примерно так коренные обитатели благословенного богом места наблюдают за туристами, высыпавшими из автобуса.

Жилища, сооружаемые гигантской прыгающей крысой, велики по размеру и бросаются в глаза. Холмики вокруг нор указывают на то, что протяженность этих нор весьма значительна. Джон и Кью объяснили, что сперва они поставили ловушку у входа в нору, но увидели, как крыса с большим усердием прорывает обходной путь. Тогда был применен новый метод, оказавшийся успешным: ловушку заглубляли и загораживали ветками, так что крыса оказывалась перед непреодолимой деревянной стеной и путь из гнезда оставался только один — в ловушку. Как ни странно, но этим животным не приходило в голову просто прокопать второй выход.

Разумеется, обход ловушек есть скучная, рутинная работа, но после осмотра пустой ловушки остается надежда, что уж в следующей-то что-нибудь да будет. Между тем солнце поднялось над верхушками деревьев, и стало невообразимо жарко. Ни малейшего шума, ни ветерка; казалось, лес, через который мы идем, написан масляными красками на холсте. Наконец мы подошли к первой ловушке, где, к нашему изумлению, сидела, удивленно оглядываясь, гигантская прыгающая крыса. Мы высвободили ловушку из веток. Наша добыча, хотя и была слегка встревожена, перенесла процесс вполне флегматично. С огромной осторожностью мы отнесли ее к «Тойоте», — теперь другим настал черед осматривать остальные ловушки, а мне — следить за крысой, чтобы не удрала.

Животное было размером с небольшую кошку, с длинным толстым лысым хвостом, большими, но изящными розовыми лапками и огромными розово-серыми ушами, похожими на изысканные цветы. На первый взгляд это существо кажется совсем непохожим на крысу, скорее на одного из тупомордых коней с римских скульптур. Оно смотрит сквозь толщу белых жестких усов, словно через сетку кружев. Я попытался скрепить нашу дружбу, вручив крысе кусок сахарного тростника, но она взглянула на меня с таким выражением ужаса — ни дать ни взять гурман, которому официант подал живого лангуста.

Как и многие животные из малагасийской фауны, эти крупные крысы встречаются только на этом острове и, насколько нам известно, только на этом небольшом участке леса. А поскольку лес не застрахован от вырубки, то при столь узком ареале их будущее видится, мягко говоря, печальным.

Насколько я знаю, единственное исследование с целью пролить свет на личную жизнь этого странного грызуна было предпринято в 1988 году Джеймсом Куком, организовавшим десятидневную экспедицию. Среди прочих тонкостей было открыто, что жилище воситсе (как этого зверька называют по-мальгашски) обычно имеет несколько входов, многие из которых закрываются мусором. Когда животное находится дома, но не принимает гостей, туннель блокируется свежевыкопанной грязью. Во многих случаях в таких жилищах обитает пара (или тройка) взрослых крыс и потомство. Животное ведет строго ночной образ жизни и выходит на поиск фруктов, цветов и нежной коры молодых деревьев при лунном свете. Согласно Куку, крыса покидает свою нору, действуя мощными задними лапами. Выйдя на свободу, она садится у норы и чистится. Весьма странная манера поведения: если животное покидает нору для того, чтобы сбить с толку хищника, терпеливо дожидаящегося снаружи, так для чего же сидеть и заниматься личной гигиеной, требующей отвлечения внимания от внешнего мира? Впрочем, мои наблюдения над млекопитающими Мадагаскара показали, что большинство представителей местной фауны не слишком-то сообразительны, так что удивляться тут, собственно, нечему.

Вскоре вернулись остальные члены экспедиции с известием, что все ловушки удручающе пусты, и мы отправились с единственной крысой в лагерь, где она была помещена в большую клетку, обмотанную проволокой так, что убежать из нее было столь же трудно, как из Бастилии. На обратном пути, когда все сошлись во мнении, что одна крыса все же лучше, чем ничего, Кью неожиданно издал дикий, душераздирающий крик, сравнимый разве что с призывным криком бронтозавра в брачный период, и с силой нажал на тормоза, отчего мы затряслись, как Панч и Джуди, застигнутые ураганом. Я решил, что его укусило какое-нибудь из зловредных насекомых, обитающих в лесу, но ошибся.

— Похоже, мы переехали капидоло, — сказал он удрученным тоном, словно некто, обнаруживший, что растопил печку неизданной рукописью Шекспира.

Сообщение повергло нас в ужас.

— Как ты мог?! — спросила Ли. — Бедный он, бедный...

— Мы же ловим их, а не истребляем, — сострил я.

— Я не мог объехать, — сердито заявил Кью. — Пусть не шляется по проезжей части!

— И пусть не переходит улицу в неподобающем месте, — тихо добавил Джон.

— Лучше выйдем и посмотрим, — предложил я.

Кью вылез из «Тойоты» с таким видом, будто шел за гробом кого-то из членов правительства. Вдруг он издал радостный крик и вернулся с непо-

врежденным капидоло в руках. В молодости эти животные, возможно, самые красивые из всех черепах, но, к несчастью, к старости их панцири сжимаются, становятся овальными и приобретают грязно-серую окраску. В противоположность им, молодые особи играют всеми цветами, их панцири раскрашены в ореховый, черный и светло-желтый. На голове, между светящимися глазами и верхней губой, светло-желтая отметина, создающая впечатление, что животное носит усы, какие носили наши прадедушки. Этой черепахе было, наверно, годика два, и у нее по-прежнему был круглый, сияющий, как у младенца, панцирь.

Капидоло, иначе плоская черепаха, — странное и вместе с тем обаятельное создание, о котором известно немного. Она живет только на крошечном участке сухого леса в западной части острова, где бывает два сезона: теплый сезон дождей, когда жара может достичь отметки 45 градусов по Цельсию, длящийся три-пять месяцев, и холодный сухой, длящийся семь-восемь месяцев. Судя по всему, наибольшую активность эти животные проявляют во время ливней и после них, тогда как в сухой сезон (и ночью) они забираются под толстый лиственный покров на почве. Считается, что они откладывают одно довольно крупное яйцо за каждую кладку, но сколько бывает кладок в год — не выяснено. Предполагают (хотя уверенности в этом нет), что на продолжительный сухой период капидоло зарываются под землю и вылезают на поверхность в сезон дождей для размножения. Как и во множестве случаев, не только на Мадагаскаре, но и по всему миру, есть опасность, что мы перебьем этих бедняг прежде, чем раз узнаем подробности их образа жизни. Да и лес, где они обитают, катастрофически сокращается, так как люди вырубают его на дрова и под пастбища. Когда истребят лес, то не только исчезнет капидоло, равно как и крыса воситсе, которым нигде будет найти пристанище, но и людям придется несладко.

* * *

Вернувшись в лагерь и поместив наши трофеи в подходящие клетки, мы решили, что неплохо бы выпить пива. Видно, того же самого захотели и мухи. Я-то надеялся, что жалобы компании на их количество были преувеличением. Какой же меня постиг шок, когда я убедился, что друзья, напротив, преуменьшали!

Во-первых, там были обычные комнатные мухи. Но от этих я по крайней мере знал, чего ожидать. Когда я налил стакан и заткнул пробкой горлышко бутылки, то обнаружил, что в нем уже нашли себе могилу по крайней мере десятков мух; я был слишком удручен, чтобы попытаться определить их. Они были округлые и размером примерно в половину нашей

европейской мухи, которая так досаждала на кухне. Очевидно, они слишком ревностно отнеслись к задаче сопровождать нас с восхода до заката. Скорость, с которой они забирались в тарелку с едой или стакан с пивом, казалась немыслимой. Колышки, на которых держались палатки, чернели от них; насекомые так густо покрывали стол, что казалось, будто на нем живая скатерть. Многие в свободное от основного дежурства время залезали в ухо и знакомили с последним шедевром мушиной поп-музыки, причем ни мелодия, ни слова не были ни более благозвучны, ни более понятны, чем в обычной человеческой песне в стиле поп. Они напевали свои серенады, поднимаясь по ногам, рукам, лицу и другим открытым частям тела; но особое наслаждение испытывали они, когда кто-нибудь из нас был особенно беззащитен, моясь в баньке или сидя в галюне.

Но всевышнему, как видно, показалось мало ниспосланных нам мучений. Когда солнце стояло в зените и палило, как печь хлебопекарни, к обычным мухам присоединялись еще и мухи галикты. Маленькие, круглые и блестящие, с полупрозрачными крылышками, они досаждали еще больше, чем вышеописанные мухи. Появляясь внезапно, тише тени, они садились на нас целыми полчищами. Из-за их тяги к влаге наша одежда, взмокшая под палящими лучами солнца, становилась для этих тварей манной небесной. Они так покрывали наши руки, лица и ноги, что со стороны можно было подумать, будто мы в одночасье заразились ветряной оспой в тяжелой форме. Эти изверги набивались в ноздри, в уши и, что было особенно мучительно, в глаза. Убивать их доставляло мало удовлетворения. Одним ударом ладони можно было прихлопнуть до полусотни и более, но на их место тут же являлись полсотни новых, и издевательство, способное свести с ума кого угодно, начиналось сызнова. Я нередко думал, что, если отловить шпиона иностранной державы да поддержать голышом в нашем лагере, он быстро бы во всем сознался безо всяких иных пыток.

Чуть позже, когда мы становились невменяемыми от обычных мух и галиктов, налетали слепни — тихо, быстро и незаметно. Но каждый из них был вооружен даже не хоботком, а ленточной пилой, так что их присутствие обнаруживалось тут же. После них на теле оставались такие следы, будто какой-нибудь миллионер погасил о вашу кожу дорогую гаванскую сигару.

Но самое парадоксальное в отношении этих назойливых насекомых заключалось в том, что когда смотришь на расчлененную муху или комара под микроскопом, то сразу же очаровываешься гармонией их архитектурной конструкции. Сложный глаз комнатной мухи, например, представляет собой чудо дизайнера. Крылья иных из подобных насекомых под микроскопом столь изящны, что с ними не сравниться даже витражам собора в Шартре. Право, если тебе довелось изучить под микроскопом невероятно

Дизоциренный и интригующий узор, ты даже чувствуешь себя виноватым, что рассек на части создание, обладающее таким соразмерным обликом. Семейство мух, безусловно, обширно и чрезвычайно распространено по всему свету. Они могут жить везде, где может жить человек, но могут жить и размножаться там, где человек не способен выжить, не то что рожать детей. Мухи береговушки могут жить и размножаться в таких засоленных местах, что диву даешься, как новорожденные мушки способны выдерживать. Другие виды, по одним только им известным причинам, живут в горячих источниках Исландии, Америки, Японии и Новой Зеландии; их потомство превосходно переносит температуру до 55 градусов по Цельсию. В Калифорнии существует вид мухи, живущий в озерах из сырой нефти; для дыхания у личинок имеется особая трубка, нечто вроде акваланга. Когда они втягивают в себя соки умерших насекомых, то вместе с пищей в организм мухи попадает и нефть; но внутренняя система у них устроена так хитро, что расщепляется только пища, но никак не нефть.

Вообще же список субстанций, могущих служить пищей мухам и их потомству, поражает и кажется бесконечным — от коровьего помета и тухлого мяса, от гноя и сока заболевших деревьев до таких деликатесов, как репчатый лук и луковицы нарцисса, аспарагусов и моркови. Число созданий, являющихся для них источником пищи и на которых они паразитируют, потрясает. Личинки мухи червидки могут обитать в земляных червях, что явствует из названия, другие — в шмелях, иные — в различных гусеницах. Паразитировать могут на ком угодно, начиная с человека и далее вниз по шкале. Дрозофилы, помимо других неприятных болезней, могут вызвать конъюнктивит, если сядут на слизистую оболочку глаза. Пиофилиды — самые настоящие гурманы среди этих насекомых: предпочитают питаться сыром высшего сорта, типа «Горгонсола» или «Стилтон», и в нем же выводить потомство. Среди людей-гурманов есть и такие обладатели железной воли, которые считают, что сыр не годится к употреблению иначе как «живым» от личинок пиофилиды. Многие из подобных гурманов попадают в обморок, когда узнают, что личинки эти невосприимчивы к желудочному соку человека и, натворив бед в слизистой оболочке желудка, приведя ее к серьезному воспалению, выходят невредимыми с испражнениями.

Но если не брать в расчет гурманов, охочих до «живого» сыра, поедание паразитов не характерно для цивилизованной Европы. Зато в Северной Америке обитают так называемые мухи бекасницы, которые сбиваются в стаи, чтобы отложить яички перед смертью. Тогда некоторые индейские племена собирают их и запекают в булki вместо изюма. Из семейства комнатных мух следует выделить одну особенно чудовищную, отклады-

вающую яйца на тело какой-нибудь несчастной — и наверняка особенно рассеянной — жабы. Когда вылупляются личинки, они поселяются у земноводного в носовой полости и выедают не только ее, но и всю переднюю часть головы. (Еще более опасна личинка мясной мухи, обитающей в Северной Америке и таким же образом нападающей на человека; при отсутствии лечения результаты оказываются те же.)

Хотите верьте, хотите нет, но в жизни мух помимо зловещей стороны медали есть и чарующая — таинственная и даже полезная. Всем известно, какую пользу оказала человечеству мушка дрозофила, благодаря которой оказался возможным колоссальный прорыв в знании и понимании генетики.

Термитоксения, славная тем, что возмещает убытки существу, которое эксплуатирует, знаменита еще своим необычным жизненным циклом. Эти мухи появляются на свет самцами, но затем, в силу ведомой одним только насекомым алхимии, они становятся самками. Откладывают единственное крупное яйцо за одну кладку, а дальше разворачивается второй акт чудодейства. Подростая личинка вскоре вылупляется из яйца и через каких-нибудь несколько минут превращается в куколку — это, пожалуй, одно из самых скоростных превращений в мире животных! Конечно, муха живет в колонии термитов и питается яйцами термитов, но законные обитатели термитника принимают ее на условиях: живи и давай жить другим. На конце ее могучего тела имеется желтый хоботок, через который выделяется секрет, почитающийся у термитов деликатесом. За это термиты терпимо относятся к этой странной гостье и даже к тому, что она поедает у них немало яиц. Старый принцип — не резать курицу, которая несет золотые яйца.

У некоторых мух-толкунчиков интересно наблюдать очаровательный брачный ритуал, когда они ухаживают за привлекательной самкой. Будущий поклонник ловит другое насекомое и одевает в своеобразную шелковую вуаль, которую вырабатывает из собственного тела. Затем он берет этот подарок и танцует с ним перед дамой сердца; последняя, очарованная его щедростью и внимательным отношением, немедленно отвечает взаимностью. Пока она съедает свадебный подарок, кавалер делает предложение. Впрочем, в иных случаях кавалеры оказываются расчетливы и жестокосердны: они открыли, что самку можно завоевать куда проще. Никаких тебе изнуряющих погонь за свадебным подарком — он просто снимает вуаль и танцует с ней. Дама сердца, очарованная красотой вуали, готовится к свадьбе. Затем кавалер отбрасывает вуаль, предстает перед дамой в своих природных красках, и дама отдается его страсти. В общем, жизнь иных видов мух столь же сложна и невероятна, как любая мыльная опера на телеэкране.

Д

В ближайшие несколько дней нам неплохо удалось пополнить коллекцию капидоло. Как раз прошел небольшой дождичек и выгнал их из укрытий. Они спокойно ползали по лесу, а мы хватали их на пересекавших лес просеках. Вскоре мы также выполнили нашу квоту по крысам — три пары — и торжественно посадили их в новые жилища и на новую диету. Как ни странно, но в той немногочисленной литературе, что о них имеется, ничего не сказано об их голосах: с заходом солнца в ночной хор дикого леса влились крысиные ворчанье, шипенье, тьяканье и глубокие вздохи.

* * *

В последнее утро мы несколько задержались с выездом, так что, когда добрались до ловушек, солнце палило столь яростно и безжалостно, что казалось, будто оно готово поджечь весь лес. Я отвертелся от обхода ловушек, сказав, что лучше посижу у дороги и понаблюдаю за птицами.

Голоса других членов нашей команды уже стихли в глубине леса, когда на сплетения ползучих растений, опутывавших деревья над моей головой, опустилась стая нектарниц — целая эскадра пернатых с черными и кривыми, как турецкие сабли, клювами. Их головки, подбородки и шейки окрашены сочным, переливающимся зеленым цветом, а на серо-коричневой спинке отливают металлом пурпурные пятна. Грудка блестящего синего цвета окаймлена красным и ярко-желтым, хвост зеленый. Стая птиц, яркая и веселая, словно цыганский табор, оживила лишенные листьев лозы. Южноамериканские колибри нашли себе достойных соперников в лице столь же красивых, как они, африканских нектарниц. В каких-нибудь нескольких футах у меня над головой эти птицы охотились за насекомыми, ибо на лозах не было цветов, из коих они могли бы высасывать нектар. Они носились, как быстрые дротики, так что уследить за их полетом было невозможно; те же, которые сидели на ветвях, выклевывали на коре необычные геометрические орнаменты. Та или другая птица неожиданно замирала на лету и хватала насекомое, которое я мог бы разглядеть только с помощью сильной лупы. Члены этого небольшого стада перекликались острыми свистящими сигналами, что, по всей видимости, выражало радость. Вскоре охотники очистили лозы от обитавших там насекомых и умчались в лес, словно залп фейерверка.

Затем ко мне в гости пожаловали восемь попугаев ваза — этих обаятельных птиц с закрученными хвостами и бледными, цвета рога, клювами. Издавая весьма певучие для попугаев звуки и хлопая крыльями, они полетели к огромному дереву, отстоявшему от меня в пятидесяти ярдах. На этом дереве не было фруктов и вообще ничего съестного, так что у меня сложилось впечатление, будто здесь у птиц находился спортивный

зал. Они перепархивали с ветки на ветку, свешивались головой вниз и затевали забавные схватки. Вся эта деятельность сопровождалась хриплыми, похожими на кудахтанье криками и мелодичным свистом. Весело наблюдать за птицами, столь восторженно проявляющими радость к жизни.

Когда галикты в конце концов загнали меня в душную кабину «Тойоты», пожаловала еще одна примечательная гостья, которую я и не надеялся увидеть. Мой глаз выхватил что-то красно-коричневое, мелькнувшее в кустах всего в шести футах от машины, и вдруг, как из-под земли, тише тени, явилась фосса, торжественно выступив на середину дороги и усевшись там. Ошибки не было — этим существом с ленивой, похожей на кошачью походкой могла быть только фосса. Мне доводилось наблюдать эту самую крупную на Мадагаскаре хищницу, очень похожую на молодую пуму и с походкой пумы. Выйдя на середину дороги, она уселась в каких-нибудь десяти футах от «Тойоты», на которую не обращала никакого внимания, и сидела неподвижно минуты две. Животное расслабилось и, как видно, чувствовало себя вполне уютно — ни испуганных оглядок назад, ни подергиваний ушами, ни напряжения мускулов. Как будто она была здесь почетной гостьей. А что ж такого? Она в лесу у себя дома! Я тоже решил расслабиться и сесть поудобнее.

У фоссы длинное, атлетически сложенное тело и непропорционально длинный хвост. Маленькая по сравнению с туловищем и хвостом голова похожа на голову священной египетской кошки на древних рельефах. Ее густая лоснящаяся шкура напоминает цвет теплого медового имбирного пряника. Одним словом, в этой кошке слились лев, тигр, ягуар и еще бог знает какие красавцы хищники; и все же в этой компании она стоит несколько особняком.

Животное посидело неподвижно несколько минут, а затем принялось тщательно чиститься, как это свойственно кошке, поднимая передние лапы и вылизывая пухлые подушечки. Затем она вытянула вперед задние ноги, чтобы вылизать и их, а после усердно вычистила свой мощный хвост. Весь процесс занял минут пять-шесть, и я счастлив был понаблюдать за зверем, не замечавшим моего присутствия, а если и замечавшим, то игнорировавшим, примерно как аристократ игнорирует находящегося рядом мужлана.

Вылизав мельчайшие пятна грязи на и без того блиставшей чистотой шкуре, кошка села на прежнее место, вздохнула и зевнула, блеснув белыми зубами; затем она принюхалась к ветру, медленно и грациозно перешла дорогу и исчезла в лесу, только огромный хвост болтался из стороны в сторону, словно веревка колокола. Я чувствовал глубокое удовлетворение: мало кому выпадет такая удача — провести десять минут один на один со столь редкостным по красоте хищником. Впрочем, сами мальгаши недо-

Д

люблюают это животное и боятся его за то, что, по их заверениям, оно безбоязненно нападает на стада зебу, а то и на человека, если он это спровоцирует. Может, так оно и есть, но моя фосса отличалась такой мягкостью и таким благородством, что, казалось, стоит подойти с лаской — и она уютно свернется у твоего камина. А что, неплохо иметь у своего очага такое большое, доброе украшение золотисто-медового цвета.

Всего увиденного за день с лихвой хватило бы для полного счастья, но, как оказалось, сюрпризы еще не кончились. На пути к лагерю нам попалось стадо из восьми сифака, отдыхавших в каких-нибудь двадцати футах от дороги в тени деревьев, сквозь которую пробивались лучи солнца. Зверьки сидели такой чудесной группой в самых разных позах, что можно было подумать, будто они заключили выгодный контракт с телекомпанией Би-би-си и теперь у них в самом разгаре репетиция, а один даже растянулся во всю длину на ветке, бессильно свесив все четыре лапы. Время от времени он открывал глаза и безучастно смотрел на нас. Однажды он предпринял летаргическую попытку схватить крупную голубую бабочку, беспечно летавшую вокруг, но это ему не удалось. Два других животных сцепились в смертельной схватке, обняв друг друга за плечи и нещадно кусаясь, а затем ускакали прочь. Четыре других члена стаи, сидя на ветках повыше, наслаждались солнцем, откинув головы и раскинув руки. В этих смешных позах они чем-то напоминали оперную труппу на гастролях, исполняющую одну из самых трудных партий «Кольца Нибелунгов». В тени сидела самка с мохнатым детенышем на коленях и тщательно исследовала его шкурку, нет ли заноз или других повреждений. Но детенышу больше всего хотелось забраться матери на голову и поскакать вслед за двумя дерущимися взрослыми. Мы провели некоторое время в обществе этой очаровательной группы, фотографируя и наблюдая их ужимки и прыжки. Лемуры не обращали на нас внимания, как если бы мы были стадом зебу. В конце концов мы с неохотой расстались с ними, и когда отъезжали, зверьки без любопытства смотрели на нас золотистыми глазами. Хорошо, что они интересовались нами куда меньше, чем мы ими.

На следующий день мы покинули Мурундаву с ее мушиным царством и тихим шумом леса. Мы возвращались домой с триумфом, отловив почти все, что хотели. Теперь предстояла нелегкая задача — доставить все это в целостности и сохранности на Джерси. Я очень сожалею, что перед нашим приездом не прошел ливень, который позеленил бы деревья. Милый, дружелюбный лес, полный самых необыкновенных животных, — но без зелени это было все-таки не то. Правда, через голые ветви и увидеть можно было больше, но листва защищала бы нас от солнца. Пока мы катили по бурой пыльной дороге посреди вековых баобабов, над нашими головами летела стая попугаев ваза, посылая с бледно-голубого неба прощальные крики.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ОХОТА НАЧИНАЕТСЯ

Наши поиски Зверя с Магическим Пальцем начались с пари, которое я имел несчастье выиграть. Мы сидели в баре отеля «Кольбер» и в ожидании киногруппы из «Джерси чэннел телевижн», которая собиралась нас снимать, склонились над картами и обсуждали путь к месту назначения, примерно в трехстах пятидесяти милях от Антананариву. Сначала наш путь лежал на восток в направлении Таматаве. Мы знали, что эта дорога хорошая: Таматаве — важный малагасийский порт, и уж дорога к нему должна быть в относительном порядке. Кошмар начнется, когда повернем на север: дорога тут пойдет хуже, а главное, предстоит переправа через множество рек, а сколь аккуратно ходят паромы, шут его знает. Поскольку дорога бежит по краю моря, то успех переправы будет зависеть не только от течения данной реки, но и от приливов и отливов. Словом, в дороге скучать не придется.

— Тебе следовало бы проявить благоразумие и полететь самолетом, — сказала Ли. — Мы бы заехали за тобой в Мананару и отвезли туда, где Джон и Кью разобьют базовый лагерь. Не надо на машине — ты окончательно искалечишь себе бедра.

Мои бедра, безотказно служившие шестьдесят лет, недавно сыграли со мной злую шутку. Из-за развившегося артрита их следовало бы вынуть и заменить на стальные и пластмассовые. На рентгеновском снимке, сделанном после операции, бедра походили на проволочные заграждения времен Первой мировой войны. Они подвели меня во время съемок серии телепередач в России и окончательно приказали долго жить, когда мы находились в тундре, в каких-нибудь девятистах милях от Северного полюса. Наш руководитель нашел чудесную лужайку с миниатюрными цветами ярдах в пятистах от лагеря, и нам, естественно, захотелось заснять этот волшебный цветной ковер. По поверхности тундры, состоящей из вечной мерзлоты, покрытой мхом и карликовым кустарником, идти не более безопасно, чем по поверхности льда. Я сообщил нашему руководителю, что из-за страшных болей просто не смогу пройти такое расстояние; он ушел удрученный и долго беседовал о чем-то с русскими. И тогда они подогнали к лагерю вертолет и бережно отвезли меня за пятьсот ярдов, а там столь же бережно вынесли из вертолета и уложили среди цветов. Когда я отснял все, что хотел, они опять же бережно усадили меня в вертолет и отвезли в лагерь. Это был единственный в моей жизни случай, когда я чувствовал себя как Элизабет Тейлор.

Д

С новыми бедрами я мог ходить без опаски, но не должен был слишком перенапрягать их, иначе и они могли отказать. Постоянное напоминание, что ты далеко не молод и не можешь, как прежде, пускаться в рискованные предприятия без оглядки на самочувствие.

— Значит, так, — заявил я. — Все в один голос твердят, что дорога хорошая. Коль скоро она бежит по берегу моря, ей сам бог велел быть ровной.

— Значит, так, — упрямо сказала Ли. — Все в один голос твердят, что дорога скверная. Боюсь, покалечишь бедра.

Джон и Кью, трусоватые от природы, опасаясь быть втянутыми в спор, сделали вид, что их больше волнуют опустевшие стаканы.

— Ну, что скажешь, Джон? — спросила Ли.

Джон глубоко вздохнул и выдал один из тех мастерских ответов, которые наверняка обеспечили бы ему место в палате общин, если бы он заинтересовался политикой.

— Значит, так. Одни говорят — хорошая, другие — плохая. Пока мы не проедем по ней, мы не узнаем, на чьей стороне правда. С другой стороны, если Джерри хочет лететь, это будет комфортнее. Но если хочет рискнуть и ехать... м-ммм... Пусть сам решает! — неуверенно заключил он.

Ли бросила на него испепеляющий взгляд.

— Ну, словом, решено. По этому случаю нальем по второму кругу, — одобрительно кивнул я.

— Ты еще пожалеешь об этом, — сказала Ли.

К своему огорчению, мне довелось убедиться в том, что она была права.

* * *

На другой день явилась телевизионная команда. Пока выцарапывали застрявшее на таможне разнообразное и весьма необычное оборудование, пока затаскивали и распахивали его по углам, в гостинице царил полный хаос. Но после того, как каждая деталь была распакована и тщательно обследована на предмет поломок по пути с Джерси, мы собрались в баре, чтобы дать команде подкрепиться и обсудить наши планы. Нужно было проделать тысячу вещей: побывать в соответствующих министерствах; докупить на рынке зума самое необходимое, чего хватились в последнюю минуту; и наконец, выпить с товарищами на посошок, — чем кошмарнее были их рассказы о местных дорогах (и в особенности той, по которой нам предстояло ехать), тем неправдоподобнее они казались, да к тому же алкоголь туманил мозг.

Многие из членов команды были нашими старыми друзьями: как только у нас в зоопарке рождался детеныш или к нам поступало редкостное приобретение, они были тут как тут. Наша работа послужила для них ма-

териалом для великолепной серии учебных фильмов. Продюсером был Боб Эванс — маленький, опрятный, с блестящими карими глазами, бойкий, как малиновка вссной. Оператором — Тим Рингсдор, изящный, с густыми вьющимися волосами и элегантными, тщательно ухоженными усами, похожими на редкую бабочку, случайно присевшую на его верхнюю губу. Ему бы еще соломенную шляпу-канотье, отутюженный белый фланелевый костюм и полосатый жилет — и вот вам великолепный щеголь времен короля Эдварда, катающий даму своего сердца на маленьком ялике по Темзе и который, отыскав уединенное тенистое местечко, поет ей серенаду, аккомпанируя себе на гавайской гитаре.

Наш звукооператор Микки Тоствин был столь мускулистым, что рядом с ним Кью выглядел пациентом санатория для чахоточных. Его темно-рыжие волосы дерзко росли в семнадцати различных направлениях, а с такими, как у него, усищами можно было бы неплохо зарабатывать в старые времена в мюзик-холлах. Еще с нами был Грэм Тайди — добрый малый, мастер на все руки, который в любую минуту мог устранить любую неполадку; да так оно и происходило каждый раз, когда что-то ломалось. Грэм выглядел моложе своих лет; у него было круглое лицо херувима, и всем своим обликом он напоминал пай-мальчика-отличника, которому в конце каждой четверти вручают награду вроде «Старых и новых гимнов» в переплете из телячьей кожи.

Наконец, наш директор Фрэнк Цвитанович напоминал мне — сам не знаю почему — мускусного быка. Сильный и флегматичный, он редко подавал голос. Не то чтобы Фрэнк вообще был молчалив — просто он, в отличие от всей остальной нашей братии, не любил разговоров ради самого процесса говорения, так что вся его речь сводилась к вопрошающему ворчанию, странным вздохам да двум случайным «о'кей». Но когда он наконец решился взять слово, то позабавил меня рассказами о днях своей юности в Голливуде, где начал карьеру с руководства «поющим ковбоем» Джином Отри. А когда я расспросил его, что собой представляет Джин Отри, Фрэнк подумал с минуту и так описал его в биологических терминах, что у меня не осталось ни капли сомнения — он явно не в восторге от пережитого в Голливуде. Фрэнк был коренастым мужчиной, а его зачесанные назад волосы оставили на лбу единственный локон, подобно тому как волна при отливе оставляет на песке морскую раковину. Задумчивые глаза имели голубоватый оттенок, какой бывает у незабудок в пору цветения. Он перенес три операции на сердце, курил как паровоз и недавно женился в пятый раз. В общем, мы поняли, что имеем дело с человеком прожженным, уверенным, строгого характера и при всем при том вечно исполненным надежды.

Д

Оборудование экспедиции — не говоря уже о численности личного состава — возросло в таких пропорциях, что нам пришлось принанять еще двух водителей с машинами. Старшему из них, Бруно, с его внешностью хорошо бы стоять за прилавком магазина по продаже женских юбок, а на досуге показывать фокусы с тремя картами; в своих шортах, раскрашенных во все цвета радуги, и потрепанной шляпе, сдвинутой на блестящие, как у сороки, глаза, он был готовый мистер Фиксит. Другой водитель, по имени Тиана, был худощавым славным малым, и с первого же взгляда было ясно, что он готов всем сердцем пробивать нам путь в неведомое и что наше слово для него закон. В качестве поощрения мы прикрепили к их машинам «тойотовские» эмблемы с изображением ископаемой птицы додо на алом фоне.

— Автоколонна машин «Утенок щипаный», — молвил Джон. — Впечатляет.

— Слушай, ты, не очень-то! — возмутился я.

— А почему ты обозвал ее «щипаным Утенком»? — любопытствовал Боб Эванс.

— Да видишь ли, один из молодых ученых, который работал с нами в Бразилии, ничего не слышал о додо и спросил, почему у нас щипаная утка на эмблеме, — объяснил Джон.

— Стало быть, *теперь* у нас четыре «щипаные утки», — медленно и с расстановкой произнес я.

— Намек понят, — подумав, заявил Боб. — Если кто в этой компании еще раз так скажет, от того пух и перья полетят.

* * *

Но настал день, с лихвой вознаградивший наше нетерпение. Все подготовительные работы в малагасийской столице завершились, и был назначен день отправления. Колонна машин «Утенок щипаный» загрузилась, все обменялись поцелуями, и мы тронулись в путь, пробивая себе дорогу через толпы попрошаек, пытающихся совать руки за милостыней прямо в кабины.

Начало нашего путешествия было волнующим, но вдвойне волнующим казалось то, что нам предстояло посетить те районы Мадагаскара, где мы никогда прежде не бывали, да к тому же ехали мы за одним из самых странных животных на планете. Чего же еще?

Некоторое время колонна двигалась по центральному плато, среди окружавших столицу разрушенных эрозией холмов. Единственным растением здесь была пальма равенала да рисовые плантации, окружавшие деревни. Ни с той, ни с другой стороны дороги не было видно леса. Покрытые сухой желтой травой холмы прорезали, словно раны от сабельных ударов,

красные овраги. Впрочем, я с радостью отметил, что крестьяне обрабатывали рисовые плантации с помощью деревянных плугов, в которые впрягались зебу, — таким образом, плуг не только переворачивал плодородный слой почвы, но и тягловые животные удобряли ее своим навозом. Я был бы просто счастлив, если бы большее число крестьян обрабатывало почву деревянным плугом, в который впрягается животное, вместо современного плуга, который несет почве только смерть.

Наконец мы проехали плато, и дорога запетляла в сторону моря. Трасса, недавно отремонтированная китайцами, оказалась превосходной. Но, как это ни курьезно и ни грустно, китайские дорожные рабочие научили местных жителей есть змей — прежде эта кулинарная тонкость не приходила им на ум. Уменьшение числа безвредных удавов приведет не к чему иному, как к вспышке численности грызунов, а в результате пострадает урожай риса. Впрочем, людям не свойственно заглядывать далеко, особенно в том, что касается биологии. В этом одна из причин, почему жизнь человечества — сплошной бардак.

Вообще же это была одна из самых грустных поездок по Мадагаскару. Дорога петляла среди протянувшихся на многие мили холмов, на которых теперь не было ничего, кроме травы да рубцов от эрозии. В окружавших деревни долинах мы видели пальмы равенала, кокосовые пальмы да порою деревья манго и личи; изредка на вершинах холмов красовался крошечный участок изначального леса, точно остатки бороды на скверно выбритом подбородке. Все же по этим остаткам можно было судить о том, как красивы были холмы до сведения лесов. Теперь же почве, лишенной растительной защиты, не оставалось ничего другого, как оказаться смытой вниз, оставив после себя незаживающие язвы.

Конечно, с точки зрения непосвященного и травяной покров делал холмы приятными глазу; но мы-то знали, что через каких-нибудь двадцать лет эти холмы принесут несчастье обитающим у их подножия людям, которые в отчаянии стараются вырвать пропитание у постоянно разрушающейся почвы. С исчезновением лесов, являвшихся легкими здешних холмов и корнями удерживавших почву, последней ничего не остается, как сойти в долину, подобно песку в песочных часах. Как разъяснить этим милым, но задыхающимся от нищеты людям, что этот способ ведения сельского хозяйства — выжигание все новых участков под посевы — только подталкивает их детей и внуков к смерти от голода? Даже если бы удалось найти миллионы долларов, фунтов, марок и иен, борьба с оврагами и восстановление лесов заняли бы сотни лет. Проблема представляется чудовищной и неразрешимой.

По мере приближения к Таматаве все чаще попадались огромные роскошные плантации кокосовых пальм. Это стройные деревья высотой при-

мерно в сорок футов, с мощным солидным стволом и нежными листьями, похожими на фонтан, бьющий из верхушки. Каждый ствол надежно защищен толстым слоем тканей, а некоторые из них стали родным домом для бесчисленных папоротников, эпифитов и орхидей, создающих впечатление, будто пальма одета в плотную шубу из зеленого меха. Это «одеяние» представляет собой своеобразные мини-джунгли, в которых приютилось множество гекконов, сороконожек, пауков и прочей живности. Я высказал пожелание как-нибудь сделать остановку и исследовать, кто же обитает на такой пальме. Помню, как-то раз в Гайане мне довелось исследовать один эпифит размером с небольшой куст; к своему удивлению, я открыл там не менее десятка позвоночных — от древесных лягушек до древесной змеи, — не говоря уже о целой массе беспозвоночных. Этот эпифит оказался целым городком, в котором ключом была жизнь. А поскольку таких эпифитов множество, нетрудно догадаться, что спилить хотя бы одну пальму означает погубить множество живых существ.

* * *

Наконец мы прибыли в Таматаве. Огромный белый песчаный пляж отделял город от моря с темной прозрачной водой. Вдали, словно страж, виднелся белый гребень рифа. Пляж был, безусловно, привлекателен, но в рифе в нескольких местах виднелись проломы, что делало акваторию доступной для акул. Разумеется, каждая страна любит похвастаться, что ее акулы самые кровожадные, даже если последний раз там видели акулий плавник полвека назад. Но нам рассказывали, что в Таматаве эти хищницы плывут вслед за кораблями до самого порта, и когда какой-нибудь дурень, утомленный дорогой, полезет в воду освежиться, то остается без руки, без ноги, а то и без глупой головы.

Вдоль пляжа тянулись большие, построенные в колониальном стиле дома с широкими верандами; каждый дом отстоял далеко от дороги, утопая в густо засаженном саду. Этаким Довиль¹ в тропиках. Мы остановились в большой элегантной гостинице у самого моря, с верандой огромной, как танцевальный зал, безупречной обслугой, а вид роскошных садов, пляжа, моря и рифа на заднем плане тешил взор.

Я был рад узнать, что в этом городе в изобилии имелся мой любимый вид транспорта — пус-пус, или, как его называют в других частях света, рикша. Почему на Мадагаскаре его называют push-push, я так и не понял, ведь на самом деле его следовало бы назвать pull-pull². Представьте себе

¹ Довиль-сюр-Мер — приморский климатический курорт во Франции. (Примеч. ред.)

² Push-push (англ.) — толкай-толкай; pull-pull (англ.) — тяни-тяни. (Примеч. ред.)

сиденье, снабженное опускающимся верхом (с бахромой, если вам пове- зет), водруженное на два колеса вроде велосипедных, но несравненно больших по размеру, и с маленькими оглоблями, вроде как для запряжки пони. Только вместо пони запрягается человек. Садись на сиденье, «шо- фер» подбирает оглобли и плавной трусцой везет тебя в указанном направ- лении. Идеальное средство транспорта: едет плавным, почти бесшумным ходом, с безопасной скоростью, при которой ни разбить голову, ни поло- мать руки-ноги невозможно. Ни тебе шума, ни выхлопных газов — только нежный шорох колес и босых ног вашего «шефа». В этих замечательных транспортных средствах можно увидеть элегантных леди с покупками, важных бизнесменов с сияющими, словно крылья жука, «дипломатами» и нахмуренными взглядами: дескать, дела обязывают к разездам! Полог ук- рывает их от жары, а встречный ветер доставляет желанную прохладу. Иногда встречается повозка с одним только громоздящимся на ней бага- жом, а однажды я видел, как одетый с иголки четырехлетний мальчик в блестящей соломенной шляпе и его возница так оживленно болтали и за- ливались хохотом, что чуть не оказались под колесами огромного грохочу- щего и жутко чадающего грузовика. Соблазн нанять девять рикш и устроить в честь начала экспедиции гонки по берегу моря был велик, но, хоть и скрепя сердце, мы отказались от этой затеи: мы приехали сюда во имя вы- сокой науки, а не ради развлечений.

На обед подали огромного, красного и импозантного на вид морского рака; однако вкус у этого морского чуда оказался чем-то средним между кожей и пористой резиной. Улегшись в постели, мы наслаждались убаю- кивающим шумом моря и зовом ночных козодоев — странноватый звук, похожий на прыгающий по столу целлулоидный шарик. Звук, непривыч- ный и поначалу раздражающий, впоследствии, однако, подействовал успо- каивающе.

* * *

К нашему неудовольствию, на следующий день пошел дождь, но мы все же вышли в путь по этой треклятой дороге, о которой слышали столь- ко дурного. Дорога, оказавшаяся, кстати, ровной и песчаной, бежала вдоль тянувшихся по берегу моря огромных пустынных пляжей. Ни отеля, ни туриста, ни пляжного зонтика. Интересно, долго ли так будет продол- жаться — ведь это один из самых великолепных пляжей, какие я только видел во всем мире, так что если бы кто построил здесь курорты, нажил бы состояние.

Деревни, которые мы проезжали, были опрятные, с добротными бам- буковыми домиками, крытыми рифленным железом. При многих домиках

Д

был сад, обнесенный оградой, с тщательно выметенными песчаными дорожками. Некоторые сады окружали живые изгороди быстрорастущего кустарника; эти ограды вместе с посаженными в них цветами придавали деревне яркий, радостный и ухоженный вид. Во многих садах росли большие деревья личи — их блестящие зеленые листья создавали густую тень; на каждом дереве висели оранжевые гроздья деликатесных плодов. Конечно же, там были и вездесущие кокосовые пальмы, с листьями, шелестящими, как шелка на ветру, и с крупными блестящими зеленовато-желтыми орехами. Владелец этих деревьев забрался наверх и там аккуратно срубил орехи с помощью мачете, чтобы мы могли утолить жажду содержащейся внутри изысканной прохладной жидкостью. Когда мы осушили эти «кубки», он взял каждый орех и отрезал от него кусок, которым можно было действовать как ложкой; мы выскребли кокосовую мякоть, словно белое молочное желе.

На окраинах нескольких деревень мы видели группы детей, несших рыбу, вероятнее всего пойманную их отцами, отправившимися на каноэ к рифу. У некоторых корзины были полным-полны — целый фейерверк малиновых, голубых, ярко-оранжевых, желтых и зеленых оттенков. Одна девушка несла рыбину почти с себя ростом. Это был серебристый Длинный Том — один из видов саргана, с длинным ртом, похожим на клюв, торчащий как рог единорога. Были тут различные виды и подвиды *Scomberesocidae* — звучит как название малагасийской деревни, а на самом деле это просто скумбрушковые, или, иначе, макрелешуковые. Эти рыбешки весьма испортили мне нервы, когда я с ними столкнулся, занимаясь подводным плаванием близ острова Маврикий. Представляете, оглянулся — и увидел себя в окружении стаи страшилищ по пяти футов каждая, с огромными глазами и мордами, похожими на копыя. Впрочем, рыбы оказались абсолютно безвредными и просто плавали вокруг, спокойно наблюдая за незванным гостем, охваченным самым печальным и мрачным настроением.

Какой-то мальчуган нес детеныша акулы-молота, черного, как эбеновое дерево, примерно в три фута длиной. Эта рыба, возможно, одна из самых курьезных во всем рыбьем племени. Первый раз я с ней столкнулся, когда плавал в красивейшем заливе Тринкомали на Цейлоне (ныне Шри-Ланка). Там был участок, огороженный сетями от акул, жаждущих знакомства с пловцами. Я себе преспокойно плавал по периметру, любуясь морскими ежами, каждый с футбольный мяч величиной и с шипами, похожими на нож гравера, когда позади меня вода отчего-то всколыхнулась. Я оглянулся и оказался лицом к лицу с акулой-молотом длиной в двенадцать футов, которая выныхивала, как бы ей проникнуть за ограждение и разобраться со мной. Столкнувшись с этой невероятной по величине го-

ловой и пристрастным взглядом, я испытал колоссальный шок. Я, конечно, знал, как эти акулы выглядят, но в натуре это оказалось таким зловещим зрелищем, какое не под силу вообразить даже постановщику голливудских фильмов ужасов. Я понимал, что за проволочным ограждением я в полной безопасности, но был так напуган, что на всей скорости поплыл к берегу. Причиной тревоги стал, разумеется, не только гротескный облик этого существа, но и знание того факта, что акула-молот — страстная охотница до человеческого мяса.

Впрочем, посмотрев на акулу-молот холодным и рациональным взглядом, убеждаешься, что это одно из самых замечательных творений изобретательницы-природы. Ее тело, по форме напоминающее торпеду, — рукоятка «молота», а странная голова — его «головка». В каждую сторону «головки» вделан глаз, а ниже — похожий на свод средневековой церкви дугообразный рот с цинично опущенными уголками, примерно как у Соммерсета Моэма в старости.

Вернувшись на Джерси, я постарался больше разузнать об этой странной голове. Оказалось, что сплюснутая со спины и брюха форма головы обладает наименьшим сопротивлением, когда акула преследует добычу. Акулы-молоты питаются в основном кальмарами, невероятно быстрыми тварями, а один из видов этой акулы включает в свое меню даже скатов, которые движутся еще быстрее, чем кальмары. Кроме того, «крылья» головы акулы-молота имеют чрезвычайно чувствительные обонятельные и электровосприимчивые органы, а расположение глаз дает возможность превосходного бинокулярного зрения. Еще одна тонкость заключается в том, что расположение глаз предохраняет акулу от щупалец пойманного кальмара. В общем, эта голова, которой только сниматься в фильмах ужасов, оказывается, обладает превосходным бинокулярным зрением, блестяще действующими органами обоняния и может работать как радар. А что еще нужно акуле?

* * *

Дорога, петляя, взбиралась на холмы и становилась все хуже и хуже. Теперь она уже ничем не напоминала путь сообщения — скорее высохшее русло реки, на которое вода нанесла огромные валуны размером с лохань и вымыла вокруг них ямы, так что камень выглядел точно огромный шарик мороженого на блюдечке. Нас швыряло из стороны в сторону, словно тряпичных кукол, и мои бедра заныли с небывалой прежде силой. Хотя Фрэнк вел машину как настоящий ас, увертываться от всех ухабов оказалось невозможным — вся дорога выглядела будто после артобстрела, предшествующего наступлению неприятеля. На ней не осталось живого места, где можно было бы отдохнуть от постоянных толчков, тряски и колотушек.

Д

Мосты, перекинутые через овраги и реки, никак не облегчали продвижение. По большей части они представляли собой два бревна, перекинутых с одной стороны на другую, да несколько планок, кое-как прибитых поперек. И бревна и планки были порядком изношены, а кое-где уже начали гнить. И когда машина проезжала по ним, они издавали шум, ровно пластинки огромного деревянного ксилофона. После того как машина переезжала мост, ее пассажиры должны были выйти и приколотить планки на место, чтобы могла проехать следующая. О том, чтобы въехать на такой мост двум машинам сразу, не могло быть и речи: это означало бы неминуемую катастрофу.

На одном мосту с нами случилось неприятное происшествие, но мы считаем, что еще дешево отделались. Через некую широкую реку, темно-желтую, словно львиная шкура, был перекинут импозантный на вид стальной мост. Но хотя фермы моста и были сделаны из стали, поперек них лежали те же полуистлевшие планки. Только я собрался дать Фрэнку наставления о том, что может произойти, если ехать не строго вдоль стальных балок, как случилось именно то, чего я опасался. Планки разъехались, и «Тойота» накренилась, как пьяная. Более того, стала прогибаться и сама стальная балка, и «Тойота» опускалась все ниже и ниже.

— По-моему, нам с Ли следует выйти из машины, — подумав, сказал я и открыл дверцу.

— Трус! — бросил Фрэнк.

— Не знаю, какие ты там строил пакости несчастному Джину Отри, — возразил я, — но я не поющий ковбой и имею скверную привычку цепляться за жизнь сколь возможно долго.

— А дезертировать перед лицом врага — хорошо? Вы просто хам, сэр, — сказал Фрэнк. — А как же я?

— А тебя — в расход! — безжалостно отрезал я, выбираясь на мост, где было относительно безопасно.

— Вот именно! Без тебя снимем фильм гораздо лучше! — сладко пропела Ли.

— Крысы бегут с погибающей «Тойоты», — сказал Фрэнк, когда мост закрипел и машина ушла еще глубже. Он открыл дверцу и вышел сам.

— Будь я проклят, если один пойду ко дну вместе с кораблем, — заключил он.

Проведенное нами расследование показало, что с виду мощные стальные фермы так проржавели, что создавалось впечатление, будто на самом деле они сделаны из какого-то неведомого кружева. Были места, куда палец входил на четверть дюйма. Трудность заключалась в том, что, если бы другая машина рискнула въехать на мост для помощи, мост мог окончательно рухнуть и обе машины, набитые ценнейшим оборудованием, поле-

тели бы в реку с высоты семьдесят футов. К счастью, вторая «Тойота» и более легкие машины уже выбрались на другой берег. Мы привязали к «Тойоте» веревку и медленно, с величайшей осторожностью выволокли машину на противоположный берег.

* * *

При всех неудобствах и тяготах путешествия мы всегда испытывали облегчение, когда переправлялись на пароме, — даже в том случае, когда переправа задерживала движение. Паромы представляли собой скрепленные понтоны времен Второй мировой войны, похожие на гигантские каноэ; поверх них были положены планки. Управлялась эта конструкция крепким паромщиком, ловко орудовавшим бамбуковым шестом необыкновенной длины и толщины. Но въехать на такой паром, равно как и съехать с него, было поистине подвигом. Паром просто подходил к берегу или к причалу, и планки сходились под острыми углами. Задача водителя — подогнать колеса так, чтобы въехать на планки и съехать на берег. Паром тотчас же отходит назад и кружится в вальсе на бурой воде. Если паром на противоположном берегу реки, звони в подвешенный на пальму колокол; если таковой (как это часто и бывало) отсутствует, вся надежда только на силу собственных легких. Сумеешь докричаться до паромщика (который на противоположном берегу крутит шуры-муры с какой-нибудь соблазнительной деревенской девчонкой), тогда твое счастье: паромщик неохотно и с тоской во взоре двинется к вам.

Но уж коли въехал на паром, можешь понаслаждаться тишиной. Ласково греет солнце, медленно и плавно движется посуда, и единственный звук, который долетает до твоих ушей, — плеск и свист бамбукового шеста в надежных мускулистых руках паромщика, точно копьё в руках охотника на мамонтов... Порой промчится стая белых, как звезды, цапель, летящих строем на поиск мест, богатых рыбой; иногда стрелой пролетит над рекой крошечный зимородок ярко-голубого и красно-коричневого цвета, а высоко в небе парят коршуны, будто черные кресты. Иногда мимо про скальзывают небольшие пироги и каноэ, двигаясь бесшумно, словно упавшие на воду листья или крылатые семена.

* * *

Между тем дорога становилась все хуже и хуже. Мы двигались с самой что ни на есть черепашной скоростью, но все равно не удавалось избегать ям и огромных камней. Дорога шла уже в нескольких сотнях футов над уровнем моря, вниз уходил совершенно отвесный обрыв, а над нами высилась столь же отвесная скала. Росшие когда-то внизу деревья были выруб-

Д

лены под посевы; затем участок забросили, и он зарос низким кустарником и вьющимися растениями. Иногда над этой порослью, словно зеленая ракета, выстреливала случайная пальма-равенала или кокосовая пальма, распушив веер из листьев, будто павлиний хвост. Вода в море была темно-синяя, кое-где в нее вдавались скалы; побережье изрезали большие бухты с роскошными пляжами цвета поджаристого печенья, и волны, накатывавшие на темный песок, оставляли на нем белую пену, похожую на коралловое ожерелье.

Наконец мы добрались до деревни, где предполагали найти профессора Ролана Альбиньяка — нашего старинного приятеля, основавшего заповедник «Человек и биосфера», где нам предстояло работать. Но эта встреча, как и большинство из намечавшихся на Мадагаскаре, не состоялась, а местные жители, как всегда, были готовы прийти на помощь и сообщили массу новостей о нашем друге. Кто сообщил, что он вот-вот прилетит на самолете, кто поведал, будто он вот-вот приедет на автомобиле, кто-то слышал, будто он приплывет на пароходе; он был там-то, он был здесь, он в Париже, он вообще никогда не приедет.

При такой противоречивой информации мы сочли за лучшее пообедать в местном отельчике, лелея крохотную надежду, что профессор все-таки объявится. Если же нет, то нам надо было спешить дальше: следующий на нашем пути паром зависел от прилива. Кстати, об этом пароме и о приливе мы тоже получили лавину самой противоречивой информации.

Подкрепившись скромным, но плотным завтраком из свежей рыбы, курятины и неизменной миски риса, без которой, судя по всему, не обходится ни один обед на Мадагаскаре, мы тронулись в путь. А путь предстоял неблизкий, и, к нашему огорчению, чем дальше, тем хуже делалась дорога и тем медленнее мы продвигались вперед, так что когда наконец добрались до реки, небо уже подернулось нежным оттенком зеленого, а тени зловеще вытянулись.

К вящей радости, паром был на нашем берегу, но паромщиков беспокоило, что начинался отлив и вода в реке быстро спадала. Если уровень окажется слишком низким, мы попросту не сможем съехать на тот берег и вынуждены будем дожидаться нового прилива — перспектива не особо соблазнительная, потому как наши подушки и ламба, не говоря уже о соломенных матрацах, были тщательно упакованы и в поисках их нам пришлось бы перерыть все машины; еду мы, кстати, тоже запрятали глубоко. Мы быстро погрузились на паром (к счастью, он был достаточно велик и мог взять две машины сразу), и паромщики спешно повезли нас через темнеющую реку. Добравшись до противоположного берега, мы, к своему ужасу, обнаружили, что вода спадает гораздо быстрее, чем нам поначалу казалось, и что съехать просто невозможно: паром пребывал на три-четы-

ре фута ниже причала. Ничего страшного, сказали паромщики, можно будет причалить и на небольшой пляж в пятидесяти ярдах ниже по реке.

Для полного счастья еще пошел дождь — хоть и не сильный, но и его хватило, чтобы промокнуть до нитки. Мы достигли песчаного пляжа и, к нашему облегчению, благополучно причалили. Паромщики тут же погнали паром за остальными; мы послали им весточку, что едем в деревню, лежащую в четырех милях дальше, и к их прибытию успеем приготовить ужин. Чтобы еще больше ободрить оставшихся, велели передать, что распакуем пиво. Итак, мы двинулись в путь сквозь моросящий дождь, нас бросало и било еще нещаднее, так как в темноте труднее было ориентироваться. Фары машин отбрасывали на дорогу самые причудливые тени, и определить, что впереди — валун или ухаб — становилось невозможным.

* * *

Когда мы наконец добрались до деревни, она вся была погружена во тьму, лишь слышался какой-то странный звук — очевидно, это храпели местные жители. Несколько собак встретили нас бессвязным лаем и сразу же отправились спать. Здешний отельчик представлял собой длинное, приземистое, малогостеприимное сооружение из дерева и бамбука и с бамбуковой же крышей. Впрочем, дородная супруга хозяина отельчика и остальные члены семьи отнюдь не выказали признаков недовольствия или раздражения. Напротив, они повскакивали с постелей в самом добром настроении, готовые к услугам. Мы объяснили хозяйке, что в конечном счете нас будет одиннадцать душ и что у нас с полудня во рту не было маковой росинки. Стало быть, провианта нам нужно как на целый полк, а то с голодухи слопаем друг друга. В ответ она одарила нас широкой спокойной улыбкой, так же улыбнулась своим забавным, не по годам сообразительным детям и безмятежной походкой направилась в огород, гоня перед собой ребячью гурьбу.

Столовая, служившая одновременно и жилой комнатой, была вместительной и перекрывалась мощными деревянными балками, сквозь которые можно было разглядеть небрежно положенную бамбуковую крышу. Вся мебель — длинные стародавние столы из толстых неструганных досок и такие же длинные деревянные скамьи. В каждом углу горело по две маленькие керосиновые лампочки, отбрасывавшие тонкие струйки света, — более бесполезного огня я не видел за всю свою жизнь. Все было пропитано затхлым запахом горелой древесины, а стол был до того засален, что мы брезговали даже дотрагиваться до него. Видимо, желая похвастаться (мол, и мы не чужды цивилизации), хозяева пригвоздили к стенам несколько плакатов: вот пара пышных блондинок рекламирует какой-то невероят-

Д

ный продукт (вкусив который, скорее всего до срока вкусишь райское наслаждение), а вот странная для здешних мест панорама Нью-Йорка. Когда б не это, можно было бы подумать, что ты на доисторической английской ферме в эпоху сакских королей, которых звали как-нибудь вроде Кнут или Этельред.

Из-за двери, которая вела в кухню, просачивались тонкие облачка дыма и доносился обнадеживающий запах еды. На столах, словно подушечки для булавок, свернулись два кота; под столами же находилось несколько собак — одни спали, другие самозабвенно ловили блох, а из угла на нас смотрели пустым взглядом два сонных петушка и одна утка. Из-за кухонной двери стайка одетых в лохмотья худых курчавых детишек взира-ла на нас черными глазами величиной с блюдечки — их напугало нашествие странных вазаха с непонятным оборудованием. Мы, наверно, представлялись им пришельцами с Марса.

Решив подождать остальных и сесть за обед всем вместе, мы послали Бруно назад к парому с обнадеживающими вестями, что обед готов и пиво распаковано. Но примерно через час Бруно примчался и сообщил, что паромщики сделали отчаянную попытку перевезти на другой берег оставшуюся «Тойоту» и другую машину, но было поздно: вода спала, и паром застрял на середине реки в ожидании нового прилива.

Мы накормили Бруно и послали его назад выяснить, нельзя ли чем помочь. А сами пришли к выводу, что самое правильное — сесть за обед: мало ли какую штуку может выкинуть прилив. Мы, конечно, не ожидали лукуллова пиршества, но хозяйка гостиницы подала деликатесное блюдо из разных моллюсков и крабов, большую миску земляных орешков под горячим соусом и, естественно, огромное количество риса. Мы как раз тщательно вытирали наши тарелки хлебом, когда вернулся Бруно. Он был в панике. Паромщики поторопились пригнать паром с «Тойотой» к песчаному пляжу. Она съехала и закопалась носом в песок, а между тем вода все прибывает, и если ничего не предпринять, то машина полностью уйдет под воду, а с ней и половина нашего драгоценного оборудования. К счастью, одной из благополучно доехавших машин была «Тойота» — именно то, что нужно. Бруно сел в нее и поспешил на выручку.

Вернулись измотанные. Вызволить перегруженную «Тойоту» из песка и воды, даже при наличии лебедки, оказалось адски трудным делом. А не будь у них этого ценнейшего инструмента, так они бы до сих пор там сидели. Измученные путешественники сели за стол и жадно, словно волки, проглотили еду, а затем принялись разгружать «Тойоту», а также осматривать, нет ли повреждений машины и оборудования. Ко всеобщему удивлению, повреждения были незначительны. Правда, пострадали ценные батареи, но, когда их по одной выгрузили и высушили, выяснилось, что от

долгого нахождения в воде пришли в негодность лишь семьдесят из трехсот. К счастью, уцелевших с лихвой хватило для того, чтобы выполнить нашу программу.

* * *

На следующий день по-прежнему лило как из ведра, так что разрешить задачу по высушиванию всего подмокшего оказалось вдвойне сложно. К счастью, под самым потолком была натянута веревка, на которой развесили палатки, похожие на шкуры китов. Каждую вторую единицу оборудования пришлось перенести в главную комнату отельчика и тщательно исследовать на предмет попадания влаги. Везде, где возможно, морскую воду смывали пресной. Но все же, пока лил дождь, процесс сушки двигался со скрипом.

Джон обнаружил в столовой еще две двери, и когда их открыли, внутри стало больше света и исследовать оборудование стало легче. Эти три двери были как три телеэкрана — сидя внутри на скамье, я мог наблюдать все, что происходит за стенами отельчика на главной улице деревни. Вот прошел долговязый Джон, неся какую-то деталь с такой бережностью, будто она из стекла; вот прошел Кью в обратном направлении — ему еще предстоит подобная миссия. Вот прошествовал Боб, словно заводная игрушка, — у него в руках пачки бумаги, губы медленно шевелятся, а лицо сосредоточено в задумчивости. А вот и другие члены нашей команды — у кого в руках динамо, у кого ящик с незаменимыми батареями. И за всем этим, стоя под проливным дождем, зачарованно наблюдают группы ребятшек — еще бы, для них это интереснее всякого цирка.

Вот маленький белый щенок с раздутым животом и важным видом подошел к «Тойоте» и поднял ножку, как будто на всем Мадагаскаре для этого больше места не нашлось; под самой же машиной укрылись от дождя несколько мокрых, взъерошенных петушков. Зато утки и хрюшка, по-видимому, испытывали наслаждение от такой погоды — поросюшка возилась в грязи, издавая короткие восторженные похрюкивания и визги, а утки, помахивая хвостами, шествовали гуськом вниз по улице, словно на важное деловое свидание. Вот прошел крестьянин, погоняя небольшое стадо зебу; и хотя было очевидно, что и животные, и их погонщик были бы не прочь остановиться и полюбоваться диковинным зрелищем, они проследовали дальше.

Наконец дождь прекратился, и солнце сделало отчаянную попытку пробиться сквозь серую дымчатую завесу. Фрэнк распаковал свои рыболовные снасти и вместе с Ли отправился к морю в надежде поймать нам что-нибудь на обед, но вернулись ни с чем. Джон и Кью пошли на охоту и

Двскоре принесли безобидную слепозмейку *Typhlops* — черную и блестящую, как шнурок для ботинка, длиной около пяти дюймов. Эти прячущиеся по норам необычные создания не то чтобы совсем слепы, просто глаза у них покрыты прозрачными чешуйками, так что, возможно, они способны лишь отличать свет от тьмы. Живут змейки тихой оседлой жизнью, прячась под землей и питаясь мелкими насекомыми и термитами. Они настолько таинственны, что об их образе жизни практически ничего не известно.

Но вот солнце засияло в полную силу, и от нашей хитрой механики повалил пар. Появилась надежда, что к следующему утру все высохнет и мы сможем продолжать наш путь на Мананару.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ХРУСТАЛЬНАЯ СТРАНА, ИЛИ ПОГРЕБАТЬ — ТАК ВЕСЕЛО

Рано поутру мы отправились в путь, и, как это ни казалось невероятным, дорога сделалась совсем негодной. Натыкаясь на огромные камни, намытые дождем, мы залетали прямо в ямы, которых пытались избегать. Дождь довел грязь до консистенции густого теста, и, плывя по пояс в этой скользкой жиже, мы неожиданно налетали на скрытые под ней скалы. Мои бедра и спина до того разболелись, что я уже клял себя за то, что не послушался совета Ли полететь самолетом и не подвергать себя костоломной тряске. Единственным утешением было то, что небосвод был голубым, солнце вовсю сияло и от всего вокруг шел белый пар.

К нашему удивлению, нам попало мало птиц, зато много прочей фауны. Пара переходивших дорогу чванливой походкой мангустов с хвостами колесом и шоколадными мордами предусмотрительно пропустили наш кортеж вперед, с интересом взирая на нас золотистыми глазами и вытянув хвосты трубой, словно восклицательные знаки, и только потом медленно и беззаботно закончили переход. Однажды дорогу нам переползз удав; медленно выписывая петли, он пробивал себе дорогу сквозь грязь. Достигнув противоположной стороны, он ненадолго задержался отдохнуть — хотя, по-видимому, обратил внимание на наше присутствие — и после этого исчез, сверкая чешуей, будто смазанной маслом. В общем, как я заметил, на Мадагаскаре все млекопитающие и рептилии были до того ручными, что легко могли стать мишенью точно нацеленного мачете или пули даже самого плохого стрелка.

Проехав мимо одной из деревень, спрятавшейся за холмами и оттого почти невидимой, мы догнали по дороге группу местных жителей, несущих нечто странное. Поравнявшись, мы увидели, что группа состояла из мужчин и подростков, и все — в соломенных шляпах, столь популярных у малагасийцев. В середине четверо мужчин несли на грубо сколоченных носилках труп старца, частично закрытый ламба. Погребальное шествие выглядело, однако, очень весело — все болтали, курили сигареты, махали нам, когда мы проезжали мимо, тогда как покойник подпрыгивал и трясся на носилках, словно был еще живой. Старца несли в первый раз в последний путь.

Судя по всему, мальгаши весело и задорно воспринимают смерть. У многих племен на Мадагаскаре существует обычай извлекать из могил кости предков; в честь этого устраивают хорошую пирушку, а кости потом вновь погребают со всей пышностью. Не знаю, так ли это на самом деле, но слышал, будто на стоянках такси на Мадагаскаре вывешены такие вот преysкуранты:

ПО ГОРОДУ: 7000 франков.
СВАДЬБЫ, ПОХОРОНЫ И ПЕРЕМЫВАНИЕ КОСТОЧЕК —
ТАКСА ПО СОГЛАШЕНИЮ.

Церемония перезахоронения называется «фамадiana» и нередко происходит тогда, когда привезенные из другой местности останки погребаются в могилу предков; пользуясь этим, живые устраивают обряды и в честь ранее погребенных предков (например, перемывание косточек, которые потом заворачивают в новую шелковую пелену). Обрядами может сопровождаться и «церемония открытия» новой могилы, когда останки умерших переносятся сюда из временных мест захоронения. Фамадiana происходит очень пышно, при изобилии музыки, пения и танцев (в том числе танцев с костями предков!). Рассказывали, что однажды такая церемония происходила под музыку «Бездельник, кто с нами не пьет». Потомки выносят из могилы останки предка, «беседуют» с ним, а то и просто носят усопшего, «показывая», что нового произошло со времени его отсутствия в родном доме, городе или деревне. И всему этому сопутствует грандиозное веселье и смех¹ — назвать, что ли, словом «хохороны», не в пример нашему мрачному обряду, где заливаются слезами.

¹ Бытующий у некоторых народов обычай сопровождать погребальный обряд весельем и плясками связан с поверьем, что чем больше смеха, тем радостнее будет загробная жизнь усопшего. (Примеч. пер.)

* * *

Д Ближе к вечеру мы, к своему облегчению, все-таки достигли Мананары. Сдается, что именно здесь родилось выражение «однолошадный городишко» (если, конечно, и одна-то лошадь тут найдется). Горстка полуразвалившихся домиков разбежалась по трем улицам, проложенным, вероятно, пьяным строителем и изрытым дырами, как сыр грюйер. Впрочем, для местной домашней скотины лучшего места, чем эта теплая, изрытая ямами земля, не нашлось. Зебу возлежали на дороге, меланхолично пережевывая жвачку и не обращая внимания на механический транспорт. Два крупных петуха, как заправские бойцы, в радостном возбуждении взлетали в воздух и старались поразить друг друга длинными кривыми желтыми шпорами. Солнце сияло на бронзовом, золотом и желтом оперении бойцов. В одной из ям курица с пятью цыплятами искала съестное, но безуспешно; зато в другой, радостно крикая, купались в пыли четверо утят. В соседней яме на боку лежала до крайности истощенная собака с тремя щенками, настойчиво пытавшимися выдоить немного жидкости из ее ссохшихся сосков.

По улицам городка расхаживали обитатели, нося корзины с провиантом на голове; у них не было привычки смотреть влево, вправо, а некоторые останавливались поболтать прямо посреди проезжей части. Даже когда мы клаксонили изо всех сил, они часто не обращали на нас внимания или в лучшем случае лениво оглядывались и нехотя сходили с дороги.

Здешний отельчик, как это вообще свойственно «однолошадному» городу, смутно напоминает ковбойский салун на Диком Западе. Это конструкция из столбов и досок, снаружи окруженная верандой, с большим баром и рестораном внутри и помещением для кухни сзади, снаружи. Выйдя из этой основной структуры, можно увидеть кучку небольших шале в глубине сада. Кровати деревянные, а о таких штуках, как пружинные матрацы, здесь и слыхом не слыхивали. Банька, размером чуть побольше, чем гроб для умершего от водянки, была оборудована ведрами с водой; закончив омовения, следовало просто вылить воду в щель между досками пола. Освещалось сие полезительное заведение единственной электрической лампочкой размером чуть побольше грецкого ореха, свешивавшейся с конца провода со стершейся изоляцией. Поскольку помещение было рассчитано на низкорослых мальгашей, всякий раз, когда я открывал дверь в баньку, лампочка норовила стукнуть мне прямо в глаз. Когда же я исхитрялся вымыть голову, провод норовил так впутаться в волосы, что, если бы подаваемое здешней динамо-машиной напряжение было хоть чуть выше, меня неминуемо сразило бы током. Шале для приезжающих соединялись между собой узкими тропинками из камня-ракушечника, который хрустел под

ногами, и если ты опаздывал ко сну, от этого хруста просыпались все постояльцы.

Владельцем отельчика был стройный, но чем-то похожий на кулачного бойца мальгаш, который в своей прошлой земной жизни был, вероятно, каким-нибудь яныгчаром из воинства турецкого султана. Заправляла же делами его жена — высокая, стройная, по-настоящему красивая китаянка, с черными, как маслины, глазами, инкрустированными в нежную, белую, словно сливки, кожу. Всегда безупречно одетая, она держала небольшой штат отельчика в ежовых рукавицах: под ястребиным взором хозяйки гостиницы самые деликатесные и роскошные блюда подавались в любое время дня и ночи без задержки (что вообще-то не характерно для местных привычек), а в баре, также открытом двадцать четыре часа в сутки, всегда имелся большой выбор напитков — от пива до местного рома, от которого гарантированно вырастут волосы на груди даже у самой женственной рубенсовской модели.

В тот день мне открылась еще вот какая тайна: отельчик, оказывается, был центром торговли хрусталем. Мадагаскар и Бразилия — две ведущие страны по добычке хрусталя, причем Мадагаскар в этом даже опережает Новый Свет. Я наивно предполагал, что где-то есть какие-то хрустальные копи и мускулистые шахтеры, подобно семи гномам Белоснежки, извлекают кирками эти дорогие камни. Оказывается, ничего подобного. Хрусталь, тщательно маскируясь под обычные камни, пробивается из-под почвенного слоя в лесу, а предприимчивые местные жители ходят и собирают его, а затем сдают местным экспортерам, одним из каковых и являлся владелец отельчика.

Тайна мне открылась поутру, когда я услышал странные звуки. Что-то похожее не то на монотонный крик африканской птицы, чей голос напоминает молоточек медника, не то и в самом деле кто-то стучит молоточком по крошечной наковальне, а впрочем, это походило и на хор лягушек в брачный период. Направив свои стопы туда, откуда раздавался звук, я обнаружил группу девушек, сидевших в тени сделанного на скорую руку навеса из тростника; каждая разбивала малюсеньким молоточком большие кристаллы на кусочки размером с бразильский орех или чуть покрупнее. Сначала от кристалла-сырца откалывали порядочный кусок, каковой затем и обрабатывали молоточком, удаляя с него примеси. Подвергнутый такой обработке кристалл сияет белыми и серыми оттенками, словно сосулька. Постепенно куча обработанных кристаллов растет; их пакуют и отправляют в Европу, где используют, помимо всего прочего, в производстве лазеров.

Когда я поведал о своем открытии членам нашей команды, выяснилось, что я задел за живое Фрэнка, который оказался страстным коллекционером минералов. Вскоре, после долгой торговли с владельцем отель-

Д

чика, Фрэнк приобрел у него темный кристалл величиной с хороший кирпич, но значительно толще. Эту разновидность неправильно называют черным хрусталем, хотя на самом деле он играет оттенками дымчато-серого, словно персидская кошка. Позже, в ходе этой же поездки, я приобрел большой кристалл, показавшийся мне несравненно лучшим: он играл всеми оттенками лиловато-розового, словно хорошо разбавленное красное вино; он был похож на гигантский розовый лепесток и столь хорош, что не нуждался ни в какой шлифовке.

* * *

Расположившись в отельчике, мы пребывали в состоянии некой неуверенности. Прежде всего мы предались размышлениям, где основать базовый лагерь: ведь раз основал — так там и сиди; туда притаскивай всех пойманных животных, оттуда отправляйся на ловлю. Во-вторых, мы точно не знали, в каких участках леса отлов будет удачливее, — как бы нам пригодился совет неуловимого профессора Ролана Альбиньяка, советника заповедника «Человек и биосфера», который начинался сразу за городом. Ожидалось, что мы встретимся с профессором по дороге, а его советы были нужны срочно.

Общая концепция заповедника представляется очень интересной и крайне важной, тем более в условиях такой страны, как Мадагаскар, где почти не осталось лесов. Под заповедник отведена обширная по площади территория, разделенная концентрическими кольцами, подобно мишени лучника. «Яблочко» в центре — участок неприкосновенного леса, куда заказан вход даже ученым, разве что с очень важными целями. Разумеется, там не разрешены ни охота, ни рубка деревьев. Следующее кольцо также представляет собой девственный лес, но там разрешены под строгим надзором охота и рубка. Лес используется как и должно — разумно и щадяще, с выгодой для человека, но и с заботой о мириадах других форм жизни, населяющих его. Третья зона — внешняя окружность — предназначена для занятия земледелием, но под наблюдением, чтобы земля не истощалась, а продолжала кормить людей. Если эта необыкновенно тонкая концепция сработает, она реально поможет Мадагаскару. Для нас же весьма существенным было знать, где начинаются и где кончаются различные зоны, чтобы можно было начать охоту за неуловимым ай-ай. Следовательно, прежде чем определять место для лагеря, необходимо было разузнать координаты Альбиньяка.

Но самым скверным являлось то, что после чудовищной тряски по жуткой дороге мои бедра совсем отказались слушаться и я передвигался примерно как восьмидесятилетний старец, зачем-то решивший принять

участие в соревновании по бегу в мешках. Однако в самом беспомощном состоянии я оказался, когда настало время познакомиться со здешними удобствами во дворе. Двигаясь по дорожке из камня-ракушечника словно черепаха, неохотно пробудившаяся от спячки, я заперся в сооружении из кровельного железа, в котором на цементном полу отпечатались чьи-то следы, а дыра была размером с тоннель под Ла-Маншем. Хуже всего то, что, уже сидя на корточках, я обнаружил, что мне не на что опереться, чтобы разогнуться. К счастью, я смог докричаться до своей благоверной Ли, которая самоотверженно бросилась мне на выручку. Так потом и ходили в туалет вместе, и я представляю, как остальные постояльцы гадали, чем мы там занимаемся, — ведь, прямо скажем, не самое удачное место для блаженства лобзаний, безумных желаний.

Я поставил проблему перед Кью, который как раз договаривался с местным плотником об изготовлении ящиков, в которых мы надеялись поселить ай-ай, когда они наконец будут отловлены.

— А у тебя хороший плотник? — спросил я Кью.

— Отличный, если проследишь за ним, — ответил тот.

— Я имею в виду — у него не торчат гвозди? Насколько я знаю, плотники чаще всего этим грешат.

— Нет, он очень аккуратен. А что?

— Так вот. Как только он закончит изготовление ящиков, пусть соорудит то, что я в юные годы называл словом «громотрон».

— Громотрон? А это еще что за хреновина? — спросил Кью, ошарашенно глядя на меня.

— О... громотрон — это... прекрасная вещь! Это ящик с двумя стенками, без дна и с отверстием в крышке. Водружаешь над расщелиной или ямой в земле, садишься поудобнее — и делаешь свое дело с комфортом, с толком, с расстановкой... Как-то, будучи в Парагвае, я соорудил его из розового дерева, но здесь, боюсь, такой роскоши не будет.

— Ну, это для него пара пустяков. Однако почему ты называешь его гро... А! Все ясно! Только ставить надо над самой гулкой расщелиной.

— Ну и слава богу, что до тебя дошло, — строго сказал я. У меня не было ни малейшего желания разжевывать ему этимологию этого слова.

Громотрон был закончен в сжатые сроки. Он оказался сработанным на совесть, и благодаря ему странствия даже по самым глухим закоулкам природы стали легче.

* * *

На пути в Мананару мы, конечно же, останавливались в каждой сколько-нибудь прилично выглядящей деревушке, где сохранился хоть небольшой участок леса, и расспрашивали про ай-ай. Результаты разочаро-

Д

вывали. Многие обитатели никогда в глаза его не видели. Даже самый почтенный старец, которому явно перевалило за восемьдесят, упорно отрицал наличие столь опасного создания в здешних краях. В одной из деревень сознались, что лет десять назад имелся такой, который разорял их плантации и был за то убит. В общем, пусто, ни намека на изобилие ай-ай. Настроение у нас совсем упало.

В ожидании Ролана Альбиньяка, который помог бы развеять наши сомнения, мы решили исследовать местность — выбрать наиболее подходящий уголок для базового лагеря и порасспросить жителей о загадочном животном. Джон наудачу поехал на «Тойоте» в северном направлении, а Кью решил обследовать окрестности Мананары. Мы были в известной степени уверены, что Зверь с Магическим Пальцем существует в данном регионе, потому что некоторое время назад именно здесь было отловлено несколько особей для Венсенского зоопарка и Дьюкского университета с целью разведения в неволе. Самый маленький из пойманных ими ай-ай, которому дали странное имя Хэмпри, был вообще первым ай-ай, которого я когда-либо видел. Он и позвал нашу экспедицию в дорогу.

К нашей компании добавился стройный простоватый юноша по имени Жулиан — в прошлом он показал себя прекрасным ловцом ай-ай и отловил несколько экземпляров для зоопарков. Он был настолько бесшабашен, что лазил за ай-ай по деревьям и хватал их руками, не боясь огромных зубов, которыми те могли в два-три приема разгрызть кокосовый орех. Доказательством кусачести ай-ай служили впечатляющие царапины на руках Жулиана. Было решено, что вместе с Кью он выедет в ночную разведку в окрестности Мананары на поиски следов этого странного создания. Ли взялась исследовать окраины города, а мне пришлось остаться в отелчике: как ни хотелось поучаствовать в ночной охоте, но боли не отпускали.

В одной из своих прогулок по окрестностям Ли выведала, что через реку, протекавшую на самой окраине города, перекинут внушительный железный мост, а тамошняя дорога замощена щебнем и находится в прекрасном состоянии. Она тянулась на тридцать пять миль и непостижимым образом заканчивалась в деревушке под названием Сандракатси. Путем расспросов нам удалось выяснить, чем была вызвана постройка этого участка хорошей дороги в столь, казалось бы, глухом месте. Жена бывшего президента являлась уроженкой Сандракатси, и ее предки родились здесь и покойся здесь. Как все хорошие мальгаша, она должна была время от времени поклоняться могилам предков, но не таскаться же ей по разбитой дороге! Ее благоверный, как и подобает хорошим мужьям, проникся сочувствием к проблемам жены и повелел замостить дорогу. Разумеется, жена была обрадована, равно как и обитатели деревень, расположенных

вдоль этой дороги: теперь им стало куда проще добираться до Мананары и продавать там продукты. Двигаясь по этой дороге, Ли набрела на деревушку близ обширных песчаных пляжей реки Мананара. Лучшего места для базового лагеря не найти! Но прежде чем решиться, мы все-таки постановили дожидаться неуволимого Ролана.

Тем временем из разведки вернулся Джон. Он отыскал район, где, по словам местных жителей, водились ай-ай, а также подходящее место для лагеря. Но загвоздка была в том, что дорога туда была разбита как нигде и, что хуже всего, сгнили мосты. Если хотя бы один из них рухнет, то вся экспедиция (и, естественно, ай-ай, если мы добудем таковых) окажется в ловушке. Но даже если бы дорога оказалась проезжей, все равно без советов Ролана крылья у нас были подрезаны.

Кью неоднократно выходил на ночную охоту вместе с Жулианом, и всякий раз наши герои возвращались ни с чем. Но однажды утром, когда я сидел на веранде и завтракал, вошел сияющий Кью.

— Ты не поверишь, — сказал он, по-хозяйски развалившись в кресле.

— Во что? — спросил я.

— Ай-ай! Полно ай-ай! Так и скачут по деревьям! Это было... Нет, это неопишимо! Это... баснословно! Ну, словом, просто невероятно. Я хотел сказать... Они повсюду!

— Вот ты сперва отдышись, а потом говори. Медленно, четко, чтобы можно было понять, — сказал я, наливая ему кофе.

Кью проглотил бодрящую жидкость и поведал, как все было.

Около половины восьмого вечера он с Жулианом зашли в нетронутый участок леса. Вдруг они обнаружили, что окружены ай-ай. Они видели восемь-десять животных, и Кью подумал, уж не брачное ли у них торжество. Известно, что текущая самка привлекает сразу нескольких самцов. Он сказал, что было много грохочущих звуков, как будто самцы, отвергнутые самкой, прощались со всей компанией. Крики самцов напоминают продолжительное «а-а-а», почти как у кошачьего лемура; тогда как у самок пронзительный крик похож на «э-й-й-э». Было и немало звуков явно агрессивного характера: фырканье с шипением. Очевидно, это или предупредительный сигнал у самцов, или звук, сопровождающий их брачные драки. Он видел, как ловко, словно белки, зверьки взбираются вверх и соскакивают вниз по ползучим растениям; как они лижут только что распустившиеся цветы пальмы равенала — очевидно, в поисках нектара; как они жуют на деревьях что-то вроде чернильных орешков, а затем выплевывают — по-видимому, их интересуют не сами орешки, а таящиеся в них личинки или жуки. Кью рассказывал, как ловко они лезят по деревьям, слезают головой вниз, кормятся, свесившись на задних лапах с веток.

Д

Новости, что и говорить, замечательные. Итак, место выбрано верно, осталась только самая малость: поймать. Но легко сказать, а вот поди поймай! Мы умно сделали, что распространили по всем окрестным деревням новость, что ищем ай-ай: два дня назад из соседней деревни пришла тревожная весть.

Зверолов со стажем привык к тому, что сюрпризы могут поджидать его в любую минуту. Вот он отправляется в далекий и опасный путь за редкими животными, а когда наконец прибывает к месту назначения и всех расспрашивает, отовсюду слышит что-нибудь в таком роде: «Что ж вы не приехали на прошлой неделе, сейчас их и след простыл. Я вот видел двадцать, а Чарли... Чарли, сколько их тебе попало на глаза? Вот видите, сорок. Сами виноваты, что явились не в сезон. Где вы раньше были?» И понятно, что две-три недели подобных расспросов загонят в сумасшедший дом даже зверолова со стальными нервами. На нашу же долю выпало нечто похуже. В одной деревне сообщили, что выследили гнездо ай-ай. Туда мы и отправились. И что же? Прибыв на место, обнаружили, что это гнездо крысы, но жители уверяли, что видели там ай-ай и что десять дней назад одного поймали.

— И что с ним сделали? — с замиранием сердца спросили мы и услышали, что животное было убито за то, что поедало кокосовые орехи.

— А вы не слышали, что это животное охраняется? — спросили мы.

Местные жители смущенно переглянулись. Да, что-то такое слышали краем уха, но не верили этому, потому что в деревне в нескольких милях отсюда пойманного ай-ай просто-напросто съели. У нас замерло сердце. Мы знали, что во многих местах ай-ай подпадает под запрет — фади, и даже если его убивают, то не едят. Если же на вкус местных жителей ай-ай окажется еще и деликатесным блюдом, то вскоре он будет истреблен по всей округе. Позже мы узнали, что обе деревни находились в пределах заповедника «Человек и биосфера», что, конечно же, не добавило нам оптимизма.

* * *

В этот день хозяйка гостиницы отмечала день своего рождения и в честь этого вечером устроила для нас всех пирушку. Мы надели чистые рубашки и чистые шорты, а я написал ей поздравление на открытке с изображением ай-ай, задним числом подумав, стоило ли так поступать: вдруг она разделяла мнение местных жителей о злокозненности этого существа? Но, судя по всему, хозяйка наша была польщена. По случаю праздника она вырядилась щеголихой, а ее волосы цвета воронова крыла были причесаны всем на зависть. Да, был в ней некий необъяснимый изыск, окружающий иных женщин, словно аура.

Ужин удался на славу. Хотите верьте, хотите нет, но подали и шампанское. Редко кому посчастливится столь роскошно отужинать с таким прекрасным вином в подобной экстраординарной обстановке. Но и на этом сюрпризы не кончились — в конце вечеринки именинница объявила, что утром повезет нас на пикник на остров посреди протекавшей неподалеку реки. Мы знали, что неутомимый Ролан выпустил именно туда пойманного им ай-ай, и, по словам виновницы торжества, у нас были большие шансы увидеть его. Коль скоро мы все равно не могли приступить к решительным действиям до появления Ролана, идея пикника на острове посреди реки пришлась нам по душе, а если еще удастся хоть одним глазком взглянуть на ай-ай, будет совсем здорово.

На следующее утро мы отправились. Именинница выехала вперед в небольшом фургоне, набитом съестными припасами; ее сопровождал почти весь штат. Мы последовали за ней примерно часом позже. Река в месте переправы была очень узкой; вода цвета крепкого кофе лениво текла меж берегов. Мы переправились на остров на внушительной пироге, чьи мореходные качества оставляли, мягко говоря, желать лучшего. Когда высадились на остров, выяснилось, что он порядка тридцати пяти акров площади, окружен зарослями тростника и папируса; на острове росли малопригодные для ботанических садов кофейные и гвоздичные деревья, кокосовые пальмы и масса бананов. Повсюду бегали цыплята и хрюшки.

Под одной из кокосовых пальм приютилось несколько хижин. Поскольку мальгаши вообще низкорослые и строят соразмерно своему росту, в наших глазах эти жилища выглядели детскими шалашиками для игры. Возле хижин стояло несколько удобных мальгашских стульев с гнутыми спинками, сплетенных из тростника. Я нахожу их самыми удобными из такого рода мебели, но уж если комфортабельно устроился, не делай резких движений. Это все равно что сидеть в уэльской тростниковой лодке, когда от резкого или неосторожного жеста катишься вправо, влево или назад. Впрочем, мы подносили ко рту кушанья и напитки с величайшей осторожностью, так что сидеть на этих стульях нам показалось наслаждением.

Когда мы расселись поудобнее, виновница торжества властно, как некая азиатская Клеопатра, отдала распоряжения — и праздник начался. Подали цыпленка под острым соусом с помидорами, жареную рыбу с овощным гарниром и как коронное блюдо — изысканно приготовленный холодец из свиных ножек в огромных мисках. Едва мы успели воздать должное великому разнообразию яств, как со стороны реки жизнерадостной походкой явился Человек-невидимка — не кто иной, как Ролан собственной персоной, с сияющими голубыми глазами, с лицом и лысиной, румяными как яблочко, одетый в чистую рубаху и шорты.

Д

— Привет, Джерри, — радостно сказал он. — А вот и я. Как дела? Он протянул мне руку, а я, расцеловав его в обе щеки, подал ему выбитый мальгашский стул и налил вина.

— Так где тебя черт носил? — спросил я Ролана. — По слухам, тебя кидало по всему Мадагаскару от Нуси-Бе до Фо-Дофена.

— Так оно и было, — сказал он. — Я ведь теперь советник заповедников биосферы и ношусь то туда, то сюда, ни минуты покоя. Ужасно! Я совершенно измотан.

«Что-то верится с трудом, судя по твоей пышущей здоровьем физиономии», — подумал я, когда он наливал себе второй стакан.

— Ну, — спросил Ролан, — а как у вас дела?

— Да ничего, потихоньку, — ответил я. — На озере Алаотра добыли лемуров, а в Мурундаве — черепах и прыгающих крыс. Сейчас они в целости и сохранности в зоопарке Цимбазаза. Теперь бы нам еще достать этого треклятого ай-ай.

— Нет проблем, — молвил Ролан, допивая стакан.

У нас отлегло от сердца, когда мы услышали эту его любимую фразу. В нашей предыдущей поездке его «нет проблем» было ответом на самые, казалось бы, неразрешимые ситуации, из которых он неизменно находил выход. Это было его излюбленное выражение, так что мы прозвали его Профессор Нет Проблем; так я и назвал его, посвятив ему книгу, которую написал за ту поездку. Рядом с этой страстной натурой чувствуешь, что любое затруднение, разрешить которое под силу лишь Геркулесу, Ролан снимет одним мановением руки и возгласом: «Нет проблем!»

— Сейчас наша главная задача — найти, где основать базовый лагерь, — произнес я.

— Здесь, — отрезал Ролан.

— Как, прямо тут, на острове? — удивился я.

— Да нет же, нет, — нетерпеливо сказал Ролан. — Я имею в виду здесь, близ Мананары, и вы сможете охотиться у границ заповедника. Если не добьетесь успеха, я выпишу вам разрешение на ловлю в пределах внешнего кольца. Я знаю, что там водятся ай-ай и что люди убивают их, хоть и осведомлены, что этого делать нельзя.

— Они еще едят их, — угрюмо добавил я.

— Едят? — воскликнул Ролан, как громом пораженный. — Это ужасно. Когда люди убивают их за то, что те пожирают у них кокосовые орехи, это одно дело, но если ай-ай стали убивать ради еды, это чудовищно.

— Мы подумали, не основать ли лагерь в какой-нибудь деревне у той мощеной дороги, — сказал я. — Так, по крайней мере, легче будет ездить в город за провиантом.

— Прекрасно, — согласился Ролан. — Лучше не придумаешь.

— Да вот беда — у телевизионной группы слишком мало времени, — продолжал я. — Нам нужно добыть ай-ай, пока им не настало время ехать.

— Нет проблем, — мягко сказал Ролан. — У меня один уже есть.

— Как?! — вскрикнул я и неосторожно дернулся. Стул опрокинулся, увлекая меня за собой, и я оказался на земле вверх ногами.

— Джерри, будь поосторожнее и побереги бедра, — проговорил Ролан, помогая мне подняться. Он произнес это с еще большим придыханием, чем обычно.

— Так у тебя действительно есть ай-ай? — переспросил я. Я был так потрясен, что позабыл о боли в бедрах.

— Да, да, есть. Вы можете взять его для съемок, но потом попросу вернуть: я хочу выпустить его на остров к тому, которого уже там поселил.

Я передал новость телевизионщикам, и не нужно говорить, как это их обрадовало. Представьте, что было бы, если бы нам не удалось поймать ай-ай! Тащиться в такую даль и возвратиться ни с чем! Тут дело даже не столько в огромных деньгах, выброшенных на ветер. Как было бы досадно, если бы так и не удалось снять фильм об этом редчайшем и необычайшем существе на земле!

— Так поедem скорей! — выпалил я. — Так хочется на него посмотреть!

— Предупреждаю, он вовсе не ручной, — сказал Ролан. — Тот, прежний, был куда послушнее.

— Да хоть бы и людоед! Неважно, лишь бы снять фильм.

— Сказать по совести, я не запасаю страховым полисом на случай встречи с ай-ай-людоедом, — подумав, заявил Фрэнк.

— Так-то оно так, — возразил я. — Ну а у него, по-твоему, есть страховка на случай встречи с человеком?

— Я не трус, — сказал Фрэнк. — Просто я пообещал своей новой жене вернуться домой как огурчик. А если оно поотгрызает мне руки-ноги, что тогда?

— А ничего! Пусть поотгрызает тебе руки, ноги и... кое-что еще, но фильм должен быть! — изрек Боб Эванс, которого Фрэнк по одним только ему ведомым соображениям нарек Капитаном Бобом — видимо, чтобы польстить его проворной, энергичной натуре.

— Давайте не будем об интимной жизни Фрэнка. Лучше отправимся в город и посмотрим на зверя, — сказал я.

— А зверь попался крупный, — заметил Ролан.

— Вот и прекрасно, — продолжал я. — Значит, не ускользнет даже от такого оператора, что нам достался.

Д

Тим обиженно взглянул на меня.

— Бросьте трепаться! Болтушки! — сказала Ли. — В путь!

Мы забрались в пирогу и отправились на тот берег.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ВЕРИТИ ВЕЧЕРНИЙ

Недалеко от отельчика на главной улице расположилась дощатая постройка. В ней разместились контора заповедника «Человек и биосфера». Здесь, под крышей, в тени и прохладе, стояла коробка, откуда высывались усы. Там находилась самая крупная самка ай-ай, которую мне когда-либо доводилось видеть. Она смотрела на нас мягким любопытным взором, словно любимая хозяйская кошка, сидящая на подоконнике. Можно было подумать, что она и родилась в неволе.

— По-моему, она старая, — сказал Ролан. — Если не старая, то уж в зрелом возрасте точно.

— Ну, для фильма это не имеет значения, — заявил я. — Спасибо, Ролан, мы перед тобой в неоплатном долгу.

— Нет проблем, — ответил тот.

— Как мы назовем ее? — спросила Ли.

— Верити! — твердо сказал я.

— Почему Верити? — заинтересовался Джон.

— А почему бы нет? Старинное красивое викторианское имя. И потом, Фрэнк снискал себе славу своими «правдивыми фильмами».

— Хм, — пробурчал Фрэнк. — Надеюсь, вы не имеете в виду эпизод, когда я пытался усадить Джина Отри на лошадь?

— Ничего, пусть называется Верити, — настоял я.

Быть посему — и мы сохранили за животным новое имя, даже когда открыли, что это самец.

* * *

Теперь, когда у нас на вооружении был Профессор Нет Проблем, мы могли приступить к более активным действиям. Как и всегда на Мадагаскаре, первое, с чего мы начали, — нанесли визит президенту округа Мананара. Он оказался милым и спокойным малым, однако под маской собственного мальгашам добродушия с трудом скрывалось его отношение к

нам как к неисправимым чудакам, сбежавшим неизвестно из какого сумасшедшего дома. Но поскольку мы выглядели скорее блаженными, чем буйными, президент выразил свое восхищение тем, что мы будем работать на подвластной ему территории, и радушно приветствовал нас.

Оказав своим визитом честь главе местной администрации, мы двинулись по мощеной «дороге предков» и доехали до деревни Антанамбаобе, где Ли заметила место для базового лагеря. Понятно, вдоль дороги не осталось и намека на настоящий лес, зато можно было попытаться порадоваться плодам человеческой деятельности. Вот уголки буйной растительности, над которыми расprostерли свои всера пальмы равенала; вот небольшие поля риса в овражках, куда эрозией нанесло немного плодородной грязи; они были похожи на пятна изумрудно-зеленой акварели из детского набора красок. Деревенские дома утопали в ухоженных садах, где росли личи с ярко-оранжевыми плодами и гвоздичные деревья столь аккуратных удлинненных яйцеобразных форм, что их можно было принять за чудо искусства стрижки деревьев.

Продвигаясь вперед, мы вдыхали самые разнообразные ароматы листьев, на которых играло солнце, чудесный запах земли и прелой листвы, напоминавший запах сливового пирога. Но вот въехали в деревню — и были очарованы ароматами кофе, гвоздики, ванили, разложенных для просушки на тростниковых подстилках. Высыхая на солнце, они наполняли воздух волшебными благовониями.

Антанамбаобе оказалась большой деревней в несколько тысяч душ; а с первого взгляда не подумаешь — домики так разбросаны среди кокосовых и гвоздичных плантаций, что, если бы не череда домов вдоль дороги, можно и не узнать о таком скоплении населения. Здесь мы встретились с уполномоченным провинции. Назначенные правительством чиновники, зачастую не из числа исконных жителей, обычно (как мы скоро в этом убедились) находятся в натянутых отношениях с местным населением. А как же иначе: назначенные правительством, да к тому же не местные, — целых два черных клейма!

«Уполномоченного» звали Жером. Его улыбка заставляла непроизвольно хвататься за карман, чтобы убедиться, цел ли бумажник. Очевидно, Жером был польщен, что мы выбрали для своей работы подвластную ему деревню, а на наши перегруженные машины он смотрел восторженно, даже с восхищением.

Он широко улыбнулся, обнажив множество разрушенных, как у большинства мальгашей, зубов. Любой дантист, который заглянет в этот благословенный уголок, или навсегда потеряет покой и сон, потому что столько гниющих клыков он не увидит даже в самом страшном кошмаре, или же

Д решит обосноваться здесь и сколотить состояние. По сравнению с крепкими белыми зубами африканцев, блестящими, как надгробия из итальянского мрамора, во рту у мальгашей обычно сталактиты и сталагмиты всех оттенков черного, желтого и зеленого, способные вызвать шок. Впрочем, у Жерома среди останков выкрошившихся передних зубов, словно солнце меж несущихся по небу грозовых облачков, сиял аккуратно вставленный золотой зуб. Правда, автор сего блестящего украшения был или дилетант, или так волновался за порученное ему ответственное дело, что в итоге коронка зуба оказалась ненавязчиво нависающей над нижней губой Жерома.

Хотя в лицо мы называли его «месье Жером» (похоже, его самого удивляла такая почтительность), за глаза он именовался не иначе как Гнилозубом. Мы сказали ему, что не собираемся вмешиваться в жизнь деревни — просто разобьем лагерь на песчаном пляже вниз по реке, а все, что нам надо, — немного тени для себя и тех живых существ, что мы надеялись отловить. Ну а все необходимое для самообеспечения у нас есть. Расставшись с месье Жеромом, наша команда отправилась осматривать окрестности.

Тут произошло радостное событие: пока мы обсуждали все «за» и «против», из кустов выползла большая блестящая змея и медленно и соблазнительно, точно танцовщица с острова Бали, проскользила как раз через тот участок, где мы собирались стать лагерем. Кью поймал ее, и мы ощутили в своих ладонях тепло длинного, мягкого как шелк тела зеленой и коричневой с золотым отливом раскраски, текшего меж пальцев, словно вода. Мы отпустили ее, пожелав всего самого доброго. Не будучи людьми суеверными, мы все же восприняли это как доброе предзнаменование.

Местность и в самом деле радовала глаз. Широкая река медленно несла свои бурые воды среди скал и песчаных дюн. С первого взгляда могло показаться, что на противоположном берегу сохранился девственный лес, но это впечатление создавали лишь несколько каким-то чудом уцелевших больших старых деревьев. Вокруг их массивных стволов бурно расцвела молодая поросль футов двадцать высотой, а из нее выстреливали группы кокосовых пальм и неизменных пальм равенала.

Мы осторожно ступили на песок и расчертили площадку под будущий лагерь. Вот здесь у нас будет столовая-гостиная, а вот тут построим помещение для животных... Тем временем Гнилозуба окружила толпа сельчан. Все лезли с советами, как делать то, как делать это. И бедняга окончательно вышел из себя — ведь если все будут приставать с советами, того и гляди забудут, кто здесь начальник. По мере того как он выходил из терпения, все ярче сиял на солнце его золотой зуб, словно кинжал. Еще бы, ведь событие могло оказаться судьбоносным в жизни деревни! Когда еще такое случится, чтобы в деревне Антанамбаобе остановилось сразу девять

вазаха, да еще на четырех машинах, напичканных несметными сокровищами! Тем более все знают, какие простачки эти вазаха, — стоит их хорошенько потрясти, как денежки посыплются, будто листья с дерева! Тут местные жители хором принялись заверять нас, что бамбук для опор и пальмовые листья для крыш будут заготовлены уже к утру, а постройка начнется сию же минуту. Я сказал, что надо бы понаблюдать за началом работы и убедиться, что вместо заказанного прямоугольного сооружения нам с энтузиазмом не построят треугольного. Такое случается не только в тропиках, но и в матушке-Европе: я сам убедился в этом. У меня были друзья, которые строили дом в Греции и все доверили вкусу и опыту строителя. Когда же вернулись, то с ужасом обнаружили, что фасад выходит не туда, куда они заказывали. Строитель пытался оправдываться тем, что зимой в этом направлении дуют ветры, но мои друзья-то не собирались жить там зимой; тогда строитель упал духом и разразился слезами, и моим друзьям стоило немалых усилий его утешить. Наученный горьким опытом, я не хотел повторения того же в Антанамбаобе.

Я также расспросил о местных перемещениях стад зебу, потому что выйти рано поутру из палатки и увязнуть в коровьей лепешке никак не входило в мои планы. Разузнав обо всем, мы решили отправиться в путь, предварительно повторив все наши инструкции от начала до конца. Жером слушал с большим вниманием, кивал в знак согласия и в то же время самозабвенно ковырял в носу — вероятно, чтобы внимательнее слушать. Наконец нам настало время двигаться, и он соизволил прекратить развернутые археологические изыскания у себя в носу и вынуть оттуда палец. Пожелав с сияющей улыбкой доброго пути, он пожал всем руки. Я заметил, что был не единственным членом экспедиции, кто после такого прощания тщательно вытер руки о штаны.

* * *

Когда мы выехали, небо было еще чистым — бледным, мягко-голубого цвета. Но неожиданно налетели полчища грозных темно-серых туч, похожих на кочаны цветной капусты. Они заслонили солнце, словно задули свечу; их набухшие сосцы готовы были пролиться дождем. Тот, кто не был в тропиках, не может и вообразить ту внезапность и ярость, с которой обрушивается на путника тропический ливень. Когда мы добрались до отельчика, из-за грохота ливня по крыше и по кронам пальм было невозможно разговаривать. Я видел, как от дождя укрылась под листом красивая, алая с черным, бабочка; когда же ливень достиг такой силы, что лист начал сгибаться и качаться, она сделала неразумную попытку вылететь и поискать более надежное убежище и тут же была прибита струями ливня к земле.

Д

Прежде чем я смог спасти ее, капли дождя вмазали ее в почву. Когда такие капли бьют по голове и лицу, это довольно ощутимо. Шум воды, стекающей с пальмовых листьев, напоминал шум гигантского водопада. Дорога в считанные секунды превратилась в полосу жидкой грязи, изменив окраску с цвета розовой карамели на почти алый; с крыши из рифленого железа сыпались капли размером с алмазы в двадцать девять карат, но гораздо красивее. Температура упала до десяти градусов Цельсия. Вдруг неожиданно облака милостиво очистили небо, солнце застенчиво выглянуло, и от каждого предмета повалил пар, как из чайника.

Этим вечером Ли накормила Верити согласно разработанной нами необычной диете. Во-первых, в меню были включены личинки жуков длиной в три дюйма и весом почти в унцию каждая. Они были чем-то похожи на дородных пожилых леди в ночных халатах из бледного шелка и, вероятно, могли бы превратиться в больших жуков, подобных тем, что нам доводилось видеть, — каждый размером со спичечный коробок, с коричневым и черным отливом, будто отлакированный, и с огромным, как у носорога, рогом на голове. Впрочем, Верити оказался начисто лишенным воображения и набросился на угощение с таким энтузиазмом, с каким ребенок накидывается на стаканчик мороженого. Излюбленным блюдом Верити были также хлебные шарики, намазанные сырым яйцом и медом. Кроме того, чтобы у него не слишком-то росли зубы, мы давали ему палки сахарного тростника, а иногда и кокос. Словом, на этой диете наш питомец жил как у Христа за пазухой и в несколько дней приучился брать пищу из рук Ли.

* * *

Когда мы вернулись с места будущего лагеря, Жулиан сказал, что хочет выйти на ночную охоту, чтобы своими глазами убедиться, стоит ли возлагать такие надежды на район вокруг Антанамбаобе. Мы отпустили его, уповав, что поутру он расскажет о самом крупном из известных науке скоплений ай-ай как раз в том месте, где мы заложили лагерь; правда, были некоторые сомнения. Штука в том, что ай-ай как цыгане: нынче здесь, а завтра там. Найдут подходящую ферму, устроят набег и, насытившись, соорудят гнездо для сна. Гнезда же представляют собой объемистые сооружения из листьев и ползучих растений с мягкой подстилкой внутри. В таких «коттеджах» они днем спят, а ночью, словно пираты, отправляются на поиски другой фермы для разграбления. Таким образом, добыть ай-ай можно, только застигнув его в гнезде в дневное время. На нашу беду, сходные по внешнему виду и размерам гнезда строили местные крысы, и определить, кому принадлежит гнездо, можно было, слазив на самую верхотуру. Но взбираться на высоту пятидесяти-шестидесяти футов (дело

само по себе рискованное) только ради того, чтобы убедиться, что гнездо принадлежит крысе, — занятие крайне раздражающее, не говоря уже о том, что и бесполезная трата времени. Судя по всему (хотя мы и не были совершенно уверены), ай-ай строили себе гнезда, спали там, а на следующий день строили гнездо на новом месте. Следовательно, даже если ты с таким трудом и добирался до гнезда, всегда был риск обнаружить его пустым. Еще одним удручающим фактором служило то, что приехали мы, как полагали, в разгар сезона размножения, но поскольку знания наши об ай-ай были скудны, нам было неизвестно, остается ли самка в том же гнезде после рождения детеныша, пока он не станет достаточно большим, чтобы следовать за нею, или же продолжает прежний кочевой образ жизни, строя каждый день новое гнездо и таская за собой беспомощного несмышленища.

Приходилось жалеть о том, что мы так мало знаем об этом невероятном животном. (А впрочем, много ли мы знаем о большинстве других божьих созданий?!) И все же у нас появилась надежда. Пару лет назад удалось поймать несколько особей ай-ай (считавшихся тогда вообще последними) и перевезти их на остров Нуси-Мангабе, где был устроен заповедник. Там для этих животных оказался рай земной, и туда прибыла доблестная леди по имени Элеонора Стирлинг. Она уже два года изучает живущих на этом острове ай-ай, и, когда наконец опубликует свою докторскую диссертацию, посвященную этим животным, мы надеемся, что большинство их секретов перестанут быть секретами.

На следующее утро возвратился беззаботный Жулиан и с радостной улыбкой сообщил, что его миссия кончилась ничем. Хотя новость не явилась неожиданной, она все-таки покорила нас, и члены экспедиции в угрюмом настроении отправились посмотреть, как идут дела на стройплощадке. Впрочем, то, что мы там увидели, несколько придало нам бодрости. Работы на всех заказанных объектах шли полным ходом — чудо, какое вряд ли еще где увидишь. Гигантские стволы бамбука, каждый с блюдечко в диаметре, зеленые и желтые, как старая слоновая кость, с черными штрихами, будто нанесенными кистью, срезались на противоположном берегу реки и сплавлялись к месту стройки. В связках они выглядели как огромные леденцы. Что и говорить, бамбук вообще одно из самых удивительных и полезных творений природы. Срежьте одно только звено, примерно в три фута длиной, удалите один конец — и вот вам прочный и изящный сосуд: хотите — называйте кувшином, хотите — вазой. Разрежьте звено пополам и удалите лишнее — и вот вам две отличные чаши; разрежьте в длину — вот вам большая пепельница, а если угодно, карандашница, закладочница или что хотите.

Мы осмотрели место, где сооружались кухня и жилые помещения. Ра-

Д

боты здесь начались в первую очередь, и мы пленились этим зрелищем. Сначала лопатами выкапывались ямы для установки столбов. Вообще же лопата была единственным применявшимся на этой стройке инструментом, если не считать мачете. Этот последний — родня абордажной сабли, паранга, кри и ятагана, а также старший брат опасной бритвы — в руках умелого воина или работника становится едва ли не частью его тела, продолжением его руки. Он может легко отрубить человеческую руку или расколоть надвое череп, а может и разрезать надвое травинку.

Скорость и аккуратность, с которой местные жители работали этими смертоносными орудиями, казалась невероятной. Следующим за рытьем ям шагом являлась установка опорных столбов из бамбука, которые сначала очищались от листьев и мелких веток. А вот за этим процессом нужен был глаз да глаз: мы опасались, что малорослые мальгаши построят такой дом, в котором поместятся разве что семь Белоснежкиных гномов, — ходить, постоянно стучаясь головой о потолок, как в елизаветинском коттедже, нам совсем не хотелось. Определив высоту конструкции, верхний конец бамбука расщепляли надвое, в виде римской цифры пять, устанавливали в яму и засыпали, а землю хорошенько утрамбовывали. Между тем другие рабочие тщательно сдирали прочную кору с гигантского бамбука — из нее делалась надежная веревка для связывания потолочных балок. Как только балки водрузили, началась заготовка пальмовых листьев для крыши. Пальмовый лист надрезался вдоль, чтобы его можно было сложить, как палатку. Потом укладывали поверх балок и закрепляли на месте.

К обеду была готова базовая структура и половина крыши. Скорость работы представлялась немыслимой. Когда мы вернулись с обеда, конструкция была готова полностью. Ко времени же чаепития были установлены и палатки. Мы разместили свою под хлебным деревом, телевизионщики же поставили свои роскошные зеленые палатки в ряд, как в военном лагере, а Фрэнк воздвиг свой расписанный оранжевыми и белыми полосами шатер прямо на песчаном берегу. Это совершенно испортило вид из нашей палатки, но кто мы такие, чтобы спорить с директором? Теперь осталась самая малость — «кабинеты задумчивости», мусорная яма и прочие подобные мелочи. Мы выгрузили наше разномастное оборудование и покидали в только что возведенный дом для сортировки. Что же касается обитателей самой деревни, то настроение у них было такое, будто к ним приехал цирк.

* * *

Пока в лихорадочном темпе велись работы, на холме чуть выше лагеря, где строился домик для животных, собралась, кажется, вся детвора Антанамбаобе. Осмелев, они спустились и обступили нас плотным кольцом

человек в двенадцать толщиной. Здешние дети, правда, спокойны и послушны, но по мере того как распространялась весть о нашем появлении, детей сбегалось все больше и больше и кольцо становилось все теснее и теснее. Даже при самом отличном их поведении нам становилось все труднее сортировать поклажу и обустриваться. Кроме того, из-за присутствия такой массы человеческих тел температура поднялась на целых пять градусов.

Детей, конечно, можно было понять — в их глазах мы были чем-то совершенно не от мира сего. Даже пришельцы с летающей тарелки и те, наверное, не произвели бы такого впечатления. Мы были одновременно цирком Барнума и Бейли, выступлением лорд-мэра, сменой караула у королевского дворца и фестивалем диснеевских фильмов, вместе взятыми. Было интересно вглядываться в их изумленные лица, пытливые глаза, следившие за нами с жадностью телемана, которого часами не оттащишь от голубого экрана. Наше непостижимое оборудование было в их глазах примерно тем же, чем для нашего брата является оснащение агента-007. Только когда мы начали доставать понятные для них вещи — одежду, ламба, банки сардин и тушенку, блестящие золотистые бутылки растительного масла, рис и печенье, по их рядам пронесся шепот: мол, эти вещи нам знакомы. Дети следили за каждым нашим движением, точно детективы из Скотланд-Ярда. От их сияющих глаз, похожих на тутовые ягоды, не ускользнуло ничто — и все это, конечно же, будет рассказано родителям сегодня же вечером. В свою очередь, я сам наблюдал за детьми, порой невзначай наступая им на ноги.

— По правде, я не хотел бы лишать этих детишек удовольствия, — сказал я Ли. — Это явно самое большое событие в их коротких жизнях. Но лучше будет, если они отойдут на несколько шагов, а то мы тут задохнемся. А еще лучше будет, если они сейчас отправятся по домам, а придет завтра. Надо, чтобы кто-нибудь сказал им, что мы пробудем здесь несколько недель и не испаримся к ночи. Ты можешь пойти к месье Жерому и посоветоваться с ним, что делать? Дай ему понять, что мы *любим* детей, но всему же есть предел.

...Мы сидели за чаепитием — с плохо скрываемым отвращением пили пахнущий дымом очень горький чай, чуть подслащенный стученкой, когда вернулась радостная Ли.

— Ну как? — спросил я. — Повидала месье Жерома?

— Да, — сказала Ли. — И он нас понял. Он посоветовал учредить часы посещений.

— Что? — недоверчиво спросил Джон.

— Часы посещений.

— Это что, как в зоопарке? — полюбопытствовал я.

— Что-то вроде этого, — хмыкнула Ли.

Д — Ну вот, круг и замкнулся, — с облегчением сказал Фрэнк. — О чем бы ни зашел разговор — мы все сведем к теме зоопарка.

— Я все-таки не совсем понимаю, — молвил я.

— А чего тут понимать? Мы отведем несколько часов, чтобы они могли прийти и поглазеть на нас, — объяснила Ли. — Я предложила: с половины одиннадцатого до половины двенадцатого. У нас как раз в это время завтрак, и думаю, в это время они не будут нам так досаждать.

— А он что ответил?

— Он сказал, что дети в это время в школе. Договорились — с четырех до половины шестого, — сказала Ли. — Так, по-моему, будет лучше всего.

— Значит, устроим им что-то вроде утренника? — спросил Капитан Боб с тоской во взоре. — Помню, я так любил выступать на утренниках в юные годы!

— И что, по-вашему, нужно для них делать? — поинтересовался я.

— А зачем для них еще что-то делать? — сказала Ли. — Будем вести себя естественно, и все.

— Ну нельзя же ничего не делать на глазах у аудитории в восемьсот человек! — запротестовал я. — Что-то нам надо все-таки делать!

— Согласен, — сказал Микки, чьи рыжие волосы встопорчились во все стороны, а усы яростно ошетинились. — Что-то надо делать. Я могу спеть для них несколько старых песен. «Три поросенка» — пойдет?

— А я могу аккомпанировать на гребенке с папиросной бумагой, только вот гребенку еще надо найти, — подхватил Тим.

— Я могу представить сцену с кинжалом из «Макбета», — сказал я. — Из меня получится милый страшный Макбет.

— Тебе не надо быть Макбетом, чтобы быть страшным, — заметил Фрэнк.

— Ли может спеть что-нибудь по-французски, — продолжал я, сделав вид, что пропустил его замечание мимо ушей. — У нее такой приятный голос!

— А я на что? — вмешался Джон. — Я тоже умею петь.

— Нет уж, извини, — решительно возразил я. — Я знаю тебя тридцать лет и слышал, как ты поешь. Ни слов не помнишь, ни мелодии не выдержишь. Нет, петь ты не умеешь.

— Правда? — заинтересованно спросил Грэм. — Я тоже не умею. Попробуем дуэтом?

— Не дай бог! Они от вашего пения как мухи передохнут. Помнишь, Джон, как называли тебя детишки в Сьерра-Леоне? «Белый человек, у которого болит живот».

Увы, все наши споры оказались напрасны. Мы честно ждали гостей к четырем часам, но никто не пришел. Позже выяснилось, что родители устроили детям такую головомойку, что напутали их до смерти. Более того, когда мы подошли к месту, где стояли наши машины, то увидели пригвожденный к столбу щит с надписью большими неровными буквами на мальгашском языке. Надпись гласила:

«ВАЗАХА — НАШИ ПОЧЕТНЫЕ ГОСТИ.
НЕ БЕСПОКОЙТЕ ИХ. ПРИХОДИТЕ СМОТРЕТЬ НА НИХ ПО ВЕЧЕРАМ
ПО НЕСКОЛЬКУ ЧЕЛОВЕК».

Было ясно, что местные жители готовы уважать наше право на личную жизнь. А что касается актерских амбиций, то я не вижу ничего страшного в том, что наши таланты оказались невостребованными.

Несмотря на это, около лагеря было довольно оживленно, потому что он лежал между двух тропок, что вели от деревни к реке. Одна тропинка шла туда, где стояла большая, но малоустойчивая пирога для переправы людей с их товарами и пожитками через воды шоколадного цвета. По другой, петляющей тропке дважды в день совершали паломничество к реке женщины — за водой и для мытья посуды. К несчастью, из-за своих болячек я принужден был большую часть времени проводить в лагере, но зато эти две тропки исправно поставляли мне «антропологический» материал, за которым я наблюдал с удовольствием и интересом.

Любопытной фигурой являлся, например, худощавый молодой человек, который жил где-то на противоположном берегу. Он имел красивого откормленного зебу цвета орехового дерева. Большое богатство для такого молодого человека и, без сомнения, гордость семьи. Дважды в день он приходил купать животное, а заодно и потрепаться с паромщиком. Если паромщик был на нашем берегу, парень отвязывал свою пирогу, переплывал на нашу сторону и накрепко привязывал пирогу к мощному корню. Вслед за ним, по шею в воде, переправлялось и животное. Здесь хозяин тщательно очищал его пучком травы или плоским камнем, что явно доставляло быку наслаждение. Убедившись, что каждый квадратный дюйм кожи питомца очищен от блох, клещей, пиявок, перхоти и прочей нечисти, парень слушал рассказ паромщика о последних новостях из лагеря этих сумасшедших вазаха. Нынешней ночью мы опробовали генератор и залили лагерь непривычным для местных жителей светом; пытаясь на следующий день разъяснить происшедшее скептически настроенному владельцу зебу, паромщик так отчаянно жестикулировал, что опрокинул пирогу и, взметнув фонтан брызг, оказался в воде. К моей радости, находившееся в воде животное встретило нового купальщика благосклонно.

Д

Случалось, хозяин зебу так заслушивался рассказами паромщика, что совершенно забывал о своем подопечном. Пока он жадно расспрашивал паромщика, зебу становилось скучно. Сверкая лоснящимися боками на солнце, животное выходило из воды и слонялось по берегу. Однажды оно исчезло за деревьями, и через минуту оттуда раздался страшный крик: это кричал крестьянин, в чьи посевы забрался бык. Владелец зебу тотчас же побежал туда, схватил своего питомца и, обменявшись со взбешенным крестьянином полным перечнем непечатных выражений, помчался назад к другу-паромщику — восхитительному мастеру сказок...

По другой тропке к реке спускались женщины — яркие, как попугаи, в своих веселых ламба, с целыми столбами посуды на головах. У некоторых были кастрюли из жести с почти стершейся эмалью, у других — посуда из пластмассы с такими ободранными стенками, будто по ним водили шкуркой. Чтобы понять, чем вызвана такая изношенность, нужно посмотреть на метод чистки, которому, впрочем, не откажешь в оригинальности. Посудину погружают в реку и насыпают в нее порядочную горсть песка, после чего девушка ставит в нее ногу, удерживая посудину, чтобы ее не унесло течением. Второй ступней девушка поворачивает посудину вокруг своей оси, между тем как пальцы первой ступни растирают по внутренней поверхности посуды песок, очищая ее. Результат известен, зато руки остаются свободными. Хочешь — жестикулируй, хочешь — держи необыкновенной длины палку сахарного тростника; девушки расправляются с ними с такой ловкостью, какой позавидует любой ай-ай. Каждый раз, когда юные особы дефилировали в ту или другую сторону, они бросали нам скромный взгляд из-под пизанской башни горшков, стоящих у них на голове, и приветствовали нас мягкими и нежными, как у воркующих голубей, голосами. Они были восхитительны, и я до смерти жалел, что не знаю мальгашского, — как бы хотелось спуститься вниз к реке да поболтать с ними, пока они чистят кастрюли пальчиками ног, с мягким шипящим звуком, как будто едет лилипутский паровозик, — прямо скажем, приятнее на слух, чем посудомоечная машина.

Был еще один человек, чье поведение озадачивало нас. Мы долго спорили, что все это могло бы значить, но стеснялись спросить у него. Он переправлялся через реку на пироге, а затем шел через песчаные дюны к тропке, по которой девушки спускались мыть посуду. Миниатюрный и стройный, он одевался в шорты и чистую рубаху, а на голове его красовалась традиционная для мальгашей соломенная шляпа. Через плечо у него всегда была перекинута палка, с конца которой свисала небольшая сумка из соломы — по всей видимости, его завтрак. Всякий раз, когда этот мальгаш проходил мимо наших палаток, он останавливался, снимал шляпу,

склонял голову (в этом своем поклоне он напоминал эмбрион в утробе матери) и, лопоча что-то в знак приветствия, ждал, чтобы мы ответили тем же. Когда церемония заканчивалась, он надевал шляпу и шел к домику для животных. (Чем он там занимался, я заметил только после того, как он проделал это несколько раз.) Поприветствовав снятием шляпы нас, он еще раз снимал ее, проходя мимо домика для ай-ай, единственным обитателем которого пока был Верити. Может, он считал животное зловещим и молил не насылать на него горестей и бед? Этого мы никогда не узнаем, но факт тот, что он снимал шляпу и перед нами, и перед нашим пленником.

Еще одним колоритным персонажем была девушка с ведром. Полненькая и в то же время грациозная, с широкой яркой улыбкой и соблазнительными глазами с поволокой, она дважды в день приходила за водой с огромным желтым пластмассовым ведром. Мы слышали, как она, приближаясь, что-то напевала милым и щебечущим, как у черного дрозда, голосом. Наконец она показывалась с надетым на голову, словно шляпа, ведром. Ведро было столь огромно, что полностью накрывало ей голову, и видеть из-под него она могла разве что свои ступни; но тем не менее девушка грациозно, словно серна, ступала по тропинке со всеми ее камнями и корягами. Естественно, ведро служило отличным резонатором, так что ее пение отзывалось всюду звонким эхом. Возвращаясь назад с полным ведром на голове, она посылала нам ослепительную улыбку, желала всего самого доброго и продолжала свой путь по взбирающейся на холм тропинке, по-прежнему оглашая округу счастливой песней. Мы всегда с нетерпением ждали ее серенад и цирковых трюков с ведром и каждый раз жалели, что все это длится так недолго.

* * *

К этому времени Верити стал совсем ручным, и каждый вечер Ли ходила кормить его с рук. Вообще-то в кормлении с рук не было строгой необходимости, но оно дает представление о том, сколько пищи требуется животному. Если животному просто оставить пищу, оно часто разгрызает ее, не съедая, и разбрасывает по всей клетке, так что, когда утром приходишь убирать, трудно понять, сколько же пищи было съедено фактически. Верити с удовольствием поедал хлебные шарики с медом и сырым яйцом, каждый размером с мячик для пинг-понга. Потом настаивал черед его любимых жирных личинок жуков, которые он поглощал с великим наслаждением. Поскольку мощные зубы ай-ай постоянно растут, ему нужно грызть что-нибудь твердое, иначе зубы грозят превратиться в клыки. Ну а уж грызть-то было что: тут и подгнившие палки, и кокосовые орехи в кожуре, и сахарный тростник. Тростник, равно как и личинок жуков, ис-

Д

правно поставлял Марк — маленький коренастый бодрый мальгаш, который был у нас на стройке за прораба. Он был глубоко предан Ли, но досаждал ей тем, что упорно называл ее Мама.

Забавно было наблюдать, как по-разному Верити обходился с различными блюдами. Мягкие шарики с медом он подносил ко рту средним пальцем, точно вилкой. Так же он поступал и с жирными личинками жуков, но начинал с того, что отгрызал им головы, отчего те судорожно корчились и сплющивались, как проколотые воздушные шарики, а потом с наслаждением принимался за остатки. Палки сахарного тростника он раскусывал своими огромными зубами, сдирая внешнюю грубую кору и добираясь до сладкой сочной мякоти. Сахарный тростник, по которому прогулялись зубы ай-ай, выглядел как некий древний музыкальный инструмент, вроде архаической флейты.

С кокосовым орехом (часто величиной почти с самого ай-ай) дело обстояло посложнее. Сначала ай-ай должен был срезать толстую блестящую зеленую кожу — понятно, здесь не обходилось без мощных зубов, похожих на резцы. Когда он решал, что путь к ядру открыт, то принимался за ядро. Работая зубами как циркулярной пилой, ай-ай прогрызал в ядре дыру диаметром два с половиной дюйма. Речь идет, конечно же, о молодых орехах, в которых еще есть кокосовое молоко, — Верити снова пользовался средним пальцем, с необыкновенной ловкостью и проворством окуная его в жидкость и поднося ко рту. На этой стадии развития мякоть кокоса не застывает, как в тех орехах, что мы получаем в Европе. Она скорее напоминает полупрозрачное беловатое желе с едва сладковатым вкусом и запахом кокоса. Добравшись до этого лакомства, Верити вновь орудовал средним пальцем, доставая желе с поразительной скоростью. Добыв все, что мог, он делал паузу, затем расширял отверстие и снова пускал в дело свой магический палец. Палец-то на самом деле не намного длиннее, чем остальные, но кажется таковым, потому что тоньше и костистее.

Когда животному дают подгнившую палку, оно тщательно прислушивается к ней, стараясь поймать малейший шорох скрывающейся там жирной личинки, прогрызающей дерево изнутри. Затем зверек разгрызает палку зубами, стараясь добраться до проделанного личинкой хода, втыкает туда свой палец с точностью хирурга, запускающего зонд во внутреннюю полость больного, накалывает ногтем личинку и извлекает из укрытия. На Мадагаскаре, как это ни странно, нет дятлов, и существует предположение, что ай-ай играют их роль в экологическом балансе леса.

Единственным звуком, который издавал наш пленник, если кто-то его неожиданно тревожил, было громкое сопение. Кью блестяще описал этот звук — точно кому-то приспичило очень сильно чихнуть, но чих пришлось

заглушить. Однажды ночью Микки услышал, что Верити орет, как мартовский кот, и, преисполненный чувства долга, достал звукозаписывающее оборудование, пробрался к домику ай-ай и записал его голос, не обращая внимания на полчища голодных комаров. Наблюдая за Верити, а позже и за другими ему подобными, я пришел к выводу, что ай-ай — стойкие животные, как и подобает немногим уцелевшим, и что они гораздо умнее, чем всякие там лемуры, с которыми мне приходилось иметь дело.

* * *

Заселение лагеря оказалось столь же хлопотным делом, как и переезд в новый дом. То один, то другой член экспедиции отчаянно выкрикивал: где отвертка?! где сардинки?! где компас?! где пиво?! И неизменно на каждый вопрос мягким голосом отвечал Грэм. Он отыскивал все, где бы то ни лежало, каким-то шестым чувством, подобным научно не объясненному феномену лозоходца, отыскивающего с помощью волшебного прута подземную воду. Можно было подумать, что у него в голове, как в компьютере, запечатлелась карта размещения наших пожитков. Однажды я спросил между делом, куда могла деваться Ли. Не отрывая глаз от книги, которую он читал, Грэм быстро доложил мне, что она делала с самого утра, и закончил сообщением о том, что Ли только что ненадолго отправилась в деревню, по всей видимости за сахарным тростником. Грэм был нашим Шерлоком Холмсом, и без него мы были бы дезориентированы, как собака Павлова без звонка.

Между тем охотничий сезон продолжался. Джон, Кью и Жулиан выходили на ловлю каждую ночь и всякий раз возвращались с пустыми руками. Однажды они выследили-таки ай-ай, и Жулиан, с необыкновенной ловкостью и скоростью взобравшись на дерево, схватил животное за хвост. Неудивительно, что ай-ай, оскорбленный таким непочтением, обернулся и впился своими невероятными зубами Жулиану в руку. К счастью, бедняга отпустил ай-ай прежде, чем тот откусил ее совсем, но следы зубов остались навсегда. И долго еще после этого в лагере раздавались крики: «Грэм, где пластырь?», «Грэм, где тубик с обеззараживающей мазью?» Своим мягким голосом Грэм руководил нашими действиями по спасению незадачливого охотника, как заправский хирург с Харли-стрит.

* * *

Жизнь в лагере входила в свою обычную колею. Марк ежедневно приносил для ай-ай кокосовые орехи и сахарный тростник. Приходили и дети, принося личинки жуков, хотя по-прежнему тарасили на нас испуганные глазенки. Мы наняли двух полногрудых деревенских девиц таскать воду,

Д мыть посуду и стирать нашу одежду, но как-то так получилось, что готовить себе решили сами. Мы открыли, что Капитан Боб блестяще варит рис, просто пальчики оближешь; за это он получил еще один титул — Рисовый Король. Мы также посылали нашего продюсера в Мананару за покупками, поскольку обнаружили, что в нем развит необыкновенный инстинкт выискивать, как по мановению волшебной палочки, в этом «однолошадном» городе самые экстраординарные продукты в самых крошечных магазинчиках. Мы изощрялись, составляя список покупок, и каждый раз поражались, когда ему удавалось все достать. Однажды Фрэнк и я решили сыграть с Бобом шутку: вписать в список черную икру и перепелиные яйца и посмотреть, что будет. Правда, потом мы все же отказались от этой затеи — вероятно, из-за смутного страха, что он таки принесет. В нашей команде высказывалось предположение, что под именем Капитана Боба скрывался не кто иной, как мистер Фортнум Мейсон, но от этой идеи Капитан Боб категорически открещивался.

Что касается Тима, то, прежде чем взяться за свое исконное ремесло кинооператора, он решил стать у нас шеф-поваром и снимать пробы с приготавливаемых блюд. В какой-то злосчастный момент он объявил себя главным спецом по десертным блюдам. Тут же со всех сторон раздались требования экзотических десертов — от паточного торта до булок с начинкой. Тим же, как умелый матадор, ловко увертывался от наших алчных требований, уверяя, что он-де может все — от яблочного пирога до пудинга с вареньем, дайте только необходимые продукты. Ах, у вас только бананы да сгущенка? Так каких же деликатесов вы от меня хотите, оставьте меня в покое! В итоге у нас закралось в душу подозрение, что Тим никогда и не переступал порога кухни и что даже вскипятить воду будет для него неразрешимой проблемой. Каким-то чутьем догадавшись о наших мыслях, он взял бананы, сахар, сгущенку и, к нашему удивлению, изготовил из этих самых заурядных продуктов такие изысканные и притом разнообразные десерты, что я никогда не подумал бы, что такое возможно.

Однажды (видимо, поймав нас на слове, что мы любим готовить) Фрэнку и мне было поручено сочинить коронное блюдо к обеду. Тушенка и сардины с гарниром из риса не вызвали того энтузиазма, на который мы рассчитывали. Сардины на поджаренных ломтях хлеба, за которыми последовали оладьи с тушенкой, были встречены более чем прохладно. Так же с треском провалилась тушенка, приправленная карри. А ведь до сего случая приготовленная кем-либо из нашей компании еда неизменно встречалась криками радости! Пришлось согласиться с мнением Фрэнка, что мы только зря расточаем наши кулинарные таланты на потребу тупой, неот-

санной черни, которой все равно, что страсбургский пирог, что кормовая репа.

Фрэнк втайне от меня пожелал исправить положение и сгонял в город купить на рынке свежего мяса зебу. Обычно сей деликатес отличался не большим изыском, чем сапог наполеоновского солдата при отступлении из России; но Фрэнк, вероятно обратившись к опыту своих среднеевропейских предков, каким-то чудом приготовил из этого мяса нежный гуляш. Желая не остаться в долгу, я отправился на рынок раздобыть чего-нибудь такого, от чего вся команда языками бы зацокала. В одном из уголков рынка на земле (а на этом рынке вся торговля велась с земли) я заметил нечто любопытное. Эти предметы напоминали викторианские пасхальные чепчики розового и зеленого цвета с привязанными к ним ленточками. Впрочем, «пасхальные чепчики» — сильно сказано: эти штуковины не ведали ни мыла, ни воды — очевидно, по ним раз десять проехали тяжелым асфальтовым катком, потом на несколько месяцев закопали в ароматный компост и лишь после этого выставили на продажу в рядах съестного на рынке. Близко и пристально изучив странные творения, я пришел к выводу, что это осьминоги, с которыми случилось что-то страшное, — они ничем не напоминали тех глазастых, лоснящихся моллюсков, которых мне приходилось видеть в детстве. Короче, если кого ударить этой штукой по голове, можно не только проломить череп, но и вызвать смертельное заболевание мозга. Тем не менее, поддавшись порыву, любопытству и принципу, что хоть раз нужно все попробовать, я купил парочку этих мумифицированных головоногих и принес в лагерь.

Здесь, в обстановке строжайшей секретности, я показал их Фрэнку. Когда он пришел в себя после шока, я спросил его, как, по его мнению, их следует готовить.

— Сначала их надо оживить, — изрек он после некоторого раздумья.

— То есть как? — изумился я. — Ты хочешь, чтобы я делал искусственное дыхание осьминогам, издохшим двести лет назад? Нет уж, уволь!

— Да нет, конечно. Я имел в виду напитать их водой, — сказал Фрэнк. — Они высушены, пусть вымокнут.

Мы положили тушки в миску с водой; в результате осьминоги стали выглядеть еще более зловеще. Мы оставили их на пару часов, а затем пришли взглянуть, что с ними стало. К нашему удивлению, поглотив много воды, они сделались немного похожими на тех осьминогов, которых мы знали и любили. К вечеру они выглядели уже совсем пухлыми, скользкими и приятными. Мы мелко покрошили их, сбобрили растительным маслом, добавили все, какие только у нас были, специи да еще горсть горячего, как огонь, деликатесного и ароматного малагасийского черного перца и поставили все это на медленный огонь, полагая, что члены нашей команды, из-

Д

мотавшись и проголодавшись за тяжелый день, накинутся на нашу стряпню с жадностью. Не то чтобы мы ошиблись, но есть было можно — правда, приходилось прилагать немалые усилия, чтобы разжевать. Я сказал, что грубая пища полезна для пищеварения, а работа челюстей способствует укреплению зубов.

— Точнее, так, — сказал Фрэнк, — сперва ломаешь себе зубы, а потом мучаешься запором.

* * *

Однажды Капитан Боб вернулся из города со связкой петухов, чему наша команда несказанно обрадовалась. Какое же разочарование постигло всех, когда петухи были ощипаны. Эти странные малагасийские птицы чем-то напоминают длинноногих бойцовых петухов, которыми славилась старая добрая Англия, — так же пышно раскрашены, и глаза свирепые, как у василиска. А поди разоблачи их от богатого оперения — и тут же обнаружишь, что птички эти практически лишены груди, а бедра у них как у танцовщика, страдающего отсутствием аппетита. Как мы ни колдовали над ними, результат был один: чем дольше их варишь, тем они жестче.

Один такой большущий расфуфыренный представитель семейства куриных, с походкой как у короля бойцовых петухов, каждое утро спускался к нам из деревни в сопровождении целого гарема драных кур. Оказывалось, мы поставили палатку как раз посреди его территории, что вызвало явное его неодобрение. Когда над рекой рассеивался туман и кукушки начинали свой мелодичный, протяжный, бормочущий зов, этот петух подходил вразвалочку к нашей палатке и, поворачивая голову, устремлял на нас яростный взор сначала одним золотистым глазом, потом другим, желая показать, что мы для него не заслуживающая внимания мелюзга, с какой точки зрения ни посмотри. Затем он запрокидывал голову назад и издавал хриплый, протяжный и очень противный крик. Предполагая, что этим он запугал нас до смерти и теперь мы у него в подчинении, он входил в палатку и начинал скрести наши пожитки своими мощными ногами, вероятно, считая, что все, что здесь лежит, можно съесть. Впрочем, меткий удар сапогом мгновенно убавлял ему спеси, и он вываливался с чувством оскорбленного достоинства, вымещая злобу на одной из своих покорных жен, как бы давая понять, что молодец он тот еще.

Визит петуха и его громогласное приветствие окончательно прогоняли сон. Кукушки продолжали свой утренний хор. С хлебного дерева, укрывавшего палатку своей тенью, с шумом падали на крышу листья и затем с таинственным шорохом соскальзывали вниз, на землю. Высохшие листья напоминали огромные пятерни человека, страдающего артритом. Они хру-

пали, словно хрустящее печенье, под ногами, когда я выходил из палатки выпить первую в этот день чашку чаю, раздумывая, сумеем ли мы наконец поймать этого неуловимого ай-ай с «магическим пальцем».

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

УЧЕНИКИ ЧАРОДЕЯ

Мадагаскар изобилует колдунами, магами и чародеями всех сортов и мастей, и Фрэнк высказал мысль, что неплохо бы задействовать одного в нашем фильме. Марку доходчиво растолковали, что нужен колдун, который за скромную плату предсказал бы, каковы наши шансы поймать ай-ай и на верном ли мы находимся пути в достижении этой цели. Марк сказал, что у него есть на примете превосходный колдун и что он не замедлит связаться с ним. Я заметил, что нам требуется не какой-нибудь заваливающий шаман, а потомственный колдун с родословной не хуже, чем у троицы ведьм из «Макбета». Марк заверил, что у этого колдуна самые что ни на есть блистательные рекомендации и его услуги повсюду пользуются спросом. Марк тут же послал весточку своему знакомцу, и, естественно, ответа не последовало.

Поиски ай-ай продолжались днем и ночью; Кью и Джон все больше напоминали заезженных кляч и окончательно пали духом. Время работало против нас. Мы вели поиски уже без малого четыре недели, и скоро телевизионщикам предстояло возвращаться назад на Джерси. Правда, в нашем распоряжении был Верити, но нам-то хотелось заснять все перипетии поимки животного в дикой природе — то, ради чего телегруппа и затеяла эту многотрудную и дорогостоящую поездку. Если со мной и с Ли возможно заключить контракт, обязывавший нас делать то, что от нас требуют, то заключить такой же контракт с ай-ай невозможно. (Всем было тошно слушать это от меня в сотый раз.) Так-то так, но нам от этого было не легче. Мы все ходили как в воду опущенные — не только потому, что у нас пропал фильм (как бы ни было важно его снять), но и потому, что поимка ай-ай была главной целью всей экспедиции, на которую не только трест, но и я сам выложил из собственного кармана огромную сумму. Чем дальше, тем грустнее проходили наши завтраки, обеды и ужины.

— Ну как, слышно что-нибудь о колдуне? — спросил Фрэнк.

— Да, — сказала Ли. — То есть я сама ничего не слышала, но Марк-то уж точно знает.

Д

— Так надо же расспросить его! — оживился я. — Хоть колдуна снимем.

— А может, мне самому выступить в роли колдуна? — предложил Фрэнк.

— Прекрасная мысль, — сердечно сказал я. — Как у тебя с мальгашским языком? Он сам по себе такой таинственный, что все, что от тебя требуется, — пробормотать несколько слов вроде «Амбатондразака» или «мисаотра томпоко». А давай-ка сначала вырядим тебя в местную одежду!

Фрэнк призадумался.

— От-ли-чно, — врасстяжку произнес он.

Слава богу, до таких крайностей дело не дошло, потому что на следующее утро торжествующий Марк объявил, что колдун прибует уже сегодня вечером.

* * *

Он появился, как раз когда стемнело. Хорошо сложенный, высокий по мальгашским стандартам мужчина, с интересным, в какой-то мере даже импозантным лицом. Нас несколько удивило, что он притащил с собой мать, жену и четырехмесячного младенца — вот, мол, мои ассистенты.

— Как, и младенец? — спросили мы.

— Да нет, конечно, только жена и мать. Младенец пока только зритель. Впрочем, и в этом возрасте он способен усвоить кое-какие сведения.

Публика расселась на земле, улыбаясь и тихо переговариваясь. Жена колдуна передала ребенка бабушке, на руках у которой он мирно лежал, словно шоколадный человечек, а затем уселась, подбоченясь, позади своего благоверного. Колдун лег на спину и велел накрыть себя с ног до головы белой ламба. Засим последовала мелодраматическая пауза, после чего колдун сделал глубокий вдох и все его тело, особенно ноги, затряслось так, будто через него пропускали сильный электрический разряд. Как нам объяснили, в этот момент его устами могут говорить предки. Но вот он снял накидку, сел и очень вежливо попросил пива и сигарету. Его жена объяснила, что сам колдун не курит и не пьет, но предок, который собирается дать нам совет, баловался и тем и другим. Очевидно, эти шалости недоступны в местах, где ныне пребывала его душа. Колдун глотнул пива, затем, сделав первую затяжку, вдохнул в свои легкие колоссальный объем дыма, и сеанс связи начался.

Естественно, первое, о чем мы спросили, — ждет ли нас, по мнению предка, удача на охоте. Предок (то бишь колдун) сделал еще один глоток пива, еще раз затянулся и медленно, самым высокопарным тоном, какому

позавидовал бы сам сэр Генри Ирвинг¹, играя в «Колоколах», заявил, что нас, безусловно, ждет удача, если наши мотивы чисты и мы не будем действовать как грабители-колонизаторы.

Сказанное поначалу показалось мне смешным, да и, прямо скажем, странно, чтобы духи предков выступали с политическими заявлениями. Но нам объяснили, что жители Мадагаскара по-прежнему боятся, что вазаха вернутся и вновь начнут разграблять их страну. Мы заверили предка, что нам менее всего хотелось бы захватывать Мадагаскар силой, а все, что нам нужно, — приобрести нескольких замечательных мадагаскарских животных, чтобы отвезти их домой и показать другим вазах, сколь прекрасен остров Мадагаскар и какие замечательные существа там обитают.

Похоже, предок был удовлетворен ответом и на какое-то время замолк, наслаждаясь пивом и затягиваясь сигаретой. Затем он изрек, что наши мотивы чисты и что мы наверняка обретем успех. Произнесение этого краткого пророчества заняло, однако, большой промежуток времени — оно было изречено на самом красноречивом мальгашском, а мальгаши любят длинные напыщенные речи, сопровождаемые театральными жестами, и конечно же, с длительными паузами для подкрепления.

Наконец, когда пиво было допито и сигарета выкурена, предок забрался под покрывало и вынырнул оттуда уже в обличье колдуна. Мы выдали ему запрошенную символическую сумму за услуги, и, к нашему удивлению, колдун настоял, чтобы мы получили с него деньги за пиво. После этого он со всей свитой ушел во тьму ночи.

Не знаю, был ли наш последующий успех обусловлен вмешательством предка, но факт в том, что успех пришел вскоре после того, как дух предка посетил нас. Я не собираюсь фарисейски рассказывать об этом, потому что мальгаши крайне серьезно относятся к подобным контактам. Кто верит в Магомета, кто — в Будду, кто — в Иисуса, кто — в души предков; не нам судить — кто прав, кто не прав. На мой взгляд, большинство мировых религий слишком категоричны; однако, проповедуя философию «живи и давай жить другим», на деле редко так поступают.

На следующий вечер нас посетил местный школьный учитель и, выпив несколько банок пива, поведал о представителях странной мифической фауны, которой мальгаши населили свою землю. Вы скажете, у них и без того много дивных существ, чтобы выдумывать еще какие-то? Тем не менее то, что поведал нам местный учитель, напоминало средневековый bestiary. Одно из таких существ, например, напоминало гигантскую кош-

¹ Ирвинг Генри (паст. имя и фамилия Джон Генри Бродрибб) (1838—1905) — английский актер и режиссер.

Д

ку, которая вдобавок к пугающему внешнему облику и способности убивать человека одним лишь взглядом имела еще одно необычное свойство: у нее было семь печеней. Поскольку тварь эта была столь агрессивна, трудновато было понять, каким образом было сделано это открытие; но факт остается фактом — у нее было семь печеней. Существует поверье, что у кошки девять жизней, но семь печеней — это, по-моему, уже слишком. Я не стал выяснять, является ли причиной тому страсть кошки к спиртному и, следовательно, стоит ли записывать ее в Общество анонимных алкоголиков.

Другим волшебным созданием было огромное крысоподобное существо, которое при встрече немедленно принималось заниматься онанизмом. Человеку, увидевшему такое, следовало ускорить шаг и продолжить свой путь. Если же вы остановитесь и начнете смеяться (а я думаю, многие, увидев онанирующую крысу, животики бы от смеха надорвали), зверюга разразится гневом и вызовет такую бурю, после которой насмешник если и уцелеет, то не узнает леса и неминуемо заблудится и погибнет.

Следующий рассказ касался реального существа мунго — грациозного, красивого животного, похожего на мангуста, именуемого по-латыни галидия. Больше всего на свете эти мелкие твари любят кур и, к раздражению сельчан, убивают и едят их, где бы ни встретили. Как бы хорошо ни был построен курятник, где содержатся столь желанные птицы, мунго идет на все, чтобы проникнуть внутрь. Если же надежность конструкции становится препятствием для его дерзновенных планов, то он, разочаровавшись, являет всю низменную сущность своей натуры. Отчаянно работая лапами, он затыкает доступ воздуха в курятник. Наутро крестьянин обнаруживает кур задохнувшимися. Так мунго мстит за то, что от него ушел лакомый кусок. Я, к сожалению, забыл спросить учителя, нельзя ли оборудовать курятники кондиционерами для пресечения подобных случаев.

* * *

Между тем охота по-прежнему не приносила результатов, а день, когда телекоманда должна была нас покинуть, приближался с неумолимой быстротой. Разумеется, все время мы снимали и засняли немало сцен кормления Верити из рук Ли. Поскольку снимался фильм на видеоленту, а у нас с собой был небольшой телевизор для просмотра отснятого, то мы решили, что было бы неплохо показать сюжеты с Верити местным школьникам. Мы рассчитывали, таким образом, убить трех зайцев. Во-первых, было бы забавно заснять реакцию детей на такой просмотр, поскольку большинство из них никогда прежде не видели телевизора. Во-вторых, это продемонстрировало бы им на примере Верити, каким кротким и безобидным может

быть ай-ай. И наконец, был расчет на то, что они поделятся увиденным с родителями и воодушевят их помогать нам в охоте. Впрочем, события развивались не совсем по намеченному сценарию.

Школа располагалась примерно в миле по дороге, и спускаться к ней нужно было по очень крутой, размытой дождями тропинке из красного ла-терита. Прodelывать такое крайне трудно даже в сухую погоду, и я удивляюсь, как дети ходят по ней в сезон дождей, когда тропинка, должно быть, становится опаснее, чем самая сложная трасса для слалома.

Впрочем, школьные здания из дерева и кирпича выглядели довольно солидно, а наша аудитория — примерно полтора-два десятка детей от шести до десяти лет — сидела по рядам, являя собой образец послушания. Когда мы появились, кто-то испуганно перешептывался, кто-то раз или два кашлянул, кто-то шаркнул босыми ногами по деревянному полу — вот и все. Детвора смотрела на нас огромными, черными, изумленными глазами. Перед ними была целая группа великанов-вазаха, которые, если их разозлить, могут и слопать мальгашских детей — и за завтраком, и за обедом, и даже за чаем, так что нужно сидеть тише воды ниже травы и смотреть чудеса, которые мы для них приготовили.

Мы установили телевизор, чтобы было видно всем, а я произнес короткую доходчивую речь, что, мол, ай-ай не такое уж плохое создание и что если оно и поедает кокосы и сахарный тростник, так только потому, что вырубаются его среда обитания — лес, а это не сулит ничего хорошего ни мальгашам, ни ай-ай, которые принуждены воровать у людей урожай. Затем мы пустили фильм — и в одно мгновение дети затихли. По рядам пронесся вздох, когда на экране появился Верити и приблизился к дверце клетки; и раздались удивленные возгласы (впрочем, тотчас же стихшие), когда на экране показалась рука Ли с медовым шариком и зазвучали ласковые слова, которые Ли говорила Верити. Верити взял у нее из рук пищу, и, когда расправился с нею, на экране вновь возникла рука Ли, в которой на этот раз была жирная личинка жука. По рядам снова пронесся вздох — так вот, оказывается, для чего дети собирали такое множество личинок, за которые им платили настоящие деньги, да еще угощали диковинными и вкуснейшими конфетами! На корм ай-ай! Глаза детворы сияли, зубы блестя; ребята хихикали, глядя, как Верити расправляется с личинкой, сначала отгрызая ей голову, а затем доставая своим волшебным пальцем внутренности из еще корчащегося тела.

Фильм закончился, и по лицам детей было видно, что они готовы смотреть его без усталости хоть целый день. Учитель попросил ребятню на прощанье спеть нам песню в благодарность за визит, что они с энтузиазмом и исполнили. Но наши сюрпризы на этом не кончились. Мы засняли, как они с

Д

интересом наблюдали за кормлением Верити и как они пели. Эту кассету мы и поставили.

На мгновение воцарилась ошеломляющая тишина, пока кто-то не узнал своего друга. Новость, словно пламя лесного пожара, распространилась по рядам, и вскоре детишки, смеясь и показывая пальцем, стали узнавать своих друзей и — чудо из чудес! — самих себя. Разумеется, это было куда веселее, чем фильм о старом ай-ай. Сказать, что сюрприз имел успех, — значит ничего не сказать. «Мэри Поппинс» и «Белоснежка», вместе взятые, не удостоились бы такого восторженного приема. Это был тот успех, о котором мечтают и которого так редко достигают голливудские звезды. Естественно, сеанс пришлось повторить, потом еще раз. Мы начали понимать, что этот фильм не сойдет с экрана дольше, чем самая кассовая лента, если мы позволим детям крутить его сколько влезет.

А потом мы показали им еще один трюк. Тим наводил на детей камеру, а изображение проецировалось на экраны. Теперь ребята могли видеть себя крупным планом, в окружении друзей. Разумеется, они махали себе руками и падали от хохота, глядя, как изображение на экране махало им в ответ. Я думаю, дети охотно провели бы с нами целый день и даже месяц — до того им понравились наши чудеса. Но, увы, настала пора возвращаться в лагерь и уносить колдовские штуковины с собой.

Еще в бытность нашу в отельчике близ озера Алаотра меня поначалу удивляло, почему хозяева держат телевизор включенным, даже когда в баре нет ни одного человека, а потом сообразил, что это делается для идущих с базара зевак. Аудитория человек в пятьдесят, стоя у двух окон, наблюдала красочную и до слова понятную французскую мыльную оперу и горячо обсуждала происходящее на экране. Да, конечно, великая вещь — телевидение, но оно может оказывать и разлагающее воздействие. Боюсь, что после нашего ухода бедняге учителю призвать свой класс к порядку было куда труднее, чем укротить Кошку с Семейю Печенями.

* * *

Возвращаясь в лагерь, мы проехали мимо стада зебу — крупных, с виду безмятежных животных с бархатными шкурами и горбами, как у маленьких верблюдов. Сцена, конечно, самая обычная на Мадагаскаре, где зебу почитаются как символ социального престижа. На похоронах богатого человека многие животные из его стада забиваются, а могилы нередко украшают их рогами. Данное же стадо отличалось тем, что насчитывало около десяти крупных животных и управлялось мальчуганом лет шести с испуганными глазами, вооруженным хворостинкой ростом с себя. Не будет преувеличением сказать, что зебу не обращали на своего пастуха никакого

внимания. Видимо, эти животные вбили себе в голову, что не только дороги, но и все на свете существует во имя их блага.

Зебу плелись, вздыхали, качая головами, а то вдруг задерживались пожевать жвачку или щипнуть травки с края дороги. Время от времени то одно, то другое животное останавливалось и неуклюжей походкой поворачивало назад; когда же мальчонка брался за хворостину и лупил животину по носу, это воспринималось как личное оскорбление. Но едва бедняге удалось повернуть одного такого обратно, как обнаружилось, что другая скотина свернула с дороги и, забредя на небольшую ферму, с наслаждением поедает первые в этом году нежные побеги спаржи. Так бы и продолжался этот грабеж средь бела дня, если бы ребенку, к величайшему неудовольствию животного, не удалось выгнать его обратно на дорогу.

Мальчонка плясал вокруг своего стада, словно маленький коричневый мотылек вокруг яркого, но сонного и потенциально погибельного пламени свечи. При виде приближающихся «Тойот» и ребенок, и зебу ударились в общую панику. Мы нажали на все тормоза, но животные продолжали носиться в смятении и тревоге; мы испугались, что какое-нибудь из них раздавит пастушонка в лепешку, даже не заметив того, что натворило. К счастью, в этот момент подбежал отец пастушонка (который, остановившись потрепаться с приятелем, оставил парнишку одного). Суровый, как капрал на плацу перед толпой необученных новобранцев, он принялся орать на животных и лупить их хворостинкой. Кое-как сбив их в стадо, он дал нам проехать, снял шляпу и улыбнулся широкой улыбкой. Мальчуган был, как видно, огорчен вмешательством отца, но я-то видел, что два-три раза он только чудом избежал смерти, так что ему следовало благодарить судьбу, что все так кончилось.

* * *

Тут пора завести речь об утятах Джона, доставивших мне столько неприятностей. Доныне они были слишком маленькими, чтобы уходить из-под материнского крыла, а посему безвылазно жили в деревне; теперь же пташки подросли и могли самостоятельно добывать себе корм. В первый день их появления мы услышали взволнованное криканье задолго до того, как увидели их самих, спускающихся по тропинке из деревни; они были взволнованы, словно дети, бегущие купаться к морю. Утят было трое — большой и средний коричневые, малыш — белый. Они двигались величавой походкой, вразвалочку, при этом беспрестанно крикая. Сойдя вниз, они направились к реке и исчезли за песчаными дюнами.

— Для жаркого мелковаты, — с сожалением заметил Фрэнк, — а вот супчик из них был бы неплох.

Джона словно громом поразило.

— Они не для еды! — запротестовал он. — Это мои любимчики! Я так люблю уток!

— И я тоже, — сказал Фрэнк. — Особенно за ужином.

Полчаса спустя, всласть наплававшись, утята вновь появились на песчаном берегу и открыли совещание. Очевидно, их чрезвычайно заинтриговал наш лагерь, и, посоветовавшись, как к нам лучше подступить, птенчики выстроились в колонну и, отчаянно крикая, зашагали прямо на нас, по дороге ушипнув Тима, который нес чашку чаю прихворнувшему Микки. Бедняга Тим распластался на земле, расплескав содержимое чашки.

— Черт вас задери, — пробурчал он. — Мало того что этот проклятый петух орет над ухом в четыре утра, так теперь еще утки будут путаться под ногами?!

— Да ты посмотри, какие лапочки, — мягко проворковал Джон. — Какие славенькие утяточки-ребяточки!

— Ладно, — сказал Фрэнк, — посижу-ка я лучше в палатке. Когда обед будет готов, скажете.

Между тем утятушки-ребятушки пялили глаза на наше житье-бытье примерно так же, как мальгашские детишки. Больше всего их заинтересовала куча пустых, тщательно вымытых банок из-под сардин. Они медленно подошли к этой свалке, как бы спрашивая друг друга, с чем это едят. Тут самый храбрый утенок наклонился к куче и отважно попробовал банку на вкус.

— Бедняжечки, они же голодные, — заволновался Джон и, вынув буханку, раскрыл ее.

— Нечего их приучать! — сказал я, но было уже поздно.

Утятушки-ребятушки, никогда прежде не издававшие хлеба, были в полном восторге. Одному из них так понравилось новое лакомство, что он, едва кончился хлеб, подхватил клювом валявшийся длинный окуроч. С окурком в клюве он стал похож на Утенка Дональда.

— Нельзя, нельзя. Дядюшка Джон сказал «нельзя», — строгим тоном произнес Джон, вытащив окуроч из клюва утенка.

— Правильно, — кивнул я. — Им еще рано курить.

— Ничего, сейчас дядюшка Джон отрежет вам еще хлебушка, — сказал утиный благодетель.

С этого момента надежду на то, что утят удастся отведать, можно было считать похороненной. Утята появлялись каждое утро — сначала бежали к реке, а потом, выныривая из-за песчаных дюн, устраивали набег на наш лагерь, словно американская конница на мятежную индейскую деревню. Они всюду путались под ногами и все пробовали на вкус. Поминутно мы

натыкались и наступали на них — как только не раздавили? Они настолько прочно вписались в нашу жизнь, что даже отдыхали одновременно с нами. И вот наступил злосчастный день, когда они решили дать бой моему знаменитому громотрону...

* * *

Когда мы жили в отельчике в Мананаре, нас навещали наши старые друзья — чета Рене и Дэвид Уинн. Еще в Париже Рене помогала мне изучать первых трех в моей жизни ай-ай и ухаживать за ними, а Дэвид представил мне крошку ай-ай по имени Хэмпри, который и вдохновил нас на эту экспедицию. Перед отъездом Рене подарила мне полезнейшую вещь: черную пластмассовую сумку с приспособлениями для душа. Стоило наполнить сумку водой и выставить на солнце, как уже через час можно было принимать душ. Стало быть, нужно только найти подходящее дерево, куда ее вешать, — и вот вам готовый душ.

Мы расчистили среди кустов место, которое называли «банькой». В одном углу, с глубокой ямой в земле, мы соорудили небольшую хижину из пальмовых листьев и установили там громотрон; а рядом на дереве повесили душевое устройство и положили кусок пластмассы, чтобы вставать на него ногами. Но вот беда: вскоре обнаружилось, что если я повешу сумку достаточно высоко для себя, то крошка Ли просто не сможет дотянуться до крана. Дня два мы ломали голову, как разрешить эту задачу, покуда Ли не подала блестящую идею.

— А громотрон на что? — торжествующе изрекла она. — Ставь его под душем, сиди и мойся.

Я был в восторге от этой дерзновенной идеи; но если б знал заранее, чем все это кончится, ни за что бы не решился на подобный эксперимент.

На следующий день я установил громотрон под душем, уселся и принялся намыливаться. Как раз в этот момент утятушки-ребятушки пришли с утреннего купания к нам в лагерь и, к своему удивлению, никого там не застали. Все эти добрейшие человеческие существа, которые натыкались на них, топали ногами, кричали, иногда скармливали им по целой буханке хлеба, куда-то испарились. В то же время я, придя в восторг от нагретой на солнце воды и мыльной пены, затянул песнь «Правь, Британия!».

Мое пение немедленно придало уткам бодрости. Наконец-то нашелся хоть один добрый человек! Выбежав из-за палатки, они помчались на мой голос, натыкаясь друг на друга, и остановились в нерешительности перед входом в баньку. Они никогда раньше там не бывали и вот теперь были ошарашены тем, что одно из милейших человеческих существ сидит посреди лужи воды, словно утка. Да, впрочем, от утки его теперь отличали

Д

лишь две вещи: ящик, на котором восседал человек, да белая пена, покрывавшая воду.

— Привет, утяточки, — ласково сказал я, прервав пение. — Ну что, пойдёте поплаваем?

Утята о чем-то пошептались. Придя к выводу, что пена может оказаться съедобной (чем-то вроде сдобного хлеба), они решили попробовать. Все, как один, приблизились к воде и окунули в нее клювы, но самое интересное, что они признали пену съедобной, чем-то вроде шербета, пахнувшего лавандой. Я испугался: вдруг пена содержит некие ядовитые субстанции, бросился искать свою палку и обнаружил, что по дурасти оставил ее висеть на дереве примерно в двадцати футах. Пока я бегал за ней, утята забрались под крышку громотрона, и выгнать их оттуда было невозможно.

Следующее мгновение заставило меня задуматься уже не об их безопасности, а о моей собственной. Сквозь отверстие в крышке громотрона утята увидели те части моего тела, которые неприлично показывать на публике, и, естественно, они открылись им впервые. Старшенький утенок крикнул: что бы это могло быть? Два других тоже заинтригованно закрикали. А вдруг это невиданные лакомые плоды? Отчего бы не попробовать?

...Если бы в этот момент ветер дул на Антананариву, то мой дикий вопль был бы, без сомнения, там услышан. На крик прибежала Ли, но, увидев, что произошло, залилась истерическим смехом и наверняка упала бы, если бы не прислонилась к дереву. Иные жены самоотверженно несутся на выручку мужьям в экстренных случаях, но есть и такие, которые столь равнодушно взирают на их горе, что позавидовал бы сам маркиз де Сад.

— Что ты, дуреха, стоишь веселишься?! Гони к черту этих уток, пока они не защипали меня до крови! — прорычал я.

В конце концов Ли взяла себя в руки и прогнала утят. Но с этого дня всякий раз, отправляясь в душ, я сначала убеждался, со мной ли моя палка. Я и раньше относился к семейству утиных с известным предубеждением, но после этого случая окончательно возненавидел их.

Выше я как-то упомянул, что утятушки-ребятушки рискнули попробовать на вкус банку из-под сардин. Мы не выбрасывали, а мыли и тщательно собирали их у себя в лагере, потому что в такой бедной стране, как Мадагаскар, подобные вещи в огромной цене. К бутылкам почтение, как к старинным бутылкам, из коих пил Шекспир; к картонным коробкам — как к шкатулкам из сандалового дерева, инкрустированным янтарем и золотом; пустая банка из-под сардин или лучше из-под тушенки ценилась дороже, чем редкостная китайская ваза династии Мин. Мы решили разделить все это богатство между двумя скромными и милыми девицами — Вероникой и Армадиной, и они взирали на все растущую кучу алчными глазами.

Однажды нам открылось, что вскоре Веронике исполняется двадцать лет, и, в очередной раз отправившись на рынок, мы решили купить ей подарок, но тщетно: как выяснилось, в городе нет ничего, что могло бы порадовать женское сердце. Не нашлось даже сережек и ожерелий, тех, что на вид из литого золота, а на деле — грош им цена. Наконец, к нашему удивлению, мы нашли флакончик какого-то благовония, запах которого свалил бы с ног слона. Вероника была польщена, но я чувствую за собой вину: боюсь, что, если она им воспользуется, ее шансы выйти замуж снизятся, по крайней мере, наполовину — разве что у ее ухажера окажется хронический насморк.

Между тем приближался конец срока пребывания в нашем лагере телевизионной группы, а удача все обходила нас стороной. Конечно, мы выслушивали тьму историй о полчищах ай-ай где-то чуть дальше по дороге, но, прибывая на место, обнаруживали в лучшем случае старые гнезда, которые непонятно кому принадлежали — ай-ай или крысе, и в любом случае мы не заставляли хозяев дома. Но нашей главной заботой стал Микки. Бедняга, как говорится, сдал. Изо дня в день работая на износ, он все меньше походил на того Майка, которого мы знали и любили. Мы пригласили местного доктора, который сделал ему (нашим шприцем и нашими иглами) несколько инъекций, но они не принесли ожидаемого облегчения. Майк исправно глотал пилюли и порошки, которые медицинские светила советуют всем, кто едет на Мадагаскар, так что болезнь его оставалась для нас загадкой. У него резко подскочила температура, что крайне нас взволновало. К счастью, Мананара была связана со столицей тремя авиарейсами в неделю, и мы решили отправить больного в Тану, где, по крайней мере, имелись условия для надлежащего ухода. Обеспечить таковые в палатке высотой три фута и шириной семь, да еще такому крупному мужчине, было крайне сложно. Но едва мы собрались эвакуировать беднягу самолетом, разверзлись хляби небесные. В моем дневнике появилась следующая запись:

«Льет как из ведра. Затопило палатку. Майку все хуже. Из-за сырости мои бедра и суставы болят все сильнее. Я с трудом могу двигаться. Единственное, что остается, дабы помочь экспедиции, — уйти из жизни».

Температура Майка перевалила за сорок, он часто бредил. Было совершенно очевидно, что его нельзя отправлять одного. Но если из команды выбывают двое — со съемками можно распрощаться, так что в итоге улетели все телевизионщики. Когда мы их провожали, бедный Тиана был так огорчен расставанием, что залился потоком слез, и все как могли утешали его.

* * *

Д

Когда телегруппа уехала, лагерь опустел и выглядел безжизненным. Это были чудесные люди, с которыми так хорошо работалось. Вот если бы еще поездка была чуть удачливее... Правда, Профессор Нет Проблем вручил нас, предоставив в наше распоряжение Верити, а то мы бы полностью прогорели на этой поездке. Мы печально сели за ужин. Становилось темно, и в чашках с песком, мерцая, догорали огарки свечей. Потом они находили свой вечный покой на маленьком кладбище окурков.

Семь белых цапель, гнездившихся недалеко от нашего лагеря и улетающих за несколько миль на рыбалку к морю, возвращались обратно к своему гнезду. Изысканно белые, они мягко взмахивали крыльями, сияя как звезды над темнеющей рекой и деревьями.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ЯВЛЕНИЕ АЙ-АЙ

На следующий день после обеда Кью отправился осмотреть несколько гнезд, которые, как он мрачно предсказал, оказались гнездами крыс. Джон уехал за покупками в город, а Ли возилась в домике для животных. Я сделал кое-какие записи в дневнике, поскольку пропустил два дня, и решил отдохнуть. Первым делом я изгнал моего старого приятеля — петуха и сопровождавших его кур, которые искали у меня в постели насекомых; затем лег и попытался предаться прекрасным мыслям. Это оказалось нелегко, потому что петух, оскорбленный изгнанием, решил продемонстрировать высший класс пения. Третья пущенная мной палка достигла цели. Он понял намек и удалился вверх по тропинке на холм.

Я как раз собирался помечтать о чем-нибудь добром, когда услышал, как Ли зовет меня. Я выглянул из палатки прямо из лежащего положения и увидел, что она бежит ко мне. В руках у нее было что-то похожее на старый мешок, набитый проволокой, из которой делают клетки для кур. Так оно и оказалось: это была грубая проволочная клетка, ради предосторожности засунутая в мешок.

— *Взгляни, что мы принесли! Взгляни, что мы принесли!* — кричала она, и лицо ее светилось радостью и волнением, как у ребенка, получившего на Рождество неожиданный и роскошный подарок. Я взглянул и понял, что радоваться и впрямь было чему.

В проволочной клетке сидела взрослая самка ай-ай с детенышем, впрочем достаточно большим, чтобы быть отнятым от груди. Мамаша была явно перепугана, но младенец, похоже, воспринимал происходящее как часть богатой палитры жизни и озирался большими любопытными глазами, в которых не было и тени страха. Таким образом, через сутки после отъезда телевизионной группы мы обрели ай-ай, и притом не одного, а целых двух.

— Входи, — молвил я, с известным трудом поднимаясь из лежачего положения. — Сначала пересадим его в пристойную клетку.

— Посмотри на детеныша, ну разве не лапочка? — спросила Ли.

— Да, да, — сказал я, — только сначала пересадим его в новое жилище, а потом уж рассмотрим как следует.

Мы поднялись на холм, где стоял домик для животных. Там нас поджидали два сияющих крестьянина — ловцы ай-ай. Радоваться, конечно же, было чему: они не только избавили свое хозяйство от напасти, но еще и получают какое-никакое вознаграждение! Когда клетка была подготовлена и мы не без труда переселили ай-ай из временного жилища в более просторные апартаменты, я, к своему несказанному облегчению, смог убедиться, что оба животных целы и невредимы. К моему удивлению, мамаша не бросилась разведывать новое жилье (как этого следовало бы ожидать от вновь пойманного существа, которое примется искать безопасный уголок), но просто легла на пол, словно загипнотизированная. Детеныш же, которому явно хотелось освоить новое пространство, боялся далеко отходить от матери.

— Ее не могли ушибить? — с тревогой спросила Ли.

— Да нет. По-моему, она сознает потенциальную опасность ситуации и пребывает в трансе. Ей же не объяснишь, что мы не хотим ей зла. Вот несмышленьш считает все происходящее забавным приключением, но приучен не удаляться далеко от мамочки. Никогда ведь не знаешь, как животное себя поведет. У меня жил один зверь, который стал есть с рук через десять минут после поимки, зато другой ничего не ел три дня, и я уже думал, что придется выпустить его на волю. Но все-таки он начал есть, да так, что вконец разорил меня.

— А не покормить ли этих? — спросила Ли.

— Да мамаша пока не хочет. Она попила воды, а несмышленьш готов ее всю высосать. Самое правильное — оставить их в покое.

Так мы и сделали — накрыли клетку и оставили их в покое.

Вернувшись к палаткам, мы усадили отважных ловцов на почетные места, угостили их сигаретами и выдали причитающийся гонорар. Они же

Д в седьмой или восьмой раз расписали нам во всех подробностях, как поймали ай-ай, каждый раз дополняя рассказ новыми деталями и расписывая, как они еще готовы нам послужить. Потом ловцы несколько раз пересказали наши эмоции и чувства при получении животных, как будто мы сами в том не участвовали. А все же забавно такое слушать. Люди, читавшие мои книги, часто подробнейшим образом пересказывают мне их содержание, а добравшись до смешного эпизода, без усталости излагают его снова и снова, чтобы убедиться, что до меня дошла суть. Порой после этого так и хочется сказать: «Черт возьми, интересная книженция! А не купить ли и мне?»

* * *

Когда вернулись Джон и Кью, радости не было границ. Еще бы: после стольких трудов и неудач выглянуло-таки ясно солнышко. Более того, я даже не слышал жалоб, что второй ужин подряд одни сардинки да тушенка. От избытка бурливших в нас чувств мы сделались столь добрыми, что даже позволили Джону исполнить фрагмент арии венецианского мавра — но вполголоса, чтобы не потревожить наших новых гостей.

Ли приготовила нашим подопечным еду, и мы отправились поглядеть, как они себя чувствуют. Самка все-таки слегка поменяла позу, но все еще смотрела с тем выражением, какие я видел у пациентов больницы в часы посещений, когда они с тоской во взоре глядят на нагрянувших к ним домашних, нагруженных фруктами, свертками, коробками конфет и новостями из дома. Впрочем, детеныш отнесся к нашему визиту как к главному событию сегодняшнего вечера и с интересом наблюдал, как Ли раскладывала перед ним палки сахарного тростника, кокосовый орех, хлебные шарики с медом, ставила блюдце с фруктовым салатом и еще одно — с копошащимися личинками жуков. Он даже осмелел и съел кусок банана. Обитавший на вилле по соседству Верити трескал, как поросенок, но этим подавал хороший пример.

Первый этап задачи был выполнен, мы обменялись поздравлениями. Теперь оставался самый пустяк: поймать еще четырех ай-ай, по два каждого пола. А самое лучшее, что мы могли сделать сейчас, — отправиться спать и смотреть безмятежные сны.

* * *

Я проснулся на заре после тихой ночи. Наши белые цапли, как всегда в положенный час, снялись с места и вылетели к морю, плавно махая крыльями над рекой. На какое-то мгновение в тумане, словно опал, мелькнул зимородок. До меня донесся каскад прозрачных голосов кукушек, на-

чавших свой утренний зов. Потом с противоположной стороны реки долетело зловещее «чук... чук... чук...» вроде того, как забивают гвозди в крышку гроба. Это был стук топора, за которым последовал предсмертный всхлип срубленного дерева. Теперь я наглядно убедился, сколь важна была наша миссия: каждый удар топора или мачете — не только удар по экологии человека, но и удар по королевству ай-ай.

Мы поднялись к домику животных посмотреть, что съели наши пленники. Это всегда волнующий момент — если животное начинает есть сразу, можно вздохнуть с облегчением. Если же нет — приходится ломать голову, как заставить его есть. Я надеялся, что соседство Верити, который лопал, как поросенок (простите, что повторяюсь), разбудит аппетит и у вновь пойманной самочки. К нашему разочарованию, этого не произошло. Только на палке сахарного тростника были едва заметны следы зубов, а самка по-прежнему подозрительно взидала на нас, точно старая дева на притаившегося у нее под кроватью хиппи с гитарой. Отношение детеныша было куда более терпимым — он был даже рад, что цирк опять приехал. Мы заметили, что бананов поубавилось, но подозревали, что это скорее детеныш, чем мамаша.

Когда у тебя два животных в одной клетке, трудно судить, сколько кто съедает, разве что установить круглосуточное наблюдение. Впрочем, в данном случае мы знали, что с детенышем все в порядке и что он по-прежнему выдаивает маму как корову. Все, что нам оставалось сделать, — взять самку под тщательное наблюдение и молить судьбу, чтобы она поскорее снизошла до нашего щедрого угощения, иначе придется скрепя сердце отвезти обоих туда, где их поймали, и выпустить. Мы поворчали на Верити, что он недостаточно усердствует в подавании примера. Так или иначе, мы вынуждены были ждать. Самка пребывала в хорошем состоянии, и несмотря на то, что детеныш нещадно высасывал ее, ничего страшного бы не случилось, если бы она пару дней поголодала.

В эту ночь мы наблюдали за тем, как Верити продолжал свои набегии на хлебные шарики с медом и личинок, облизываясь на кокосовый орех и сахарный тростник; но, видимо, он почувствовал, что нас больше интересует происходящее в соседней клетке. Следующее утро принесло облегчение. Самка съела трех личинок и надкусила хлебные шарики. Похоже, она была уже не в таком напряжении, хотя по-прежнему боялась входить в ящик, где было устроено гнездо. Мы нарекли ее Мина — в честь нашей доброй мальгашской знакомой, но по-прежнему спорили о том, как называть сына. На следующую ночь Мина добавила к своему рациону сахарный тростник, что было добрым знаком.

* * *

Д Кью, Джон и Жулиан, как обычно, отправились с наступлением сумерек на охоту. На сей раз уходили в приподнятом настроении — появление Мины с сыном придало всем духа. Около полуночи они вернулись с триумфом — Жулиан сиял и хохотал, а Кью и Джон изо всех сил старались выглядеть так, будто каждый день приносили по ай-ай. Наградой для ловцов стала красивая, лоснящаяся молодая самка. Изучив ее со всех возможных позиций и отдав должное ее шарму, мы без особых проблем пересадили зверюшку в новую клетку.

— А трудно было поймать? — спросил я.

— Да нет, — сказал Кью. — На это дерево, в отличие от некоторых других, оказалось очень просто залезть. Она как раз сидела в гнезде, тут Жулиан ее и цапнул. Но, боюсь, она волнуется о детеныше.

— О каком детеныше? — спросил я с удивлением.

— Она была с детенышем, но, пока Жулиан ловил ее, тот убежал.

— И вы его там так и оставили? — поразился я.

— Да, пришлось. Мы, конечно, обыскали все, но я беспокоился о матери. Хотел поскорее привезти ее и посадить в подходящую клетку. Жулиан сказал, что детеныш все равно вернется к гнезду, и с утра мы первым делом съездим и поймаем его.

— Похоже, Жулиан прав, — согласился я. — Не думаю, чтобы детеныш уже гулял сам по себе. Подозреваю, что он еще не отнят от груди.

— Да мы наверняка его поймаем, — утешил меня Джон. — Жулиан так просто уверен.

В ответ я кисло улыбнулся, потому как был взволнован.

— Да, но если он, не дай бог, ошибается, вам придется отнести самку назад и выпустить в том же самом месте, чтобы она смогла найти детеныша, — сказал я.

— Сделаем, сделаем, — умиротворяюще заметил Кью.

Я очень беспокоился о малыше, и даже известие о том, что все наши ай-ай хорошо пообедали, не стало мне утешением. Я вообразил, как глупого маленького несмышлениша преследуют орды разъяренных крестьян со сверкающими острыми мачете: поймать, повесить, четвертовать гаденыша! Потом в моем воображении возникла картина, как он столкнулся лицом к лицу с мягкой, похожей на пуму фоссой, о существовании которой он и не подозревал и которая сцапает его одним мановением бархатной лапы и отправит прямо в алчную розовую пасть. Или — что может быть хуже! — он встретит на своем пути Кошку с Семейю Печенями, которая страдает отсутствием пищеварения и слышала, что лучшее лекарство — съеденный всухомятку детеныш ай-ай. А может, он просто горюет на

дереве: мама, мама, на кого ты меня покинула! Короче, я предался таким вот сентиментальным размышлениям, которых не одобряю в других людях, имеющих дело с животными.

* * *

Наутро Кью, Джон и Жулиан снова приготовились выйти на охоту.

— Запомните, — сказал я, наверное, уже в десятый раз, — вы должны прочесать весь район, пока не найдете.

— Да, да, — нетерпеливо отозвался Кью, — сделаем.

— А если не найдете, быстро назад и отнесете самку туда, где поймали.

— Ну да, да, понимаю. Я так же волнуюсь о детеныше, как и ты, — раздраженно сказал Кью.

Я взглянул на него. Он был неколебим, как Геркулесовы столбы. «Пожоже, у него слабее, чем у меня, развито воображение», — подумал я.

— Ну, делай как знаешь, — бросил я.

— Слушай, хватит скандалить, — вмешалась Ли. — Кью так же беспокоится о детеныше, как и ты. А ты словно сам — мать этого детеныша.

— Не то чтобы, — сурово молвил я, — просто не люблю, когда детеныш ай-ай — не важно, мальчик он или девочка — шастает ночью по лесу без присмотра. Возьми-ка умную газету «Сан» и посмотри, что случается с детьми, которые шляются по ночам одни.

— Пойдем завтракать, — сказала Ли.

Пока готовился и подавался утренний чай, казалось, прошли годы. Несколько веков тянулось ожидание завтрака. Даже стайка детей, которые принесли пластмассовое блюдо с жирными серо-белыми личинками, не облегчили мою тревогу, как того следовало бы ожидать. Вдруг раздался крик — это возвращались Кью, Джон, Жулиан и их помощники. Кью осторожно нес в руках один из наших больших мягких мешков для животных.

— Поймали, поймали! — торжествующе кричал Кью. — Именно там, где сказал Жулиан.

Я кинулся к домику животных, с трудом веря счастью.

— Цел и невредим? — выпалил я.

— Конечно. И главное, он легко дался в руки, — сказал Джон.

Я открыл дверцу клетки, где находилась мать, а Кью аккуратно развязал мешок и просунул его устье в дверной проем. Я ожидал чего угодно, только не того, что произошло. Голова детеныша показалась из мешка, огромные уши поворачивались на каждый звук, а глаза смотрели спокойно и с интересом. Он на мгновение задумался, а затем, высокомерно оглядев нас, грациозно вылез из мешка и восшествствовал в клетку, как маленький

Д принц, вступающий в законное владение королевством. Это был настоящий театрализованный выход. Маленький принц был столь невероятно аристократичен и красив, что я, как дурак, разразился слезами. Поймите меня правильно: ведь гора с плеч свалилась!

— Перестань реветь! — сказал Кью, устыдившись моего поведения. — Я знал заранее, что ты будешь польщен.

— Да, да, я польщен, — пробормотал я, вытирая нос. — И я вовсе не рыдаю. Просто эти ай-ай довели меня до лихорадки. Особенно детеныши.

— Он правду говорит, — согласилась Ли. — Столько возни с ними!

Нас заинтересовало, как детеныш будет возвращаться к матери. Члены семьи воссоединились, похоже, без всяких эмоций, как будто ничто их и не разлучало. После беглого осмотра клетки детеныш полез к мамочке утолять жажду. А проголодался он, надо думать, здорово, судя по тому, сколько он пробыл один. Мы устроили торжественный завтрак и решили называть вновь пойманную самку Джульеттой — в честь... поймавшего ее Жулиана.

Как обычно, мы чуть до драки не дошли, споря, как назвать маленького принца. Впрочем, когда Кью предложил назвать его Сэром Блоксэм, предложение было принято единогласно.

Теперь у нас было уже четыре животных при квоте в шесть. Верити в счет не шел: мы должны были вернуть его Ролану, чтобы тот выпустил его на своем острове. Все животные питались хорошо, а детеныши вели себя так, будто родились в неволе. Теперь, когда у нас оказалось столько экземпляров, наблюдать за поведением каждого из них стало сплошным удовольствием, и особенно — за самыми разнообразными приемами использования третьего, «магического пальца». Когда животное осваивается с окружающим пространством, этот чувствительный орган постоянно находится в деле.

Еще в 1859 году Сэндвит скрупулезно описал поведение ай-ай:

«Выставив вперед уши и прислонив нос вплотную к коре, он быстро ощупывает поверхность своим необычным вторым (так у Сэндвита. — *Примеч. Дж. Даррелла*) пальцем, точно так же, как дятел исследует кору дерева, но с гораздо меньшим шумом, время от времени запуская свой тонкий палец в червоточины, так же, как хирург исследует тело больного зондом... Я наблюдал эти процедуры с неослабным интересом и был поражен, сколь блестяще это создание использует свои способности, в особенности обостренный слух, позволяющий определять различные звуки, доносящиеся из толщи дерева... а также удивительно развитое обоняние... и конечно же, необыкновенно тонкий палец, какого нет ни у одного друго-

го животного; он используется то как стетоскоп, то как зонд, то как ложечка».

Наша подруга Рене Уинн, знакомя меня с ай-ай, рассказала, что зверьки «исследуют» кокосовые орехи, стараясь определить глубину залегания в них молока, чтобы точно знать, в какой точке лучше прогрызть дыру. Она поведала нам еще вот какую любопытнейшую деталь. В меню ай-ай входил, помимо всего прочего, довольно густой сладкий крем, подаваемый на обыкновенных плоских пластмассовых тарелках. Как же поступали животные? Они переворачивали тарелки, прогрызали в дне дыры и с помощью пальца доставали из них крем. Похоже, ай-ай и попятия не имели, как это можно есть крем просто так, с блюда, — для полного удовлетворения своих гастрономических наклонностей его необходимо было есть через дырку.

Совсем недавно с небольшой колонией этих животных, содержащейся в упомянутом мной выше Дьюкском университете в США, были проведены замечательные эксперименты под руководством профессора Эриксона с целью выяснить, как ай-ай находит насекомых себе на корм. В двух словах: Эриксон предлагал вниманию ай-ай коряги, в которых были высверлены дыры — одни пустые, другие наполненные накрошенными мучными червями, а третьи — живыми червями. Дыры были самых разных конфигураций, причем иные высверлены так, что доискаться до их содержимого глазами и нюхом было невозможно. Глубина отверстий, высверливаемых в толще дерева, также была различна. Из этих экспериментов Эриксон сделал следующие выводы:

«Хотя зрение и обоняние могут играть свою роль в обнаружении и извлечении из толщи дерева личинок насекомых, наши исследования позволяют предположить, что обнаружение ай-ай ходов таковых личинок в значительной мере зависит от постукивания... Ушные раковины ай-ай больше (пропорционально телу), чем у любых других лемуroidов, и весьма вероятно, что этот вид обладает исключительной способностью слышать звуки, издаваемые личинкой при движении, а также возникающие как реакция на постукивание... Эти исследования позволили выдвинуть предположение, что названный примат, подобно некоторым видам летучих мышей, использует эхолокацию при отслеживании добычи. Тем не менее процесс постукивания, видимо, играет в добывании пищи большую роль, нежели ушные раковины. Как указывает Сэндвит, процесс постукивания происходит необыкновенно тонко. Возможно, повышенное кожное осязание третьего пальца позволяет неведомым образом распознавать различия в вибрациях поверхности. Возможно, дело в незначительной массе третье-

Д

го пальца — он резонирует с вибрацией поверхности без значительного уменьшения амплитуды колебаний. Возможно, постукивание само побуждает добычу производить движения, позволяющие ай-ай обнаружить ее по звуку».

Поиску добычи методом постукивания Эриксон дает весьма очаровательное название «percussive foraging», что можно передать приблизительно так: «как постучишь, так и полопаешь».

Еще столько предстоит узнать об этом диковинном животном, что кто знает, какие необыкновенные секреты «магического пальца» ай-ай откроются нам. Вдруг сыщутся доказательства, что «магический палец» наделен волшебством в гораздо большей степени, чем предполагают мальгашские колдуны. Независимо от того, что здесь играет главную роль — эхолокация или фантастическая способность к осязанию, — налицо доказательства, насколько Природа мудрее человека.

* * *

На следующий день Джон, Кью и Жулиан, по обыкновению, отправились осматривать гнезда и почти сразу же вернулись, неся крупного самца ай-ай с физиономией кулачного бойца. Неудивительно, что он был так уязвлен: как же, ни с того ни с сего нарушили его покой и бесцеремонно засадили в клетку на потеху двуногим тварям! Мы окрестили нового пленника Патрисом в честь другого нашего ловца, но за свое поведение он вскоре заслужил и прозвище — Бандюга...

В этот вечер, еще до того, как ему подали еду, он со страшным хрюканьем и шмыганьем принялся скрупулезно исследовать клетку и все протестировал на твердость. Каждый прут в клетке был опробован на вкус; качество дерева, из которого был изготовлен ящик, куда его потом пересадили, было изучено с особым тщанием и сопровождалось изрядным фырканьем. Пообедав, он внимательно обозрел миски и разбросал их по клетке — очевидно, с целью испытать на прочность. А уж трескал Патрис, особенно сахарный тростник и кокосовый орех, с таким шумом, что его не пустили бы ни в один приличный салон. Мы решили, что такое поведение вовсе не обязательно вызвано его стремлением к побегу: вполне вероятно, его хулиганство и буйство явились ответом на действия людей, которые считают, что до собеседника ничего не дойдет, если не стукнуть по столу и не наорать. Впрочем, буйный нрав этого создания настолько беспокоил его собратьев, что пришлось задвинуть ящик с Патрисом в самый дальний угол домика для животных, откуда его буйная натура не могла столь пагубно проявляться. Интересно: он таким родился или стал с годами, и по-

чему с таким скандальным стремлением привлечь к себе внимание он не навлек на себя удар меткого мачете? Известно ведь: чем тише жить, тем больше шансов выжить, а привлекать к себе внимание — значит постоянно заигрывать со смертью.

* * *

Теперь в нашем распоряжении было пять из шести дозволенных нам животных. Осталось поймать еще одного взрослого самца — и задача выполнена. Мне просто не верилось, что мы почти достигли цели и, более того, уложились в лимит времени, который сами себе отвели. Коли так, настало время созывать военный совет.

После прибытия в Мананару по костоломной дороге из Таны мы единогласно решили, что если добудем ай-ай и повезем их обратно по такой чудовищной трассе, то неминуемо растрясем их. Единственной альтернативой было отправить их воздушным путем. В Мананаре имелась крохотная взлетная полоса, а самолет из столицы летал трижды в неделю. Впрочем, «самолет» сказано с большой натяжкой: это была этажерка времен чуть ли не Первой мировой войны. На такой летал еще Блерио.

Те, кто посещает зоопарки и любуется различными видами экзотических животных, наверняка не задаются вопросом, а какого труда стоило их привезти? Мы, например, когда покидаем Джерси, никогда не знаем, добудем ли животных или же вернемся с пустыми руками. Теперь ситуация была такова: при минимальном шансе, что мы отловим еще одного ай-ай, клетки нуждались в дополнительном укреплении, потому что на нашу голову свалился зверь, который, судя по всему, смог бы прогрызть себе ход из тюрьмы Синг-Синг. А так как процесс доведения клеток до совершенства весьма долг, то самым правильным было отправить животных на Джерси как можно скорее.

Первым делом следовало переправить зверей из Мананары в Тану и известить Джерси, что мы возвращаемся с добычей. Наши клетки не помещались в этажерку времен Первой мировой войны, а полагаться на случайные коммерческие рейсы не хотелось. Посему мы решили, что будет лучше всего, если мы с Ли полетим в Тану, свяжемся с Джерси и найдем самолет.

Настало время расставания. И мне, и Ли было грустно. Особенно мне — я сросся с этим милым лагерем душой и сердцем, и единственное, что отравило пребывание тут, так это моя неподвижность. Нам казалось, что мы оставляем здесь целую жизнь: паромщика с его скандальными новостями, заменявшими газету; девушку с ведром и с ее песнями; других величавых леди, приходивших сюда стирать и мыть посуду; купаясь голышом, они

Д

все смелее и смелее приближались к нашей компании — мол, наша сестра мальгашка да и наш брат мальгаш сложены ничуть не хуже любого вазаха; прозрачный зов шпорцевых кукушек, растворявшийся на рассвете дня; детишек, с радостными лицами приносивших личинок для наших драгоценных животных и с гордостью принимавших плату в виде мелких монет и конфет; мы будем помнить, как к нам пришел мальчик с четырехлетней сестренкой и принес тщательно завернутую в листок крошечную личинку. Мы вознаградили его большой, но дурно раскрашенной конфетой и заметили, как он откусил лишь кусочек, а остальное отдал сестренке; группу детей, которым мы дали полбутылки лимонаду — они передавали ее по кругу, отпивая по крошечному глоточку, пока бутылка не опустела. Все они вошли в нашу жизнь — даже петушиный командир со своими курами и треклятые утятушки-ребятушки — они стали нашими друзьями и раздробили жизнь. Жаль, что так недолго!

Верный Марк рыдал, как и две наши прекрасные леди. И даже изрядная куча жестянок, коробок и бутылок, которые им предстояло распределить среди своих ближайших и дражайших родственников и друзей, не могла облегчить их страданий. Мы ехали через деревню, махали на прощание местным жителям, и они махали нам в ответ; мы же старались в последний раз надышаться экзотическим ароматом, в котором перемешались пряный запах гвоздики, сладкий запах ванили, гостеприимные запахи, доносящиеся с кухни, и тонкий, едва различимый аромат солнечных лучей, играющих на листьях. Под деревом личи, красным от плодов, лежали три зебу, принимая, как говорил Капитан Боб, теневые ванны. У теплого шелкового бока одного из них спал шестилетний пастушонок с хлыстом, как с рыцарским мечом Эскалибуром, в детской ручонке.

* * *

Мы добрались до города и заехали в отельчик, чтобы пропустить по стаканчику и попрощаться с хозяйкой. Там по-прежнему раздавался стук молоточков, облагораживавших хрусталь, и, собираясь в аэропорт, я утонул горсточку кристаллов. В то же утро перед выездом из лагеря я, словно опьяненная любовью дева викторианской эпохи, сорвал несколько листьев самых причудливых форм с деревьев, что росли вокруг нашей палатки, и заложил их между страницами своего дневника, который не слишком-то аккуратно вел. Правда, где-то по дороге между Мадагаскаром и Джерси все они вывалились и затерялись. Как это произошло — непонятно.

Мы прибыли к взлетной полосе как раз ко времени посадки самолета. Забравшись внутрь и оглядев нашу воздушную колымагу, мы единодушно пришли к мнению, что сие транспортное средство было сконструировано в

минуту душевной невзгоды Белоснежкой для семерых гномов. Мы вдавились в миниатюрные кресла, поставленные столь тесно, что колени наши оказались крепко прижаты к спинкам впереди стоящих кресел. Не очень-то удобно, скажем прямо. Самолет был рассчитан на шестнадцать пассажиров, и то при условии, что они набьются, как сардинки в жестянку.

Перед полетом нам вручили роскошно отпечатанную листовку с заволаживающим заглавием «Fepetra Rahatra Doza» — «Для вашей безопасности». На ней был изображен план самолета с указанием всех запасных выходов; но боюсь, что, коль скоро мы сидели в тесноте и в большой обиде, никто из нас попросту не смог бы воспользоваться ни одним из них. Затем следовала привлекательная картинка с разъяснением, как поступать в экстренных случаях, — оказывается, нужно наклониться вперед и поместить голову между колен. Трюк, который в этих условиях не смог бы проделать никто, будь он хоть самым гуттаперчевым мальчиком.

Хуже было следующее. В листовке указывалось, что под каждым креслом имеется спасательный жилет. Я не поленился и внимательно поискал под всеми креслами, в том числе и под своим собственным. Ни под одним из них спасательного жилета не было. В ходе дальнейшего исследования я нашел-таки жилет за спинкой кресла; он был упакован в пакет из такого полиэтилена, разорвать который можно было бы только секирой. Что до стройной, веселой и романтической девушки с листовки, то она, надо думать, способна не только вытащить жилет из пакета, но и надеть его в рекордно короткое время и, словно элегантная ласточка, нырнуть в Индийский океан, когда самолет столкнется с водной поверхностью.

Я тщательно изучил весь сценарий и пришел к огорчительному выводу, что в нем явно недостает здравого смысла. В экстренном случае мы должны поместить голову между колен. Насколько вам это удастся, зависит от размеров вашего черепа. В случае аварии найти пассажиров с выдающимися умственными способностями будет совсем легко — они будут жутко вопить от боли, тогда как те, кто ближе к неандертальцам, будут лишь ворчать от неудобства.

Но вот вам удалось занять позицию по инструкции. Представьте теперь, что пилот сообщает вам, что самолет падает не на сушу, а в море. Тогда непременно начнется паника. Вам нужно будет вывернуться из положения, которое занимает плод в утробе матери, и надеть жилет. Менее наблюдательные пассажиры, конечно, полезут под кресла и, не найдя ничего, завоют от безнадежности в ожидании Страшного суда. Но предположим, они таки найдут жилеты и, передавая друг другу швейцарский кинжал, вскроют пакеты. Очевидно, что в такой тесноте надеть жилеты сразу всем не удастся. Как же быть? Женщины и дети — первыми!

Д

Но, пока мы все наденем жилеты, самолет успеет погрузиться этак футов на пять под воду, полную акул. Не думаю, чтобы в этом случае лучшим средством спасения стала листовка *Feretra Rahatra Doza*. Я закрыл глаза, и когда ненадежный, как бабочка, аэроплан оторвался от земли, я старался не думать об изъянах его механики.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ЗВЕРЬ С МАГИЧЕСКИМ ПАЛЬЦЕМ СОВЕРШАЕТ ПЕРЕЛЕТ

Тем не менее мы вернулись в Тану без приключений и, желая вознаградить себя за долгую и вынужденную сардино-тушеночную диету, заказали в отеле «Кольбер» великолепный ужин — начали с устриц, по две дюжины на каждого, а закончили сливочной меренгой с отличным местным сыром. Насытившись, как питоны, погулявшие в крольчатнике, мы отправились к себе в номер, а Ли села на телефон и факс: нужно было связаться со множеством людей, чтобы согласовать действия. Когда вы смотрите в зоопарке на животное, хоть минуту подумайте о человеке, который его туда доставил. То, что бремя коммуникаций пало на Ли, объясняется ее блестящим знанием французского; я как-то попытался поговорить с моими французскими друзьями на их родном языке, но они сказали, что мой французский похож на мычание испанской коровы, — что может быть оскорбительнее для англичанина, уверенного, что его владение французским не оставляет желать лучшего?

Позвольте перечислить, сколько всего предстояло сделать. Прежде всего нужно было послать факс нашему директору зоопарка Джереми Моллинсону, в котором надлежало поярче расписать наш успех, а также сообщить во всех мельчайших деталях о том, что любит и чего не любит каждый ай-ай и вдобавок что необходимо для всей нашей коллекции — от кроющих лемуру до прыгающих крыс — и чего следует опасаться. Во-вторых, мы готовились сделать десять тысяч телефонных звонков в попытках нанять небольшой грузовой самолет: разумеется, мы не собирались разоряться на что-нибудь вроде «Конкорда», даже если бы этот последний и смог приземлиться на площадку чуть побольше детского носового платка.

Как ни странно, найти самолет не составило никакого труда. И в нашу жизнь вторглась математика. Во-первых, нужно было сторговаться о сум-

ме в мальгашских франках, не выпуская из головы, сколько у нас осталось английских фунтов. Кроме того, нужно было пересчитать в метрических единицах размеры и вес клеток, которые у нас были тщательно записаны в дюймах и фунтах. С тех пор как в восьмилетнем возрасте при прибавлении пяти к четырем я умудрился получить фантастическую сумму двадцать восемь, я считаю себя непризнанным математическим гением. Но Ли, отвергнув мои претензии на звание несостоявшегося Эйнштейна, отравила меня прогуляться по рынку зума, сказав, что с ее женской смекалкой будет куда проще разделаться с этими проблемами.

Теперь нас беспокоил график полета. Вылет пришелся на пик сезона сбора личи (фруктов, которые я обожал, но с того момента возненавидел), когда все самолеты были задействованы в перевозке этих плодов, и выкроить окно для перевозки Кью с его драгоценным грузом оказалось трудновато. А ведь так важно, чтобы рейс самолета совпал с международным! В придачу к этой трудности добавилась еще одна: найти водителя, потому как даже такой мастер на все руки, как Джон, не смог бы переправить в Тану сразу две «Тойоты» по таким чудовищным дорогам. И снова на нашем пути встали проклятые личи — все лучшие водители были заняты перевозкой этих редкостных и деликатесных плодов. В конце концов нам таки удалось нанять водителя, у которого нашлось на нас время.

Теперь в затылок дышала еще одна проблема. Надо было известить Джона и Кью, что нам удалось нанять самолет, и сообщить точное время его прилета в Мананару, чтобы к тому моменту они подготовили ай-ай (до сих пор проживавших в просторных клетках) к перелету в Тану и пересадили их в специальные клетки. Задача эта потребует времени, так что чем скорее Кью и Джон узнают, тем лучше. Имелось три способа передать им эту новость: по почте, по радио в офисе Ролана или же с кем-нибудь, кто полетит в Мананару. Поскольку телефонная связь на Мадагаскаре устроена еще приснопамятным Мао Цзэдуном, она действовала так же надежно, как и замки в мадагаскарских отелях. Таким образом, мы решили не рисковать и послали сообщение по всем каналам сразу.

Этим вечером я попытался вдохнуть жизнь в свою измотанную супругу, которая сидела на телефоне с восьми утра. Я заказал еще один роскошный пир с устрицами. В одной из них она наткнулась на что-то: думала, жемчужина, а когда раскрыла, оказалась измятая долька чеснока. Когда я обратил внимание официанта на сей весьма странный симбиоз, он кивнул, одарил меня ослепительной улыбкой, будто поздравлял с находкой, сказал: «Да, месье», наполнил мой стакан и ушел. Очевидно, его житейская философия не позволяла ему понять, чем это я мог быть недоволен.

* * *

Д Среди всей вышеописанной суеты меня настиг неожиданный удар: я получил известие о смерти старшего брата. Он всегда был моим наставником, и именно он вдохновил меня на писания. В тот момент мне нечем было утешить его вдову, многочисленных бывших жен и единственную дочь, кроме разве что сообщением приблизительной даты прилета на Джерси. Впрочем, скорбные новости были слегка смягчены известием о том, что Микки, которому был поставлен диагноз церебральной малярии, после критического периода в Тане был в конце концов отправлен на Джерси и находится на пути к выздоровлению.

А положение его действительно было критическим. Когда телегруппа доставила Микки в Тану, он метался в бреду. Ему сделали переливание крови и поставили капельницу, которую он постоянно сбрасывал, а мадагаскарские нянечки решили, что Микки слишком для них силен, и потому ухаживать за ним взялись Тим и Капитан Боб — они держали его за руки и за ноги, когда он становился особенно буйным и угрожал сбросить с себя целительный инструмент, без которого бы не выжил. И как радостно было узнать, что нашему милому и доброму другу становится лучше! Кроме всего прочего, это дало мне повод откупорить бутылку шампанского — выпить за упокой моего брата (этот жест он наверняка оценил бы!) и за выздоровление Майка.

* * *

События развивались во все ускоряющемся темпе. Самолет найден, водитель тоже, и теперь Ли пришлось вступить в борьбу с бюрократией, чтобы выпарапать из соответствующего министерства все необходимые разрешения на вывоз. Джентльмен, ведающий выдачей таких разрешений, похоже, постоянно отсутствовал. Когда же мы наконец ворвались в его логово, то первое, что заметили, — толстенный слой пыли на телефоне. Может быть, ему надоело, что его рвут на части, и он просто перестал брать трубку, а может быть, и сам телефон стоял здесь только для того, чтобы произвести впечатление на посетителя. В Аргентине и Парагвае я сталкивался с тем, что к чиновнику нет смысла обращаться, пока на стол к нему не ляжет солидная бумага, скрепленная по меньшей мере двумя десятками весомых печатей. Она ему совершенно не нужна, но, пока ты за ней бегаешь, он придумывает новые способы обструкции.

Но вот разрешения получены, теперь нужно получить самую важную подпись — Конвенции о торговле угрожаемыми видами¹ (CITES). Эта

¹ Полное название: Конвенция о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения. (Примеч. ред.)

Конвенция, хотя и не лишена многочисленных лазеек, — важный шаг на пути пресечения нелегальной торговли и перевозки редких видов диких животных, растений и продуктов из них. Оборот торговли дикими видами составляет миллиарды долларов в год. Под «дикими видами» понимается все — от орхидей до слонов. Значительная часть этой торговли нелегальна, потому что животные и растения, которыми ведется торговля, находятся на грани исчезновения. Тем любителям животных, которые плачутся о судьбе зверей в зоопарках и протестуют против разведения редких видов в условиях неволи, я советовал бы обратить внимание на реальное положение вещей. В 1980—1981 годах только через амстердамский аэропорт прошло свыше тридцати трех тысяч пойманных в дикой природе попугаев. Большая часть из них погибла в пути или вскоре по прибытии, потому что из экономии их везли, как когда-то возили африканских рабов. Те, что выжили, продавались «любителям птиц» в различных частях света.

Япония и Гонконг сметают с лица земли последних слонов, перерабатывая их бивни (которые куда как элегантнее смотрятся на самом слоне) в резные финтифлюшки. Точно так же в великолепные шкуры леопарда, ягуара, снежного барса и других им подобных бездумные женщины запаковывают свои по большей части безобразные тела. Хотел бы я знать, с каким чувством они будут покупать шубки, если узнают, что пойманных животных убивают средневековым изуверским способом — протыканием раскаленным прутом сквозь задний проход, чтобы не портить шкуру.

В отчаянной попытке сохранить гибнущие виды — от кактусов до крокодилов — сто тринадцать стран подписали CITES. Правда, в настоящий момент подписание Конвенции — скорее жест доброй воли, и страна, не подписавшая Конвенцию, ответственности за то не несет. Но даже это является позитивным началом. Значительным препятствием на пути эффективной работы Конвенции является то, что таможенники — не биологи и от них нельзя ждать умения отличить лягушку с желтыми пятнами по зеленому фону (торговля которой разрешена) от лягушки с желтыми пятнами по пурпурному фону (торговля которой под запретом). Но несмотря на то, что зоология и ботаника у таможенных чиновников здорово хромают, им все же удалось пресечь ряд крупных случаев контрабанды (например, попытку провоза семидесяти редкостных черепах, которые были потом помещены в террариум в ожидании, пока мы подберем им достойных хозяев). Есть надежда, что CITES, при всех ее недостатках, сможет положить начало контролю и последующему устранению жестокой и опустошительной торговли живыми созданиями.

* * *

ДНаконец бюрократическая писанина была закончена, и нам оставалось спокойно ждать прилета в Тану Кью с нашими ай-ай. В ожидании у взлетной полосы мы раздумывали, какие еще козни могла заготовить судьба: Джон и Кью не получили наших сообщений и только сейчас, в данный момент, пытаются пересадить отчаянно сопротивляющихся ай-ай в клетки для перевозки; самолет вообще не вылетел, а если и вылетел, то прибудет пустой; а если он вылетел не пустой, а с нашими дорогими зверюшками на борту, то грохнулся ко всем чертям где-нибудь в центральном Мадагаскаре. Ну а если даже ни одно из этих зловещих пророчеств не сбудется, явится ли самолет вовремя, чтобы состыковаться с международным рейсом? Рано поутру мы были шокированы сообщением, что грузовой отсек на самолетах компании «Эйр-Мадагаскар» не загерметизирован, а температура за бортом снижается до четырех градусов по Цельсию. Мы в панике бросились на рынок и накупили кучу дешевеньких одеялец, чтобы было чем укутать клетки, а когда вернулись в аэропорт, узнали, что нас дезинформировали. Так мы стали владельцами крупного склада ненужных одеял.

Неудивительно, что нервы наши были на пределе, когда долгожданный самолет наконец сел и подрулил к нам. Вот показался Кью, как всегда с загадочной миной на лице, и мы уже были готовы услышать, что накануне ночью все ай-ай удрали на свободу. Вместо этого он сообщил потрясающую новость, что после нашего с Ли отъезда он поймал еще двух ай-ай — самца и самку. Таким образом, у нас в распоряжении оказалась не только полная квота животных, разрешенная правительством, но мы могли дать нашему благодетелю Ролану пару для Верити. Однако было не до дружеских похлопываний по спине и торжественных возлияний — нам предстояло пропустить животных через таможню.

* * *

Но нервотрепка на этом не кончилась, и нам пришлось пережить еще несколько тягостных моментов. Мы с ужасом обнаружили, что Кью потерял все свои деньги и дорожные чеки. Дело принимало серьезный оборот, потому что малагасийские власти тщательно берут на заметку, сколько ты привозишь наличности, и проверяют твою казну при отъезде из страны. Делается это с той целью, чтобы твердую валюту не меняли на малагасийские франки на черном рынке по более выгодному курсу. Но, слава богу, наш старый друг Бенджамен Андриамахаджа был в Тане, и притом на своем рабочем месте. Один отчаянный звонок в министерство высшего образования — и он уже в аэропорту. По нашему мнению, Бенджамен — самый

настоящий мадагаскарский мистер Фиксит¹. В какой-нибудь час личность Кью была установлена, и угрозы пожизненного заключения удалось избежать.

Конечно, неизмеримой ценностью обладала вся наша коллекция, но ай-ай возглавляли список, и мы сочли необходимым как можно быстрее переправить их на Джерси. Зоопарк Цимбазаза, где находилась остальная часть нашей коллекции, не располагал надлежащими условиями для ай-ай. Поэтому Кью выработал такой план: отвезти животных на Маврикий, покормить их там, а наутро отправить рейсом на Лондон, где их встретят Джереми и его коллеги, а сам Кью, сыграв на Маврикии роль кормилицы, вернется на Мадагаскар и поможет в отправке остальной части коллекции. Но для этого ему требовалась новая въездная виза. Осмотр его трепаного-перетрепаного паспорта показал, что в сем документе не осталось страницы, куда можно было бы поставить печать. Снова поднялась паника — а самоотверженный Бенджамен помчался на такси в британское посольство за вкладышем. Но в посольстве, которое до сего момента относилось к нам доброжелательно и помогало чем могло, нас ожидал удар под дых. Они не могли выдавать вкладыши, только целые паспорта, а чистых в данный момент не было. Оставалось надеяться, что Кью сможет получить новый паспорт на Маврикии, а въездную визу — в тамошнем консульстве Мадагаскара.

В обыденной жизни такие вопросы решаются быстро, но если у тебя на руках ценный живой груз, который нужно переправить из одной части света в другую, каждый заскок в бюрократической системе сокращает твой земной путь на порядочный срок.

Этим вечером Кью сообщил нам по телефону, что первая стадия путешествия пройдена без сучка и задоринки. Ай-ай удобно размещены и накормлены, и он сам лично примет участие в их погрузке на рейс до Лондона. На следующий день мы получили от Джереми факс, в котором он заверил нас, что зафрахтовал самолет из Лондона на Джерси да еще закупил самых деликатесных плодов в ожидании нашего груза. Потом позвонил Кью и сказал, что благополучно погрузил животных на рейс до Лондона и они выглядели весьма бодро. Теперь оставалось только молиться за то, чтобы все остальное закончилось благополучно.

* * *

На следующий день нам на помощь вновь пришел британский посол Деннис Эми. Дело было вот в чем: помогало нам столько наших друзей, столько друзей наших друзей, что поблагодарить каждого персонально просто не было возможности. Нужно было устроить отвальную пирушку.

¹ От англ. fix — устраивать, улаживать. (Примеч. ред.)

— Прекрасная мысль, — сказал Деннис. — Соберем их у меня, получится отличный междусобойчик.

Д Междусобойчик и в самом деле получился роскошный. Присутствовали почти все, кто так или иначе принимал участие в нашем деле: милая мадам Берта из министерства Бенджамена, с которой мы были знакомы вот уже свыше десяти лет, ну и, конечно же, сам Бенджамен; месье Раймон и Жорж и мадам Селестиша из Службы вод и лесов, которые выдали нам разрешение на экспедицию и были в числе первых, кто поддерживал ее; Бартоломео и его милая супруга Колетта; Мартин, Люсьенн и Оливье из Всемирного фонда природы; был и Мианта со своей непостижимой улыбкой. Вечеринка удалась на славу, но ложкой меда на этом имбирном прянике был факс от Джереми:

«Рады доложить, что все шесть ай-ай благополучно добрались до Джерси и должным образом размещены. Мина с детенышем все время полета от Лондона до Джерси ели бананы и сахарный тростник, Ален изучал окружающий мир из окошечка коробки, Джульетта свернулась, прижав к себе детеныша, таким же образом свернулся клубочком и Патрис. Первые два уже переселены из коробок в просторную «карантинную зону», ранее предназначенную для летучих мышей, и вновь принялись за еду.

Большого эффекта и радости от успеха экспедиции Даррелла трудно было ожидать.

ВСЕМ УЧАСТНИКАМ — НАШИ СЕРДЕЧНЫЕ ПОЗДРАВЛЕНИЯ!»

* * *

Сердце кровью обливалось при мысли, что покидаю Мадагаскар — место, полное самых необычных форм жизни, остров, который мы полюбили всей душой и надеялись, что еще поможем ему в будущем. Ли и Кью пересаживали в корзины наших кротких лемуру; операция прошла без приключений (бегство животного в последнюю минуту перед отлетом мигом посеребрит вам шевелюру). Пока они занимались этим, мы с Джоном перевозили оборудование в аэропорт для отправки на Маврикий.

Поскольку день был промозглым и дождливым, я решил надеть рыбацью куртку, в которой проходил всю экспедицию; в ожидании объявления посадки на наш рейс я порылся в кармане и обнаружил два клочка бумаги. Один оказался квитанцией, которую нужно было заполнить для поселения в отельчике в Мурундаве. Этот бюрократический абсурд процветает повсюду в мире, и я подумал: хорошо бы соорудить такой гигантский крематорий (по проекту Кафки, что ли), в котором в назидание человечеству, никак не желающему расстаться со своей глупостью, воспалялись бы и рассыпались в прах все эти никчемные бумажки.

Но эту я решил сохранить, потому что один из значившихся в ней вопросов заинтриговал меня. Анкета приезжающего выглядела так:

1. Удостоверяю, что я мистер (мадам, мисс).
2. Паспорт, водительское удостоверение.
3. (Ненужное зачеркнуть).

Боюсь, что, когда настанет час отправляться на покой, я так и не буду знать — попадаю ли я под графу «ненужное зачеркнуть» или нет.

На другом клочке бумаги было нарисовано что-то вроде потерпевшего аварию самолета с аварийным трапом, на котором сидела улыбающаяся леди и показывала, как надо выбираться в случае аварии. Судя по тому, с каким хладнокровием она это демонстрировала, можно было подумать, что для нее это обычное дело, потому как самолеты здесь бьются, точно тарелки. Под заголовком на французском был дан такой невероятный перевод: «Сядь дроздом и выкатывайся вперед ногами!»

Я специально сохранил эту бумажку, чтобы показать в Королевском обществе по охране птиц — что они об этом думают. «Эти две бумаженции будут хорошим сувениром», — подумал я, когда мы сели в самолет, летевший с Мадагаскара на Маврикий.

* * *

Мы с Ли решили задержаться на несколько дней на Маврикии, чтобы посмотреть, как обстоят дела с одним из наших природоохранных проектов, который успешно осуществлялся вот уже пятнадцать лет. Нас встретил наш долговязый маврикийский друг Карл Джонс — с копной темных волос, похожих на пучки разросшихся водорослей, искрометными глазами, широкой теплой улыбкой, как у милой куклы из кукольного театра, и голосом с диапазоном от густого баса до писка новорожденной летучей мыши.

— Так вы приехали посмотреть, как у нас все устроилось? — сказал он. — Бросьте к черту ваших дохлых лемуров! Посмотрите лучше на наших прекрасных птиц. Вот это я понимаю! Не то что какие-то жалкие лемуры... Уф! Видел я ваших ай-ай — право, жуткие создания! Да вы на них и глядеть не захотите после маврикийской пустельги. Не занимайтесь глупостями!

— Слушай, — твердо сказала Ли, — если ты еще раз оскорбишь наших ай-ай, я возьму у Джерри палку и отделаю тебя так, что всю жизнь будешь пищать фальцетом, как летучая мышь.

Карл любит изображать из себя чудака. Это ему удается с блеском, но до некоторых из его предшественников зоологов ему в этом отношении еще расти и расти. Например, Буклэнд приготовил пирог из мяса носорога,

Д

издохшего в Лондонском зоопарке, и взял этот пирог с носорожатиной с собой на север Англии, где выступал с циклом лекций «для рабочих масс». Уотертон, подцепивший в Гвиане песчаных блох, тем не менее оставил их у себя под кожей, чтобы выяснить, на каком этапе долгого, медленного пути назад в Англию снижение температуры их убьет. Карлу надо отдать должное: когда полезешь к нему в холодильник за пивом, никогда не знаешь, что оттуда вывалится: тушка дельфиненка или связка дохлых мангустов. И все-таки куда ему до Буклэнда, который при помощи блоков и веревок поднимал труп бенгальского тигра к себе в мезонин, чтобы снять с него шкуру.

Наша пятнадцатилетняя дружба с Маскаренскими островами началась, еще когда я выбрал остров Маврикий для отпуска. А с этим островом нас связывает вот еще что: своей эмблемой мы выбрали диковинную птицу додо, открытую на Маврикии в 1599 году и исчезнувшую в 1693 году, — она стала для нас символом того, что творит человек с дикой природой. Однако когда я высадился на Маврикии, то обнаружил, что там имелись и другие виды, готовые последовать за додо. Такая участь ожидала, например, маврикийскую пустельгу, оказавшуюся под угрозой из-за вырубки лесов, где она селилась, и распространения инсектицидов. В мире известно только четыре особи этой птицы. Число великолепных розовых голубей упало до двадцати. На острове Родригес, также относящемся к Государству Маврикий, — родина великолепных золотых крыланов, которых осталось только сто двадцать. На острове Круглом, в непосредственной близости от острова Маврикий, местные уникальные популяции растений и рептилий оказались под ударом из-за расплодившихся там кроликов и коз, завезенных в начале XIX столетия.

Становилось ясно, что маврикийская флора и фауна остро нуждаются в помощи. Международный совет по охране птиц предпринял попытку создания питомника для разведения в неволе пустельги и голубя, которая, по несчастью, кончилась неудачей. Что же касается крыланов с острова Родригес и редкостной фауны Круглого, то тут вообще никто ничего не предпринимал. Мои каникулы оказались наполненными работой.

С согласия и при поддержке правительства Маврикия мы отловили небольшую колонию крыланов и три группы рептилий с острова Круглый для перевозки на Джерси и разведения их там в неволе. Одновременно мы с маврикийским правительством энергично взялись за очистку Круглого от кроликов и коз и в конце концов добились успеха при помощи Новозеландского совета по охране природы, поднаторевшего в очистке островов от нежелательных видов, а также — хотите верьте, хотите нет — Австралийского военного флота, предоставившего вертолет для высадки нашей

команды с оборудованием на остров. Одновременно с этим мы достигли соглашения с Международным советом по охране птиц относительно проблемы голубя и пустельги, хотя казалось, что надежды на спасение этих видов немного.

В деле охраны природы главным лозунгом должно быть: никогда не говори, что вид при смерти. Мы отловили некоторое количество голубей; половину оставили на правительственной станции разведения на Блэк-Ривер на Маврикии, а остальных отправили на Джерси. С этими голубями пришлось выдержать жаркий бой, но в конце концов мы раскрыли тайну их питания и достигли желаемого успеха. Теперь в результате совместных усилий по разведению в неволе на Маврикии и на Джерси популяция голубей возросла с первоначальных двадцати птиц, обнаруженных нами на воле, до ста пятидесяти в неволе. Хотя наиболее крупные питомники по разведению находятся на Маврикии и на Джерси, мы основали для страховки небольшие колонии в зоопарках Англии и Америки. Однако мы не считаем свою задачу выполненной, так как недостаточное количество первоначального генофонда может вызвать серьезные проблемы в будущем. Но по крайней мере мы можем сказать, что вывели достаточное для экспериментов количество птиц. Попытка спасти вид, число особей которого не превышает двадцати, — сложная задача, подобная ходьбе по канату.

Ситуация с пустельгами была еще серьезнее — там вообще осталось только четыре особи. Карл ждал своего шанса и, как только увидел, что одна пара отложила яйца, собрал их и отнес в авиарий на Блэк-Ривер. (Эта операция отнюдь не столь безответственна, как кажется на первый взгляд: можно быть почти уверенным, что птицы снесут еще.) В Блэк-Ривер содержались европейские пустельги, которым была уготована роль приемных родителей, как только из драгоценных яиц вылупятся птенцы (в случае необходимости Карл был готов кормить птенцов из рук). Это было только начало блестящей работы Карла с пустельгами, получившей всестороннюю поддержку Американского фонда по спасению соколов. Именно Карлу этот вид был обязан спасением от полного уничтожения. Используя старинную технику, применявшуюся охотниками с соколами, Карл вернул в дикую природу к 1990 году сто двенадцать особей — не подвиг ли?

Когда мы прибыли с Мадагаскара на Маврикий, наши питомники, где разводились розовые голуби, пустельги и родригесские крыланы, успешно функционировали как на Джерси, так и на самом Маврикии. Клетки террариумов на Джерси были переполнены гекконами и змеями с острова Круглый, а задача избавления его от коз и кроликов была успешно решена. Теперь мне самому предстояло воочию убедиться в успехе операции.

* * *

Д

Карл повез нас в лес Макаби, который стал новым местом жительства выведенных в питомниках голубей. Некоторые были доставлены прямо из авиариев на Джерси. Маврикий — очаровательный остров с необычными, загадочными горами, похожими на декорацию для фильма, созданную Дали. Куда ни кинешь взор — всюду пышная тропическая растительность тысячи различных оттенков зеленого. Но присмотришься, и увидишь, что девяносто процентов растительности завезено из других частей света, тогда как аборигенные виды на пути к вымиранию. Непосвященный глаз туриста радуется этому блестящему изобилию флоры — цветам гибикуса размером с блюдце, красным, как заходящее солнце; розовым плащам бугенвиллеи, как бы накинутым наспех... Эти леса словно ждут Тарзана и Джейн, которые возьмутся за руки в окружении свиты преданных шимпанзе. К счастью, Маврикий еще не деградировал до последней степени.

Лес Макаби — один из последних оставшихся на Маврикии девственных лесов. Его выбрали местом выпуска голубей благодаря обширности пространства и обилию пищи. Мы подошли к небольшому палаточному лагерю, где жили служители, наблюдавшие за голубями. Каждую птицу можно идентифицировать по цветному кольцу на лапке, а некоторые снабжены еще и радиодатчиками, чтобы их легко было отыскать в густом лесу. Конечно же, за голубями усердно наблюдают, так что можно определить, кто из самцов кого выбирает себе в подруги, кто из них что ест и в каком уголке леса все это происходит.

Несмотря на житье в таких вот первобытных условиях и на то, что начальником у них был фанатично преданный делу Карл, все члены команды чувствовали себя счастливыми и получали наслаждение от своей работы. Меня всегда поражало, что люди, стремящиеся изучить и познать мир вокруг нас, пока он не исчез в пропасти небытия, вынуждены работать за ничтожное жалованье или жалкие и скудные гранты, — а ведь их нелегкий труд будет поважней многих иных: только путем познания, как действует наша планета, мы можем увидеть, что делаем неверно, и получить шанс спасти ее, а заодно и самих себя.

Когда мы сидели кружком, болтая и слушая свежие новости о ходе реализации проекта, случилось нечто восхитительное. Неожиданно захлопали крылья, и в гущу дерева в двадцати футах над нами влетел розовый голубь. К нашему удивлению, это оказался один из тех, что мы вывели на Джерси, — его узнали по кольцу. Он уселся на дерево, гордясь собой, — полногрудый, величественный, с видом праздного счастливца, свойственным всем розовым голубям, он очень походил на образчик викторианской

таксидермии, сделанный из его куда менее удачливого собрата. Разумеется, мы сообщили ему все новости о его родственниках, кои он стоически выслушал и тут же улетел подальше в лес.

Когда я поделился с Карлом своими подозрениями, что он нарочно подстроил эту сцену, он поклялся прахом знаменитого голубятника Ллойд-Джорджа, что я ошибаюсь. У меня было тепло на сердце, когда я любовался сидящей на дереве сказочной птицей — выращенной на чужбине и теперь возвращенной на свой родной остров. Вот что значат зоопарки — конечно, если это хорошие зоопарки.

* * *

На следующий день мы вылетели на правительственном вертолете на остров Круглый. Мы летели низко над изумрудно-зелеными полями сахарного тростника, каждое из которых обрамляли вулканические скалы, похожие на кучи, которые навалили гигантские слоны — если вообразить, что у слонов есть свой Гаргантюа. Миновав Маврикий и пролетая над искрящейся голубой водой, мы увидели лежащий впереди остров Крутлый, похожий на верхнюю часть панциря застрявшей на мели черепахи. Только в 1986 году мы окончательно уверились, что на острове наконец-то решена проблема кроликов и что последние остатки этой напасти наконец-то оттуда вычищены. Теперь два редких вида пальм, которые росли в безопасности в Памплемусском ботаническом саду, могли быть спокойно возвращены на историческую родину, а редкостные виды растений можно было спокойно высевать и выращивать, не опасаясь набегов прожорливых кроликов и коз.

Мы приземлились, взметнув тучу пыли, на вертолетную площадку, точнее, на единственный клочок земли, куда мог сесть вертолет. Непосвященному глазу остров показался бы большим куском терракоты и серой глины, словно взбитых огромной взбивалкой для яиц и выплеснутых на поверхность моря, как на сковородку. Площадка напоминала рисунок Доре к Дантову «Аду» в миниатюре. Однако наметанный глаз заметит, что зеленые пятна располагаются по окраинам долин и на плоских участках; для нас они были столь же веселы, сколь плещущие знамена. Под веерами пальм росли небольшие отряды их отпрысков, выстреливая зелеными листьями, словно преторианская гвардия, готовая к маршу и колонизации мрачного и раскаленного континента из вулканического туфа. Эта новая поросль породила блестящую цепную реакцию — ее облюбовали насекомые, а это значит, что будет больше корма для гекконов и ящериц, которые, став жирнее и многочисленнее, в свою очередь, послужат доброй пищей для редких удавов. Дело, в котором мы преуспели, является как бы

Д

попыткой повернуть в обратном направлении колесо, раскрученное человеческой тупостью.

Остров, некогда густо заселенный пальмами и твердыми породами деревьев, такими, как эбеновое, едва не лишился лесов из-за нашествия двух самых падких на зеленую поросль видов животных, которые почти подчистую сожрали растительный покров, оставив облысевший остров на волю ветров и дождей. То, что еще оставалось от почвенного слоя поверх вулканического туфа, сдувалось и смывалось в море. Теперь, с нашей помощью, появился шанс вылечить остров: восстановить небольшую саванну, заросшую пальмами, а возможно, и насадить твердые породы деревьев, которые расселятся по поверхности его миниатюрных гор. Конечно, потребуются долгие годы, чтобы вернуть острову первоначальный вид, но все необходимые для этого компоненты имелись и были задействованы. Так что мы с полным правом можем сказать, что с помощью правительства Маврикия и многих других людей со всех концов света наш Джерсийский трест спас уникальный остров Круглый от верной гибели. Это то, чем мы вправе гордиться, и хотя через полсотни лет не останется никого из нас — тех, кто принимал участие в спасении, — я надеюсь, что бесчисленному множеству людей доведется насладиться плодами наших достижений.

Вечером накануне нашего отъезда Карл обещал показать выпущенную на волю пустельгу, выращенную в неволе. Мы поехали к одному из многочисленных участков, где он выпускал этих своих мини-соколов. Участок представлял собой обширное плоское пространство, частью занятое под сахарный тростник, частью покрытое стерней, оставшейся от кукурузы; оно было окаймлено живописной грядой заросших лесом холмов, тянувшихся вдоль горизонта словно зеленые волны. По пастельно-голубому небу то и дело пробегали розовые облачка.

— Начинаем, — сказал Карл и подал мне довольно жалкую дохлую мышь, которую извлек из кармана. — Теперь стой и держи ее в вытянутой руке, а я позову их.

Я стоял, словно мрачная и дородная Статуя Свободы, и покорно держал мышь. Карл начал череду звуков «ко-о-о-э-э» в верхнем регистре. Так продолжалось довольно долго, и рука у меня зверски заныла.

— Вот они! — неожиданно закричал Карл.

В воздухе послышался легкий шорох, словно от крыльев ангела, мелькнуло коричневое тело, блестящий глаз, легкое прикосновение к кончикам моих пальцев — и пустельга улетела, унеся с собой мышь. Вовек не забуду, как руки коснулась птица, которой в дикой природе уцелело только четыре особи, а теперь, благодаря разведению в неволе, находившаяся на пути к возрождению. Разве забудешь, как птица, выхватив мышь из паль-

цев, унеслась в небо, точно стрела? Сияющие глаза и широкая улыбка Карла говорили о том, что он, так же как и я, был в восторге от проделанного колоссального труда.

На следующий день мы улетали в Лондон. Когда я зашел в огромный самолет, то все еще ощущал, будто ласку, прикосновение коготков птицы к моим пальцам.

* * *

Когда мы прибыли на Джерси, там стояла морозная погода, а мы были непредусмотрительно одеты в то, что носили в тропиках. Выйдя из самолета, наша компания помчалась в главное здание усадьбы и кое-как подняла температуру тел выше нуля, поглотив огромное количество солодового виски и закутавшись во все, что только можно. Но вот настал самый торжественный момент, которого все ждали с нетерпением. Мы хотели поглядеть на тех милых созданий, которых вывезли с Мадагаскара.

Мы полюбовались великолепными черепахами капидоло с блестящими панцирями и роскошными белыми усами, точно вышедшими из-под рук искусного цирюльника; затем настала очередь змей — гладких и теплых, как морские камешки; одна из них была столь откормленной, что можно было подумать, будто она позавтракала другим удавом. Мы с Кью вспомнили, как во время поисков места для лагеря (как давно это было, миллион лет назад!) одна из этих гибких красавиц пересекла облюбованную нами площадку — при полной свободе от предрассудков мы восприняли это как знак успеха. Между тем из-за высокой температуры, которая поддерживалась в террариуме, с нас уже давно катился градом пот, тем более что мы так и не сняли всего, во что закутались.

Следующий визит — к прыгающим крысам. Эти необыкновенные существа выглядели столь довольными, что, проведай о том крысы, оставшиеся в Мурундаве, они на первой же сходке единодушно постановили бы переехать сюда. Еще бы: все условия для прыганья, квартира, стол — куда там Мурундаве! Да и мух здесь поменьше. Сидят себе, и никаких тебе хлопот, какие подчас доставляют вновь пойманные животные. Я начал подозревать, что они куда умнее, чем иные лемуры, — потому-то так и привлекают к себе внимание.

Затем мы отправились посмотреть на наших озерных жителей — кротких лемурув, ныне сидящих в просторной клетке карантинного отделения. Все они выглядели отлично. Шкура — барометр их благополучия — стала еще пушистее. Эдвард очень вырос и теперь сердито поглядывал на нас. В хорошей форме была и Араминта в своей пышной шкуре, смотревшая на других свысока, точь-в-точь как ее тезка.

Наконец мы пошли к тем легендарным существам, ради которых, в сущности, и затеяли эту экспедицию, — нашему маленькому племени Зверей с Магическим Пальцем. Когда я столкнулся с ними в первый раз, то испытал такой нервный шок, такое потрясение, какого не испытывал при встрече ни с каким другим животным. И это при том, что повидал уже всех — от дельфина-косатки до колибри, от жирафа до утконоса. Теперь, когда после всех мытарств я увидел, что ай-ай (по всей видимости, осмысленно) осматривают свои клетки на Джерси и хорошо питаются, я испытал невероятное облегчение. Казалось, будто завершилось грандиозное предприятие.

Брайен Кэрролл, наш смотритель млекопитающих, открыл клетку, и к нему подбежал один из ай-ай. Брайен поднял его и протянул мне. Это был тот самый Маленький Принц, которого поймал Кью, — с огромными ушами, величественными и спокойными и в то же время любопытными глазами редкостного цвета, странными мягкими черными руками и «магическим пальцем», изогнутым, как викторианская застежка. Я подумал о тех животных, которых мы видели на Маврикии, и о том, что сделали для них. Вот бы сделать то же самое и для тех диких видов, посланцы которых приехали с нами! Если бы, с нашей помощью и с помощью других людей, удалось спасти тех, что остались на великолепном острове Мадагаскар, и вернуть к ним потомков Маленького Принца — это явилось бы хоть каким-то искуплением того, что сделал с природой человек.

...Маленький Принц поглядел на меня сияющими глазами. Его уши вертелись туда-сюда. Он понюхал мою бороду и нежно причесал ее. Затем, полный бесконечной ласки, сунул мне в ухо свой «магический палец».

КРУГ ЗАМКНУЛСЯ. НО, КАК ВСЕМ НАМ ИЗВЕСТНО, У КОЛЬЦА НЕТ КОНЦА.

СООБЩЕНИЕ

*от Фонда охраны дикой природы
Джеральда Даррелла*

Растущая колония ай-ай процветает в штаб-квартире Джерсийского зоопарка Фонда охраны дикой природы Джеральда Даррелла. Ай-ай и рептилии с Круглого острова — лишь некоторые из множества исчезающих видов, включенных в кампанию по сохранению богатого разнообразия животного мира на нашей планете, ставшую делом всей его жизни.

Эта кампания за сохранение исчезающих видов не закончилась со смертью Джеральда Даррелла в 1995 году. Его работа продолжается благодаря неустанным усилиям Фонда охраны дикой природы.

В течение ряда лет многие читатели книг Джеральда Даррелла настолько вдохновлялись его впечатлениями и видением мира, что выражали желание продолжить историю, поддерживая деятельность его фонда. Мы надеемся, что вы тоже внесете определенный вклад, потому что своими книгами и всей своей жизнью Джеральд Даррелл ставит перед нами важную задачу. «Животные составляют бессловесное и лишенное права голоса большинство, — написал он, — которое может выжить лишь с нашей помощью».

Пожалуйста, не теряйте интереса к охране природы, когда вы перевернете эту страницу. Напишите нам, и мы расскажем вам, как можно принять участие в нашей работе по спасению животных от вымирания.

Чтобы получить более подробную информацию, обращайтесь по следующим адресам:

Durrell Wildlife Conservation Trust
Les Augrès Manor
Jersey, English Channel Islands, JE3 5BP
UK

ОГЛАВЛЕНИЕ

НАТУРАЛИСТ НА МУШКЕ

Предисловие	7
Словарь терминов	11
СЕРИЯ ПЕРВАЯ	12
СЕРИЯ ВТОРАЯ	28
СЕРИЯ ТРЕТЬЯ	45
СЕРИЯ ЧЕТВЕРТАЯ	57
СЕРИЯ ПЯТАЯ	69
СЕРИЯ ШЕСТАЯ	84
СЕРИЯ СЕДЬМАЯ	97
СЕРИЯ ВОСЬМАЯ	111
СЕРИЯ ДЕВЯТАЯ	126
СЕРИЯ ДЕСЯТАЯ	143
Сообщение от Фонда охраны дикой природы Джеральда Даррелла	162

ЮБИЛЕЙ КОВЧЕГА

Предисловие Ее Королевского Высочества принцессы Анны	165
От автора	167
Предварение	168
ГЛАВА ПЕРВАЯ. Явление поместья	171
ГЛАВА ВТОРАЯ. За подаaniem по свету	192
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Попробуй сохрани...	216
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Принцип мозаики.	237
ГЛАВА ПЯТАЯ. Возврат в природную среду	257
ГЛАВА ШЕСТАЯ. Праздник зверей	277
Заключительное обращение	294
Сообщение от Фонда охраны дикой природы Джеральда Даррелла	296

МАМА НА ВЫДАНИЕ

Предварение	298
ГЛАВА ПЕРВАЯ. Эсмеральда	298
ГЛАВА ВТОРАЯ. Фред, или Краски знойного юга	314
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Отставка	327
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Мама на выданье	341
ГЛАВА ПЯТАЯ. Людвиг	365

ГЛАВА ШЕСТАЯ. Суд присяжных	388
ГЛАВА СЕДЬМАЯ. Платья мисс Бут-Уичерли	403
ГЛАВА ВОСЬМАЯ. Попугай для попа	428
Сообщение от Фонда охраны дикой природы Джеральда Даррелла	446

АЙ-АЙ И Я

Слова благодарности	449
Вместо предисловия	450
ГЛАВА ПЕРВАЯ. Исчезающее озеро	454
ГЛАВА ВТОРАЯ. Поток лемуров	468
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Интерлюдия с инифорой	482
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Прыгающие крысы и капидоло	491
ГЛАВА ПЯТАЯ. Охота начинается.	507
ГЛАВА ШЕСТАЯ. Хрустальная страна, или Погребать — так весело	522
ГЛАВА СЕДЬМАЯ. Верити вечерний	534
ГЛАВА ВОСЬМАЯ. Ученики чародея	551
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. Явление Ай-Ай.	562
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. Зверь с магическим пальцем совершает перелет	574
Сообщение от Фонда охраны дикой природы Джеральда Даррелла	589

Литературно-художественное издание

Джеральд Даррелл
НАТУРАЛИСТ НА МУШКЕ
ЮБИЛЕЙ КОВЧЕГА
МАМ НА ВЫДАНИЕ
АЙ-АЙ И Я

Ответственный редактор *Е. Басова*
Художественный редактор *Е. Савченко*
Технический редактор *Н. Носова*
Компьютерная верстка *Т. Комарова*
Корректор *Н. Сгибнева*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18, корп. 5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: Info@eksmo.ru

*По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.*

Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
109472, Москва, ул. Академика Скрябина, д. 21, этаж 2.
Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (095) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (095) 745-89-15, 780-58-34.
www.eksmo-kanc.ru e-mail: kanc@eksmo-sale.ru

**Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо» в Москве
в сети магазинов «Новый книжный»:**

Центральный магазин — Москва, Сухарева пл., 12
(м. «Сухаревская», ТЦ «Садовая галерея»). Тел. 937-85-81.
Москва, ул. Ярцевская, 25 (м. «Молодежная», ТЦ «Трамплин»). Тел. 710-72-32.
Москва, ул. Декабристов, 12 (м. «Отрадное», ТЦ «Золотой Вавилон»). Тел. 745-85-94.
Москва, ул. Профсоюзная, 61 (м. «Калужская», ТЦ «Калужский»). Тел. 727-43-16.
Информация о других магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

ООО Дистрибьюторский центр «ЭКСМО-УКРАИНА». Киев, ул. Луговая, д. 9.
Тел. (044) 531-42-54, факс 419-97-49; e-mail: sale@eksmo.com.ua

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» в Санкт-Петербурге:
РДЦ СЗКО, Санкт-Петербург, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. отдела реализации (812) 265-44-80/81/82/83.

Сеть книжных магазинов «Буквоед»:
«Книжный супермаркет» на Загородном, д. 35. Тел. (812) 312-67-34
и «Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

Сеть магазинов «Книжный клуб «СНАРК» представляет самый широкий ассортимент книг
издательства «Эксмо». Информация о магазинах и книгах в Санкт-Петербурге по тел. 050.

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» в Нижнем Новгороде:
РДЦ «Эксмо НН», г. Н. Новгород, ул. Маршала Воронова, д. 3. Тел. (8312) 72-36-70.

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» в Челябинске:
ООО «ИнтерСервис ЛТД», г. Челябинск, Свердловский тракт, д. 14. Тел. (3512) 21-35-16.

Подписано в печать с готовых диапозитивов 07.10.2004
Формат 70х100¹/₁₆. Гарнитура «Бодони»
Печать офсетная. Бум. тип. Усл. печ. л. 48,1
Тираж 5000 экз. Заказ № 5411

Отпечатано с готовых диапозитивов во ФГУП ИПК
«Ульяновский Дом печати». 432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ДЖЕРАЛЬД

DARRELL

К Джеральду Дарреллу как нельзя лучше подходит меткая английская фраза «родился с серебряной ложкой во рту». Живя в необыкновенной, дружной, любящей, счастливой и «немного» эксцентричной семье, он уже с шести лет знал, что непременно станет Зооспасателем и организует собственный зоопарк.

Как утверждала его мать, первым словом Джеральда было не «мама», а «зоо»!

Многим ли из нас удалось исполнить наши самые невероятные детские мечты...
А Дарреллу удалось!

Натуралист милостиво Божьей, блестящий литератор, неутомимый путешественник, непримиримый борец за сохранение исчезающих животных, безгранично одаренный, обязательный и жизнелюбивый человек, он изменил наш мир к лучшему уже одним своим присутствием в нем.

От него буквально веяло мудростью, терпимостью и юмором. Даррелл подарил нам свои книги, которые несут тепло его отношения ко всему живому на планете и делают всех нас добрее и внимательнее друг к другу и к тем «малым» созданиям, которые нуждаются в нашей защите и помощи. Но самой большой заслугой Даррелла остается созданный им в 1959 году на острове Джерси зоопарк и образованный на его базе Фонд сохранения диких животных, который успешно работает и по сей день и помогает спасти исчезающие виды животных по всему свету. Даррелл удостоился многих престижных наград, присужденных ему как выдающемуся писателю и исследователю. Фондом учреждена ежегодная премия имени Джеральда Даррелла за лучшие фотоснимки исчезающих видов флоры и фауны.

И как было написано в литературном приложении к газете «Times», «если бы звери, птицы и насекомые могли говорить, возможно, одной из первых своих Нобелевских премий они удостоили бы мистера Даррелла».